26000

Н. А. Каблуковъ.

Проф. Московскаго Университета.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

КУРСЪ ЛЕКЦІЙ.

Изданіе Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
МОСКВА,—1918 г.

Изданія Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.

ИСТОРІЯ, ПОЛИТ. ЭКОНОМІЯ, ПРАВО, ПУБЛИЦИСТИКА.

Каблуковъ, Н. А. Пособіе при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Каблуковъ, Н. А. Статистика. Изд. 3-е. Цѣна 6 руб.

Гефдингъ, В. Ф. Новый торговый договоръ съ Германіей. Цѣна 3 руб.

Кауфманъ, А. А. Основы статистики и экономики крестьянскаго хозяйства. Цѣна 8 руб.

Кауфманъ, А. А. Сборникъ статей. Община, переселеніе, статистика. Цѣна 3 руб.

Кауфманъ, А. А. Теорія и методы статистики (печатается 4-е изд.).

Елистратовъ, А. И. Основныя начала административнаго права. Изд. 2-е. Цѣна 5 руб.

Ивановъ, Вяч. Родное и вселенское. Цѣна 5 руб.

Познышевъ, С. В. Учебникъ русскаго уголовнаго процесса. Цѣна 2 р. 50 коп.

Познышевъ, С. В. Тюрьмовѣдѣніе. 2-е изд. Цѣна 2 руб.

Ванъ-Канъ. Экономическіе факторы преступности. Цѣна 2 р. 75 коп.

Погодинъ, А. Л. Исторія польскаго народа въ XIX вѣкѣ. Цѣна 2 р. 25 коп.

Н. Каблуковъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

(КУРСЪ ЛЕКЦІЙ).

145592

БИБЛІОТЕКА
СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

ИЗДАНІЕ
Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
Москва — 1918 г.

2-й экз

Пров. 1958
Инв. 38

МОСКВА — 1918.
Товарищество ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
Арбатская пл., Филипповскій пер., 11.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій курсъ составился изъ лекцій, читанныхъ мною въ теченіи ряда лѣтъ въ Университетѣ А. Л. Шанявскаго, а затѣмъ въ государственномъ Московскомъ Университетѣ. Отдѣльныя части его были читаны мною въ 1908 г. въ Смоленскомъ, Саратовскомъ народныхъ Университетахъ и въ Тульскомъ Обществѣ Образованія; главы I и II были напечатаны еще въ 1901 г. въ „Журналѣ для всѣхъ", а отд. 4 гл. VI въ Харьковской „энциклопедіи научныхъ и прикладныхъ знаній". Въ составъ этого курса вошло и то, что было напечатано въ видѣ отдѣльныхъ журнальныхъ статей о системѣ Тэйлора и о профессіональныхъ союзахъ. Многое изъ этого, конечно, въ общемъ систематическомъ курсѣ подлежало пересмотру, измѣненію, дополненію, сохраняя въ себѣ все основное, что было вложено въ первоначальную редакцію каждаго отдѣла. Все построеніе курса какъ при первоначальномъ чтеніи отдѣльныхъ частей его, такъ и въ настоящемъ изданіи, разсчитано на то, чтобы, не отступая отъ строго-научной почвы, сдѣлать его наиболѣе общедоступнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ популярнымъ въ изложеніи. Такой характеръ его опредѣляется тѣмъ, что въ Университетѣ теорія политической экономіи въ настоящее время читается на первомъ курсѣ, т. е. лицамъ только, что закончившимъ ученіе въ средней школѣ и не вошедшимъ еще, а только входящимъ въ тѣ области знанія и въ тѣ пріемы изслѣдованія и изученія явленій, съ которыми они имѣютъ дѣло въ Университетѣ.

Въ виду этого, а также и по существу своихъ методологическихъ воззрѣній, я считаю, что въ курсѣ по теоріи политической экономіи должно удѣлять довольно много мѣста описанію и изображенію хозяйственныхъ явленій и затѣмъ уже приступать къ объясненію ихъ и къ ознакомленію съ существующими относительно этого теоріями.

Отчасти по этимъ соображеніямъ, я не считалъ возможнымъ воздерживаться отъ указаній на тѣ или иныя непосредственныя практическія послѣдствія, къ которымъ ведутъ выводы изъ теоретическихъ положеній, на то какъ слѣдуетъ относиться къ опредѣленнымъ явленіямъ и въ чемъ должно выражаться воздѣйствіе на нихъ. Такого рода указанія обыкновенно не входятъ въ теоретическіе курсы и

относятся къ области экономической политики. Но они, по моему мнѣнію, необходимы, не только въ виду уже сказаннаго, но и для того, чтобы наиболѣе привлечь вниманіе слушателей къ тѣмъ явленіямъ, которыя изучаетъ политическая экономія и уяснить имъ значеніе ея. Задача всякой теоріи заключается въ объясненіи изучаемыхъ явленій. Останавливаясь на явленіяхъ хозяйственной жизни въ настоящее время, когда они имѣютъ, такъ сказать, особо злободневное и существенное значеніе для каждаго, разсматривая эти явленія въ свѣтѣ теоріи, и давая на ряду съ этимъ, вытекающія изъ того указанія на пріемы воздѣйствія на нихъ, мы тѣмъ самымъ даемъ наглядное представленіе о томъ, какое значеніе имѣетъ она и какое мѣсто надо отводить тѣмъ или инымъ явленіямъ въ общемъ строѣ экономическихъ отношеній. Этимъ путемъ, мы—съ одной стороны привлекаемъ наиболѣе усиленное вниманіе къ опредѣленнымъ теоретическимъ объясненіямъ, а—съ другой стороны, исходя изъ того, что жизненнымъ образомъ интересуетъ каждаго въ данный моментъ и внося это, такъ сказать, въ теоретическую лабораторію, снабжаемъ и послѣднюю новымъ матеріаломъ.

При всемъ этомъ, однако, необходимо сохранить ту безпартійность, то безпристрастіе и объективность, съ которыми неразрывно связано научное отношеніе къ предмету, что, надѣюсь, мнѣ и удалось проявить въ мѣру моихъ силъ и знаній.

Н. Каблуковъ.

Москва
Апрѣль. 1918.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. **Взаимоотношенія людей въ настоящее время при удовлетвореніи потребностей въ матеріальныхъ предметахъ** . . . . . 1—22

1) Всеобщность обмѣна 1) Раздѣленіе занятій, какъ основа общественнаго хозяйства 4. Положительныя и отрицательныя вліянія этого и вытекающее изъ того слѣдствіе 9 2) Невозможность класть въ основу хозяйственнаго развитія — борьбу классовъ населенія и общность основаній опредѣляющихъ различіе классовыхъ интересовъ 10. 3) Противорѣчія современнаго хозяйственнаго строя и направленіе хозяйственнаго развитія въ сторону установленія общественнаго хозяйства 16. 4) Положенія, вытекающія изъ всего сказаннаго 21.

II. **Взаимоотношенія людей при производствѣ и потребленіи на первобытныхъ ступеняхъ хозяйства** . . . . . 23—36

1) Общность производства и потребленія внутри первобытныхъ племенъ 23. 2) Вліяніе этого на нравы и юридическія понятія 25. 3) Возникновеніе обмѣна 28. 4) Появленіе раздѣленія труда въ производствѣ и раздѣленія занятій въ обществѣ 32. 5) Послѣдствія этого 35.

III. **Предметъ политической экономіи** . . . . . 37—46

1) Трудовая дѣятельность человѣка и понятіе хозяйства 37. 2) Понятіе блага, полезности, хозяйственнаго труда 42. 3) Знанія, необходимыя для усвоенія предмета политической экономіи 45.

IV. **Что такое производство?** . . . . . 47—49

V. **Что такое трудъ?** . . . . . 50—56

1) Въ чемъ состоитъ трудъ 50. 2) Трудъ физическій и умственный 52. Трудъ торговли 55.

VI. **Условія успѣшности труда** . . . . . 57—126

1) *Количество и составъ работающихъ* с. 57—66. Составъ работающихъ по возрасту, полу 57. Вліяніе различій этого на опредѣленіе производительности труда въ городѣ и деревнѣ 63. Вліяніе на количество труда раздѣленія занятій, устойчивости и передвиженій населенія, внѣшней обстановки труда, заболѣваемости 57. 2) *Количество рабочаго времени и распредѣленіе труда и отдыха* с. 66—70. 3) *Рабочій день* с. 70—83. I. Вліяніе величины рабочаго дня на интенсивность труда. Почему необходимъ 8 ми часовой рабочій день. Косвенныя послѣдствія введенія его 70. II Прямыя послѣдствія 8-ми часового рабочаго дня для повышенія производительности труда. Вліяніе того на введеніе техническихъ улучшеній и послѣдствія того 76. 4) *Значеніе знаній для проявленія трудовой*

дѣятельности и для полноты удовлетворенія потребностей с. 83—94. Прикладныя знанія. Значеніе чистой науки. Различіе искусства и науки. Указанія людей науки и практики 5) *О непріятности труда* 95—97. 6) *Значеніе общественнаго положенія трудящихся* с. 97 103. I. Рабство и его послѣдствія 97. II. Крѣпостной трудъ 100. 7) *Раздѣленіе труда и сотрудничество* с. 103—120. I. Основы раздѣленія труда. Его вліяніе на производительность труда. Его вредныя стороны 103. II. Раздѣленіе занятій въ обществѣ и переходъ техническаго раздѣленія труда въ раздѣленіе занятій въ обществѣ и обратно 111. III. Различіе техническаго раздѣленія труда и раздѣленія занятій въ обществѣ 114. IV. Условія чередованія занятій 116. V. Сглаживаніе различій между умственнымъ и физическимъ трудомъ 117. 8) *Система Тэйлора* с. 120 — 126. Ея общеэкономическое значеніе 120. О вліяніи другихъ факторовъ на успѣшность труда 126.

VII. Хозяйственное значеніе природныхъ условій . . . . . 127—137

1) Вліяніе климата 127. 2) Значеніе геологическаго строенія почвы, рельефа мѣстности, водныхъ пространствъ 130. 3) Воздѣйствіе человѣка на измѣненіе природныхъ условій 132.

VIII. Капиталъ . . . . . 138—187

1) *Что такое капиталъ?* с. 138—142. 2) *Составныя части капитала* с. 142—147. Капиталъ основной и оборотный, постоянный и перемѣнный. 3) *Образованіе капитала* с. 147—151. 4) *О машинахъ* с. 151—179. I. Борьба съ примѣненіемъ машинъ и причины того 151. Вліяніе примѣненія машинъ на сокращеніе спроса на трудъ 156. Вліяніе примѣненія машинъ на примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда 161. Вліяніе примѣненія машинъ на удлиненіе рабочаго дня 164. Взглядъ Д. Рикардо на послѣдствія примѣненія машинъ 167. Резюме сказаннаго о машинахъ въ предыдущемъ 169. II. Вліяніе машинъ въ дальнѣйшемъ на увеличеніе спроса на рабочую силу, на высоту заработной платы и политика рабочихъ по отношенію къ примѣненію техническихъ улучшеній въ послѣднее время. Значеніе при этомъ коллективныхъ договоровъ 170. III. Условія капиталистическаго производства, ограничивающія или задерживающія примѣненіе машинъ 176 5) *Какіе капиталы обращаются въ производствѣ* с. 179—182. 6) *О производительности капитала* с. 182—184. 7) *О возобновляемости капиталовъ* с. 185—187.

IX. Организація и формы хозяйственныхъ предпріятій. . . . . . 188—235

1) *Различныя формы промышленности и процессъ первоначальнаго выдѣленія ихъ изъ общей совокупности занятій.* С. 188—191. 2) *Кустарные промыслы.* С. 191—196. 3) *Ремесло* С. 196—199. 4) *Домашняя система крупнаго производства.* С. 199—202. 5) *Крупное производство, его преимущества и нѣкоторыя послѣдствія.* С. 202—205. 6) *Организація сельскохозяйственныхъ предпріятій.* 205—210. 7) *Системы земледѣлія.* С. 210—213. 8) *Предпринимательскія объединенія на капиталистической основѣ.* I. Акціонерныя компаніи С 213—216. II. Синдикаты и трэсты С. 216—222. 9) *Общественныя организаціи предпріятій.* I. Государственныя, земскія, городскія предпріятія. С. 223—226. II. Кооперативныя организаціи С. 226—235. Ихъ значеніе *для* преобразованія хозяйственныхъ отношеній. 231.

X. Обмѣнъ. . . . . 236—242
1) Вліяніе развитіе обмѣна на спеціализацію производства по мѣстностямъ и значеніе этого. 236. 2) Вліяніе обмѣна на умаленіе зависимости отъ мѣстныхъ условій. 240.
XI. Деньги. . . . . 243—255
1) Какъ появились деньги. Функціи денегъ. Послѣдствія появленія денегъ. Монетныя и денежныя системы. 243. 2) Бумажныя деньги. 250. Количество денегъ потребное для обращенія 252.
XII. Кредитъ. . . . . 256—266
1) *Основы и виды кредита.* С. 256—258. 2) *Кредитныя учрежденія* С. 258—264. I. Банки и ихъ операціи 258. II. Учрежденія мелкаго кредита 262. III. Значеніе кооперативныхъ учрежденій вообще. Вліяніе ихъ на проявленіе хозяйственной предпріимчивости 264.
XIII. Пути и средства сообщенія. . . . . 267—273
XIV. Торговля. . . . . 274—284
1) Связь развитія торговли съ развитіемъ промышленности 274. 2) Универсальные магазины 278. 3) Вліяніе развитія торговли на спеціализацію производства по странамъ и къ установленіе связи между отдѣльными странами 281.
XV. Цѣнность и цѣна. . . . . 285—304
Значеніе ученія о пѣнности 285. Теоріи цѣнности и ихъ анализъ. (Австрійская теорія) 287. Теорія цѣнности по труду (классическая школа) 293. Общественно необходимое трудо—время въ техническомъ и экономическомъ смыслѣ 295. Понятіе цѣны и условія опредѣляющія различіе цѣнъ и отступленія отъ цѣнности: распредѣленіе покупательныхъ средствъ, вліяніе господства капитала, отношеніе постояннаго и перемѣннаго капитала въ предпріятіи, значеніе общихъ издержекъ. 297. Примѣръ различій въ цѣнѣ въ зависимости отъ количества затраченнаго труда 303.
XVI. Распредѣленіе. . . . . 305—347
1) Общія замѣчанія С. 305—306. 2) *Заработная плата* С. 307—332. I. Условія, опредѣляющія долю продукта, получаемую рабомъ и крѣпостнымъ. Основанія, опредѣляющую долю продукта для вольнонаемнаго рабочаго и экономія низкой заработной платы. 307. II. Теоріи заработной платы. Желѣзный законъ. Теорія Мальтуса. Теорія производительности капитала. Теорія фонда заработной платы 309. III. Теорія соотношенія силъ предпринимателей и рабочихъ (соціальная теорія). Условія опредѣляющія соотношеніе этихъ силъ. Экономія высокой заработной платы 313. IV. Предѣлы, опредѣляющіе наиболѣе высокій уровень заработной платы. Фабричное законодательство 319. V. Задачи, и дѣятельность профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. Значеніе ихъ 322. VI. Причины неблагопріятнаго отношенія къ союзамъ рабочихъ со стороны предпринимателей. Число профессіональныхъ организацій рабочихъ въ Россіи 326. VII. Формы заработной платы. Связь системы Тейлора и отношенія къ ней рабочихъ и предпринимателей съ условіями опредѣляющими форму заработной платы и возможными послѣдствіями того. Безработные. Различіе заработной платы въ разныхъ отрасляхъ труда 329. 3) *Прибыль* С. 332—340 I. Теоріи прибыли австрій-

ская школа, теорія прибавочной цѣнности 332. II. Процентъ на капиталъ и предпринимательская прибыль. Причины равенства процента на капиталъ. Причины пониженія процента на капиталъ. Основная тенденція въ развитіи капиталистическихъ отношеній 337. 4) *Поземельная рента* С. 340—347. Основанія опредѣляющія доходъ отъ земли безъ различія въ ея плодородіи или положеніи 340 Дифференціальная поземельная рента 342. Отношеніе ея къ цѣнѣ продукта. Условія опредѣляющія измѣненія въ высотѣ ренты. Вліяніе спеціализаціи земледѣльческихъ культуръ 345. Монопольная рента. Продовольственная рента 346.

XVII. Промышленные кризисы . . . . . 348—359

1) Необходимость и условія правильнаго соотношенія между производствомъ и потребленіемъ. Послѣдствія отсутствія такого соотношенія въ капиталистическихъ условіяхъ производства. Періодичность промышленныхъ кризисовъ. Частныя причины кризисовъ. Два рода основныхъ причинъ, производящихъ промышленные кризисы 348. 2) Характеръ измѣненій промышленныхъ разстройствъ въ настоящее время и причины этихъ измѣненій. Распространеніе капитализма въ ширь на счетъ углубленія его. Условія созданія внутренняго рынка. Особенности сельскохозяйственныхъ кризисовъ и основанія того 355. 3) Развитіе экономическихъ отношеній въ сторону организаціи ихъ и условія, создающія такое направленіе 358.

XVIII. Методъ политической экономіи . . . . . 360—367

1) Причины, заставляющія ученія о методѣ отнести въ заключительную главу. Побужденія, руководящіе людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Необходимость ставить въ основу изученія хозяйственныхъ отношеній предположеніе объ этихъ побужденіяхъ. Необходимость для того же изученія, знакомства съ условіями, среди которыхъ проявляется хозяйственная дѣятельность людей 360. 2) Причины и условія опредѣляющія измѣняемость и неоднородность теоретическихъ построеній въ области политической экономіи. Основы выработки и установленія прочнаго основанія зданія экономической науки 364.

I. Взаимоотношенія людей въ настоящее время при удовлетвореніи потребностей въ матеріальныхъ предметахъ.

1.

Человѣкъ устроенъ такъ, что для его существованія ему требуется пища, питье, одежда, жилище и т. д. Онъ имѣетъ самыя разнообразныя потребности. Для удовлетворенія этихъ потребностей ему необходимо множество очень различныхъ вещей. Чтобы удовлетворить потребность въ пищѣ ему необходимъ хлѣбъ, овощи, молоко, яйца, мясо и т. д. Чтобы защитить себя отъ холода, непогоды опять таки нужны различные предметы, изъ которыхъ приготовляется одежда, обувь. Для устройства жилища тоже нужны дерево, камень (кирпичъ) желѣзо. Но кромѣ такихъ матеріальныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ необходимо для тѣлеснаго благополучія, у человѣка имѣется и много духовныхъ потребностей, какъ общеніе съ близкими людьми, потребность знать то или другое, религіозныя потребности. Для удовлетворенія ихъ тоже нужны матеріальные предметы: книги, перья, карандаши, церковная утварь, священные сосуды и т. д.

Всѣ эти предметы и многіе другіе нужны каждому въ самомъ разнообразномъ количествѣ и не всѣ и не всѣмъ въ одномъ и томъ же и въ одно и то же время. Но нужны они всѣмъ живущимъ въ самыхъ разнообразныхъ странахъ и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Какъ же люди получаютъ ихъ при обыкновенныхъ ежедневныхъ условіяхъ въ настоящее время? Получаются теперь эти предметы на первый взглядъ очень просто. Мы идемъ на рынокъ, въ лавку, магазинъ и покупаемъ ихъ или даже и просто намъ приносятъ или привозятъ и предлагаютъ ихъ купить, такъ что нѣтъ даже надобности идти за ними куда нибудь.

Но что это значитъ покупаемъ? Это значитъ отдаемъ за нужную намъ вещь деньги, т. е. кружки золота, серебра, мѣди или, нерѣдко

даже истрепанные куски бумаги съ особыми знаками на ней. Или же, если мы сами производимъ какой либо предметъ, хлѣбъ, напримѣръ, въ свою очередь удовлетворящій очень насущную потребность, то продаемъ его, т. е. отдаетъ его за тѣ же деньги, т. е. за тѣ же кружки металла, сами по себѣ годные развѣ для украшенія, да и то смотря по вкусу. И къ такому способу полученія вещей, необходимыхъ намъ для удовлетворенія потребностей, мы такъ привыкли, что даже не задаемъ себѣ вопроса: какъ же это происходитъ такъ, что, не приготовляя самъ никакого предмета или какой либо одинъ, каждый увѣренъ, что при обычныхъ условіяхъ получитъ и найдетъ на рынкѣ все ему необходимое и за это необходимое и самъ возьметъ такую вещь какъ деньги, которыя представляютъ собою предметы, не годные для удовлетворенія какой бы то ни было изъ перечисленныхъ выше потребностей?

Но что это значитъ быть увѣреннымъ, что я на рынкѣ найду и получу то, что мнѣ нужно? Это значитъ вѣрить, что кто то другой позаботится о томъ, чтобы произвести и доставить на рынокъ все, что намъ нужно и что онъ знаетъ, что о немъ тоже позаботятся и доставятъ то, что ему нужно. Это значитъ быть увѣреннымъ, знать, что тѣ которые приготовляютъ вещи, выносимыя на рынокъ, приготовляютъ ихъ не для себя, производятъ ихъ не для удовлетворенія своихъ потребностей въ этихъ предметахъ, производятъ даже то, что имъ, можетъ быть, совершенно не нужно. Рабочій изготовляющій бархатъ напр., или золотыя издѣлія производитъ ихъ для другихъ, которымъ это можетъ понадобиться. Но какъ онъ, такъ и фабрикантъ, предприниматель, въ заведеніи котораго изготовляются эти вещи, знаютъ въ то же время, что они найдутъ на рынкѣ то, что имъ понадобится: хлѣбъ, одежду, орудія своего труда и т. д. Выходитъ такъ, что при обычныхъ условіяхъ, каждый производящій, приготовляющій какую либо вещь, какой либо предметъ, заботится и думаетъ при этомъ не о себѣ, не о своихъ потребностяхъ, а о другихъ, совершенно ему неизвѣстныхъ людяхъ, до которыхъ ему какъ будто бы и дѣла никакого нѣтъ. При этомъ каждый знаетъ заранѣе, что и о тѣхъ вещахъ, которыя ему нужны, позаботятся другіе, тоже ему неизвѣстные, и его незнающіе, совершенно ему чужіе и приготовятъ эти вещи и онъ ихъ найдетъ на рынкѣ. Но въ то же время каждый изъ насъ знаетъ, что приготовляя то или другое—фабрикантъ ли, рабочій ли, земледѣлецъ ли, крестьянинъ, или продающій что либо торговецъ вовсе не думаютъ и не заботятся о выгодахъ, объ интересахъ другого или вообще о комъ либо постороннемъ; каждый думаетъ только о самомъ себѣ, о собственной выгодѣ и, однако, выходитъ такъ, что каждый изъ живущихъ существуетъ, получаетъ то, что

нужно, удовлетворяетъ свои потребности въ разныхъ предметахъ только благодаря взаимной заботѣ людей другъ о другѣ. Выходитъ, что никто изъ насъ не можетъ обойтись безъ помощи и содѣйствія другихъ. Выходитъ такъ, что свою то выгоду мы можемъ соблюсти только дѣлая то, что выгодно, нужно другимъ.

Но вѣдь это происходитъ такъ не только въ пріобрѣтеніи уже готовыхъ вещей—это идетъ значительно дальше, значительно шире и глубже. Я не буду пока останавливаться на томъ, какъ приготовляется каждая отдѣльная вещь, какъ при изготовленіи ея распредѣляется работа между отдѣльными лицами и устанавливается между ними опредѣленная связь и тѣсная зависимость другъ отъ друга. Здѣсь я отмѣчу лишь, что въ приготовленіи каждаго отдѣльнаго рода предметовъ, приготовляемъ ли мы ихъ въ одиночку, какъ въ избѣ кустаря или цѣлыми сообществами, артелью, какъ на фабрикѣ, мы тоже зависимъ отъ работы и дѣятельности другихъ съ нами повидимому ничѣмъ не связанныхъ лицъ. Въ приготовленіи каждой отдѣльной вещи успѣхъ нашего труда, нашего дѣла зависитъ отъ работы другихъ и безъ содѣйствія другихъ мы ничего сдѣлать не можемъ. При работѣ сохой напр., деревянные части которой можетъ сдѣлать и самъ работающій на ней, требуются однако, сошники, сдѣлать которые можетъ только кузнецъ. А для этого нужна и работа рудокопа, добывающаго желѣзо. Для его работы, тоже нужна работа тѣхъ, кто изготовляетъ и доставляетъ машины и орудія для добыванія желѣза, для перевозки машинъ, трудъ тѣхъ, кто дѣлалъ тачки, телѣги, баржи, вагоны, оборудовалъ мастерскія для изготовленія всего этого, проводилъ желѣзныя дороги, или чинилъ и дѣлалъ шоссе и т. д. и т. д. Но всѣ они могли это дѣлать лишь при увѣренности, что кто то вспашетъ землю, засѣетъ, соберетъ зерно не только для себя но и для нихъ, изготовитъ пищу, предметы для ихъ одежды—короче все то, что имъ нужно для ихъ работы и удовлетворенія ихъ потребностей въ пищѣ, питьѣ и т. д. Можно остановиться пока на перечисленіи лицъ, работа которыхъ нужна для того, чтобы могъ быть сдѣланъ, хотя бы одинъ предметъ,—какой угодно. Мы все равно врядъ ли перечислимъ ихъ всѣхъ, какъ бы далеко ни пошли въ этомъ перечисленіи.

Можно, конечно, думать, что это не такъ въ тѣхъ крестьянскихъ семьяхъ, гдѣ почти все дѣлается дома. Конечно, мы имѣемъ и теперь еще такія крестьянскія семьи, въ которыхъ многое изготовляется для себя членами этихъ семей. Но и тутъ, происходитъ при изготовленіи того или другого распредѣленіе отдѣльныхъ работъ между членами семьи, то, что называется раздѣленіемъ труда. Землю пашутъ одни, пшеницу, рожь жнутъ, ленъ дергаютъ другіе, пряжу, ткань изгото-

вляютъ опять нетѣ, которые пасутъ стадо или валяютъ обувь. Кромѣ того, какъ уже и отмѣчено выше—и такая семья не обходится безъ работы кузнеца, безъ покупки соли, т. е. тоже безъ общенія съ другими и безъ приготовленія чего либо на продажу, т. е. для другихъ.

Но если такъ, если люди, живя въ какомъ либо обществѣ, государствѣ, ведутъ свое хозяйство, т. е. добываютъ предметы необходимые для удовлетворенія ихъ потребностей такъ, что въ приготовленіи этихъ предметовъ для каждаго, участвуетъ множество другихъ людей и каждый въ свою очередь приготовляетъ что либо нужное многимъ другимъ, то при такомъ распредѣленіи занятій въ обществѣ—не приходится ли назвать такое хозяйство общественнымъ?

„Единичное имущество и трудъ, выполненный въ отдѣльномъ предпріятіи, не имѣютъ сами по себѣ смысла", говоритъ швейцарскій экономистъ Платтеръ, и становятся понятными лишь тогда, когда принимается во вниманіе великое цѣлое, которому они принадлежатъ. „Общественное хозяйство, продолжаетъ онъ, не является, такимъ образомъ отвлеченнымъ представленіемъ, простымъ вымысломъ... напротивъ это есть нѣчто настолько дѣйствительно существующее, что единичное хозяйство, разсматриваемое само по себѣ, какъ отдѣльное явленіе, совершенно необъяснимо". Далѣе онъ приводитъ примѣръ фабрики, изготовляющей мыло и перечисляетъ все то, что необходимо для производства его: котлы, машины для отопленія, запасы пальмоваго, оливковаго масла, другихъ жировъ, соды, каменнаго угля, разныхъ пахучихъ веществъ—въ результатѣ получается огромное количество мыла, тогда какъ фабриканту и его рабочимъ нужно лишь нѣсколько пудовъ этого мыла. Всѣ необходимые для того матеріалы, строенія, котлы, машины созданы не этими людьми, хотя они необходимы для выполненія ихъ работы. „Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, на этой фабрикѣ выполняется лишь незначительная часть той работы, которая необходима для полученія въ конечномъ итогѣ мыла; на ней совершается только заключительное дѣйствіе всего производительнаго процесса, происходившаго по лицу всего земного шара, между людьми различныхъ расъ и т. д.". „Каждое предпріятіе, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и даже каждый человѣкъ, принимающій то или иное участіе въ какомъ-либо предпріятіи, становится частію великаго цѣлаго, которое одно только и можетъ удовлетворять потребности отдѣльнаго лица; это цѣлое лучше всего можно назвать общественнымъ хозяйствомъ". Подъ этимъ названіемъ онъ разумѣетъ не народное хозяйство, подъ которымъ можно разумѣть хозяйство одного народа, соединеннаго въ государство. Но, говоритъ онъ, „не одинъ современный народъ не могъ

бы обычнымъ образомъ продолжать свое существованіе, производство и потребленіе безъ постоянной хозяйственной связи его членовъ съ членами другихъ нзродовъ". Такимъ образомъ онъ говоритъ объ общественномъ хозяйствѣ въ смыслѣ связи хозяйственной дѣятельности всѣхъ народовъ. „Общественное хозяйство, замѣчаетъ онъ далѣе, не есть простое сосуществованіе, простая сумма такъ называемыхъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Оно напоминаетъ скорѣе организмъ, въ которомъ каждый органъ находится въ зависимости отъ жизни и дѣятельности всѣхъ другихъ органовъ, безъ которыхъ онъ самъ не можетъ ни жить, ни проявлять своей дѣятельности"...

Нашъ русскій экономистъ, А. И. Чупровъ, говоритъ: „Когда пароходъ прорѣзалъ волны, желѣзная дорога пробила горы и соединила долины, телеграфная проволока оцѣпила весь міръ; когда различныя страны, сознавъ свои преимущества и слабости, увлечены въ международное раздѣленіе занятій,—тогда сдѣлалось невозможнымъ держаться при прежнихъ границахъ и условіяхъ обмѣна. Отдѣльныя хозяйства все полнѣе втягиваются въ живую сѣть мѣновыхъ сношеній, но мѣновыя сношенія означаютъ взаимную зависимость. Стоимость хлѣба, производимаго орловскими крестьянами, нынѣ диктуется лондонскимъ рынкомъ, по соображенію съ состояніемъ жатвы въ Америкѣ. Русскій производитель желѣза долженъ считаться съ ходомъ производства въ Шеффильдѣ. Судьба каждаго отдѣльнаго хозяйства неразрывно связана съ состояніемъ прочихъ. Стоитъ одной группѣ производителей невѣрно повести свои разсчеты, и ея ошибки вовлекутъ въ ничѣмъ незаслуженное разстройство цѣлый рядъ другихъ, быть можетъ, вовсе неизвѣстныхъ ей хозяйствъ".

О томъ же нѣмецкій экономистъ Брентано говоритъ такъ: „Купецъ, живущій въ Гамбургѣ, можетъ потерять все состояніе, если распространятся, хотя бы и невѣрныя извѣстія о плохомъ урожаѣ хлопка въ Индіи или обанкротится банкъ на мысѣ Доброй Надежды". Такая тѣсная зависимость хозяйственной дѣятельности и удовлетворенія потребностей довольно наглядно изображается еще австрійскимъ экономистомъ Нейманомъ-Спаллартомъ, такъ описывающимъ пищевое довольство Европейца: „за завтракомъ мы употребляемъ чай изъ Восточной Азіи, кофе изъ Бразиліи, сгущенное молоко изъ верхнихъ Альпъ Швейцаріи, икру изъ Астрахани, яйца изъ Нормандіи, сыръ изъ Голландіи, хлѣбъ изъ американской пшеницы; за обѣдомъ мы ѣдимъ рыбу изъ Сѣвернаго моря, баранину изъ Австраліи, ананасы изъ Вестъ-Индіи, пьемъ вино съ острова Мадейры, кофе изъ Мокко; мы куримъ гаванскія сигары изъ мундштука, сдѣланнаго изъ янтаря, добытаго изъ Балтійскаго моря—и никому изъ нашихъ гостей

не придетъ въ голову говорить объ этомъ, какъ о лукулловой роскоши, такъ какъ все это самыя обыкновенныя вещи, которыя легко достать за умѣренную цѣну въ любомъ городѣ".

Все это свидѣтельствуетъ о тѣснѣйшей зависимости, которою люди связаны между собой въ удовлетвореніи своихъ потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, но въ то же время все это говоритъ и объ общественномъ значеніи каждаго производства, каждой хозяйственной дѣятельности. „Связь эта, какъ то отмѣчаетъ Платтеръ, не имѣетъ опредѣленныхъ границъ; она охватываетъ безконечный рядъ производителей, зависящихъ другъ отъ друга... Ни одинъ производитель, предоставленный самому себѣ, не можетъ ни произвести какое бы то ни было благо, ни даже просто существовать... Мы, дѣйствительно, видимъ предъ собою человѣческое общество— неопредѣленную, безконечно большую развѣтвленную массу экономическихъ отношеній; а вмѣстѣ съ этимъ и трудъ каждаго лица, сталъ общественнымъ... Точно также и предназначенныя для производства хозяйственныя блага отдѣльныхъ производителей принимаютъ общественный характеръ".

Въ согласіи съ этимъ послѣднимъ указаніемъ Платтера и К. Марксъ говоритъ: „Превращеніе отдѣльнаго частнаго капитала, его оборотъ, есть одно изъ звеньевъ въ обращеніи общественнаго капитала". Другой нѣмецкій экономистъ Родбертусъ говоритъ о „народномъ имуществѣ, какъ о совокупности всѣхъ матеріальныхъ благъ народа, также неразрывно связанныхъ между собою, вслѣдствіе примѣненія народнаго труда"... „Эта общность труда, отмѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, осуществляется... на пространствѣ всего земного шара, поскольку между людьми существуютъ хозяйственныя отношенія, т.-е. именно раздѣленіе труда. Лишь міровое раздѣленіе труда... соотвѣтствуетъ истинному содержанію этого понятія"... „Въ современномъ обществѣ, добавляетъ къ этому Платтеръ, потребность отдѣльнаго лица въ каждомъ отдѣльномъ благѣ удовлетворяется не единичнымъ предпріятіемъ, но благодаря раздѣленію труда между отдѣльными предпріятіями".

Изображаемая всѣмъ отмѣченнымъ связь, создаваемая между всѣми людьми ихъ хозяйственной дѣятельностью, можетъ быть еще сильнѣе ощущается въ тѣхъ условіяхъ, когда что либо вызываетъ нарушеніе ея. „Если въ наше время, говоритъ тотъ же Платтеръ, пріостановить хотя бы на полгода производство каменнаго угля, желѣзнодорожное движеніе или какой нибудь другой важный „органъ" нашего общественнаго хозяйства, то послѣдствія этого самымъ ужаснымъ образомъ сказались бы на всѣхъ остальныхъ и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ выше въ культурномъ отношеніи страна, гдѣ про-

являетъ свою дѣятельность данный органъ". Эти предположенія Платтера вполнѣ подтверждаетъ та дѣйствительность, которая порождена войною 1914—17 г.г. Справедливо и то, что послѣдствія этого нарушенія связи сильнѣе скажутся въ странѣ съ болѣе высокимъ культурнымъ уровнемъ, иначе говоря болѣе съ развитымъ обмѣномъ, съ болѣе глубоко идущимъ раздѣленіемъ занятій въ обществѣ и слѣдовательно съ болѣе тѣсной зависимостью между отдѣльными единицами, входящими въ составъ общества. Не вдаваясь въ невозможныя пока сравненія того, какъ проявляется за время войны экономическая разруха въ разныхъ странахъ, достаточно указать на то что по всѣмъ даннымъ нарушеніе правильнаго хода удовлетворенія потребности въ продовольствіи напр., менѣе сильно сказывается въ деревнѣ, гдѣ менѣе развитъ обмѣнъ, нежели въ городѣ. Но и въ разныхъ областяхъ Россіи по деревнямъ это сказывается различно, сообразно съ тѣмъ болѣе или менѣе распространена тамъ, напр., самодѣльная ткань, достаетъ или нѣтъ для продовольствія на весь годъ хлѣба своего урожая и т. д.

Всѣмъ сказаннымъ до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ установлена связь существующая между отдѣльными лицами всѣхъ странъ и національностей, создаваемая ихъ хозяйственной дѣятельностью. Эта связь, такъ сказать, внѣгосударственная, она международная, общественная. Справедливо говоритъ Платтеръ: „ни одинъ современный народъ не могъ бы обычнымъ образомъ продолжать свое существованіе, производство и потребленіе безъ постоянной экономической связи его членовъ съ членами другихъ народовъ. Отношенія между жителями даннаго государства и иностранцами имѣютъ при этомъ такой же характеръ, какъ и отношенія между гражданами того же государства".

Итакъ, въ современномъ хозяйственномъ строѣ отдѣльный частный предприниматель своею дѣятельностью долженъ удовлетворить общественныя потребности. А въ такомъ случаѣ положеніе его въ его дѣлѣ, его предпріятіи должно разсматриваться какъ однородное съ положеніемъ служащаго въ какомъ либо общественномъ предпріятіи или завѣдующимъ имъ, такъ какъ и самое его предпріятіе имѣетъ общественное значеніе: оно служитъ для удовлетворенія потребностей членовъ того обширнаго общества, которое представляетъ собою человѣчество, связанное между собою хозяйственною дѣятельностью отдѣльныхъ его членовъ. Предметы въ частномъ предпріятіи производятся для удовлетворенія потребностей любого, напередъ неизвѣстнаго лица, лишь только оно предъявитъ съ своей стороны въ обмѣнъ на предметы этого предпріятія то, что выставляется какъ условіе для полученія ихъ.

Но вѣдь и каждое такое предпріятіе, которое теперь формально признается общественнымъ, какъ, напр., почта, телеграфъ, желѣзная дорога—служитъ напередъ не извѣстнымъ лицамъ, а каждому, кому то потребуется. Поэтому даже и не на государственной желѣзной дорогѣ, а на частной всеже государственной властью установлены опредѣленныя правила для надлежащаго отправленія ею своей дѣятельности, установлена опредѣленная плата за проѣздъ, которая не можетъ быть произвольной для отдѣльныхъ пассажировъ, какъ не можетъ быть и отказа въ предоставленіи пассажиру проѣзда, разъ онъ не отступаетъ отъ установленныхъ правилъ и порядковъ. Здѣсь это, какъ и по отношенію, напр. къ трамваямъ, устанавливается такъ въ силу того, что здѣсь уже усвоена, сознана мысль о томъ, что эти роды дѣятельности имѣютъ общественное значеніе и потому должно быть установлено обезпеченіе въ возможности пользованія этимъ для каждаго. Кромѣ того, всѣ такія общественныя предпріятія ограничиваются пока предѣлами одной страны, одного государства, гдѣ существуетъ установленная власть, представляющая или долженствующая представлять общественныя пользы и нужды, потому и вырабатывающая и устанавливающая правила дѣйствія общественныхъ предпріятій и пользованія ими или, иначе говоря, вырабатывающая опредѣленныя условія организаціи ихъ въ общественныхъ интересахъ. По отношенію же къ предпріятіямъ, связывающимъ членовъ разныхъ государствъ, могутъ быть установлены общія правила лишь путемъ особыхъ соглашеній между представителями государствъ, такъ какъ тутъ нѣтъ власти обязательной для всѣхъ, почему по отношенію къ нимъ и не можетъ быть пока какой-либо общественной организаціи.

Независимо отъ этого, возникновеніе частныхъ предпріятій по соображенію и начинанію отдѣльнаго частнаго лица или компаніи ихъ безъ всякой непосредственной поддержки или содѣйствія со стороны органовъ общественной власти, мѣшаетъ, конечно, признанію ихъ общественными, тѣмъ болѣе, что и предприниматели имѣютъ въ виду при учрежденіи своихъ предпріятій не общественные интересы, а свои личные, частные. Но, именно, то-то и существенно, что, имѣя въ виду свои личные, частные выгоды и интересы, частное лицо въ своей хозяйственной дѣятельности можетъ достигнуть удовлетворенія ихъ только имѣя въ виду, хотя бы и не въ полной мѣрѣ, интересы другихъ, интересы общественные.

Итакъ, мы видимъ, что взаимныя отношенія людей, вытекающія изъ ихъ дѣятельности, направленной на удовлетвореніе потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, вытекающія изъ ихъ хозяйственной дѣятельности — эти отношенія складываются такимъ образомъ, что каждый дѣйствуетъ такъ какъ будто бы онъ проявляетъ заботы

обо всѣхъ другихъ ему совершенно неизвѣстныхъ, отъ него совершенно отдаленныхъ людей, при чемъ, однако, преслѣдуетъ свои собственныя выгоды. Это ведетъ къ тому, что получается лучшее, болѣе полное и многостороннее удовлетвореніе потребностей. Объ этомъ придется говорить подробно еще впослѣдствіи, теперь же лишь отмѣчу, что это болѣе полное удовлетвореніе, какъ-то каждому ясно, получается при такомъ раздѣленіи занятій въ обществѣ, что каждый лучше можетъ использовать свои силы и внести такъ сказать, въ общую лепту то, что даютъ ему особенности окружающей его природы. Отъ этого и получается взаимная польза, что въ одной русской рукописи 1763 г. было выражено такъ: „Промыселъ Божій такихъ естественныхъ въ одномъ разсужденіи недостатковъ всемѣрно для пользы общества учредилъ, дабы люди другъ другу услужить и въ союзномъ обществѣ остаться принуждены были".

Но изъ этого взаимоотношенія людей теперь происходитъ не только польза. Оно же очень легко можетъ вести и ведетъ и ко вреду. Стоитъ лицу, изготовляющему ту или другую вещь или кому-либо изъ членовъ его семьи заболѣть какой-либо заразной болѣзнію, и она легко можетъ перейти и на покупателя этой вещи. Мало развѣ приходится терпѣть теперь покупателю отъ недоброкачественнаго приготовленія предмета, отъ поддѣлки, фальсификаціи. Можетъ ли, затѣмъ, ружейный мастеръ, напр., поручиться, что отъ изготовленнаго имъ ружья не пострадаетъ онъ самъ, разъ оно попадетъ въ руки его врага. Мало того, если вообще частная выгода предпринимателя можетъ заставить его изготовить предметъ такъ, чтобы была лишь видимость его пригодности для его назначенія, а не дѣйствительная способность удовлетворять данной потребности, то не создается ли этимъ общее правило: было бы лишь похоже на то, что годится на что-либо, лишь бы съ рукъ сбыть, а тамъ какое мнѣ дѣло? А если создается такое правило, тогда, слѣдовательно, каждый не обезпеченъ совершенно въ пригодности и достоинствѣ чего бы то ни было, что онъ покупаетъ, а слѣдовательно и необезпеченъ въ надлежащемъ удовлетвореніи своихъ потребностей.

А отсюда вытекаетъ такое слѣдствіе: мы должны изъ нашей собственной выгоды стремиться къ тому, чтобы другіе были здоровы, не были поставлены такъ неблагопріятно, чтобы имѣли побужденіе дѣлать плохо, поступать недобросовѣстно, т.-е. мы должны для собственной выгоды быть озабочены тѣмъ, чтобы другіе были здоровы, имѣли благополучное существованіе, имѣли возможность умственно и нравственно совершенствоваться. Мы не знаемъ и знать не можемъ на комъ именно и какъ отразится то, что сдѣлано нами и что именно

изъ сдѣланнаго другими и какъ именно можетъ отразиться на насъ. Мы не можетъ поэтому, даже предупредить и поправить тотъ вредъ, который можетъ произойти отъ нашихъ неправильныхъ дѣйствій и слѣдовательно, все зависитъ отъ того, каковы наши дѣйствія и дѣйствія другихъ, а потому намъ для нашей пользы нужно, чтобы нами и другими все дѣлалось хорошо, всѣ были хороши и чтобы люди глубоко вникали въ нужды другихъ и правильно понимали ихъ.

Сказаннымъ намѣчаются тѣ начала нравственности, которыя имѣютъ свои основы въ хозяйственной дѣятельности людей и то значеніе, которое имѣютъ экономическія отношенія и экономическая дѣятельность людей для ихъ нравовъ, для ихъ нравственныхъ понятій, бытовыхъ условій и взаимныхъ отношеній и внѣ хозяйственной дѣятельности. Этимъ однимъ уже въ достаточной степени опредѣляется то значеніе, какое должно имѣть знакомство съ хозяйственными отношеніями для правильнаго пониманія условій общественной жизни и дѣятельности. Ясно, что условія хозяйственной жизни отражаются на всемъ общественномъ строѣ, на всѣхъ сторонахъ нашей жизни, разъ они опредѣляютъ, что хорошо и что дурно, вліяютъ на наши нравы, на наши отношенія къ совершенно чуждымъ намъ людямъ и, такъ сказать, предписываютъ намъ не безучастно относиться къ тому здоровы они или больны, добросовѣстны и доброжелательны или нѣтъ и позаботиться и о выработкѣ въ самихъ себѣ положительныхъ качествъ въ этомъ отношеніи.

И это, такъ сказать, предписывается намъ нашей хозяйственной дѣятельностью и нашими хозяйственными отношеніями съ неотвратимой принудительностью. Хотимъ мы или не хотимъ, но хозяйственная связь между всѣми есть, ее уничтожить нельзя и безъ нея жить нельзя; а если такъ, то это надо уяснить себѣ, сознать и вывести изъ этого всѣ тѣ заключенія и послѣдствія, которыя отсюда вытекаютъ сами собой. А именно, въ основѣ всѣхъ отношеній всѣхъ людей должна лежать не вражда, а стремленіе къ единенію и взаимному пониманію интересовъ всѣхъ и каждаго.

2.

Вотъ та общая принципіальная точка зрѣнія, на которую единственно и можно становиться въ экономической наукѣ. Эта точка зрѣнія, конечно, не устраняетъ и не можетъ устранять изъ поля зрѣнія того факта, что въ современной экономической дѣйствительности при существующемъ дѣленіи общества на классы по экономическому положенію лицъ, входящихъ въ отдѣльные слои населенія, существуетъ различіе классовыхъ интересовъ и борьба классовъ. Но класть въ

основу хозяйственнаго и общественнаго развитія и преуспѣянія борьбу классовъ нельзя. Ее нельзя класть даже въ основу улучшенія положенія обездоленныхъ классовъ. Дѣло въ томъ, что при существованіи различія въ интересахъ отдѣльныхъ классовъ, все же остается справедливымъ то общее положеніе, что люди всѣ люди и имѣютъ между собою болѣе общаго, нежели различій и это общее, такъ сказать, покрываетъ собою различія и отводитъ имъ подчиненное положеніе. Надъ интересами отдѣльныхъ классовъ стоитъ болѣе общій и широкій интересъ. Да и самое различіе классовыхъ интересовъ вытекаетъ изъ того общаго, что есть у всѣхъ людей. Это общее заключается въ томъ, что каждый желаетъ, чтобы ему было хорошо. И соотвѣтственно этому каждый, какое бы положеніе въ обществѣ онъ не занималъ, при данныхъ условіяхъ, проявляетъ одинаковые пріемы достиженія своихъ личныхъ интересовъ. Предприниматель эксплоатируетъ рабочихъ, т. е. уплачиваетъ имъ за трудъ наименьшее изъ того, что при данныхъ условіяхъ является возможнымъ уплатить. Но развѣ такъ поступаетъ только классъ предпринимателей. Вотъ во Владивостокѣ, напр., какъ сообщали немного лѣтъ тому назадъ, русскіе рабочіе — носильщики, также эксплоатируютъ китайскихъ рабочихъ, которые очень дешевы. Русскій рабочій носильщикъ имѣющій номеръ получаетъ 80 к., а подъ руками держитъ 5—6 китайскихъ рабочихъ, которые въ сущности и являются носильщиками, получая отъ него по 5-ти коп. изъ тѣхъ 80-ти, которыя получены имъ. А какъ дѣйствуютъ во многихъ случаяхъ наши артели рабочихъ, нанимающія тоже рабочихъ! Насколько вообще мысль объ эксплоатаціи одного человѣка другимъ близка каждому работнику и во всякомъ случаѣ не противорѣчитъ внутреннему содержанію его мысли и чувства можно видѣть, между прочимъ, и изъ слѣдующаго примѣра. Въ воспоминаніяхъ одного изъ нашихъ народниковъ, поселившагося въ 70-хъ годахъ для пропаганды среди крестьянъ въ одномъ изъ селеній Мокшанскаго у. Пензенской губерніи, разсказывается и такой эпизодъ: „Какъ-то разъ я былъ въ ударѣ, пишетъ онъ. Съ „плантомъ“ (картой) въ рукахъ я развернулъ передъ моею аудиторіею картину будущаго соціальнаго строя, долженствующаго воцариться у насъ послѣ народнаго возстанія, когда самъ народъ сдѣлается хозяиномъ всѣхъ земель, лѣсовъ и водъ. На самомъ, такъ сказать, интересномъ мѣстѣ меня вдругъ прервалъ одинъ изъ слушателей торжествующимъ возгласомъ: „вотъ будетъ хорошо, какъ землю-то подѣлимъ! Тогда я принайму двухъ работниковъ да и какъ заживу-то“! Что подобное вождѣленіе представляло собою не единичный случай, надо думать потому, что авторъ воспоминаній (О. В. Аптекманъ) предваряетъ сообщеніе этого эпизода такими словами:

„Порою дѣло необходилось безъ курьезовъ и совершенно неожиданныхъ сужденій, которыя, въ началѣ, пока я не привыкъ, смущали и огорчали меня". (См. В. Богучарскій. Активное народничество семидесятыхъ годовъ. Ст. 235—236. М. 1912 г.).

Приведу еще примѣръ. Въ одной дачной подмосковной деревнѣ, гдѣ населеніе настолько дорожитъ дачниками, что на сходѣ постановило даже взимать штрафъ съ каждаго односельца, появившагося на улицѣ деревни въ пьяномъ видѣ, а также и за непристойную громкую брань, состоялось на сходѣ и другое постановленіе. Крестьянки этой деревни составили свой сходъ и установили на немъ величину кувшина для молока меньшую противъ обычной, заказали нарочно такую посуду, запаслись ею и стали отпускать въ ней своимъ дачникамъ молоко по прежней цѣнѣ (тогда она была 12 к,) вмѣсто существовавшей въ сосѣднихъ деревняхъ уже повысившейся нѣсколько, но за обыкновенный кувшинъ, не по особому заказу изготовленный. Дачники же деревни, о которой идетъ рѣчь, ничего не знали объ особыхъ кувшинахъ спеціально для нихъ, и весьма были довольны увѣреніями крестьянокъ, что онѣ такъ дорожатъ своими дачниками, что продаютъ имъ молоко по прежней цѣнѣ. Чѣмъ отличается такой пріемъ отъ пріемовъ, примѣняемыхъ синдикатами предпринимателей и вообще отъ многихъ пріемовъ, существующихъ въ капиталистической торговлѣ?

А вотъ и еще примѣръ изъ трудовой крестьянской жизни, черта въ черту сходный съ тѣмъ, что дѣлается въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Имѣется цѣлый рядъ мѣстностей, гдѣ крестьянки заняты вязаніемъ чулокъ, носокъ, варежекъ, на продажу, причемъ во многихъ мѣстахъ сохраняется еще и до сихъ поръ это вязаніе какъ ручное. Занятыя этимъ дѣломъ крестьянки настолько усердно затрачиваютъ свой трудъ на это вязаніе, что оставляютъ его только тогда, когда руки заняты чѣмъ либо другимъ и не свободны для вязанія. Поэтому въ мѣстахъ этого производства обычно можно встрѣтить крестьянку, идущую напр., рядомъ съ лошадью, везущею навозъ на поле, принадлежащее къ хозяйству этой крестьянки, при чемъ послѣдняя все время на-ходу усердно перебираетъ спицами вязанье. Итакъ, вполнѣ трудовое хозяйство. Но это трудовое хозяйство вяжетъ чулки такъ, чтобы вязанье было повозможности рѣдкимъ и чтобы на него меньше пошло шерсти. А чтобы покупатель не замѣтилъ этого и купилъ связанную вещь за вполнѣ пригодную, она подготовляется для продажи слѣдующими пріемами. Сдѣлана доска въ формѣ чулка напр., на эту доску растягивается связанная вещь, получаетъ вполнѣ приличную форму, а отверстія между щелями вязанья, такъ сказать законопачиваются при помощи мыла, стеарина и т. п., послѣ чего чулокъ кажется очень приличнымъ и вполнѣ от-

вѣчающимъ своему назначенію, будучи, однако, на самомъ дѣлѣ пригоднымъ къ тому, чтобы его поносить одинъ разъ, а уже другой послѣ стирки, если онъ не проносился еще ранѣе того до дыръ, онъ уже не годится: такъ сядетъ (съежится), что, пожалуй, и на ногу не влезетъ.

Чѣмъ отличается этотъ пріемъ отъ такой подготовки приготовляемаго на фабрикахъ сукна для продажи, которая, кажется по фамиліи изобрѣтателя этого пріема, называется „кнопомъ". Также точно сукно ткется порѣже, а чтобы оно покупателю представлялось настоящимъ, и очень добротнымъ щели между нитями ткани законопачиваются, забиваются шерстянистыми отбросами. Насколько прочно и пригодно такое сукно для одежды, судить тоже не трудно. Нѣчто подобное продѣлывается и съ бумажными матеріями, которыя мочатъ въ разведенномъ крахмалѣ, растягиваютъ, а потомъ „голандрятъ", получается очень видный и очень негодный продуктъ.

Послѣдніе приведенные примѣры отмѣчаютъ еще одно обстоятельство, свидѣтельствующее насколько точка зрѣнія классовой борьбы, какъ основного условія улучшенія и измѣненія положенія рабочаго класса, неправильна по существу и ненадежна какъ средство этого измѣненія.

Въ приготовленіи негоднаго сукна съ „кнопомъ" участвуетъ не только капиталъ предпринимателя, но и трудъ рабочаго. Послѣдній неизбѣженъ и для заготовки картонной подошвы вмѣсто кожаной въ сапоги для арміи и другихъ потребителей, т. е. тѣхъ же рабочихъ. Не мало можно было бы привести примѣровъ и другихъ поддѣлокъ, фальсификацій вредныхъ и для здоровья и вообще дающихъ потребителю продуктъ, не отвѣчающій часто своему назначенію и совершенно негодный. И при изготовленіи всего въ основѣ лежитъ трудъ рабочаго. Но ктоже потребители такихъ негодныхъ продуктовъ? По преимуществу малоимущіе, т. е. значительное большинство рабочихъ притомъ и тѣхъ, которые сами изготовляютъ этотъ негодный продуктъ. Казалось бы, если уже вести борьбу за интересы рабочихъ, то тутъ то и надо было бы отказаться отъ изготовленія такихъ поддѣлокъ. И однако примѣровъ этого не знаемъ. Стачки изъ-за величины рабочаго дня, изъ-за заработной платы — составляютъ явленіе, примѣры котораго безчисленны. Стачекъ же изъ-за отказа изготовлять негодные продукты—не слыхать совсѣмъ. А между тѣмъ, тутъ рабочій страдаетъ и какъ потребитель и какъ человѣкъ, попираемый въ чувствѣ собственнаго человѣческаго достоинства, и причастный къ преступному и противному совѣсти дѣянію. Если предприниматель изготовляетъ негодный товаръ изъ-за прибыли, то рабочій дѣлаетъ тоже изъ за заработка и здѣсь они вмѣстѣ соединяются въ одну

компанію, сотрудничаютъ другъ другу въ похищеніи у потребителя полученныхъ за трудъ денегъ; говорю — похищеніи, потому что дырявое законопаченное сукно не есть то, что нужно потребителю, а деньги за это у него взяты. Но этимъ сотрудничествомъ, какъ уже замѣчено, рабочій похищаетъ и у самого себя какъ потребителя. Его интересъ, какъ представителя класса рабочихъ, желающихъ сохраненія своей платы, противорѣчитъ его же интересу какъ потребителя. И происходитъ это оттого, что при описанныхъ выше современныхъ отношеніяхъ по удовлетворенію потребностей нельзя провести грани между тѣмъ и другимъ интересомъ. А потому нельзя и становиться на почву ихъ противопоставленія; такъ тутъ все взаимно переплетено. А если такъ, то и надо становиться на точку зрѣнія не классовой борьбы, а такой организаціи силъ, которая вела бы къ уничтоженію той противоположности интересовъ, отдѣльныхъ группъ населенія, которая покрывается общимъ интересомъ. Иначе пріемы борьбы за существованіе будутъ оставаться тамъ и тутъ одинаковыми и отъ примѣненія ихъ никакихъ измѣненій ждать нельзя.

Можетъ представляться, что это не такъ, что тутъ все дѣло въ соотношеніи силъ борющихся сторонъ. Да, конечно. Но прочная побѣда той или другой стороны достигнута можетъ быть только тогда, если въ основу взаимныхъ отношеній будетъ положена не борьба, а связь интересовъ, представленіе объ ихъ общности, отвѣчающее производственнымъ условіямъ, т.-е. если будутъ установлены и приняты иные принципы взаимоотношеній. Если же оставаться на основѣ борьбы, то соотношеніе силъ, полученное въ данный моментъ, будетъ затѣмъ нарушено результатами дѣйствія тѣхъ производительныхъ силъ, которыя теперь создаютъ неравенство положенія борющихся и тогда съизнова создастся классъ обездоленныхъ и т. д. до безконечности будетъ продолжаться сизифова работа.

Это иначе не можетъ быть, такъ какъ тѣ экономическія взаимоотношенія, которыя существуютъ теперь, какъ увидимъ ниже, вытекли именно изъ борьбы интересовъ, представлявшихся противоположными и изъ общности, одинаковости природы людей. И по сходству этой природы опредѣленные пріемы эксплоатаціи явились у всѣхъ одинаковыми. Имъ не откуда было бы взяться у капиталистовъ, если бы они не вытекали изъ общихъ свойствъ природы человѣка, одинаково проявляющейся при одинаковыхъ окружающихъ условіяхъ. И потому сегодняшній рабочій, становясь завтра хозяиномъ, дѣйствуетъ по отношенію къ рабочимъ также какъ дѣйствовали и по отношенію къ нему. И не потому, что онъ беретъ примѣръ, а, пожалуй, можно сказать, потому, что онъ стоитъ на классовой точкѣ зрѣнія и полагаетъ въ основу своихъ хозяйственныхъ отношеній

борьбу, а не единеніе силъ, на которое въ дѣйствительности опираются эти отношенія.

Борьбу классовыхъ интересовъ уже потому нельзя класть въ основу, что вѣдь свой интересъ каждому ближе и онъ о немъ не забудетъ. Чувство голода у меня я всегда ощущу и потому заботиться о томъ, какъ бы мнѣ не забыть, что я могу проголодаться—нечего; голодъ же другого я не почувствую, а потому и важно поставить такъ дѣло удовлетворенія потребностей, чтобы не могло быть голодающихъ, т.-е. поставить во главу общечеловѣческій интересъ, въ основу улучшенія экономическаго положенія класть не борьбу классовъ, а пониманіе общечеловѣческихъ интересовъ, иначе говоря представленіе о всеобщности ихъ. Такъ напр. въ международныхъ отношеніяхъ даже, т.-е. въ отношеніяхъ все же не столь тѣсныхъ какъ между гражданами одного народа, хотя и бываютъ иногда неизбѣжны военныя столкновенія, но все же не война, не эта борьба должна лежать въ основѣ международныхъ отношеній. Такъ и въ экономической жизни внутри страны бываютъ такія положенія, когда въ основу отношеній разныхъ общественныхъ классовъ кладется борьба ихъ интересовъ, но въ концѣ концовъ общій интересъ, связывающій людей между собою беретъ верхъ. Самыя формы борьбы въ такихъ случаяхъ вытекаютъ изъ представленія о наличности общихъ интересовъ и увѣренности, что въ концѣ концовъ долженъ взять верхъ общій интересъ. Когда устраивается напр. всеобщая стачка, пріостановка всякой хозяйственной дѣятельности, то примѣненіе ея, какъ средства борьбы, вытекаетъ именно изъ сознанія, что тутъ пострадаютъ интересы всѣхъ, а не однихъ предпринимателей и это заставитъ всѣхъ стать на сторону стачечниковъ и вызвать соглашеніе, которое приведетъ къ прекращенію стачки. Только, исходя изъ представленія объ одинаковости интересовъ всѣхъ, и вытекаетъ примѣненіе этого средства. И дѣйствительно, когда въ началѣ этого столѣтія въ Швеціи рабочимъ грозилъ локаутъ предпринимателей, то рабочіе отвѣтили на это общей стачкой. И тогда дѣти всѣхъ семей остались безъ молока, покойники—безъ похоронъ и т. д. И такимъ образомъ то, что задумали предприниматели, исходя изъ основаній классовой борьбы—отразилось на всѣхъ. Другой примѣръ. Исходя изъ классоваго интереса, рабочіе долго противились примѣненію машинъ въ производствѣ. Это было въ интересахъ рабочихъ, работавшихъ въ то время въ предпріятіяхъ, гдѣ вводились машины, но противорѣчило интересамъ какъ предпринимателей, такъ и всего общества, въ томъ числѣ и интересамъ рабочихъ всѣхъ другихъ предпріятій и даже и рабочихъ тѣхъ же предпріятій, но не даннаго поколѣнія, потому что удешевляло стоимость предметовъ, производи-

мыхъ при пользованіи такимъ орудіемъ производства какъ машина. Въ концѣ концовъ, однако, взялъ верхъ общій интересъ, машины были введены и отъ этого выгодали рабочіе же, такъ какъ этотъ технической прогрессъ составляетъ одно изъ основаній и экономическаго преуспѣянія и того повышенія въ положеніи рабочихъ, которое, какъ увидимъ ниже, связано съ примѣненіемъ и усовершенствованіемъ машинъ, т.-е. съ увеличеніемъ и расширеніемъ власти человѣка надъ силами природы.

3.

Если, поэтому, и можно говорить о борьбѣ классовъ, то не въ той формѣ, какъ это обычно представляютъ себѣ. Когда говорятъ о ней, то совершенно упускаютъ изъ виду то общее въ людяхъ, что покрываетъ ее, вслѣдствіе, чего въ ней и имѣетъ успѣхъ только то, что соотвѣтствуетъ этому общему, не противорѣчитъ общечеловѣческому интересу. Если въ концѣ концовъ рабочіе отступили передъ введеніемъ машинъ, то именно въ силу того, что примѣненіе машинъ отвѣчаетъ общему интересу до такой степени, что въ С. А. Соединен. Штатахъ рабочіе сами даже стремятся къ введенію улучшеній, ставя при этомъ вопросъ такъ, чтобы это не озывалось неблагопріятно на ихъ положеній въ данный моментъ. Въ концѣ концовъ, какъ будетъ выяснено въ своемъ мѣстѣ, введеніе машинъ даетъ возможность не только расширить и улучшить средства удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, но и сократить рабочій день. А это сокращеніе является основнымъ условіемъ возможности для рабочихъ имѣть время для пріобрѣтенія такихъ знаній, такого умственнаго развитія, обладаніе которымъ уничтожаетъ ту грань, которая проходитъ между людьми умственнаго и физическаго труда, а также и между классами общества, имѣющими возможность пользоваться досугомъ, и неимѣвшими ея рабочими. Не ясно ли, что одно уже это ведетъ къ уничтоженію тѣхъ индивидуальныхъ различій, которыя создаются дѣленіемъ на классы и ведетъ прямымъ путемъ къ уничтоженію классоваго строенія общества?

Имѣя это въ виду, надо признать, что и само существованіе капитализма. т. е. господства капитала (на мѣсто прежняго господства землевладѣнія, какъ при крѣпостномъ правѣ) могло появиться и продолжаетъ существовать только въ силу того и до тѣхъ поръ, пока онъ является средствомъ развитія производительныхъ силъ, т. е. опять таки идетъ на встрѣчу удовлетворенія общечеловѣческихъ интересовъ. А въ такомъ случаѣ и соотвѣтственно всему сказанному ранѣе, нельзя и съ этой точки зрѣнія признать, что каждое частное

предпріятіе и ходъ дѣлъ его есть частное дѣло. Нѣтъ—это дѣло общественное, ибо каждый предприниматель изготовляетъ то или другое для удовлетворенія потребностей общихъ—а въ такомъ случаѣ общество жизненно заинтересовано въ томъ, что и какъ тамъ творится и оно должно вмѣшиваться въ управленіе предпріятіемъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это необходимо, что бы оно шло правильно и не прерывалось, чтобы существовали такія отношенія между рабочими и предпринимателями, которыя не нарушали бы правильное теченіе производства, иначе говоря, управленіе ходомъ предпріятій становится мало по малу дѣломъ общества. Мало по малу становится ясно всѣмъ, что измѣненіе условій хозяйственной жизни не можетъ, не должно происходить отъ проявленія борьбы между отдѣльными группами общества. Становится ясно, что то или иное положеніе производства и тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между отдѣльными группами населенія, участвующаго въ производительной хозяйственной дѣятельности, касается интересовъ всего общества въ цѣломъ и если это входитъ въ сознаніе лишь понемногу и далеко не всѣми еще понято, то одно изъ существенныхъ основаній этого заключается въ томъ, что далеко не всѣ еще выводятъ правильныя слѣдствія изъ экономическихъ условій и не понимаютъ, что каждый заинтересованъ въ благосостояніи каждаго. Не всѣ еще понимаютъ, что все это создается тѣмъ неучтожимымъ фактомъ, что мы дѣйствительно сотрудничаемъ, помогаемъ другъ другу, думая о нуждахъ и потребностяхъ другъ друга, такъ что получается такое положеніе, которое выражено хорошо русской пословицей: „другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ“. Но съ другой стороны мы изъ за обычной ежедневной сутолоки жизни, изъ за обмѣна вещами, изъ за пріобрѣтенія ихъ, не замѣчаемъ этого, не замѣчаемъ, что существуемъ не сами по себѣ, а имѣемъ постоянно дѣло съ другими людьми, не замѣчаемъ изъ за отдѣльныхъ вещей тѣхъ отношеній между людьми, которыя выражаются этимъ обмѣномъ вещей—т. е. опять таки по русской пословицѣ: „изъ за деревьевъ не видимъ лѣса“, за частностями и отдѣльными дѣйствіями не видимъ общаго. И вотъ, не замѣчая этихъ отношеній и той связи между людьми, которая создается и существуетъ, которая и соединяетъ всѣхъ людей въ одинъ союзъ, въ одно цѣлое, дѣлаетъ насъ близкими другъ другу, дѣйствительно ближними, безъ различія религій, національности, расы, мы, на самомъ дѣлѣ, относимся другъ къ другу такъ, что это можно выразить давними словами Котошихина, сказанными имъ про насъ русскихъ, но справедливыми по отношенію ко всему современному экономическому строю, а именно: „мы другъ друга ѣдимъ и тѣмъ сыты бываемъ“.

Это приводитъ насъ къ тому, какое значеніе въ экономическихъ отношеніяхъ имѣетъ пониманіе ихъ, представленіе о нихъ со стороны каждаго отдѣльнаго лица. При этомъ, однако, можетъ явиться вопросъ: дѣйствительно ли такъ важно и существенно въ хозяйственномъ отношеніи пониманіе каждымъ всеобщности и связи интересовъ всѣхъ и каждаго? Вѣдь, если эта связь существуетъ независимо отъ нашей воли и сознанія, то при чемъ же тутъ пониманіе этого каждымъ? Вѣдь, какъ говоритъ Платтеръ, „по мѣрѣ того, какъ каждый начинаетъ производить для другихъ, ему неизвѣстныхъ лицъ, для удовлетворенія потребностей общества, и въ тоже время при удовлетвореніи своихъ собственныхъ потребностей находится въ зависимости отъ другихъ, ему неизвѣстныхъ лицъ, отъ общества—вся его экономическая жизнь попадаетъ въ зависимость отъ совокупности общественныхъ условій... И чѣмъ обширнѣе рынокъ для каждаго товара, тѣмъ ничтожнѣе дѣлается значеніе каждаго индивидуума на немъ". А въ такомъ случаѣ также это должно быть и во всѣхъ хозяйственныхъ дѣлахъ. И выходитъ какъ будто такъ, что тутъ индивидуальность, отдѣльная личность не имѣетъ значенія, все дѣло „въ совокупности общихъ условій". Конечно, способъ и полнота удовлетворенія потребностей каждаго, то чѣмъ и какъ онъ ихъ можетъ удовлетворить зависитъ отъ обстановки, отъ среды, въ которой онъ находится, все равно какъ въ первобытныхъ условіяхъ удовлетвореніе потребностей человѣка зависитъ отъ природныхъ условій, которыя его окружаютъ. Но при этомъ возможность использовать эти условія, примѣнить ихъ къ удовлетворенію своихъ потребностей зависитъ отъ дѣятельности людей, отъ ихъ отношенія къ окружающему. Измѣнились знанія людей, пониманіе окружающихъ ихъ природныхъ условій, измѣнилось и отношеніе къ нимъ, стало возможнымъ земледѣліе, сознательное использованіе силъ природы, не разрушеніе только созданнаго ими, но и собственное творческое, опредѣленное подчиненіе ихъ своимъ хотѣніямъ и намѣреніямъ.

Такъ и въ современныхъ обстоятельствахъ—общественная среда есть условіе, отъ котораго зависитъ удовлетвореніе потребностей каждаго. Но, что значитъ эта общая среда, эта совокупность общихъ условій, кѣмъ и чѣмъ создана она? Отдѣльное лицо, отдѣльный индивидъ, дѣйствительно, какъ бы ничтоженъ здѣсь, мѣропріятія отдѣльнаго лица, воля отдѣльнаго лица, *какъ отдѣльнаго*, тутъ ничего не можетъ сдѣлать и измѣнить; даже отдѣльныя группы сравнительно безсильны, но тѣмъ болѣе имѣетъ значенія то, что и какъ понимается каждымъ, такъ какъ отъ этого зависитъ дѣятельность всѣхъ въ совокупности, изъ этого складывается то, что можно назвать общественной средой; это значитъ, что дальнѣйшій ходъ хозяйствен-

наго развитія зависитъ отъ того, насколько развито среди отдѣльныхъ членовъ общества, а стало быть и всѣхъ ихъ въ совокупности, пониманіе взаимности интересовъ, а также и оттого насколько ходомъ общественныхъ дѣлъ управляетъ не единичная воля, не приказанія и распоряженія отдѣльныхъ лицъ, а проявленіе общей воли, общей самодѣятельности. Проявленіе же этой самодѣятельности находится въ тѣсной зависимости и отъ политическихъ условій. Это и есть основаніе, въ силу котораго наука объ условіяхъ хозяйственной дѣятельности и хозяйственныхъ отношеній носитъ названіе политической экономіи.

Сказанное до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о существованіи въ хозяйственныхъ условіяхъ дѣятельности людей и связанныхъ съ тѣмъ отношеній ихъ непримиримаго противорѣчія. Съ одной стороны: „Другъ объ другѣ", одновременно съ этимъ „другъ друга ѣдимъ". Съ одной стороны: взаимная связь, взаимная зависимость интересовъ всѣхъ и каждаго, которая какъ бы должна естественнымъ образомъ привести къ представленію объ общности интересовъ не только жителей одной страны, нѣтъ, — къ представленію объ общности интересовъ всего человѣчества, жителей всѣхъ странъ, всѣхъ частей міра, безъ различія народностей, расы, цвѣта кожи, языка, нравовъ, религіи. И хозяйственное развитіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ идетъ въ этомъ направленіи, установляются международныя совѣщанія, международныя соглашенія въ торговыхъ дѣлахъ, многія предпріятія, имѣвшія частный характеръ становятся общественными. Общественная власть вмѣшивается въ отношенія между предпринимателями и рабочими, устанавливаетъ фабричное законодательство, вводитъ правила относительно порядка работъ, числа часовъ работы, нѣкоторыхъ условій оплаты труда и т. п.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ напр., гдѣ самодѣятельность гражданъ проявляется болѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ и при наличности свободнаго индивидуальнаго почина въ хозяйственной дѣятельности, послѣдняя все болѣе и болѣе носитъ на себѣ черты общественнаго хозяйства. Въ 1887 г. напр., тамъ была создана комиссія междуштатной торговли, въ задачи которой входитъ „регулированіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ и охрана судовладѣльческихъ и мѣстныхъ интересовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не согласуются съ интересами желѣзнодорожныхъ компаній. Тѣмъ же стремленіемъ защитить и общественные интересы въ процессѣ растущей концентраціи капиталовъ объясняется и образованіе коммисіи федеральной торговли". Въ ея задачи входитъ „наблюденіе и регулированіе въ опредѣленныхъ областяхъ, дѣятельности крупныхъ промышленныхъ предпріятій, выходящихъ въ своей работѣ за предѣлы

территоріи отдѣльныхъ штатовъ". „Третьимъ примѣромъ непрерывно растущей въ Соединенныхъ Штатахъ тенденціи установить государственный контроль въ тѣхъ областяхъ промышленной финансовой и торговой жизни, которыя непосредственно задѣваютъ общественные интересы, можетъ служить созданіе въ 1913 г. Федеральнаго резервнаго комитета, который наблюдаетъ и контролируетъ дѣятельность федеральныхъ резервныхъ банковъ, въ свою очередь регулирующихъ дѣятельность почти всей банковской системы въ Соединенныхъ Штатахъ". (Промышленная Америка. 1917 г. стр. 55—56).

Итакъ, общественный контроль, наблюденіе, регулированіе. Все это черты общественнаго хозяйства и дѣлается въ общественныхъ интересахъ. А наряду со всѣми этими проявленіями общественности и сознанія и пониманія общности и связи интересовъ всѣхъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности, наряду съ этимъ, и одновременно съ этимъ, въ гораздо большей мѣрѣ, наблюдается и противоположное. Существуетъ не только стремленіе одного народа поживиться на счетъ другого, происходитъ не только небывалое до сихъ поръ столкновеніе всѣхъ наиболѣе развитыхъ въ хозяйственномъ отношеніи народовъ, но именно это-то развитіе и привело къ такой дикой бойнѣ. Да и во внутреннихъ отношеніяхъ не только нѣтъ стремленія оказать услугу другъ другу, а наоборотъ каждый стремится побольше взять съ другого: продавецъ желаетъ получить больше, покупатель — дать меньше, т.-е. тоже получить больше. И это такъ въ предѣлахъ одного народа, говорящаго однимъ языкомъ, связаннаго цѣлымъ рядомъ одинаковыхъ учрежденій, нравовъ, обычаевъ, вѣрующихъ въ одного Бога; тутъ происходитъ не только стремленіе отдѣльныхъ лицъ поживиться одному на счетъ другого и другихъ; нѣтъ, тутъ создается рядъ общественныхъ классовъ со своими особыми интересами, какъ бы раздѣляющими то, что по условіямъ производства, приготовленія предметовъ, не можетъ быть разъединено. Землевладѣльцы имѣютъ особый интересъ, стремленіе взять съ другихъ больше за землю; у класса предпринимателей — опять интересы противоположны интересамъ рабочихъ и обратно. И всѣ стремятся взять другъ съ друга побольше и ужъ никакъ не проявляютъ стремленія позаботиться объ интересахъ другого класса.

Это противорѣчіе составляетъ существенный вопросъ, вызываемый условіями современной хозяйственной дѣятельности, вопросъ, какъ сложился такой порядокъ, въ силу чего сложился такъ, что люди неразрывно связанные своими хозяйственными интересами въ такой общій союзъ, что волей неволей каждый долженъ заботиться о нуждахъ всѣхъ остальныхъ, однако, не чувствуютъ, не сознаютъ

того, что всѣ они другъ другу. дѣйствительно ближніе, а напротивъ, ведутъ между собой вражду и стремятся вредить одинъ другому?

Разсмотрѣніе, выясненіе, этого съ хозяйственной точки зрѣнія важно потому, что, только уяснивъ это, мы можемъ сознательно идти къ отмѣнѣ того, что неблагопріятно для существованія людей, только зная это, мы уяснимъ себѣ въ то же время: какія силы, какія средства въ условіяхъ самаго хозяйственнаго развитія, ведутъ къ замѣнѣ неблагопріятныхъ условій иными.

Выясненіе этого будетъ происходить мало-по-малу на протяженіи всего дальнѣйшаго курса и мы увидимъ, что само хозяйственное развитіе ведетъ къ такому измѣненію, которое благопріятно для всѣхъ, но въ то же время необходимо выяснить — какія условія, какія силы какіе пути ведутъ ближе, скорѣе, безболѣзненнѣе къ осуществленію того, что ведетъ къ устраненію указаннаго противорѣчія, и достиженію нами болѣе, полнаго хозяйственнаго благополучія.

4.

Сводя все сказанное до сихъ поръ къ отдѣльнымъ сравнительно краткимъ положеніямъ, мы должны установить слѣдующее.

1. Стремясь къ удовлетворенію нашихъ потребностей въ матеріальныхъ (вещественныхъ) предметахъ, мы получаемъ эти предметы путемъ покупки на рынкѣ всего намъ необходимаго, увѣренные въ томъ, что найдемъ все намъ нужное, т.-е. обезпеченные въ томъ, что другіе позаботились о томъ, чтобы тамъ было все нужное каждому.

2. Эти другіе не есть опредѣленныя лица — это обычно даже совершенно намъ неизвѣстные и притомъ могущіе быть жителями не одной страны, а различныхъ странъ, не схожихъ между собою, ни нравами, ни религіей; различные и во многомъ другомъ.

3. Это создаетъ зависимость всѣхъ и каждаго другъ отъ друга въ удовлетвореніи ихъ потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, устанавливаетъ связь между всѣми людьми и странами.

4. Изготовленіе каждаго отдѣльнаго предмета въ отдѣльномъ предпріятіи является обычно только окончательнымъ, только частью всего того, что должно быть сдѣлано для созданія этого предмета, который и является такимъ образомъ результатомъ дѣятельности не отдѣльнаго лица, не отдѣльнаго хозяйства или предпріятія, а результатомъ дѣятельности совокупности хозяйствъ.

5. Связь и взаимная зависимость, выражающаяся въ обмѣнѣ (покупкѣ—продажѣ), а также и связь выражающаяся въ приготовленіи каждой вещи—свидѣтельствуютъ о томъ, что удовлетвореніе по-

требностей въ матеріальныхъ предметахъ достигается существованіемъ общественнаго хозяйства, связующаго всѣ страны, весь міръ.

6. Жители всѣхъ странъ, а не одной только какой либо, распредѣленіемъ между ними отдѣльныхъ хозяйственныхъ дѣйствій, раздѣленіемъ занятій между ними, какъ по изготовленію различныхъ предметовъ, (раздѣленіе труда внутри общества) такъ и по изготовленію каждаго отдѣльнаго предмета (техническое раздѣленіе труда)—сотрудничаютъ другъ другу.

7. Такое сотрудничество мыслимо только при увѣренности въ томъ, что о нашихъ нуждахъ думаютъ и заботятся кто либо другіе и что мы тоже думаемъ и заботимся о потребностяхъ другихъ, иначе говоря, что люди думаютъ „другъ объ другѣ".

8. Извѣстно, однако, что на самомъ дѣлѣ люди въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ заботятся только о себѣ, а отношеніе ихъ другъ къ другу скорѣе можно характеризовать словами: „Мы другъ друга ѣдимъ".

9. Фактъ, однако, тотъ, что взаимная зависимость и связь существуютъ—хотимъ мы того или не хотимъ, думаемъ о томъ или нѣтъ.

10. Существованіе этой взаимной зависимости и наличности общественнаго хозяйства вызываетъ для болѣе полнаго и лучшаго удовлетворенія потребностей, необходимость пониманія и сознанія этой зависимости всѣми и соотвѣтственнаго тому построенія общественнаго хозяйства.

11. Все сказанное порождаетъ рядъ вопросовъ: а) какъ сложился такой порядокъ и способъ удовлетворенія потребностей? б) не имѣетъ ли онъ и если да, то какія преимущества въ хозяйственномъ отношеніи и почему? в) какъ и почему сложилось при этомъ противорѣчіе между общностью интересовъ людей и взаимной борьбой ихъ? Ставя, однако, всѣ эти вопросы мы ихъ ставимъ для разрѣшенія не ради простого любопытства, а потому что уяснивъ себѣ, какъ и почему создалось такое положеніе, какими силами и условіями держится оно, какія силы и условія въ нѣдрахъ современнаго хозяйственнаго строя ведутъ къ измѣненію этихъ условій и въ какомъ именно направленіи, мы въ состояніи отнестись уже не стихійно, а сознательно къ тому, что происходитъ и соотвѣтственно тому выработать организованный способъ воздѣйствія на достиженіе тѣхъ цѣлей, которыя люди ставятъ себѣ въ своей хозяйственной дѣятельности.

II. Взаимоотношенія людей при производствѣ и потребленіи на первобытныхъ ступеняхъ хозяйства.

1.

Для выясненія того какъ сложился современный порядокъ удовлетворенія потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, надо выяснить какимъ путемъ люди пришли къ такому порядку. Онъ существовалъ не всегда и измѣнялся, какъ измѣняются и тѣ порядки и условія при которыхъ мы живемъ. Многое для уясненія происхожденія современныхъ хозяйственныхъ отношеній дается наблюденіями разныхъ путешественниковъ разныхъ временъ надъ хозяйствомъ первобытныхъ племенъ, которыя говоритъ намъ о томъ, какъ было раньше. Можно, конечно, поставить вопросъ: то, что наблюдается у существующихъ теперь племенъ, стоящихъ на низкомъ хозяйственномъ уровнѣ, представляетъ ли собою то, что было у первобытныхъ племенъ, бывшихъ нашими предками? Но сличеніе съ остатками орудій, утвари и т. п. показываетъ, что то, что наблюдалось различными путешественниками у тѣхъ племенъ, которыя они видѣли, аналогично тому, что находится въ остаткахъ, находимыхъ послѣ исчезнувшихъ или преобразившихся племенъ. Отсюда можно съ достовѣрностью заключить о томъ, какой ступени хозяйства соотвѣтствуютъ находимые остатки орудій производства, обстановки и т. д. и слѣдовательно судить о томъ, что было на предшествующихъ и самыхъ раннихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія.

При первобытныхъ условіяхъ люди пользовались для удовлетворенія своихъ потребностей въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. п. тѣмъ, что давала имъ окружающая природа. Если мѣстопребываніе ихъ было обильно разною дичью, дикими звѣрями, то они жили охотою. Жили они тогда цѣлыми племенами, охотились тоже сообща, причемъ было и раздѣленіе труда. Подростки, напр. своимъ крикомъ выгоняли звѣря, взрослые мущины убивали его, женщины готовили изъ него пищу. Шкура звѣря шла на одежду, устройство палатокъ. Пребываніе на берегу озеръ или рѣкъ давало возможность жить

рыболовствомъ, при чемъ рыбья кожа шла также на изготовленіе предметовъ одѣянія, рыбьи кости служили иглою для шитья и т. д. Существовало и такое распредѣленіе занятій среди членовъ племени, какъ напр. у нѣкоторыхъ австралійскихъ племенъ, при которомъ мущины охотились, а женщины и подростки собирали плоды, выкапывали коренья. Жилища строились обыкновенно общими усиліями; тутъ было полное сотрудничество, оказывалась прямая помощь другъ другу. Соотвѣтственно общей совмѣстной дѣятельности, при которой нельзя опредѣлить чье участіе въ какой мѣрѣ содѣйствовало достиженію общаго результата, происходило и общее пользованіе добытымъ. Не приходилъ и не могъ даже придти въ голову вопросъ о томъ, кто на сколько содѣйствовалъ успѣху, да если бы и пришелъ, то развѣ возможно это опредѣлить, даже и при современныхъ условіяхъ. А потому какъ же могло явиться какое-либо представленіе о томъ, кому какая часть должна достаться изъ добытаго и полученнаго совмѣстными усиліями, или, выражаясь современными обозначеніями, кому принадлежитъ какая часть дохода? Соотвѣтственно такой общности по добыванію, происходило и совмѣстное потребленіе, въ которомъ принимали участіе и тѣ, кто почему-либо не участвовалъ въ данной охотѣ напр. Иначе не могло происходить и потому, что охота не всегда бываетъ удачна и если та группа племени, у которой охота сегодня удачна не подѣлится добычей ея съ другой группой, у которой удачи не было или которая почему-либо не принимала въ ней участія, то завтра можетъ случиться неудача у той группы, которая благополучно охотилась сегодня, и тогда, не установивъ обычая общаго потребленія, эта группа останется въ положеніи голодающей. Въ тѣхъ условіяхъ все неопредѣленно, ничто не обезпечено, человѣкъ вообще еще довольно безсиленъ, а одинъ и совсѣмъ и во всемъ безсиленъ. Одинъ онъ безсиленъ и теперь, но тогда это ощущалось полнѣе, хотя понималось можетъ быть менѣе. Отсюда не могло быть и мысли и представленія, что-либо дѣлать въ одиночку и потому наблюдается слѣдующее.

„Если въ одной мѣстности Австраліи имѣется какая-нибудь особенная разновидность пищи въ большемъ изобиліи, чѣмъ въ другой, или такая, которая можетъ быть найдена только въ извѣстной мѣстности, то вообще сюда сходится все племя, чтобы участвовать въ потребленіи ея". „Въ Новой Каледоніи сношенія между деревнями одного и того же племени постоянны, а между жителями одной и той же деревни и совсѣмъ близки. Въ часъ, когда опустошаются горшки съ пищею, приближается кто хочетъ, чтобы взять свою долю, никто не помѣшаетъ ему въ этомъ". „Если кому-нибудь изъ камчадаловъ нужна вещь, которая есть у сосѣда, онъ идетъ къ нему, хотя быть

можетъ вовсе его не знаетъ и излагаетъ свою потребность безъ всякихъ церемоній. Подчиняясь обычаямъ страны, владѣлецъ даетъ ему все, что онъ у него проситъ. Въ случаѣ нужды послѣдній возвращаетъ просителю визитъ и въ свою очередь беретъ у него, что требуется; такимъ образомъ каждый имѣетъ все, что ему нужно".

Послѣдній примѣръ свидѣтельствуетъ, что общность одного племени существуетъ не только по отношенію къ пищѣ, а и вообще по отношенію ко всѣмъ необходимымъ предметамъ.

Но приведемъ еще примѣры, при чемъ они характерны и въ томъ отношеніи, что касаются уже не самой первобытной ступени, а даже и племенъ знакомыхъ съ земледѣліемъ и уже живущихъ и отдѣльными хозяйствами. „Если въ какой-нибудь юртѣ закалываютъ барана, готовятъ жаренину, то буряты всѣхъ сосѣднихъ одноулусныхъ юртъ могутъ, не стѣсняясь, итти сюда, какъ на общую трапезу: хозяева дѣлятъ мясо всѣмъ по равнымъ кусочкамъ, жиръ по равнымъ частичкамъ". Но такъ какъ это уже не совсѣмъ первобытное племя и тутъ уже появляется нѣчто вродѣ различія по классамъ или по положенію въ данномъ племени, то имѣются и болѣе почетныя лица и имъ удѣляются л у ч ш і е куски, т.-е. происходитъ нѣкоторое отступленіе отъ дѣленія „по равнымъ кусочкамъ". Приведемъ еще примѣры. „Когда одна партія голодныхъ южно-американскихъ племенъ встрѣчается съ другой, у которой съѣстные припасы еще не вполнѣ истощены, то послѣдняя раздѣляетъ съ вновь пришедшими то немногое, что у нея остается, не ожидая, чтобы ее объ этомъ попросили; это дѣлается несмотря на то, что подѣлившаяся партія подвергается чрезъ это той же опасности погибнутъ, какъ и тѣ, кому она помогла съ такой гуманностью и величіемъ души".

2.

Послѣдній примѣръ отмѣчаетъ нѣчто совершенно противоположное тому, что наблюдается въ современныхъ нравахъ и обычаяхъ. Какъ видимъ, партія „дикарей" дѣлится съ другой партіей тѣмъ, что имѣетъ, хотя при необезпеченности и неувѣренности въ возможности добыть всегда то, что нужно, рискуетъ сама остаться безъ продовольствія. А вотъ въ современномъ культурномъ обществѣ при распредѣленіи продуктовъ по карточкамъ, вслѣдствіе недостатковъ продовольствія, не стѣсняются запасаться лишними карточками, какъ это оказывалось во многихъ случаяхъ (осень 1917 г.), хотя для каждаго ясно, что этими лишними карточками уменьшается величина каждаго отдѣльнаго пайка и берется на свою долю лишній хлѣбъ или другой продуктъ у тѣхъ, у кого, можетъ быть, и все-то питаніе при данныхъ условіяхъ ограничивается однимъ скуднымъ пайкомъ хлѣба.

Что же это означаетъ? Что же мы стали хуже „дикарей“, понимаемъ и чувствуемъ меньше и хуже ихъ? Не отвѣчая на этотъ вопросъ окончательно, пояснимъ лишь, что тамъ у дикарей, въ первобытныхъ условіяхъ все много проще, очевиднѣе, и послѣдствія того или другого вполнѣ наглядны для каждаго. Въ современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ все очень сложно, послѣдствія неочевидны и во всякомъ случаѣ на комъ, что и какъ отразится не ясно; не ясно и то какъ и что сдѣлаютъ другіе и какъ это отразится на мнѣ, но ясно, что можетъ отразиться и худо, т. е. все-таки имѣется представленіе о томъ, что все зависитъ отъ взаимодѣйствія людей, а такъ какъ это взаимодѣйствіе на экономической почвѣ не организовано, то каждый и опасается возможности вреда для него, а потому: спасайся кто можетъ. Отсюда вытекаютъ, между прочимъ, два заключенія: 1) О вліяніи на нравы, на нравственныя представленія и образъ дѣйствія людей — экономическихъ условій, тѣхъ взаимоотношеній, которыя складываются даннымъ хозяйственнымъ строемъ. 2) О важности для экономистовъ изученія психологіи человѣка и общественной психологіи, что признавалъ и основатель классической экономіи, выводившій всю экономическую дѣятельность изъ опредѣленнаго мотива и въ своей „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, отдававшій дань и общему изученію психологіи.

До какой степени у первобытныхъ „дикарей“ соблюдается уравненіе всѣхъ въ потребленіи, ярко свидѣтельствуетъ слѣдующій примѣръ. „Племя каминковъ въ Южной Африкѣ явилось навѣстить лагерь одного француза. У него не было на всѣхъ водки, и потому онъ предложилъ по стакану только тѣмъ, кто, по внѣшнему виду и возрасту, казался ему болѣе другихъ достойнымъ уваженія. Каково же было его удивленіе, когда онъ замѣтилъ, что они удерживали жидкость во рту, не проглатывая ее, а потомъ всѣ приблизились къ своимъ товарищамъ, не получившимъ ея, и стали переливать ее изо рта въ ротъ, подобно тому, какъ птицы небесныя кормятъ другъ друга изъ клюва въ клювъ“.

Простота и ясность болѣе примитивныхъ экономическихъ отношеній, не безъ вліянія и на то, какъ въ 1917 г. въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ не всѣ обходятся своимъ хлѣбомъ, распредѣляли отпускавшуюся для продажи черезъ потребительное общество муку по числу членовъ общества, которыми были всѣ жители данной деревни. Муку эту распредѣляли по постановленію общаго собранія общества не между всѣми, а только тѣми, у которыхъ не было зерна своего урожая. Тутъ установляется путемъ общественной организаціи въ предѣлахъ одного селенія, гдѣ все ясно и просто, уже иное начало въ распредѣленіи продуктовъ продовольствія, нежели то, что происходитъ

при распредѣленіи по карточкамъ въ болѣе культурномъ городскомъ центрѣ. Опять, слѣдовательно и для даннаго опредѣленнаго времени нравственныя представленія при разной экономической обстановкѣ различны. Но въ тоже время самыя представленія, т. е. отраженіе хозяйственныхъ условій въ личности человѣка, вліяютъ на условія удовлетворенія потребности въ данномъ примѣрѣ распредѣленія муки.

Русскій путешественникъ въ Австраліи Миклуха Маклай сообщаетъ: Въ предѣлахъ одного рода каждый кусокъ пищи дѣлится между всѣми присутствующими; даже, если дикарь находится одинъ въ лѣсу, онъ не начинаетъ ѣсть, не прокричавши трижды приглашеніе всякому, кто можетъ его услышать и пожелаетъ раздѣлить съ нимъ пищу. Тоже наблюдается у готентотовъ.

Общинное обработываніе земли встрѣчается у самыхъ разнообразныхъ племенъ: арійскихъ, монгольскихъ, негритянскихъ, краснокожихъ индѣйскихъ и т. д.—Опять и это понятно; безъ этого нельзя было расчищать густо заросшую первобытную почву, не было ни большого знакомства съ условіями, ни надлежащихъ орудій; нужно было расчищать лѣса.

Продолжается представленіе объ общности продуктовъ и обычай дѣлежа ими съ другими и позднѣе, но тогда, когда излишки предметовъ потребленія некуда дѣвать, нельзя продать. На Кавказѣ, у нѣкоторыхъ племенъ еще недавно было такъ, что „какъ только начнетъ куковать кукушка, возвѣщая о наступленіи весны, каждый получаетъ право брать изъ сосѣдняго стога столько сѣна, сколько ему нужно для прокормленія скота". Но общность хозяйственныхъ дѣйствій остается незыблемой до тѣхъ поръ, пока остается еще общность въ жизни одного племени и ясно, наглядно представленіе о тѣсной связи между членами его. „Еще и теперь бурята напр., когда продаютъ пшеницу или посылаютъ на продажу скотъ, то всѣ семьи улуса ссыпаютъ пшеницу въ одно мѣсто и сгоняютъ скотъ въ одно стадо, продавая все вмѣстѣ какъ бы принадлежащее одному лицу".

Приведемъ еще примѣры хозяйственныхъ отношеній у разныхъ племенъ. „У остяковъ неимущій беретъ то, въ чемъ нуждается по праву, а не изъ милости". У Кафровъ въ Африкѣ, „если придетъ десять голодныхъ, то даже изъ самаго жидкаго обѣда каждому удѣляется равномѣрная доля. Когда убиваютъ штуку скота, созываются всѣ люди изъ близкаго сосѣдства и мясо потребляется сообща. Кто бьетъ только для себя и самъ ѣстъ свою говядину, того называютъ воромъ, ибо воры украденное мясо съѣдаютъ втайнѣ". Итакъ обратно съ нашими представленіями: воръ не тотъ, кто беретъ у другого, принадлежащее ему, и дѣлаетъ это своимъ, а кто своего не удѣляетъ другимъ. „Если зарѣзываютъ животное и объ этомъ не сообщаютъ

сосѣду или если кто либо не приглашаетъ прохожаго принять участіе въ ѣдѣ, то такой поступокъ приравниваютъ къ воровству". „Каждый можетъ зайти въ любую хижину и потребовать себѣ ѣсть, и въ этомъ ему никогда не будетъ отказано. Въ случаѣ неурожая, цѣлыя общины отправляются къ своимъ сосѣдямъ и остаются нѣкоторое время на ихъ иждивеніи". „Если богатый самоѣдъ отказывается дать бѣдному соплеменнику оленя для прокормленія, тотъ имѣетъ право увести одного или нѣсколькихъ оленей изъ стада богача". И это по тамошнимъ представленіямъ,—не грабежъ, не кража, а дѣйствіе по праву.

Итакъ, что же слѣдуетъ изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, число которыхъ можно увеличить весьма значительно и которые заимствованы нами изъ разныхъ писателей и путешественниковъ — наблюдателей? Изъ нихъ можно видѣть. 1) Связь между всѣми членами племени такова же, какъ въ семьѣ; имѣется общественное производство и общественное потребленіе. 2) Понятія о преступленіи, объ обязанностяхъ обратны нашимъ и это находится въ зависимости отъ хозяйственныхъ условій того времени.

3.

Но хозяйственныя условія не остаются безъ перемѣны. По мѣрѣ того какъ племя растетъ количественно, а окружающія его природныя условія измѣняются вслѣдствіе расхищенія и истребленія того, что создано природой, является необходимость распространяться все далѣе и далѣе, переходить въ тѣ окружающія мѣстности, въ которыя ранѣе не заглядывали и въ которыхъ, можетъ быть и природныя условія во многомъ иныя. Въ подобное положеніе постепенно попадаютъ различныя племена, прежде весьма отдаленныя другъ отъ друга и не соприкасавшіяся одни съ другими, могутъ попасть и попадаютъ въ это положеніе необходимости раздвинуться, распространиться по земельной площади одновременно и племена или народы, стоящіе на различныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія: одни знакомыя уже съ земледѣліемъ, другія имѣющія еще кочевой бытъ или живущія охотой. Въ томъ и другомъ случаѣ, каждое изъ такихъ племенъ имѣетъ различные предметы для удовлетворенія однихъ и тѣхъ же потребностей. У однихъ имѣются зерновые запасы, у другихъ только продукты молочнаго хозяйства, у третьихъ рыболовная добыча и т. д. Что же происходитъ при первоначальномъ такомъ соприкосновеніи, внезапномъ и неожиданномъ столкновеніи двухъ племенъ незнавшихъ до того другъ друга, не имѣвшихъ другъ о другѣ понятія? При этомъ надо имѣть въ виду, что столкновеніе это происходитъ тогда, когда каждое изъ столкнувшихся племенъ двигается

и распространяется для отысканія пищи. Происходить должно то же, что и при столкновеніи съ какимъ-либо звѣремъ, могущимъ пожрать меня, или ту добычу, за которой стремлюсь и я. Представители другого племени, это для меня не свои, не члены моего племени, моей семьи, это чужіе мнѣ, не вѣдомые и вдобавокъ еще грозящіе лишить меня и моихъ сородичей того, что мы ищемъ, что намъ нужно. Отношеніе къ нимъ поэтому можетъ быть только такое же какъ и къ дикому животному. Происходитъ военное столкновеніе, причемъ врага убиваютъ и даже пожираютъ, а также отбираютъ, похищаютъ у него все что можетъ служить предметомъ потребленія, служить удовлетворенію моей потребности. При этомъ происходитъ и ознакомленіе съ такими предметами питанія, одежды, съ такими орудіями труда, которые ранѣе не были извѣстны. Охота за этими предметами, грабежъ, похищеніе ихъ у чужого племени составляютъ уже сами по себѣ цѣль нападенія на чужеродцевъ.

Но жить постоянно грабежомъ, войною нельзя. Сегодня я побѣдилъ и ограбилъ, а завтра то же сдѣлали со мной, и я лишился и награбленнаго и того, что имѣлъ ранѣе, а кромѣ того какая гибель людьми! Наступаетъ перемиріе. Взамѣнъ похищенія, военной добычи, происходитъ съ каждой стороны дареніе тѣмъ, что имѣется у одного племени и чего нѣтъ у другого, происходитъ обмѣнъ подарками или же происходитъ передача однихъ предметовъ членамъ другого племени въ наказаніе за нарушеніе условій перемирія или въ возмѣщеніе происшедшихъ отъ того убытковъ. Но это все еще не обычный постоянный и правильный обмѣнъ.

До него дѣло доходитъ не сразу. И у нѣкоторыхъ народовъ сохранился обычай, который показываетъ какъ дареніе переходитъ въ обмѣнъ. Такъ у одного племени въ центральной Австраліи, получающій подарокъ принималъ на себя обязанность достать дарителю предметъ, который тотъ желаетъ получить въ качествѣ отвѣтнаго подарка, или пойти за него на охоту, или выполнить какую-либо работу. У нѣкоторыхъ остался обычай послѣ обмѣна, послѣ совершенія сдѣлки купли-продажи, какъ это и теперь еще бываетъ и у насъ устроить угощеніе, т. е. своего рода подарокъ.

По мѣрѣ того какъ соприкосновеніе отдѣльныхъ племенъ, чуждыхъ другъ другу становилось болѣе и болѣе постояннымъ и непрерывнымъ и стала ощущаться выгода и удобство обмѣна взамѣнъ грабежа,—этотъ обмѣнъ становился болѣе и болѣе постояннымъ и правильнымъ. Но такъ какъ онъ возникъ изъ военныхъ столкновеній и соприкосновеніе двухъ чужеродныхъ группъ населенія могло всегда при малѣйшемъ недоразумѣніи перейти въ военное столкновеніе, то обмѣнъ и производился сперва лишь при опредѣленной обстановкѣ,

а именно, для него была отведена нейтральная, пограничная полоса предметы предназначенные для обмѣна приносились и оставлялись на этой полосѣ, а приносившіе ихъ отступали съ нея; приходили члены другого племени, смотрѣли что имъ предлагаютъ и оставляли то, что они готовы предложить за предметы другого племени, и тоже удалялись, дабы не впасть въ искушеніе столкнуться съ чужаками и ограбить ихъ. Снова приходили первые, смотрѣли что имъ предлагаютъ за оставленное ими и если удовлетворялись этимъ, то брали предлагаемое и оставляли принесенное ими. Если же находили, что имъ предлагаютъ мало, то уносили обратно часть того, что положили раньше, чѣмъ и показывали сколько они готовы дать въ обмѣнъ за оставленное другимъ племенемъ и т. д. Обмѣнъ и торговля происходили слѣдовательно молчаливо и безъ соприкосновенія однихъ съ другими и притомъ на нейтральной полосѣ. Черты этого порядка обмѣна выразились въ атрибутахъ, которыми былъ надѣленъ у грековъ и римлянъ богъ Гермесъ или Меркурій. Онъ былъ богомъ грабежа (воровства), богомъ торговли и богомъ границъ.

Это происхожденіе обмѣна изъ враждебныхъ столкновеній выражалось долго еще въ торговлѣ и во всемъ строѣ жизни европейскихъ народовъ. Въ прежнее время морской разбой разсматривался какъ вполнѣ законное, нисколько не безчестное ремесло. Извѣстно признаніе ассоціаціей союза пиратовъ, т. е. морскихъ разбойниковъ закономъ Солона—крупнаго греческаго законодателя и такъ сказать устроителя аѳинскаго государства. Точно также скандинавскіе викинги—были въ одно и то же время и морскими купцами и морскими разбойниками. Вспомнимъ также походы нашихъ Игоря, Святослава въ Грецію для добычи, что разсматривалось какъ правомѣрное хозяйственное дѣло.

Въ Италіи пизанскіе оптовые купцы въ 13 вѣкѣ разсматривали морскую войну и морской грабежъ, съ точки зрѣнія дѣлового человѣка, какъ доходныя предпріятія. Въ 1322 г. лицо разграбившее англійскій корабль было потомъ мэромъ своего родного города. Въ отчетѣ голландской Вестъ-индской кампаніи въ продолженіи всего 17 столѣтія, значится статья „захваченныя имущества“. Въ одномъ донесеніи той же кампаніи значится: „Благодаря хорошимъ отношеніямъ съ султаномъ, мы выгодно охотимся за иностранными кораблями“. Европейцы въ Перу, въ Америкѣ раскапывали могилы, срывали золотыя плиты съ храмовъ и крали украшенія съ самихъ туземцевъ, которые наивно думали, что золото это слезы, которыя выплакало солнце, но которымъ самимъ пришлось проливать слезы изъ за золота.

Вотъ какъ относились еще долго къ другимъ народамъ, и грабежъ чужихъ разсматривался со стороны просвѣщенныхъ народовъ,

какъ законное дѣло и даже какъ доблестный подвигъ. Недалеко ушли мы отъ этого, если еще ушли, и въ XX-мъ вѣкѣ. Отсюда понятно, что когда война и связанный съ нею грабежъ смѣнились при замиреніи обмѣномъ, то въ него перенеслось многое изъ грабежа и враждебныхъ отношеній обмѣнивающихся сторонъ: „не обманешь, не продашь".

Но условія, приведшія къ столкновенію отдѣльныхъ племенъ и возникновенію обмѣна и торговли, привели къ тому же и среди членовъ одного и того же племени, одного народа, т.-е. то, что возникло между чужими стало происходить и между своими, хотя и въ нѣсколько иной формѣ, но по существу совершенно также.

Населеніе одного племени, наростая все болѣе и болѣе и распространяясь, по болѣе обширной территоріи раскалывалось, такъ сказать, на нѣсколько группъ. Отдѣльныя части его входили въ болѣе частое соприкосновеніе съ отдѣльными частями сосѣднихъ племенъ и въ то же время все болѣе и болѣе отдалялись отъ отдѣльныхъ частей своего племени и, можетъ быть, даже и совсѣмъ не встрѣчались съ ними; мало того, отдѣльныя части племени могли попадать при такомъ разселеніи даже въ различныя природныя полосы, чѣмъ и создавались объективныя условія для обмѣна и между ними предметами своей добычи или своего производства. И, вотъ на мѣсто прежняго общаго потребленія и совмѣстной добычи чего либо, наступаетъ обмѣнъ среди членовъ одного племени, причемъ онъ долженъ носить и сохранять на себѣ черты своего происхожденія изъ военныхъ столкновеній и грабежа.

На ряду съ этимъ образуются и субъективныя основанія для всеобщности обмѣна, вытекающія изъ тѣхъ же побужденій, которыя лежатъ въ основѣ всякаго пріобрѣтенія предметовъ для удовлетворенія потребностей. Съ одной стороны нѣтъ такихъ опасеній остаться безъ пищи, какія могли быть ранѣе, такъ какъ потребности въ ней, какъ и въ другихъ предметахъ при существованіи торговли можетъ удовлетворяться уже различными предметами и потому есть надежда, что не будетъ одного, такъ будетъ другое. А потому и не приходится уже такъ дорожить тѣмъ, чтобы всегда имѣть право въ случаѣ надобности взять у сосѣда то, чего не хватаетъ мнѣ. Съ другой стороны при возможности обмѣна у каждаго есть побужденіе сохранить то, что пригодно для обмѣна, для того, чтобы получить за это что либо другое, что можетъ быть нужно и что дадутъ за данный предметъ.

Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ нарождались условія для появленія обмѣна между чужеродными племенами, онъ сталъ развиваться и среди одноплеменниковъ и разница въ связанныхъ съ хозяй-

ственной дѣятельностью отношеніяхъ между тѣми и другими совершенно исчезла. Но исчезновеніе этой разницы проявилось не въ томъ что отношенія, обычныя между членами одного племени, перешли и на отношенія между членами разныхъ племенъ. А наоборотъ, отношенія установившіяся между чуждыми доселѣ другъ другу племенами, перенеслись и на отношенія между своими и на мѣсто прежней общности явились раздробленность и отчужденіе, которыя продолжаютъ существовать и до настоящаго времени и окрашиваютъ современныя хозяйственныя отношенія.

4.

Все это, однако, обрисовывается не такъ просто. На ряду съ этимъ отчужденіемъ между своими, появилась и совершенно иная хозяйственная обстановка. Потребности каждаго стали удовлетворяться не только тѣмъ, что давала окружающая природа, но и тѣмъ что получалось другими изъ ихъ природныхъ условій. Стало быть хозяйство тѣхъ и другихъ является связаннымъ между собою; оно уже является не хозяйствомъ отдѣльнымъ только этого племени, а общимъ объединеннымъ хозяйствомъ всѣхъ обмѣнивающихся, такъ какъ только ихъ соединенными дѣйствіями удовлетворяются потребности всѣхъ ихъ въ матеріальныхъ предметахъ.

Но связь эта становится тѣмъ непрерывнѣе и тѣснѣе, что постоянныя взаимоотношенія установляются не только путемъ обмѣна готовыми издѣліями, но и инымъ путемъ. Если, напримѣръ, природа снабдила одну мѣстность желѣзомъ, а другую лѣсомъ — топливомъ, то приготовленіе какого либо желѣзнаго орудія начинается тамъ, гдѣ добывается желѣзо, и кончается тамъ, гдѣ оно, благодаря обилію топлива, расплавляется и превращается во что либо уже пригодное непосредственно для опредѣленныхъ дѣйствій. Появляется раздѣленіе труда по изготовленію отдѣльнаго предмета между отдѣльными частями страны, т.-е. установляется связь не только путемъ обмѣна готовыми издѣліями, но и путемъ участія отдѣльныхъ лицъ въ изготовленіи отдѣльныхъ предметовъ; изготовленіе ихъ тоже становится общественнымъ. Зачатки общественнаго хозяйства установляются и инымъ путемъ. О раздѣленіи труда въ предѣлахъ одного племени при занятіи однимъ дѣломъ, охотой напримѣръ, я уже говорилъ ранѣе. Оно вытекало изъ различія по полу и возрасту; раздѣленіе же труда позднѣе стало вытекать и изъ различія по природнымъ условіямъ, по внѣшней обстановкѣ. Стало быть и тутъ, наряду съ прежними основаніями для раздѣленія труда, появляется и иное, которое въ хозяйственномъ отношеніи связываетъ тѣхъ, кто ранѣе были разъеди-

нены, но которые и при наступленіи этой связи продолжаютъ относиться другъ къ другу, какъ чужіе, какъ разобщенные: не сознательное совмѣстное производство и потребленіе, какъ среди членовъ одного племени или одной семьи, а какъ бы совершенно раздѣльное, обособленное, закрывающее, затемняющее то, что здѣсь неразрывно связываетъ и объединяетъ эти разобщенныя области.

„Раздѣленіе труда внутри общества, говоритъ Карлъ Марксъ, и соотвѣтственное ограниченіе индивидуумовъ спеціальными сферами занятія, развивается изъ противоположныхъ точекъ отправленія. 1. Внутри семейства и племени возникаетъ естественное дѣленіе труда изъ различія возраста и пола—на физіологическихъ основаніяхъ; племена расширяютъ свой обмѣнъ по мѣрѣ расширенія общежитія, увеличенія народонаселенія и столкновенія между различными племенами. 2. Обмѣнъ продуктовъ возникалъ тамъ, гдѣ происходятъ столкновенія семей, племенъ обществъ не какъ отдѣльныхъ лицъ, а какъ семействъ, племенъ и проч., и выступаютъ одни противъ другихъ... Различныя общины, находятъ не одинаковыя средства производства и жизненные припасы въ своей естественной окружности. Именно это естественное различіе и вызываетъ при соприкосновеніи обществъ обмѣнъ взаимныхъ произведеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и постепенное превращеніе этихъ произведеній въ товары. Обмѣнъ не создаетъ различныхъ отраслей производства, а только ставитъ уже существующія до него различныя отрасли взаимнаго соприкосновенія во взаимныя отношенія и, слѣдовательно, превращаетъ ихъ въ болѣе или менѣе зависимыя одна отъ другой отрасли совокупнаго общаго производства. При посредствѣ обмѣна первоначально различныя, но самостоятельныя одна относительно другой сферы производства связываются въ одно общее. Тамъ же, гдѣ исходнымъ пунктомъ служитъ физіологическое дѣленіе труда, особые органы непосредственно связаннаго цѣлаго разрѣшаются, разлагаются—чему даетъ главный т о л ч о к ъ обмѣнъ товаровъ съ чужими общежитіями—и становятся самостоятельными до такой степени, при которой связь различныхъ работъ выполняется посредствомъ обмѣна продуктовъ какъ товаровъ. Въ одномъ случаѣ первоначальныя самостоятельныя отрасли производства лишаются самостоятельности, въ другомъ первоначально несамостоятельныя пріобрѣтаютъ самостоятельность“. Прежде всѣ работы по приготовленію какого либо орудія напр. производились въ одномъ хозяйствѣ, и были только отдѣльными дѣйствіями одного дѣла, теперь, какъ въ приведенномъ мною примѣрѣ съ желѣзомъ, добыча его самостоятельное дѣло, добыча топлива для плавки его тоже самостоятельное, переработка его тоже и т. д.

5.

Сказаннымъ, однако, еще не ограничиваются тѣ послѣдствія, которыя положили начало человѣческимъ отношеніямъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ.

Обмѣнъ породилъ, какъ отмѣчено уже выше, иное отношеніе къ добытымъ и изготовленнымъ предметамъ: ими стали дорожить, ихъ стали беречь, сохранять для себя, они получили значеніе не только для непосредственнаго удовлетворенія ими опредѣленной потребности, но и какъ предметы, за которые можно получить что либо другое. Если поэтому прежде тотъ или другой предметъ мнѣ нуженъ былъ въ количествѣ не большемъ противъ того, что необходимо для удовлетворенія моей потребности въ пищѣ, или одеждѣ и т. д., а что было сверхъ этого, то не цѣнилось совсѣмъ, то теперь стало иное. Я могу теперь за этотъ предметъ получить что либо другое, чего у меня нѣтъ и что мнѣ можетъ понадобиться. Мало того, я могу получить за него, можетъ быть, и то, что мнѣ сейчасъ и не нужно, что мнѣ неизвѣстно, о чемъ я даже представленія не имѣю, но что можетъ мнѣ еще встрѣтиться и понравиться и что мнѣ могутъ дать за то, что есть у меня въ избыткѣ, сверхъ необходимаго мнѣ. А отсюда стремленіе не только сохранить, но и приумножить то, что могу изготовить или добыть, т.-е. увеличить производство предметовъ сверхъ непосредственно необходимаго. Должны были появиться, слѣдовательно, побужденія къ усиленію производства, къ повышенію производительности труда и въ то же время и къ накопленію. Конечно, при обмѣнѣ предметами безъ посредства денегъ, на которыя всегда и все возможно пріобрѣсти, накопленіе не могло быть особенно сильно, но начало ему положено въ этотъ моментъ хозяйственнаго развитія. Тогда же положено и начало капиталу, какъ орудію труда, такъ какъ при наступленіи обезпеченности въ удовлетвореніи настоятельныхъ нуждъ и при повышеніи производительности труда, дающей возможность за время производства создать больше, чѣмъ нужно на неотложное непосредственное потребленіе, является досугъ, который могъ быть затраченъ на созданіе орудій труда, облегчающихъ и ускоряющихъ производство и тѣмъ еще болѣе повышающихъ производительность труда, т.-е. возможность въ данный періодъ времени произвести больше, сравнительно съ тѣмъ, что производилось за тотъ же періодъ времени раньше.

На ряду съ этимъ положено было начало и источнику сосредоточенія средствъ производства и средствъ потребленія въ рукахъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Мы упоминали уже о захватѣ плѣнныхъ при соприкосновеніи и вооруженномъ столкновеніи племенъ. Указали и

на то, что плѣнный врагъ могъ на первое время и пожираться — создавалось людоѣдство. Но когда явилась возможность обмѣна, вытекавшая изъ того, что врагъ, членъ другого племени, знаетъ и умѣетъ добывать или изготовлять то пригодное для меня, чего я самъ не умѣю, и когда непосреедственное чувство голода не побуждаетъ меня съѣсть пойманнаго врага, то можно и оставить его въ живыхъ съ тѣмъ, чтобы онъ добылъ или изготовилъ то, что умѣетъ и что мнѣ желательно. Цѣною этого изготовленія покупалось имъ сохраненіе жизни. Но приготовляя предметы своего умѣнья, рабъ въ то же время, надо думать, самъ промышлялъ себѣ и пропитаніе. Когда же повысилась производительность труда, тогда уже и прямо трудъ раба приносилъ болѣе того, что удѣлялось на его содержаніе, если оно ему давалось изъ запасовъ того, кто его подчинилъ себѣ. И вотъ тогда явились нападенія на сосѣднія племена прямо съ цѣлью захвата плѣнныхъ и обращенія ихъ въ рабство для работы на побѣдителей. Явился новый источникъ не накопленія только, а сосредоточенія накопляемыхъ предметовъ у владѣльцевъ рабовъ.

Это же должно было повести и еще къ одному измѣненію отношеній, связанныхъ съ хозяйственной дѣятельностью. Съ одной стороны, явились стало быть отношенія хозяина и подчиненныхъ ему въ хозяйственной дѣятельности лицъ, изготовляющихъ что-либо по его приказу. И это выступило на мѣсто прежнихъ отношеній работающихъ на равномъ положеніи, но каждый при своемъ опредѣленномъ дѣлѣ, т.-е. на мѣсто раздѣленія занятій и рядомъ съ нимъ появилось начало подчиненія, продолжающееся, хотя въ иной формѣ и доселѣ. Явился хозяинъ и его работникъ. А изъ этого вытекло и другое. Получило начало понятіе не только нетрудового дохода, но и вообще дохода и его распредѣленія. То было просто общее потребленіе всего добытаго, хотя бы оно было добыто и одной частью племени — и добывалось все для потребленія, для удовлетворенія потребностей, и ни о какомъ доходѣ, какъ чѣмъ-то обособленномъ, не могло быть и рѣчи; теперь же появилось понятіе дохода, т.-е. того, что является результатомъ хозяйственной дѣятельности и выдѣленія части его на долю владѣльца раба, за вычетомъ того, что удѣляется на содержаніе раба, хотя послѣдній, какъ захваченный или купленный для работы, разсматривался тоже какъ капиталъ, какъ источникъ дохода. Съ завладѣніемъ затѣмъ территоріей врага и освоеніемъ ея себѣ, владѣлецъ земли также изъ результатовъ труда прилагаемаго на этой землѣ другими, удѣлялъ себѣ долю за разрѣшеніе пользоваться этой землей. — Создался доходъ землевладѣльца, какъ особая часть всего созданнаго трудомъ.

Такъ создались начатки тѣхъ экономическихъ отношеній, кото-

рыя связали, соединили жителей всего міра общностью интересовъ и необходимостью согласованія ихъ для удовлетворенія потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, а съ другой стороны, противопоставили жителей одной страны и всѣхъ странъ міра другъ противъ друга въ дѣятельности, направленной къ той же цѣли удовлетворенія потребностей въ матеріальныхъ предметахъ. Всѣ связаны между собою, всѣ объединены взаимной зависимостью, невозможностью обходиться другъ безъ друга, необходимостью думать другъ объ другѣ и объ интересахъ и потребностяхъ другъ друга — и всѣ въ то же время выступаютъ другъ противъ друга какъ чуждые, враждебные одинъ другому и разъединенные между собою.

III. Предметъ политической экономіи.

1.

Итакъ, до сихъ поръ нами выяснены основныя черты современнаго хозяйственнаго строя. Выяснено далѣе: 1. Какія отношенія устанавливаются между людьми въ ихъ дѣятельности по добыванію и созданію предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія ихъ потребностей. 2. Какъ при иныхъ условіяхъ, иныхъ способахъ удовлетворенія потребностей существуютъ другія отношенія между людьми. Затѣмъ выяснено 3, какъ и въ силу чего произошло измѣненіе и способовъ удовлетворенія потребностей и вытекающее изъ этого измѣненіе отношеній людей другъ къ другу. Выясненіемъ всего этого полученъ матеріалъ, на основаніи котораго можно уже говорить о томъ, что составляетъ предметъ политической экономіи, что именно требуетъ теоретическаго объясненія и какъ нарушаются и разрушаются одни условія хозяйственной дѣятельности и нарождается, образовывается новое хозяйственное цѣлое съ новыми отношеніями и нравами. Поэтому теперь можно уже приступить къ выясненію предмета политической экономіи.

Напомню, что я началъ свой курсъ съ отвѣта на вопросъ, какъ человѣкъ удовлетворяетъ свои потребности въ различныхъ предметахъ. Слѣдовательно исходнымъ началомъ всего ученія политической экономіи является человѣкъ съ его потребностями и нуждами, обусловленными его природой. Но помимо потребности въ предметахъ для пищи, одежды, жилища и т. п., организмъ человѣка созданъ такъ, что у него имѣется потребность въ движеніи напр., въ упражненіи, проявленіи во внѣ своей мускульной и нервной энергіи. Не удовлетворяя этой потребности, человѣкъ также испытываетъ, если не такое сильное страданіе какъ при голодѣ напр., то все же страданіе; кромѣ того отсутствіе упражненія для мускуловъ, недостатокъ движенія отзывается и на состояніи здоровья человѣка, на его самоощущеніи, на его физическомъ и духовномъ состояніи. Вотъ наличность этой потребности въ движеніи и даетъ человѣку

возможность удовлетворять свои потребности въ необходимыхъ для того предметахъ. При помощи движенія, бѣганія, бросанія камней, палокъ, дротиковъ, человѣкъ догоняетъ и убиваетъ звѣря, сбиваетъ плоды съ дерева, при помощи напряженіи своихъ мускуловъ для копанія земли достаетъ коренья и т. д. Добытые изъ земли или на охотѣ или при рыбной ловлѣ предметы человѣкъ преобразуетъ, перерабатываетъ, претворяетъ въ такое состояніе, въ которомъ они становятся болѣе пригодными для тѣхъ цѣлей, съ которыми добыты. Такимъ образомъ человѣкъ примѣняетъ свой трудъ для полученія необходимыхъ ему предметовъ. Трудъ этотъ и является съ одной стороны удовлетвореніемъ потребности человѣка въ движеніи, съ другой—служитъ для удовлетворенія другихъ потребностей человѣка при помощи предметовъ, добытыхъ и переработанныхъ человѣческимъ трудомъ.

Но для проявленія труда, для приложенія его недостаточно одного только мускульнаго движенія, одной только физической силы; одновременно требуется и проявленіе мозговой дѣятельности, нервной энергіи; трудъ физическій является одновременно и умственнымъ. Чтобы добыть то или другое, принять къ тому мѣры, бросить камнемъ съ цѣлью убить или ушибить и поймать, необходимо было предварительно наблюсти и подмѣтить, что тяжелый предметъ попадая на мягкій измѣняетъ, портитъ послѣдній, подмѣтить и то, что бросаніе тяжелаго предмета, т.-е. сообщеніе ему движенія при помощи своей руки усиливаетъ дѣйствіе того, что производитъ тяжесть, а потому этимъ путемъ можно повредить и болѣе твердый, пробить черепъ звѣря или оглушить его или перебить ему ногу и не дать возможности уйти и т. д. Подмѣтить же все это—это значитъ проявить умственную дѣятельность. Но и подмѣтивши это, чтобы попасть камнемъ или палкой въ опредѣленную цѣль, нужно вниманіе и довольно напряженное—опять проявленіе мозговой дѣятельности.

Такимъ образомъ и въ изученіи того, какъ добываются, производятся предметы служащіе для удовлетворенія потребностей, исходнымъ началомъ также является человѣкъ со всѣми его свойствами созданными природой, его трудъ какъ проявленіе его мускульной и нервной энергіи, его физическихъ и умственныхъ свойствъ.

Что подъ трудомъ человѣка мы можемъ и должны разумѣть одновременное проявленіе физической и умственной энергіи (хотя при различныхъ видахъ труда въ различной степени)—это ясно уже изъ того, что тѣ движенія и проявленія мускульной энергіи, которыя мы признаемъ трудомъ (хотя бы и физическимъ) должны имѣть опредѣленную цѣль, которая и должна быть въ сознаніи трудящагося;

а работа сознанія, какова бы она ни была—есть уже умственная дѣятельность. Это представленіе о томъ что такое трудъ, можетъ быть, нигдѣ такъ ясно не выражено, какъ въ баснѣ Крылова о мартышкѣ, потратившей очень много движенія, проявленія мускульной энергіи, физическихъ силъ на возню съ чурбаномъ, но безъ цѣли создать этимъ что-либо — и никто не призналъ этого трудомъ, не призналъ за этой дѣятельностью (?) ея никакого значенія и не наградилъ ее похвалой.

Но говоря о добываніи предметовъ для удовлетворенія потребностей, мы все время имѣемъ въ виду приложеніе человѣческой дѣятельности къ окружающимъ его предметамъ природы (звѣри, плоды и т. д.) и пользованіе силами природы (тяжесть, энергія и т. д,). Слѣдовательно при изученіи того, что человѣкъ дѣлаетъ для удовлетворенія своихъ потребностей, мы, исходя изъ его дѣятельности, должны имѣть въ виду и окружающую природу, ея предметы и силы.

При этомъ, однако, въ политической экономіи мы не изучаемъ тѣхъ процессовъ труда, какіе необходимы для воздѣйствія на природныя условія, на приспособленіе ихъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, на преобразованіе ихъ—это дѣло техники. Не занимаетъ насъ здѣсь и выясненіе того, какъ трудовые процессы отражаются на человѣческомъ организмѣ—это дѣло физіологіи, гигіены. Если мы и касаемся этого, то только по стольку, по сколько отражаются на человѣческомъ благополучіи тѣ или иныя отношенія людей, вытекающія изъ ихъ хозяйственной дѣятельности и изъ ихъ хозяйственнаго разсчета. Технически можно устроить напр. желѣзнодорожную насыпь любой прочности, но съ хозяйственной точки зрѣнія нѣтъ разсчета устраивать ее прочнѣе того, что необходимо для сопротивленія обычнымъ разрушающимъ ее вліяніямъ. Въ связи съ техникой находится и то количество труда, которое необходимо примѣнить къ производству. Ясно, между прочимъ, и то, что въ политической экономіи, какъ наукѣ общественной, мы имѣемъ въ виду не то, что относится къ отдѣльному человѣку, какъ опредѣленному организму съ опредѣленными функціями, не изучаемъ законы дѣятельности этого организма. Мы разсматриваемъ здѣсь отдѣльнаго человѣка только какъ часть цѣлаго, какъ члена общества, изучаемъ его дѣятельность въ связи и взаимоотношеніи съ другими людьми при проявленіи ими той же дѣятельности. Но какой же дѣятельности? Хозяйственной. Что же такое хозяйственная дѣятельность? Когда мы говоримъ о хозяйствѣ отдѣльнаго лица или отдѣльной семьи и представляемъ ихъ себѣ, то мы понимаемъ при этомъ такое распредѣленіе трудовыхъ силъ, доходовъ, вообще средствъ этой семьи для удовлетворе-

нія ея потребностей, которое опредѣляется соотвѣтственно размѣрамъ этихъ средствъ и настоятельностью и количествомъ отдѣльныхъ потребностей. Такое распредѣленіе средствъ по потребностямъ, которое доставляетъ удовлетвореніе ихъ соотвѣтственно ихъ силѣ—составитъ правильное хозяйство; произойдетъ нарушеніе соотвѣтствія между соотношеніемъ средствъ и потребностей—является нарушеніе правильнаго теченія хозяйства, является безхозяйственность, т.-е. отсутствіе надлежащаго регулированія отношенія между средствами и потребностями.

Такъ въ отдѣльномъ хозяйствѣ, отдѣльной семьѣ. Но и тамъ, если мы имѣемъ хозяйство полное, т. е. не только потребляющее, но и производящее, напр. хозяйство земледѣльческой крестьянской семьи, средствами для удовлетворенія потребностей этой семьи являются трудовыя силы ея членовъ. И хозяйствованіе заключается въ такомъ распредѣленіи имѣющихся у нея трудовыхъ силъ, на изготовленіе предметовъ для удовлетворенія потребностей, чтобы каждаго изъ этихъ предметовъ было изготовлено столько, сколько нужно для удовлетворенія каждой изъ потребностей. Это же распредѣленіе силъ, помимо всего прочаго, зависитъ прежде всего отъ того къ какимъ природнымъ условіямъ и предметамъ надо приложить трудовыя силы, зависитъ отъ свойствъ этихъ предметовъ; на изготовленіе одежды изъ шерсти надо одно количество труда, а изъ растительнаго волокна—другое. Кромѣ того и по времени года, т. е. опять таки въ зависимости отъ природныхъ условій, отъ времени года и свойствъ опредѣленныхъ растеній, въ одно время года надо одно количество труда для опредѣленныхъ результатовъ, въ другое время года, для тѣхъ же результатовъ, чтобы освоить то же растеніе, надо другое количество труда. Разное количество труда и времени надо потратить на него во время посѣва, уборки, молотьбы и т. д.

И такъ необходимо опредѣленное соотношеніе и распредѣленіе труда въ зависимости отъ свойства потребностей и въ зависимости отъ свойства предметовъ, добываніе и переработка которыхъ нужны для удовлетворенія потребностей и въ зависимости отъ количества труда, которымъ можно располагать.—Правильное соотношеніе всего этого и есть цѣль хозяйственной дѣятельности. Задача ея и состоитъ въ установленіи правильнаго соотношенія между всѣмъ этимъ.

Но если такъ въ отдѣльной семьѣ, то такъ и въ обществѣ. Оно для удовлетворенія своихъ потребностей обладаетъ опредѣленнымъ количествомъ трудовыхъ силъ, которыя какъ было показано въ I-й главѣ входятъ въ многообразныя отношенія между собою и въ процессѣ приготовленія вещей и по изготовленіи ихъ въ процессѣ распредѣленія ихъ между тѣми, кому онѣ нужны. Но разница съ отдѣль-

нымъ частнымъ хозяйствомъ какой либо семьи въ томъ 1) что здѣсь члены общества, народа, государства въ цѣломъ не имѣютъ того планомѣрнаго организованнаго распредѣленія трудовыхъ силъ и предметовъ по потребностямъ, какое существуетъ въ отдѣльной семьѣ, а 2) тутъ отношенія между отдѣльными членами общества сложнѣе, многообразнѣе, тутъ кромѣ взаимоотношенія при производствѣ, существуютъ взаимоотношенія и при распредѣленіи результатовъ труда (дохода) и продуктовъ труда (обмѣнъ, покупка, продажа), а кромѣ того эти взаимоотношенія не замыкаются опредѣленнымъ кругомъ лицъ, а принимаютъ самыя многообразныя и сложныя формы.

Политическая экономія какъ общественная наука и занимается изученіемъ тѣхъ отношеній, которыя складываются между людьми въ ихъ дѣятельности направленной на добываніе средствъ для удовлетворенія потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, т.-е. изученіемъ отношеній людей въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Въ зависимости оттого, каковы эти отношенія и находится то или иное удовлетвореніе упоминаемыхъ потребностей, т. е. въ матеріальныхъ предметахъ, не матеріальныхъ потребностей, а потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, которые могутъ служить и для удовлетворенія духовныхъ потребностей, напр. религіозныхъ (предметы богослуженія), духовныхъ (книги) и т. д. Отношенія же эти въ различное время различны, какъ можно было уже видѣть изъ вышеизложеннаго. Какія условія вліяютъ на складъ этихъ отношеній, какъ они измѣняются, подъ вліяніемъ чего, въ какомъ направленіи, къ чему ведутъ эти измѣненія — все это и составляетъ содержаніе и предметъ изученія политической экономіи.

Насколько же при этомъ важно правильное распредѣленіе трудовыхъ силъ въ обществѣ для общественнаго благосостоянія, т. е. насколько, слѣдовательно, важно изученіе условій, отъ которыхъ оно зависитъ—это хорошо выяснено нашимъ русскимъ ученымъ Н. Г. Чернышевскимъ въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ къ его переводу политической экономіи англійскаго ученаго Джона Стюарта Милля.

Для выясненія этого онъ приводитъ слѣдующіе примѣрные разсчеты.

Предположимъ, говоритъ онъ, что въ обществѣ, состоящемъ изъ 4000 человѣкъ, имѣется 1000 мужчинъ, трудомъ которыхъ должно содержаться общество. Далѣе онъ приводитъ разсчеты трудъ сколькихъ лицъ нуженъ на производство различныхъ необходимыхъ предметовъ и устанавливаетъ соотвѣтственно этому распредѣленіе рабочихъ силъ. Получается слѣдующее:

На производство хлѣба трудъ.	200	рабочихъ.
„ „ другихъ съѣстныхъ припасовъ .	200	„
„ „ жилищъ и топлива	200	„
„ „ одежды и остальныхъ надобностей .	200	„
Охрана общества и продуктовъ.	50	„
Другіе роды не прямо хозяйств. труда	50	„
Итого . .	900	
Остается на все остальное	100	

Но попробуемъ, говоритъ онъ, повернуть иначе.

1. Нуженъ театръ — трудъ	20	человѣкъ.
2. Нужны концерты	20	„
3. „ бронзовыя украшенья	20	„
4. 5. 6. Золотое шитье, шелковыя занавѣси и обои, разныя другія издѣлія того же рода всего на все это по 20 . . . . . =	60	„
7. Разныя изысканныя кушанія (гастрономія) . . .	40	„
8. Тонкія вины.	40	„
Итого . .	200	человѣкъ.

Какъ будто на каждый изъ перечисленныхъ во второмъ разсчетѣ родовъ занятій, немного: по 20 человѣкъ, вмѣсто сотенъ, какъ въ предыдущемъ разсчетѣ. И все же что получается?

На хлѣбъ и другіе безусловно необходимые предметы остается не 900 нужныхъ человѣкъ, а 800. Вслѣдствіе этого появляется недостатокъ въ необходимыхъ предметахъ и какъ слѣдствіе того воровство, необходимость болѣе усиленной охраны имущества, стало быть, выдѣленіе большаго числа лицъ на сторожей, полицію и, слѣдовательно, еще убавка лицъ на трудъ для производства необходимаго, еще большій недостатокъ этихъ предметовъ, еще худшее экономическое положеніе. Отсюда очевидно, что уясненіе условій хозяйственной дѣятельности очень существенно и необходимо для правильной организаціи общественнаго хозяйства.

2.

Изъ изложеннаго выше ясно, что всѣ хозяйственныя отношенія создаются на почвѣ взаимодѣйствія между человѣкомъ и природою и въ цѣляхъ полученія предметовъ для удовлетворенія потребностей. Служащіе для этого предметы и принято называть благами. Но блага бываютъ разныя. Воздухъ, окружающій насъ благо, ибо онъ удовлетворяетъ потребность нашего организма въ веденіи въ

него кислорода, но съ нимъ политическая экономія не имѣетъ дѣла, потому что для полученія этого блага человѣкъ не дѣлаетъ никакихъ усилій, оно создается безъ его труда. Для нашей науки имѣютъ значеніе лишь тѣ блага, которыя создаются трудомъ. По опредѣленію нашего экономиста Н. Г. Чернышевскаго: „политическая экономія есть наука о матеріальномъ благосостояніи человѣка насколько оно зависитъ отъ вещей и положеній, производимыхъ трудомъ". Это первое ограниченіе къ понятію блага, ограниченіе вытекающее изъ того, что только при приложеніи труда къ добыванію благъ, мы имѣемъ дѣло съ ними въ политической экономіи, при чемъ это приложеніе, какъ показываютъ и современныя и первобытныя условія, совершается такъ, что люди при этомъ приходятъ въ взаимное соприкосновеніе. Они работаютъ въ томъ или иномъ видѣ, въ той или иной формѣ, но сообща, вступаютъ, слѣдовательно, во взаимныя отношенія и вотъ эти-то отношенія, вытекающія изъ ихъ хозяйственной дѣятельности съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширяющіяся и усложняющіяся и служатъ предметомъ анализа, предметомъ изученія въ наукѣ объ общественномъ или какъ часто называютъ о народномъ хозяйствѣ. Поэтому мы будетъ говорить далѣе только о тѣхъ благахъ, которыя добываются трудомъ.

Но этого ограниченія еще недостаточно—вѣдь и здоровье напр. благо и для того, чтобы сохранить, а иногда и пріобрѣсти это благо нужны тоже усилія, тоже дѣятельность человѣка, при которой онъ тоже входитъ. въ отношенія съ другими людьми—нуженъ совѣтъ врача, нужна извѣстная житейская обстановка, нужно опредѣленное питаніе и т. д.—всего этого безъ содѣйствія другихъ не получить, но объ этомъ благѣ политическая экономія не говоритъ, тѣ отношенія между людьми, которыя изъ этого вытекаютъ, она не разсматриваетъ, какъ не разсматриваетъ она и вопроса о любви къ намъ ближнихъ, составляющей тоже благо. Почему же? Да потому, что изъ сказаннаго до сихъ поръ объ удовлетвореніи потребностей въ матеріальныхъ вещественныхъ предметахъ—ясно, что въ нашей наукѣ идетъ рѣчь о такихъ благахъ, которыми являются матеріальные вещественные предметы удовлетворенія нашихъ потребностей. Это второе ограниченіе.

Но говоря о матеріальныхъ благахъ, надо ввести и еще одно дополнительное опредѣленіе и тоже ограниченіе. Политическая экономія занимается разсмотрѣніемъ тѣхъ благъ, которыя являются полезностями. Полезности же—это блага, пользу которыхъ мы узнали, опредѣлили. Каменный уголь существовалъ давно, но сталъ благомъ, когда узнали его примѣненіе. Изъ личныхъ наблюденій могу привести примѣръ, какъ еще не особенно давно, крестьяне одной мѣстно-

сти Богородскаго уѣзда, надѣленные болотами, плакались на это, такъ какъ не могли болотами пользоваться даже для пастбища, потому что коровы увязали тамъ, а затѣмъ узнали, что это болота торфяные, узнали полезность того, что тамъ есть, и эти болота явились для нихъ дѣйствительно благомъ.

Такъ и во многомъ другомъ. Вещи имѣютъ для насъ значеніе не сами по себѣ, а по нашему отношенію къ нимъ. Онѣ становятся тѣми или иными, въ зависимости отъ нашего отношенія къ нимъ. Металлъ получаетъ то или иное значеніе,—является ли онъ предметомъ украшенія или мѣновымъ знакомъ—деньгами. Въ качествѣ денегъ онъ получаетъ очень часто очень большую силу надъ людьми, но очевидно, что эта сила не въ немъ, а въ нашемъ отношеніи къ нему, въ нашемъ признаніи за деньгами этой силы. Возьмемъ другой примѣръ; электричество всегда было опредѣленнымъ сочетаніемъ силъ природы, но полезности не имѣло, по нашему незнакомству или недостаточному знакомству съ этими силами природы и неумѣнію пользоваться ими, а когда узнали эти свойства и сумѣли пользоваться ими въ качествѣ механической силы, силы свѣта и т. д.—оно стало благомъ; то же можно сказать о нефти, которая долгое время служила преметомъ богопочитанія у огнепоклонниковъ, видѣвшихъ огни загоравшіеся изъ нѣдръ земли, но не знали причинъ того и не умѣли ею пользоваться. Обратный примѣръ, красильное вещество марена перестало быть полезностью, и благомъ, ибо замѣняется теперь другимъ, удовлетворяющимъ той же потребности.

Но если не всѣ матеріальные предметы являются благомъ, то и трудъ не всякій будетъ тѣмъ трудомъ, который разсматривается политической экономіей. Трудъ музыкальный есть трудъ, трудъ учителя, профессора—тоже трудъ, но все это не хозяйственный трудъ, это не есть трудъ направленный на производство матеріальныхъ предметовъ. Люди, отдающіе себя этому труду, могутъ оказывать очень большія услуги, и на этомъ основаніи нѣкоторые экономисты причисляли эти роды труда тоже къ хозяйственному труду, исходя изъ того, что за это уплачиваютъ вознагражденіе, какъ за услугу. Но, говоритъ Платеръ, можно уплатить деньги кому-либо за то, что онъ поджогъ домъ или сообщилъ тайну. Но вѣдь эта тайна, продолжаетъ онъ, не является частью имущества того, кто уплатилъ деньги. „Истинныя добродѣтели, замѣчаетъ онъ, мудрость, честь, любовь, храбрость, терпѣніе и т. п. качества, которыя слѣдуетъ цѣнить дороже всего, несомнѣнно, не являются хозяйственнымъ благомъ, и не могутъ быть выражены въ деньгахъ“, хотя, какъ это отмѣчаетъ К. Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи“ — этими качествами и благами нерѣдко торгуютъ теперь.

Сказаннаго объ этихъ родахъ труда достаточно, чтобы видѣть, что входитъ въ предметъ политической экономіи. Но одно время экономисты потратили не мало усилій на то, чтобы выяснить понятіе „производительнаго“ и „непроизводительнаго“ труда и не мало было споровъ по этому поводу. Въ словѣ непроизводительный трудъ усматривали, что-то, какъ бы связанное съ осужденіемъ и потому и старались подвести всякій трудъ подъ понятіе производительнаго, почему и приходили къ отмѣченному объясненію, что производительный трудъ тотъ, за который даютъ вознагражденіе. Нужно замѣтить, что такой взглядъ свидѣтельствовалъ лишь о томъ, что выше всего ставился не человѣкъ и его хозяйственная дѣятельность, а самое имущество, результатъ этой дѣятельности, богатство.

На почвѣ смѣшенія различныхъ точекъ зрѣнія и понятій частнаго дохода, вознагражденія и соотвѣтственно тому смѣшенія понятія хозяйства частнаго и общественнаго, основывается неправильное толкованіе блага и въ другомъ отношеніи; за благо хозяйственное принимаютъ иногда права, напримѣръ, которыя одно лицо имѣетъ на другое, напримѣръ, право закладчика на заложенное имущество, если оно не выкуплено. Но здѣсь нужно имѣть въ виду слѣдующее — на что обращаю особенное вниманіе, ибо и впредь будемъ часто сталкиваться съ этимъ. Надо всегда различать точку зрѣнія общественную и частнаго лица. „Для отдѣльнаго лица, говоритъ англійскій экономистъ Джонъ Ст. Милль, имуществомъ является все, что даетъ ему возможность предъявить притязанія на часть имущества другихъ лицъ. Для страны же, или для всего человѣческаго общества имуществомъ (суммой хозяйственныхъ благъ) является только то, что само по себѣ полезно или пріятно“. Это различіе необходимо будетъ имѣть въ виду все время и съ нимъ считаться, т.-е. предостерегать себя отъ смѣшенія двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія придется неоднократно и впослѣдствіи.

3.

Предшествующее выясненіе опредѣляетъ въ общихъ чертахъ содержаніе и задачи теоретической политической экономіи. Но положеніе теоріи, выясненіе общихъ законовъ и условій, которыми опредѣляется и направляется хозяйственная дѣятельность людей и отъ которыхъ она зависитъ, можетъ быть получено только путемъ наблюденія въ разныхъ странахъ и въ разное время той дѣятельности людей, которая направляется на созданіе матеріальныхъ предметовъ для удовлетворенія потребностей. Ознакомленіе съ

хозяйственной дѣятельностью дается путемъ изученія хозяйственнаго быта разныхъ народовъ и его исторіи. Въ частности изученіе хозяйственнаго быта для каждаго даннаго времени достигается хозяйственной статистикой, т.-е. систематическимъ наблюденіемъ и описаніемъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ сторонъ жизни населенія. Въ связи съ этимъ стоитъ и изученіе экономіи сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, т.-е. знакомство съ конкретными условіями каждой изъ указанныхъ вѣтвей хозяйственной дѣятельности человѣческихъ обществъ. Это изученіе, однако, должно быть тѣсно связано и съ знакомствомъ съ экономической политикой, т.-е. тѣми мѣрами сознательнаго воздѣйствія со стороны государствъ, которыя они принимали по отношенію къ экономической дѣятельности или отдѣльнымъ сторонамъ ея. Эти мѣры стоятъ, обыкновенно, въ связи съ даннымъ моментомъ въ исторіи хозяйственнаго развитія, частію же въ связи съ тѣми или иными экономическими теоріями и ученіями. Ученія же эти въ значительной мѣрѣ являются отраженіемъ того, что представляетъ для времени появленія ихъ экономическая дѣйствительность. Отсюда для окончательнаго представленія о содержаніи и задачахъ политической экономіи и для выработки себѣ самостоятельно и обстоятельно продуманнаго политико-экономическаго созерцанія, т.-е. для уясненія путей, ведущихъ къ экономическому благополучію людей и связанному съ тѣмъ ихъ бытовому, культурному, правовому и политическому положенію, необходимо въ соединеніи съ перечисленными экономическими дисциплинами еще и изученіе исторіи экономическихъ ученій въ связи съ исторіей экономическаго быта. Таковъ полный кругъ предметовъ, относящихся непосредственно къ области политической экономіи. Отсюда должно быть ясно, насколько все это должно быть построено на широкомъ фундаментѣ знакомства съ всеобщей исторіей и исторіей человѣческой культуры.

IV. Что такое производство?

Въ предшествующемъ опредѣлено, что такое хозяйственное благо, что такое полезность, что такое хозяйственная дѣятельность и что надо разумѣть подъ хозяйствомъ. Но высказывая все предшествующее, что нужно было выяснить, чтобы подойти къ опредѣленію политической экономіи, приходилось указывать и подразумѣвать, что хозяйственная дѣятельность состоитъ въ опредѣленномъ воздѣйствіи человѣка на окружающую его природу, что человѣкъ является самъ носителемъ своего экономическаго благополучія, поскольку рѣчь идетъ не объ отдѣльномъ лицѣ, а объ обществѣ, что это воздѣйствіе выражается въ хозяйственномъ трудѣ. Отсюда является необходимость подробнѣе остановиться на выясненіи того, что такое трудъ, въ чемъ состоитъ онъ и въ чемъ его роль и значеніе въ производствѣ. Необходимо выяснить и что такое производство.

Остановимся сперва на выясненіи этого послѣдняго понятія. При описаніи первобытнаго хозяйства, мы уже отмѣтили, что человѣкъ, извлекалъ средства существованія изъ окружающей природы, соотвѣтственно тому, что она давала ему. Но извлекая ихъ, завладѣвая звѣремъ, напримѣръ, при охотѣ, или снимая жатву при земледѣліи, человѣкъ видоизмѣнялъ созданные природою предметы. Онъ самъ не создавалъ тогда, не можетъ создать и теперь ни одного атома, ни одной частицы матеріи, вещества, — онъ можетъ только видоизмѣнять природные запасы, склады того или другого вещества, приспособить послѣднія къ удовлетворенію своихъ потребностей, придать имъ такой видъ, такую форму, чтобы они были пригодны и удобны для удовлетворенія его потребностей. Мясо звѣря онъ жаритъ, шкуру очищаетъ такъ, чтобы сдѣлать палатку, одежду, зерно размельчаетъ, перемалываетъ, обращаетъ въ муку; кусокъ камня превращаетъ въ топоръ или молотокъ, изъ загнутаго острія палки дѣлаетъ орудіе обработки, вспахиванія земли — (первоначальный плугъ), при чемъ возможно, что первоначальное разрыхленіе казалось ему нужнымъ только для того, чтобы помѣстить туда зерно, но это, соединяя частицы земли съ воздухомъ, привлекая въ землю азотъ, обусловило лучшій

урожай и практически привело къ распашкѣ болѣе глубокой, чѣмъ необходимо для того, чтобы положить зерно въ землю. Вотъ это то воздѣйствіе человѣка на природу, приспособленіе силъ и средствъ, созданныхъ природой, для удовлетворенія своихъ потребностей, при чемъ человѣкъ затрачиваетъ на это трудъ, т.-е. дѣятельность, направленную опредѣленнымъ образомъ, съ опредѣленной цѣлью привести эти силы и средства въ такой видъ, чтобы получить такую вещь, какую ему нужно — и есть производство.

При этомъ не трудно видѣть, что уже на первыхъ ступеняхъ хозяйственной дѣятельности производство имѣетъ такъ сказать двѣ вѣтви. Трудъ человѣка направляется на производство предметовъ двоякаго рода: 1, одни изъ нихъ, какъ мясо, шкуры для одежды или палатокъ, зерно, корни растеній, плоды и т. п. добываются, измѣльчаются, варятся, такъ или иначе приготовляются для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ и т. п. 2, другіе предметы, какъ деревянная палка для разрыхленія земли или изготовленіе лука и стрѣлы, или топора, или даже и глинянный горшокъ, если онъ служитъ для изготовленія пищи, служатъ какъ орудіе.—Всѣ эти предметы не имѣютъ своимъ назначеніемъ удовлетворить ту или иную непосредственную потребность тѣла, а предназначены лишь къ тому, чтобы облегчить человѣку добываніе и приспособленіе того, что даетъ природа къ удовлетворенію его непосредственныхъ потребностей—это дѣятельность, направленная на производство орудій производства.

Обращаю вниманіе на это существенное различіе, ибо, если, оно сказывается на первобытныхъ ступеняхъ, то потомъ увеличивается и усложняется и уже мы имѣемъ громадную разницу между дѣятельностью, направленной, напримѣръ, на хлѣбопеченье и дѣятельностью на изготовленіе машинъ, служащихъ, хотя бы для того, что бы мѣсить тѣсто для этого хлѣбопеченія.

Различіе это сказывается и въ томъ разсчетѣ, соотвѣтственно которому должны распредѣляться рабочія силы страны, въ зависимости отчего находится и полнота удовлетворенія потребностей и весь строй самого производства и взаимныя отношенія участниковъ его и самая расцѣнка хозяйственныхъ благъ. Это различіе, какъ это ясно само собою, вліяетъ на количество и качество предметовъ непосредственнаго потребленія и орудій и средствъ для ихъ производства. Не имѣя въ виду этого различія, мы не уяснимъ себѣ и что такое капиталъ и какъ онъ образовался. Особенно важно имѣть въ виду это различіе, когда придется установлять различіе въ условіяхъ земледѣльческаго и фабричнаго производства. Сказывается оно и на томъ, какъ распредѣлены тѣ или другіе изъ этихъ предметовъ въ

обществѣ и какія изъ этого вытекаютъ отношенія между владѣльцами тѣхъ или другихъ видовъ производимыхъ предметовъ. Наконецъ направленіе дѣятельности въ ту или другую сторону зависитъ отъ той или иной степени успѣшности труда и возможности удовлетворить тѣ или иныя потребности. Въ поясненіе этого напомню то, что уже было сказано о возможности заняться изготовленіемъ чего либо на продажу, не для себя, только тогда, когда успѣшность труда такова, что за время приложенія его приготовлено болѣе, чѣмъ нужно на содержаніе себя. Точно также и заняться изготовленіемъ предметовъ, облегчающихъ, ускорящихъ трудовую дѣятельность возможно лишь тогда, когда уже имѣешь на то досугъ отъ приготовленія пищи, одежды и т. д. А затѣмъ приготовленіе этихъ орудій облегчаетъ трудъ, даетъ возможность еще большаго досуга, но въ тоже время и болѣе полнаго удовлетворенія стремленія къ накопленію и вызываетъ еще большее побужденіе къ порабощенію другихъ ради этого накопленія и ведетъ къ тому, что на мѣсто человѣка и его потребностей на первый планъ становится средство производства, имущество, капиталъ, что сказывается и на построеніи ученія о хозяйственной дѣятельности человѣка и ея условіяхъ.

Итакъ, производство это есть дѣятельность, направленная на приготовленіе предметовъ внѣшней природы къ служенію нашимъ хозяйственнымъ цѣлямъ — будетъ ли то дѣятельность для непосредственнаго удовлетворенія потребности или для облегченія труда, для большей его успѣшности.

V. Что такое трудъ?

1.

Все предыдущее установляетъ необходимость остановиться подробно на выясненіи понятія труда и условіяхъ приложенія и успѣшности его. Это вытекаетъ уже изъ того, что въ центрѣ всего ученія политической экономіи стоитъ человѣкъ, а въ трудѣ проявляется человѣческая личность во внѣ. Что же такое трудъ, въ чемъ состоитъ онъ?

На это хорошій отвѣтъ данъ англійскимъ экономистомъ Д. С. Миллемъ, о которомъ я уже упоминалъ. „Трудъ, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что человѣкъ помѣщаетъ вещи созданныя природой въ такое положеніе, чтобы онѣ вслѣдствіе своихъ природныхъ свойствъ и силъ природы измѣнялись соотвѣтственно нашимъ надобностямъ. Только это и дѣлаетъ человѣкъ. Онъ придвигаетъ одну вещь къ другой. Онъ вдвигаетъ зерно въ землю, и естественныя растительныя силы постепенно производятъ корень, стебель, листья, цвѣты и плоды. Онъ продвигаетъ топоръ черезъ дерево и оно падаетъ естественной силой тяжести; онъ особеннымъ манеромъ продвигаетъ черезъ него пилу и оно раздѣляется на доски по физическимъ силамъ, заставляющимъ болѣе мягкую вещь вытѣсняться подъ напоромъ болѣе твердой; онъ располагаетъ эти доски въ извѣстномъ порядкѣ, продвигаетъ сквозь нихъ гвозди или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ столъ или стѣну. Онъ придвигаетъ частичку огня къ топливу и оно загорается силою горѣнія, варитъ пищу, спаиваетъ или размягчаетъ желѣзо, обращаетъ въ пиво и сахаръ, солодъ и тростниковый сокъ, когда онъ придвинетъ къ огню эти вещи. Онъ имѣетъ только одно средство дѣйствовать на матерію, это средство двигать ее. Движеніе и сопротивленіе движенію вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его мускулы. Но этого довольно для доставленія людямъ всей той власти, которую они пріобрѣли надъ силами природы,—неизмѣримо сильнѣйшими самихъ людей“.

Итакъ, движеніе мускуловъ и при помощи того передвиженіе, перемѣщеніе предметовъ, вотъ въ чемъ состоитъ физическій, тѣлесный трудъ человѣка. Но совершенно справедливо замѣчаніе Платтера, что никакой физическій трудъ, невозможенъ безъ умственнаго, о чемъ я упоминулъ уже раньше. Замѣчу при этомъ, что и умственный трудъ не обходится совершенно безъ физическаго и нельзя сказать, чтобы совсѣмъ незначительнаго. Писаніе напр. требуетъ, кажется очень мало физическаго труда (мускульнаго движенія) и однако доводитъ до судорогъ въ рукѣ, до такъ называемой, писчей болѣзни и т. п. Говоря далѣе объ условіяхъ и успѣшности труда, его производительности, мы увидимъ какое громадное значеніе имѣетъ умственный трудъ, не только теперь, но имѣлъ всегда и даже можетъ больше въ прежнее время. Для насъ теперь совершенно понятно, какъ и почему происходитъ посѣвъ зерна. Но какой крупный переворотъ въ производствѣ долженъ былъ произойти, чтобы человѣкъ, вмѣсто добыванія готовой растительности, данной самой природой, сталъ искусственно насаждать растенія. Какой переворотъ въ представленіи человѣка долженъ былъ совершиться, чтобы онъ зерно, могущее служить пищей, рѣшился закопать въ землю и ожидать нѣсколько мѣсяцевъ возврата его съ излишкомъ. Для этого было надо накопить много знаній, наблюденій и, такъ сказать, мимовольнаго размышленія. А результатъ примѣненія этого знанія—неизмѣримый—все послѣдующее хозяйственное развитіе, которое было бы немыслимо, если бы люди не осѣли, а все продолжали бы бродить и кочевать; немыслимы были бы и запасы и накопленія; все это могло появиться только съ переходомъ къ земледѣлію. Разница же между отношеніемъ умственнаго и физическаго труда въ процессѣ работы въ прежнее время и въ настоящее состоитъ въ томъ, что теперь еще существуетъ и раздѣленіе умственнаго труда и физическаго. Но ни тотъ ни другой, одинъ безъ другого немыслимы. Необходима техника, необходима организація и управленіе ходомъ примѣненія труда. „Съ развитіемъ кооперативнаго характера самаго процесса труда, говоритъ Карлъ Марксъ, неизбѣжно расширяется и понятіе о производительности труда и его носителѣ. Для того, чтобы производительно работать, теперь нѣтъ надобности трудиться собственными руками. Достаточно быть органами кооперативнаго рабочаго, выполняя одну изъ его функцій". А функція умственнаго труда опредѣляется Платтеромъ такъ: „трудъ инженеровъ говоритъ онъ, можно сравнить съ трудомъ рабочаго, который сидитъ и обдумываетъ какъ ему выполнить какую-нибудь работу". Но, если рабочій еще сидитъ и обдумываетъ, то онъ еще не приступилъ къ работѣ, хотя это обдумываніе—есть необходимое условіе работы. Работа, трудъ—это когда началось то дви-

женіе, то приведеніе силъ и средствъ природы во взаимное соприкосновеніе, которое создаетъ то, что намъ нужно, но которое явилось, какъ слѣдствіе обдумыванія и ознакомленія съ силами и свойствами природы. „Ударъ лопатой, продолжаетъ Платтеръ, есть производство".

При этомъ надо еще имѣть въ виду, что движеніе, требующее мускульной дѣятельности, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе совершается при помощи такихъ проявленій человѣческаго труда, какъ машины и на долю человѣка, даже занятаго прямо физическимъ трудомъ, на долю рабочаго все болѣе и болѣе выпадаетъ затрата при работѣ не мускульной силы, а нервной, т.-е. умственной дѣятельности, вниманія и т. д. На это различіе обращаю особое вниманіе, ибо съ нимъ придется имѣтъ дѣло и ему придавать большое значеніе, когда будемъ говорить о величинѣ рабочаго дня и о значеніи, условіяхъ и необходимости сокращенія его въ настоящее время.

2.

Здѣсь же нужно остановиться на различіи и раздѣленіи умственнаго и физическаго труда съ нѣкоторой особой точки зрѣнія, имѣющей однако особое значеніе въ устроеніи человѣческихъ отношеній и въ построеніи политической экономіи.

Можно сказать, что существующее теперь раздѣленіе умственнаго и физическаго труда, (не касаясь того, какъ оно народилось и создалось) имѣло первоначально при своемъ появленіи, вѣроятно, и свое производительное значеніе. Возможно, что только путемъ полнаго отрѣшенія отъ физическаго труда и исключительнаго сосредоточенія вниманія на опредѣленныхъ явленіяхъ и ихъ взаимоотношеніи, только этимъ путемъ человѣчество могло дойти до уясненія себѣ многаго, что знаетъ теперь, создать науку и то ея приложеніе, которое выражается въ техникѣ, въ примѣненіи научнаго знанія къ производству. Но, съ другой стороны, ясно и несомнѣнно, что это же раздѣленіе носителей труда на работниковъ умственнаго и физическаго труда, отражается крайне вредно на всемъ строѣ экономическихъ отношеній теперь, отражалось такъ, вѣроятно, и въ прошломъ. Чтобы признать и установить ненормальность этого раздѣленія теперь—для этого вовсе нѣтъ надобности быть толстовцемъ. Раздѣленіе это, прежде всего, раскалываетъ, раздѣляетъ на двѣ и нерѣдко, какъ бы враждебныя другъ другу стороны, взаимно другъ друга непонимающія и не могущія понять, двѣ группы трудящихся, связанныхъ въ самомъ процессѣ труда общимъ интересомъ; являются какъ будто бы двѣ совершенно особыя породы людей. А это не

можетъ не отзываться неблагопріятно, какъ о томъ и свидѣтельствуетъ постоянно дѣйствительность, на самомъ ходѣ производства на постановкѣ его, на успѣшности. Раздѣленіе это, слѣдовательно, вредно теперь и съ точки зрѣнія самой цроизводительности.

Но оно вредно съ той же точки зрѣнія и въ другомъ отношеніи. Вѣрно говоритъ Платтеръ, приравнивая трудъ инженера къ труду работника, обдумывающаго предварительно какъ вести работу. Но, спрашивается, когда плодотворнѣе будутъ результаты обдумыванія: тогда ли, когда я перенялъ только то, что обдумали другіе или когда я претворяю въ дѣло то, что продумалъ самъ? Полагаю, что въ послѣднемъ случаѣ, а если такъ, то плодотворное развитіе производства, успѣхъ его требуютъ, чтобы работники физическаго труда имѣли возможность и необходимость сами обдумать то, что надо дѣлать и какъ это дѣлать. Современное же состояніе техники даетъ возможность того и даже необходимость: возможность, ибо теперь мы имѣемъ уже высокую степень производительности труда—необходимость, ибо чѣмъ совершеннѣе машины, тѣмъ выше требованіе къ силѣ умственной дѣятельности рабочаго. Въ связи съ этимъ стоитъ и сокращеніе рабочаго дня, которое становится тѣмъ возможнѣе и значительнѣе, чѣмъ совершеннѣе техника, а чѣмъ короче рабочій день, тѣмъ болѣе у рабочаго времени для умственнаго и духовнаго развитія. А въ такомъ случаѣ рабочіе, занятые физическимъ трудомъ, могутъ пріобрѣсть и тѣ знанія, которыя даются въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ: университетахъ, институтахъ, академіяхъ и т. д. Слушаютъ же датскіе крестьяне по зимамъ университетскіе курсы, вовсе не имѣя при этомъ въ виду бросать свои земледѣльческія занятія, а какъ разъ именно для большого успѣха ихъ и просто для расширенія своего умственнаго кругозора.

Съ другой стороны, и для людей умственнаго труда съ точки зрѣнія физіологіи, гигіены, т.-е. съ точки зрѣнія благополучія человѣческаго существованія и здоровья, крайне вредно отсутствіе физическаго труда, одностороннее упражненіе однихъ органовъ изъ цѣлаго человѣческаго организма. Отсюда уже вытекаетъ необходимость и для людей умственнаго труда пріурочить себя и къ физическому. Но это должно быть плодотворно и для развитія самой науки, такъ какъ болѣе здорово работающій организмъ, надо полагать, и въ умственной сферѣ произведетъ что либо болѣе значительное и менѣе одностороннее. Возможность же при примѣненіи физическаго труда, производительно и сосредоточенно работать и въ сферѣ умственнаго создается для настоящаго времени и тѣмъ, что теперь мы имѣемъ и можемъ имѣть болѣе короткій рабочій день для производства и, слѣдовательно, достаточно времени и

для умственной работы, которая не можетъ продолжаться безпрерывно и которая, обычно, возможна только въ теченіе болѣе короткаго очаго дня, чѣмъ это мыслимо для физическаго труда. Выигрышъ долженъ получиться и для самаго производства, такъ какъ опять-таки для плодотворнаго примѣненія умственнаго труда въ немъ, необходимо знакомство въ данной области и съ физическимъ трудомъ и условіями его приложенія. Отъ учащихся въ высшихъ техническихъ училищахъ и требуются, поэтому и практическія упражненія. Но, спрашивается, если они возможны и необходимы во время обученія, подготовки, то почему же они оказываются излишними во время уже приложенія результатовъ обученія къ дѣлу? И, конечно, не будетъ ошибки объяснить это тѣмъ, что при приложеніи результатовъ обученія къ дѣлу, приходится нести на себѣ и функцію надзора и управленія въ такой мѣрѣ, что это, можетъ быть, и не оставляетъ времени для собственнаго физическаго труда. А требуется это въ такой мѣрѣ по тому, что приходится имѣть дѣло съ массой рабочихъ, не подготовленныхъ къ данному производству путемъ пониманія и знанія процессовъ его, а пріобрѣтшихъ только навыки, т.-е. рабочихъ именно не имѣющихъ необходимыхъ знаній, культуры, просвѣщенія, которыя должно давать высшее образованіе. Функція же надзора вытекаетъ не изъ прямыхъ задачъ умственнаго труда, а изъ положенія представителя его, какъ начальствующаго лица. Вотъ это то и создаетъ расколъ, разладъ между двумя группами трудящихся въ одномъ дѣлѣ.

Но это положеніе начальствующаго, столь несвойственное производительной трудовой дѣятельности, опять таки обусловливается, можно сказать, единственно исключительностью знаній со стороны одного и всеобщностью незнанія со стороны массы. При наличности же одинаковости знаній и образованія у всѣхъ, что при современныхъ техническихъ условіяхъ, повторяемъ, и возможно и необходимо, при соотвѣтствующей организаціи и производства и системы распространенія знаній—это различіе положенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и условія, порождающія разладъ и расколъ — сами собой уничтожатся. Возможно, что и при этомъ останутся необходимыми такія отрасли всеобщей дѣятельности, которыя потребуютъ исключительно умственнаго труда—но тогда это будетъ только результатомъ требованій существа дѣла, это будетъ только то раздѣленіе труда—не больше—которое необходимо, чтобы совершеннѣе исполнить общее дѣло, какъ необходимо раздѣленіе его между прядильщикомъ и ткачемъ напр., изъ коихъ ни одинъ не является начальствомъ надъ другимъ, какъ нѣтъ и различій по положенію между тѣмъ же ткачемъ или портнымъ и столяромъ рабочимъ. Это просто особыя отрасли труда въ раздѣленіи занятій въ обществѣ. Но тогда же займетъ свое опре-

дѣленное и соотвѣтствующее мѣсто въ жизни человѣчества и производство. Оно не будетъ поглощать въ людяхъ все и отнимать у нихъ возможность проявленія личности во всей ея полнотѣ, не будетъ лишать ихъ возможности получать развитіе своихъ духовныхъ, умственныхъ свойствъ, оно получитъ то служебное положеніе, которое оно должно занимать; не люди будутъ работать и существовать для нуждъ его, а оно для созданія и увеличенія человѣческаго благосостоянія и благополучія: не „человѣкъ для субботы (какъ теперь), а суббота для человѣка".

Сказаннымъ до сихъ поръ о трудѣ нельзя ограничиться здѣсь, такъ какъ въ политической экономіи мы имѣемъ дѣло можно сказать, исключительно съ проявленіями трудовой дѣятельности человѣка. Только ею и живетъ человѣкъ, какъ человѣкъ. „Если, говоритъ Платтеръ, человѣкъ хочетъ приспособить природу къ удовлетворенію своихъ потребностей, если онъ хочетъ поступать дѣйствительно, какъ высшее существо, разумно и планомѣрно, а не питаться имѣющейся въ природѣ готовой пищей, какъ большинство животныхъ, то у него есть только одинъ выходъ—трудъ".

„Всѣ хозяйственныя блага, говоритъ другой ученый Родбертусъ, являются продуктами труда; другими словами только трудъ создаетъ блага и только тѣ блага могутъ считаться хозяйственными, на производство которыхъ затраченъ трудъ, хотя бы и самый незначительный; всѣ хозяйственныя блага являются продуктами только труда, т. е. блага имѣютъ хозяйственное значеніе лишь постольку поскольку они являются продуктами труда". На этомъ приходится очень останавливаться и очень настойчиво повторять это, такъ какъ совершенно справедливо тотъ же Платеръ по поводу сказаннаго о роли и значеніи труда, говоритъ: „къ сожалѣнію эта столь очевидная истина остается еще до сихъ поръ непонятной тайной для многихъ экономистовъ". Неудивительно поэтому, что не экономисты тоже обыкновенно думаютъ, что блага создаются не трудомъ, а капиталомъ, и можетъ быть и не безъ основанія, глядя на современный экономическій строй, утверждаютъ, что, „отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ-каменныхъ". Итакъ, кто же правъ или гдѣ правда тамъ или тутъ и какъ выйти изъ того противорѣчія, что блага создаются трудомъ и только трудомъ, а между тѣмъ широко обладаютъ ими, безпрепятственно пользуются ими, благоденствуютъ не тѣ, кто трудится, а кто обладаетъ капиталомъ и командуетъ трудомъ?

Отвѣтомъ на это будетъ въ сущности все дальнѣйшее содержаніе моего курса.

Говоря о трудѣ, необходимо коснуться еще одного рода труда, не всегда являющагося прямо физическимъ, но тоже необходимаго для производства, хотя не всѣ такъ думаютъ—это трудъ торговли Нужно имѣть въ виду, что, если производство каждаго отдѣльнаго предмета стало дѣломъ особыхъ лицъ, то необходимъ и особый трудъ, т. е. особое лицо, которое доставило бы предметъ тому, кому онъ нуженъ. Если предметъ произведенъ въ Америкѣ или Египтѣ (хлопокъ напр.), а нуженъ московскому фабриканту, то, конечно, нуженъ трудъ, по доставкѣ, перевозкѣ его въ Москву. Но въ Москвѣ, куда онъ доставленъ, нуженъ еще трудъ, забота по распредѣленію его между различными фабрикантами, т. е. по продажѣ его. „Конечно при этомъ, говоритъ нѣмецкій экономистъ Harms, бываетъ и непроизводительная торговля, когда существуетъ много излишнихъ посредниковъ, искусственно создаваемыхъ и такъ сказать удлиняющихъ путь перехода предмета отъ производителя къ потребителю". Но все же трудъ по продажѣ необходимъ, чтобы предметъ попалъ къ потребителю. Убѣдительнѣе всего за это говоритъ существованіе потребительныхъ обществъ, т. е. соединеніе самихъ потребителей для пріобрѣтенія предметовъ безъ излишнихъ посредниковъ и расходовъ на содержаніе ихъ. При этомъ, однако, нельзя обойтись безъ лицъ, которыя отвѣшиваютъ, отмѣриваютъ, отпускаютъ товаръ, получаютъ за него деньги, сносятся по пріобрѣтенію товара съ подлежащими фирмами, закупаютъ его для членовъ общества и т. п. Существуютъ, какъ увидимъ даже спеціальныя закупочныя товарищества. Возьмемъ, наконецъ, романъ американскаго писателя Беллами: Сто лѣтъ назадъ. Онъ изображаетъ тамъ, какъ человѣкъ, проснувшійся черезъ сто лѣтъ смотритъ на наше настоящее, живя въ такомъ общественномъ устройствѣ, гдѣ каждый работаетъ, гдѣ нѣтъ торговли въ нашемъ смыслѣ, но гдѣ имѣются особые склады всѣхъ товаровъ и особыя лица, распредѣляющія потребные предметы между тѣми, кому они нужны. Это и есть то, что составляетъ трудъ торговли.

VI. Условія успѣшности труда.

1. Количество и составъ работающихъ.

Сказанное до сихъ поръ о трудѣ, какъ основномъ условіи производства продуктовъ необходимыхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, ведетъ къ необходимости выяснить условія успѣшности труда. Здѣсь мы можемъ и должны остановиться, съ одной стороны, на условіяхъ успѣшности труда, поскольку они связаны съ личностью человѣка непосредственно, съ свойствами человѣческаго организма и его строенія, съ другой на тѣхъ условіяхъ, которыя связаны съ данными общественными порядками, со всей организаціей и постановкой труда въ обществѣ, съ тѣми обстоятельствами, которыя опредѣляютъ направленіе человѣческаго труда въ ту или другую сторону и отъ которыхъ зависитъ количество трудовыхъ силъ какими располагаетъ общество для удовлетворенія своихъ потребностей, соотвѣтственно ихъ настоятельности и благополучію членовъ общества.

Обращаясь къ выясненію значенія количества трудовыхъ силъ въ обществѣ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что здѣсь соотвѣтственно практически установившейся нормѣ, соотвѣтствующей до извѣстной степени и даннымъ физіологіи о наибольшей работоспособности организма, признается подраздѣленіе людей по ихъ возрасту на возрастъ рабочій, полурабочій и не рабочій.

Рабочимъ возрастомъ принимается обычно возрастъ отъ 20 до 60 лѣтъ, причемъ и здѣсь можно выдѣлить, какъ возрастъ проявленія наибольшей работоспособности возрастъ отъ 20 до 40 л. Все количество населенія въ рабочемъ возрастѣ (отъ 20 до 60 л.) колеблется по различнымъ государствамъ Европы въ предѣлахъ приблизительно отъ 45% (Россія) до 52% (Франція) всего населенія.

Разница въ процентѣ населенія рабочаго возраста по разнымъ странамъ можетъ зависѣть отъ разныхъ условій, выясняемыхъ обычно въ общихъ курсахъ по статистикѣ и въ курсахъ спеціально по статистикѣ населенія. Не останавливаясь, поэтому, здѣсь на выясненіи этого, отмѣчу, что различіе возрастнаго состава насе-

ленія для производительности труда обусловливается прежде всего различіемъ физической силы въ разныхъ возрастахъ. Такъ, согласно даннымъ, такъ много сдѣлавшаго для научнаго обоснованія статистики, бельгійскаго ученаго Кетлэ, въ Бельгіи по разнымъ возрастамъ выражается въ килограммахъ:

Въ возрастѣ	Ручная сила.	Становая сила (спинного хребта)
6 лѣтъ	10,3	20
10 „	26,0	46
14 „	47,9	81
20 „	84,3	138
30 „	89,0	154
40 „	87,0	122
60 „	56,0	93

Тоже самое получается по изслѣдованіямъ санитарнаго врача Московскаго Губернскаго Земства Е. М. Дементьева для фабричныхъ рабочихъ въ Московской губерніи. Тоже въ килограммахъ по возрастамъ выражается такъ:

Возрастъ.	Ручная сила.	Становая сила.
14 лѣтъ	32,98	82,00
20—21 г.	59,35	139,94
30—34 г.	62,11	151,29
40—49 л.	58,59	147,89
60 лѣтъ	46,54	118,69

По сравненію съ бельгійскими данными разница въ ручной силѣ не въ пользу русскихъ фабричныхъ рабочихъ. Но для опредѣленія причинъ различій, необходимо знать какое населеніе подвергнуто изслѣдованію въ Бельгіи, такъ какъ родъ занятій вліяетъ на развитіе той или иной силы, причемъ это развитіе не въ пользу фабричнаго труда; кромѣ того и для послѣдняго, въ условіяхъ русской жизни, надо знать какъ давно и постоянно заняты тѣ или иныя группы рабочихъ фабричнымъ трудомъ.

Но во всякомъ случаѣ мы видимъ, что какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ даннымъ наибольшая мускульная сила выпадаетъ на долю возраста признаваемаго рабочимъ.

Что это дѣйствительно имѣетъ значеніе для производительности труда, до извѣстной степени подтверждается и слѣдующимъ сопоставленіемъ, которое дѣлаетъ проф. А. Ф. Фортунатовъ въ своемъ изслѣдованіи: Урожаи ржи въ Европейской Россіи. Урожаи ржи, со-

гласно этому сопоставленію, измѣняются въ Европейской Россіи въ прямомъ соотвѣтствіи съ числомъ населенія рабочаго возраста.

А именно по

8	губ.	гдѣ	мужч.	раб.	возр.	болѣе	52%	урожай ржи съ дес.	4,92	четв.
5	»	»	»	»	»	отъ	51—52	» » »	4,88	»
8	»	»	»	»	»	»	50—51	» » »	4,86	»
7	»	»	»	»	»	»	49—50	» » »	4.59	»
3	»	»	»	»	»	»	48—49	» » »	4,50	»
6	»	»	»	»	»	менѣе	48%	» » »	4,35	»

По его же вычисленіямъ въ Курской губ. въ уѣздахъ, гдѣ имѣется болѣе 50% населенія рабочаго возраста, средній урожай ржи составляетъ 5,88 четвертей съ десятины; для 7-ми уѣздовъ съ 48—50% населенія рабочаго возраста—урожай 5,69 четв. и въ двухъ уѣздахъ, имѣющихъ менѣе 48% рабоч. возраста—средній урожай 5,43 ч.

Конечно, такое явленіе, какъ урожаи, какъ и каждое явленіе въ общественной и въ частности въ хозяйственной жизни является результатомъ множества условій, но все же та послѣдовательность, которая наблюдается здѣсь, въ измѣненіи количества населенія рабочаго возраста и средней высоты урожаевъ можетъ служить фактическимъ указаніемъ и провѣркой того, что установило въ этомъ отношеніи несистематическое наблюденіе самого населенія, а также и приведенныя выше данныя измѣреній Кетлэ и Дементьева. Меньшее число лицъ рабочаго возраста должно вести къ тому, что къ обработкѣ земли, къ пашнѣ примѣняются и силы подростковъ, обладающихъ меньшей силой. А такъ какъ при паханіи плугомъ, а особенно сохой, еще весьма распространенной у насъ, въ глубинѣ и тщательности обработки земли весьма многое зависитъ какъ отъ умѣнья, опытности, такъ и физической силы пахаря, то и понятно, что то или иное количество лицъ рабочаго населенія въ составѣ всего крестьянства не можетъ не вліять на высоту урожая, поскольку она зависитъ отъ обработки земли.

Въ полномъ согласіи съ этимъ находится и то обстоятельство, что во Франціи, гдѣ населеніе рабочаго возраста составляло до послѣдняго времени свыше 52%, производительность страны всегда признавалась очень высокой. Подтверждено это было въ свое время и той быстротой, съ какой Франція оказалась, вопреки всѣмъ предположеніемъ, способной выплатить послѣ франко-прусской войны 1871 г., наложенную на нее контрибуцію въ 5 милліардовъ франковъ, до уплаты которой и должны были прусскія войска оставаться въ рядѣ французскихъ крѣпостей. Высокая степень производительности Сѣв. Ам. Соедин. Штатовъ также согласуется съ

предположеніемъ о значеніи для производительности страны высокаго процента населенія въ рабочемъ возрастѣ. Извѣстно, что населеніе С. А. С. Ш. пополнялось долгое время, пополняется отчасти и до сихъ поръ, постояннымъ притокомъ въ нихъ переселенцевъ изъ Европы. Среди же нихъ преобладаетъ населеніе рабочаго возраста, да еще вдобавокъ наиболѣе предпріимчивое. Конечно тутъ опять таки мы имѣемъ дѣло съ сложными вліяніями и условіями, поскольку они связаны съ самымъ притокомъ переселенцевъ. Помимо отмѣченнаго уже качества этихъ силъ, на сколько оно опредѣляется ихъ предпріимчивостью, надо имѣть въ виду и то, что подготовка переселенцевъ къ труду и ихъ содержаніе до ихъ работоспособнаго возраста, когда оно ведетъ только къ издержкамъ, производится на счетъ населенія тѣхъ странъ, откуда они выселяются. Слѣдовательно часть средствъ, создаваемыхъ трудомъ въ странахъ выселенія, идетъ не на увеличеніе производительныхъ силъ этихъ странъ, а ложится на нихъ бременемъ, не возвращаемымъ и не возмѣщаемымъ для этихъ странъ тѣми, которые выросши и подготовившись къ труду, отдаютъ свои трудовыя силы не вскормившей ихъ странѣ, а С. А. С. Ш., производительность которыхъ и растетъ на счетъ странъ выселенія. Это указываетъ на то какое значеніе въ хозяйственномъ отношеніи имѣютъ всѣ тѣ условія, которыя благопріятствуютъ существованію въ данной странѣ и отражаются или на привлеченіи населенія въ страну или способствуютъ выходу изъ нея.

Помимо различія въ составѣ по возрастамъ, на количество труда, которымъ можетъ располагать страна, имѣетъ вліяніе и распредѣленіе населенія по поламъ. (Въ частности для С. А. С. Ш. имѣетъ значеніе и преобладаніе среди переселенцевъ мужского элемента надъ женскимъ). Это опять опредѣляется тѣмъ, что по даннымъ Кетлэ физическая сила мужчины и женщины въ килограммахъ измѣряется такъ:

Возрастъ	Ручная сила		Отнош. мужск. силы къ женской	Становая сила		Отн.
	мужч.	женщ.		мужс.	жен.	м. : женс.
10 л.	26	16,	1,60	46	31	1,48
20 л.	84,3	45,2	1,87	138	68	2,03
50 л.	74,0	47,0	1,55	101	59	1,71

Слѣдовательно въ зависимости отъ относительнаго количества мужчинъ и женщинъ по разнымъ странамъ и количество трудовыхъ силъ, измѣряемыхъ опредѣленной мѣрой (килограммы)—будетъ неодинаково. По странамъ Европы оно измѣняется отъ 1042 женщинъ на 1000 мужчинъ для Европейской Россіи до 1082 въ Норвегіи, составляя въ среднемъ для Европы 1024 ж. на 1000 мужчинъ.

Къ сказанному о меньшей силѣ женскаго организма, что вліяетъ на количество труда, нужно однако добавить, что послѣдняя война повела къ болѣе распространенному примѣненію женской рабочей силы. Правда въ исторіи промышленнаго развитія извѣстенъ періодъ, когда получило широкое распространеніе примѣненіе женскаго труда—это при введеніи машинъ. Но тогда это было обусловлено тѣмъ, что при работѣ на машинахъ не требовалось большой мускульной силы. Теперь же, въ Пруссіи и Баваріи напр., женскій трудъ сталъ примѣняться напр., при лѣсныхъ работахъ; появились женщины дровосѣки и пильщики. Долженъ, впрочемъ, замѣтить, что пилкой дровъ у насъ въ Россіи занимались женщины и раньше. Но война вызвала большое увеличеніе труда женщинъ на металлическихъ заводахъ, въ частности напр. на извѣстномъ заводѣ Круппа. Такимъ образомъ сферы примѣненія женскаго труда не есть что либо строго отграниченное. Но все же надо сказать, что трудъ женщинъ, несмотря на болѣе старательное отношеніе женщинъ къ своему дѣлу, какъ то свидѣтельствуютъ наблюдатели—практики, всетаки всегда будетъ въ каждой данной отрасли производства уступать мужскому по своей производительности. Происходитъ это оттого, что женщина, какъ мать и домохозяйка приходитъ на работу уже послѣ домашнихъ дѣлъ, для которыхъ оставляетъ постель раньше мужчины; да и по возвращеніи съ работы тоже идетъ ко сну позднѣе мужчины, такъ какъ послѣ вечерней трапезы, о которой ей же надо озаботиться, должна еще и прибрать кой что, когда мужчина уже почилъ отъ дѣлъ своихъ. Рабочій день ея, такимъ образомъ въ общей суммѣ всего труда всегда длиннѣе и потому изнурительнѣе мужского.

Какъ я уже замѣтилъ выше, установить точно значеніе и вліяніе этихъ различій на производительность труда не представляется возможнымъ, такъ какъ для точности опредѣленія вліянія ихъ необходимо равенство и тожество всѣхъ прочихъ условій, что совершенно немыслимо, какъ немыслима и такая постановка изслѣдованія, чтобы устранить, выдѣлить ихъ вліяніе. Но значеніе вліянія этихъ условій необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ явленій, что нерѣдко упускается изъ виду и можетъ вести къ неправильнымъ заключеніямъ, а слѣдовательно и къ неправильному образу дѣйствій.

Такъ въ 1917 г. при выступленіяхъ въ Россіи со стороны рабочихъ съ различнаго рода требованіями, стали усиленно отмѣчать паденіе производительности фабрикъ и заводовъ и приписывать это той „анархіи“ среди рабочихъ, которая вызвана переворотомъ февраля—марта сего года. Приписывалось это многими и сокращенію рабочаго дня и вообще „безчиннымъ“ и „самочиннымъ“ выступленіямъ

рабочихъ. Все выходило очень просто и убѣдительно. При этомъ совершенно не обращалось вниманіе на измѣненіе состава рабочихъ подъ вліяніемъ отлива населенія рабочаго возраста на фронтъ, на войну. А между тѣмъ сопоставленіе данныхъ о рабочихъ силахъ на русскихъ фабрикахъ въ 1914 и 1916 г., обнаруживаетъ большое различіе въ составѣ ихъ по возрасту и полу за эти два года, т. е. задолго еще до тѣхъ выступленій рабочихъ, которыя проявились по наступленіи революціоннаго времени, причемъ для того же 1916 г. наблюдается и уменьшеніе производительности, чему еще не стремились придавать тогда такое значеніе, тѣмъ болѣе что прибыли предпріятій, работавшихъ на оборону измѣрялись тогда довольно таки высокимъ процентомъ. По даннымъ, относящимся къ 14 группамъ производствъ изъ числа 1.058.426 рабочихъ занятыхъ тамъ, мужчины составляли въ 1914 году 54,2%, а въ 1916 г. изъ 1.136.171 рабочихъ они составляли уже лишь 46% всѣхъ работающихъ (523.108 ч., а въ 1914 г. 574.329 ч.). Число же женщинъ съ 1914 г. по 1916 поднялось среди рабочаго персонала съ 34,3% всѣхъ работающихъ до 40.7%, причемъ по отдѣльнымъ группамъ, какъ обработка хлопка напр., число ихъ дошло къ 1916 г. до 60,5%. Число подростковъ женскаго пола, а также и число малолѣтнихъ тоже возросло значительно. Ясно для каждаго, что не можетъ же это не повліять на паденіе производительности труда въ общей суммѣ всего производства. Кромѣ того надо имѣть въ виду ухудшеніе питанія, вслѣдствіе сокращенія хлѣбнаго пайка и вообще недостатка продуктовъ продовольствія, что тоже должно вліять на ослабленіе организма и сокращеніе производительности труда.

Эти данныя приводятъ еще къ одному заключенію, а именно о вліяніи войны на ходъ, развитіе и положеніе хозяйственныхъ отношеній. Заключеніе это не вполнѣ, можетъ быть, подходитъ къ тому, что соотвѣтствуетъ задачамъ учебнаго курса, но привести его здѣсь необходимо, такъ какъ оно еще разъ указываетъ на то, что постоянно надо имѣть въ виду при изученіи явленій общественной жизни, а именно на тѣсную связь всѣхъ ея явленій. Заключеніе же это состоитъ въ слѣдующемъ.

На войну отбирается населеніе наиболѣе работоспособнаго возраста, а погибаетъ на войнѣ изъ состава его, надо полагать, наиболѣе храброе, энергичное, предпріимчивое. На долю продолженія рода остается, такимъ образомъ съ каждой войной населеніе пониженное въ физическомъ, а можетъ быть и духовномъ уровнѣ, что, конечно, должно отзываться очень вредно на экономическомъ и культурномъ развитіи страны и неблагопріятно вліяетъ на развитіе ея производительныхъ силъ. Выходъ отсюда одинъ, тотъ, который и

намѣчается перемѣнами, происходящими въ условіяхъ производства: все большее и большее примѣненіе машиннаго труда и болѣе организованное, сознательное приложеніе науки и знанія къ производству и крайне бережливое отношеніе къ тому запасу знанія, умѣнія, которое накоплено предыдущими поколѣніями, можетъ быть, болѣе богатыми природными силами, нежели потомки лицъ, оставшихся за отборомъ на войну и связанную съ нею погибель болѣе одаренныхъ организмовъ.

Различіе въ распредѣленіи состава населенія по возрасту и полу вліяетъ, надо думать, также и на ту болѣе высокую степень производительности, которая наблюдаетея въ городахъ и промышленныхъ центрахъ. Туда притекаетъ также по преимуществу мужское населеніе и притомъ рабочаго возраста, независимо отъ того, что оно же представляетъ собою и болѣе предпріимчивый элементъ. Этимъ въ значительной степени и можно объяснить тѣ быстрые успѣхи въ развитіи промышленности сравнительно съ земледѣліемъ, которыми характеризуется все предшествующее столѣтіе. И тутъ выходъ все тотъ же: усиленное насажденіе просвѣщенія въ деревняхъ. Этимъ путемъ только и можно устранить то нарушеніе равновѣсія, которое существуетъ между городомъ и деревней въ хозяйственномъ отношеніи и мѣшаетъ правильнымъ отношеніямъ между городомъ и сельскимъ населеніемъ и правильному ходу удовлетворенія потребностей того и другого, что такъ рѣзко сказывается въ Россіи въ 1917 г. во время всемірной войны.

При данномъ соотношеніи населенія по возрастамъ и полу, на количество хозяйственнаго труда въ обществѣ вліяетъ распредѣленіе населенія по занятіямъ. Здѣсь, прежде всего, имѣетъ значеніе какое количество работоспособнаго населенія, входитъ въ составъ арміи и флота, что мы видѣли уже по приведеннымъ выше даннымъ объ измѣненіи рабочаго состава на русскихъ фабрикахъ за 1914 г. до войны и за 1916 годъ. Въ мирное время по разнымъ странамъ Европы въ составъ арміи и флота входитъ отъ 4 до 7% всего мужского населенія рабочаго возраста, а мужское населеніе рабочаго возраста составляетъ около четвертой части всего населенія. Далѣе количество лицъ, занятыхъ хозяйственнымъ трудомъ, различно въ зависимости отъ количества той части прислуги, которая занята не хозяйственнымъ трудомъ, числа лицъ, занятыхъ такъ называемыми свободными профессіями, т.-е. служащихъ разныхъ учрежденій, учащихъ и т. п., далѣе—живущихъ лишь доходами, такъ называемыхъ рантьеровъ, числа лицъ, содержащихся въ тюрьмахъ, больницахъ, неопредѣленныхъ профессій. На всѣ эти категоріи вмѣстѣ, не считая войскъ, выпадаетъ отъ 12 до 33% по разнымъ странамъ.

Изъ другихъ условій, вліяющихъ на количество труда, слѣдуетъ указать на устойчивость и передвиженія населенія; въ зависимости отъ занятій на передвиженіе можетъ уходить не мало времени, такъ какъ сезонность нѣкоторыхъ работъ—земледѣльческихъ напр., строительныхъ и т. п. въ связи съ продолжительностью лѣта и зимы вызываетъ ежегодно переходъ массы рабочихъ изъ однихъ мѣстъ въ другія. Здѣсь имѣетъ большое значеніе и то, что эти передвиженія нерѣдко являются именно переходомъ, когда массы рабочихъ съ котомками за плечами двигаются пѣшкомъ рядомъ съ желѣзной дорогой. Отсюда ясно значеніе въ этомъ отношеніи распространенныхъ и дешевыхъ путей сообщенія. Въ Россіи такіе отхожіе промыслы занимаютъ по разнымъ губерніямъ отъ 4 до 42,5% мужского рабочаго населенія. Всего такихъ отхожихъ промышленниковъ было насчитано у насъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія около 1,2 милліона въ 131 уѣздѣ 19-ти губерній. Немало также пропадаетъ безъ труда безплоднаго времени на переселенія при недостаточной организованности ихъ, заставляющей нерѣдко возвращаться ни съ чѣмъ на прежнее мѣстожительство.

Но количество рабочихъ силъ измѣняется и въ связи съ внѣшними условіями труда и его постановкой. Такъ, „только въ 6 наиболѣе промышленныхъ странахъ Западной Европы (Англіи, Германіи, Австріи, Франціи, Бельгіи и Швейцаріи) ежегодно терпятъ трудовыя увѣчья болѣе $1^1/_2$ милліона рабочихъ, въ томъ числѣ болѣе 16 тыс. со смертельнымъ исходомъ. Въ С. Ш. С. А. ежегодно увѣчится до 700 тыс. рабочихъ, изъ нихъ около 35 тыс. на смерть. Въ Россіи въ теченіе года бываетъ не менѣе 325 т. пострадавшихъ и 6 т. убитыхъ. На фабрично-заводскую промышленность приходится у насъ около 87 т. трудовыхъ увѣчій, въ горныхъ предпріятіяхъ—82 т., на желѣзныхъ дорогахъ 82 т., на внутреннихъ водныхъ путяхъ не менѣе 10 т., въ строительной промышленности—15 т., сельскомъ хозяйствѣ—30 т., въ ремесленной, извозной, рыболовной, лѣсной и др.—не менѣе 10 т. Въ Пруссіи (Германіи) за 25 л. (съ 1886 по 1911 г.) изувѣчено въ промышленности около 11 милл. рабочихъ, да въ сельскомъ хозяйствѣ около $2^1/_2$ милл., причемъ убито болѣе 250 т. чел. Кровопролитныя войны не влекли столько жертвъ. Во время франко-прусской войны въ 1870 г. число убитыхъ и раненыхъ не превышало 90 т. чел., въ русско-турецкую—75 т., въ русско-японскую—150 т. человѣкъ".

Особенно много увѣчій на нашихъ рудникахъ, гдѣ отсутствуютъ предохранительныя мѣры. Тамъ увѣчится до одной трети рабочихъ и изъ каждой 1000 рабочихъ 20 человѣкъ теряютъ трудоспособность, а два—три обрекаются на смерть. Очень много у насъ увѣчій и въ

фабрично-заводской промышленности, считающейся менѣе опасной въ этомъ отношеніи. Здѣсь изъ 1000 фабричныхъ увѣчится 42—43 человѣка, около 5 человѣкъ теряютъ трудоспособность навсегда. Но здѣсь разныя производства не одинаково опасны. Наиболѣе опасны металлическія, гдѣ въ среднемъ увѣчится 98 человѣкъ на 1000 рабочихъ, а на Путиловскомъ заводѣ доходитъ до 200 увѣчій на 1000 чел.; въ отдѣльныхъ же мастерскихъ число это поднимается до 370, т.-е. свыше $^1/_3$.

Эти увѣчья, разсматриваемыя съ точки зрѣнія вліянія ихъ на сокращеніе количества труда при данномъ составѣ населенія, усиливаютъ то вліяніе на сокращеніе количества труда, которое вытекаетъ изъ болѣзненности населенія, какъ явленія болѣе постояннаго и болѣе регулярно дѣйствующаго, но весьма различнаго по своей силѣ при разныхъ общественныхъ условіяхъ, а также и по различію занятій. Имѣетъ вліяніе и возрастъ. Наибольшая заболѣваемость захватываетъ юношескій (до 24 лѣтъ) и старческій возрастъ (свыше 45 л.), Но болѣе сильное вліяніе здѣсь имѣютъ занятія и, такъ сказать, соціальное положеніе, — въ томъ числѣ и имущественное. По даннымъ относящимся къ Московской губ. къ 1911 г. каждые 100 рабочихъ заболѣвали 262 раза въ году. По отдѣльнымъ же профессіямъ число это колебалось отъ 156 (набойщики) до 390 (ремонтные рабочіе). Заболѣваемость же всего сельскаго населенія тамъ же составляла лишь 40%, т.-е. 40 дней въ году на каждые 100 человѣкъ, а населенія уѣздныхъ городовъ—60%. По даннымъ Пермской губерніи тамъ на пушечныхъ заводахъ въ чугунно-литейномъ и ремонтномъ цехахъ она доходитъ до 500%, т.-е. на каждыхъ 100 рабочихъ 500 дней въ году. По даннымъ германскихъ больничныхъ кассъ, Дрезденской, тамъ въ 1912 г. было 114 заболѣваній на 100 рабочихъ, во Франкфуртской 179, т.-е. въ $1^1/_2$—2 раза менѣе, чѣмъ у насъ.

Эти данныя говорятъ за связь заболѣваемости съ занятіями, причемъ послѣднія вліяютъ и на характеръ заболѣваемости, т.-е. родъ болѣзней. Вліяніе же соціальнаго положенія опредѣляется здѣсь различіями въ смертности и въ крѣпости организма. Такъ въ Даніи напр. смертность среди состоятельныхъ классовъ составляетъ 9 человѣкъ на 1000— въ годъ, а среди рабочихъ и прислуги—19. Въ связи съ этимъ стоитъ и продолжительность жизни. По даннымъ статистики вообще для мужчины, достигшаго 15—20-лѣтняго возраста, въ среднемъ имѣется вѣроятность прожить до 60 лѣтъ, а для рабочаго лишь до 45—50 л., для духовенства же до 70 лѣтъ. Различіе же физической крѣпости организма въ связи съ состоятеляностью выяснено еще бельгійскимъ ученымъ Кетлэ. По даннымъ статистики въ возрастѣ 10-ти лѣтъ высота роста дѣтей состоятельныхъ классовъ измѣряется 135,7 санти-

метр., а рабочихъ 128,3 с.; въ 15-ти лѣтнемъ возрастѣ по тѣмъ же категоріямъ 161,3 с. и 153,8 сант. Аналогично вліяніе имущественной состоятельности и на смертность. Такъ въ Петроградѣ при платѣ за квартиру на одного жителя 100 р. смертность составляетъ 1,4%, при платѣ отъ 100—70 р.—1,7%, при платѣ 20 р.—3,03%. По русскимъ же даннымъ сельская смертность при 5 дес. земли на дворъ—3,47%, а затѣмъ понижаясь съ увеличеніемъ земельнаго пространства на дворъ она доходитъ до 2,56% при земельномъ надѣлѣ свыше 25 д. земли на дворъ. При наибольшемъ урожаѣ—она составляетъ 2,67%, а при наименьшемъ—3,89%.

2. Количество рабочаго времени и распредѣленіе труда и отдыха.

Наибольшее значеніе и вліяніе на количество труда, затрачиваемаго на производство, имѣетъ число дней и часовъ, въ теченіе которыхъ примѣняется трудъ. Но, если условія, указанныя въ предшествующемъ изложеніи—непосредственно и опредѣленнымъ образомъ отзываются на производительности страны, т.-е. на томъ какое количество предметовъ можетъ быть произведено, то количество времени затрачиваемаго на производство можетъ вліять, смотря по величинѣ этого времени, въ томъ или другомъ направленіи: или увеличивать количество мускульной и нервной энергіи затрачиваемой на производство или уменьшать его.

Прежде всего, здѣсь имѣетъ значеніе количество праздничныхъ дней, которое различно въ зависимости прежде всего отъ религіи, а затѣмъ отъ различія въ бытовыхъ условіяхъ и нравахъ. Въ протестантскихъ странахъ оно, напр., менѣе, чѣмъ въ католическихъ. У насъ въ земледѣльческихъ работахъ число праздничныхъ дней составляетъ около четверти всего числа дней въ году, а именно, кромѣ 52 воскресныхъ дней, еще дней 40. На фабрикахъ по разнымъ промысламъ и предпріятіямъ отъ 82 до 126 дней въ году. Здѣсь нужно имѣть въ виду, что первоначально при установленіи праздничныхъ дней, можетъ быть и имѣлась въ виду необходимость отдыха отъ труда для возобновленія силъ, какъ на это указываетъ и библія; „шесть дней дѣлай и сотвориши въ нихъ вся дѣла твои". Но въ дальнѣйшемъ, а въ особенности при рабовладѣніи не видать, чтобы въ установленіи праздничнаго отдыха принимались во вниманіе интересы труда, соотвѣтственно тѣмъ измѣненіямъ, которыя происходили въ положеніи трудящихся. А между тѣмъ, необходимость въ регулярномъ отдыхѣ опредѣляется самыми требованіями производительности труда. По этому поводу еще А. Смитъ, англійскій ученый, котораго можно назвать отцомъ современной политической экономіи, писалъ такъ:

„Чрезвычайное прилежаніе въ теченіи четырехъ дней недѣли часто является истинной причиной такъ часто и громко осуждаемой праздности въ теченіе трехъ остальныхъ. Сильная работа умственная или физическая, которая продолжается непрерывно въ теченіи многихъ дней, вызываетъ у многихъ людей естественно большую потребность въ покоѣ, которая становится непреодолимою, если только она не заглушена силой или нуждой. Это голосъ природы, которая требуетъ нѣкотораго отдыха, часто въ видѣ покоя, а часто въ видѣ развлеченія, и если это требованіе не будетъ исполнено, послѣдствія бываютъ часто опасны, даже гибельны и почти всегда ведутъ раньше или позднѣе къ особеннымъ профессіональнымъ болѣзнямъ. Если бы, продолжаетъ Адамъ Смитъ, работодатели всегда слушались предписанія природы и человѣчности, то они бы часто чувствовали себя въ такомъ положеніи, чтобы скорѣе умѣрять, нежели поощрять прилежаніе ихъ рабочихъ. Я думаю, говоритъ онъ дальше, что въ каждомъ родѣ занятій мы найдемъ, что тѣ, которые работали настолько умѣренно, чтобы быть въ состояніи постоянно вести свое дѣло, не только сохранили наиболѣе долго свое здоровье, но въ теченіи ряда лѣтъ произвели наибольшую работу“.

Другой англичанинъ, историкъ Маколей, произнесъ въ Англійскомъ парламентѣ блестящую рѣчь по поводу билля о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ. „Обратите, говоритъ онъ, вниманіе на то что напряженность рабочихъ, начатая въ очень ранней жизни, проявляемая ежедневно, очень рано останавливаетъ ростъ тѣла и духа, не оставляетъ времени для здороваго движенія и для развитія ума и должна поэтому съуживать всѣ тѣ высокія качества, которыя дѣлаютъ наше отечество великимъ. Мы дѣлались не бѣднѣе, а богаче оттого, что цѣлыя столѣтія одинъ день изъ семи отдыхали. Этотъ день не потерянъ. Когда прилежаніе устранено, плугъ лежитъ въ бороздѣ, биржа молчитъ, изъ фабричныхъ трубъ не идетъ никакого дыма, тогда происходитъ процессъ такъ же важный для обогащенія народа, какъ и всякій другой процессъ, происходящій въ дѣловой день: человѣкъ, машина машины, машина, въ сравненіи съ которой не имѣютъ значенія всѣ изобрѣтенія Уайта и Аркрайта, человѣкъ въ этотъ день отдыха возстановляется такъ, что въ понедѣльникъ онъ возвращается къ своей работѣ съ яснымъ духомъ, съ оживленнымъ сознаніемъ, съ обновленными тѣлесными силами. Никогда я не повѣрю, чтобы то, что дѣлаетъ человѣка болѣе сильнымъ болѣе здоровымъ, лучшимъ и болѣе мудрымъ могло въ концѣ концовъ сдѣлать его бѣднѣе“.

Такимъ образомъ, необходимость опредѣленнаго отдыха въ интересахъ производительности труда, равно какъ и здоровья, установлена

достаточно давно. И если, какъ свидѣтельствуетъ А. Смитъ, напряженность труда въ теченіе опредѣленнаго числа дней, отзывается непосредственно на количествѣ затраты мускульной и нервной энергіи, то и косвенно вліяніе ея весьма значительно. Та невысокая продолжительность жизни рабочихъ, о которой свидѣтельствуютъ приведенные нами выше факты, уменьшаетъ то количество затраты труда, которое могло бы совершаться при другихъ, болѣе здоровыхъ условіяхъ. Но, кромѣ того, малая продолжительность жизни вліяетъ на хозяйственное благополучіе и инымъ путемъ. Каждый человѣкъ до своего работоспособнаго возраста требуетъ затраты на его прокормленіе труда другихъ. Но затрата эта, съ экономической точки зрѣнія, тѣмъ производительнѣе, чѣмъ продолжительнѣе періодъ работоспособности человѣка, такъ какъ онъ тогда въ результатахъ своей работы не только возмѣститъ произведенные на него расходы, но и произведетъ, сверхъ того, на содержаніе послѣдующаго поколѣнія и на созданіе необходимыхъ продуктовъ тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе продолжался его работоспособный періодъ.

Вслѣдствіе этого ясно, насколько важно не просто установленіе опредѣленнаго числа нерабочихъ дней въ году, но и такое распредѣленіе ихъ, которое соотвѣтствовало бы дѣйствительно интересамъ труда и устанавливалось сообразно его условіямъ, а послѣднія являются для современнаго хозяйственнаго строя настолько сложными и многообразными, что необходимо принять во вниманіе очень многое, чтобы создать дни отдыха, дѣйствительно отвѣчающіе интересамъ трудового населенія.

Укажу, напр., на слѣдующее. Многихъ наблюдателей нерѣдко поражало такое обстоятельство, какъ установленное во многихъ русскихъ селеніяхъ три дня празднованіе храмовыхъ праздниковъ въ самый разгаръ полевыхъ работъ и уборки, когда, какъ говорятъ, «каждый часъ дорогъ». Представлялось это въ высшей степени неразумнымъ и дикимъ. Между тѣмъ, сами крестьяне объясняютъ это часто необходимостью въ эти дни крайне напряженной работы, когда нерѣдко и обычное воскресенье не празднуютъ, дать себѣ такой отдыхъ, какъ необходимый для возможности дальнѣйшей работы. Не безъ той же причины часты случаи установленія храмовыхъ праздниковъ передъ наиболѣе тяжелыми лѣтними рабочими періодами. Здѣсь послѣ весенней пахоты, передъ покосомъ и вообще уборкой, какъ выражаются крестьяне, въ дни храмовыхъ праздниковъ они „силы нагуливаютъ“. Такимъ образомъ, тутъ подъ покровомъ религіозныхъ обрядовъ установляется отдыхъ, вызываемый интересами труда. Тому же надо приписать и установленіе строгаго соблюденія воскреснаго дня въ Англіи. Но тамъ это охватываетъ по преимуще-

ству городское и при томъ торгово-промышленное населеніе, которое въ тишинѣ воскреснаго дня отдыхаетъ нервами отъ той, можно сказать, кипучей суматохи, которая создается чрезвычайно напряженной нервной дѣятельностью въ такомъ, напр., городѣ, какъ Лондонъ, и, въ свою очередь, вліяетъ на истощеніе нервной системы.

Но и этотъ, какъ бы всеобщій отдыхъ въ воскресный день, не является тѣмъ, чего требуютъ современныя условія труда и мѣнового оборота. Остановить всю жизнь въ воскресный или любой праздничный день—нельзя. Необходимо желѣзно-дорожное и трамвайное движеніе, необходима работа канализаціи, водопроводовъ, нельзя закрыть на весь день харчевни, рестораны, трактиры, наконецъ, нельзя остановить работу многихъ машинъ и даже фабрикъ. Послѣднее обстоятельство, въ особенности въ связи съ тѣмъ, что остановка машинъ на праздничные дни, т. е. по крайней мѣрѣ на 52 дня въ году, представляется для предпринимателей убыточной, ведетъ къ тому, что многія фабрики отпускаютъ ежедневно $^1/_7$ часть рабочихъ и, такимъ образомъ, не опредѣленный день недѣли служитъ для отдыха всѣхъ или большинства рабочихъ, но каждый день для $^1/_7$ части ихъ. Но именно для части ихъ. Между тѣмъ, ясно, что празднованіе воскреснаго дня при томъ условіи, что нельзя остановить всю хозяйственную дѣятельность, ведетъ къ крайне неравномѣрнымъ условіямъ для пользованія отдыхомъ. Во-первыхъ, для многихъ (напр., для прислуги харчевыхъ учрежденій) воскресенье доставляетъ еще болѣе напряженную работу, а отдыхъ для нея стоитъ уже въ иныхъ условіяхъ, такъ какъ происходитъ въ будничный день, а не въ праздникъ. Тоже и для другихъ рабочихъ, которые не могутъ оставить работу на праздничный день. Поэтому одинъ нѣмецкій ученый, Гартманъ, предлагаетъ устзновить для $^1/_7$ части всѣхъ рабочихъ или для опредѣленныхъ разрядовъ ихъ въ теченіе 10 или 7 дней одинъ день отдыха. Тогда условія дней отдыха будутъ для всѣхъ одинаковы и, кромѣ того не будетъ перенапряженія труда въ опредѣленные дни для однихъ рабочихъ, вызываемаго отдыхомъ другихъ.

Къ этому еще добавлю, что современная организація производства все же и при этомъ вызываетъ необходимость въ перерывахъ въ работѣ для всего предпріятія. Такъ, въ С.-А. С, Штатахъ требуется на разныхъ фабрикахъ отъ 8 до 14 дней въ году, чтобы привести фабрику въ порядокъ и для чистки машинъ, хотя тамъ праздниковъ вообще мало.

Впрочемъ, это такъ въ С.-А. С. Штатахъ. У насъ же на чистку машинъ на фабрикахъ не выдѣляется особаго времени. Предполагается, что это требуетъ такъ мало времени, что не стоитъ на это обращать вниманіе при установленіи величины рабочаго дня; не про-

изводится и особой оплаты труда, затрачиваемаго на чистку машинъ. Между тѣмъ, вотъ какъ описываетъ послѣдствія и условія такой безплатной чистки машинъ одинъ техникъ, хорошо знакомый со всѣми деталями фабричнаго дѣла. На бумаго-прядильныхъ, ткацкихъ фабрикахъ чисткой машинъ обязаны заниматься всѣ рабочіе отъ 5 до 7—8 часовъ въ воскресенье утромъ, что и приходится дѣлать послѣ смѣны съ ночной работы, а это и удлиняетъ для рабочаго работу на 3 часа въ день наканунѣ воскресенья, т. е. 8-часовой день превращаетъ въ 11-часовой непрерывный. Другая же смѣна, работавшая въ другое время, должна выйти на работу для чистки машины также на 3 часа, т. е. тоже убавить свой воскресный отдыхъ на это трехчасовое время. Къ этому надо прибавить, что работа эта представляетъ не малый и грязный трудъ: приходится лазить подъ машиной, вытирать масляныя, запыленыя части и мыть полъ около машины. А затѣмъ это мѣшаетъ воскресному отдыху и въ другомъ отношеніи. Проработавъ 11 часовъ подъ рядъ передъ воскресеньемъ, рабочій приходитъ домой, гдѣ всѣ другіе уже бодрствуютъ, и ему отдохнуть труднѣе, чѣмъ въ будни, когда остальные ушли на работу («Рус. Вѣд.» 1896 г. № 104). Такимъ образомъ. большее число праздниковъ у насъ, уменьшая количество дней работы, не ставитъ, однако, рабочаго въ лучшія условія и, какъ еще увидимъ ниже, не уменьшаетъ для него и число годовыхъ часовъ работы, что и ведетъ насъ еще къ выясненію значенія и условій величины рабочаго дня, къ чему и перехожу теперь. Замѣчу лишь еще, что указанные порядки чистки машинъ на нашихъ фабрикахъ были болѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1896 г.

3. Рабочій день.

1.

Послѣдній приведенный фактъ указываетъ на необходимость перерыва въ дѣйствіи машинъ, вызываемаго тѣмъ, что иначе машиной не придется пользоваться совсѣмъ или же она прослужитъ болѣе короткое время. Но если это требуется для машинъ, изобрѣтенныхъ и созданныхъ самимъ человѣкомъ, то для «машины машинъ», т.-е. для человѣка требуются также перерывы въ работѣ и тоже для приведенія въ порядокъ его организма, что также необходимо и для продолжительности существованія организма и для исправности и производительности его труда. Въ этихъ видахъ, не говоря уже объ интересахъ человѣка просто какъ человѣческой личности, имѣютъ большое значеніе перерывы въ работѣ въ опредѣленные дни, но, прежде всего, и можетъ быть въ гораздо большей степени продолжительность рабо-

чаго дня. Общее значеніе продолжительности его опредѣляется слѣдующими словами англичанина Мунделла, крупнаго предпринимателя, принимавшаго участіе въ фабричномъ производствѣ Англіи и Саксоніи: «То, что насъ защищаетъ противъ конкурренціи другихъ народовъ, это—ихъ большее количество часовъ». А оно было таково въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Годовое число рабочихъ часовъ рабочаго на фабрикахъ.		Или годовое.
Русскихъ при машинномъ производствѣ.	3588	100
» » ручномъ » .	3484	97,1
Американскихъ	3070	85,5
Англійскихъ	2810	78,3

Малое годовое количество рабочихъ часовъ въ Англіи въ то время обусловливалось не столько величиною рабочаго дня вообще, сколько тѣмъ, что по субботамъ на англійскихъ фабрикахъ работы прекращались въ 2 ч. дня, чтобы дать возможность рабочимъ наканунѣ неторговаго, не рабочаго дня закупить себѣ на цѣлую недѣлю все необходимое. Праздничныхъ дней у нихъ тоже было и тогда меньше, чѣмъ у насъ.

Какъ же и почему величина рабочаго дня вліяетъ на степень проявленія рабочей дѣятельности или иначе говоря на интенсивность, напряженность труда, т.-е. на доставленіе въ теченіи даннаго времени большаго результата?

Для отвѣта на это приведемъ прежде всего указанія нашего извѣстнаго физіолога И. М. Сѣченова. Человѣку даже праздному необходимо 8 часовъ на сонъ въ теченіи сутокъ. Изъ остающихся 16 часовъ, принимая во вниманіе сердечную и дыхательную норму работы, 6 часовъ нужно на отдыхъ. Остальные 10 часовъ надо распредѣлить между работой, ѣдой и другими занятіями. Для прохода на работу и обратно и на пріемъ пищи, примемъ всего не менѣе двухъ часовъ. На работу остается 8 часовъ, но если надо удѣлить время и на другія потребности, то надо считать, что и 8-ми часовой рабочій день является болѣе высокимъ, чѣмъ это допускается такимъ человѣческимъ существованіемъ, при которомъ можно жить полною жизнію.

Если же имѣть въ виду не благополучіе даннаго субъекта, а исключительно значеніе величины рабочаго дня для хозяйственной производительной дѣятельности, то при сравнительно короткомъ рабочемъ днѣ тутъ имѣетъ значеніе: 1) большое освѣженіе, возобновленіе силъ при продолжительномъ отдыхѣ, 2) меньшее напряженіе,

меньшее израсходованіе силъ при малой продолжительности работы; 3) выигрышъ въ физической и умственной энергіи при болѣе краткомъ рабочемъ днѣ. Одинъ физіологъ послѣ ряда сравненій приходитъ къ такому заключенію, что на каждую секунду приходится тѣмъ болѣе результатовъ труда, чѣмъ менѣе продолжительно было время затраты труда. Съ физіологической точки зрѣнія человѣческая работа представляетъ собою переводъ потенціальной энергіи вдыхаемаго кислорода и принимаемой пищи въ энергію психофизическую, и поскольку это дѣлается для хозяйственной цѣли, мы имѣемъ хозяйственный трудъ. Всякая работа есть расходъ энергіи. Но если этотъ расходъ не долженъ переходить опредѣленной границы безъ вреда для организма, то онъ и не долженъ быть ниже опредѣленной границы, чтобы производительная способность не упала, не ослабѣла. Трудовая дѣятельность благопріятствуетъ питанію и укрѣпленію организма. Но при большой продолжительности работы наступаетъ утомленіе и израсходованіе, истощеніе, которыя уменьшаютъ рабочую производительность, т. е. при большомъ стараніи и напряженіи, при продолжающемся болѣе опредѣленнаго времени израсходованіи силъ организма, получаются все меньшіе результаты труда. Человѣкъ уже не имѣетъ полной власти надъ мускулами. Отсюда и больше несчастныхъ случаевъ по мѣрѣ теченія рабочаго времени. Такъ, по нѣмецкой статистикѣ несчастныхъ случаевъ съ 1887 по 1897 г. въ часы до обѣда, отъ 6—9 ч. приходится 1% несчастныхъ случаевъ, отъ 9—12 ч.—2,30 несчастныхъ случаевъ. Послѣ обѣденнаго перерыва отъ 12—3 ч.—1,02 несчастныхъ случаевъ, а отъ 3—6 ч. уже 2,11% несчастныхъ случаевъ.

По другимъ даннымъ къ концу рабочаго дня несчастныхъ случаевъ также бываетъ больше. По нашимъ офиціальнымъ даннымъ число несчастныхъ случаевъ усиленно наростаетъ по мѣрѣ усиленія утомленія рабочихъ и достигаетъ почти вдвое большей величины передъ перерывомъ на обѣдъ. Послѣ полуденнаго отдыха, оно начинается сравнительно небольшимъ количествомъ, но затѣмъ вновь наростаетъ. Вотъ что значитъ несчастіе по винѣ, по неосторожности самого рабочаго, создаваемое утомленіемъ отъ работы.

Утомленіе происходитъ отъ того, что тотъ обмѣнъ матеріи, который происходитъ во время работы, совершается быстрѣе, чѣмъ въ состояніи покоя и переходъ кислорода крови въ энергію происходитъ съ большей быстротой, нежели выдѣленіе изъ организма уже отработавшихъ частей; организмъ отравляется продуктами распада. Возстановленіе силъ можетъ происходить лишь путемъ отдыха, который убавляетъ расходъ кислорода. То же дѣлаетъ и сонъ. Кромѣ того, во время покоя менѣе расходуется въ окружающее животной теплоты:

въ теченіе 24 часовъ покоя лишь 2770 калорій (единицъ теплоты), при тяжелой работѣ 4550, такъ что и безъ работы мы уже расходуемъ много въ теченіе дня, почему и при ничего недѣланіи требуется, такъ сказать, отдыхъ, въ видѣ сна.

Но кромѣ того, однообразіе работы, при раздѣленіи труда также утомляетъ, расходуются еще болѣе и скорѣе силы отдѣльныхъ мышцъ, занятыхъ этой работой. Имѣетъ при этомъ еще значеніе ночная работа, жаркая и душная атмосфера фабричнаго помѣщенія, шумъ, проходъ на работу. Насколько дѣйствительно для живого организма требуется опредѣленный отдыхъ и соблюденіе нормальной величины рабочаго дня для производительности трудовой дѣятельности организма—это прекрасно понимается, когда рѣчь идетъ не о людяхъ, а о тѣхъ живыхъ организмахъ, которые входятъ въ составъ имущества. Такъ, для ломовой лошади, при легкихъ работахъ практикуется 10 часовой рабочій день, а при тяжелой $4^1/_2$ часовой рабочій день. На конно-желѣзныхъ дорогахъ для поддержанія здоровья и силъ лошади установленъ былъ въ Петроградѣ короткій день и лошадей старались обставить благопріятными условіями; конюшни дня нихъ устраиваются съ соблюденіемъ гигіеническихъ требованій, работаютъ лошади не болѣе 5 часовъ въ день и кромѣ того въ теченіе мѣсяца получаютъ полный отдыхъ сплошь въ теченіи трехъ дней. Кормъ имъ дается усиленный, а именно: въ день 23 фунта овса, 15 фунтовъ сѣна и 2 фунта отрубей.

Для себя люди еще не достигли такого благопріятнаго отношенія къ ихъ трудовой дѣятельности, хотя необходимость и возможность этого установлена давно. Мысль о необходимости установленія для фабричныхъ работъ 8-ми часового рабочаго дня появилась еще сто лѣтъ назадъ въ 1817 г. и извѣстный англійскій филантропъ, крупный фабрикантъ и соціалистъ Робертъ Оуэнъ въ 1833 году спрашивалъ:

«Почему рабочее время должно быть установлено самое большее въ 8 часовъ въ день?

Во-первыхъ потому, отвѣчаетъ онъ, что если брать среднія, человѣческія силы, то чтобы оставаться здоровымъ, интеллигентнымъ, добродѣтельнымъ и счастливымъ, восемь часовъ работы въ день составляютъ наиболѣе длинный промежутокъ времени физическаго напряженія, которое человѣкъ можетъ переносить такъ, чтобы болѣе слабымъ предоставлялось право на существованіе также, какъ и сильнымъ.

2. Потому, что *современныя* изобрѣтенія (это въ 1833 году) химіи и механики дѣлаютъ ненужнымъ болѣе продолжительное напряженіе человѣческихъ силъ.

3. Потому, что при 8-часовой работѣ, при соотвѣтствующемъ устройствѣ, для всѣхъ будетъ созданъ избытокъ богатства.

4. Потому, что никто не имѣетъ права требовать отъ другихъ людей, чтобы они работали болѣе того, что для общества вообще составляетъ благо, только для того, чтобы онъ былъ богатъ и дѣлалъ многихъ бѣдными.

5. Потому, что дѣйствительный интересъ каждаго человѣческаго существа состоитъ въ томъ, чтобы каждое другое человѣческое существо было здорово, интеллигентно, довольно и богато.

Съ тѣхъ поръ до сознанія этого дошли рабочіе и, какъ говорятъ англійскіе писатели Б. и С. Веббы, „работающіе за плату мужчины и женщины повсюду уже утомились быть только рабочими животными. Они хотятъ наслаждаться, а не только работать, они хотятъ не только обрабатывать землю, но и пользоваться плодами ея, не только заготовлять платье, но и носить его. Они предъявляютъ желаніе по возможности больше видѣть тотъ большой свѣтъ, среди котораго живутъ, они желаютъ посѣщать своихъ друзей, живущихъ въ отдаленіи, имѣть праздники и совершать пріятныя путешествія, посѣщать театральныя пьесы, о которыхъ говорятъ въ газетахъ. Но не эти только сравнительно небольшія удовольствія составляютъ то, къ чему стремится большинство въ настоящее время. Повсюду встрѣчающіеся въ странѣ, объѣзжающіе ее лекторы молодые мужчины и женщины всякаго званія вызываютъ вкусъ къ научному знанію и знакомству съ литературой: новыя возможности, поднять себя тѣлесно, умственно, духовно открываются для населенія ежедневно, новыя стремленія приходятъ каждый день. И не слѣдуетъ удивляться, что люди настоящаго поколѣнія, не хотятъ болѣе вести ту жизнь, какую вели ихъ отцы и матери".

Что въ стремленіи къ 8-ми часовому рабочему дню со стороны рабочихъ ведутъ дѣйствительно не только желанія пользоваться удовольствіями, но и потребности умственнаго развитія и сознательнаго отношенія къ окружающему, объ этомъ свидѣтельствуютъ факты. Такъ, многіе писатели отмѣчаютъ, что въ Англіи введеніе 10-ти часоваго рабочаго дня имѣло послѣдствіемъ поразительное увеличеніе различныхъ вечеровыхъ научныхъ занятій. Это можетъ служить лучшимъ отвѣтомъ для тѣхъ, которыя опасаются, что сокращеніе рабочаго дня поведетъ къ увеличенію пьянства и только. Врядъ ли даже правы тѣ, которые полагаютъ, что сперва будутъ злоупотребленія, но съ теченіемъ времени это измѣнится. Еще въ 1849 году принятіе въ Англіи закона о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ повело къ значительному увеличенію какъ числа вечернихъ курсовъ, такъ и числа посѣтителей ихъ, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ удвоилось, что тѣмъ болѣе

поразительно, что англійскій рабочій до того былъ извѣстенъ своимъ пьянствомъ и грубымъ невѣжественнымъ поведеніемъ.

Объясненіе этому находимъ въ томъ, что по многимъ даннымъ и по изслѣдованію парламентской комиссіи, рабочій перерасходовавшій свои рабочія силы, болѣе склоненъ къ тому, чтобы подстегнуть свои силы водкой, чего не требуется рабочему, прекратившему работу до наступленія истощенія.

Другая парламентская комиссія (1891 г.) свидѣтельствуетъ, что *8-ми часовой рабочій день* повелъ къ тому, что увеличилось число членовъ общества трезвости. Многіе предприниматели (ткацкаго, горнаго производства) удостовѣряютъ, что свободное время используется хорошо, повысилось число членовъ общества трезвости на $^1/_2$, основалась библіотека для чтенія. Французскій писатель (Fromont) такъ же свидѣтельствуетъ, что съ сокращеніемъ рабочаго дня сократилось пьянство на фабрикѣ и внѣ ея, увеличились суммы вкладовъ въ сберегательныя кассы. Въ Австраліи при высокой платѣ и короткомъ рабочемъ днѣ постоянно уменьшается потребленіе спиртныхъ напитковъ, школа же искусства, гдѣ обучаютъ черченію, моделированію и т. п. удвоила число своихъ комнатъ; рабочіе стали болѣе искусны и интеллигентны. Нѣмецкій профессоръ Стида удостовѣряетъ даже, что именно стремленіе болѣе имѣть времени для пріобрѣтенія знаній и составляетъ одну изъ причинъ стремленія къ сокращенію рабочаго дня.

По другимъ германскимъ сообщеніямъ жены рабочихъ боялись, что съ сокращеніемъ рабочаго дня увеличится посѣщеніе кабаковъ, но увеличилось число прогулокъ и читателей библіотекъ. Фабричные инспектора также подтверждаютъ, что о дурномъ употребленіи времени съ сокращеніемъ рабочаго дня не можетъ быть и рѣчи, что рабочій больше удѣляетъ времени семьѣ, домашнимъ и садовымъ работамъ; пропадаютъ все болѣе и болѣе и прогулы по понедѣльникамъ, менѣе замѣтенъ и упадокъ производительности по понедѣльникамъ, тогда какъ прежде обыкновенно по понедѣльникамъ производительность падала на 20—25 процентовъ.

Всѣмъ приведеннымъ характеризуется пока косвенное вліяніе на производительность труда сокращенія рабочаго дня. Это вліяніе выражается съ одной стороны въ увеличеніи просвѣщенія и знаній среди рабочихъ, о значеніи чего для производительности физическаго труда будетъ потомъ сказано подробно. Съ другой стороны, косвенное вліяніе сказывается и въ уменьшеніи алкоголизма. На послѣднемъ пришлось здѣсь нѣсколько остановиться, такъ какъ самое уменьшеніе алкоголизма вліяетъ прямымъ образомъ на повышеніе производительности труда. Вопреки довольно распространенному предразсудку о

вліяніи умѣреннаго потребленія вина на повышеніе энергіи организма, нѣмецкій ученый Д-ръ Штеръ (Stehr: Alkoholismus und wirtschaftliche Arbeit) рядомъ изслѣдованій опредѣленно установляетъ, что даже простое потребленіе водки, безъ всякаго пьянства, уменьшаетъ работоспособность. А затѣмъ, какъ уже отмѣчено, сокращеніе въ потребленіи спиртныхъ напитковъ, не требуемыхъ неистощеннымъ организмомъ, уменьшаетъ число прогуловъ по понедѣльникамъ, даетъ болѣе высокую по количеству и качеству работу и уменьшаетъ число несчастныхъ случаевъ, которыхъ по понедѣльникамъ бываетъ болѣе, какъ слѣдствіе проведеннаго наканунѣ нетрезваго дня.

II.

Перехожу теперь къ выясненію прямыхъ, непосредственныхъ послѣдствій сокращенія величины рабочаго дня для повышенія производительности труда.

Такъ, на оптической фабрикѣ Аббе въ Іенѣ по мѣрѣ уменьшенія рабочаго дня съ $11^3/_4$ производительность увеличивается и *дневной* результатъ работъ при 8 часахъ болѣе, чѣмъ при 9-ти. На одинъ часъ заработокъ повысился съ 61,9 пфениг. до 71, 9 п. (30 и 35 коп.), т. е. въ отношеніи 100 къ 116,2, тогда какъ, если бы производительность возрастала лишь соотвѣтственно сокращенію, то она бы повысилась лишь съ 100 на 112, 5. Въ другихъ мѣстностяхъ Германіи при переходѣ на 3-хъ смѣнныя работы въ $7^1/_2$ часовъ сдѣлано столько же, что въ 10 час. и, кромѣ того, стало замѣтно менѣе заболѣваній среди рабочихъ. Далѣе, можно привести такіе факты: 30 человѣкъ дѣлаютъ въ 8 час. теперь то, что прежде 31 человѣкъ—въ 9 часовъ. При переходѣ съ 10 часового на 7 часовой рабочій день на одной фабрикѣ черезъ короткое время въ 7 часовъ стало вырабатываться то же, что прежде въ 8 часовъ при тѣхъ же машинахъ.

На прядильной машинѣ вырабатывали: въ 1891 году (12 часовъ) въ 1892 г. (11 часовъ). 1891 г. 1892 г.

нумеръ пряжи	въ день метровъ		% увелич.
1	34	38	11,7
2	32	38	18,7
3	32	36	17,5
4	24	27	12,5
5	21	25	19,0
6	21	23	9,5
7	21	$23^1/_2$	6,8

Укажу еще, что еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія англійскій крупный предприниматель Т. Брассей приводилъ данныя, согласно которымъ средняя производительность на рабочаго при 12-ти час. рабоч. днѣ составляетъ въ годъ 4 т. франк., при 10-ти час. 5695 фр., при 9-ти час. 9136 ф., и при $8^1/_2$ час.—13505 ф.

Приведемъ теперь данныя о нашихъ фабрикахъ, которыя особенно показательны тѣмъ, что тѣ разсчеты и наблюденія, которые мы приведемъ, не были сдѣланы съ спеціальною цѣлью опредѣлить вліяніе продолжительности рабочаго дня на производительность труда. Они просто извлечены изъ тѣхъ записей, которыя дѣлаются техниками на фабрикѣ для провѣрки работы каждой смѣны, на основаніи чего и опредѣляется заработокъ, причитающійся каждому рабочему. При такихъ условіяхъ наблюденія эти совершенно далеки отъ той субъективной окраски, которая можетъ иногда налагаться на нихъ тѣмъ или инымъ предвзятымъ взглядомъ.

По этимъ даннымъ получается слѣдующее.

Время работы.	Число аршинъ въ часъ по днямъ.	Среднее за недѣлю.
отъ 11—3 ч. .	4,95 — 4,8 — 4,8 — 5,3 — 5,2 — 5,9 — 5,5	5,27
„ 9—5 „ . . .	4,5 — 4,2 — 4,6 — 5,1 — 4,9 — 5,3 — 5,0	4,8

Отсюда видно, что и средняя выработка на одинъ часъ за недѣлю и то же за каждый день—безъ отступленій получается въ пользу четырехъ часовъ работы (11—3) сравнительно съ восемью часами работы (9—5). (Русск. Вѣд. 1894 г. № 56).

Другія данныя, касающіяся наблюденій на нашихъ фабрикахъ приводятся санитарнымъ врачемъ д-мъ Песковымъ. Эти данныя таковы.

Длина рабоч. дня.	Мѣсячный заработокъ.	За рабочій часъ въ мѣсяцъ.
14,06 ч.	17,68 к.	1 р. 25 к.
13,00 „	19,98 „	1 „ 53 „

Все это совершенно понятно, если имѣть въ виду наблюденія, свидѣтельствующія объ измѣненіи продуктивности по отдѣльнымъ часамъ работы. Если принять продуктивность перваго часа работы за 100, то на второмъ часу, когда организмъ вполнѣ вошелъ въ работу, она будетъ уже 200, а затѣмъ падаетъ на 3-мъ часѣ до 90, 4-мъ до 60, 5-мъ до 40. По другимъ наблюденіямъ для перваго часа она 400, для второго 600, для третьяго 350; затѣмъ наступаетъ отдыхъ на обѣдъ и она составляетъ на четвертомъ часѣ 350—40, на 5-мъ 300—350, а затѣмъ продолжаетъ понижаться.

Имѣя все это въ виду надо удивляться тому, что 8-ми часовой рабочій день не введенъ давно уже повсюду, тѣмъ болѣе, что опыты съ этимъ производились давно. Такъ, однимъ изъ первыхъ предпріятій, введшихъ 8-мичасовой рабочій день, были каменноугольныя копи въ Йоркширѣ въ Англіи, примѣнившія его въ 1859 г. И уже въ 1860 г. было сдѣлано утвержденіе, что получаемый при этомъ продуктъ сильно превышаетъ тотъ, который когда-либо добывался тѣмъ же числомъ людей при 12 или 13-тичасовомъ трудѣ. Точно также и у насъ въ Россіи еще въ 1896 г. отъ имени „Общества для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности, въ Москвѣ", на торговопромышленномъ съѣздѣ въ Нижнемъ Новгородѣ инженеръ-механикъ Н. Н. Алянчиковъ дѣлалъ докладъ, въ которомъ онъ утверждалъ на основаніи примѣровъ, приведенныхъ въ комиссіи, гдѣ участвовали представители промышленности, „что переходъ съ болѣе долгаго на болѣе короткое рабочее время, уже многократно былъ осуществляемъ и сопровождался рѣзкимъ увеличеніемъ относительной выработки, настолько рѣзкимъ, что иногда прямо наверстывалось больше половины и даже, были случаи, все потерянное время; напротивъ, никогда въ доложенныхъ комиссіи примѣрахъ, выработка не оставалась въ томъ же положеніи, какъ до сокращенія рабочихъ часовъ". „На механическо-ткацкихъ фабрикахъ говорится тамъ далѣе, переработка доходила уже до 20% противъ бывшей ранѣе нормы въ единицу времени". Далѣе изъ того же доклада узнаемъ, что по отвѣтамъ, полученнымъ на вопросные листы съ прядильно-ткацкихъ фабрикъ „оказалось, что 86% всѣхъ веретенъ крутильныхъ, 77,6% приготовительныхъ машинъ, прядильныхъ и 78,4% ткацкихъ станковъ уже перешли добровольно на болѣе короткое время и нѣтъ ни одного примѣра, когда бы совершился поворотъ подъ вліяніемъ убѣжденія въ невыгодности сдѣланнаго шага". Лодзинскіе фабриканты еще въ 1894 г. входили съ прошеніемъ о законодательномъ введеніи сокращеннаго рабочаго дня на фабрикахъ. Въ мотивахъ ходатайства указывалось на примѣры такого сокращенія на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Лодзи, въ результатѣ чего произошло: 1) увеличеніе производительности труда не въ ущербъ, а къ выгодѣ предпринимателей и 2) улучшеніе многихъ условій въ бытѣ рабочихъ, между прочимъ, уменьшеніе пьянства среди нихъ. Къ 1894 г. относится и переходъ съ 12-тичасового рабочаго дня на 8-ми часовой въ Могилевской губерніи на бумажной фабрикѣ князя Паскевича въ Добруджѣ. Введены были 3 смѣны, что повело къ увеличенію числа рабочихъ съ 178 до 193; средній заработокъ рабочихъ остался почти прежній (на 50 к. въ мѣсяцъ меньше), но кромѣ того, были свободны каждое 3-е воскресенье, понадобилось

меньше десятниковъ и надсмотрщиковъ и $^1/_2$ года спустя директоръ фабрики сообщаетъ: „на основаніи своего опыта я безусловно не могу согласиться съ тѣми, которые полагаютъ, что сокращеніе рабочаго времени поведетъ къ увеличенію посѣщеній кабаковъ и паденію нравственности. Совершенно напротивъ: результатомъ такого внезапнаго и значильнаго сокращенія рабочаго времени было то, что рабочіе не только перестали пьянствовать, но что единственный въ этомъ мѣстѣ кабакъ закрылся и на его мѣстѣ открылась чайная. Прогулы исчезли совершенно. Болѣе старые рабочіе пользуются свободными часами для обрабатыванія своего клочка земли, который они прежде сдавали въ аренду, молодые охотно читаютъ. Образовываются хоры и оркестры изъ рабочихъ, усерднѣе стали посѣщать народныя чтенія. Такія явленія невозможны были прежде, при 12-ти часахъ работы, ибо для истощеннаго рабочаго существуетъ одинъ только отдыхъ,— водка".

Извѣстны также примѣры перехода у насъ на 8-ми часовой рабочій день на нефтяныхъ промыслахъ въ Баку, гдѣ произошло также повышеніе производительности труда, какъ результатъ прямыхъ и косвенныхъ вліяній такого измѣненія въ постановкѣ дѣла.

При сокращеніи рабочаго дня до 8-ми часовъ оказался еще неожиданный результатъ: число безработныхъ не уменьшилось, такъ что въ Австраліи въ Мельбурнѣ при празднованіи годовщины введенія 8-часового рабочаго дня, процессія празднующихъ была разрушена безработными. Еще можетъ быть неожиданнѣе, что увеличеніе производительности произошло автоматически безъ особыхъ усилій рабочихъ, которые сами думали, что они работали также какъ и прежде, не напрягая себя. — Такое явленіе становится совершенно понятнымъ и естественнымъ, если имѣть въ виду то, что приведено нѣсколько раньше относительно паденія производительности труда въ послѣдніе часы передъ отдыхомъ, послѣдующіе часы послѣ перваго и второго часа слѣдующихъ за отдыхомъ, наконецъ объ измѣненіи въ числѣ несчастныхъ случаевъ съ увеличеніемъ числа часовъ дневной работы. Тутъ все дѣло въ томъ, что свѣжій, неутомленный организмъ физически здороваго человѣка требуетъ движенія, упражненія и потому работа въ этомъ случаѣ производится не какъ что-то такое, къ чему надо принудить себя, и преодолѣть неохоту къ дѣятельности, а наоборотъ, какъ удовлетвореніе естественной потребности организма. Отсюда происходитъ болѣе сильное проявленіе работоспособности безъ всякаго сознательнаго стремленія къ тому.

Къ сказанному присоединяются еще и многія другія косвенныя послѣдствія, вытекающія изъ самого состоянія организма не переутомленнаго рабочаго. Получается иное настроеніе, иное отношеніе къ

работѣ, не такъ велико количество забракованныхъ издѣлій. Помимо указаннаго уже сокращенія дней прогула, уничтожается и та потеря рабочаго времени, которая бываетъ обыкновенно при длинномъ рабочемъ днѣ. Указываютъ, что прежде, до введенія 8-ми часового рабочаго дня, 15—20% рабочихъ, придя на работу, принимались за нее лишь четверть часа спустя. А теперь всѣ стали исправнѣе и среди нихъ создалось иное болѣе бодрое настроеніе. Имѣя все это въ виду, нельзя не согласиться съ Аббе, который разсчитываетъ, что въ Германіи сокращеніе рабочаго дня съ 10 часовъ до 8 часовъ доставитъ ей ежегодно лишнихъ 15—20 милліоновъ рублей.

Говоря о сокращеніи рабочаго дня и доведенія его до 8-ми часовой величины нельзя обойти молчаніемъ еще одного очень существеннаго для производительности труда послѣдствія этого. Производительность труда не только по отношенію къ часу рабочаго времени, но и въ общей суммѣ ея, т.-е. въ результатахъ дневного и годового производства возрастаетъ еще въ очень сильной степени не только потому, что она воздѣйствуетъ на рабочаго; она воздѣйствуетъ и на предпринимателя. До сихъ поръ я останавливался на примѣрахъ, свидѣтельствовавшихъ о повышеніи производительности труда при неизмѣняющихся другихъ внѣшнихъ условіяхъ въ постановкѣ его и при сохраненіи прежнихъ машинъ. Между тѣмъ, сокращеніе величины рабочаго дня на предпринимателей, держащихся по традиціи, привычкѣ и, скажу прямо, по невѣдѣнію, невѣжеству того взгляда, что сокращеніе величины рабочаго дня уменьшитъ выработку товара, дѣйствуетъ такимъ образомъ, что побуждаетъ ихъ стремиться наверстать потерю во времени увеличеніемъ скорости дѣйствія тѣхъ механизмовъ, на которыхъ производится работа. Въ результатѣ этого получается еще болѣе увеличенное количество произведенныхъ товаровъ. Такъ, приводится „сообщеніе одного горнаго инженера о случаѣ введенія 6-ти часового рабочаго дня безъ пониженія заработной платы и съ выгодой для завода исключительно за счетъ пониженія процента брака и увеличенія производительности механизмовъ“. Еще болѣе рельефно свидѣтельствуютъ объ этомъ данныя, приводимыя изъ тѣхъ же наблюденій на бумаго-ткацкой фабрикѣ, которыя мы приводили выше, и которыя ведутся для надобностей и разсчетовъ самого предпріятія. По этимъ даннымъ на ткацкой фабрикѣ при старыхъ механизмахъ и 24-часовомъ рабочемъ днѣ производилось въ часъ и въ общемъ результатѣ много меньше, чѣмъ при 21 час. работѣ, но при примѣненіи техническихъ усовершенствованій. Сокращеніе рабочаго дня на 12,5% дало повышеніе производительности предпріятія, смотря по роду тканей, на 6—11%; производительность же работы по этому разсчету повысилась на 16—34%. Вмѣстѣ съ тѣмъ улучшилось и качество

товара. Процентъ хорошаго товара поднялся до 63—93% по разнымъ сортамъ тканей, вмѣсто прежняго 49,6%—83,5%; процентъ же брака по двумъ сортамъ матерій совсѣмъ пропалъ, по остальнымъ же четыремъ упалъ отъ 0,2 до 1,8%, тогда какъ прежде—при старыхъ машинахъ, бракъ былъ по всѣмъ шести сортамъ и процентъ его колебался отъ 1,9 до 3,3%. То же получается и относительно товара съ замѣчаніями, котораго было при старыхъ машинахъ отъ 14,7 до 47,1%, а при новыхъ отъ 6,4 до 34,9%. Во всѣхъ случаяхъ указанныя измѣненія произошли по всѣмъ видамъ тканей, безъ отступленій (Русск. Вѣд. 1902 г. № 64).

Изъ такого же рода записей на другой фабрикѣ въ Ярославской губ., при сопоставленіи данныхъ за 1897 г. и 1902—6 гг. получаются сходные результаты. Въ 1897 г. тамъ былъ 24-часовой рабочій день, т.-е. по 12 ч. на каждую смѣну. Въ силу закона 2 іюня 1897 г. послѣдовало въ 1898 г. сокращеніе до 21½ ч. въ сутки также на 2 смѣны; въ 1901 г. послѣдовало дальнѣйшее сокращеніе до 18 ч. въ сутки, также на 2 смѣны, т.-е. противъ 12 ч. рабочаго дня въ 1897 г. образовался 9-часовой рабочій день въ 1902 г. Если выпряденное въ 1 часъ на машинахъ одного типа принять для 1897 г. за 100, то для 1902 г. получится 104,6, для 1904 г.—105,3, для 1906 г.—107,6; для машинъ другого типа получится выпрядка въ 1 ч. для 1902 г. 98,6, для 1904 г.—102,2, для 1906 г.—103,1. Въ томъ же направленіи происходили измѣненія и на машинахъ другихъ типовъ. Общій выводъ тотъ, что *на одинъ часъ* при 9-часовомъ рабочемъ днѣ выработка повышается противъ 12-ти часового рабочаго дня, т.-е. повышается интенсивность труда и производительность возрастаетъ и кромѣ того, она съ теченіемъ времени возрастаетъ все болѣе и болѣе и на нѣкоторыхъ видахъ машинъ доходитъ со 100 до 107 слишкомъ; это происходитъ при отсутствіи замѣны однѣхъ машинъ другими. Но при этомъ, какъ сообщается въ тѣхъ же данныхъ, откуда мы заимствуемъ приведенныя цифры, понижается валовая производительность предпріятія, т.-е. общая выработка предпріятія на одно веретено и на одного рабочаго. Но это вызываетъ замѣну старыхъ машинъ новыми, болѣе усовершенствованными, при которыхъ производительность труда возрастаетъ уже вслѣдствіе примѣненія болѣе совершеннаго орудія, которое, однако, можетъ быть примѣняемо только при болѣе короткомъ рабочемъ днѣ, такъ какъ вызываетъ большее напряженіе труда (записки И. Р. Техн. Общ. 1898 г. № 11. В. Голгофскій: Къ вопросу о вліяніи сокращенія рабочаго дня на производительность труда). Выводъ здѣсь, какъ видимъ, получается тотъ же, что и въ предыдущемъ примѣрѣ. Отмѣчается также тамъ и тутъ вліяніе сокращенія рабочаго дня на введеніе улучшенныхъ машинъ.

Это послѣднее вліяніе сокращенія величины рабочаго дня на введеніе техническихъ усовершенствованій имѣетъ особенно существенное значеніе, такъ какъ извѣстно насколько ускоряется и увеличивается количество производимыхъ товаровъ при работѣ такими совершенными орудіями, какъ машины. Степень этого ускоренія нами будетъ указана въ отд. о машинахъ. А это ускореніе и увеличеніе производимыхъ товаровъ не только способствуетъ лучшему и болѣе полному удовлетворенію потребностей въ „матеріальныхъ предметахъ“ но и ведетъ къ необходимости и возможности еще болѣе сократить рабочій день и оставить каждому человѣческому существу болѣе времени на удовлетвореніе его духовныхъ потребностей, къ болѣе благополучному существованію. Что при примѣненіи усовершенствованныхъ машинъ сократится рабочій день ясно само собой, такъ какъ тогда и при сокращенномъ днѣ получится больше продукта. Что же касается необходимости этого сокращенія, то она создается тѣмъ, что чѣмъ усовершенствованнѣе орудіе производства, тѣмъ болѣе напряженнаго вниманія, большей затраты нервной энергіи требуется при немъ со стороны рабочаго; но чѣмъ напряженнѣе эта затрата, тѣмъ меньше періодъ времени, въ теченіе котораго она можетъ быть произведена. Такимъ образомъ само, такъ сказать, стихійное развитіе производительности и ея механическихъ орудій ведетъ къ улучшенію условій, въ которыхъ находится человѣческій трудъ. Это улучшеніе требуется внѣшними объективными условіями производства. Но если оно требуется ими, то съ другой стороны эти внѣшнія объективныя условія, насколько они выражаются въ техническихъ усовершенствованіяхъ, являются результатомъ тѣхъ перемѣнъ, которыя совершаются въ самой человѣческой личности.

Къ выясненію этихъ перемѣнъ и ихъ значенія и предстоитъ перейти теперь. Но ранѣе чѣмъ остановиться на нихъ, замѣчу здѣсь, что все, приведенное здѣсь относительно величины рабочаго дня, относится къ фабричному и ремесленному производству. Что касается сельскаго хозяйства, то тамъ сокращеніе величины рабочаго дня находится нѣсколько въ иныхъ условіяхъ, что и будетъ выяснено, когда будетъ идти рѣчь объ отличіяхъ сельско-хозяйственнаго производства отъ обработывающей промышленности. При всемъ томъ, однако, и по отношенію къ сельско-хозяйственному производству остается справедливымъ значеніе для производительности человѣческой работы продолжительности времени проявленія ея. И это можно установить не теоретически только и отвлеченно. Укажу по этому поводу, что еще въ 1879 г. мною было приведено въ моей книгѣ „Очеркъ хозяйства частныхъ землевладѣльцевъ“, произведенное мною въ 1877—79 г. при земско-статистическомъ изслѣдованіи Московской губерніи, на-

блюденіе, какъ къ этому относится хозяинъ-практикъ. Онъ поднималъ обыкновенно рабочихъ на работу не ранѣе 7-ми часовъ утра, когда у другихъ практиковался еще обычай крѣпостного права — поднимать рабочихъ съ восходомъ солнца. И дѣлалось это имъ не изъ филантропіи и не въ интересахъ рабочихъ; напротивъ, и въ часы послѣобѣденнаго отдыха онъ требовалъ, чтобы рабочій обязательно лежалъ и отдыхалъ, а не „шатался по двору". То и другое дѣлалось для сохраненія силъ рабочаго, въ результатѣ чего получалось проявленіе бо̀льшей работоспособности и болѣе производительный результатъ дневной работы, нежели при рабочемъ днѣ, продолжавшемся отъ зари до зари.

4. Значеніе знаній для проявленія трудовой дѣятельности и для полноты удовлетворенія потребностей.

Перехожу теперь къ выясненію такихъ условій производительности труда, которыя связанно непосредственно съ личностью рабочаго. Остановлюсь сперва на значеніи знаній.

Поставимъ такой вопросъ: съ какого момента въ исторіи развитія хозяйственныхъ отношеній стало возможнымъ болѣе обезпеченное существованіе людей? Отвѣтъ будетъ: при появленіи земледѣлія, которое стало возможнымъ съ появленіемъ знаній о свойствахъ растеній и силъ природы. Когда далѣе стали производить болѣе, чѣмъ потребляли? Когда увеличивались знанія и умѣнье. Когда уничтожилось людоѣдство? — Тогда, когда стало возможнымъ содержать человѣка, когда производительность труда поднялась такъ, что выгодно стало держать раба и кормить его и ѣсть плоды его трудовъ, а не его самого. Для этого надо было лучше ознакомиться со свойствами предметовъ, лучше узнать ихъ. Потому то и захватывали первоначально рабовъ, что они знали то, чего не знали поработители ихъ.

Вообще источникъ хозяйственныхъ измѣненій надо искать въ личности человѣка въ немъ и въ измѣненіяхъ, которыя происходятъ въ немъ. А такъ какъ въ производствѣ имѣются два фактора — дѣятельность человѣка и природа, остающаяся на протяженіи вѣковъ неизмѣнной, то причину измѣненій въ производствѣ и надо искать въ человѣкѣ, въ томъ, что измѣняется,— а измѣняются въ немъ знанія, слѣдовательно, и корень измѣненій въ производствѣ находится въ знаніи, просвѣщеніи. На глазахъ любого поколѣнія происходитъ цѣлый рядъ измѣненій въ производительномъ использованіи того или другого въ зависимости именно отъ знаній. Возьмемъ хотя бы измѣненіе въ предметахъ отопленія и освѣщенія: лучина, свѣчи, керосинъ, дрова, торфъ, каменный уголь, нефтяные остатки, электриче-

ство. А между тѣмъ еще недалеко то время, когда, не зная свойства торфяныхъ болотъ — страдали отъ нихъ, какъ отъ земель ни на что непригодныхъ. Знанія же измѣнили и измѣняли многое. „Когда люди были заняты борьбой съ дикарями, говоритъ одинъ писатель, и не имѣли времени изучать природу — все же они узнали многія вещи, которыя были необходимы въ ихъ жизни. Такъ, они знали, въ какое время восходитъ и заходитъ солнце, такъ какъ отъ этого зависѣла ихъ ежедневная работа; знали какъ часто наступаетъ новолуніе, такъ какъ въ это время они могли находить дорогу при лунномъ свѣтѣ; очень рано стали замѣчать, когда наступаетъ весна, лѣто, осень и зима, такъ какъ посѣвъ сѣмянъ и сборъ плодовъ совпадали съ тѣмъ или другимъ временемъ года. Какъ бы глубоко мы ни шли въ глубь исторіи, мы находимъ, что люди всюду имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія о явленіяхъ природы, и тѣ народы, какъ напримѣръ Египтяне, Китайцы, которые рано достигли въ земледѣліи, промышленности и многомъ другомъ — преимущества предъ другими, знали много такихъ вещей, о которыхъ Европейцы узнали много позднѣе". Чтобы ясно представить себѣ насколько большое значеніе имѣли, такъ сказать, не намѣренно усвоенныя знанія, достаточно указать на земледѣліе. Какой большой запасъ знаній надо было имѣть, чтобы рѣшиться зарыть въ землю зерно, и потомъ ждать нѣсколько мѣсяцевъ результатовъ этого зарыванія, вмѣсто того, чтобы непосредственно съѣсть его.

Но можно указать и на сознательное приложеніе знанія къ производству изъ болѣе поздняго времени. Такъ, „въ первую французскую революцію со всѣхъ сторонъ республику окружали враги. Ей пришлось готовить громадныя массы военныхъ матеріаловъ у себя дома. Ввозъ селитры прекратился и на порховомъ заводѣ почувствовался недостатокъ въ ней. Химія немедленно пришла на помощь и стала добывать ее новымъ путемъ изъ растительныхъ отбросовъ. Война остановила доставку берлинской лазури и ультрамарина—химія замѣнила ихъ. Мыловаренные заводы стали испытывать недостатокъ въ содѣ—Лебланъ открылъ способъ добыванія ея изъ поваренной соли. Изъ Индіи прекратился ввозъ тростниковаго сахара, нашли способъ приготовленія его изъ свекловицы—и теперь на это производство затрачиваются сотни милліоновъ. Были открыты новые пріемы въ бѣленіи полотна, суконъ, въ дѣлѣ газоваго освѣщенія. Химія, физика, механика, вносили свою дань въ дѣло промышленности". Укажемъ еще, что въ Америкѣ теперь сельское хозяйство поставлено на точныхъ научныхъ основаніяхъ и въ сельско-хозяйственныхъ училищахъ приготовляютъ къ нему съ большимъ успѣхомъ.

Одинъ изслѣдователь сельскаго хозяйства говоритъ: „Министерство земледѣлія въ Вашингтонѣ и его различныя испытательныя

учрежденія весьма помогли фермерамъ путемъ установленія того, какіе способы производства могутъ быть выгодны въ разныхъ частяхъ государства и какимъ путемъ полнѣе всего можетъ быть достигнутъ наивысшій доходъ. Этимъ путемъ сельско-хозяйственные училища и ихъ воспитанники показали себя, какъ дѣйствительное средство для улучшенія неблагопріятнаго хозяйственнаго положенія". Изслѣдователи Нидерландскаго хозяйства прямо говорятъ, что переходъ въ Нидерландахъ къ постановкѣ сельскаго хозяйства соотвѣтственно современнымъ требованіямъ „безъ всякаго сомнѣнія долженъ быть приписанъ большей частію превосходно поставленному сельско-хозяйственному образованію школамъ, газетамъ, лекціямъ и испытательнымъ станціямъ".

Какое значеніе имѣютъ испытательныя поля и всѣ соединенныя съ ними научныя изслѣдованія для подъема сельскаго хозяйства въ Америкѣ, объ этомъ хорошо говоритъ одинъ писатель: „Испытательныя учрежденія представляютъ связующее звено между наукой и сельско-хозяйственнымъ производствомъ; на нихъ испытываютъ тѣ сорта зерна, которые пригодны для производства въ соотвѣтственной мѣстности, и испытанія дѣлаютъ въ томъ направленіи, которое для соотвѣтственной мѣстности можетъ принести пользу. Какъ ни молоды еще они, они вполнѣ сознаютъ свою задачу—содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства—и сознаютъ, что въ томъ ихъ высшая польза, что они стоятъ въ постоянномъ отношеніи къ практикѣ сельскихъ хозяевъ. Они не дожидаются пока сельскіе хозяева придутъ къ нимъ за совѣтомъ—они идутъ сами къ сельскому хозяину, устраивая во многихъ мѣстностяхъ штата—собранія для обсужденія вопросовъ. И значеніе этихъ учрежденій съ похвалой признается всѣми сельскими хозяевами"...

Въ этомъ отношеніи тамъ не останавливаются передъ тѣмъ, что бы подвергнуть испытанію до 800 сортовъ пшеницы, взятыхъ изъ разныхъ мѣстностей, сходныхъ по природнымъ условіямъ съ отдѣльными штатами и затѣмъ довольствуются изъ 800 сортовъ выборомъ 10-ти наиболѣе пригодныхъ и плодовитыхъ. Успѣхи въ датскомъ крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ, которое послужило во многомъ образцомъ для нѣмецкихъ, какъ призналъ одинъ нѣмецкій же писатель, изслѣдовавшій датское хозяйство, въ области молочнаго хозяйства, начиная съ 1860 года, также всѣ построены на систематическомъ сознательномъ приложеніи научныхъ знаній къ жизни. Профессоръ сельскохозяйственнаго училища Зегельке ввелъ пользованіе термометромъ, взвѣшиваніе молока и сливокъ и побудилъ хозяевъ вести точныя обозначенія температуры, количества молока, сливокъ, масла, такъ что каждый день можетъ быть указано, какое количество молока

было переработано въ одинъ фунтъ масла и т. д. Научныя же знанія прилагаются къ изслѣдованію молока и содержанія въ немъ сливокъ, жира.

Само министерство земледѣлія въ Америкѣ въ сущности представляетъ собою научное учрежденіе и дѣлится на 8 большихъ научныхъ отдѣловъ: 1) погоды, 2) животноводства, 3) растеніеводства, 4) лѣсоводства, 5) изслѣдованія почвы, 6) химіи, 7) изученія насѣкомыхъ и 8 отдѣлъ для біологическихъ изслѣдованій (жизни животныхъ) и, кромѣ, того еще отдѣлъ 9-й для статистическихъ изслѣдованій. Въ немъ 4.000 служащихъ, изъ нихъ 2.000 научно образованныхъ спеціалистовъ.

Въ отдѣлѣ почвовѣдѣнія напр. ревностно занимаются изученіемъ свойствъ почвы въ разныхъ частяхъ страны для выясненія—какія растенія наиболѣе выгодно производить въ каждой мѣстности.

Отдѣлъ растеніеводства занимается тѣмъ, что на особыхъ участкахъ дѣлаетъ пробы по выращиванію всѣхъ производимыхъ растеній и въ особенности иностранныхъ, введеніе которыхъ представляется желательнымъ. Каждому американскому сельскому хозяину безплатно посылаются пробы сѣмянъ растеній, которые онъ желаетъ разводить. Пшеница вводится изъ разныхъ широтъ: съ сѣверныхъ частей Россіи до южныхъ Алжира.

Я останавливаюсь на этихъ примѣрахъ изъ Америки, такъ какъ Американцы славятся какъ практичные хозяева, и могучее хозяйственное развитіе Америки вполнѣ оправдываетъ эту славу. И вотъ эти то хозяева, какъ опять о томъ свидѣтельствуютъ изслѣдователи Американскаго хозяйства, цѣнятъ въ сельскомъ рабочемъ умственное развитіе. Умственное развитіе и нравственныя качества въ сельскомъ рабочемъ въ Америкѣ цѣнятся выше чѣмъ его физическая сила. „Человѣку безъ мозговъ, сказалъ одинъ фермеръ, нечего искать въ сельскомъ хозяйствѣ“.

Но это относится не только къ сельскому рабочему: „Хозяйственныя послѣдствія образованія и досуга точно такъ же, какъ и общественнаго и политическаго преуспѣянія, говоритъ американскій экономистъ Зелигманъ, имѣютъ для общества громадное значеніе. Въ коммерческой войнѣ, которая ведется въ настоящее время между народами всего міра, образованіе является могучимъ орудіемъ“.

Быстрое развитіе вывоза изъ Германіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ объясняется высокимъ развитіемъ тамъ рабочаго класса, допускающаго примѣненіе наиболѣе усовершенствованныхъ машинъ. Громадно вліяніе крупныхъ успѣховъ въ области науки, которые нигдѣ не примѣняются въ области промышленности, въ такихъ размѣрахъ,какъ въ Германіи, какъ это признается всѣми изслѣдователями.

Что касается характера знаній, существенныхъ для развитія и преуспѣянія хозяйства, то по этому поводу К. Марксъ писалъ такъ: „Развитіе производительныхъ силъ всегда сводится въ концѣ концовъ къ общему характеру совершенства труда и къ развитію умственнаго труда, въ особенности естественныхъ наукъ“, (т. III).

Какъ бы въ добавленіе къ этому вотъ что говоритъ извѣстный химикъ Вильг. Оствальдъ («Насущная потребность») относительно Англіи: „Для того, чтобы отразить конкурренцію Германіи въ различныхъ областяхъ техники... извѣстно только *одно* (курсивъ автора) средство—это повышеніе уровня научнаго развитія... Кромѣ старыхъ университетовъ въ Англіи появился цѣлый рядъ новыхъ и въ нихъ въ противоположность литературнымъ тенденціямъ старыхъ университетовъ выдвигается на первый планъ естественно-научное изслѣдованіе“. Отсюда можно было бы думать, что собственно естественно-научныя знанія прикладнаго характера, ведущія непосредственно къ развитію техники, имѣютъ значеніе для развитія производительныхъ силъ. Но это не такъ. Тотъ же ученый продолжаетъ такъ: „И въ Америкѣ ясно сознаютъ, что прочное превосходство въ техникѣ возможно лишь на научной основѣ, и потому тамъ серьезно питаютъ надежду достичь и въ области *чистой науки* такого же превосходства надъ старой Европой, — какое уже достигнуто тамъ въ нѣкоторыхъ областяхъ техники. *Слѣдовательно, если мы ставимъ передъ собой задачей развитіе какой нибудь области техники, то для этого въ дѣйствительности, нѣтъ болѣе вѣрнаго средства, какъ развитіе чистой науки,* она одна,... создаетъ необходимый духовный фундаментъ здороваго развитія“.

Въ другомъ мѣстѣ того же труда онъ поясняетъ это слѣдующимъ соображеніемъ. „Кто освоился, говоритъ онъ, съ опредѣленіемъ Конта: *знать, чтобы предвидѣть,* тому не трудно убѣдиться, что наука и хозяйство обусловливаютъ другъ друга, такъ какъ послѣднее не мыслимо безъ *„предвидѣнія“*, слѣдовательно безъ науки“. Далѣе, переходя къ значенію чистой науки, онъ говоритъ: *„нѣтъ ни одного практика, который работалъ бы безъ теоріи.* Въ основѣ всякой практической работы лежитъ знаніе того, что при опредѣленныхъ условіяхъ, появляется и опредѣленный результатъ“. (Въ приведенныхъ выдержкахъ вездѣ, кромѣ словъ «чистой науки», курсивъ автора).

Въ томъ же духѣ о значеніи теоріи говоритъ и французскій ученый Пуанкаре. Онъ останавливается на выясненіи практическаго значенія астрономіи. Можно было бы думать, что оно въ томъ, что, ознакомившись съ расположеніемъ небесныхъ свѣтилъ, можно правильно совершать путь, безъ чего, до изобрѣтенія и примѣненія компаса, совершенно невозможны были бы морскія путеше-

ствія. Нѣтъ, говоритъ онъ, значеніе ея въ томъ, что съ знаніемъ ея измѣнился самъ человѣкъ. «Астрономія, говоритъ онъ, полезна, ибо она являетъ намъ, какъ человѣкъ ничтоженъ тѣломъ и великъ духомъ—ибо умъ его въ состояніи обнятъ сіяющія бездны, гдѣ его тѣло является лишь темною точкою»... «Что человѣкъ безъ знанія? Одинъ, окруженный природой; гдѣ все было тайной, смущенный неожиданнымъ проявленіемъ непостижимыхъ для него силъ, онъ видитъ во всемъ произволъ, дѣйствіе духовъ, своенравныхъ и взыскательныхъ, которыхъ надо было умилостивлять. А теперь мы повелѣваемъ, узнавъ законы природы, а существующіе законы правильности открыла прежде всего астрономія.—Халдеи, прежде другихъ наблюдавшіе—замѣтили правильность въ движеніи небесныхъ свѣтилъ. А потомъ мы всматривались и въ нашъ міръ и нашли и здѣсь правильности. Астрономы показали, что законы непреложны и можно предсказывать, предусматривать. Астрономія, наука недовѣряющая видимости, показываетъ, что движется земля, а не солнце, какъ намъ видится, а это все повело и къ открытіямъ въ техникѣ, а машина даетъ досугъ для развитія нашихъ умственныхъ силъ. Наука предвидитъ и все менѣе и менѣе ошибается, развитіе техники доставляетъ ученому вѣру въ самого себя". (Пуанкаре: Цѣнность науки). Это опять сходится съ приведенными выше словами Оствальда и еще съ слѣдующими его словами, какъ бы еще немного поясняющими значеніе того, что говоритъ Пуанкаре о практическомъ значеніи и послѣдствіяхъ представленія о закономѣрности. „Въ настоящее время, говоритъ Оствальдъ, когда всякій, быть можетъ, даже въ преувеличенной степени убѣжденъ въ закономѣрности всего происходящаго въ природѣ, мы совершенно не можемъ представить себѣ, какой это былъ колоссальный прогрессъ въ человѣческомъ мышленіи вообще (курсивъ мой Н. К.)—подмѣтить закономѣрность и повѣрить въ нее, и какая отвага необходима была для того, чтобы попытаться вызвать по своему желанію такія явленія, наступленіе которыхъ обыкновенно приписывалось таинственнымъ силамъ".

Обратимся теперь еще къ экономистамъ. Что говорятъ они о значеніи науки и знаній для хозяйственной дѣятельности.

Вотъ что пишетъ по этому поводу Зомбартъ. 1. „Знаніе даетъ намъ то, что съ теченіемъ времени 1, умножаются наши знанія о свойствахъ окружающей насъ природы и 2, расширяются предѣлы нашего умѣнья преобразовывать предметы внѣшней природы соотвѣтственно нашимъ желаніямъ. Умножаются наши знанія о предметахъ, силахъ природы и ея преобразовательныхъ дѣйствіяхъ. Паръ и электричество, красильныя вещества и питательные суррогаты, ежедневно открываемые новые химическіе пріемы и дѣйствія говорятъ

объ этомъ. Надежнѣе становится наше господство надъ силами и явленіями природы. Сначала мы должны были пользоваться простыми силами ея: дуновеніемъ вѣтра, теченіемъ воды, не имѣя власти надъ ними, а постепенно выучились вліять на ихъ силу и направленіе (плотина, поставленные паруса опредѣляютъ движеніе обратное вѣтру и т. д.). Это ведетъ къ уменьшенію нашей зависимости отъ природы. Такъ, использованіе пара и электричества освободило отъ привязанности къ опредѣленному мѣсту—примѣнить ихъ всюду можно, но и, кромѣ того, это освобождаетъ насъ и отъ ограниченія въ количествѣ продуковъ. Медъ, воскъ получаются въ количествѣ, обусловленномъ мѣстной обстановкой. Сахаръ, стеаринъ можно произвести всюду и въ любомъ количествѣ. Освобождаетъ и отъ времени, сокращая время на производство, на перевозку, т.-е. уничтожая разстояніе". Мы все болѣе пользуемся такими предметами, которыми раньше не пользовались, и притомъ предметами производимыми не въ сельскомъ хозяйствѣ. А это важно съ той стороны, что въ сельскомъ хозяйствѣ мы находимся въ значительной степени въ зависимости отъ природы. Слѣдовательно, пользованіе другими предметами даетъ намъ большій просторъ въ удовлетвореніи нашихъ потребностей. Вмѣсто дерева, мы употребляемъ желѣзо и кирпичъ, камень. Въ орудіяхъ труда, и средствахъ производства, также на ряду, напр. съ растительными матеріалами для каната (конопля, ленъ), мы дѣлаемъ желѣзные канаты. Да и для обработки желѣза замѣняемъ растительное топливо другимъ: вмѣсто древеснаго угля—коксъ, каменный уголь. Послѣдній, въ свою очередь, можетъ замѣняться, какъ топливо, торфомъ, нефтянными остатками. Какъ освѣтительное средство служитъ не только керосинъ, но и газъ, электричество, которое замѣнили жиръ, сало, лучину, масло.

«Вмѣсто прежнихъ красильныхъ веществъ животнаго и растительнаго происхожденія какъ пурпуръ, кошениль, индиго, красильное дерево и друг.—употребляютъ анилинъ, нафталинъ и друг. краски, добываемыя изъ каменнаго угля. Видимъ уменьшеніе по опредѣленнымъ причинамъ населенія, занятаго сельскимъ хозяйствомъ, но это мало отражается на общественномъ значеніи сельскаго хозяйства».

Все это вызывается созданіемъ химической промышленности и измѣненіемъ въ горномъ дѣлѣ: Въ 50 годахъ насчитывалось во Франціи 547 химическихъ заводовъ съ 5947 рабочими (10 рабочихъ на 1 фабр.), а къ настоящему столѣтію около 37 тыс. рабочихъ, т.-е. въ 6 разъ больше. Но кромѣ того, многіе заводы, гдѣ приходится имѣть дѣло съ химической обработкой предметовъ, имѣютъ у себя ученыхъ химиковъ, которымъ не дается никакого опредѣленнаго дѣла, но предоставляется все необходимое для научныхъ изысканій,

производимыхъ по усмотрѣнію ученаго. И это въ разсчетѣ на то, что плоды работъ ученаго могутъ получить значеніе и для даннаго производства.

Съ увеличеніемъ техническихъ знаній поднялось очень и техническое умѣнье—въ особенности шло впередъ усовершенствованіе рабочихъ орудій.

Мы видимъ что дѣлаетъ машина, но машина существуетъ давно. Развитіе машинъ началось съ появленія рабочихъ инструментовъ. И хотя паръ и рабочія машины и внесли переворотъ, но это еще не было торжествомъ, это не было чѣмъ либо планомѣрнымъ, чтобы отдѣляло по основнымъ направленіямъ одно время отъ другого. Существенное основное значеніе справедливо видитъ Зомбартъ въ примѣненіи науки къ техникѣ, т.-е. въ замѣнѣ пріемовъ, основанныхъ на искусствѣ—пріемами научными. Правда и у древняго Востока было много знаній, но опытныхъ. Недоставало естественно-научныхъ знаній, которыя принесъ 18 вѣкъ.

А разница вотъ въ чемъ, искусство связано съ личностью мастера; что подслушалъ, подглядѣлъ и перенялъ мастеръ, то онъ и можетъ сдѣлать, зная какъ это сдѣлать, но не зная почему такъ, отчего. Умеръ человѣкъ и пропали его навыкъ и знанія. Въ научныхъ же пріемахъ связано все не съ личностью, такъ какъ, если выяснено отчего и записано, то каждый можетъ это воспроизвести, потеряться способъ не можетъ, онъ не связанъ съ данной личностью, онъ дѣлается всеобщимъ и оттого съ развитіемъ науки наступилъ такой успѣхъ въ промышленности, такое ея развитіе. До этого новыя отрасли промышленности могли возникать въ другой странѣ лишь съ переселеніемъ туда людей, знающихъ это дѣло. Тогда имѣли значеніе секреты. Теперь же данная отрасль промышленности изъ одной страны въ другую можетъ переходить и безъ этого, хотя путь такого перенесенія ея при посредствѣ переселенія въ другую страну не устраненъ и теперь. Такъ напр., развитіе часового производства въ Америкѣ объясняется прямо переселеніемъ туда искустныхъ швейцарскихъ часовщиковъ. Но все же это-такъ сказать случайность. Тогда какъ съ развитіемъ науки, примѣненіе и сохраненіе пріемовъ обрабатыванія освобождается отъ случайностей и вмѣсто того, чтобы итти въ дѣлѣ улучшеній ощупью, при научныхъ пріемахъ, все дѣлается по плану, т.-е. наперед распредѣлено, какъ и что дѣлать и что зачѣмъ будетъ слѣдовать и почему, такъ, что каждый шагъ, каждый пріемъ будетъ разсчитанъ. Вмѣсто пробы, случайности, все изслѣдуется, провѣряется, измѣряется, взвѣшивается и получается увѣренность въ каждомъ шагѣ. Вмѣсто того распредѣленія между отдѣльными лицами работъ, необходимыхъ для созданія предмета, вмѣсто

того раздѣленія труда, которое устанавливается въ зависимости отъ человѣческихъ органовъ, т.-е. тѣхъ частей тѣла, которыя примѣняются къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ, вмѣсто того раздѣленія отдѣльныхъ производственныхъ дѣйствій, которое зависитъ отъ строенія человѣческаго тѣла, его свойствъ, примѣняется то, которое зависитъ отъ свойствъ того, что перерабатывается и отъ цѣлей и назначенія этой переработки, отъ связи и зависимости тѣхъ силъ и предметовъ природы, которые подверглись переработкѣ и тѣхъ, при посредствѣ коихъ происходитъ переработка.

Такимъ образомъ устраняются ограниченія, связанныя съ устройствомъ человѣческаго тѣла и открывается широкій просторъ использованію силъ и предметовъ природы для производства. „И та самая наука, которая свергла насъ съ давно занимаемаго нами трона и обнаружила все наше ничтожество, въ тоже время указала намъ путь къ новому завоеванію міра и достиженію вновь настоящаго господства, вмѣсто потеряннаго воображаемаго".

О значеніи знаній въ экономической дѣятельности нашъ экономистъ Н. Г. Чернышевскій еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія писалъ такъ:

„Ни одинъ изъ элементовъ успѣшности производства не имѣетъ такого громаднаго значенія, какъ степень умственнаго развитія въ работникѣ. Климатъ, почва, запасы капитала, самая крѣпость физическихъ силъ—все это ничтожно по сравненію съ развитіемъ мысли. Изъ этого развитія все возникаетъ, все достигаетъ только той величины, которая сообразна съ нимъ, все поддерживается только имъ. Поэтому, важнѣйшими препятствіями къ развитію производства надобно считать тѣ формы, которыя неблагопріятны умственному развитію работника".

А. И. Чупровъ пишетъ: „Наука и знаніе составляютъ единственную прочную основу блага и счастья народовъ". „Единственный способъ для борьбы съ бѣдностью заключается въ увеличеніи производительности труда, для чего вѣрнѣйшій путь—знаніе и образованіе".

Такъ говорятъ экономисты-теоретики. Но о томъ же свидѣтельствуютъ и хозяева-практики, и къ этому приводятъ и факты жизни. Такъ несомнѣнно, что экономическій подъемъ Германіи за послѣдніе годы передъ войной въ значительной степени созданъ распространеніемъ въ ней профессіональныхъ знаній. Затѣмъ, по собраннымъ въ Америкѣ свѣдѣніямъ и отвѣтамъ хозяевъ, замѣщеніе отвѣтственныхъ должностей въ фабричной іерархіи образованными или необразованными людьми, прямо вліяетъ на успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія. Это, конечно, понятно и безъ дальнѣйшихъ объясненій. Но тоже

значеніе имѣетъ образованіе и для простыхъ рабочихъ, несмотря на то, что сложное дѣло дѣлаетъ теперь машина, а простое — человѣкъ: ткачиха должна присучить нитку, когда она оборвется при ходѣ машины, но для того, чтобы уловить моментъ, когда нитка оборвалась, нужна тонкость слуха, что зависитъ и отъ умственнаго развитія, отъ способности воспринятое слухомъ измѣненіе въ ходѣ машины связать съ причиной того, быстро сообразить это, своевременно принять мѣры. А это значитъ, что и бракованнаго матеріала будетъ меньше и получится разница и въ производительности труда, и въ заработкѣ работницы. На другихъ фабрикахъ Америки получается въ задѣльной платѣ образованныхъ и необразованныхъ въ недѣлю такая разница: 11 и 7 дол. при равномъ матеріалѣ, машинахъ и проч. По тѣмъ же даннымъ при литьѣ желѣза, гдѣ требуется лишь сила, у образованнаго рабочаго дѣло идетъ лучше, а при лучшемъ знаніи свойства матеріала затрата могла бы быть на $^1/_3$ меньше.

Элементарное образованіе повышаетъ по наблюденіямъ предпринимателей производительность труда на 20%, а знакомство съ естественными и математическими науками — могло бы ее повысить вдвое. Экономія въ надзорѣ и контролѣ за образованными рабочими составляетъ 10%. Большинство сокращающихъ человѣческій трудъ механизмовъ имѣли начало въ болѣе интеллигентномъ рабочемъ, стремящемся къ новымъ приспособленіямъ, что было отмѣчено еще А. Смитомъ. По производившимся у насъ изслѣдованіямъ о вліяніи грамотности на производительность труда, даже такое дѣло какъ насыпаніе песку въ тачку, у грамотнаго идетъ успѣшнѣе, ибо онъ лучше соображаетъ какъ поставить и расположить тачку, лопатку и т. д. по отношенію къ мѣсту, откуда берется песокъ. Просто вырабатывается болѣе привычка обдумывать цѣлесообразность того или другого, а не дѣйствовать по случайно усвоенному навыку. По другому изслѣдованію на одной изъ Московскихъ фабрикъ грамотный зарабатывалъ болѣе неграмотнаго, смотря по возрасту на 2—36 к. въ день. По изслѣдованіямъ на одномъ механическомъ заводѣ въ г. Николаевѣ, даже каждый лишній годъ занятій въ школѣ, вліяетъ на увеличеніе дневного заработка въ зависимости отъ успѣшности работы. Такъ для неграмотнаго заработокъ 1 р. 3 к. въ день, а затѣмъ, повышаясь на нѣсколько копѣекъ для грамотнаго на каждый лишній годъ занятій въ школѣ, онъ доходитъ для занимавшагося 6 лѣтъ до 1 р. 23 к. въ день.

Вотъ эти данныя, а также и многое другое, устами самихъ предпринимателей заявляетъ о необходимости и выгодности даже для предпринимателей наиболѣе просвѣщенныхъ, развитыхъ, мыслящихъ рабочихъ. Да это вытекаетъ и изъ всего, что сказано выше и, надо полагать доказано, что все основаніе производства, вся произ-

водительная дѣятельность вытекаетъ изъ личности трудящагося, изъ того, какова она по силѣ какъ физической, такъ и умственной. И если это выгодно для предпринимателя, то въ данномъ случаѣ выгодно и для общества въ его цѣломъ, для всѣхъ классовъ населенія. А если такъ, то является неизбѣжнымъ вопросъ: какимъ же образомъ уровень образованія и просвѣщенія массъ населенія стоитъ такъ низко? Какъ объяснить совершенную правильность той характеристики положенія дѣлъ въ этомъ отношеніи, которую даетъ комунистъ Бабефъ — писавшій объ этомъ еще въ XVIII вѣкѣ?

„Вмѣсто того, чтобы дать народу возможность пріобрѣсти необходимыя познанія — вы занимали его суевѣріями — словомъ, благодаря противоположности между воспитаніемъ народа и вашимъ собственнымъ, вамъ удалось привить народу чувства покорнаго смиренія, а въ самихъ себѣ выработать то жестокосердіе и безжалостность, которыя позволяютъ вамъ хладнокровно взирать на умирающихъ съ голоду вашихъ ближнихъ въ то время, какъ вы сами катаетесь, какъ сыръ въ маслѣ и утопаете въ роскоши".

Въ этихъ словахъ, когда говорится о «чувствахъ покорнаго смиренія», заключается отчасти и отвѣтъ на поставленный вопросъ. Тоже подтверждается и такими фактами, какъ строгое сохраненіе и огражденіе въ Египтѣ касты многознающихъ жрецовъ. Тоже опасеніе лишится своего господства сказывалось и далѣе, когда судъ инквизиціи, присудившій къ сожженію Дж. Бруно, сталъ тревожиться, что Галилей будетъ распространять такое множество новыхъ знаній и доказывать, что земля наша не есть средоточіе всего міра, а лишь простое пятнышко среди безчисленнаго міра звѣздъ и планетъ и принудилъ было его отречься отъ своего ученія. Такъ было въ 17-мъ столѣтіи. Не мало въ томъ же столѣтіи пришлось претерпѣть и Гарвею, открывшему кровообращеніе, такъ какъ онъ подрывалъ этимъ авторитетъ старыхъ врачей. Всего же лучше объясняютъ это удержаніе массъ въ невѣжествѣ, слова одного англичанина, воскликнувшаго: „Какъ, учить народъ? Да, если бы моя лошадь знала столько, сколько знаю я, то она не позволила бы мнѣ садиться на нее верхомъ и ѣздить на ней".

Но, приходится, повторять уже не первый разъ, условія жизни мѣняются. Подъ вліяніемъ измѣненій произведенныхъ въ человѣкѣ большимъ распространеніемъ и усвоеніемъ знаній практическихъ и теоретическихъ, произошло развитіе, улучшеніе техники, требующее для своего использованія болѣе просвѣщенныхъ рабочихъ и „капиталъ самъ началъ подрывать силу своего вліянія на умы массъ", и теперь распространеніе профессіональнаго образованія требуется самимъ развитіемъ промышленности. А оно не мыслимо и безъ повы-

шенія и распространенія общаго образованія, а разъ образованіе распространяется, то сфера его вліянія охватываетъ уже все, неограничиваясь одной промышленной дѣятельностью. Для послѣдней же оно неизбѣжно.

„Древнѣйшія промышленныя страны имѣютъ въ ихъ высоко-подготовленныхъ рабочихъ такое (техническое) преимущество, которое только медленно можетъ быть достигнуто странами, вновь выступающими на поприщѣ промышленной дѣятельности. Англія своимъ положеніемъ на всемірномъ рынкѣ въ большей своей части обязана умственному развитію своихъ рабочихъ, какъ и вообще (техническій) успѣхъ въ производствѣ каждой страны въ послѣднемъ счетѣ зависитъ отъ того, въ состояніи ли рабочее населеніе свою способность напряженія въ трудѣ повысить настолько, насколько это необходимо для разумной постановки производства“. (Harms).

Я очень долго останавливаюсь на характеристикѣ значенія знанія для производства и это можетъ представляться излишнимъ въ курсѣ лекцій даже для начинающихъ. Но на этомъ приходится остановиться такъ долго, потому что вліяніе своекорыстныхъ интересовъ мѣшаетъ проявиться сознанію важности всеобщаго просвѣщенія съ той силой, съ какой это необходимо для насъ, въ особенности теперь, когда намъ неизбѣжно напрячь всѣ усилія для выхода изъ того бѣдственнаго экономическаго положенія, въ которое мы ввержены войной и всѣми политическими неурядицами. Намъ необходимъ небывалый подъемъ производительныхъ силъ, чтобы не впасть въ полное экономическое рабство. А для этого, для насъ неустранимо проявить такія усилія въ этомъ отношеніи, которыя должны превосходить все, что дѣлалось въ этомъ отношеніи другими народами. И необходимо это не потому только, что мы на много отстали отъ нихъ, но и потому, что по нашимъ климатическимъ условіямъ и по нашимъ разстояніямъ, намъ требуется производить болѣе значительныя, чѣмъ имъ, затраты и на устройство жилищъ, на отопленіе ихъ, на одежду, на усовершенствованные пути сообщенія и многое другое. Въ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ намъ придется и самое распространеніе просвѣщенія, всю организацію народнаго образованія поставить во многомъ иначе, чѣмъ это ставилось до сихъ поръ. Но объ этомъ будетъ сказано еще впослѣдствіи, когда перейдемъ къ ученію о раздѣленіи труда.

5. О непріятности труда.

Все, что выяснялось до сихъ поръ относительно условій производительности труда свидѣтельствуетъ о томъ, что въ успѣшности труда имѣетъ значеніе не только количество его, но едва ли не еще

большее качество труда, т.-е. то, какова личность самого трудящагося, его отношеніе къ производимой работѣ. А это, помимо индивидуальныхъ свойствъ рабочаго, его силы, ловкости, умѣнья, знаній, зависитъ въ значительной степени и отъ обстановки труда, отъ цѣлей и задачъ труда и результатовъ того для прилагающаго свои трудовыя силы.

Выше было уже отмѣчено, что трудовая дѣятельность есть проявленіе потребности организма въ движеніи. При этомъ казалось бы, что проявленіе ея какъ и всякое удовлетвореніе потребности организма, должно доставлять удовольствіе, между тѣмъ, мы знаемъ, что слово трудъ и трудно одного и того же корня, а трудно — это по общему представленію значитъ тяжело, непріятно. И выходитъ, что трудъ представляетъ собою что-то такое тяжелое, отчего каждый желаетъ избавиться. Что же это значитъ, отчего это происходитъ?

Нѣмецкій экономистъ Harms говоритъ: «Если человѣкъ находится въ одиночномъ заключеніи и при томъ безъ работы, то это чрезвычайно отягощаетъ его. Если дать ему клеить пакеты, то онъ будетъ чувствовать себя лучше. Но монотонность, однообразіе этой работы скоро надоѣстъ ему. Если же дать ему сдѣлать столъ, то охота къ работѣ, доставляемое ею, такъ сказать, развлеченіе будетъ продолжаться дольше». Возьмемъ далѣе работу музыкальную, соединенную съ физическимъ трудомъ, работу художника, изготовляющаго картину или бюстъ. Работы эти доставляютъ имъ удовольствіе. Первобытнымъ дикарямъ доставляетъ удовольствіе потратить по собственному побужденію не малый трудъ на то, чтобы вырѣзать украшеніе на носу лодки.

Въ чемъ же тутъ дѣло? У здороваго человѣка, говоритъ Harms, работа есть естественное проявленіе своихъ силъ, проявленіе своей личности во внѣ, удовлетвореніе потребности мускульныхъ частей организма въ движеніи, составляющемъ ихъ функцію. Нашъ ученый Н. Г. Чернышевскій прямо отмѣчаетъ, что пріятное ощущеніе отъ труда получается всегда, когда существуютъ слѣдующія 3 условія: 1, труду не препятствуютъ слишкомъ сильныя внѣшнія помѣхи; 2, когда человѣкъ совершаетъ его по собственному соображенію о его надобности или полезности, а не по внѣшнему принужденію, 3, когда трудъ продолжется не болѣе того времени, въ теченіе котораго человѣкъ совершаетъ его безъ изнуренія, вреднаго, разрушающаго тѣло и духъ. «Когда желудокъ пресыщенъ пищею, говоритъ онъ, то самое вкусное блюдо становится отвратительнымъ и, если нельзя отъ него отказаться, то ѣда бываетъ большой непріятностью». Вспомнимъ басню Крылова: «Демьянова уха».

Пріятность или непріятность труда, продолжаетъ онъ, подчи-

нена тѣмъ же самымъ условіямъ, какъ пріятность или непріятность всѣхъ другихъ органическихъ дѣятельностей человѣческаго тѣла. Но трудъ чаще стоитъ въ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Ибо когда удовлетворяютъ потребность въ ѣдѣ, то устраиваются или стремятся устроиться сообразно съ тѣмъ, чего требуетъ удовлетвореніе этой потребности. «Но, заканчиваетъ эти соображенія Чернышевскій, руководились ли народы заботою о наивыгоднѣйшей обстановкѣ труда, когда давали обществамъ своимъ то устройство, которое до сихъ поръ сохраняется въ существенныхъ и важнѣйшихъ чертахъ: Франки, основавшіе нынѣшнее французское общество, пришли въ страну, овладѣли ею и дали ей извѣстное устройство не для того, чтобы трудиться, а чтобы воевать, грабить и праздношатательствовать».

Пріятное ощущеніе получается каждой частью тѣла тогда, продолжаетъ онъ далѣе, когда эта часть тѣла съ нѣкоторой степенью силы занята тѣмъ, къ чему она приспособлена; напр., зрѣніе доставляетъ намъ пріятность, когда предметъ, на который смотритъ нашъ глазъ, занимателенъ для насъ, т.-е. когда онъ возбуждаетъ въ глазу довольно значительную, но не чрезмѣрную силу дѣятельности. Непріятное ощущеніе въ извѣстной части тѣла бываетъ тогда, когда или отсутствуетъ необходимая для него дѣятельность, или существуютъ внѣшнія препятствія для совершенія этой дѣятельности, или требуется напряженіе, чрезмѣрно превышающее силу, которую способна проявить опредѣленная часть тѣла, напримѣръ: слишкомъ яркій свѣтъ становится непріятнымъ.

Но тѣ части человѣческаго тѣла, которыми человѣкъ производитъ движеніе, въ которомъ выражается физическій трудъ (а это и есть только движеніе, какъ выяснилъ Д. С. Милль въ приведенной нами выше выпискѣ изъ его «Основаній Политич. Экономіи») т.-е. мускулы имѣютъ потребность въ этомъ движеніи. Насколько эта потребность велика и всесильна, можно видѣть хотя бы изъ того, какъ люди, поставленные своими занятіями или иными условіями въ такое положеніе, что не имѣютъ физическаго труда, изобрѣтаютъ способы для доставленія мускуламъ движенія, создаютъ различнаго рода спортъ: бѣганіе на конькахъ, на лыжахъ, гимнастика, велосипедная ѣзда и т. п. Достаточно посмотрѣть на дѣтей, чтобы понять насколько сильна въ людяхъ потребность въ движеніи. Съ другой стороны, можно сказать, что значительная часть различныхъ водо-лѣчебныхъ заведеній и мѣстъ для леченія водой, которую надо пить непремѣнно ходя при этомъ, обязаны своимъ существованіемъ болѣзнямъ, вызваннымъ сидячимъ образомъ жизни у классовъ населенія, вынужденныхъ къ тому своими занятіями или непривычкой къ какому либо труду и вообще той стихійно сложив-

шейся общественной организаціей, при которой занятіе физическимъ трудомъ не входитъ необходимой составной частію ни въ воспитаніе, ни въ образъ жизни многихъ членовъ общества — совершенно здоровыхъ, организмъ которыхъ требуетъ движенія. Сложилось такъ, какъ увидимъ далѣе, и потому, что физическій трудъ, по тому какъ развивались исторически отношенія людей въ ихъ хозяйственной дѣятельности, обставленъ еще и до сего времени условіями крайне неблагопріятными для него и несовмѣстимыми съ человѣческимъ достоинствомъ. А это все и стоитъ въ противорѣчіи съ требованіями человѣческаго организма, какъ онъ устроенъ природой. И потому совершенно понятно, что въ сравнительно недавно вышедшемъ въ свѣтъ романѣ—утопіи англійскаго писателя Вилліяма Мориса, «Вѣсти ни откуда», выражается полнѣйшее отрицаніе постановки труда въ современномъ эконом. строѣ, которая лишаетъ его пріятныхъ сторонъ. Онъ идетъ тамъ такъ далеко, что совершенно отрицаетъ необходимость примѣненія машинъ. Все производится ручнымъ трудомъ и притомъ такъ успѣшно, что люди боятся, какъ бы имъ не попасть въ такое положеніе, что нечего дѣлать. И боятся этого не потому, что тѣмъ лишатся заработка, а лишатся значительной доли того, что даетъ содержаніе жизни, даетъ возможность проявить свою личность во внѣ. Другой старый утопистъ Ш. Фурье предусматриваетъ въ будущемъ такое распредѣленіе труда, въ которомъ каждый располагаетъ своими силами соотвѣтственно своимъ страстямъ и наклонностямъ — и это опять дѣлаетъ трудъ не тягостью, а удовольствіемъ, тѣмъ, что удовлетворяетъ естественныя потребности человѣческаго организма. Гражданинъ свободнаго Афинскаго государства (если не считать рабства) — философъ Платонъ, какъ увидимъ ниже — выводитъ даже раздѣленіе занятій изъ индивидуальныхъ особенностей каждаго человѣка и его стремленія удовлетворить имъ. Имѣя все это въ виду, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ французскаго соціалиста Франсуа Бабефа, что трудъ при равномъ распредѣленіи его сдѣлается «источникомъ удовольствія и развлеченія».

6. Значеніе общественнаго положенія трудящихся.

I.

Но этого то равнаго распредѣленія труда никогда не было и нѣтъ и до сихъ поръ. Его не было и не могло быть въ періодъ рабства, когда рабъ захватывался для того, чтобы изготовлять для своего поработителя то, чего послѣдній не умѣлъ или не хотѣлъ дѣлать. А это былъ обыкновенно самый тяжелый трудъ и при томъ налагае-

мый на раба въ такой мѣрѣ, въ какой только можно было, лишь бы рабъ способенъ былъ работать. Въ связи съ этимъ выработывалось и презрѣніе къ физическому труду, какъ труду не свободному.

„Природа,—говорилъ Платонъ,—не создала ни башмачника, ни портного, подобныя занятія унижаютъ людей, ихъ отправляющихъ; поэтому послѣдніе... своимъ родомъ занятій исключены изъ политическихъ правъ". Ксенофонтъ замѣчалъ: „на тѣлѣ работника должна отразиться суровость его труда; но мудрено и духу остаться свободнымъ отъ того же вліянія; поэтому справедливо исключеніе изъ общественныхъ должностей тѣхъ, кто посвящаетъ себя ручной работѣ".

Аристотель различалъ раба по природѣ и раба по закону. „Рабъ по природѣ тотъ, кто способенъ заниматься только физическимъ трудомъ и кто обладаетъ разумомъ лишь въ такомъ количествѣ, чтобы только понимать эту работу, но не стоять хозяиномъ своего дѣла". „Если раба не наказываютъ, мало задаютъ работы и обильно кормятъ, то онъ становиться заносчивымъ. Если же онъ работаетъ достаточно и съ него взыскиваютъ, но кормятъ плохо, то онъ теряетъ силы и становится склоненъ къ возмущенію. Надо заставлять его работать въ мѣру и кормить до сыта".

По Цицерону всѣ виды мелкой торговли, ремесла, наемнаго труда, подобно занятію сборщика податей и ростовщичеству—„низки и неопрятны".

Такое презрительное отношеніе къ физическому труду не могло уже само по себѣ отзываться благопріятно на производительности его.

Указанному презрительному отношенію къ труду какъ бы противорѣчитъ то обстоятельство, что имѣются слѣды, свидѣтельствующіе объ уваженіи, которымъ пользовался въ античномъ мірѣ земледѣльческій трудъ. Но это различается по отдѣльнымъ странамъ въ зависимости отъ значенія земледѣльческаго труда и отъ историческихъ условій, при которыхъ развивалось рабство, о чемъ скажу нѣсколько ниже. Здѣсь же укажу, что, не останавливаясь на многочисленныхъ данныхъ, рисующихъ намъ условія и обстоятельства зарожденія и развитія рабства, можно установить, что рабство возникаетъ и увеличивается тогда, 1) когда уже явилась производительность труда настолько высокая, что можно прокармливать женщинъ и дѣвушекъ, обращая ихъ въ рабство не съ хозяйственной цѣлью и 2) когда раба выгодно имѣть, ибо производительность его труда уже такова, что онъ выработаетъ больше, чѣмъ нужно на его прокормленіе. Слѣдовательно, рабскій трудъ увеличиваетъ доходы владѣльца, и держаніе рабовъ не только признакъ, но и источникъ богатства. Поэтому на рабовладѣльца смотрятъ какъ на человѣка, имѣющаго въ

своемъ распоряженіи средства для пріобрѣтенія богатства, а это способствуетъ увеличенію уваженія къ нему, какъ то отмѣчаютъ писатели, изучавшіе условія появленія и существованія рабства (Зелигманъ, Нибуръ и др.).

Такъ, въ Бразиліи говорятъ, что вождь, держащій много рабовъ, можетъ обработать много земли. Земля въ то время еще свободна, а народу еще мало и потому можно свободно распространять обработку ея. У владѣльца рабовъ поэтому всегда обильный запасъ пищи, что и увеличиваетъ уваженіе къ нему. При тогдашней необезпеченности и невѣрности въ результатѣ труда (по незнанію и незнакомству со свойствами окружающихъ предметовъ) совершенно понятно уваженіе къ тому, у кого много запасовъ пищи. А это въ то же время ведетъ къ тому, что значеніе рабства возвышается. Къ тому же съ рабовладѣніемъ связана и возможность широкаго гостепріимства.

Изъ этихъ сообщеній можно видѣть, какъ и на какой почвѣ зародилось и развилось 1) раздѣленіе общества на классы и 2) откуда явилась первоначально возможность накопленія, а также выдѣленія въ особое положеніе лицъ съ избыткомъ имущества. Это созданіе для нихъ особаго положенія, почета вытекало не изъ нихъ самихъ, а изъ отношенія къ нимъ массы населенія. Оно создавало имъ это положеніе, хотя сама же эта масса не препятствовала имъ пользоваться избытками *ея* труда и давала имъ возможность проявлять широкое гостепріимство и вообще снабжать другихъ пищей. Итакъ, опять-таки все бываетъ тѣмъ или другимъ не само по себѣ, а по нашему внутреннему я, по нашему отношенію къ этому, хотя отношеніе это вырабатывается на экономической почвѣ и вытекаетъ изъ данныхъ хозяйственныхъ условій. Можно сказать, что трудовые элементы общества сами себя поработили, признавая значеніе тѣхъ, кто владѣлъ ими при помощи физической силы, но кто безъ ихъ работы не могъ не только скрашивать свое существованіе, но и жить вообще.

Что же касается дѣленія на классы, то возникновеніе его изъ рабства можно было еще весьма недавно наблюдать у нѣкоторыхъ воинственныхъ племенъ, каковы, напр., караибы, среди которыхъ плѣнные съ своими дѣтьми образуютъ наслѣдственный нисшій классъ общества.

Такое выдѣленіе покоренныхъ народовъ, вошедшихъ уже въ составъ даннаго государства, въ особый классъ населенія такъ долго удерживалось, что, напр., при турецкомъ владычествѣ въ Болгаріи, христіане не могли быть ни чиновниками, ни военными и составляли, стало-быть, особый классъ общества съ ограниченными правами. Давно ли, наконецъ, у насъ, въ Россіи, уничтожилось раздѣленіе на податное и не податное населеніе? Все это, какъ и вся современная

структура хозяйства съ его продолжающимся дѣленіемъ (хотя и не формально) на классы и имѣетъ свои корни въ томъ первоначально враждебномъ, военномъ столкновеніи, которое соединило два и болѣе племенъ въ одно цѣлое и въ то же время въ этомъ цѣломъ, а равно и въ прежнемъ цѣломъ одного племени разслоило населеніе на побѣдителей и побѣжденныхъ, на свободныхъ и рабовъ, на имущихъ и неимущихъ.

II.

Рабство должно было задерживать развитіе производительныхъ силъ. Оно не способствовало поднятію производительности, такъ какъ заставляло дремать изобрѣтательныя способности и у раба и у его владѣльца, не создавало побужденія къ ихъ проявленію. Кромѣ того, оно давало возможность жить грабежомъ, вызывало побужденіе къ этому, къ чему и отвлекались отъ производительной дѣятельности болѣе энергичные и предпріимчивые члены населенія, ставя въ то же время другихъ, т. е. рабовъ въ условія, наименѣе благопріятныя для производительности ихъ труда. Все это отзывалось и на земледѣліи, тѣмъ болѣе, что возможность жить грабежомъ отвлекала отъ занятія имъ рабовладѣльцевъ. Кромѣ того, земледѣліе вездѣ стоитъ въ очень различныхъ условіяхъ въ зависимости отъ различій въ природѣ мѣстности и поэтому, хотя во многихъ случаяхъ, какъ это установлено, и происходилъ захватъ рабовъ для обрабатыванія земли, все-таки земледѣліе далеко не вездѣ было совмѣстимо съ рабскимъ трудомъ. Въ Америкѣ, напр., въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ земля не отличается особеннымъ плодородіемъ и нуждается въ болѣе тщательной обработкѣ, — рабство никогда не могло пустить болѣе глубокихъ корней. Это подтверждается и тѣмъ, что у насъ, въ Россіи, въ сѣверныхъ губерніяхъ, даже смягченная форма рабства— крѣпостное право не имѣло распространенія, — а тамъ, гдѣ оно все-таки существовало — въ болѣе сѣверныхъ губерніяхъ преобладала оброчная система, т. е. обязательство отбывать свои повинности передъ помѣщикомъ опредѣленнымъ денежнымъ оброкомъ, зарабатывая деньги работой по найму или инымъ путемъ; на югѣ же господствовала барщинная обработка земли, т. е. работа на поляхъ барина-помѣщика.

Отсюда понятно, что съ увеличеніемъ населенія и необходимостью перехода въ связи съ этимъ къ болѣе тщательной обработкѣ земли, надо было уже въ интересахъ землевладѣльца и рабовладѣльца смягчить суровость положенія раба и предоставить земледѣльцу трудиться нѣкоторое время и на себя. И вотъ античный міръ переходитъ

къ колонату, т. е. къ такому порядку пользованія землей, которое аналогично во многихъ отношеніяхъ съ арендованіемъ земли. Крѣпостное право, замѣнившее рабство, поставило также трудъ рабочаго въ нѣсколько иныя условія для повышенія производительности его. Происходило это тѣмъ путемъ, что, такъ сказать, отвѣтственность за содержаніе рабочаго, т. е. крѣпостного обязаннаго трудомъ, переведена была на его собственную личность, на проявленіе его трудовой энергіи. У раба не было и не могло быть никакого побужденія расходовать свою трудовую энергію, такъ какъ изъ всего, что получалось въ результатѣ его труда, онъ получалъ только то, что находилъ нужнымъ предоставить ему его владѣлецъ. Послѣдній же въ содержаніи раба руководился не соображеніями о томъ, что произведено рабомъ, а исключительно тѣмъ, что необходимо для того, что бы это имущество не умерло отъ истощенія и имѣло силы на работу. Отсюда у раба могъ быть полный интересъ беречь свои силы и тратить ихъ только ради страха, что называется — и для того времени въ буквальномъ смыслѣ — изъ-подъ палки.

Въ крѣпостномъ состояніи дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Содержаніе крѣпостного возлагается всецѣло на его собственный трудъ. Ему отводится участокъ земли, который онъ самъ обрабатываетъ, на что отводился ему во многихъ случаяхъ лишь одинъ день изъ семи дней недѣли, а по существовавшему у насъ, но преимущественно на бумагѣ, закону не болѣе 3-хъ дней. Продукты съ этого участка земли шли на его содержаніе. Слѣдовательно, весь остальной его трудъ шелъ уже исключительно въ пользу помѣщика, такъ что послѣдній, въ особенности при надлежащемъ надсмотрѣ за работой крѣпостного, во всякомъ случаѣ что-либо да получалъ отъ каждаго крѣпостного, тогда какъ трудъ раба могъ и ничего не дать сверхъ того, что надо было истратить на его же прокормленіе.

При такой постановкѣ дѣла производительность труда, хотя бы въ той части его, которая шла исключительно на содержаніе крѣпостного, поднялась, а слѣдовательно увеличилась и общая сумма продуктовъ производства, что уже означало выгоду не для помѣщика только, а для всего народнаго хозяйства.

Но эта выгода была, конечно, не велика, такъ какъ, съ одной стороны, крѣпостной и въ развитіи производительныхъ силъ на отведенномъ ему участкѣ до извѣстной степени ограничивалъ себя. Всякое увеличеніе, улучшеніе своего хозяйственнаго положенія, сверхъ того, что по разсчетамъ помѣщика было достижимо, могло вести къ отягченію положенія крѣпостного: или вести къ убавленію части времени, предоставлявшагося ему для работы на своей надѣльной землѣ или къ сокращенію надѣльнаго участка или къ наложенію излишней тягости

въ видѣ увеличенія тѣхъ даней яйцами, пряжей и т. д., которыя лежали на немъ. При всемъ томъ и работа на помѣщичьемъ участкѣ была мало производительна и производилась весьма неохотно, что очень показательно изображалось передъ господами же помѣщиками и ихъ семьями поводильщиками ученыхъ медвѣдей, съ которыми ходили оброчные крестьяне нѣкоторыхъ деревень по помѣщичьимъ усадьбамъ. Ученый медвѣдь обыкновенно изображалъ хожденіе «на барщину» самымъ медленнымъ переваливаніемъ съ боку на бокъ, тогда какъ возвращеніе съ барской работы пытался изобразить настолько быстрымъ скаканіемъ, къ какому только способенъ былъ.

Такія условія крѣпостного труда съ ростомъ населенія, расширеніемъ круга потребностей, съ развитіемъ торговли, международныхъ сношеній и вообще увеличеніемъ и государственныхъ потребностей вызывали необходимость такой постановки труда, при которой рабочій вынужденъ бы былъ повысить напряженіе своего труда по отношенію ко всему продукту этого труда, въ зависимости отъ чего опредѣлится и то, что получитъ онъ самъ. А это достигается, такъ называемымъ, вольнонаемнымъ трудомъ, гдѣ на долю рабочаго, какъ и при рабскомъ трудѣ выдѣляется то, что необходимо для его содержанія. Но 1) выдѣленіе это дѣлается уже по опредѣленному разсчету, устанавливаемому какъ бы добровольнымъ соглашеніемъ, а 2) рабочій работаетъ «не изъ-подъ палки» въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а изъ-за побужденія болѣе сильнаго, чтобы не умереть съ голоду, такъ какъ онъ «вольный», не составляетъ ничьего имущества и потому никто лично не заинтересованъ въ томъ, чтобы содержать его. А это и заставляетъ его работать такъ, чтобы его работой дорожили, т.-е. не оставляли его безъ работы и платили ему за нее. Отсюда является болѣе усердная работа, болѣе старательный и напряженный трудъ, а слѣдовательно и бо̀льшая производительность, бо̀льшая успѣшность его.

Вотъ почему съ развитіемъ государственной жизни и идущимъ рядомъ съ тѣмъ болѣе высокимъ требованіемъ, предъявляемымъ къ народному хозяйству—еще до формальной отмѣны крѣпостнаго права—развивается вольнонаемный трудъ путемъ перевода крестьянъ многихъ имѣній, въ особенности въ промышленныхъ губерніяхъ, съ барщины на оброкъ. Такъ, въ 1850-хъ гг. въ Ярославской губерніи въ имѣніяхъ, содержавшихъ болѣе 100 душъ крестьянъ, на барщинѣ было всего 9% душъ, во Владимірской даже 8,5%. И объясняется это тѣмъ, что «непроизводительность фабричной барщины была еще болѣе общимъ мѣстомъ, нежели барщины полевой. Свеклосахарные заводы, работавшіе крѣпостнымъ трудомъ давали едва 3% чистаго дохода», тогда какъ фабрики, примѣнявшія вольнонаемный трудъ, признавали

наименьшимъ чистымъ доходомъ 20—25%. Въ то время какъ въ Англіи въ 30—40 годахъ на каждаго работника выплавлялось въ годъ 312½ пуд. чугуна, у насъ на Уралѣ, гдѣ работники были крѣпостные—всего 144 пуда. «Производить работы посредствомъ посессіонныхъ фабричныхъ (т.-е. приписанныхъ къ фабрикамъ крѣпостныхъ), коихъ содержаніе сравнительно съ вольнонаемными обходится слишкомъ дорого», «совершенно невыгодно», какъ жаловались министерству финансовъ наши фабриканты. Это и приводило къ тому, что еще до 1840 г., когда фабриканты могли избавиться отъ *прикрѣпленныхъ* къ заводамъ крестьянъ, 54% рабочихъ на русскихъ фабрикахъ были вольнонаемные».

Отсюда ясно какъ дальнѣйшее развитіе промышленности приводитъ къ отмѣнѣ всякаго юридически подневольнаго труда какъ къ выгодѣ предпринимателей, такъ и для развитія производительныхъ силъ въ интересахъ уже всего населенія. Но эта отмѣна юридической подневольности выступаетъ на сцену, когда уже выработались и подготовились такія экономическія условія, которыя заставляютъ волей-неволей работать ради существованія, довольствуясь тѣмъ, что предприниматели находятъ достаточнымъ удѣлить рабочимъ. При этомъ средства экономическаго и техническаго воздѣйствія, вызывающія повышеніе производительности труда—выработываются и далѣе, что и будетъ указано въ послѣдующемъ. Здѣсь же напомню лишь сказанное въ отдѣлѣ о рабочемъ днѣ, сокращеніе котораго вызывается какъ необходимое и въ то же время возможное тѣми условіями, которыя создаются примѣненіемъ машинъ и вообще техническихъ усовершенствованій. Но въ то же время это ведетъ къ освобожденію уже по существу отъ излишней тяготы физическаго труда, давая большій просторъ духовной жизни и тѣмъ самымъ создавая болѣе благопріятныя условія къ дальнѣйшему измѣненію соціальнаго положенія рабочихъ путемъ ихъ самодѣятельности.

7. Раздѣленіе труда и сотрудничество.

I.

По мѣрѣ того, какъ люди болѣе и болѣе практически знакомились съ свойствами обработываемыхъ предметовъ, все болѣе и болѣе расчленялись тѣ дѣйствія, которыя надо было послѣдовательно производить для созданія намѣченнаго предмета. Но даже еще и при самыхъ первоначальныхъ условіяхъ добыванія пищи, о которыхъ мы только можемъ составить себѣ представленіе, примѣнялось уже людьми распредѣленіе между отдѣльными лицами дѣйствій, необходимыхъ

для добычи того, что нужно. Такъ, при охотѣ на звѣря. напр., подростки и дѣти выгоняли его своимъ крикомъ изъ берлоги, взрослые мужчины подстерегали и убивали его, женщины очищали шкуру съ него, готовили изъ него пищу и т. д. Здѣсь слѣдовательно уже на весьма первобытныхъ ступеняхъ хозяйства такое распредѣленіе необходимыхъ дѣйствій между отдѣльными лицами въ зависимости отъ ихъ силы (по возрасту и полу т.-е, на физіологической основѣ) является необходимымъ условіемъ ихъ сотрудничества другъ другу. А затѣмъ далѣе раздѣленіе труда создается уже на основѣ технически обусловленной послѣдовательности отдѣльныхъ операцій—и это ведетъ къ чрезвычайному повышенію производительности труда.

Приведемъ примѣры того. Извѣстенъ давній примѣръ, приводимый отцомъ современной политической экономіи А. Смитомъ въ его „Изслѣдованіи о природѣ и причинахъ богатства народовъ“ (вышедшемъ въ свѣтъ въ 1776 г.). Онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ указанія на приготовленіе булавокъ еще ручнымъ способомъ. Здѣсь раздѣленіе труда выражается въ томъ, что „одинъ работникъ тянетъ проволоку, другой выпрямляетъ ее, третій—рѣжетъ, четвертый—завастриваетъ, пятый—обтачиваетъ конецъ для головки. Самая головка составляетъ предметъ двухъ или трехъ операцій... Все булавочное производство раздѣляется на восемнадцать или около того отдѣльныхъ занятій“. „На небольшомъ заведеніи,—продолжаетъ онъ,—которое было „весьма бѣдно и снабжено дурно“, при такомъ раздѣленіи труда на долю каждаго рабочаго приходилось въ день 4,800 штукъ. „Но если бы каждый рабочій работалъ отдѣльно отъ прочихъ и они не были бы обучены этому дѣлу, то, разумѣется, ни одинъ изъ нихъ не приготовилъ бы и двадцати, можетъ-быть, даже, работая въ одиночку, рабочій не сдѣлалъ бы и одной булавки въ день... Возможно большее раздѣленіе труда вызываетъ въ каждомъ производствѣ соотвѣтствующее ему увеличеніе въ производительной силѣ труда“. Приготовленіе иголокъ и проволокъ въ настоящее время дѣлится на 57 отдѣльныхъ дѣйствій, приготовленіе ткацкихъ машинъ—на 73; въ другихъ машинахъ число отдѣльныхъ работъ по приготовленію ихъ доходитъ до 239, музыкальныхъ инструментовъ — 53, дубленіе и приготовленіе кожи—450, игральныхъ картъ—70 отдѣльныхъ операцій, исполняемыхъ каждая отдѣльной группой рабочихъ. Переплетное дѣло въ большой Лейпцигской переплетной распредѣляется на 17 дѣйствій, начиная съ исправленія листовъ, складыванія ихъ вмѣстѣ, сшиванія, намазыванія клеемъ, при чемъ каждое дѣйствіе еще подраздѣляется. Показать, что даетъ такая переплетная съ раздѣленіемъ труда можетъ слѣдующій примѣръ: 400 рабочихъ въ 25 дней переплели 230,000 экземпляровъ одного сочиненія; такъ какъ изъ

этого числа 300 человѣкъ были заняты исключительно этимъ, то выходитъ въ день на одного 30 переплетовъ. Одинъ переплетчикъ, дѣлая то же, сдѣлаетъ ту же работу развѣ въ недѣлю, если не прибѣгаетъ къ сшивальной машинѣ. Производство готоваго-платья распадается въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ на 39 отдѣльныхъ процессовъ: сниманіе мѣрки, шитье кармановъ, глаженіе швовъ, сметываніе наплечной части, глаженіе каймы, обозначеніе мѣстъ для пуговицъ, вшиваніе пуговицъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ сапожныхъ фабрикахъ Новой Англіи изготовленіе башмака распадается на 173 различныхъ операцій, каждая изъ которыхъ исполняется особымъ классомъ рабочихъ. Фабрикація часовъ (тонкой работы) производится 1,088 различными группами рабочихъ, не считая рабочихъ, занятыхъ доставленіемъ двигательной силы, при чемъ каждая группа работаетъ при помощи особаго рода машинъ.

Прежде чѣмъ перейти къ выясненію тѣхъ сторонъ раздѣленія труда, которыя ведутъ къ повышенію производительности труда, приведемъ еще взгляды на это нѣкоторыхъ мыслителей древности и болѣе поздняго времени, которые отмѣчаютъ, кромѣ чисто техническихъ условій и свойствъ обрабатываемаго матеріала, и другія основанія, лежащія, между прочимъ, и въ природѣ человѣка, которыя ведутъ къ необходимости раздѣленія труда.

Греческій философъ Платонъ говоритъ: „Мы не въ состояніи удовлетворить всѣ свои потребности своими силами, а нуждаемся въ помощи другихъ людей. Между тѣмъ, люди отъ природы различны и склонны къ разнаго рода дѣятельности. И потому всѣ предметы будутъ изготовляться въ большемъ количествѣ, лучшаго качества и съ экономіей труда, если каждый человѣкъ будетъ заниматься дѣятельностью, соотвѣтствующей его наклонностямъ въ надлежащее время и ничѣмъ не связанный. Земледѣлецъ не можетъ, очевидно, самъ изготовить себѣ хорошій плугъ, кирку или другія земледѣльческія орудія. Такъ же мало способенъ и плотникъ сдѣлать самостоятельно все то, въ чемъ онъ нуждается, а нуждается онъ во многомъ. То же можно сказать и о ткачѣ и сапожникѣ“.

Какъ видимъ, Платонъ, какъ свободный человѣкъ свободнаго государства, исходитъ изъ наклонностей человѣка и свободы для него проявленія своихъ склонностей, но, какъ человѣкъ аристократическаго государства, онъ, конечно, говоря это, имѣетъ въ виду только свободнаго человѣка, забывая о рабахъ.

Въ болѣе позднее время, при развитіи уже фабричнаго производства, раздѣленіе труда разсматривается уже съ другой точки зрѣнія. А. Смитъ въ періодъ начинающагося развитія промышленности и

расцвѣта крупно-капиталистическаго производства, когда для предпринимателей задача производства сводилась къ полученію прибыли, останавливается уже на значеніи раздѣленія труда съ чисто-технической точки зрѣнія, какъ условія увеличенія числа производимыхъ предметовъ однимъ рабочимъ. Но еще ранѣе его другой экономистъ, Тюрго разсматривалъ значеніе раздѣленія труда съ болѣе широкой экономической точки зрѣнія, отмѣчающей выгоды раздѣленія труда внутри мастерской и переходъ его въ раздѣленіе занятій въ обществѣ. Въ своемъ произведеніи, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1766 г., онъ говоритъ: „Если бы тотъ же человѣкъ, который обрабатываетъ землю для добыванія изъ нея продуктовъ, долженъ былъ самъ продѣлать все, что необходимо, чтобы привести ихъ въ видъ, годный для удовлетворенія потребностей (размолъ муки, напримѣръ), то онъ очень плохо достигъ бы цѣли. Большая часть необходимыхъ для того работъ требуетъ такого старанія, вниманія и опытности, которыя пріобрѣтаются лишь продолжительной работой надъ большимъ количествомъ тѣхъ же предметовъ. Возьмемъ, напримѣръ, приготовленіе кожи. Какой земледѣлецъ можетъ самъ произвести всѣ дѣйствія, необходимыя для обработки ея,—дѣйствія, требующія многихъ мѣсяцевъ и даже годовъ? А если бы и могъ, такъ развѣ примѣнимо это къ одной кожѣ, т. е. снятой съ одного животнаго? Какая была бы потеря во времени и предметахъ (матеріалахъ), которые одновременно или одно за другимъ могли бы служить для того, чтобы выдубить большое количество кожи? Но даже, если бы ему и удалось совершенно одному выдубить одну кожу, то, вѣдь, она ему нужна лишь для одной пары сапогъ. Что же онъ будетъ дѣлать съ остальной частью кожи? Что же онъ долженъ убить цѣлаго быка, чтобы получить кусокъ кожи для одной пары обуви? Или онъ долженъ срубить цѣлое дерево, чтобы получить одну пару деревянныхъ башмаковъ (употребительная во Франціи обувь крестьянъ)? Одинаково то же можно сказать о всѣхъ другихъ потребностяхъ того же человѣка, такъ какъ, если къ своему полю и своей работѣ онъ былъ бы привязанъ одинъ, потребовалось бы много времени и усилій, чтобы снабдить себя всѣмъ необходимымъ, но и то очень плохо, а также плохо обработать и свою землю".

Перейдемъ теперь къ выясненію того, чѣмъ обусловливается повышеніе производительности труда при примѣненіи техническаго раздѣленія труда внутри мастерской. Карлъ Марксъ выясняетъ это слѣдующимъ образомъ.

1. Исполняя въ продолженіи всей своей жизни одну и ту же детальную операцію, работникъ превращаетъ свое тѣло въ автоматическій односторонній органъ этой операціи, а потому нуждается для

исполненія ея въ меньшемъ количествѣ времени. Поэтому при соединеніи такихъ работниковъ здѣсь производится бо́льшее количество продуктовъ въ меньшее количество времени — или производительная сила труда здѣсь повышена.

2. Такъ какъ здѣсь опредѣленная часть труда превращается въ особую самостоятельную операцію и становится исключительнымъ проявленіемъ дѣятельности особаго работника, то самый методъ, пріемы труда претерпѣваютъ здѣсь болѣе или менѣе значительныя усовершенствованія. Вниманіе постоянно сосредоточено на одномъ, и работникъ научается достигать предположенный результатъ съ наименьшей тратой силы, и это искусство передается отъ одного къ другому и изъ поколѣнія въ поколѣніе.

3. Нѣтъ перерыва при переходѣ отъ одной операціи къ другой и къ перемѣнѣ орудій труда. Кромѣ прямого сохраненія времени, здѣсь выигрышъ въ производительности труда получается и потому еще, что при переходѣ отъ одного дѣла къ другому, человѣкъ обыкновенно не сразу проявитъ всю рабочую силу, часть времени теряется на приспособленіе мускуловъ и всего организма къ новой операціи, пока человѣкъ, такъ сказать, разработается, слѣдовательно здѣсь возрастаетъ производительность труда отъ увеличенія траты рабочей силы въ данный промежутокъ времени, т.-е. отъ увеличенія интенсивности труда или отъ уменьшенія непроизводительнаго потребленія рабочей силы.

4. Совершенствуются инструменты, рабочія орудія; дифференцируются орудія и для каждаго дѣйствія примѣняются особыя спеціальныя рабочія орудія. Въ Бирмингамѣ, напр., употребляется до 500 разновидностей молотковъ, при чемъ каждый для особаго производства, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительное число ихъ для различныхъ операцій въ одномъ и томъ же производствѣ. Это приспособленіе орудій къ отдѣльнымъ операціямъ и упрощеніе ихъ составляетъ одно изъ предварительныхъ матеріальныхъ условій для появленія машинъ, соединяющихъ разнородныя простыя орудія въ одно цѣлое.

Но раздѣленіе труда, какъ это было уже замѣчено выше и какъ это не трудно видѣть изъ приведеннаго, представляетъ собою основу, на которой зиждется с о т р у д н и ч е с т в о людей другъ другу. Тутъ люди работаютъ вмѣстѣ и безъ работы одного не можетъ быть и работы другого. Но, кромѣ того, безъ сотрудничества многихъ работа и совсѣмъ не можетъ быть выполнена. При сотрудничествѣ или кооперації получается въ каждомъ данномъ дѣлѣ, гдѣ оно примѣняется, коллективный рабочій день. При этомъ надо различать сотрудничество п р о с т о е и с л о ж н о е. Въ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ раздѣленія труда мы имѣли дѣло съ сотрудничествомъ

сложнымъ. Оно характеризуется тѣмъ, что въ немъ каждый изъ участниковъ работъ коллективнаго рабочаго дня исполняетъ свою особую операцію, отличающуюся отъ операцій, исполняемыхъ другими, хотя всѣ работаютъ одновременно. При простомъ же сотрудничествѣ, также при одновременности работъ, каждый дѣлаетъ то же самое, что и другіе; тутъ люди соединяютъ свои силы для одновременныхъ одинаковыхъ дѣйствій. Такъ, напр., всѣ вмѣстѣ тянутъ канатъ, поднимающій тяжесть для вбиванія свай, всѣ, стоя на одномъ мѣстѣ, переправляютъ на пожарѣ ведро съ водой изъ однѣхъ рукъ въ другія и т. п.

Суммируя всѣ условія, опредѣляющія болѣе высокую производительность труда при сотрудничествѣ, надо установить слѣдующее.

1) При раздѣленіи труда и сотрудничествѣ продуктъ получается какъ результатъ средняго общественнаго труда. При этомъ, въ силу разнообразія и простоты отдѣльныхъ операцій, ни одна даже маленькая способность не пропадаетъ, ибо трудъ можетъ распредѣляться соотвѣтственно силамъ и способностямъ каждаго и каждый дѣлаетъ то, что можетъ, а не вынужденъ дѣлать то, къ чему можетъ быть совсѣмъ не способенъ или на что у него нѣтъ силъ, но что необходимо приходилось бы дѣлать, хотя бы и черезъ силу, при отсутствіи раздѣленія труда.

2) При сотрудничествѣ происходитъ переворотъ въ матеріальныхъ условіяхъ процесса труда, иба часть средствъ производства (помѣщенія и т. п.) использованы сообща, при чемъ они, если и увеличиваются, то не въ такихъ размѣрахъ, какъ увеличивается число работающихъ, а въ меньшихъ, и, слѣдовательно, средства производства, употребляемыя сообща, переносятъ на продуктъ меньшую стоимость, т. е. онъ обходится при этомъ дешевле. Въ сущности это значитъ, что на него потрачено меньше труда: сбереженъ тотъ трудъ, который пошелъ бы иначе на лишнія (при отсутствіи сотрудничества) средства производства.

3) Сумма соединенія механическихъ силъ отдѣльныхъ работниковъ отлична отъ той силы, которую представляютъ тѣ же всѣ силы, но не соединенныя въ одно цѣлое. При сотрудничествѣ изъ соединенія этихъ силъ образуется новая сила, когда множество рукъ участвуетъ сообща и одновременно въ одной и той же недѣлимой операціи: поднять грузъ, тяжелое бревно, вбить сваи и т. п. Тѣ совмѣстныя усилія, которыя прилагаются въ приведенныхъ примѣрахъ, были бы безплодны, если бы каждый изъ участниковъ этого простого сотрудничества прилагалъ бы для того же даже и болѣе значительныя усилія, но каждый въ отдѣльности. При сотрудничествѣ тутъ появляется особая сила, которой безъ того нѣтъ: сила массъ.

4) Получается особое соревнованіе, возбужденіе духа, которое увеличиваетъ индивидуальную способность къ труду каждаго отдѣльнаго работника. Для поясненія этого привожу указаніе, какъ, напр., при ходьбѣ вдвоемъ или со многими легче выдерживать извѣстную продолжительность и скорость ходьбы, чѣмъ при ходьбѣ въ одиночку. А отсюда получается ускореніе дѣятельности каждаго и, слѣдовательно, всего коллектива сотрудничающихъ и при томъ просто автоматически безсознательно. При этомъ и небрежный или лѣнивый рабочій въ общемъ производствѣ будетъ захваченъ, какъ колесо въ общемъ ходѣ, и повыситъ свою работоспособность безъ особаго надзора и понужденія.

5) При исполненіи одного и того же, какъ то бываетъ при простомъ сотрудничествѣ, соединенный трудъ дѣлаетъ то же дѣло, и при отсутствіи ускоренія со стороны отдѣльныхъ индивидуальностей, — все же скорѣе, какъ, напр., когда устраивается цѣпь для передачи изъ однѣхъ рукъ въ другія ведеръ воды при пожарѣ. Предметъ труда проходитъ то же самое пространство въ болѣе короткое время. Или, напр., при постройкѣ одновременно зданія съ разныхъ сторонъ, оно растетъ скорѣе,—тутъ, какъ говоритъ К. Марксъ, коллективный рабочій имѣетъ глаза, руки со всѣхъ сторонъ, что и ускоряетъ процессъ труда. То же въ сельскомъ хозяйствѣ, когда наступаетъ, что называется, критическій моментъ: зерно созрѣло, затягивать жатву нельзя. Тутъ не только количество, но и качество собраннаго зерна или сѣна будетъ зависѣть отъ своевременной уборки (сѣно, напр., можетъ подмокнуть, зерно то же пострадать, если своевременно не убрать его съ поля). Своевременность же уборки зависитъ отъ того ускоренія ея, которое получается отъ соединенія для этой цѣли большого количества лицъ.

6) Въ послѣднихъ приведенныхъ указаніяхъ при кооперації расширяется пространственная сфера труда, но кооперація допускаетъ и пространственное сокращеніе области производства, когда соединяетъ рабочихъ въ одно помѣщеніе, что уже было отмѣчено въ п. 2-мъ.

7) Коллективный рабочій день, по сравненію съ суммой индивидуальныхъ рабочихъ дней, представляющихъ ту же самую величину, производитъ большую массу предметовъ потребленія и уменьшаетъ поэтому количество рабочаго времени, необходимаго для полученія опредѣленныхъ результатовъ.

8) При раздѣленіи труда и сотрудничествѣ придается одинаковымъ операціямъ многихъ работниковъ характеръ непрерывности и многосторонности, что и ведетъ къ сокращенію потребнаго на ихъ производство времени, т. е., иначе говоря, уменьшаетъ потребное на

то количество труда или при томъ же количествѣ труда получается большее количество продукта. „Эта специфическая производительная сила коллективнаго рабочаго дня, какъ выражается К. Марксъ, есть общественная производительная сила труда иди производительная сила общественнаго труда".

Помимо того соревнованія, которое получается при сотрудничествѣ, какъ то отмѣчено въ п. 4-мъ, какъ возбужденіе духа, при сотрудничествѣ какъ простомъ, такъ и сложномъ получается такая организація труда, которая вынуждаетъ не отставать отъ другихъ, дѣлаетъ это необходимымъ. При косьбѣ, напр., сѣна, когда за однимъ косцомъ идетъ другой обыкновенно на такомъ разстояніи, что если одинъ отстанетъ, то слѣдующій за нимъ можетъ его задѣть косою по ногамъ, волей-неволей каждый рабочій долженъ спѣшить впередъ, а это уже не даетъ возможности и послѣднему отстать отъ нихъ. „Тутъ,—какъ выражался одинъ помѣщикъ, самъ хорошій косецъ, становившійся обыкновенно послѣднимъ,—каждому грозитъ предостереженіе: пяточки береги". Въ сложномъ сотрудничествѣ заставляетъ не отставать отъ другихъ иное обстоятельство. Тамъ каждая отдѣльная операція можетъ требовать не одинаковаго времени на исполненіе ея. Соотвѣтственно этому на операціи, требующія большаго времени на ихъ выполненіе, ставится больше рабочихъ; устанавливается, такъ сказать, кратность отношенія числа рабочихъ и, соотвѣтственно тому, опредѣляется для всѣхъ та быстрота работы, безъ соблюденія которой будутъ происходить задержка и остановки въ ходѣ дѣла. Замѣчу, между прочимъ, что эта кратность отношенія тоже является однимъ изъ предшествующихъ условій для появленія машинъ, въ основу построенія которыхъ должны быть положены опредѣленные точные разсчеты.

На ряду съ указанными положительными сторонами раздѣленія труда, необходимо отмѣтить и тѣ отрицательныя, съ которыми соединено примѣненіе раздѣленія труда при современной постановкѣ производства. Эти отрицательныя стороны касаются вліянія раздѣленія труда на рабочихъ. Прежде всего, нельзя не отмѣтить вреда съ гигіенической точки зрѣнія на здоровье и крѣпость организма рабочаго—односторонняго и однообразнаго упражненія какого-либо одного органа тѣла, что отнимаетъ всякое полезное значеніе физическаго труда для организма и подрываетъ силы рабочаго, должно создавать болѣе хилое, менѣе здоровое населеніе. Затѣмъ при той дробности и детальности операцій, которая доходитъ до того, что рабочій, напр., только рѣжетъ проволоку, очевидно, работа теряетъ всякое содержаніе, ничего не даетъ для духовной дѣятельности, для упражненія

умственныхъ способностей. Правда, можно думать, что если работа сводится къ такой простой, что совершенно не занимаетъ мысли, то она оставляетъ просторъ для работы послѣдней надъ чѣмъ угодно другимъ и, слѣдовательно, даетъ возможность рабочему подумать о многомъ другомъ, надъ чѣмъ ему приходится думать. Но это было бы такъ, если бы работа не требовала вниманія, а между тѣмъ, одно изъ условій преимущества при раздѣленіи труда и состоитъ въ томъ, что оно требуетъ неотступнаго вниманія отъ каждаго участника въ общей работѣ. Такимъ образомъ, работа лишается всѣхъ своихъ одухотворяющихъ и оздоровляющихъ сторонъ для рабочаго.

Необходимо, однако, отмѣтить, что все сказанное здѣсь о вредныхъ сторонахъ раздѣленія труда относится къ примѣненію его къ фабричному производству, такъ какъ въ земледѣліи примѣняется не столько сложное, сколько простое сотрудничество. Еще А. Смитъ отмѣтилъ, что „земледѣліе, по природѣ своей, не допускаетъ такого раздѣленія работъ, какъ фабричное производство". Объясненіе этому, и совершенно справедливое, онъ находитъ въ томъ, что тамъ различныя работы, необходимыя для приготовленія продукта должны чередоваться между собою по времени года и не могутъ происходить одновременно. То же отмѣчаетъ и Д. С. Милль: „Нельзя,— говоритъ онъ, — одному человѣку всегда пахать, другому — сѣять, третьему— жать". Ограничимся здѣсь этимъ указаніемъ, такъ какъ на отличіе земледѣлія во многихъ другихъ отношеніяхъ отъ обрабатывающей промышленности и на связь этого, между прочимъ, и съ только что отмѣченнымъ намъ придется говорить еще неоднократно на дальнѣйшемъ протяженіи курса.

II.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ о раздѣленіи труда при самомъ производствѣ работъ, о томъ, что можетъ быть названо техническимъ раздѣленіемъ труда, можно было видѣть, что оно ведетъ и къ раздѣленію занятій въ обществѣ. Многіе экономисты прямо какъ бы объединяютъ то и другое. Такъ дѣлаютъ и А. Смитъ и Д. С. Милль. Тюрго, выдержку изъ произведенія котораго мы приводили выше, непосредственно вслѣдъ за ней, какъ бы говоря о томъ же, продолжаетъ: „При обмѣнѣ выигрываетъ весь свѣтъ, такъ какъ каждый, посвящая себя одному роду работъ, этимъ путемъ гораздо лучше двигается впередъ. Земледѣлецъ, добывая изъ земли множество предметовъ и обмѣнивая излишекъ ихъ на то, что ему нужно для удовлетворенія различныхъ его потребностей, достигаетъ удовлетворенія послѣднихъ гораздо легче, чѣмъ это могъ бы онъ сдѣлать, затрачи-

вая на все свой трудъ; сапожникъ, дѣлая обувь для земледѣльца, получаетъ для себя этимъ путемъ часть урожая послѣдняго. Каждый рабочій работаетъ для удовлетворенія потребностей всѣхъ другихъ рабочихъ, производящихъ что-либо иное, которые, въ свою очередь, всѣ работаютъ для него...".

Отожествленіе одного раздѣленія занятій съ другимъ объясняется тѣмъ, что здѣсь трудно провести рѣзкую грань между тѣмъ и другимъ. Они дѣйствительно во многихъ случаяхъ сливаются и переходятъ одно въ другое. Можно указать цѣлый рядъ предпріятій и производствъ, въ которыхъ или раздѣляется по отдѣльнымъ предпріятіямъ то, что обычно соединяется для работъ въ одной мастерской или, наоборотъ, соединяется какъ бы въ одной мастерской то, что составляетъ обычно отдѣльныя различныя предпріятія. Такъ, въ Новой Англіи имѣются фабрики обуви, изготовляющія исключительно голенища, другія только каблуки и другія части обуви. Въ стекляномъ производствѣ рядъ предпріятій выдѣлываетъ лишь одинъ сортъ бутылокъ. Имѣются фабрики велосипедовъ и электро-техническія предпріятія, гдѣ производится лишь сборка машинъ или инструментовъ, приготовленныхъ на другихъ заводахъ.

Можно сказать даже, что то, что прежде дѣлалось однимъ лицомъ, выдѣлилось теперь въ отдѣльныя занятія отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ мастерскихъ. Еще въ XVIII в. переплетчикъ дѣлалъ все, что было связано съ клееніемъ бумаги; но мало-по-малу изъ его обширной области производства выдѣлились какъ отдѣльныя самостоятельныя предпріятія: 1) изготовленіе альбомовъ, 2) конвертовъ для писемъ, 3) пакетовъ, 4) разныхъ галантерейныхъ товаровъ (коробокъ), 5) молитвенниковъ и поминаній, 6) конторскихъ книгъ, 7) записныхъ книжекъ, 8) папокъ, 9) кардонокъ и т. д. Изъ этого же вытекло изготовленіе картонажей, которое, въ свою очередь, раздѣлилось и спеціализировалось: на фабрикацію бомбоньерокъ, письменныхъ ордеровъ (блокъ-нотъ), предметовъ для котильона, карточекъ, бумажныхъ воротничковъ и т. д.

Обычно также выдѣленіе ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ въ особыя предпріятія или объединеніе ихъ въ одно, подобно тому, какъ и всегда, ранѣе пряденіе составляло только одну отдѣльную операцію изъ общей обработки волокна для изготовленія ткани.

Съ другой стороны мы имѣемъ примѣры такого соединенія въ одномъ предпріятіи цѣлаго ряда разнородныхъ, какъ, напр., на фабрикѣ Круппа въ Эссенѣ, гдѣ соединены всевозможныя производства: слесарное, столярное, добываніе каменнаго угля, плавильное, мастерство по изготовленію орудій и т. д.

Приведемъ еще, чтобы не ходить далеко, примѣръ такого учре-

жденія, какъ издательское дѣло И. Д. Сытина въ Москвѣ. Мы имѣемъ здѣсь не только соединеніе типографіи и словолитни, какъ это существуетъ и во многихъ другихъ типографскихъ предпріятіяхъ. Такъ какъ фирма издаетъ книги съ печатаніемъ картинъ, литографируетъ и выпускаетъ въ свѣтъ и прямо картины, замѣняющія прежнія лубочныя изданія, то въ одномъ обширномъ помѣщеніи съ соотвѣтствующими подраздѣленіями имѣется и литографія. Беря всѣ роды изданій ея въ цѣломъ, мы находимъ здѣсь соединенными въ формѣ сотрудничества непосредственно, какъ бы представляющаго лишь техническое раздѣленіе труда, соединеніе работъ: словолитчика, наборщика, печатника, брошюровщика, переплетчика, фотографа, литографа, художника.

Имѣя въ виду эти примѣры, можно думать, что такое раздробленіе одного дѣла въ разныя отдѣльныя предпріятія, т. е. переходъ раздѣленія труда въ мастерской въ раздѣленіе занятій въ обществѣ или, наоборотъ, переходъ послѣдняго въ одно предпріятіе или какъ бы въ одну мастерскую — представляетъ собою явленіе послѣдняго времени, когда имѣемъ такую спеціализацію, что въ столярномъ дѣлѣ, напр., однѣ фабрики изготовляютъ только спальную мебель, другія— лишь стулья, третьи — лишь скамьи для училищъ и т. д., или когда, напр., одна прядильня приготовляетъ изъ конопли веревки исключительно для вязки сноповъ при жатвенныхъ машинахъ, при чемъ ея ежедневное производство доходитъ до изготовленія 45 тысячъ верстъ этихъ веревокъ. Выгода этой спеціализаціи, сопряженной съ раздѣленіемъ труда, въ одномъ сочиненіи, сравнивающемъ американскую и нѣмецкую промышленность, характеризуется такъ: „Наши рабочіе,— говоритъ американскій предприниматель,—остаются при тѣхъ же орудіяхъ, на томъ же мѣстѣ. Они выгадываютъ такимъ образомъ въ мѣстѣ, на которомъ стоятъ, чрезвычайную быстроту; они спеціализируются въ своемъ дѣлѣ. Работая постоянно одно и то же, рабочій дѣлаетъ втрое больше. Одна нѣмецкая фабрика машинъ, имѣющая 300 рабочихъ, изготовляетъ до 600 различныхъ машинъ по роду и величинѣ. Американская же фабрика обуви изготовляетъ въ одинъ день 10,000 паръ обуви, но только мужскихъ башмаковъ, тогда какъ въ Германіи фабрика, выпускающая въ одинъ день 1,500 паръ, готовитъ всѣ сорта".

Дополню приведенные примѣры еще указаніемъ на то, что даже такія подготовительныя дѣйствія, какъ постройка лѣсовъ при постройкѣ домовъ или при малярныхъ работахъ въ крупныхъ городахъ, гдѣ такихъ работъ много, составляетъ теперь особое предпріятіе, тогда какъ прежде это дѣлалось тѣми же плотниками или каменьщиками, которые возводили постройку.

Несмотря, однако, на это, несмотря на то, что такое выдѣленіе отдѣльныхъ операцій въ особое дѣло, или обратно, соединеніе разнородныхъ дѣлъ является результатомъ большой спеціализаціи, а также и крупнаго спроса на предметы, что представляетъ собою явленія сравнительно поздняго времени, все же такія переплетенія того и другого вида раздѣленія занятій существовали и въ болѣе раннія времена, когда раздѣленіе труда не было доведено до такой степени. Такъ, еще въ античныя времена помѣстья богатыхъ римлянъ совмѣщали въ себѣ въ одномъ хозяйствѣ многочисленныхъ рабовъ, среди которыхъ были: мельники, пекаря, повара, кузнецы, плотники, обжигатели извести, различнаго рода ткачи, валяльщики обуви и портные. То же самое при крѣпостномъ правѣ совмѣщалось въ нашемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Возьмемъ, наконецъ, многія монастырскія хозяйства прежняго времени или даже и настоящаго, такое, напр., какъ хозяйство Соловецкаго монастыря, гдѣ имѣются самыя разнообразныя мастерскія. Въ мастерскихъ этихъ работаетъ много „годовиковъ", т. е. лицъ, работающихъ въ монастырѣ въ теченіе года по обѣщанію. Тамъ многое дѣлается не только для нуждъ монастырской братіи и тѣхъ же годовиковъ, но и на продажу богомольцамъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ хозяйства, гдѣ происходитъ раздѣленіе труда какъ бы въ одной мастерской, такъ какъ обмѣна производимыми предметами внутри этихъ хозяйствъ не происходитъ, и то, что изготовляется одними, составляетъ какъ бы отдѣльные моменты въ изготовленіи опредѣленнаго предмета для удовлетворенія опредѣленной потребности. И мы видимъ, что это происходитъ такъ не только въ замкнутыхъ хозяйствахъ, т. е. такихъ, которыя изготовляютъ предметы лишь для удовлетворенія потребностей этого хозяйства, внутри его, но и въ такихъ, гдѣ не исключена продажа на сторону.

III.

Несмотря на невозможность провести опредѣленную грань между тѣмъ и другимъ видомъ раздѣленія занятій и на ихъ взаимное переплетеніе, все же между ними существуетъ разница не только по степени, но и по существу.

1) При раздѣленіи труда въ о б щ е с т в ѣ производится товаръ, т. е. предметъ для обмѣна, для продажи, а не для непосредственнаго потребленія; при раздѣленіи же труда въ м а с т е р с к о й работники не производятъ никакого товара и только ихъ общій продуктъ превращается въ товаръ. Слѣдовательно, между участниками того и другого раздѣленія складываются совершенно различныя хозяйственныя отношенія.

2) При раздѣленіи труда въ мастерской происходитъ соединеніе, сосредоточеніе средствъ производства въ одномъ предпріятіи, при раздѣленіи же занятій въ обществѣ происходитъ раздробленіе средствъ производства между многими независящими другъ отъ друга производителями товара.

3) Въ мастерской извѣстныя рабочія массы распредѣляютъ свой трудъ между отдѣльными дѣйствіями на основаніи закона относительныхъ чиселъ или пропорціональности; въ общественномъ раздѣленіи происходитъ прихотливая игра случая и произвола; чего либо опредѣляющаго соотношеніе одной дѣятельности къ другой нѣтъ; распредѣленіе произведеннаго продукта по потребителямъ происходитъ уже по окончаніи производства, да и то не по потребностямъ, а по спросу и по покупательной силѣ спрашивающихъ.

4) Въ мастерской господствуетъ безусловный авторитетъ, воля предпринимателя; при общественномъ раздѣленіи — полная независимость производства и, можно сказать, даже анархія, какъ это подробно будетъ выяснено въ отдѣлѣ о промышленныхъ кризисахъ.

5) Можно еще отмѣтить, что техническое раздѣленіе труда исторически измѣняется и изъ раздѣленія, обусловливаемаго различіемъ по полу и возрасту, переходитъ въ различіе, зависящее уже отъ технологическихъ основаній самаго производства, отъ свойствъ обрабатываемыхъ матеріаловъ. Общественное же раздѣленіе занятій измѣняется въ зависимости отъ назначенія производимыхъ предметовъ— для обмѣна.

6) Нельзя, наконецъ, не отмѣтить и того, что при раздѣленіи труда въ мастерской продуктъ является результатомъ средняго общественнаго труда всѣхъ сотрудничавшихъ другъ другу, причемъ это сотрудничество настолько тѣсно, что нельзя даже опредѣлить, кто какую часть этого предмета сдѣлалъ. Эта тѣсная связь и наглядность сотрудничества здѣсь служитъ, такъ сказать, технологическимъ основаніемъ для заключенія коллективныхъ договоровъ рабочихъ съ предпринимателями, о чемъ будемъ говорить при ученіи о заработной платѣ. Тутъ явна общая заинтересованность рабочихъ, изготовлявшихъ совокупными усиліями одинъ предметъ. Въ общественномъ раздѣленіи занятій, напротивъ, связь настолько неясна, что получается даже противопоставленіе интересовъ. И если раздѣленіе труда при изготовленіи одной вещи вытекало прямо изъ свойствъ матеріала и характера дѣйствій, необходимыхъ для его переработки, то общественное раздѣленіе занятій имѣло своимъ источникомъ, какъ выяснено было, первоначальную отчужденность отдѣльныхъ племенъ, перешедшую потомъ и на отношенія внутри племени—на ряду съ объединеніемъ отдѣльныхъ ранѣе хозяйственныхъ единицъ въ одно

хозяйственное цѣлое. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что раздѣленіе въ обществѣ вытекаетъ не изъ технологическихъ основаній производства, а изъ различія въ индивидуальностяхъ работающихъ или изъ особенностей условій ихъ существованія.

IV.

Говоря объ отрицательныхъ сторонахъ раздѣленія труда я указалъ на его вредное вліяніе въ гигіеническомъ отношеніи. Было, однако, указано въ другомъ мѣстѣ и на необходимость съ теченіемъ времени сокращенія рабочаго дня въ интересахъ самой производительности. Это сокращеніе становится возможнымъ при тѣхъ усовершенствованіяхъ въ производствѣ, которыя осуществимы въ настоящее время. Въ основѣ ихъ лежитъ детальное раздѣленіе труда, перешедшее, какъ увидимъ потомъ, и на раздѣленіе отдѣльныхъ операцій между особыми машинами. Раздѣленіе труда въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи привело къ тому, что при сокращеніи рабочаго дня для рабочихъ является возможность чередованія занятій, отсутствіе необходимости быть прикованнымъ къ одному дѣлу на всю жизнь или даже и на цѣлый день. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени происходитъ децентрализація производства, т.-е. разсѣяніе предпріятій по отдѣльнымъ сельскимъ мѣстностямъ, взамѣнъ сосредоточенія ихъ въ крупныхъ городахъ. Совершается это: 1) подъ вліяніемъ возрастающей дороговизны земли подъ фабричныя помѣщенія; 2) подъ вліяніемъ болѣе высокой оплаты труда въ городскихъ центрахъ; 3) подъ вліяніемъ развитія болѣе усовершенствованныхъ путей сообщенія, связывающихъ большее число мѣстностей. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ дороговизной квартирныхъ помѣщеній въ городахъ, даетъ возможность и рабочимъ на городскихъ фабрикахъ разселяться по окраинамъ. То и другое, какъ это изображаетъ бельгійскій ученый Э. Вандервельде въ своемъ трудѣ „Бѣгство изъ деревень и возвращеніе къ полямъ“, ведетъ къ тому, что рабочіе имѣютъ возможность при квартирѣ располагать еще и клочкомъ земли для огорода. А сокращеніе рабочаго дня позволяетъ послѣ однообразной работы въ закрытомъ помѣщеніи, еще поразмяться на воздухѣ за другимъ дѣломъ. Все это указываетъ еще и на то, что крайнее развитіе какого либо явленія, какъ въ данномъ случаѣ раздѣленія труда, вызываетъ, такъ сказать, реакцію, приводитъ къ тому, что, идя наперекоръ этой крайности, используютъ изъ нея то, что имѣетъ положительное значеніе и что можно использовать только доведя до крайности опредѣленное явленіе. Не усовершенствуйся такъ трудъ, чтобы возможно было работать и болѣе короткое время, нельзя было бы сократить рабочій день для

производства опредѣленныхъ предметовъ, нельзя было бы и отрѣшиться отъ даннаго фабричнаго труда для огороднаго или садоваго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ доведенная до крайности централизація и укрупненіе городовъ вызвали реакцію въ формѣ движенія, ведущаго къ сглаживанію различія между условіями городской и сельской жизни и къ внесенію въ послѣднюю того оживленія, которое должно измѣнить инертность и неподвижность деревенской жизни и опять-таки сгладить различіе между трудящимися въ сельскомъ хозяйствѣ, въ деревнѣ и въ городѣ, на фабрикѣ и въ лавкѣ.

V.

Только что отмѣченное сглаживаніе различій, при современныхъ экономическихъ условіяхъ, не ограничивается сказаннымъ. Оно должно идти и далѣе: къ сглаживанію различія между лицами, занимающимися физическимъ и умственнымъ трудомъ, что тоже стоитъ въ тѣсной связи съ раздѣленіемъ занятій.

А. Смитъ, говоря о производительномъ значеніи раздѣленія труда въ то же время постоянно имѣетъ въ виду обученаго рабочаго и повторяетъ это нѣсколько разъ: „Человѣкъ необученный этому дѣлу;“ „если бы каждый изъ нихъ работалъ отдѣльно отъ прочихъ, и они не были бы обучены этому дѣлу“. И это обученіе онъ ставитъ, какъ бы необходимымъ условіемъ, хотя самъ же отмѣчаетъ, что раздѣленіе труда сводитъ занятія человѣка къ „самому простому дѣлу.“ Такимъ образомъ и въ этомъ простомъ дѣлѣ требуется обученіе, т. е. соединеніе умственнаго труда, хотя бы предварительнаго, съ физическимъ. Если мы обратимся къ постановкѣ дѣла на фабрикахъ, заводахъ, то, какъ уже было то отмѣчено въ своемъ мѣстѣ, безъ умственнаго труда не можетъ быть никакой физическій. На ряду съ этимъ мы имѣемъ однако и полное отдѣленіе умственнаго труда отъ физическаго, какъ это бываетъ въ трудѣ инженера на каждой фабрикѣ, въ трудѣ химика и т. д. Но при этомъ отдѣленіи, мы имѣемъ, однако, здѣсь сотрудничество умственнаго труда этихъ лицъ съ физическимъ трудомъ рабочихъ. То же сотрудничество мы имѣемъ и при томъ въ довольно наглядной формѣ, хотя бы въ приведенномъ выше примѣрѣ фабрики Сытина. По заказу предпріятія художникъ пишетъ картину на извѣстную тему, а затѣмъ при помощи труда фотографа, литографа, гравера и т. п., она воспроизводится въ тысячахъ экземпляровъ, причемъ совершается непосредственный переходъ отъ умственнаго, духовнаго художественнаго труда къ простому физическому при строгомъ сохраненіи техническаго раздѣленія труда. Изъ этихъ примѣровъ, думается намъ, ясно, что дѣленіе на умственный и физи-

ческій трудъ есть просто фактъ опредѣленнаго раздѣленія труда и вызывается и опредѣляется требованіями этого послѣдняго. Этими же требованіями обусловливается и выдѣленіе въ особую категорію труда учителя, обучающаго грамотѣ лицо, которое затѣмъ при посредствѣ грамотности въ связи съ другими элементами обученія будетъ готовиться къ какому либо мастерству. Но тоже самое можно сказать о трудѣ профессора высшаго учебнаго заведенія, преподающаго напр. чистую математику, безъ усвоенія истинъ которой нельзя постичь основъ механики, технологіи и т. д. Тоже надо сказать и о трудѣ проф. политической экономіи, безъ ознакомленія съ которой техникъ не уяснитъ себѣ тѣхъ отношеній съ остальнымъ рабочимъ персоналомъ, на почвѣ которыхъ строится и развивается правильная организація производства, какъ съ частно-хозяйственной, такъ и общественной точки зрѣнія. На этихъ примѣрахъ, число которыхъ можно удлинить до безконечности, ясно, думается мнѣ, видно, что дѣленіе на умственный и физическій трудъ есть только результатъ необходимаго раздѣленія занятій для успѣшности производства — не болѣе. Къ этому заключенію еще болѣе приводятъ тѣ требованія, которыя предъявляетъ современное производство къ рабочему и тѣ возможности къ пріобрѣтенію научныхъ знаній, которое оно открываетъ ему.

Въ самомъ дѣлѣ, выше было уже указано, какъ въ странахъ наиболѣе развитыхъ въ промышленномъ отношеніи придается большое значеніе умственному развитію рабочаго и какъ этого требуетъ современная высокая техника производства. Съ другой стороны, какъ это будетъ подробнѣе выяснено въ отдѣлѣ о заработной платѣ, современнымъ рабочимъ при той сложности, въ которую вылились современныя отношенія между различными производственными группами населенія, нельзя не уяснять себѣ этихъ отношеній, нельзя не проникать въ пониманіе ихъ, такъ какъ рабочимъ приходится выступать теперь самодѣятельнымъ элементомъ въ установленій этихъ отношеній. Все это требуетъ не просто усвоенія опредѣленныхъ навыковъ и знаній, а именно умственнаго развитія, пониманія отношеній, самостоятельной и правильной работы собственной мысли для уясненія себѣ своего отношенія, своего образа дѣйствій въ данномъ стеченіи условій, въ данной конъюнктурѣ. А для всего этого безусловно необходимо строго научное образованіе, которое дается только той постановкой преподаванія, которая вырабатывается высшей школой.

Если, такимъ образомъ, чисто умственный трудъ является лишь опредѣленнымъ звеномъ въ той цѣпи дѣйствій, которыя необходимы для производства опредѣленныхъ предметовъ, и съ этой стороны соединяется и сближается съ физическимъ трудомъ, то и послѣдній ста-

новится въ такія условія, что долженъ приблизить къ себѣ плоды того, что дается тѣмъ высшимъ научнымъ знаніемъ, на почвѣ котораго покоится умственный трудъ. Возможность же къ этому приближенію дается тѣмъ строемъ современнаго производства, которое ведетъ къ сокращенію времени затрачиваемаго на физическій трудъ, къ замѣнѣ его во многихъ случаяхъ машинами и въ предоставленіи каждому занятому физическимъ трудомъ времени на свое просвѣщеніе. Для этого, конечно, нѣтъ надобности поступать въ университетъ, какъ это доступно теперь для прошедшихъ курсъ средней школы. Нужна, конечно, сообразно съ отмѣченными требованіями времени и иная постановка всего народнаго образованія, объ чемъ говорить здѣсь не мѣсто. Здѣсь же надо лишь отмѣтить, что тогда уничтожится и тотъ антагонизмъ между умственнымъ и физическимъ трудомъ, который существуетъ теперь и который такъ вредно отзывается какъ на постановкѣ производства, такъ и на всемъ строѣ соціальныхъ отношеній.

Антагонизмъ этотъ выражается и проявляется въ томъ, что люди умственнаго труда свысока посматриваютъ на «рабочаго» и смотрятъ на себя какъ на «начальство» надъ нимъ, а люди физическаго труда нерѣдко, и даже довольно обычно, ставятъ ни во что умственный трудъ. Послѣднее совершенно понятно и быть иначе не можетъ, разъ нѣтъ знакомства съ условіями пріобрѣтенія и значеніемъ примѣненія тѣхъ знаній, которыми владѣютъ люди умственнаго труда. Не пройдя этой школы, хотя бы и въ иной постановкѣ, нельзя, конечно, имѣть никакого представленія о ней и о томъ что и какъ она даетъ. Въ свою очередь люди умственнаго труда, совершенно отдѣленные во вредъ своему здоровью отъ физическаго труда, тоже не могутъ сколько нибудь ощутительно себѣ представить состояніе человѣка проработавшаго за станкомъ или кузнечнымъ горномъ или при другомъ орудіи въ теченіи восьми часоваго рабочаго дня. Къ этому еще надо прибавить традиціонно усвоенное, вѣками унаслѣдованное презрительное отношеніе къ физическому труду и затѣмъ тѣ обстоятельства, которыя создали и создаютъ особое соціальное положеніе для лицъ умственнаго труда. Послѣдніе выдѣляются изъ общей массы трудящихся, какъ представляющее собою чтото высшее. Источники этого лежатъ, конечно, въ тѣхъ временахъ, когда знаніе и умѣнье чего либо новаго представляло собою нѣчто выдающееся, исключительное и обусловливало дѣйствительное превосходства такого лица надъ другими. Подчиненіе ему являлось какъ бы добровольнымъ на основаніи его превосходства и умѣнья увеличить блага окружающаго для другихъ. Все это и создало особое положеніе, при которомъ вдобавокъ къ тому, что человѣкъ умѣетъ, привзошло и то,

что онъ больше другихъ и имѣетъ, хотя послѣднее получалось, какъ было выяснено раньше, по преимуществу другими путями. Но почетъ былъ и тому кто больше другихъ и имѣетъ, онъ больше можетъ кормить другихъ, что при условіяхъ крайней необезпеченности въ средствахъ продовольствія тоже получало большое значеніе. Впослѣдствіи грань между тѣми, кто больше знаетъ, умѣетъ, и тѣми, кто больше имѣетъ, стиралась и ихъ соціальное положеніе ставило ихъ какъ бы на одну ступень, или во всякомъ случаѣ отводило имъ мѣсто не въ группѣ трудящихся, а въ группѣ стоящихъ на болѣе высокой общественной ступени, такъ что среди нихъ, ради сохраненія своего положенія, вырабатывалось отрицательное отношеніе къ распространенію просвѣщенія въ массахъ, какъ это мною и отмѣчено выше. Вотъ и получилось такое положеніе, что люди умственнаго труда, во многихъ отношеніяхъ объединенные съ людьми физическаго труда, занимающими въ производствѣ, какъ и первые, опредѣленныя звѣнья одной общей цѣпи, очутились на двухъ противоположныхъ полюсахъ и какъ бы имѣющими не только неодинаковые, но и противоположные интересы. Если къ этому прибавить, что люди умственнаго труда во всемъ строѣ государственной и общественной жизни, а равно и въ сферѣ производства, представляютъ собой начальствующихъ, каковыми въ сферѣ производства являются и неграмотные богачи, то понятенъ тотъ антагонизмъ, который выражается въ очень рѣзкой и неприглядной формѣ по отношенію къ нимъ со стороны «рабочихъ». Понятно и взаимное непониманіе другъ друга. Но, «кому больше дано, съ того больше и взыщется». Отсюда ясно что при современныхъ условіяхъ производства, когда для успѣха его, для поднятія и развитія производительныхъ силъ — и въ отсталыхъ странахъ болѣе чѣмъ гдѣ либо — требуется развитой рабочій — люди умственнаго труда должны сдѣлать все, что необходимо для распространенія просвѣщенія въ массѣ. Просвѣщеніе же это достигается не сообщеніемъ только печатнымъ или устнымъ пріобрѣтенныхъ знаній, но прежде всего тѣмъ отношеніемъ къ рабочему, тѣмъ отношеніемъ къ человѣческой личности вообще, которое въ каждомъ человѣкѣ признаетъ, цѣнитъ его человѣческое достоинство и тѣмъ дѣйствительно поднимаетъ въ немъ и чувство самоуваженія и уваженія къ другимъ людямъ.

8. Система Тэйлора.

Всѣмъ предшествующимъ, между прочимъ, выяснялось насколько въ дѣлѣ успѣшности труда, его производительности все зависитъ отъ условій, въ которыя поставлены трудящіеся для проявленія своихъ

силъ и способностей. Но въ то же время ясно было, что и до настоящаго времени на эти условія почти не обращается вниманія, если имѣть въ виду то что дѣлается въ этомъ отношеніи сознательно. Правда мы видимъ, что на длинномъ протяженіи исторіи совершается переходъ отъ рабства къ такъ называемому, вольно-наемному труду, въ существѣ своемъ остающемся, однако, подневольнымъ, видимъ большее и большее проникновеніе знаній въ среду населенія, что, однако, совершается не столько въ цѣляхъ усиленія производительности труда, сколько по другимъ основаніямъ. Видимъ мы и развитіе раздѣленія труда, упрощающаго работу. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ опять таки это выходитъ изъ ознакомленія съ свойствами матеріала, а та сторона раздѣленія занятій, которая связана съ индивидуальными особенностями и склонностями рабочаго, не принималась до сихъ поръ за о с н о в а н і е для того или иного раздѣленія занятій, т.-е. свойства человѣческой личности, если и принимались при этомъ во вниманіе, то какъ то случайно, при какихъ либо исключительныхъ обстоятельствахъ; въ основаніе же дѣленія не принимались. Но чѣмъ болѣе сознательно стали примѣняться къ производству научныя знанія, чѣмъ болѣе утонченные способы переработки матеріала проникли въ производство, чѣмъ усовершенствованнѣе стали орудія труда, тѣмъ замѣтнѣе становилось тутъ значеніе личности рабочаго. И это привело, наконецъ, къ тому, что выработалась система — правда еще мало распространившаяся, въ которой въ основу раздѣленія труда, въ основу постановки всего производительнаго процесса полагаются уже не только физическія и химическія свойства обрабатываемыхъ предметовъ и матеріаловъ, но свойства самого человѣка, не только тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ переработываемыхъ матеріалахъ, но и въ работающемъ человѣкѣ, обращается вниманіе не только на орудія труда и соотвѣтствующій тому механизмъ, но и на того, кто дѣйствуетъ этимъ орудіемъ, на носителя труда и на его трудовой апаратъ, на то, что происходитъ съ нимъ въ процессѣ труда. Система эта состоитъ въ томъ, чтобы «обратить вниманіе на условія производительности труда, по скольку они зависятъ не отъ внѣшнихъ силъ природы, а поскольку они заключаются в ъ с а м о м ъ ч е л о в ѣ к ѣ, въ его личности, его свойствахъ и умѣньи располагать свои трудовыя силы и использовать ихъ». Это я говорю объ системѣ американца Тэйлора, которую онъ называетъ «системой научнаго управленія промышленными предпріятіями». Въ основу ея полагается прежде всего «разложеніе р а б о т ы на отдѣльные элементы и и з у ч е н і е в р е м е н и и д в и ж е н і й, потребныхъ на совершеніе этихъ элементарныхъ работъ». При этомъ признается необходимымъ «не только изученіе р а б о т ы, но и изученіе р а б о ч а г о», почему вто-

рую основную черту этой системы составляетъ «систематическій отборъ рабочихъ» соотвѣтственно изученію ихъ склонностей, свойствъ, силъ, всего ихъ физическаго склада и духовнаго облика. Но это же вызываетъ необходимость и третьей основной черты этой системы, «сердечнаго сотрудничества съ рабочими для обезпеченія того, чтобы все дѣлалось въ согласіи съ найденными научными основаніями». Это послѣднее приводитъ еще разъ съ точки зрѣнія интересовъ производства къ необходимости всѣмъ работающимъ въ предпріятіи, въ качествѣ чего бы они ни работали, разсматривать себя не какъ начальство, а лишь какъ сотрудниковъ того общаго дѣла, результаты котораго не могутъ быть приписаны кому либо одному, и гдѣ продуктъ является созданіемъ средняго общественнаго труда всѣхъ работающихъ тутъ: отъ инженера до чернорабочаго.

Въ своей системѣ Тэйлоръ исходитъ изъ того, что до сихъ поръ въ каждой работѣ рабочій примѣняетъ тѣ пріемы, которые онъ самъ считаетъ наиболѣе подходящими. Поэтому „выполненіе одной и той же работы производится обыкновенно различными способами — двадцатью, сорока, пятидесятью и болѣе путями.“ А между тѣмъ, говоритъ онъ, въ каждой работѣ всегда найдется одинъ методъ, который лучше всѣхъ остальныхъ и допускаетъ болѣе быстрое исполненіе работы. Найти этотъ пріемъ можно только путемъ научнаго изученія и анализа различныхъ методовъ въ связи съ изученіемъ движеній и частей времени, потребныхъ на то или другое движеніе. А это значитъ поставить работу согласно съ правилами и законами науки.

Если имѣть въ виду, что при обученіи пѣнію напр., или декламаціи для правильной постановки голоса и полученія наибольшаго эффекта при наименьшемъ расходѣ силъ, считаютъ необходимымъ ознакомить обучающихся съ анатоміей голосовыхъ органовъ, то отсутствіе подобнаго изученія по отношенію къ органамъ человѣческаго труда при обученіи послѣднему можно объяснить только тѣмъ пренебрежительнымъ и безразсчетнымъ отношеніемъ къ труду, которое практиковалось и практикуется и до сихъ поръ со стороны организующихъ трудъ въ производствѣ. Произведенныя Тэйлоромъ и другими лицами изученія и систематическія наблюденія вполнѣ подтвердили его теоретическое предположеніе о единственно правильномъ пріемѣ. Практически напр., всѣ движенія, при такой простой работѣ, какъ кладка кирпичей каменщикомъ, свелись съ 18 движеній къ 5-ти, причемъ въ работѣ, гдѣ обычная скорость составляла 120 кирпичей на человѣка въ часъ, она дошла до 350-ти. Въ другомъ случаѣ на заводѣ, гдѣ давнія и опытныя работницы заняты были испытаніемъ ровности и гладкости поверхности стальныхъ шариковъ, изготовлявшихся въ милліономъ количествѣ, были произведены, слѣдуя Тэйлору

изслѣдованія и наблюденія надъ движеніями при этихъ работахъ. Соотвѣтственно результатамъ изслѣдованія были введены измѣненія въ постановкѣ работъ и вмѣсто 120-ти работницъ потребовалось на тѣ же работы лишь 35, при сокращеніи рабочаго дня противъ прежняго на два часа; улучшилось и качество работы; заработокъ же поднялся на $80_0/^0$. Явилось это вслѣдствіе изученія: 1) каждаго рабочаго и его склонностей, способностей, его духовнаго облика; 2) изученія того, какъ дѣйствуетъ на физическую силу, вниманіе, утомляемость даннаго рабочаго, каждый родъ работы, изученія времени работы, движеній при ней. На основаніи этого, стали устанавливаться безпрерывность работы и промежутки отдыха. Это послѣднее привело къ тому, что на одномъ желѣзномъ заводѣ путемъ опредѣленнаго, установленнаго путемъ указаннаго изученія чередованія труда и отдыха — тѣ же 75 рабочихъ въ теченіи дня справлялись не съ $12^1/_2$ тоннами (тонна около 60 пуд.,) а съ $47^1/_2$ тоннами, т.-е. съ почти вчетверо большимъ количествомъ. Достигнуто было это тѣмъ, что, согласно наблюденіямъ, надо было въ теченіе рабочаго дня посвящать работѣ лишь $43^0/_0$, а отдыху $57^0/_0$ времени, но такъ, чтобы между каждой очередью работы и отдыха проходили опредѣленные промежутки времени.

Можетъ представиться, что время отдыха не приходится регулировать, такъ какъ каждый самъ чувствуетъ потребность въ отдыхѣ и можетъ установить его по своему усмотрѣнію. Но оказывается, что это не такъ. Возможно, что человѣкъ пересилитъ потребность въ отдыхѣ и переутомитъ себя, чтобы затѣмъ отдыхать болѣе долгій промежутокъ времени. Но, не говоря уже о томъ, какъ это отзывается на крѣпости организма, а просто съ точки зрѣнія производительности, такое неправильное чередованіе отдыха и труда — не пригодны. Американскій ученный Мюнстербергъ въ сочиненіи „Психологія и Экономическая жизнь“ опредѣленно утверждаетъ: „психологу давно уже извѣстно, что субъективное непріятное чувство усталости отнюдь не можетъ служить надежнымъ масштабомъ для измѣренія дѣйствительнаго утомленія, т.-е. нарушенія работоспособности.“ Поэтому продолжаетъ онъ, вопросъ о томъ, насколько человѣкъ утомляется отъ опредѣленной работы, можетъ быть рѣшенъ „на основаніи объективныхъ данныхъ, а не субъективныхъ ощущеній.“

Но тѣ же объективныя данныя, т.-е. опредѣленныя наблюденія и изслѣдованія должны быть положены и въ основу сужденія, насколько та или другая работа, при ея видимой монотонности и однообразіи, представляется таковой для того или другого лица, въ зависимости отъ его склонности и вообще его духовнаго облика. Наблюденія Мюнстерберга привели его къ заключенію, что, „чувство моно-

тонности зависитъ менѣе отъ рода работы, но отъ извѣстнаго предрасположенія индивидума.“ Тэйлоръ и считаетъ необходимымъ считаться съ этой стороною въ личности рабочаго, на что до сихъ поръ ровно никѣмъ не обращалось никакого вниманія. Отсюда вытекаетъ и четвертое основное правило системы Тэйлора, заключающееся въ томъ, чтобы „отказаться отъ организаціи дѣла по военному образцу;“ необходимо почти равное распредѣленіе работы и отвѣтственности между администраціей и рабочими. Необходимость этого вытекаетъ изъ той постановки дѣла, которая вызывается требованіями производительности труда. Если надо обратить вниманіе на духовный обликъ каждаго рабочаго и не его приспособлять къ работѣ, а работу къ нему, имѣть въ виду прежде всего личность рабочаго, то, конечно, это не можетъ происходить безъ участія рабочихъ въ выясненіи личности каждаго, что, однако, не устраняетъ необходимости научныхъ изслѣдованій и наблюденій для окончательнаго установленія пригодности того или другого рабочаго для опредѣленнаго дѣла.

Это послѣднее обстоятельство устраняетъ при системѣ Тэйлора еще одну вредную сторону, какъ для рабочихъ, такъ и для производительности вообще при современной постановкѣ дѣла. Въ одномъ изъ стихотвореній нашего поэта Некрасова изображается, какъ одинъ рабочій надорвался на работѣ. Несъ онъ стопку кирпичей. Подрядчику показалось мало: „Что это, не узнаю Трофима я!“ воскликнулъ онъ. И вотъ рабочій, поощряемый хозяйскимъ полуупрекомъ, полупохвалой, понатужился, прибавилъ кирпичей. Это вотъ и есть тотъ пріемъ, который примѣняется нерѣдко хозяевами, чтобы заставить того или другого рабочаго проявить наибольшую работоспособность, хоть бы и черезъ силу, и затѣмъ указывать другимъ рабочимъ на такого рабочаго, какъ на примѣръ и повышать требованія предъявленныя уже ко всей массѣ рабочихъ. Масса же эта разсматривается, какъ обыкновенно масса чего бы то ни было: масса песку, груда щепокъ, масса камней и т. д. Особенность каждой отдѣльной единицы такой массы вовсе не имѣется въ виду, если и допускается. Обыкновенно же предполагается однородность всѣхъ составныхъ частей массы. Такъ вотъ и по отношенію къ массѣ рабочихъ — особенности каждаго изъ нихъ, индивидуальность отдѣльнаго рабочаго обыкновенно тоже не имѣется въ виду, никто не придаетъ ей значенія. На основаніи этого и требуется, чтобы то, что исполняетъ одинъ рабочій также исполнялъ и другой. Вотъ и выдвигаются такіе, по англійскому уподобленію „поддужные“ рабочіе, на которыхъ накладывается побольше работы и затѣмъ на нихъ указываютъ какъ на примѣръ, и этой ссылкой на нихъ оправдываютъ или пониженіе расцѣнокъ или

повышеніе урока. При системѣ же Тэйлора — это не мыслимо. Ея прогрессивное и очень существенное начало, совершенно новое въ данной области, заключается именно въ томъ, что здѣсь все основано на признаніи индивидуальности, личности рабочаго, какъ самостоятельнаго субъекта, а не какъ одной изъ частицъ въ однородной массѣ. При этихъ условіяхъ „рабочій, который не выполнитъ своего урока, останется сзади, долженъ быть поставленъ къ другой работѣ на этомъ же заводѣ или въ другомъ производствѣ, болѣе соотвѣтствующемъ его способностямъ. Когда же рабочій выполняетъ урокъ большій средняго, онъ долженъ быть поставленъ къ работѣ болѣе сложной, которая будетъ лучше соотвѣтствовать его способностямъ и дастъ ему болѣе высокій заработокъ". Это обстоятельство должно, конечно, уже одно само по себѣ повысить сильно общую производительность предпріятія, примѣняющаго систему Тэйлора. Но, кромѣ того, оно должно и косвенно вліять на то, уничтожая у рабочихъ тѣ побужденія, которыя вызываютъ, такъ называемый, саботажъ, т.-е. замедленное исполненіе работы. Напротивъ, оно должно вызывать стремленіе къ проявленію своей полной работоспособности. Это послѣднее вліяніе, какъ увидимъ при разсмотрѣніи условій заработной платы, и вызываетъ противодѣйствіе рабочихъ противъ системы Тэйлора, что, какъ надѣюсь показать тамъ, основано на недоразумѣніи. Напротивъ, какъ слѣдуетъ изъ всего указаннаго, рабочіе пріобрѣтаютъ тутъ то значеніе, какое вообще связано съ признаніемъ за каждымъ изъ нихъ полной человѣческой личности, причемъ это признаніе вполнѣ искренно, прочно и принимаемо по существу, а не формально, потому что оно вытекаетъ изъ значенія этого для производительности предпріятій. Оно же и постановка дѣла „не по военному образцу" вызываетъ и необходимость, опять-таки по существу и въ интересахъ производства, поставить дѣло такъ, чтобы рабочіе являлись наиболѣе сознательными и просвѣщенными. Въ то же время, если уже считаются съ склонностями даннаго рабочаго, придаютъ имъ значеніе, какъ фактору, повышающему производительность, т.-е. не мимоходомъ и кстати, какъ это получается при техническомъ раздѣленіи труда, а кладутъ въ основу всей постановки дѣла психологію рабочаго, его индивидуальныя особенности, то трудъ ставится тѣмъ въ такія условія, что онъ становится пріятнѣе и тѣмъ опять-таки производительнѣе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, если эта система требуетъ равенства въ работѣ и отвѣтственности всего персонала работающихъ, включая сюда и администрацію, и устраненія „военнаго образца," то тѣмъ самымъ устраняется понятіе и положеніе „начальства" при ней, и въ то же время въ связи съ необходимостью просвѣщенности рабочаго — уничтожается по существу и въ силу основъ производства, всякое иное

различіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ, кромѣ того, которое вытекаетъ изъ необходимаго раздѣленія труда, въ интересахъ производительности, ради болѣе полнаго, широкаго, разностороняго удовлетворенія человѣческихъ потребностей.

На этомъ можно и закончить то, что необходимо сказать о трудѣ въ производствѣ, хотя и остаются нѣкоторыя неразсмотрѣнныя условія, вліяющія на производительность труда. Такъ, напр., организаціи рабочихъ, профессіональные союзы ихъ, то или иное проявленіе среди нихъ самодѣятельности также вліяютъ на повышеніе производительности труда; вліяютъ на количество труда, потребное для удовлетворенія потребности даннаго общества, и условія, вліяющія такъ или иначе на проявленіе предпріимчивости, опредѣленные навыки и то или иное отношеніе къ интересамъ потребителей. Но всего этого, поскольку оно не было затронуто въ вышеизложенномъ, придется коснуться и иногда довольно подробно въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ. Такъ, напр. въ отдѣлѣ распредѣленія придется говорить и о профессіональныхъ союзахъ рабочихъ, въ задачу которыхъ вовсе не входитъ забота о повышеніи производительности труда, но дѣятельность которыхъ приводитъ къ этому. Поэтому тамъ, а также въ отдѣлѣ о машинахъ въ связи съ выясненіемъ природы и задачъ профессіональныхъ союзовъ и придется указать на это. Вообще, трудъ и человѣческая личность такой основной элементъ во всемъ ученіи политической экономіи, что на всемъ протяженіи ея, во всѣхъ отдѣлахъ придется касаться условій постановки его и вліянія на него всѣхъ отношеній, вытекающихъ изъ хозяйственной дѣятельности человѣка.

VII. Хозяйственное значеніе природныхъ условій.

1.

Человѣческій трудъ является основнымъ дѣятелемъ производства. Безъ труда послѣдняго не существуетъ. Но трудъ можетъ прилагаться только къ предметамъ природы и притомъ постольку, поскольку можетъ использовать силы природы. Послѣдняя имѣетъ опредѣляющее значеніе не только для производства, но и вообще для всей хозяйственной дѣятельности человѣка. Въ зависимости отъ природы находится и кругъ потребностей въ матеріальныхъ предметахъ. Она же въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ и тѣ отношенія, которыя складываются между людьми при удовлетвореніи ихъ потребностей.

Въ самомъ началѣ курса мы уже ознакомились съ тѣмъ, что самая основа единенія людей въ обществѣ, т. е. раздѣленіе занятій, составляющее основу современнаго хозяйственнаго строя, вытекло изъ различія природныхъ условій и коренится въ нихъ. Разсмотримъ же, какія изъ этихъ условій какое имѣютъ значеніе и какъ вліяютъ на успѣшность труда и на легкость удовлетворенія потребностей.

Остановлюсь, прежде всего, на значеніи климата. Различіе его сказывается на успѣшности труда и легкости удовлетворенія потребностей въ двоякомъ отношеніи: 1) въ зависимости отъ климата находится самый кругъ потребностей въ матеріальныхъ предметахъ. Въ холодномъ климатѣ требуется иначе—прочнѣе устраивать жилища, слѣдовательно, затрачивать на это больше труда — нужно стѣны проконопачивать, нужны двойныя рамы. Стѣны крестьянскихъ избъ, какъ знаемъ, укрываются на зиму соломой, нужно дѣлать заваленку и т. д. Но, кромѣ того, нуженъ еще излишній трудъ на заготовку топлива для зимы, на отопленіе строеній, нужно больше затрачивать труда на изготовленіе теплой обуви, теплой одежды. Итакъ, это одно — увеличеніе потребностей въ матеріальныхъ предметахъ и, слѣдовательно, при затратѣ того же количества труда и времени человѣкъ въ суровомъ климатѣ сдѣлаетъ только то, на что въ умѣренномъ климатѣ и жаркомъ уйдетъ гораздо меньше времени и, слѣдовательно, останется его больше на все другое. 2) Климатъ вліяетъ уже непосредственно

прямымъ образомъ на хозяйственную дѣятельность человѣка. Начать съ того, что одежда въ суровомъ климатѣ болѣе громоздкая и въ свою очередь и теплая обувь, отягощая человѣка, препятствуютъ легкости движенія и, слѣдовательно, не позволяютъ трудиться такъ успѣшно. Но тутъ надо имѣть въ виду и другое. Климатъ очень жаркій умѣряетъ потребность въ жилищѣ, въ одеждѣ, даже въ пищѣ, такъ какъ не требуется ея столько для поддержанія животной теплоты; кромѣ того, теплый климатъ, дающій богатую растительность, дозволяющую легче удовлетворить потребности въ пищѣ и менѣе затратить на это труда—дѣйствуетъ, однако, изнуряющимъ образомъ на человѣка, вызываетъ сильную бездѣятельность и тоже не благопріятствуетъ успѣшности труда. Наиболѣе въ этомъ отношеніи оказывается благопріятнымъ климатъ умѣренный. Жара донимаетъ и европейцевъ въ Африкѣ. При этомъ, однако, имѣетъ значеніе смѣна прохладной и теплой температуры. По Вирхову человѣкъ не можетъ проявлять продолжительную дѣятельность, если средняя температура болѣе +16° R. преобладаетъ только нѣсколько мѣсяцевъ въ году.

Особенно существенно вліяніе климата на сельское хозяйство, на земледѣліе, въ которомъ человѣкъ не можетъ уединить себя отъ вліяній природы, опредѣляющихъ непосредственно и распредѣленіе труда и родъ культуры. По наблюденіямъ въ Англіи вотъ какъ дѣйствуетъ, напр., распредѣленіе дождя.

Въ разныхъ графствахъ Англіи:

Выпаденіе дождя. Дюймы.	% площади подъ зерн. хлѣбъ.	% подъ постоян. пастбища.
100	11,1	75,9
95	20,3	63,8
45	22,4	58,2
35	26,2	52,9
30	25,7	56,4
27	29,8	52,8
25	42,0	31,4
22	42,3	29,7
20	46,3	24,2
44,33	49,47	29,44

Въ связи съ этимъ находится и распредѣленіе овцеводства, давшаго основу для развитія суконной промышленности въ Англіи. Вообще сельское хозяйство обусловливаетъ промышленность; оно составляетъ исходный пунктъ для каждой промышленной дѣятельности и для распредѣленія занятій въ теченіе года. Въ зависимости отъ кли-

мата той или другой мѣстности можно не только выдѣлять на земледѣліе то или другое количество времени въ году, но и такъ или иначе распредѣлять рабочія силы какъ въ теченіе года, такъ и опредѣленной его части. Это ясно уже изъ того, что вотъ какъ измѣняется по Россіи только число дней, когда возможенъ ростъ злаковъ:

	Темп. выше 6°.	Темп. выше 0°.
Архангельскъ . . .	125	(185)
Петроградъ	155	(215)
Москва	165	(220)
Саратовъ	180	(220)
Кіевъ	200	(240)
Одесса	225	(285)
Ялта и Баку . . .	285	(365)
Поти	330	(365)

Отъ климата въ сельскомъ хозяйствѣ зависитъ: 1) родъ посѣва, 2) время работы (рабочая пора), 3) необходимость дополнительныхъ работъ (мелкая кустарная промышленность въ длинный зимній періодъ), 4) непостоянство въ числѣ рабочихъ по временамъ года и при отдѣльныхъ лѣтнихъ работахъ), 5) невозможность ускорить время оборота; 6) неувѣренность въ результатахъ производства (т. е. въ высотѣ урожая) по ихъ зависимости отъ атмосферныхъ явленій даннаго года, 7) условія и форма сотрудничества, 8) условія примѣненія машинъ.

Все это будетъ подробно выяснено, когда остановлюсь на различіяхъ земледѣлія и обрабатывающей промышленности.

Теперь же остановлюсь на другихъ вліяніяхъ природныхъ условій. Такъ, теплое морское теченіе гольфстремъ вліяетъ на то, что многіе болѣе сѣверные берега, омываемые этимъ теченіемъ, какъ Ирландія, напр., имѣютъ почти ту же температуру, что Одесса.

Климатъ же обусловливаетъ существованіе той или иной растительности, а также тѣхъ или другихъ животныхъ. А отъ этого зависитъ въ первомъ счетѣ существованіе той или иной отрасли промышленности.

Въ связи съ вліяніемъ климата на возможность лѣтнихъ земледѣльческихъ занятій находятся и такія сравнительно отдаленныя явленія соціальной жизни, какъ напр., безработица. Такъ по даннымъ за одинъ годъ, относящимся къ Германіи, число безработныхъ зимой среди мужчинъ превышаетъ почти втрое число ихъ лѣтомъ (102.929 лѣтомъ и 284.157 зимой), почти тоже и для женщинъ (42.444 лѣтомъ и 124.546 зимой) или въ общемъ счетѣ лѣтомъ 145.920, а зимой 408.703.

2.

Все это относится къ климату, воздѣйствіе на который со стороны человѣка очень ограничено, хотя и здѣсь все же человѣкъ можетъ проявить свое вліяніе на измѣненіе климата орошеніемъ и осушеніемъ или обезлѣсеніемъ или наоборотъ насажденіемъ лѣса. Примѣры такого воздѣйствія будутъ приведены ниже. Здѣсь же отмѣчу значеніе другихъ природныхъ условій. Среди нихъ далѣе имѣетъ значеніе почва, по отношенію къ которой воздѣйствіе человѣка уже много значительнѣе, но все же составъ ея вліяетъ на количество труда, необходимое для обработки ея, а затѣмъ и для измѣненія ея путемъ примѣненія удобренія. И при этомъ весьма значительномъ воздѣйствіи человѣка на приспособленіе почвы къ своимъ требованіямъ все же приходится считаться съ посѣвомъ тѣхъ или иныхъ растеній въ зависимости не только отъ климата, но и отъ почвы, которая, конечно, имѣла опредѣляющее значеніе при самомъ возникновеніи земледѣлія.

Особенно существенное значеніе имѣетъ геологическое строеніе почвы, въ зависимости отъ чего находится богатство страны тѣми или другими ископаемыми. Особенно большое вліяніе на промышленность оказываетъ богатство каменнымъ углемъ и желѣзомъ. По отношенію къ Англіи, напр., прямо признается опредѣляющимъ для блестящаго расцвѣта въ ней промышленности ея богатство каменнымъ углемъ, давшее ей запасы топлива для паровыхъ двигателей Развитіе металлургіи „можно сказать, всецѣло зависитъ отъ каменнаго угля“ пишетъ А. А. Круберъ („Хозяйство, какъ эксплоатація естественныхъ богатствъ“ М. 1917). Въ связи съ значеніемъ каменнаго угля и развитіемъ и примѣненіемъ машинъ (въ томъ числѣ и желѣзнодорожнаго движенія) находится и ростъ добычи его съ 470 мил. тоннъ (тонна около 60 пуд.) въ 1890 г. до 1144 мил. тоннъ въ 1910 г. для всѣхъ странъ міра, кромѣ Китая. При этомъ ростъ добычи его измѣняется по различнымъ странамъ такъ:

	Милліоны тоннъ:		
	1871 г.	1900 г.	1910 г.
Соедин. Штаты	41,5	244,8	455,0
Великобританія.	125,5	228,7	268,7
Германія	42,3	149,8	222,4
Франція	15,9	33,4	38,4
Австро-Венгрія.	10,4	34,1	48,7
Бельгія.	15,7	23,5	23,9
Россія	1,1	16,2	24,7
Прочія страны, кромѣ Китая . . .	13,6	39,0	62,6
	266	770	1144

Приведя эти данныя, Круберъ говоритъ: „Если сравнить колоссальныя количества угля съ другими продуктами, добываемыми изъ земли, то станетъ понятнымъ исключительное вниманіе, которое нами было удѣлено разсмотрѣнію каменно-угольной промышленности". Затѣмъ онъ приводитъ это сравненіе за годы 1908 и 1909, изъ котораго видно, что соли по этимъ годамъ добыто 14,3 и 14,8 м. т., нефти 36,3 и 37,2, желѣза 111,6 и 134,8, а каменнаго угля 1060 и 1098 м. т. Отсюда понятно доминирующее значеніе богатства страны каменнымъ углемъ и его добычей. Въ особенности это рельефно выражается въ томъ сильномъ ростѣ добычи каменнаго угля, который отмѣчаетъ приведенная таблица для Германіи, въ которой промышленность такъ быстро развивалась за послѣднія десятилѣтія. Но эта же таблица указываетъ и на то, какъ при данныхъ естественныхъ богатствахъ— все же главное находится въ человѣкѣ и его трудѣ. При богатствѣ въ залежахъ каменнаго угля въ Россіи, мы все же въ добычѣ его отстаемъ даже отъ болѣе мелкихъ странъ, и она у насъ почти въ десять разъ ниже, чѣмъ въ Германіи, имѣющей гораздо меньше населенія.

Возрастаніе добычи желѣза также весьма сильно. Запасы „активныхъ", т.-е. точно опредѣленныхъ и эксплуатируемыхъ желѣзныхъ рудъ исчисляются въ 22,408 мил. тоннъ, что даетъ приблизительно 10.250 м. тоннъ чистаго желѣза. Такъ вотъ, если въ ближайшіе годы потребленіе желѣза будетъ расти въ той же пропорціи, какъ и теперь, то этихъ запасовъ хватитъ еще только на 60 лѣтъ.

Чтобы освѣтить еще, какъ сказывается при современныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ вліяніе природныхъ условій, помимо опредѣляющаго значенія для развитія того или другого производства, укажу еще, что обладаніе рудниками или мѣсторожденіями тѣхъ или другихъ минераловъ создаетъ для обладателей этихъ пространствъ сильную власть надъ ходомъ промышленности страны и надъ потребителями ея. Оно позволяетъ, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ добываніе опредѣленныхъ продуктовъ, получить монопольное положеніе тѣмъ, кто захватилъ это и установить на нихъ монопольныя цѣны. Такъ, напр., синдикаты, т.-е. союзы предпринимателей, образуемые съ цѣлью устранить соперниковъ по данной отрасли производства, стремятся захватить именно нефтеносныя земли или желѣзодѣлательное производство и получили свое развитіе преимущественно въ этихъ отрасляхъ индустріи. Разъ они захватили всѣ нефтеносныя земли въ свои руки, то уже конкуренціи имъ въ добываніи ея и установленіи цѣнъ на нее ни откуда не можетъ быть, хотя, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, условія хозяйственной жизни вырабатываютъ свои мѣры противодѣйствія полнаго подчиненія господству такихъ компаній.

Имѣетъ далѣе значеніе и ровное или гористое положеніе мѣстности, облегчающее или затрудняющее сношенія, обмѣнъ, торговлю, въ связи съ чѣмъ находится и большее или меньшее количество труда, необходимое для устраненія, напр., препятствій, создаваемыхъ горами. Такъ, напр., Германія имѣетъ 510 туннелей въ общемъ около 200 верстъ. Изъ нихъ самый длинный симплонскій—19 верстъ. Горы же вызываютъ необходимость постройки горныхъ желѣзныхъ дорогъ, что не отмѣняется даже и развитіемъ воздухоплаванія.

Изъ другихъ природныхъ условій слѣдуетъ отмѣтить распредѣленіе суши и воды. Изъ поверхности земного шара въ 510 мил. кв. килом. подъ водой находится 366 м. к. к., т.-е. почти 72%, а подъ сушей лишь 28%.

При этомъ, однако, надо отмѣтить, что моря съ давнихъ поръ имѣли значеніе, какъ пути сообщенія. По берегамъ морей развивалась торговля Финикіи, Греціи, Венеціи, Италіи, Голландіи, Англіи. Кромѣ того моря даютъ рыбу, соль, а рыба составляетъ весьма важный продуктъ питанія. Изъ добычи отъ ловли рыбы ежегодно приходится до 54 мил. п. на Америку, 42 м. п. на Англію, 30 м. п. на Скандинавію, 12 м. п. на Россію, 9 м. п. на Францію, 7 м. п. на Голландію и 3 м. п. на долю Германіи.

Рѣки и ихъ распредѣленіе и направленіе также имѣютъ большое значеніе. Такъ напр, бассейнъ Волги—наибольшій въ Европѣ—но впаденіе ея во внутреннее море и краткое время судоходства въ зависимости отъ продолжительности зимняго времени, весьма ограничиваютъ ея полезное значеніе. Но и тутъ, конечно, важно богатство рыбой. Распредѣленіе рѣкъ обусловливаетъ и разселеніе. Для поселеній нужна вода, а это вліяетъ на то или иное распредѣленіе селъ, въ связи съ мѣстонахожденіемъ воды, что въ свою очередь вліяетъ на величину селеній, на отдаленность или близость ихъ другъ отъ друга, что не безъ вліянія и на постановку земледѣльческаго хозяйства и на преобладаніе крупныхъ хозяйствъ или раздробленіе ихъ на мелкія въ области земледѣлія.

3.

Приведенныхъ фактовъ и краткихъ указаній, достаточно, надо думать, для того, чтобы имѣть ясное представленіе, насколько сильно вліяніе природныхъ условій не только на обиліе въ ней тѣхъ или иныхъ предметовъ, пригодныхъ для удовлетворенія потребностей и для развитія производительныхъ силъ, но насколько оно можетъ вліять прямо и непосредственно не только на кругъ потребностей и количество труда, необходимаго для удовлетворенія ихъ, но и на

складъ отношеній между участниками производства и потребителями (безработица, синдикаты). При всемъ томъ, однако, въ творческихъ силахъ труда лежатъ громадныя возможности измѣненія не только вліяній природы, но и самой природы. Такъ, извѣстно то вліяніе и значеніе, которое имѣло разлитіе Нила на постановку земледѣлія въ Египтѣ и какъ тутъ надо было считаться съ моментомъ и величиной этого разлитія. И вотъ въ настоящее время, благодаря проведенію значительнаго количества каналовъ и наполненія водою отдѣльныхъ бассейновъ, является возможность регулировать орошеніе Нильской долины и распредѣлять воды по посѣвамъ, сообразно задачамъ, ставимымъ самимъ человѣкомъ. Самый громадный изъ этихъ водохранилищъ, наполняемый водами Нила, Ассуанскій, питаетъ водами Египетъ въ теченіи всего лѣта. Длина его 2 версты, высота 22 саж. онъ весь изъ гранита, имѣетъ 180 отверстій съ стальными затворами, приводится въ движеніе электричествомъ. Во время разлива Нила отверстія бассейна открыты и вода Нила проходитъ въ него; въ декабрѣ отверстія закрываются, въ апрѣлѣ изъ него пускаютъ воды въ озеро, имѣющее 2 милліарда кубическихъ метровъ, и такъ продолжаютъ постепенно впускать ихъ до іюня, когда происходитъ начало наводненія. Стоило устройство этого бассейна 30 мил. рублей. Съ устройствомъ орошенія средняя цѣна земель съ 1000 руб. за десятину, поднялась до 3000 руб. и даже до 4, 5 и 6 тыс. руб. Снимается теперь 3 культуры въ теченіе года, а главное хлопчатникъ. Насколько это важно видно изъ того, что изъ 289 мил. руб. вывоза Египта на хлопокъ приходится 242 мил. рублей. Тамъ же предпринимаются осушенія соленыхъ озеръ (близъ Александріи), что дастъ 18.500 десятинъ земли, ранѣе того не существовавшей для обработки. При распространеніи системы оросительныхъ и осушительныхъ работъ площадь культурныхъ земель увеличивается тамъ на 458.000 десятинъ.

Не могу не указать здѣсь и на другіе примѣры могущественнаго вліянія человѣка на измѣненіе природныхъ условій въ свою пользу, благодаря увеличенію знаній, усовершенствованію, благодаря приложенію труда и творческому использованію всего этого для облегченія и улучшенія своего существованія. Въ Соединен. Штат. Сѣв. Америки въ 1902 г. при федеральномъ департаментѣ земледѣлія создано спеціальное бюро для меліоративныхъ цѣлей, и именно для выработки и осуществленія проектовъ по орошенію и приведенію въ годное для культуры состояніе обширныхъ безводныхъ и пустующихъ государственныхъ, а также, по соглашенію съ владѣльцами, и частныхъ земель. Это привело къ устройству по отдѣльнымъ штатамъ центральныхъ электрическихъ станцій, которыя

стали источниками электрической силы, служащей не только для орошенія, но могущей быть распредѣляемой за плату по требованіямъ общинъ, городовъ или и частныхъ предпринимателей для различныхъ хозяйственныхъ цѣлей. И вотъ самая большая такая станція, устроенная въ штатѣ Айдехо, поднимаетъ въ водоемъ, находящійся на высотѣ 31 ф., 650 куб. футовъ воды въ секунду и орошаетъ находящуюся на этой высотѣ площадь въ 10 т. акровъ (около 3.750 дес.); затѣмъ, поднимаясь еще на высоту 31 фута, вода орошаетъ тамъ площадь земли въ 5625 дес., отстоящую отъ силовой станціи на разстояніи 19½ верстъ; остатокъ этой воды поднимается еще на 31 ф. и тамъ на этой высотѣ надъ уровнемъ рѣки въ 93 фута расходуется на орошеніе совершенно безводной и пустынной площади въ 8625 дес. Въ общей сложности орошается тутъ (около гор. Минидока) 17 т. дес. земли. Къ этому можно добавить, что избытокъ электрической силы, не расходуемой на орошеніе, служитъ для электрическаго освѣщенія ряда городковъ и для работы сахарнаго завода въ одномъ изъ этихъ городковъ. Другая правительственная центральная станція въ штатѣ Эризона расходуетъ до 9 т. силъ (изъ общаго количества 20 т. силъ) на подъемъ воды изъ колодцевъ въ каналы для орошенія площади земли въ 40 т. акровъ (15 т. десятинъ) очень плодородной, но сухой. Отмѣчу еще устроенное по проекту того же федеральнаго бюро обводнительное предпріятіе въ штатѣ Ута. Здѣсь рѣчь шла уже не о подъемѣ воды, а о прорытіи туннеля въ хребтѣ Wasatch и о томъ, чтобы направить по немъ уходившую въ р. Колорадо воду одной изъ быстрѣйшихъ рѣкъ по другую безводную сторону хребта, обладавшую богатѣйшею почвою, пригодною для самыхъ цѣнныхъ культуръ, но страдавшую отъ недостатка воды. Туннель этотъ около 6 в. въ длину, 10½ ф. въ ширину и 9 ф. въ высоту. Вода, проходя черезъ него, растекается по сухой долинѣ по цѣлой сѣти магистральныхъ и второстепенныхъ оросительныхъ каналовъ. Эта оросительная система была выработана по соглашенію съ частными собственниками, которымъ тамъ принадлежитъ много земли. Но, не желая поддерживать крупное землевладѣніе и стремясь, чтобы земля тамъ распредѣлилась среди возможно болѣе многочисленныхъ мелкихъ фермеровъ, федеральное бюро обязало частныхъ собственниковъ оставить у себя въ личномъ владѣніи не болѣе 60 д. (160 акр.). а излишекъ распредѣлить по частямъ не свыше этого пространства. Въ зависимости отъ соблюденія этого условія поставлено и право пользованія водою изъ ирригаціонныхъ каналовъ.

Приведенными примѣрами можно было бы ограничиться для доказательства того, какими могучими средствами, благодаря знанію, обладаетъ теперь уже человѣчество, чтобы видоизмѣнить природу

сообразно своимъ цѣлямъ, пользуясь для этого ея же силами, направляемыми по его усмотрѣнію, но приведу еще два примѣра, чтобы выяснить еще болѣе, насколько при этомъ все зависитъ отъ того, какъ сами люди опредѣляютъ свои отношенія другъ другу и какъ они понимаютъ свои интересы и выгоды.

Извѣстно, что многія мѣстности Австраліи сильно страдаютъ отъ засухи, которая продолжается иногда 2—3 года и превращаетъ богатый, цвѣтущій край въ пустыню, подобную Сахарѣ. А между тѣмъ, въ 200—300 верстъ отъ такой засушливой мѣстности въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ—въ Скалистыхъ горахъ льютъ безполезные дожди и бѣгутъ широкіе потоки. Былъ выработанъ поэтому планъ построить на р. Муррумбиджи громадную дамбу, образовать въ горахъ искусственное озеро и дать рѣкѣ новое русло въ пустыню Яссъ—на разстояніи 266 миль отъ горъ, а затѣмъ уже провести сѣть оросительныхъ каналовъ. И все это сдѣлано. Рѣка долго не мирилась съ попытками перенять ее и нѣсколько разъ прорывала дамбу, срывала прикованные цѣпями паровые краны въ 600 пудовъ и уносила ихъ далеко внизъ. Но въ концѣ-концовъ дамбу сложили изъ громадныхъ кубовъ—каждый вѣсомъ въ 950 пуд. По выстройкѣ ея въ горахъ образовалось громадное озеро площадью въ 4.200 десятинъ и глубиною въ 220 футовъ. Когда образовалось озеро, то рѣку отвели по новому руслу за 266 миль, оттуда рѣка опоясываетъ всю пустыню, образуя кругъ въ 100 миль. Отъ этого водяного пояса въ видѣ радіусовъ проведены оросительные каналы. Каждая ферма имѣетъ свой шлюзъ. Съ проведеніемъ воды въ пустынѣ началась бурная растительная жизнь. Растутъ груши, персики, абрикосы, виноградъ и злаки всякаго рода. Клеверъ можно косить отъ четырехъ до восьми разъ въ годъ.

Сколько же стоило все это? Сооруженіе дамбы, плѣненіе рѣки и проведеніе главнаго русла обошлось 1.500.000 фунт. стер., т.-е. столько, сколько стоило въ Англіи въ 1915 году 12 часовъ войны. Все сооруженіе, включая плѣненіе рѣки, проведеніе оросительныхъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ (между прочимъ зубчатой желѣзной дороги въ гору—въ 26 миль), постройка двухъ городовъ (въ которыхъ жили рабочіе 5 лѣтъ, а потомъ одинъ изъ этихъ городовъ очутился подъ водой) и всего остального—все обошлось въ $5^1/_2$ мил. фунт. стерл. Все же это меньше чѣмъ обходятся Англіи два дня войны. Ясно, что „дѣлать счастливымъ человѣчество, какъ отмѣчаетъ авторъ этого сообщенія, стоитъ неизмѣримо дешевле, чѣмъ причинять ему несчастіе и смерть". Ясно также и то, что, если обмѣнъ устанавливающій тѣсную связь между людьми, какъ то отмѣчено мною въ 1-ой главѣ настоящаго труда, можетъ приносить пользу и

вредъ, то тоже самое можетъ приносить и знаніе, такъ какъ и въ современной войнѣ высокая денежная стоимость ея опредѣляется примѣненіемъ усовершенствованныхъ орудій разрушенія, выработанныхъ при помощи знанія. Но какъ и для чего люди пользуются знаніемъ—это зависитъ уже отъ нихъ самихъ, отъ ихъ пониманія взаимныхъ отношеній и взаимной зависимости другъ отъ друга.

Несомнѣнно, силы природы, возможность воздѣйствія на нихъ и использованія ихъ путемъ знанія—все это опредѣляетъ то, что человѣкъ можетъ сдѣлать. Но что именно онъ сдѣлаетъ изъ всего возможнаго—это уже опредѣляется складомъ его воззрѣній и пониманіемъ того, какіе пути и какое взаимоотношеніе людей ведетъ къ благополучію не отдѣльныхъ только индивидуумовъ или странъ, а всей совокупности человѣчества. Отъ уясненія себѣ связи явленій и усвоенія того пониманія, что, хотятъ люди или не хотятъ, но для удовлетворенія своихъ хозяйственныхъ нуждъ они не могутъ обойтись другъ безъ друга, а потому и должны быть заинтересованы въ томъ, чтобы причиненіе вреда другимъ не признавалось средствомъ устроенія моего благополучія—отъ этого зависитъ и использованіе знанія для благополучія людей. Исходя изъ чисто экономическихъ основаній, принципіально должно быть признано, что мое личное благополучіе находится въ непосредственной зависимости отъ благополучія другихъ и потому каждый, ради своей личной выгоды, долженъ заботиться о благополучіи другихъ. Это не есть долгъ, обязанность или заслуга, нѣтъ—это только правильное пониманіе собственнаго личнаго интереса.

И вотъ еще послѣдній примѣръ и въ поясненіе этого и въ доказательство того, какъ легко (сравнительно) люди могутъ измѣнять природу какъ во вредъ, такъ и на пользу себѣ. Въ Индіи въ провинціи Пенджабъ (Пятирѣчье), на западъ отъ берега рѣки Ченабъ когда то были деревни, сады, нивы. Они лежали по пути, гдѣ шли безпрерывно войны и шесть вѣковъ тому назадъ этими войнами, въ которыхъ засыпались колодцы и разрушались дамбы, край былъ превращенъ въ безводную пустыню. Но въ 1889 г. Англичане вновь возвели дамбу, провели оросительные каналы длиной въ общей сложности въ нѣсколько тысячъ верстъ. И вотъ черезъ 20 лѣтъ послѣ возникновенія этихъ работъ — на мѣстѣ песковъ появились сады, плантаціи хлопчатника, нивы, стали получаться великолѣпные урожаи. Такъ просто и много дешевле, чѣмъ разрушеніе, достигается увеличеніе площади земли, пригодной для жизни человѣка и повышеніе ея плодородія. И, конечно, Англичане сдѣлали это такъ именно потому, что уяснили себѣ значеніе для своей пользы этой дѣятельности, этихъ улучшеніи на пользу мѣстнаго населенія.

Чтобы закончить сказанное о воздѣйствіи человѣка на природу и въ то же время еще разъ напомнить о значеніи знанія и примѣненія его на пользу людей, упомяну еще, что и у насъ въ Россіи въ Туркестанѣ, благодаря обводненію, на мѣстѣ песковъ разводится теперь хлопчатникъ въ количествѣ составляющемъ почти одну треть того, что ввозилось къ намъ изъ другихъ странъ. Въ Средней Азіи мы также начинаемъ разводить чай, который ранѣе шелъ къ намъ только изъ Китая и Цейлона.

VIII. Капиталъ.

1. Что такое капиталъ?

До сихъ поръ все время рѣчь шла о трудѣ и природѣ, которые являлись передъ нами какъ два самостоятельныхъ фактора производства, какъ двѣ самостоятельныя силы, хотя и не равной степени и не одинаковаго значенія. Но уже ранѣе приходилось указывать на то, что человѣкъ изготовляетъ: 1) предметы непосредственнаго потребленія, 2) предметы, служащіе для изготовленія другихъ предметовъ и притомъ двоякихъ тоже: а) служащихъ матеріаломъ и б) служащихъ орудіями труда. Но, кромѣ того, говоря о сотрудничествѣ, мы указывали, что требуются большія помѣщенія, гдѣ собираются люди для работъ. Все это при современной постановкѣ производства составляетъ рядъ предварительныхъ условій, чтобы вести производство, т.-е. привести въ надлежащее взаимодѣйствіе трудъ и природу. Совокупность этихъ условій называется капиталомъ, о которомъ мы до сихъ поръ не говорили и это въ сущности не затрудняло насъ въ объясненіи того, что такое производство и какъ соединить человѣческія силы для созданія предметовъ потребленія. Уже изъ этого ясно, что капиталъ не есть что нибудь основное и самостоятельное въ дѣлѣ производства, а, между тѣмъ, существующій строй называютъ капиталистическимъ и безъ капитала теперь нельзя вести производства. „Капиталъ, какъ справедливо говоритъ Бюхеръ, опредѣляетъ, что мы пьемъ, что ѣдимъ, что читаемъ въ газетахъ и что смотримъ въ театрѣ". И нужно поэтому: 1) подробно остановиться на понятіи капитала, тѣмъ болѣе, что оно сложно, запутано, разнообразно и далеко не всѣми экономистами трактуется одинаково, а точнѣе сказать: всѣми экономистами выясняется различно; 2) надо выяснить, какъ образовался капиталъ исторически и почему получилъ такое всеобъемлющее значеніе.

Къ опредѣленію капитала можно подойти исходя изъ выше сказаннаго, что капиталомъ называется совокупность тѣхъ предварительныхъ условій для производства, которыя нужны, кромѣ самого человѣка и природныхъ условій, хотя и являются результатомъ

взаимодѣйствія того и другого. Исходя изъ этого, мы назовемъ капиталомъ предметы, созданные человѣческимъ трудомъ и предназначенные для дальнѣйшаго производства. Итакъ, созданные трудомъ,—слѣдовательно, 1) не земля, не силы природы; 2) предназначенные для дальнѣйшаго производства, слѣдовательно, не предметы непосредственнаго потребленія, необходимость которыхъ обусловливается строеніемъ человѣческаго организма, тѣмъ, что ему нужно для ѣды, питья и т. п.

Но на этомъ опредѣленіи, конечно, остановиться нельзя. Если по отношенію къ нему ограничиться сказаннымъ, то тогда игла для шитья бѣлья, приготовляемаго для собственнаго потребленія, полотно, миткаль и нитки для того—тоже слѣдуетъ признать капиталомъ. Капиталомъ будетъ съ этой точки зрѣнія и швейная машина, работой на которой швея добываетъ свой скудный заработокъ. Капиталомъ тогда придется назвать и тѣ несложныя орудія, которыми бродячій сапожникъ починяетъ на площади или на улицѣ худые сапоги тоже бродячему рабочему. Капиталомъ явится и топоръ-колунъ, которымъ за плату съ сажени дровоколъ рубитъ дрова, капиталомъ будутъ и сѣмена, которыя крестьянинъ-земледѣлецъ высѣваетъ въ землю, или кухонная посуда въ домѣ, необходимая для варки пищи. Но никто, конечно, не называетъ все это капиталомъ *при томъ условіи использованія ихъ*, которое мы имѣемъ здѣсь въ виду. Получается какъ будто полная произвольность въ приведенномъ опредѣленіи понятія капиталъ и полное противорѣчіе его тому, что даетъ жизнь.

Но противорѣчіе и произвольность даннаго опредѣленія какъ бы увеличиваются еще и тѣмъ, что съ другой стороны капиталомъ назовутъ тѣ деньги, которыя нужны на выдачу платы рабочимъ, т.-е. на покупку на нихъ средствъ продовольствія рабочихъ, а не для дальнѣйшаго производства; капиталистомъ назовутъ и лицо, имѣющее домъ, сдаваемый подъ жилыя квартиры, и приносящій ему доходъ, хотя тутъ ни о какомъ производствѣ рѣчи нѣтъ; капиталомъ будетъ и кухонная посуда, когда она у трактирщика служитъ для полученія дохода; процентныя бумаги тоже назовутся капиталомъ все равно на что бы не шелъ доставляемый ими доходъ, хотя бы онъ получался даже по займамъ на войну, т.-е. шелъ бы совсѣмъ не на производство. Дальше, тѣ же швейныя машины на фабрикѣ, гдѣ работаютъ рабочіе по найму, составятъ капиталъ. Кусокъ сукна или матеріи, чтобы сшить платье для себя самого или даже заказать его портному для собственнаго потребленія—не капиталъ, но таже матерія у портного для его давальцевъ или у фабриканта, изготовляемая на продажу—уже капиталъ, хотя и тамъ и тутъ матерія эта идетъ для дальнѣй-

шаго производства, т.-е. для изготовленія платья: но въ одномъ случаѣ для удовлетворенія своей потребности въ платьѣ, въ другомъ—для полученія путемъ этого изготовленія дохода, для извлеченія прибыли.

Здѣсь мы видимъ опять то же, что отмѣчалось и ранѣе, а именно: предметы, вещи имѣютъ то или иное значеніе не сами по себѣ, а въ зависимости отъ нашего отношенія къ нимъ, смотря по тому какое значеніе мы сами придаемъ имъ, что имъ приписываемъ. Такъ, истуканы, идолы, являющіеся созданіемъ рукъ человѣческихъ, получаютъ, однако, въ глазахъ создавшихъ ихъ значеніе боговъ всемогущихъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь и смерть поклоняющихся имъ, которые могутъ создать благополучіе человѣка и, наоборотъ, наказать его, ихъ надо умилостивлять, приносить имъ жертвы даже человѣческія. А, между тѣмъ, они не болѣе какъ куски глины или металла или дерева, которымъ придана опредѣленная форма трудами и искусствомъ тѣхъ же жертвоприносителей. Такъ и тутъ орудія и средства, добытыя людьми, принявшія опредѣленную форму и предназначенныя людьми же для извѣстнаго назначенія, получаютъ господствующее положеніе для постановки всего производства. Въ силу чего? Не по своимъ техническимъ свойствамъ. По этимъ свойствамъ они являются всетаки только орудіями труда для создавшаго ихъ человѣка, не болѣе. И съ этой точки зрѣнія они не могли бы насъ здѣсь интересовать.

Въ политической экономіи, какъ уже и выяснено, мы изучаемъ отношенія людей другъ къ другу, коренящіяся въ ихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ. И вотъ въ тѣхъ случаяхъ, когда орудія и средства производства предназначаются для производства съ цѣлью получить доходъ, т.-е. прибытокъ сверхъ того, что необходимо для непосредственнаго производства—этимъ намѣчается еще новое отношеніе къ людямъ и притомъ въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, если я произвожу не для своей семьи, а для того, чтобы вступить въ обмѣнъ, то тѣмъ намѣчаю отношеніе къ новымъ лицамъ, съ которыми и дѣлюсь произведеннымъ, но на иномъ началѣ, нежели въ предѣлахъ своей семьи. А съ другой стороны, если я использую эти средства не самолично или не только самолично, а привлекаю къ работѣ ими и наемный трудъ, то опять тутъ новыя отношенія съ участниками моего производства и опять не на томъ началѣ, какъ съ членами семьи, а на раздѣленіи результатовъ производства на другихъ условіяхъ. А такъ какъ безъ этихъ средствъ нельзя вести производство, то неимѣющіе ихъ, могутъ существовать и удовлетворять свои потребности только при томъ условіи, что ихъ допустятъ до производства обладатели этихъ средствъ. Отсюда такое идолопоклонство передъ капиталомъ и отсюда—изъ этихъ складывающихся людскихъ отношеній такое значеніе его, что и самое производство носитъ названіе капита-

листическаго, хотя въ основѣ его лежитъ трудъ, такъ какъ безъ приложенія труда къ тому, что составляетъ матеріальную сущность капитала—послѣдній мертвъ, бездѣятеленъ.

Итакъ, что же такое капиталъ и какъ сложилось, что предметы и не предназначенные для дальнѣйшаго производства являются капиталомъ?

При помощи предметовъ, предназначенныхъ для дальнѣйшаго производства, при помощи изготовленныхъ орудій, при помощи посѣва зерна, вообще, путемъ использованія продуктовъ своего труда не для посредственнаго потребленія, человѣкъ получаетъ возможность при затратѣ того же количества труда и за то же время пріобрѣсти больше, получить нѣкоторый избытокъ сравнительно съ тѣмъ, что онъ получалъ, не запасшись никакимъ орудіемъ или, собирая растенія, которыя дала природа безъ его труда. Направленіе своей дѣятельности въ эту сторону, а не на непосредственное потребленіе, возможно было, конечно, только уже при такой производительности труда, когда за удовлетвореніемъ непосредственныхъ потребностей, оставалось еще время и трудовыя силы на созданіе чего-либо иного: украшенія или орудія труда и т. д. Направляя свою дѣятельность на изготовленіе средствъ производства, человѣкъ увеличивалъ то, чѣмъ могъ располагать для удовлетворенія потребностей, получалъ, какъ уже сказано, прибытокъ. Отсюда эти средства и получили значеніе такихъ, которыя даютъ избытокъ, прибыль, то что можно назвать доходомъ, который явился результатомъ использованія этихъ средствъ. Обладаніе ими даетъ возможность получить этотъ избытокъ, этотъ доходъ. Вотъ они и являются капиталомъ. Но такъ какъ обладаніе ими, т.-е. этимъ капиталомъ даетъ возможность получать такой избытокъ, доходъ, то затѣмъ понятіе капитала переносится на все то, что даетъ возможность получать избытокъ, доходъ отъ того, что я имѣю. Отсюда и домъ, хотя бы предназначенный для жилья, но не для собственнаго потребленія и потому приносящій доходъ безъ использованія его для собственнаго жилья — тоже будетъ причисляться къ капиталу, какъ и деньги, положенныя въ банкъ и приносящія проценты, доходъ, равно, какъ и деньги, идущія на уплату рабочимъ.

Но и на этомъ не кончаются признаки того, что считается капиталомъ. Исторически условія сложились такъ, что средства производства скопились въ немногихъ рукахъ, а въ массѣ другихъ рукъ ихъ не оказалось, какъ не оказалось и обладанія природными средствами производства — землей. Для удовлетворенія же потребности въ пищѣ и т. д. надо прилагать трудъ къ тому, что создано природой, пользуясь орудіями, созданными трудомъ. Безъ капитала, понимая подъ нимъ средства производства, созданныя трудомъ, а не природой,

какъ уже замѣчено, обойтись нельзя. Отсюда необходимость для неимѣющихъ его обратиться для пользованія имъ къ владѣльцамъ капитала. Послѣдніе не только допускаютъ это, но даже привлекаютъ къ тому, но при условіи оставленія себѣ львиной доли изъ того, что явится результатомъ приложенія труда къ капиталу. И хотя капиталъ безъ труда мертвъ, но и трудъ безъ капитала и земли — безплоденъ. Отсюда является подчиненіе труда капиталу, существованіе наемнаго труда и необходимость въ немъ для извлеченія дохода изъ капитала, вслѣдствіе чего доходъ съ него можетъ получаться и безъ приложенія своего труда. Отсюда и получаемъ, что капиталъ — это предметы, созданные человѣческимъ трудомъ, предназначенные не для непосредственнаго потребленія, а для полученія отъ нихъ дохода, прибыли, путемъ предоставленія ихъ въ пользованіе другимъ лицамъ или привлеченія наемнаго труда для примѣненія ихъ къ производству.

2. Составныя части капитала.

Если мы, исходя изъ даннаго опредѣленія остановимся на выясненіи того, какіе же предметы составляютъ капиталъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ, то увидимъ, что это, во-первыхъ, не предметы природы, хотя владѣльцевъ большихъ участковъ земли и называютъ иногда капиталистами. Въ этомъ сказывается стремленіе перенести понятіе капитала и сюда вслѣдствіе того, что владѣніе землею можетъ обезпечивать доходъ безъ приложенія своего труда. Отсюда уже видно, насколько правильно данное мною объясненіе, что понятіе капитала перенесено на все, что приноситъ доходъ, хотя бы и не являлось средствомъ производства. Но все же земля, какъ и другія условія природы, существуютъ независимо отъ воздѣйствія человѣка и потому ихъ нельзя соединять въ одно съ тѣмъ, что не можетъ явиться безъ труда. Итакъ, изъ чего же состоитъ капиталъ?

Сюда, прежде всего, должны быть отнесены: 1) Всѣ денежныя средства, не предназначенныя для расходованія на непосредственное потребленіе, а имѣющіяся въ избыткѣ и приносящія доходъ, проценты, прибыль путемъ ли помѣщенія ихъ въ банкъ или торговое, промышленное, коммерческое предпріятіе. 2) Въ каждомъ предпріятіи промышленномъ къ капиталу относятся строенія, необходимыя для хода дѣла, т.-е. не только мастерскія, но и всѣ жилыя помѣщенія, необходимыя для работающаго или служащаго персонала. 3) Всѣ матеріалы, подлежащіе переработкѣ: хлопокъ, желѣзо, глина, всякое сырье и т. д. 4) Всѣ орудія производства, машины, приводы и т. д. 5) Всѣ вспомо-

гательные матеріалы; топливо, смазочныя масла и т. п. 6) Домашнія животныя, служащія для обработки земли, возки товаровъ, приведенія въ движеніе машинъ и т. д. 7) Земельныя улучшенія, т.-е. то, что сдѣлано для осушенія, орошенія земли, удобренія ея и т. п. 8) Къ капиталу же приходится отнести и готовые товары предназначенные для продажи, т.-е, опять-таки для полученія дохода, хотя бы они и состояли изъ предметовъ непосредственнаго потребленія. 9) Къ капиталу, наконецъ, согласно выясненному раньше, будетъ отнесено и все то, во что вложены денежныя средства для полученія этимъ путемъ дохода безъ приложенія собственнаго труда, слѣдовательно и дома, сдаваемые въ наемъ, экипажи и лошади у предпринимателя-извозчика, всякіе продукты въ лавкѣ торговца и т. д.

При отнесеніи, однако, различныхъ предметовъ къ капиталу, надо различать, какъ и на всемъ протяженіи ученія о хозяйствѣ, частную и общественную точку зрѣнія. Всѣ перечисленныя составныя части капитала являются таковыми съ частно-хозяйственной точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія сюда же надо отнести не только деньги, приносящія доходъ, но и векселя напр., или права на имущество другихъ, закладные напр., такъ какъ все это даетъ доходъ обладателю ихъ. Но съ народно-хозяйственной, съ общественной точки зрѣнія многое изъ этого не войдетъ въ составъ капитала. Тутъ строго надо различать то значеніе, которое могутъ имѣть тѣ или другіе предметы, какъ для удовлетворенія потребностей, такъ и для направленія трудовыхъ силъ, въ зависимости отъ чего находится широта и полнота удовлетворенія потребностей. Съ точки зрѣнія частнаго лица золотыя издѣлія, предметы роскоши, предметы, удовлетворяющіе чувству тщеславія, предметы прямо вредные, какъ запасы опіума, алкоголя, даже предметы, представляющіе собою фальсифицированные продукты, ни на что не годные, будутъ капиталомъ, такъ какъ въ нихъ вложено значительное количество труда и средствъ и отъ нихъ можетъ получаться доходъ, даже болѣе высокій, чѣмъ отъ многихъ другихъ предметовъ, имѣющихъ гораздо большее значеніе для людского благополучія. Съ точки зрѣнія общественной — это не капиталы, потому что народный доходъ отъ нихъ не увеличивается, т.-е. трудъ, направленный на производство ихъ, не ведетъ къ сокращенію времени и труда, потребныхъ на производство того, что составляетъ всеобщую потребность; напротивъ, отвлекая отъ этого трудъ, производство такихъ предметовъ уменьшаетъ производство болѣе необходимыхъ и тѣмъ удорожаетъ и затрудняетъ удовлетвореніе необходимыхъ потребностей для большинства населенія.

Съ этой точки зрѣнія, которая должна лежать въ основѣ хозяй-

ственной дѣятельности, съ точки зрѣнія правильнаго общественнаго разсчета относительно распредѣленія трудовыхъ силъ, капиталами можно считать только тѣ предметы созданные предшествующимъ трудомъ, которые служатъ не для непосредственнаго потребленія, а для дальнѣйшаго производства, хотя и тутъ, конечно, можетъ быть, эта дѣятельность направлена въ значительной долѣ ея, какъ это и есть, на производство напр., того, что служитъ къ изготовленію средствъ убійства и т. п. Но тутъ надо имѣть въ виду, что даже съ точки зрѣнія частной выгоды, которая тѣмъ обширнѣе, чѣмъ шире сбытъ продуктовъ, все же болѣе значительная часть труда направляется на предметы общаго спроса и поэтому наибольшая часть капиталовъ входитъ въ производство предметовъ общаго потребленія. Кромѣ того, какъ увидимъ далѣе, очень многіе предметы роскоши, не требуютъ большого количества труда на изготовленіе орудій для нихъ, такъ какъ тутъ требуется много ручного труда. Въ эти предметы, такимъ образомъ, входитъ та часть капитала съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, которая составляетъ сырой матеріалъ. Но и за всѣмъ тѣмъ все же можно думать, что въ составъ капитала съ народно-хозяйственной точки зрѣнія входятъ по преимуществу предметы дѣйствительно предназначенные для дальнѣйшаго производства. Но къ капиталу съ народно-хозяйственной точки зрѣнія нельзя причислять ничего того, что не служитъ для дальнѣйшаго производства, хотя бы и приносило доходъ частному лицу. Жилой домъ—есть просто жилой домъ и если бы въ немъ жилъ тотъ, кто его построилъ, то онъ служилъ бы только для непосредственнаго потребленія, а не для того, чтобы при посредствѣ его становиться въ такія отношенія къ другимъ лицамъ, чтобы отвлекать на содержаніе владѣльца дома часть труда живущихъ въ немъ. Тѣ денежныя средства, изъ которыхъ выплачивается заработная плата, также, съ народно-хозяйственной точки зрѣнія,—не капиталъ. Это—средства продовольствія рабочихъ. Съ частной точки зрѣнія, гдѣ наемные рабочіе—въ сущности тоже орудія труда,—заработная плата ихъ—капиталъ, потому что выплачивается имъ для полученія дохода отъ этихъ денежныхъ средствъ. Съ народно же хозяйственной точки зрѣнія это—не капиталъ уже потому, что не рабочіе существуютъ для производства, а оно для людей, т.-е. для рабочихъ.

Не упуская изъ виду отмѣченныхъ здѣсь точекъ зрѣнія, можно всегда выдѣлить изъ даннаго состава имущества капиталъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, какъ то, что приноситъ доходъ не въ ущербъ тѣмъ или другимъ лицамъ и никакъ нельзя считать съ этой точки зрѣнія капиталомъ то, что иначе и не можетъ приносить доходъ, какъ перекладывая его изъ одного кармана въ другой.

Правда, и тутъ надо имѣть въ виду опять-таки это перенесеніе доходовъ изъ одного кармана въ другой только въ тѣхъ предѣлахъ, которые обнимаютъ совокупность ихъ въ предѣлахъ одного народа, одной страны. Такъ, это необходимо хотя бы для того, чтобы, опредѣляя, напр., доходъ даннаго государства, не подсчитать два раза, напр., доходъ лица, которое уплатило долгъ и въ этой уплатѣ еще доходъ того, кому онъ уплаченъ. Но, кромѣ того, хотя, согласно выясненному въ первой главѣ, современное хозяйство и является общественнымъ въ томъ смыслѣ, что не замыкается въ предѣлахъ одного государства, а обнимаетъ совокупность ихъ, тѣмъ не менѣе все же хозяйство одного народа выдѣляется отъ хозяйства другого, какъ и въ предѣлахъ одной страны, хозяйство одного лица отъ хозяйства другого. Вслѣдствіе этого приходится считаться съ тѣмъ, что капиталы переносятся изъ одной страны въ другую и далеко не всегда съ цѣлями производительными. Достаточно указать на иностранные займы для веденія войны. А въ такомъ случаѣ, стало-быть, 1) назначеніе этихъ денежныхъ средствъ не производственное, а 2) приносимый ими доходъ является тоже перекладываніемъ средствъ изъ одного кармана въ другой. Но здѣсь приходится это считать капиталомъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, такъ какъ оно можетъ приносить доходъ и инымъ путемъ и, во-вторыхъ, для данной страны, ссужающей другую денежными средствами, эти средства служатъ источникомъ дохода для всей страны.

Въ связи съ выясненіемъ состава капитала укажу еще на подраздѣленія капитала на основной и оборотный. Изъ средствъ производства одни имѣютъ характеръ болѣе или менѣе прочный, т. е. они входятъ въ процессъ производства въ теченіе ряда лѣтъ, не исчезаютъ, не уничтожаются при производствѣ даннаго количества продуктовъ. Трудъ, затраченный на производство ихъ, распредѣляется на продукты, производимые въ теченіе ряда лѣтъ. Здѣсь, такъ-сказать, сотрудничаютъ въ современномъ производствѣ предшествующія поколѣнія, хотя это сотрудничество существуетъ вообще, хотя бы въ примѣненіи въ производствѣ того, что являлось работой мысли людей давно прошедшихъ временъ. Этимъ еще разъ устанавливается взаимная связь людей въ производствѣ.

Цѣнность средствъ производства, входящихъ въ процессъ его не единично, а рядъ лѣтъ, какъ зданія, машины, прочныя земельныя улучшенія и т. п. разлагаются тоже на цѣнность предметовъ, произведенныхъ въ теченіе ряда лѣтъ. Всѣ такіе капиталы и считаются основнымъ капиталомъ. Средства производства, какъ сырой матеріалъ, хлопокъ, желѣзо и т. д., дрова, уголь, топливо вообще и т. п., входятъ въ производство одинъ разъ; они, или совершенно уничтожаются

послѣ перваго раза (сгораютъ, напр.), или выходятъ изъ него въ другомъ видѣ, переходя цѣликомъ въ новый продуктъ. Эти средства производства называются оборотнымъ капиталомъ. Цѣнность ихъ переносится цѣликомъ на тотъ продуктъ, въ составъ изготовленія котораго они тоже вошли всецѣло.

Въ связи съ этимъ различіемъ замѣчу еще, что въ сельскомъ хозяйствѣ и въ обрабатывающей промышленности, а равно и въ различныхъ видахъ послѣдней соотношеніе между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ различно. Различно оно въ зависимости, какъ увидимъ ниже, и отъ размѣровъ сбыта, такъ какъ въ связи съ нимъ стоитъ и созданіе крупныхъ предпріятій, т.-е. производства въ большомъ размѣрѣ и мелкой промышленности. Отношеніе же основного и оборотнаго капитала тамъ и тутъ тоже неодинаково.

Говоря о подраздѣленіи капитала, надо отмѣтить еще дѣленіе его на п о с т о я н н ы й и п е р е м ѣ н н ы й, предложенное К. Марксомъ. Оно не совпадаетъ съ дѣленіемъ на основной и оборотный. К. Марксъ исходитъ изъ того положенія, что цѣнность продуктовъ опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда. При этомъ цѣнность того, что составляетъ матеріальныя условія труда, входитъ цѣликомъ, безъ перемѣны въ цѣнность продукта. Такъ, цѣнность сырыхъ матеріаловъ, вообще тѣхъ средствъ производства, которыя по приведенному выше подраздѣленію отнесены къ оборотному капиталу, цѣликомъ вносится въ цѣнность продукта, куда вошелъ этотъ оборотный капиталъ. Цѣнность основного капитала входитъ тоже въ новый продуктъ въ той части его, какая вошла на созданіе этого продукта. Если основной капиталъ существуетъ 10 лѣтъ, то на продуктъ даннаго года переносится одна десятая часть цѣнности этого основного капитала — безъ всякой перемѣны цѣнности этой части въ новомъ продуктѣ. Но капиталистическое производство ведется ради полученія прибыли; слѣдовательно, цѣнность новаго продукта выше того, что стоили израсходованныя на то орудія и средства производства. Съ точки зрѣнія капиталиста въ средства производства, и при томъ оборотныя, входятъ и деньги, выданныя рабочимъ за трудъ. Эта часть оборотныхъ средствъ, т. е. ихъ цѣнность войдетъ тоже въ цѣнность новаго продукта, но уже въ измѣненномъ видѣ. Если бы она вошла въ той цѣнности, въ той суммѣ расхода, какая произведена была на оплату труда рабочихъ, то откуда же взялась бы прибыль, ради которой ведется производство. Прибыль создается тѣмъ, что новый продуктъ имѣетъ болѣе высокую цѣнность, нежели цѣнность составныхъ частей расхода, произведеннаго на приготовленіе его. Эта болѣе высокая цѣнность является результатомъ труда рабочаго. Куску желѣза въ сыромъ видѣ, непригоднаго для

производительнаго пользованія имъ, рабочій придалъ своимъ трудомъ форму молотка или сосуда, годнаго на многое, и тѣмъ увеличилъ, перемѣнилъ цѣнность этого куска желѣза. Но получаетъ рабочій въ видѣ заработной платы цѣнность только того, что необходимо на содержаніе рабочаго, а остальное составляетъ прибыль капиталиста, ради которой и ведется предпріятіе.

Итакъ, та часть капитала, которая затрачена на оплату труда рабочихъ, повела къ перемѣнѣ цѣнности продукта, на производство котораго затраченъ весь капиталъ, а потому эта часть капитала и носитъ названіе перемѣнной. Независимо отъ признанія правильной или нѣтъ теоріи цѣнности К. Маркса, все же нельзя отрицать, что именно трудъ рабочаго измѣняетъ, если не цѣнность, то значеніе того, что вошло въ составъ произведеннаго продукта: трудъ рабочаго создалъ тотъ предметъ, который имѣлся въ виду, и уже поэтому, разъ этотъ трудъ выражается для капиталиста въ формѣ затраты капитала, слѣдуетъ отличить и выдѣлить эту часть затраты изъ другихъ. Слѣдуетъ это, далѣе и потому, что эти затраты капитала съ народно-хозяйственной точки зрѣнія являются не капиталомъ, а средствами содержанія рабочихъ.

3. Образованіе капитала.

Теперь слѣдуетъ остановиться на выясненіи возникновенія и происхожденія капитала. Гдѣ источникъ его, откуда и какъ появился онъ? Говорятъ, что капиталъ явился изъ сбереженія. Разсмотримъ это.

Прежде всего, для возможности обратить свой трудъ на производство предметовъ, идущихъ на дальнѣйшее производство, а не на непосредственное потребленіе, необходимо, какъ уже и отмѣчено, чтобы производительность труда возрасла настолько, что человѣкъ за время производства изготовитъ болѣе того, что ему необходимо на потребленіе за это время и нѣкоторую часть его впереди. Слѣдовательно, первоначальный избытокъ этихъ средствъ создается не изъ сбереженія, а изъ повышенія производительности труда. Чтобы сберегать нужно было, чтобы появилось то, что можно сберечь, непосредственное, немедленное потребленіе чего, не составляетъ необходимости. Сбереженіями въ лучшемъ случаѣ, говоритъ Платтеръ, можно лишь объяснить, почему эти, произведенныя сверхъ необходимости для непосредственнаго потребленія цѣнности или предметы, остались у отдѣльнаго лица.

„Что сбереженіе, говоритъ онъ, является лишь формой, въ которой въ денежномъ хозяйствѣ возникаетъ владѣніе капиталомъ, господство надъ средствами производства и трудомъ, это, по на-

шему мнѣнію, несомнѣнно, уже потому что капиталъ вообще существуетъ только въ денежномъ хозяйствѣ и что вообще безъ потерь и вреда можно сохранять и накоплять въ любомъ количествѣ только деньги. Если кто-либо, получивъ перваго января весь свой годовой доходъ деньгами, распредѣлитъ свои годовые расходы такъ, что всей суммы ему хватитъ на цѣлый годъ, то это надо надѣяться, никто не назоветъ дѣланіемъ сбереженій. Въ натуральномъ хозяйствѣ такимъ образомъ поступаютъ съ предметати потребленія; они должны быть израсходованы — тогда какъ матеріалы и орудія труда не могутъ быть израсходованы непосредственно на удовлетвореніе потребностей. Послѣдніе расходуются, согласно своимъ свойствамъ, включаясь въ безпрерывный процессъ производства. Здѣсь, слѣдовательно, нужна безпрерывная работа, а это не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ сбереженіемъ. Такихъ свободныхъ рабочихъ силъ, которыя можно было бы содержать и которымъ можно было бы давать работу за счетъ средствъ существованія, отнятыхъ у собственнаго потребленія — нѣтъ. Можно только съ помощью имѣющихся силъ природы и рабочихъ силъ стараться достигнуть возможно большаго успѣха; успѣхъ же выражается въ качествѣ и количествѣ полученныхъ средствъ потребленія, которыя и должны быть потреблены. Увеличенія богатства здѣсь можно достигнуть только путемъ иного распредѣленія или иной организаціи труда и его большей интенсивности. Все это не будетъ, однако, сбереженіемъ".

Для рѣшенія вопроса откуда явился капиталъ, т. е. такое скопленіе въ однѣхъ рукахъ средствъ производства, что они не могутъ быть использованы приложеніемъ труда одного лица, а должны быть или отданы въ наймы или примѣнены наемными руками — всего лучше обратиться къ прошлому и посмотрѣть пути созданія капитала.

Мы уже видѣли, что рабство получило начало давно и обладаніе рабами приносило почетъ, такъ какъ давало обладателю ихъ избытокъ продуктовъ. Но само пріобрѣтеніе рабовъ не являлось результатомъ сбереженія, какъ извѣстно. Нельзя назвать сбереженіемъ и ту эксплоатацію, которой подвергали ихъ и которая существовала еще въ недавнее время по отношенію къ неграмъ и краснокожимъ индѣйцамъ въ Америкѣ. Извѣстно и то, что эти послѣдніе почти вымерли и это произошло оттого, что переселенцы безпощадно уничтожали бизоновъ, доставлявшихъ главныя средства существованія индѣйцамъ. Это расхищеніе средствъ природы было не сбереженіемъ, а расточеніемъ того, что краснокожіе, если не сберегали, не накопляли, то берегли, охраняли.

Таковы первоначальные источники сосредоточенія средствъ продовольствія и средствъ производства въ немногихъ рукахъ. Въ осно-

вѣ ихъ не сбереженіе, а насиліе. Но необходимо имѣть въ виду, что переживаемому нами періоду промышленнаго капитализма, предшествовалъ капитализмъ торговый и ростовщическій, продолжающій существовать и теперь. Что же такое торговый капитализмъ? Основныя черты образованія его намъ знакомы уже изъ 2-й главы, гдѣ говорится о началѣ торговли, какъ она возникла, какъ она велась и ведется еще и до сихъ поръ тамъ, гдѣ господствуетъ правило: „Не обманешь, не продашь". Надо при этомъ припомнить еще, что особенно благопріятная почва для созданія путемъ торговли крупныхъ капиталовъ получалась при сношеніи „культурныхъ" народовъ съ первобытными племенами. Какъ примѣръ того, какъ тутъ безъ всякой попытки къ сбереженію могли получаться большіе избытки, можно указать на то, что отъ сибирскихъ инородцевъ русскіе купцы получали за чугунный котелокъ, стоющій нѣсколько копѣекъ, такое количество соболиныхъ шкурокъ, стоющихъ сотни рублей, которое вмѣщалось въ этотъ котелокъ. Точно также въ Америкѣ, Перу, слитки золота вымѣнивались на ничтожные предметы.

„Примитивная колоніальная торговля, справедливо говоритъ Зомбартъ, была ничѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ грабежомъ неспособныхъ къ сопротивленію народовъ". Такъ создавался торговый капитализмъ, который потомъ, какъ это изображаетъ А. Смитъ, привелъ къ крушенію господства феодаловъ. Крестовые походы познакомили ихъ съ новыми предметами, и купцы, доставлявшіе послѣдніе, побудили феодаловъ, вмѣсто траты своихъ продовольственныхъ запасовъ на гостепріимство и содержаніе дворни, составлявшей ихъ войско, отдавать ихъ за различныя бездѣлушки. Торговцы богатѣли и упрочивали свое положеніе, а феодалы не могли удержать своей дворни, и, какъ говоритъ А. Смитъ, отдали свое первородство за чечевичную похлебку.

На ряду и одновременно съ торговымъ капитализмомъ, при которомъ зарабатывалось до 2000% прибыли, а обычно 400%, развивался и ростовщическій капитализмъ, приносившій тоже не меньше. При постепенномъ развитіи мѣновыхъ отношеній и при переходѣ все болѣе и болѣе къ денежному хозяйству развивалась и необходимость обладанія деньгами для правильнаго хода своего производства. А это, при неразвитости еще мѣноваго оборота, давало возможность ссужать деньгами и какими либо рѣдкими предметами, даже гвоздемъ напр., на весьма тяжелыхъ условіяхъ и даже брать должника въ кабалу. Отсюда совершенно справедливымъ является утвержденіе, что для первоначальнаго накопленія капитала, образованія его, сосредоточенія средствъ производства въ однѣхъ рукахъ, необходимой „предпосылкой является господство человѣка надъ человѣкомъ, надъ его трудомъ".

Къ этому же господству велъ и захватъ земель съ сидящими на нихъ, что тоже способствовало накопленію капитала.

Но капитализмъ торговый и ростовщическій не создавалъ ничего новаго. Онъ только расхищалъ то, что уже было создано трудомъ, и собиралъ, сосредоточивалъ это въ рукахъ торговца или ростовщика. Этимъ однако онъ подготовлялъ почву для появленія промышленнаго капитализма. Послѣдній уже не разрушаетъ, а создаетъ. Почва для этого и дана была тѣмъ, что съ одной стороны денежныя средства, за которыя можно пріобрѣсти все, сосредоточились въ крупныя суммы, а съ другой тѣ, изъ рукъ которыхъ они были изъяты, остались безъ источниковъ существованія.

„Лишеніе работниковъ земли лежитъ въ основѣ созданія большаго числа лицъ, вынужденныхъ наниматься въ рабочіе, т.-е. это лежитъ въ основѣ отдѣленія человѣка отъ средствъ производства".

Этимъ, между прочимъ обусловливается связь аграрнаго вопроса съ рабочимъ, уясненіе чего для насъ особенно важно въ настоящее время. У насъ промышленный капитализмъ получилъ просторъ и благопріятную почву для своего развитія именно по отмѣнѣ крѣпостнаго права, освободившаго крестьянина отъ стѣсненія по передвиженію и приложенію своего труда, но освободившаго его и отъ значительной части земли, что создало рабочаго, не имѣющаго ни земли, ни другихъ средствъ производства и существованія, кромѣ продажи своего труда, превратившагося въ товаръ. Путемъ лишенія крестьянъ массы земли, предоставлявшейся въ ихъ пользованіе, образовалось малоземелье и безземелье, гнавшее ихъ на фабрику. Единовременно съ этимъ произошло освобожденіе дворовыхъ уже прямо безъ земли. Въ Англіи прямо крестьяне изгонялись и земли ихъ захватывались для шерстяной мануфактуры, для разведенія овецъ, что дало основаніе сказать Томасу Мору въ его „Утопіи", что такія кроткія животныя, какъ овцы, пожираютъ людей.

Съ одной стороны земля, сдаваемая въ наймы, присоединяется къ капиталу, съ другой создаются пролетаріи.

Запрещается выселеніе — эмиграція, все равно какъ и у насъ первоначально по отмѣнѣ крѣпостнаго права запрещалось переселеніе.

Такимъ образомъ, торговый и ростовщическій капитализмъ образовалъ уже средства производства (капиталы), превышающія то, что допускаетъ приложеніе къ нимъ труда одного лица. Съ другой стороны тѣ же стремленія и способы, которыя руководили собираніемъ средствъ, повели и къ созданію избытковъ трудовыхъ силъ, не имѣющихъ средствъ для примѣненія ихъ. На ряду съ этимъ постепенно выработалось раздѣленіе труда въ мастерской, измѣнилась техника

производства—и тогда выступилъ на сцену исторіи уже во всеоружіи промышленный капитализмъ, соединившій все это въ одно цѣлое, т.-е. перешедшій къ расходованію капитала и этимъ путемъ увеличивающій его.

Итакъ, приходимъ къ тому, что капиталы создаются и накопляются не только не сбереженіемъ, а даже расходованіемъ денежныхъ средствъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже знаемъ, что производство раздѣляется на производство предметовъ потребленія и предметовъ для дальнѣйшаго производства. Вотъ на послѣдніе и расходуется капиталъ, превращая денежныя средства въ средства производственныя, а послѣднія, путемъ привлеченія къ нимъ живого труда безземельнаго пролетаріата, въ товарный капиталъ. Такимъ путемъ, капиталистъ, предприниматель организуетъ производство и опредѣляетъ что производить, сколько производить. Капиталъ, слѣдовательно представляетъ собою организующую силу производства и силу направляющую трудъ, управляющую имъ, и черезъ то опредѣляющую и потребленіе общества, что именно, какого качества и сколько чего оно можетъ потреблять. Это и есть капитализмъ.

На этомъ пути, на этой почвѣ капиталъ тоже продолжаетъ „эксплоатацію человѣка человѣкомъ“, господство надъ его трудомъ, но онъ представляетъ тутъ уже силу не только разрушающую, но и созидающую и во-вторыхъ, пріемы господства надъ трудомъ иные. Это уже не примѣненіе грубой физической силы, какъ во многихъ предыдущихъ случаяхъ. Это уже примѣненіе усовершенствованной техники, пріемовъ научнаго знанія и при помощи людей науки и знанія.

4. О машинахъ.

Въ числѣ мѣръ техническаго усовершенствованія, какъ для повышенія производительности, такъ и для усиленія эксплоатаціи труда, особенную роль играютъ машины при ихъ первоначальномъ примѣненіи. Казалось бы, это должно быть иначе, такъ какъ примѣненіе машинъ: 1) замѣняетъ тяжелую, непосильную для человѣка работу—механическимъ двигателемъ, 2) ускоряетъ производство и стало быть уменьшаетъ время на необходимый трудъ, и тѣмъ примѣненіе ихъ должно бы было облегчать положеніе трудящихся. Такъ на это и смотрѣли древніе.

„Когда, мечтаетъ Аристотель—величайшій мыслитель древности—когда каждый рабочій инструментъ могъ бы исполнять свойственную ему работу по приказанію или по предчувствію—когда челноки ткача

ткали бы сами собой, то мастеру не надо бы было помощниковъ, а господину рабовъ".

Когда была изобрѣтена водяная мельница, то греческій поэтъ Антипаросъ—современникъ Цицерона—привѣтствовалъ ее, какъ освободительницу рабовъ и возстановительницу золотого вѣка: „Берегите, восклицаетъ онъ, ваши руки, о, мельничихи, и спите безмятежно! Пѣтухъ напрасно будетъ извѣщать васъ о наступленіи утра! Део поручила работу дѣвушекъ нимфамъ и теперь прыгаютъ онѣ легко по колесамъ, такъ что сотрясенныя оси съ ихъ спицами вертятся и приводятъ въ круговое движеніе камень. Будемъ же жить жизнью отцовъ, и не трудясь пользоваться дарами, которые богиня даетъ намъ".

Но вотъ что было дальше.

Въ началѣ 16 в. въ Данцигѣ была изобрѣтена машина, приготовляющая отъ 4 до 6 тканей; но городской совѣтъ, имѣя въ виду, что это открытіе можетъ обратить массу рабочихъ въ нищихъ—запретилъ вводить ее, а самого изобрѣтателя велѣлъ тайно утопить или удушить.

Въ 1629 г. такая же машина была первый разъ употреблена въ Лейденѣ. Возставшіе ткачи требовали запрещенія ея, но пользованіе ею было допущено съ извѣстными ограниченіями.

Нѣсколько позднѣе въ томъ же городѣ былъ изобрѣтенъ ткацкій станокъ, при помощи котораго одинъ работникъ могъ приготовить съ большей легкостью и въ большемъ количествѣ ткани, чѣмъ въ одинаковое время нѣсколько рабочихъ, не употреблявшихъ станка. Вслѣдствіе возникшихъ жалобъ и неудовольствій употребленіе станка было запрещено. Въ 1676 г. эта же машина была запрещена въ Кельнѣ, а введеніе ея въ Англіи вызвало волненіе между рабочими. Въ 1685 г. императорскимъ эдиктомъ употребленіе ея было запрещено во всей Германіи. Въ Гамбургѣ она была публично сожжена по приказанію магистрата. Въ 1719 г. подтвержденъ былъ запретъ употреблять ее и только въ 1765 г. допущено было употребленіе ея въ Саксоніи.

Въ теченіе 17 столѣтія почти вся Европа пережила возмущенія рабочихъ противъ ленточнаго станка. Вѣтряная, пильная мельница, заведенная близъ Лондона въ концѣ первой трети 17 столѣтія, была разрушена народомъ. Когда въ 1758 г. была поставлена въ Англіи первая машина для стрижки овецъ, приводимая въ движеніе водою, то 100,000, лишившихся вслѣдствіе этого работы, подожгли ее.

Въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ 19 столѣтія происходило громадное разрушеніе машинъ, вслѣдствіе введенія парового ткацкаго станка. Такое же возмущеніе происходило въ Шеффильдѣ въ 1865 г.

Въ 1845 г. голландцами былъ построенъ буксирный пароходъ, но пользованіе имъ вызвало со стороны рабочихъ, занятыхъ при лоша-

диной тяги, рѣзкое противодѣйствіе, и съ обѣихъ сторонъ Рейна выступили толпы съ оружіемъ, стрѣляли изъ пушекъ по пароходу, и на время заставили прекратить его движеніе. Это то же почти, что у насъ происходило въ 1906 г. по каналамъ Вышневолоцкому и др. воднымъ системамъ, гдѣ масса населенія существовала заработкомъ отъ лошадиной тяги по каналамъ этихъ системъ.

Нѣчто подобное происходило въ Англіи при постройкѣ желѣзной дороги Ливерпуль—Манчестеръ. Прядильная машина Харгревса нигдѣ не преслѣдовалась сильнѣе, какъ въ мѣстѣ жительства ея изобрѣтателя, гдѣ ее разрушали.

Жизнь Жакарда (изобрѣтателя станка для узорчатой ткани) часто подвергалась опасности.

Изобрѣтатель парового ткацкаго станка Кэй долженъ былъ бѣжать изъ своего города, послѣ изгнанія за свое изобрѣтеніе уже изъ 2-хъ городовъ (1745 г.). Первая паровая мельница въ Англіи, построенная въ 1786 г., была сожжена въ 1791 г.

Въ 1886 г. въ Ливерпулѣ были еще стачки противъ введенія нѣкоторыхъ машинъ. По отчету Webb за 1898 г. въ Шеффильдѣ 2 или 3 союза рабочихъ противодѣйствуютъ введенію новыхъ машинъ въ разныхъ отрасляхъ ножоваго производства, для которыхъ нуженъ особый классъ рабочихъ. Въ уставѣ одного союза рабочихъ отъ 1887 г. существуетъ запретъ его членамъ заниматься при машинахъ подъ страхомъ довольно крупнаго штрафа.

Еще и въ настоящее время часто встрѣчается противодѣйствіе введенію сберегающихъ работу машинъ. И сильнѣе всего именно въ Англіи, гдѣ рабочіе пріобрѣли наибольшую силу и значеніе. Борьба ведется въ разной формѣ.

Въ 1901 г. (американецъ Vanderlip) по Европѣ собралъ свѣдѣнія и въ результатѣ изслѣдованія пишетъ. „Только съ большой трудностью удается ввести на англійской фабрикѣ машины, сберегающія трудъ, которыя безусловно необходимы, чтобы поддержать фабрики на той высотѣ, которая дѣлаетъ ихъ способными выдерживать международное соперничество. Союзы, пишетъ онъ, проявляютъ противодѣйствіе въ разной формѣ... Пока наша (американская) промышленность обезпечена въ дѣятельномъ содѣйствіи нашихъ рабочихъ, какъ это до сихъ поръ еще существуетъ, какъ правило, мы всегда будемъ имѣть преимущество предъ Европой, несмотря на нашу болѣе чѣмъ вдвое высшую заработную плату. Но мы потеряемъ это преимущество, если у рабочихъ явятся такіе же взгляды, какъ въ Европѣ".

Но также и англичанинъ Ar. Schadwell, путешествовавшій съ той же цѣлью съ 1892 г., говоритъ о подобныхъ же противодѣй-

ствіяхъ въ послѣднее время. Такъ происходитъ дѣло съ введеніемъ одного ткацкаго станка въ Англіи, который въ Америкѣ уже введенъ, а въ Англіи его рѣшились ввести на одной фабрикѣ только въ 1904 г., чрезъ что много ткачей лишилось работы.

Одинъ нѣмецкій посланникъ говоритъ, что до сихъ поръ союзы рабочихъ въ Германіи препятствуютъ введенію машинъ и гдѣ они вводятся, то стремятся при возвышеніи платы понизить производительность, и приводитъ рядъ примѣровъ тому. Изобрѣтенныя въ Америкѣ машины, заказанныя англичанами, были во многихъ случаяхъ не примѣняемы работодателями, такъ какъ рабочіе (члены союзовъ) намѣренно такъ плохо и медленно работали на нихъ, что это не представляло никакого успѣха сравнительно съ прежнимъ.

Но чѣмъ же вызывается такое отрицательное отношеніе рабочихъ къ введенію такого средства сокращенія и облегченія труда, какъ машины? А тѣмъ, что по словамъ Д. С. Милля, это еще вопросъ, облегчили ли всѣ сдѣланные до сихъ поръ механическія изобрѣтенія дневной трудъ, хотя одного человѣческаго существа.

Приведя эти слова, Карлъ Марксъ говоритъ, но это, т.-е. облегченіе человѣческаго труда и „не составляетъ цѣли машинъ, примѣняемыхъ по капиталистическому способу".

Въ чемъ же тутъ дѣло? Дѣло въ томъ, что задачей капиталистическаго производства является извлеченіе прибыли. Получается нѣчто совершенно непонятное. Производство ведется для удовлетворенія потребностей населенія. Въ этомъ его основная задача. И потому, кажется, нельзя говорить, что задача его извлеченіе прибыли, а между тѣмъ это такъ. Удовлетвореніе потребностей, конечно, остается въ силѣ уже потому, что то, что не удовлетворяетъ ни чьей потребности, не найдетъ покупателей и не принесетъ прибыли. Поэтому и при капиталистическомъ производствѣ нельзя не имѣть въ виду потребностей. Можно производить только то, что находитъ спросъ, безъ этого нельзя получить прибыли, реализировать ея. Но такъ какъ орудія и средства производства, становящіяся капиталомъ въ капиталистическомъ производствѣ, примѣняются къ дѣлу ради извлеченія прибыли—это прямая и основная задача капиталистическаго производства, то потребности населенія и принимаются во вниманіе лишь по стольку, по сколько безъ этого нельзя получить прибыль. Отсюда, нѣтъ и не можетъ быть надлежащаго вниманія къ дѣйствительному удовлетворенію потребностей, населенія. Важно лишь сбыть товаръ съ рукъ по цѣнѣ дающей прибыль. А для этого надо вызвать, хотя бы искусственную потребность, но лишь у тѣхъ, кто имѣетъ покупательныя средства, а до остального населенія, въ томъ числѣ и до рабочаго, нѣтъ дѣла тому, кто гонится за прибылью. Слѣдствія этого придется отмѣтить еще и далѣе.

И если таково отношеніе къ потребителямъ вообще, которые не являются руководителями и организаторами производства, т.-е. въ сущности ко всему населенію, то не можетъ быть иначе и по отношенію къ рабочимъ. Напротивъ здѣсь, въ особенности при примитивныхъ формахъ и первоначальныхъ стадіяхъ развитія капитализма, потребности рабочихъ еще менѣе имѣются въ виду. Рабочій разсматривается не какъ человѣческое существо съ опредѣленными потребностями, а какъ одно изъ орудій производства, но такихъ безъ которыхъ обойтись нельзя. Несмотря на это послѣднее, все же имъ дорожатъ менѣе, чѣмъ дорожили рабами, которые составляли имущество, купленное или могущее быть проданнымъ; менѣе даже, чѣмъ рабочими животными, такъ какъ послѣднія тоже составляютъ имущество, составную часть капитала, а въ немъ то и признается вся сила производства. Отсюда логически слѣдуетъ, что рабочіе получаютъ изъ всего производства наименьшее изъ того, что безусловно необходимо, чтобы они могли работать; при этомъ и истощеніе силъ однихъ рабочихъ ничего не измѣняетъ въ постановкѣ дѣла, такъ какъ на смѣну однихъ тотчасъ приходятъ другіе безъ всякаго ущерба для капитала: это, вѣдь, не купленное имущество, какъ рабы или животные. И это тѣмъ болѣе выходитъ такъ, что безземельнаго населенія, ищущаго возможности работать и тѣмъ питаться, достаточно; для того то и производились „очистки“ имѣній и другіе пріемы обезземеленія. Кромѣ того, развитіе капиталистическаго производства все болѣе и болѣе разрушая прежніе экономическіе устои, безпрерывно прибавляетъ такое населеніе, которое лишено другихъ источниковъ существованія, кромѣ возможности идти на работу въ капиталистическія предпріятія.

Но если все это такъ, (а это именно такъ), то съ точки зрѣнія капитала и прибыли, изъ за полученія которой онъ примѣняется къ дѣлу, чѣмъ менѣе изъ всего труда затрачиваемаго рабочимъ необходимо на его содержаніе, т.-е. чѣмъ ниже его заработная плата, тѣмъ выше прибыль, тѣмъ выгоднѣе производство. Но заработная плата тѣмъ ниже, чѣмъ больше ищущихъ заработка. Примѣненіе машинъ какъ разъ и ведетъ къ возможности сократить какъ число нанимаемыхъ рабочихъ, такъ и понизить заработную плату. Работая на машинѣ, рабочій произведетъ въ теченіи того же времени больше продукта, то же, что идетъ на его содержаніе, остается той же величиной, т.-е. въ общей суммѣ всего произведеннаго представляетъ меньшую долю, причемъ вдобавокъ еще и содержать то приходится меньшее число рабочихъ. Вотъ это то и составляетъ цѣль примѣненія машинъ при капиталистическомъ производствѣ.

Съ этой точки зрѣнія и надо разсматривать машины и послѣд-

ствія ихъ примѣненія при капиталистическомъ способѣ производства.

Но что такое машина? Чѣмъ и какъ она производитъ такія послѣдствія, что вызываетъ противодѣйствіе рабочихъ? Уаттъ, изобрѣтшій прядильную машину, охарактеризовалъ ее, какъ „машину, чтобы прясть безъ помощи пальцевъ," слѣдовательно, какъ замѣну человѣческой руки. Разсматриваемая въ цѣломъ, машина состоитъ изъ 3-хъ частей: двигатель машины, передаточный инструментъ и механическій инструментъ или рабочая машина. Этой третьей частью и произведена промышленная революція 18 вѣка. Въ ней, въ 3-ей части инструменты тѣ же и исполняетъ она то, что прежде исполнялъ работникъ руками и своими инструментами. Но разница въ томъ, что число рабочихъ инструментовъ, которыми можетъ работать человѣкъ, ограничено числомъ органовъ его тѣла. Машина же jenny, напр., съ самаго начала работала на 12 и 18 веретенахъ, чулочно-вязальная машина работаетъ заразъ на 1000 спицахъ. Человѣку остается только двигательная сила, надзоръ и исправленіе ошибокъ. Для пользованія такой рабочей машиной является необходимымъ примѣненіе парового двигателя, что уже и вызвало полный переворотъ въ промышленности.

Итакъ, машина въ ея полномъ видѣ представляетъ собою неодушевленный механизмъ, который работаетъ заразъ цѣлою массою инструментовъ, (замѣняющихъ одинъ инструментъ, которымъ работаетъ работникъ), и который приводится въ дѣйствіе двигательной силой, какова бы ни была ея форма. Паровая двигательная сила имѣетъ то преимущество передъ силой воды и вѣтра, что ею можно пользоваться во всякое время. Она не привязана ни къ мѣсту нахожденія какъ вода, ни ко времени движенія вѣтра. И потому примѣненіе парового двигателя къ машинамъ, „замѣняющимъ человѣческую руку", создаетъ переворотъ какъ во всей постановкѣ промышленности, такъ и въ иномъ использованіи труда. Машина, говоритъ Зомбартъ— такое орудіе, которое не только помогаетъ человѣческому труду, но замѣняетъ его. И развитіе ея въ томъ, чтобы ея дѣйствіе происходило безъ вмѣшательства человѣческой силы. Мало того она повысила силы человѣка за предѣлы естественнаго строенія его тѣла: она, такъ сказать, увеличиваетъ число и размѣры его рукъ, переноситъ его взгляды за тысячи верстъ. Послѣ того, какъ трудъ раздѣленъ настолько, что отдѣльныя дѣйствія требуютъ только примѣненія извѣстной силы — отнять эти дѣйствія у человѣка и передать машинѣ—вотъ задача усовершенствованія машинъ. Въ нѣкоторыхъ фабрикахъ по постройкѣ машинъ приспособленіе отдѣльныхъ машинъ къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ и работамъ въ производствѣ доходитъ до того, что для каждаго рода

поверхности и для каждаго размѣра изготовляемыхъ предметовъ и даже для поверхностей отдѣльныхъ частей предмета — существуетъ особая машина. Имѣется отъ 6 — 10 видовъ желѣзо-строгательныхъ машинъ только для шатуна паровой машины, особые токарные станки для верхней и широкой стороны внутренняго обода колесъ локомотива. На сапожной фабрикѣ въ Германіи 4 различныхъ машинъ для прошивки, дѣланія петель, пришивки пуговицъ и шитья, 3 различныя машины для выкройки подошвъ, 3 различныхъ шпунтовальныхъ станка; 11 различныхъ машинъ для прикрѣпленія наружной части сапога къ голенищу; 13 различныхъ машинъ для отдѣлки готоваго сапога (выглаживанія, полировки, окраски и т. д.) — всего 34 различныхъ вида машинъ для замѣны шила, молотка... и человѣческой руки!

Въ примѣненіи машинъ къ производству проявляется то же, что происходитъ и при развитіи процессовъ труда. Происходитъ раздѣленіе отдѣльныхъ дѣйствій между отдѣльными машинами. Получается система машинъ, гдѣ, какъ и при сложномъ сотрудничествѣ людей, различные производственные процессы раздѣляются между разными машинами, спеціализированными по роду ихъ дѣйствій, при чемъ является непрерывность процессовъ и переходовъ по технологическимъ основаніямъ — и это весьма ускоряетъ ходъ всего производственнаго процесса, что и ведетъ къ сокращенію требованія на трудъ. Къ тому же приводитъ и кооперація машинъ, соединеніе многихъ машинъ съ однородными дѣйствіями, приводимыхъ въ движеніе паровой силой при посредствѣ ряда передаточныхъ инструментовъ. При этомъ каждая отдѣльная машина замѣняетъ, объединяетъ рядъ операцій, раздѣленныхъ ранѣе между отдѣльными рабочими, комбинаціей ряда простыхъ инструментовъ и представляетъ собою одинъ сложный инструментъ. Рядъ такихъ сложныхъ инструментовъ, простая кооперація ихъ, соединеніе ихъ въ одномъ мѣстѣ и при одномъ двигателѣ тоже чрезвычайно ускоряетъ работу и ведетъ къ замѣнѣ многихъ работниковъ — небольшимъ числомъ ихъ. Получается замѣна соединенія людей въ мастерской. Какъ, напр., машина дѣлаетъ ручки для стальныхъ перьевъ? Она беретъ изъ запаса деревянныя палочки и металлическія части, скрѣпляетъ ихъ и выбрасываетъ готовыя ручки. Или вотъ примѣръ работы въ Америкѣ крупныхъ бойнъ для вывоза. Съ той минуты, какъ загонятъ свинью въ узкій проходъ для убоя — чрезъ 10 минутъ мясо, раздѣленное на части, лежитъ уже на ледникѣ, откуда послѣ 2-часового лежанія подвергается санитарному осмотру. Послѣ того уже очень недалеко до приготовленія изъ него ветчины, колбасы, клею и т. д. Это — работа системы машинъ. А вотъ еще примѣръ кооперации машинъ: при приготовленіи конвертовъ машина беретъ листъ, складываетъ его,

смазываетъ, склеиваетъ, высушиваетъ и выбрасываетъ готовые конверты.

Понятно, какъ сокращается при всемъ этомъ требованіе на человѣческій трудъ. Но примѣненіе машинъ, сокращая это требованіе, доставляетъ возможность производить такую работу и въ такомъ мѣстѣ, каковую до введенія машинъ продолжать тамъ было невозможно. „Въ рудникахъ съ прежними средствами техники (безъ машинъ) нельзя было удалять образовавшееся количество воды. Для одной рудокопни служило 60—80 и больше рабочихъ для выкачиванія воды и при этомъ еще 100 и до 500 лошадей. За этими лошадями требовался уходъ и люди для того, т. е. сотни людей, для которыхъ нужно было подъ землей помѣщеніе, то же и для лошадей. Необходимъ былъ кормъ для послѣднихъ и доставка его въ подземныя помѣщенія. Расходы на все это увеличивались по мѣрѣ углубленія рудника и, наконецъ, производимыя для того усилія были недостаточны. Приходилось покидать рудники, цвѣтущія помѣщенія превращались въ пустыню. Отсюда понятно, какъ должны были разсматриваться паровыя машины, какъ спасительницы въ нуждѣ".

Но въ то же время ясно, къ какому сокращенію спроса на самый разнообразный трудъ должно вести это. Но чтобы дать болѣе ясное представленіе о степени этого сокращенія, создаваемаго примѣненіемъ машинъ, приведемъ еще примѣры. Изобрѣтеніе Бессемера сократило превращеніе желѣза въ сталь съ $1^1/_2$ дня до 20 минутъ. Ювелирное дѣло и желѣзодѣлательное крупное производство даютъ прекрасное освѣщеніе тому сокращенію труда и сбереженію въ издержкахъ производства, которыя достигаются введеніемъ усовершенствованныхъ машинъ. Машина изготовляетъ 1020 золотыхъ филлиграновыхъ раковинъ для запонокъ въ такой же промежутокъ времени, въ какой ручнымъ способомъ можно изготовить только одну раковину; въ производствѣ винтовъ, гдѣ одинъ человѣкъ можетъ управлять *6—12* машинами, производство машиннаго труда въ 4491 разъ выше производительности ручного труда. Адамъ Смитъ въ свое время отмѣчалъ, что при раздѣленіи труда на одного рабочаго приходится до 4800 булавокъ въ день; впослѣдствіи на одной машинѣ стали производить въ теченіе 11-часового дня до 145 тысячъ булавокъ; теперь же при машинѣ одинъ рабочій ежедневно приготовляетъ около 15 милліоновъ булавокъ, воткнутыхъ въ картонъ и совершенно готовыхъ къ продажѣ.

На фабрикахъ готоваго платья въ Америкѣ вмѣсто ножницъ дѣйствуетъ двигаемая электричествомъ машина для разрѣзыванія матеріи. Петля для пуговицъ въ $1^1/_2$ д. длины дѣлается тоже электрической машиной менѣе, чѣмъ въ 40 сек. Еще машина пришиваетъ

карманъ быстрѣе, чѣмъ можно вдѣть иголку и сдѣлать одинъ стежокъ. Фабрика съ такими машинами приготовляетъ въ недѣлю 10,000 костюмовъ при 8-часовомъ рабочемъ днѣ.

Въ типографіи (въ Америкѣ) печатная машина при каждомъ оборотѣ отпечатываетъ 144 страницы газетной бумаги. Еще въ концѣ 20-хъ годовъ 19-го столѣтія была въ Лондонѣ четырехцилиндрическая печатная машина, изготовлявшая въ 1 часъ 4000 экземпляровъ. Теперь же въ 1 часъ изготовляется 70,000 оттисковъ, т. е. то, что то же количество лицъ при прежнемъ ручномъ печатномъ станкѣ могло бы сдѣлать въ теченіе 3-хъ недѣль напряженной работы.

Высчитано, что если бы пряжу, доставляемую теперь прядильными машинами, нужно было бы прясть, какъ прежде на ручной прялкѣ, то для этого нужно было бы 100 милліоновъ лицъ. Иначе говоря все населеніе рабочаго возраста (20—60 л.) Англіи, Франціи, Германіи и Австріи вмѣстѣ или болѣе всего рабочаго населенія Россіи должно бы было работать прилежно изо дня въ день и при этомъ, если бы пряжа доставлялась такъ же дешево, какъ машинная, это населеніе зарабатывало бы въ день лишь 1,88—2,35 коп. (4—5 пфенинговъ).

Какъ техническій прогрессъ сокращаетъ время, необходимое на производство не только въ области промышленности, но и сельскаго хозяйства, объ этомъ говоритъ слѣдующій разсчетъ, произведенный въ Америкѣ: если сосчитать все число рабочихъ часовъ фермера на полѣ и раздѣлить на количество добытыхъ продуктовъ, то на каждый пудъ пшеницы приходится всего 6 минутъ труда или на годовое потребленіе одного человѣка въ 20 пудовъ нужно лишь 2 рабочихъ часа. Еще нѣсколько примѣровъ. На изготовленіе пары мужскихъ ботинокъ, смотря по качеству ихъ, требуется отъ 35 мин. до 3-хъ часовъ; на шитье пиджака—1 часъ. Въ 7 час. 35 мин. утра срублены 3 дерева, привезенныя на фабрику, тамъ машиной ободраны, расщеплены, перенесены подъемной паровой машиной въ настоящую мастерскую, превращены тамъ въ бумажную массу, и въ 8 час. 34 мин. былъ готовъ первый листъ бумаги, отвезенный въ повозкѣ за 5 верстъ, а въ 10 час. утра появился отпечатанный на немъ газетный листъ, т. е. менѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ часа изъ дерева, растущаго въ лѣсу, получился листъ газеты, служащей выраженіемъ духовной дѣятельности человѣка.

Чтобы судить о томъ, какое количество рабочихъ было вытѣснено и вытѣсняется примѣненіемъ машинъ, приведу еще слѣдующіе разсчеты. Еще въ 1878 г., т. е. до расцвѣта электротехники, Англія имѣла паровыхъ машинъ на общую сумму $4^1/_2$ милл. лошадиныхъ силъ, что равно рабочей силѣ 100 милл. человѣкъ, слѣдовательно, въ нѣсколько разъ болѣе всего населенія Англіи. Всѣ же машины Англіи

въ 1860 г. замѣщали столько рабочихъ, что для прозводства ручнымъ способомъ того, что дѣлалось при посредствѣ машинъ, нужно было бы 1.200 милл. рабочихъ, т. е. почти все населеніе земного шара.

По промышленной переписи Германіи въ 1895 г., не считая желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, въ промышленности ея дѣйствовало паровыхъ двигателей болѣе 3-хъ милл. лошадиныхъ силъ при 10 милл. рабочихъ. Если бы не было паровыхъ силъ, то для той же работы надо было бы болѣе 92 милл. рабочихъ, т. е. на половину болѣе того числа всего населенія, какое тогда имѣла Германія. Еще по одному разсчету, если перевести на человѣческія силы, силу паровыхъ и другихъ двигателей во Франціи, то получится, что каждый работникъ ея имѣетъ, такъ сказать, двѣнадцать рабовъ въ своемъ распоряженіи.

При 12-ти невольникахъ на работника, казалось бы, можно жить жизнью боговъ, какъ мечтали древніе. А, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ при капиталистическомъ примѣненіи машинъ человѣкъ самъ находится въ неволѣ у этихъ созданныхъ имъ же невольниковъ. Рабочій представляетъ собою въ дѣйствительности, по выраженію одного писателя, „какъ бы случайно забытый изобрѣтателемъ одинъ изъ винтиковъ машины, да и тотъ почти не всегда нуженъ“. Дѣйствительно, посѣщавшіе заводы въ Америкѣ поражались обыкновенно ничтожнымъ числомъ рабочихъ на нихъ, такъ какъ почти все дѣлаютъ машины, приспособленныя къ данному производству.

То же самое можно наблюдать у насъ въ Баку, въ такъ-называемомъ „Черномъ Городкѣ“, гдѣ производится перегонка нефти. Входите въ мастерскую, видите рядъ котловъ, подъ которыми разведенъ огонь, что-то шумитъ, переливается какъ-будто, вообще происходитъ какой-то производительный процессъ и при этомъ ни одного неотлучнаго рабочаго. Пусто совершенно.

Я считалъ нужнымъ привести эти многочисленные и разнообразные примѣры съ различными цѣлями. Во-первыхъ, они необходимы были уже потому, что о степени примѣненія машинъ въ странахъ съ болѣе развитой промышленостью у насъ не имѣютъ представленія и многіе спеціалисты — техники. А затѣмъ, изъ приведенныхъ примѣровъ и разсчетовъ видно — и это очень важно — насколько слѣдовательно, пользованіе машинами, какъ орудіемъ въ рукахъ человѣка повышаетъ производительныя силы труда, насколько, стало быть, широко, полно можетъ быть поставлено теперь удовлетвореніе потребностей человѣка въ матеріальныхъ предметахъ, насколько, стало быть, при современныхъ производительныхъ силахъ, благодаря дальнѣйшему росту научныхъ знаній, человѣкъ можетъ быть далекъ отъ удручающихъ его заботъ объ этихъ предметахъ и насколько, слѣ-

довательно, онъ можетъ удѣлить больше вниманія и времени развитію своихъ умственныхъ силъ, духовныхъ сторонъ своей личности. Но въ то же время эти примѣры, свидѣтельствующіе о поразительномъ сокращеніи требованія на непосредственное приложеніе человѣческаго труда, поясняютъ намъ тѣ послѣдствія съ которыми связано примѣненіе машинъ при капиталистическомъ способѣ, т.-е. не съ цѣлью сократить человѣческій трудъ и улучшить общее положеніе массы населенія, а единственно съ цѣлью извлеченія и увеличенія прибыли тѣхъ, чьи капиталы вложены въ предпріятія.

Тутъ опять видимъ, что каждая вещь, каждый предметъ, каждое произведеніе рукъ человѣческихъ является тѣмъ или инымъ, приводитъ къ тѣмъ или инымъ результатамъ не само по себѣ, а въ зависимости отъ того, какъ пользуются ими люди: можетъ вести ко благу или вреду, смотря по тому, въ какое отношеніе люди становятся другъ къ другу, пользуясь созданнымъ ими же орудіемъ. Въ Италіи вонъ пушками разбиваютъ градовыя тучи для пользы земледѣлія, но, какъ извѣстно, пушки были придуманы и ихъ изготовляютъ обычно не для этого. А вотъ машины изобрѣтены для пользы людей, а пользуются ими не для этого, такъ какъ въ современномъ строѣ люди въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу исходятъ изъ того начала, которое внесено было въ жизнь тѣмъ отношеніемъ другъ къ другу, которое выработалось въ нихъ привычками, созданными охотою на звѣрей.

Приведенные примѣры говорятъ о томъ, какъ сокращается спросъ на трудъ прямымъ образомъ. Но примѣненіе машинъ ведетъ и къ сокращенію спроса на трудъ относительно, т. е. сравнительно съ предложеніемъ труда, такъ какъ послѣднее вообще увеличивается. Получается это путемъ разрушенія и устраненія съ поля промышленнаго производства прежнихъ мастерскихъ. Такъ, въ Англіи въ комиссіи 1870 г. о занятіяхъ дѣтей указывалось, что примѣненіе пара и усовершенствованіе машинъ положило конецъ деревенскимъ ремесленникамъ ткачамъ на ручныхъ станкахъ — и всѣмъ прежнимъ жителямъ деревни, главныя средства существованія которыхъ извлекались не изъ земледѣлія. Это отразилось неблагопріятно и на крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, которое лишилось сельскихъ рабочихъ, такъ какъ ткачей этихъ потянуло въ городъ, на фабрику. Машина, такимъ образомъ, вызывала косвенно измѣненіе и въ условіяхъ сельскаго хозяйства. То же заявляли въ 30-хъ г. г. прошлаго столѣтія въ комиссіи по изслѣдованію положенія сельскихъ хозяйствъ, а именно, что введеніе машинъ въ шерстянномъ производствѣ, бывшемъ прежде домашнимъ дѣломъ земледѣльческаго населенія, одѣвавшаго самого себя, отняло отъ земледѣльческаго населенія значительную часть рукъ. Здѣсь это отразилось, такимъ образомъ, на формахъ земле-

дѣльческаго хозяйства, поведя, можетъ быть, къ медленному вымиранію прежнихъ ткачей. А вотъ изъ Индіи, гдѣ тогда также было сильно развито ручное ткачество, прямо сообщали, что равнины Индіи бѣлѣютъ костями ткачей хлопчато-бумажной промышленности. На ряду съ этимъ машины вели и инымъ путемъ къ увеличенію предложенія наемнаго труда и отягченію положенія наемныхъ рабочихъ.

По мѣрѣ того, какъ машина дѣлала мускульную силу человѣка излишней, явилась возможность предложить работу лицамъ обладающимъ меньшей мускульной силой. Поэтому, первымъ словомъ примѣненія машинъ было появленіе на фабрикахъ женскаго и дѣтскаго труда.

Вотъ какъ измѣнялось число рабочихъ мужчинъ и женщинъ въ Англіи за 50 лѣтъ съ 1841 по 1891 годъ.

41 г.		51 г.		61 г.	
Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1.030.600	463.600	1.324.200	997.900	1.357.200	1.150.100

71 г.		81 г.		91 г.	
Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1.385.500	1.203.200	1.401.900	1.299.500	1.576.100	1.447.500

Какъ видимъ, число мужчинъ за это время возросло на половину ихъ прежняго числа, а женщинъ слишкомъ втрое. Въ главныхъ группахъ промышленности число мужчинъ возросло на 53%, а женщинъ на 221%. Это увеличеніе общаго числа работающихъ можетъ представиться противорѣчіемъ съ сказаннымъ выше о сокращеніи спроса на трудъ, но объясненіе этому будетъ дано въ своемъ мѣстѣ.

Если взять только волокно-обрабатывающую промышленность, то тамъ съ 1851 г. по 1881 г. число мужчинъ уменьшается, а женщинъ увеличивается, тоже и въ приготовленіи одежды. Въ Соединенныхъ Штатахъ С. А. въ 1880 г. въ текстильной промышленности было 112859 женщинъ при 59085 мужчинахъ, т.-е. почти вдвое болѣе, чѣмъ мужчинъ. Въ Италіи въ текстильной промышленности 1.206.948 женщинъ и 125.852 мужчинъ, въ табачной 9000 женщинъ изъ 11000 всѣхъ рабочихъ; въ спичечной — 3468 рабочихъ, изъ нихъ 2472 женщины.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Является возможность привлечь на работу дѣтей, такъ какъ работа не требуетъ мускульной силы взрослаго и очень проста. И вотъ до средины 60 годовъ прошлаго столѣтія во всей текстильной промышленности въ Англіи про-

исходитъ сильное увеличеніе дѣтскаго труда, въ особенности въ хлопчато-бумажной. Въ 1850 г. тамъ было 14.993 дѣтей, а въ 1874 г. 66.900 дѣтей моложе 13 лѣтъ.

Въ результатѣ этого получается цѣлый рядъ соціальныхъ послѣдствій, разложеніе семьи или во всякомъ случаѣ измѣненіе прежнихъ основъ ея; говоря современнымъ слогомъ — можно сказать, соціализація семьи, такъ какъ всѣ составныя части ея превращаются въ отдѣльные органы работающаго общественнаго организма. Домашнія работы семьи, даже стряпаніе, починка платья, уходъ за дѣтьми — все это лишается своей основы. Мало того, является возможнымъ нѣчто въ родѣ торговли дѣтьми, а для послѣднихъ умственное одичаніе съ дѣтскаго возраста, такъ какъ монотонность работы при утомленіи ею не даетъ простора для работы мысли. И работникъ дѣйствительно превращается въ одинъ изъ винтиковъ машины, упущенный изъ виду изобрѣтателемъ ея.

Съ распространеніемъ прядильныхъ машинъ въ началѣ XIX в.— въ Швейцаріи дѣтей стали сажать за прядильное колесо съ 7—8 лѣтъ и родители стали стремиться къ тому, чтобы дѣти какъ можно раньше прекратили посѣщеніе школы, причемъ на фабрикахъ ихъ сажали работать съ полуночи до обѣда или съ вечера до утра. Дѣти 8—10 л. были вырваны изъ семьи и часто работали на фабрикахъ съ 6 лѣтъ, отчего обученіе и физическое развитіе дѣтей (работали съ 5 ч. утра до 8½ ч. вечера) сильно страдали.

Какъ велика была при этомъ эксплоатація дѣтей можно судить уже по тому, что даже фабричное законодательство въ Швейцаріи 1815 г., постановивъ, что дѣти моложе 10 лѣтъ не должны заниматься на фабрикахъ, признало, однако, что рабочій день долженъ продолжаться не свыше 12—14 часовъ. Ночной трудъ для нихъ былъ запрещенъ, но на этотъ законъ тогда фабрики мало еще обращали вниманія.

Независимо отъ непосредственной выгоды, получаемой предпринимателемъ, вслѣдствіе болѣе дешевой оплаты женскаго и дѣтскаго труда—получается и вліяніе этого на пониженіе оплаты труда взрослаго мужчины, такъ какъ предложеніе ихъ труда увеличивается сравнительно съ спросомъ на него. Но, кромѣ того, заработная плата, какъ увидимъ ниже, держится около предѣловъ того, что необходимо для содержанія семьи рабочаго. Когда работалъ на фабрикѣ взрослый мужчина, высота ея и должна была приближаться къ тому, что необходимо на содержаніе средней семьи рабочаго. Иначе, происходило бы вымираніе семей и отсутствіе пополненія рабочаго состава. Теперь, когда въ фабричнаго рабочаго превращается онъ самъ, его жена и ребенокъ, то уже содержаніе семьи добывается тремя лицами, а расходъ на содержаніе семьи не увеличивается или, если и возра-

стаетъ, подъ вліяніемъ измѣненія въ положеніи семьи, то во всякомъ случаѣ въ значительно меньшей степени, чѣмъ возрастаетъ ихъ работа на фабричное предпріятіе. Получается для капиталистическаго предпріятія уменьшеніе содержанія трехъ рабочихъ, такъ какъ каждый изъ этихъ троихъ изъ одной семьи получаетъ много меньше, чѣмъ прежде получалъ одинъ на то же содержаніе трехъ лицъ. Работа же всѣхъ троихъ не меньше прежней, а, при пользованіи болѣе совершеннымъ орудіемъ (машиной), даже много производительнѣе. Отсюда получается возрастаніе прибыли на счетъ свободнаго времени ребенка и женщины или на счетъ того времени, которое они посвящали прямо для себя. Получается, только въ другой формѣ, не меньшее порабощеніе, чѣмъ и при несвободномъ строѣ. И это порабощеніе становится тѣмъ сильнѣе, что сила сопротивленія ему со стороны женщинъ и дѣтей въ общей суммѣ ея слабѣе, чѣмъ со стороны взрослыхъ мужчинъ. Предпринимателями же при этомъ вводятся въ разсчетъ даже такія обстоятельства, которыя, кажется трудно было бы учесть при помощи любой бухгалтеріи. Въ Бергамо напр. (въ Ломбардіи) поденныя ткачихи получали 43 сантима въ день, а замужнія изъ нихъ только 40 сант., такъ какъ предпринимателю необходимо было обезпечить себя отъ потери ихъ работы на время родовъ.

Становится возможнымъ и еще одно слѣдствіе, ведущее къ накопленію не путемъ какого либо сбереженія, а путемъ самаго безпощаднаго расходованія человѣческихъ силъ.

Увеличеніе рабочаго дня представляетъ для предпринимателя большія выгоды. Дѣло въ томъ, что удлиненіе рабочаго дня не ведетъ еще къ увеличенію расходовъ на содержаніе рабочаго, а если и ведетъ, вслѣдствіе необходимости затраты большаго количеству силъ, то не настолько, насколько увеличивается результатъ работы отъ прибавки лишняго часа или двухъ. А въ такомъ случаѣ, важно удлинить рабочій день, черезъ что въ общей суммѣ всего трудового дня, та часть труда, которая необходима для выработки содержанія рабочаго и выражается въ его заработной платѣ, занимаетъ относительно меньшую долю во всемъ результатѣ труда и, слѣдовательно, увеличивается та часть труда, которая идетъ уже всецѣло, скажемъ, на оплату услугъ капитала, т.-е. то, что составляетъ прибыль, ради которой и ведется капиталистическое предпріятіе.

Кромѣ этого, ради той же прибыли, при примѣненіи машинъ является и еще побужденіе растянуть рабочій день, хотя бы и при перемѣнномъ составѣ рабочихъ, до полныхъ сутокъ.

Дѣло въ томъ, что въ каждой машинѣ вложенъ болѣе или менѣе значительный денежный капиталъ, и во всѣхъ ихъ вмѣстѣ, и весьма не малый. Каждый моментъ бездѣйствія этого капитала, пре-

вращая его въ мертвый капиталъ, разсматривается, какъ прямой убытокъ. Отсюда логически неизбѣжно вытекаетъ стремленіе сократить, а то и вовсе уничтожить такіе моменты бездѣйствя. А для этого надо удлинить рабочій день или и вовсе не прекращать работу машинъ въ теченіи всѣхъ сутокъ, т.-е. ввести и ночную работу, для чего, можетъ быть, тоже надо преодолѣть нѣкоторое, хотя бы и не активное сопротивленіе.

Удлинить рабочее время до полныхъ сутокъ необходимо и потому, что безъ употребленія машины портятся, ржавѣютъ. Сверхъ того, усовершенствованія техники идутъ довольно безостановочно и, чтобы не отстать въ борьбѣ за сохраненіе за собой рынка, надо старыя машины замѣнять новыми. А это опять ведетъ къ стремленію поставить дѣло такъ, чтобы расходъ на каждую машину окупился скорѣе. А для этого опять важна безостановочность ея работы. И это тѣмъ выгоднѣе предпринимателю, что, съ удлиненіемъ рабочаго дня, затраты капитала на машины (основной капиталъ) не увеличиваются. Требуется прибавить лишь матеріалы (оборотный капиталъ) и увеличить сумму расхода на рабочихъ, но не всегда высоту заработной платы. Но если даже ее и приходится увеличить, то во всякомъ случаѣ въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ увеличивается прибавка труда, такъ какъ, какъ я уже указалъ, расходъ на содержаніе рабочаго или не возрастаетъ или возрастаетъ не пропорціонально возрастанію труда, а въ меньшей мѣрѣ.

Какое значеніе въ этомъ случаѣ придается тому, чтобы машины не оставались безъ дѣйствія, видно изъ словъ одного предпринимателя, замѣтившаго, что, когда земледѣлецъ бросаетъ заступъ, то онъ дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ въ 90 коп., а если кто-либо покидаетъ фабрику, то дѣлаетъ безполезнымъ капиталъ въ 1 мил. руб. Такъ вотъ, чтобы этого не было и надо удлинить рабочій день. А это ведетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и еще къ уменьшенію необходимаго числа рабочихъ, вслѣдствіе чего создается избыточность населенія, позволяющая еще понизить заработную плату, т.-е. ухудшить содержаніе рабочихъ. И выходитъ, что самое сильное средство для сокращенія рабочаго времени превращается при капиталистическомъ примѣненіи его въ увеличеніе рабочаго времени и къ сокращенію лишь той части его, которую рабочій затрачиваетъ на выработку собственнаго содержанія. Правда, стремленіе къ этому со стороны капиталистовъ предпринимателей повело въ Англіи къ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ. Послѣдними запрещался ввозъ хлѣба въ Англію, когда цѣна его падала ниже опредѣленной. Этимъ поддерживались высокіе доходы землевладѣльцевъ и высокая цѣна хлѣба. Ясно, что стремленія капиталистовъ понизить или не повышать заработную плату должны были вызвать

съ ихъ стороны агитацію противъ хлѣбныхъ злаковъ, а почва для того благопріятная: интересы рабочихъ, страдающихъ отъ высокой цѣны хлѣба.

Для фабрикантовъ и капиталистовъ вообще та часть работы рабочаго, которою онъ оплачиваетъ свое содержаніе, будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ дешевле стоимость этого содержанія и чѣмъ выше производительность труда, т.-е. чѣмъ интенсивнѣе будетъ трудъ рабочаго, причемъ въ данный періодъ времени больше будетъ израсходовано силъ рабочаго. Повышеніе интенсивности достигается увеличеніемъ скорости и количества машинъ, при которыхъ работаетъ тотъ же рабочій. „Трудъ, занятый въ настоящее время фабричными процессами, говоритъ одинъ писатель 60-хъ годовъ, втрое больше того, который былъ при введеніи машинъ. Машина, безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, замѣнила мускулы милліоновъ людей, но она въ то же время поразительно увеличила трудъ людей подчиненныхъ ея ужасному движенію... Въ 1815 г. трудъ слѣдованія за 2-мя прядильными машинами требовалъ 8 миль ходьбы въ теченіи дня. Въ 1821 г.—уже 20 миль и даже болѣе. Въ 1825 г. прядильщикъ долженъ былъ сдѣлать въ 12 час. на 2-хъ машинахъ 1640 выдергиванія въ 1832 г. — уже 4400 и болѣе“. Отсюда, съ повышеніемъ интенсивности, уменьшающей спросъ на рабочую силу, повышеніе заработной платы уменьшается. Въ этомъ направленіи вліяетъ даже фабричное законодательство, выработываемое въ интересахъ рабочихъ. Оно побуждаетъ предпринимателей, чтобы уменьшить издержки на рабочихъ, пріобрѣтать машины, повышающія интенсивность труда. И вотъ, съ введеніемъ фабричнаго законодательства у насъ, на Московскихъ и Петербургскихъ фабрикахъ число веретенъ увеличивается на 26,9%, ткацкихъ станковъ на 15,6%, а число рабочихъ уменьшается на 7% и т. д.

Трудъ при машинахъ сводится къ простому, не требующему обученія и это лишаетъ работу рабочаго содержанія и утомляетъ нервную систему. Кромѣ того, шумъ, нагрѣтый воздухъ (отъ тренія частей машинъ), все это создаетъ, конечно, очень удручающую, неприглядную и нездоровую обстановку работы.

Новыя улучшенія въ машинахъ производятъ постоянныя колебанія въ требованіяхъ на рабочихъ и машина является, какъ конкурентъ рабочихъ; нерѣдко онѣ и вводились, какъ средства противъ стачки рабочихъ для усмиренія ихъ. На югѣ у насъ землевладѣльцы во время жатвы часто выставляютъ нѣсколько машинъ, чтобы устрашить рабочихъ, что обойдутся безъ нихъ, и тѣмъ вынудить ихъ къ пониженію требуемой заработной платы.

Какимъ путемъ машина является конкурентомъ рабочихъ можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета.

Если капиталъ давалъ занятія 100 рабочимъ и каждому платилъ 200 р., т.-е. всего 20.000 р., то теперь, отпуская 50 рабочихъ, онъ даетъ работу лишь 50-ти, оставшимся при машинѣ, и тратитъ на рабочихъ лишь 10.000 руб. И если машина стоитъ не менѣе 10 т. р., то тотъ же прежній капиталъ въ 20.000 даетъ, такимъ образомъ, работу лишь 50 рабочимъ и можетъ дать ее только имъ. При послѣдующихъ усовершенствованіяхъ происходитъ то же, и жизненныя средства рабочихъ, заключавшіяся въ ихъ заработной платѣ на 10.000 руб., переходятъ въ машину для полученія капиталистомъ прибавочной цѣнности. 50 отпущенныхъ рабочихъ превращаются въ непокупателей. Правда, не примѣняйся новыя усовершенствованія, остались бы безъ работы строители машины. Но мы должны брать это въ цѣломъ и тогда и тамъ происходитъ такой же процессъ вытѣсненія рабочихъ и, слѣдовательно, для послѣднихъ постоянная неувѣренность въ прочности своего заработка и въ обезпеченіи существованія своего и своей семьи.

Для иллюстраціи перевода средствъ рабочаго въ машину, приведу еще примѣръ. Паровая машина въ одну лошадиную силу производитъ работу 21-го рабочаго. На бронированномъ суднѣ съ 20 т. лошад. силъ, что равно работѣ 120 т. гребцовъ рабочихъ, работаетъ въ три смѣны 200 чел. механиковъ и истопниковъ, замѣняющихъ каждый работу 600 человѣкъ.

Въ приведенномъ очеркѣ вліянія машинъ на положеніе труда мы слѣдовали почти исключительно тому изображенію его, которое дано у К. Маркса въ 1-мъ томѣ его „Капитала". Но К. Марксъ, какъ извѣстно основатель научнаго соціализма, ученый, относящійся рѣзко отрицательно къ капиталистическому строю и практическій дѣятель соціализма. Въ силу этого возможно предположеніе, что его изображеніе страдаетъ односторонностью и преувеличеніемъ. Но возьмемъ такого ученаго, какъ Д. Рикардо, въ безпристрастіи и объективности котораго какъ ученаго никогда ни у кого не возникало, да и не можетъ возникнуть, ни малѣйшаго подозрѣнія. Его взглядъ имѣетъ тѣмъ болѣе значеніе, что добросовѣстное наблюденіе и размышленіе надъ дѣйствіемъ машинъ на положеніе рабочихъ заставило его измѣнить свое первоначальное воззрѣніе. „Когда я первый разъ, пишетъ онъ, обратилъ вниманіе на вопросы политической экономіи, я придерживался мнѣнія, что такое примѣненіе машинъ къ какой бы то ни было отрасли производства, которое имѣетъ слѣдствіемъ сбереженіе труда, представляетъ всеобщее благо, сопровождаемое лишь тою долею неудобства, которая въ большей части случаевъ сопряжена съ перемѣщеніемъ капитала и труда изъ одного назначенія въ другое... Классу рабочихъ, полагалъ я, употребленіе машинъ также приноситъ

выгоды, ибо они пріобрѣтаютъ возможность покупать большее количество товаровъ при помощи одинаковой денежной задѣльной платы, а, по моему тогдашнему мнѣнію, задѣльная плата не должна была уменьшаться, потому что капиталистъ имѣлъ бы средства къ заявленію спроса и къ употребленію одинаковаго съ прежнимъ количества труда, хотя и былъ бы принужденъ помѣщать его въ производствѣ новаго, а иногда и отличнаго товара...

„Таковы были мои мнѣнія, и они продолжаютъ оставаться неизмѣнными по отношенію къ тому, что касается землевладѣльца и капиталиста; но я убѣдился, что замѣна машинами человѣческаго труда наноситъ часто большой вредъ интересамъ рабочаго класса".

„Все, что я желаю доказать—это, что изобрѣтеніе и употребленіе машинъ можетъ сопровождаться уменьшеніемъ валоваго продукта, и когда это бываетъ такъ, то рабочему классу наносится вредъ, ибо нѣкоторые изъ его членовъ удаляются отъ занятій, и населеніе становится излишнимъ въ сравненіи съ фондами на употребленіе его въ дѣло".

„Мнѣніе, поддерживаемое рабочимъ классомъ, что употребленіе машинъ наноситъ часто ущербъ его интересамъ, основано не на заблужденіи и предразсудкѣ, а находится въ соотвѣтствіи съ истинными началами политической экономіи".

„Машины и трудъ находятся въ постоянномъ соперничествѣ, и первыхъ нельзя часто употреблять до тѣхъ поръ, пока не повысится цѣна труда" [1]).

„Спросъ на трудъ будетъ продолжать возрастать вмѣстѣ съ возрастаніемъ капитала, но не пропорціонально этому возрастанію: уровень спроса на трудъ будетъ необходимо уменьшенъ".

Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этому мѣсту Рикардо, между прочимъ, замѣчаетъ, что „по мѣрѣ усовершенствованія искусствъ и распространенія цивилизаціи, основной капиталъ становится все въ болѣе и болѣе значительное отношеніе къ оборотному". (Переводъ Н. И. Зибера. Стр. 248—254). И дѣйствительно не трудно видѣть, что машина (основной капиталъ), замѣщая напр. 50 рабочихъ, на оплату труда которыхъ шелъ оборотный капиталъ, замѣщаетъ его и тѣмъ увеличиваетъ отношеніе основного капитала къ оборотному, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаетъ замѣщенныхъ ею 50 рабочихъ ихъ средствъ содержанія. Вообще не трудно видѣть, что Рикардо утверждаетъ здѣсь все сказанное выше. И совершенно правы были рабочіе строители

---

[1]) Ниже мы увидимъ какъ это вліяетъ на задержку примѣненія машинъ и, слѣдовательно, лишеніе всего общества доставляемыхъ машинами выгодъ. *Н. К.*

машинъ, явившись на международномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Цюрихѣ въ 1893 г. со знаменемъ, на которомъ значилось слѣдующее четырехстишіе:

„Wir bauen Wunder von Maschinen,
Sie sollen allen, allen dienen,
Sie sollen allen geben Brot,
Nicht den Armen nur die Noth".

(„Мы строимъ чудеса—машины, онѣ должны служить всѣмъ, всѣмъ, онѣ должны всѣмъ давать хлѣбъ, а не доставлять бѣднымъ только нужду" [1]).

Сводя теперь все сказанное о машинахъ къ немногимъ положеніямъ, получимъ слѣдующее:

1) Машина сокращаетъ рабочее время, но въ капиталистическомъ ея примѣненіи удлиняетъ рабочій день.

2) Облегчаетъ трудъ, но въ капиталистическомъ примѣненіи повышаетъ напряженность его.

3) Составляетъ побѣду человѣка надъ природой, но въ капитализмѣ подчиняетъ человѣка созданію его труда.

4) Умножаетъ благосостояніе, производительность, но въ капитализмѣ отнимаетъ послѣднія средства существованія.

5) Даетъ возможность развивать духовную силу, а тутъ лишаетъ работу содержанія, обращая человѣка въ винтикъ механизма.

Ограничиться, однако, сказаннымъ о машинахъ значило бы дѣйствительно проявить крайнюю односторонность и не дать вѣрное освѣщеніе и объясненіе дѣйствительности.

Все сказанное вѣрно и продолжаетъ проявляться въ дѣйствительности, вліяя и на различіе въ примѣненіи машинъ въ разныхъ странахъ, въ зависимости отъ цѣны труда, сообразно съ отмѣченнымъ Д. Рикардо. Но на выгодность замѣны человѣческаго труда машинами, съ капиталистической точки зрѣнія, вліяетъ и то соперничество между различными странами, которое съ теченіемъ времени по необходимости развивается все болѣе и болѣе, а также, какъ указано будетъ въ своемъ мѣстѣ, и все возрастающая активность, планомѣрность и организованность рабочихъ въ ихъ стремленіи къ улучшенію своего положенія. Необходимость соперничества съ другими странами и стремленіе поставить себя болѣе независимо по отношенію къ воздѣйствію со стороны рабочихъ, безъ которыхъ все-таки нельзя обойтись, и ведетъ къ тому, что повсюду машины находятъ

---

[1]) Такъ это въ подстрочномъ переводѣ, но точный смыслъ послѣдней строки въ томъ, что машины не должны быть только источникомъ нужды.

все большее и большее примѣненіе, увеличиваютъ количество и уменьшаютъ цѣнность производимыхъ предметовъ. Это ведетъ къ расширенію потребленія, спроса производимыхъ предметовъ и, съ теченіемъ времени, къ увеличенію числа рабочихъ сравнительно съ тѣмъ, какое работало въ тѣхъ же отрасляхъ производства до примѣненія машинъ. Это, однако, нисколько не уничтожаетъ того явленія, что данное поколѣніе рабочихъ въ своей значительной части вытѣсняется введеніемъ машины или новаго усовершенствованія въ ходѣ производства. Поэтому, за исключеніемъ періодовъ особаго оживленія и спроса, капиталистическое производство сопровождается постоянной наличностью большого числа безработныхъ, ожидающихъ спроса на ихъ трудъ. Спросъ этотъ и происходитъ, но, какъ можно было видѣть изъ приведенной выше таблицы объ увеличеніи женскаго труда, увеличеніе это совершается не съ такой быстротой, чтобы устраненные машиной рабочіе могли выжить, просуществовать до того времени, когда понадобятся не только они, но и еще рабочіе сверхъ того. Отсюда-то и происходитъ то переселеніе изъ Европы, благодаря которому С.-А. Соединенные Штаты процвѣли, но первобытные обитатели-краснокожіе отъ того вымерли.

II.

Остановимся теперь на выясненіи того, какъ расширялось производство съ примѣненіемъ машинъ. „Если,—говоритъ нѣмецкій экономистъ Диль,—въ желѣзномъ производствѣ, вслѣдствіе введенія машинъ сперва много ручныхъ рабочихъ стали излишними, то черезъ короткое время потребленіе желѣза повысилось настолько, что значительно превзошло прежнее и потребовалось гораздо большее число рабочихъ“. Въ германскомъ желѣзномъ производствѣ, напр., съ 1871—1900 гг. (т. е. черезъ одно поколѣніе) число рабочихъ возросло съ 23 до 34 тысячъ.

Въ Англіи, въ горномъ промыслѣ, съ 1851 г. по 1881 г. (тоже черезъ 30 лѣтъ) число рабочихъ возросло съ 335 до 562 тысячъ; въ производствѣ маш.—со 100 до 224 тыс.; въ металлическомъ производствѣ — съ 294 до 447 тыс.; въ кораблестроительномъ производствѣ— съ 27 до 54 тыс. и т. д.

По отдѣльнымъ отраслямъ производства можно привести данныя относительно того, что машинное производство выросло на 180,2%, химическое — на 173,9%, горнозаводское — на 121,1%, обработка металловъ — на 110,8%, минераловъ — на 100,4% за такой же періодъ, когда населеніе возросло только на 36%. Ясно, слѣдовательно, что на ряду съ возможностью улучшенія и расширенія роста

потребностей и соотвѣтственно съ тѣмъ увеличенія спроса на такіе предметы, на которые онъ ранѣе былъ весьма ограниченъ или почти не существовалъ, происходитъ, и должно происходить не сокращеніе спроса на трудъ, а увеличеніе его, хотя бы машины и замѣняли работу десятка и сотни прежнихъ рабочихъ силъ.

Этимъ, однако, не ограничиваются благопріятныя послѣдствія того развитія творческихъ силъ знанія и примѣненія его къ дѣлу, которое проявляется въ усовершенствованіи производства и повышеніи производительности труда при пользованіи машинами. Благія послѣдствія этого идутъ и дальше. Работа во многихъ случаяхъ стала болѣе высокой умственно и не такъ тяжела и нездорова, какъ во время преобладанія ручной работы.

Рабочее время стало не только короче, но и правильнѣе распредѣляться, тогда какъ прежде при недостаточныхъ двигателяхъ работа часто должна была прерываться.

Введеніе машинъ, вліяя на повышеніе производительности труда, отзывается и инымъ путемъ на улучшеніи положенія рабочихъ. Оно ведетъ и къ повышенію заработной платы. Въ этомъ отношеніи, какъ и для повышенія производительности труда и распространенія примѣненія машинъ оказываютъ теперь большое вліяніе именно профессіональные союзы рабочихъ.

Секретарь лондонскаго соединеннаго союза машинныхъ рабочихъ въ отчетѣ за 1897 г. говоритъ: „Если съ введеніемъ машинъ возрастаетъ разница между машиннымъ и ручнымъ трудомъ, то должна быть пропорціонально увеличена и заработная плата". „Введеніе машинъ, — продолжаетъ онъ, — повышаетъ производительность, отчего увеличивается прибыль предпринимателя безъ пониженія заработной платы рабочаго, потребности котораго остаются тѣ же". „Мы, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — не противъ введенія машинъ, но рабочіе должны имѣть отъ того выгоду; выгода эта — сокращеніе рабочаго времени". Отсюда понятно, что союзы рабочихъ требуютъ введенія новыхъ усовершенствованныхъ машинъ. То же наблюдается и въ Америкѣ, и именно потому, что машина уничтожаетъ тѣлесное напряженіе, возвышаетъ заработную плату, повышаетъ уровень жизни и даетъ занятіе большему числу.

Союзы рабочихъ входятъ, между прочимъ, съ хозяевами въ коллективное соглашеніе и заключаютъ коллективные договоры, которыми устанавливаются на опредѣленный срокъ время начала и окончанія работъ, минимумъ заработной платы, вознагражденіе за сверхъурочныя работы, возрастъ и число учениковъ, условія по штучной работы, обязательные праздники, условія заявки объ отказѣ отъ договора со стороны хозяевъ или рабочихъ, правила объ обѣденномъ времени

и храненіи инструментовъ, различныя вознагражденія, или добавки къ платѣ за переѣзды, за квартиру, за прогулы по винѣ хозяина, за отточку инструментовъ и т. п. Эти правила ставятъ въ одинаковое положеніе по найму рабочихъ всѣхъ предпринимателей. „Всѣ фирмы въ одномъ округѣ, всѣ—округа въ одной странѣ становятся—насколько это возможно въ совершенно одинаковыя условія по высотѣ заработной платы". Одинаковость условій, по отношенію къ найму рабочихъ, не позволяетъ уже предпринимателю выиграть въ соперничествѣ съ другими на пониженіи заработной платы, и для сохраненія прежней прибыли или увеличенія ея надо примѣнять усовершенствованія въ производствѣ. Поэтому и конкуренція направляется, между прочимъ, на улучшеніе машинъ. Въ свою очередь и союзы рабочихъ пришли къ тому, что самая лучшая политика—это воспользоваться улучшеніями и заставить ихъ служить интересамъ рабочихъ. Спорятъ теперь не о томъ уже—вводить ли машины, а на какихъ условіяхъ ихъ вводить. Въ настоящее время трэдъ-юніоны оказываютъ давленіе на отсталыхъ предпринимателей и заставляютъ ихъ вводить и примѣнять новѣйшія усовершенствованія. Введеніе, напримѣръ, наборной машины было всюду непріятно для рабочихъ, но трэдъ-юніоны съ самаго начала отвергли мысль о сопротивленіи примѣненію ихъ, а стремились добиться такихъ условій занятія, которыя обезпечивали бы нормальный уровень заработной платы. „Наши рабочіе, заявляли они предпринимателямъ, думаютъ, что Вы обладаете изобрѣтеніемъ, которое чрезвычайно выгодно для промышленности, сберегая значительное количество денегъ и труда и рабочіе должны воспользоваться справедливой долей этихъ выгодъ." (Веббы. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма). Всякое пониженіе издержекъ производства, происходящее отъ улучшенія процессовъ производства или отъ искуснаго управленія, признается трэдъ-юніонами выгоднымъ для рабочихъ, ибо обезпечиваетъ продукту ихъ труда расширяющійся рынокъ. Въ хлопчато-бумажномъ производствѣ трэдъ-юніоны даже поощряютъ предпринимателей, вводящихъ улучшенія, соглашаясь на такія нормы поштучной платы, которыя понижаются съ каждымъ повышеніемъ производительности машинъ. Изъ всякаго увеличенія числа веретенъ или ихъ быстроты, напримѣръ, рабочій автоматически извлекаетъ выгоду и потому трэдъ-юніоны нашли даже желательнымъ добровольно уступить предпринимателю часть проистекающей изъ этого выгоды, понижая норму заработной платы при увеличеніи числа веретенъ. Все дѣло въ томъ, чтобы выгоды предпринимателей не ухудшали условій работы и жизненыхъ условій рабочихъ,

и потому со времени проведенія въ жизнь коллективныхъ соглашеній, на примѣненіи всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій въ машинахъ наиболѣе энергично настаиваютъ неиндивидуальные предприниматели, а трэдъ-юніоны. Въ Ланкаширѣ въ хлопчато-бумажномъ производствѣ, если техника въ какомъ нибудь округѣ или у отдѣльнаго предпринимателя спускается ниже общаго уровня, тотчасъ же раздаются на это жалобы со стороны трэдъ-юніоновъ. И это понятно. Для отдѣльнаго предпринимателя даже выгодно, чтобы у другихъ предпринимателей дѣло было поставлено хуже, чѣмъ у него. Но трэдъ-юніонъ, который является представителемъ всѣхъ рабочихъ, понимаетъ, что отсталость нѣкоторыхъ предпринимателей угрожаетъ серьезной опасностью и они настаиваютъ, чтобы предприниматель или вводилъ новыя машины или платилъ болѣе высокую заработную плату, если не хочетъ обставить производство такъ, какъ на лучшихъ фабрикахъ. Иначе говоря, на нерадивыхъ или недостаточно предпріимчивыхъ руководителей предпріятія налагается штрафъ. Такъ напримѣръ, въ стеклянномъ производствѣ въ предпріятіяхъ, державшихся старыхъ пріемовъ, трэдъюніоны требовали, чтобы уплачивалось 2 шил. за такія операціи, которыя при новой системѣ производства оплачивались 6-ю пенсами. Вслѣдствіе этого и получается такое положеніе, что въ Глазго напр. неорганизованныя бумаго-ткачихи при низкой заработной платѣ отказываются работать болѣе чѣмъ за однимъ станкомъ, а въ Ланкаширѣ при организованномъ соглашеніи работаютъ съ 2—4 и даже 6-ю станками (Шульце-Геверницъ: Крупная промышленность). Можно указать, что и у насъ въ Россіи неорганизованные рабочіе, получающіе нищенскую плату, путемъ забастовки сопротивлялись принужденію работать на нѣсколькихъ станкахъ. Въ предпринимательскихъ кругахъ это считалось борьбою рабочихъ съ прогрессомъ; въ дѣйствительности же по существу дѣла тутъ происходила со стороны администраціи фабрикъ борьба съ прогрессомъ въ широкомъ и прямомъ содержаніи этого понятія, такъ какъ для истощеннаго голодной платой рабочаго немыслимо проявленіе надлежащей работоспособности: прогрессъ техники требуетъ для проведенія его въ жизнь рабочаго, поставленнаго въ опредѣленныя условія, дающія возможность проявлять надлежащую жизнедѣятельность.

A. Schadwell, (Industrial efficiency) изучавшій и сравнивавшій положеніе и условія промышленности въ С.-А. Соед. Штатахъ, Англіи и Германіи, прямо объясняетъ введеніе въ Америкѣ болѣе усовершенствованныхъ машинъ сравнительно съ Англіей болѣе высокой заработной платой и лучшимъ положеніемъ рабочаго въ Америкѣ. Цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей, какъ Т. Брассей, Брентано,

Шульце-Геверницъ, Гобсонъ, Шенгофъ, Ностицъ и др. установляютъ тотъ фактъ, что въ странахъ съ высокой машинной техникой существуетъ сравнительно высокая заработная плата, въ соотвѣтствіи съ чѣмъ находится и искусство, энергія и добросовѣстное отношеніе къ труду со стороны рабочихъ. Черезъ это повышенный расходъ на заработную плату болѣе чѣмъ покрывается и издержки производства становятся ниже сравнительно со странами съ низшей техникой и низшей заработной платой. „Въ Англіи рабочій слѣдитъ за вдвое большимъ числомъ машинъ, нежели въ Германіи, машины тамъ идутъ быстрѣе, потери противъ теоретически установленныхъ нормъ выработки меньше. Все это происходитъ отъ того, что, напримѣръ, выниманіе и включеніе шпуль въ Англіи производится быстрѣе, чѣмъ въ Германіи, порваніе нитокъ происходитъ рѣже, связываніе ихъ дѣлается быстрѣе и въ результатѣ стоимость расходовъ на фунтъ пряжи много меньше, чѣмъ въ Германіи, а заработная плата вдвое выше, рабочій день короче: въ Англіи 9 час. противъ 11 и $11^1/_2$ въ Германіи". (Такъ было когда Шульце-Геверницъ составлялъ свою книгу: Крупная промышленность).

Изслѣдованія показываютъ, что та машинная техника, которая требуетъ отъ рабочихъ высокой жизненной силы, вызываетъ необходимость высокой заработной платы; издѣлія же обходятся тѣмъ дешевле, чѣмъ выше жизненная сила рабочихъ. Достигается же въ большей мѣрѣ это тамъ, гдѣ рабочіе болѣе долговременно привыкли къ лучшимъ условіямъ жизни и участію въ хозяйственныхъ и культурныхъ успѣхахъ страны или по крайней мѣрѣ имѣютъ полную свободу содѣйствовать по своему усмотрѣнію своему хозяйственному положенію и культурнымъ интересамъ. При этихъ условіяхъ рабочіе стремятся къ укрѣпленію и развитію болѣе высокихъ тѣлесныхъ и духовныхъ способностей, у рабочихъ развивается быстрота и осторожность въ дѣйствіяхъ рукъ и пальцевъ при машинной работѣ, создается чувство отвѣтственности, вырабатывается интересъ къ качеству продукта и т. п. Но въ то же время растетъ и требованіе на сокращеніе рабочаго дня, на правильное установленіе дней отдыха, на установленіе ежегоднаго вакаціоннаго времени, словомъ на болѣе нормальное человѣческое существованіе.

Подъ вліяніемъ этихъ требованій рабочихъ работодатели стремятся вполнѣ использовать качества рабочихъ путемъ примѣненія машинъ и уменьшенія стоимости товара при высокой заработной платѣ. Къ этому побуждаетъ работодателей и конкурренція съ другими странами, гдѣ производство стоитъ выше. „Никакихъ сомнѣній нѣтъ, говоритъ G. Steffen (Studien zur Geschichte der Englischen Lohnarbei-

ter mit besonderer Berücksichtigung der Veränderung ihrer Lebenshaltungen), что качество „человѣческаго матеріала“ является рѣшающимъ факторомъ въ хозяйственномъ соперничествѣ и что высшія качества рабочихъ настолько же имѣютъ значенія, какъ и качества предпринимателей“ (Т. III, ч. 2-я). А эти высшія качества создаются и вырабатываются въ значительной степени подъ вліяніемъ дѣятельности профессіональныхъ союзовъ рабочихъ. „Профессіональные союзы рабочихъ, говоритъ J. Mitchell (предсѣдатель союза горныхъ рабочихъ въ Индіанополюсѣ въ С.-А. С. Штатахъ) поставили человѣка выше товара и выдвинули его въ хозяйственныхъ разсчетахъ на центральное мѣсто въ замѣнъ машины“ (Organisierte Arbeit). Профессіональные союзы, по словамъ другого изслѣдователя (Schadwell), являются въ настоящее время въ Англіи источникомъ промышленной силы и даютъ ей преимущество передъ ея конкурентами. Цѣлый рядъ другихъ изслѣдователей, въ согласіи со всѣмъ выше развитымъ здѣсь, категорически утверждаетъ, что высшая техника производства во многихъ случаяхъ получаетъ осуществленіе только подъ давленіемъ рабочихъ. Несмотря на кратковременность существованія и неразвитости по внѣшнимъ причинамъ дѣятельности профессіональныхъ союзовъ въ Россіи, все же и здѣсь повышеніе, напр., платы на металлургическихъ заводахъ въ 1907 г. повело къ усовершенствованію орудій производства, также въ текстильномъ производствѣ, въ печатномъ дѣлѣ и др. (К. Дмитріевъ: Профессіональное движеніе и союзы въ Россіи).

Кромѣ всего сказаннаго, надо еще отмѣтить, что примѣненіе машинъ и вообще техническихъ усовершенствованій вліяетъ не только на повышеніе и улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, но и на поднятіе ихъ умственнаго и духовнаго развитія и соціальнаго положенія. Дѣло въ томъ, что въ природѣ успѣховъ техники лежитъ то обстоятельство, что машина всасываетъ въ себя все болѣе и болѣе грубую и механическую работу. По словамъ одного писателя (Wendt), „основное направленіе въ современномъ хозяйственномъ развитіи состоитъ въ томъ, что посредствомъ техники человѣческая рабочая сила одухотворяется“. Руководство и наблюденіе со стороны человѣка за ходомъ машины выступаетъ все болѣе и болѣе на первый планъ и это предъявляетъ все большія и большія требованія къ умственной силѣ рабочаго; требуется болѣе внимательное, болѣе охотное наблюденіе, которое можетъ быть дано лишь интеллигентнымъ и образованнымъ рабочимъ. Машинное изготовленіе карманныхъ часовъ въ Америкѣ предъявляетъ требованіе къ болѣе высокимъ способностямъ, нежели изготовленіе ихъ по прежнему—ручнымъ способомъ. На мѣсто искусства рукъ высту-

паетъ духовная способность понимать машину: нужно знать машину, умѣть примѣняться къ ней, быстро соображать и заключать. При всемъ этомъ работа съ машиной создаетъ большую отвѣтственность и требуетъ пониманія ея. Одинъ италіанскій писатель проводитъ параллель между прежнимъ почтовымъ кучеромъ и теперешнимъ машинистомъ, ведущимъ поѣздъ. Тотъ проѣзжаетъ дорогу въ довольно сонливомъ состояніи, лошади бѣгутъ сами собой; онъ отвѣчаетъ за немногихъ людей и небольшой капиталъ; тогда какъ машинистъ поѣзда при быстрой ѣздѣ долженъ постоянно наблюдать сигналы и рельсовый путь, а равно и ходъ машины. Онъ отвѣчаетъ за сотни людей и большой капиталъ. Какъ бы въ добавленіе къ этому извѣстный химикъ В. Оствальдъ говоритъ: „Тогда какъ спящій кучеръ— нерѣдкое явленіе, спящій шоффферъ совершенно не мыслимъ".

А это все приводитъ къ еще большему увеличенію значенія человѣка въ производствѣ при развитіи машинной техники. „Почему, спрашиваетъ директоръ одной фабрики въ Америкѣ, наша пряжа легче и тоньше; такую шерсть и такія машины можетъ купить каждый фабрикантъ. Откуда же происходитъ преимущество нашего фабриката?... Только отого, что онъ изготовляется людьми, которые больше знаютъ".

Значеніе интеллигентности рабочаго проявляется и во многомъ другомъ, что важно при развитой техникѣ производства съ дорогими машинами. У интеллигентнаго рабочаго менѣе отбросовъ, онъ бережетъ машину. Онъ требуетъ меньше надзора. Многіе изслѣдователи объясняютъ успѣхи американской промышленности начитанностью болѣе образованныхъ рабочихъ. Преимущество въ развитіи стальной промышленности въ восточныхъ штатахъ приписывается прямо качеству рабочихъ, прошедшихъ школу. Итакъ, современная техника требуетъ образованнаго рабочаго и вообще культурнаго. Трудъ чистоплотнаго рабочаго окажется производительнѣе, чѣмъ нечистоплотнаго и просвѣщенные рабочіе работаютъ производительнѣе непросвѣщенныхъ, утверждаютъ американскіе предприниматели.

III.

Примѣненіе машинъ требуетъ по необходимости и развитія въ рабочемъ болѣе культурныхъ привычекъ и допускаетъ возможность того. Въ Калифорніи, напр., сельскохозяйственный рабочій во время пашни при палящемъ солнцѣ имѣетъ возможность сидѣть подъ зонтикомъ, что тамъ и практикуется. Все это уже сглаживаетъ до извѣстной степени разницу между умственнымъ и физическимъ трудомъ, уничтожаетъ рѣзкое различіе между тѣмъ и другимъ и между тѣми

требованіями, которыя предъявляются къ человѣческой личности въ зависимости отъ рода ея труда. Требованія эти становятся одинаковыми. Въ самомъ родѣ занятій и въ степени требуемаго просвѣщенія нѣтъ уже основаній дѣленія на классы. Просвѣщеніе пріобрѣтается не для того, чтобы выдѣлиться изъ общей массы, а чтобы, оставаясь тѣмъ же фабричнымъ рабочимъ или земледѣльцемъ, быть въ то же время просвѣщеннымъ человѣкомъ. Оно нужно и просто какъ человѣку и какъ работнику. Это должно устранить то непониманіе однихъ другими, которое ведетъ къ тому, что люди одного языка, вѣры и т. д. говорятъ какъ бы на разныхъ языкахъ, не понимаютъ другъ друга и вмѣсто признанія того единенія, которое создается неизбѣжной необходимостью взаимнаго сотрудничества, противоставляютъ себя другъ другу и ведутъ борьбу, не соревнованіе, а борьбу тогда, когда они работаютъ въ то же время другъ на друга и обойтись безъ этого не могутъ.

А эта борьба ведетъ къ тому, что замедляетъ прогрессъ, замедляетъ примѣненіе машинъ при капиталистическомъ производствѣ. И происходитъ это именно потому, что въ данномъ случаѣ капиталисты выступаютъ какъ сила, интересы которой противоположны интересамъ рабочихъ. А вытекаетъ это изъ того, что капиталистическій строй характеризуется тѣмъ, что въ основѣ его лежитъ стремленіе производить не ради удовлетворенія потребностей общества, а ради прибыли. Она есть тотъ богъ, которому поклоняются; поклоненіе это доходитъ до того, что въ Нью-Іоркѣ, напр., по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, компаніи желѣзныхъ дорогъ по городу давили каждый годъ нѣсколько человѣкъ прохожихъ и не передѣлывали переѣздовъ такъ, чтобы не было возможности несчастій, потому что передѣлка эта стоитъ дороже, чѣмъ уплата семьямъ ежегодно раздавленныхъ.

Вотъ къ чему приводитъ капиталистическая постановка предпріятій, т.-е. такая, въ которой на первомъ мѣстѣ ставится полученіе прибыли. Отсюда совершенно понятно, что и примѣненіе машинъ въ капиталистическомъ предпріятіи становится въ зависимость отъ того можетъ ли это принести или увеличить прибыль. Если нѣтъ, то машины и не примѣняются. Съ точки зрѣнія полученія прибыли, примѣненіе машины выгодно, когда машина стоитъ менѣе того труда, который оплачивается капиталомъ при производствѣ. А отсюда и проистекаетъ, что при дешевой оплатѣ труда машины, уже облегчающія трудъ и удешевляющія общую стоимость производства, при капиталистическомъ производствѣ еще не примѣняются.

Въ 60-хъ годахъ въ Англіи изобрѣтены машины, которыя могла примѣнять лишь Америка, ибо заработная плата въ ней выше; у насъ

въ Россіи на югѣ стали примѣнять земледѣльческія машины, когда при хорошемъ урожаѣ и маломъ наплывѣ рабочихъ, цѣны за жнитво очень поднялись. Германія 16—17 столѣтія изобрѣтала машины, которыя примѣнялись лишь въ Голландіи; многія французскія изобрѣтенія 18 вѣка примѣнялись лишь въ Англіи. Самыя машины, примѣняемыя въ одной отрасли производства, причиняютъ такой избытокъ труда въ другихъ отрасляхъ, что здѣсь паденіе рабочей платы препятствуетъ введенію машинъ, такъ какъ прибыль капиталиста вытекаетъ не изъ прилагаемаго труда, (котораго можетъ быть и много), а изъ оплачиваемаго труда, а оплата его можетъ быть очень низка. Все это отмѣчалъ еще Рикардо.

При введеніи фабричнаго законодательства въ Англіи, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ шерстяной мануфактуры дѣтскій трудъ сократился, ибо законъ ограничилъ его меньшимъ числомъ часовъ, а рабочіе хотѣли той же платы, какъ и раньше, и только тогда были введены машины. До запрещенія работъ женщинъ и дѣтей въ рудникахъ, не вводились машины, которыя были введены послѣ этого запрещенія, поведшаго къ сокращенію предложенія труда и поднятію заработной платы. Американцы изобрѣли машину для разбиванія камней, но англичане не употребляли ее, такъ какъ ручная разбивка камней, оплачивалась такъ дешево, что это только удорожило бы производство для капиталистовъ. Въ Англіи (60-е годы) при рытьѣ каналовъ употреблялись для тяги вмѣсто лошадей—женщины, такъ какъ „то, что требуется для содержанія лошади, чтобы она могла работать и для производства машины — есть опредѣленное количество, которое убавить нельзя, то же что требуется для содержанія труда женщины изъ избыточнаго населенія — ниже всякаго разсчета“, говоритъ К. Марксъ. Такимъ образомъ, капиталистическій строй, ставящій своею основною цѣлью при производствѣ не удовлетвореніе потребностей и повышеніе уровня человѣческаго существованія, какъ то должно бы быть, а имѣя своей цѣлью извлеченіе прибыли и стремясь постоянно къ повышенію ея, не всегда приводитъ и къ повышенію производительности, а напротивъ даже тормозитъ и задерживаетъ развитіе промышленности, такъ какъ не примѣняетъ машинъ, когда это невыгодно ему, хотя выгодно для всего народнаго хозяйства, для потребителей.

Та же основная цѣль примѣненія капитала вліяетъ и инымъ путемъ на увеличеніе количества труда, которое необходимо для удовлетворенія потребностей. Я уже указывалъ на стремленіе поставить дѣло такъ, чтобы машины работали безостановочно, да и вообще такъ шло все дѣло, чтобы капиталъ постоянный не оставался мертвымъ. А это, при изготовленіи тканей, напр., возможно только въ томъ

случаѣ, если ткани скоро изнашиваются или однѣ замѣняются другими и тѣмъ поддерживается постоянный спросъ на нихъ. Вотъ почему обратно съ стремленіемъ при домашней промышленности славиться такой прочностью тканей, чтобы онѣ переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, при капиталистическомъ фабричномъ производствѣ нѣсколько разъ въ году мѣняется мода, чтобы вызывать постоянный спросъ на ткани. А это, конечно, вызываетъ со стороны всего народнаго хозяйства на приготовленіе одежды гораздо большее количество труда, чѣмъ было бы иначе, да еще развивается къ тому же и чувство тщеславія.

5. Какіе капиталы обращаются въ производствѣ.

Выясняя неблагопріятныя вліянія капиталистическаго строя на удовлетвореніе потребностей общей массы потребителей, на положеніе рабочихъ и даже на развитіе самого производства, хотя бы въ той же его капиталистической сущности, для которой производство стоитъ на первомъ планѣ, какъ основа накопленія и полученія прибыли—необходимо при этомъ задать себѣ вопросъ: кто-же это носители этихъ вредныхъ сторонъ и вліяній капитализма?

Очевидно, владѣльцы капитала, такъ обыкновенно и смотрятъ на это и ставятъ всѣ грѣхи капитала въ вину отдѣльнымъ лицамъ. Но, именно, такая то постановка и невѣрна. Въ нашихъ объясненіяхъ намъ все время приходилось говорить о капитализмѣ, о капиталистическомъ строѣ, т. е. о тѣхъ отношеніяхъ, которыя складываются между производителями и потребителями и въ составѣ производителей между тѣми участниками производства, которые вносятъ въ него свой трудъ и тѣми, которые руководятъ имъ и, такъ сказать, даютъ ему ту постановку, которая требуется интересами капитала, т. е. задачей производства—извлеченіемъ прибыли. Итакъ, во главѣ дѣла интересы капитала, стало быть капиталисты и являются виновниками всѣхъ послѣдствій, на нихъ всѣ грѣхи его. Такъ это логически слѣдуетъ, отсюда и происходитъ обыкновенно пріуроченіе всѣхъ грѣховъ къ опредѣленнымъ лицамъ. Но кто же эти лица при современныхъ экономическихъ условіяхъ? Чьи капиталы вращаются въ производствѣ и требуютъ прибыли, оплаты процентовъ на капиталъ?

Извѣстно, что въ настоящее время повсюду существуютъ государственныя сберегательныя кассы; вкладчиками этихъ кассъ состоятъ почти исключительно лица изъ состава трудового населенія: это не мелкая буржуазія, не средній классъ, такъ какъ у тѣхъ ихъ мелкія суммы вращаются въ ихъ же производствѣ, которое нельзя вести безъ затраты на то оборотныхъ средствъ; это и не крестьяне, кото-

рымъ тоже необходимъ оборотный капиталъ и которые кредитуются, какъ и представители мелкой буржуазіи, въ ссудосберегательныхъ и кредитныхъ товариществахъ, куда и вкладываютъ свои свободныя наличныя средства. Въ государственныя сберегательныя кассы вносятъ избытки, остающіеся отъ неотложныхъ расходовъ, лица принадлежащія къ составу трудового населенія, въ томъ числѣ и рабочіе. По этимъ сбереженіямъ сберегательная касса начисляетъ, какъ извѣстно, проценты, хотя настолько невысокіе, что лица сколько нибудь состоятельныя предпочитаютъ вносить свои избытки въ другіе банки, оплачивающіе вклады болѣе высокимъ процентомъ. Но какъ бы ни былъ малъ процентъ, начисляемый государственной сберегательной кассой, она можетъ платить его только въ силу того, что на скопляющіяся въ ней суммы получаетъ сама болѣе высокій процентъ. Получать его она можетъ, только пуская эти суммы въ оборотъ, т. е., ссужая ихъ различнымъ предпріятіямъ, которыя въ свою очередь пускаютъ эти средства въ оборотъ, вкладывая ихъ въ дѣло, въ то или другое производство или торговлю, т. е. употребляя ихъ какъ капиталъ. И если гдѣ и можно говорить, что капиталъ образуется изъ сбереженій, то именно здѣсь, только не въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ это представляющіе себѣ образованіе капитала путемъ сбереженія. Обыкновенно разумѣютъ это такъ, что лицо бережливое скапливаетъ денежныя средства и этимъ путемъ образуетъ капиталъ, который затѣмъ и кладется въ основу коммерческаго дѣла. Здѣсь же, какъ видимъ, изъ сбереженій рабочихъ—или точнѣе, даже и не изъ сбереженій, а просто изъ денегъ, предназначенныхъ къ расходу черезъ нѣкоторое время—получается капиталъ, (хотя бы и ссуженный, что, какъ увидимъ, иногда бываетъ выгоднѣе затраты только своего капитала), получается капиталъ того или другого предпріятія, примѣняемый по всѣмъ правиламъ капиталистическаго производства.

Насколько крупное значеніе имѣютъ эти капиталы, можно судить потому, что, какъ это вычислялъ нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ нѣмецкій писатель, 52% всѣхъ сбереженій рабочихъ, (какъ онъ прямо говорилъ), т. е. всѣхъ капиталовъ Прусской сберегательной кассой было помѣщено въ закладные листы поземельнаго банка, иначе говоря, выданы въ ссуду крупнымъ землевладѣльцамъ, служили или для поддержанія крупнаго землевладѣнія или для предоставленія ему возможности производить такіе расходы и траты, которые иначе для него были недоступны. Извѣстно также, что изъ милліардовъ рублей, образующихся изъ многочисленныхъ мелкихъ взносовъ въ нашей государственной сберегательной кассѣ, долгое время значительная часть ихъ шла лишь на поддержку различныхъ крупныхъ частныхъ предпріятій, и только не особенно давно стали удѣлять оттуда

на образованіе учрежденій мелкаго кредита — кредитныхъ товариществъ.

Кто же въ такомъ случаѣ оказываются здѣсь капиталистами? Очевидно, тѣ рабочіе, вклады которыхъ находятся въ сберегательныхъ кассахъ, хотя каждый изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ быть названъ капиталистомъ, и многіе изъ нихъ являются рядовыми рабочими. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что тѣ отношенія, которыя создаются въ современномъ капиталистическомъ строѣ между представителями капитала и труда, имѣютъ свои основанія не въ свойствахъ и особенныхъ качествахъ тѣхъ лицъ, которыя являются представителями капитала, а въ той общей постановкѣ дѣла, которая опредѣляется чѣмъ-то инымъ, нежели особенностями индивидуальностей капиталистовъ. Это тѣмъ болѣе такъ, что приведенные во 2 отд. 1-ой главы нашего курса примѣры свидѣтельствуютъ не о сходствѣ только, но объ одинаковости пріемовъ въ отношеніи къ покупателямъ, потребителямъ какъ со стороны нетрудового, такъ и трудового населенія. Таже одинаковость пріемовъ со стороны того и другого класса существуетъ, какъ указано было тамъ же, и въ отношеніи къ наемному труду, который тоже разсматривается какъ товаръ, продавцемъ котораго является рабочій, а покупателемъ наниматель. Ясно, что у тѣхъ и другихъ существуетъ одинаковый взглядъ на то, какъ надо вести коммерческое дѣло, производство на продажу. Разницы у тѣхъ и другихъ во взглядахъ на это, какъ я тамъ же отмѣтилъ, и не можетъ быть, такъ какъ тѣ и другіе имѣютъ общія человѣческія свойства и выросли и дѣйствуютъ при одинаковыхъ условіяхъ веденія производства, хотя и подходятъ къ нимъ съ разныхъ сторонъ. Но это послѣднее обстоятельство только и вліяетъ на то, что точки зрѣнія ихъ различны лишь въ зависимости отъ того, на какой сторонѣ они стоятъ въ данный моментъ: стоитъ только тѣмъ же лицамъ помѣняться сторонами, измѣняются и ихъ взгляды на взаимоотношенія и происходитъ это отъ перемѣны точки зрѣнія, въ зависимости отъ перемѣны той стороны—съ которой приходилось смотрѣть ранѣе и приходится смотрѣть теперь. То человѣкъ былъ на солнечной сторонѣ улицы и ему казалось на другой сторонѣ все лежащимъ въ тѣни, перешелъ на тѣневую сторону и свѣтъ съ противоположной стороны слѣпитъ глаза, а человѣкъ остался тотъ же.

Но если такъ, то значитъ все дѣло не въ людяхъ какъ отдѣльныхъ индивидуальностяхъ, а въ тѣхъ воззрѣніяхъ на необходимость опредѣленной постановки дѣла, которыя внѣдрились во всѣхъ ихъ, въ ихъ совокупность и въ тѣхъ условіяхъ, которыя выработали опредѣленныя отношенія и соотвѣтственныя тому воззрѣнія. Какія это условія, что опредѣлили то противоположеніе интересовъ, ту

борьбу, которая характеризуетъ современныя экономическія отношенія—это выяснено было въ гл. II, гдѣ изображался процессъ перехода къ мѣновымъ отношеніямъ между враждебными племенами и перенесенія выработавшихся между ними отношеній на внутри племенной обмѣнъ. Но въ гл. I было показано, какъ это противорѣчитъ той связи, тому единенію среди людей, которое обусловливается раздѣленіемъ занятій, и безъ котораго не только отдѣльные люди, но и отдѣльные народы не могутъ теперь существовать. А если такъ, то опять таки согласно съ тѣмъ, что мною выяснялось въ отд. 2 главы I, въ основу хозяйственныхъ отношеній должно неизбѣжно ложиться представленіе о единствѣ и общности интересовъ, а не о противоположности и борьбѣ ихъ. Только тогда и возможно рабочимъ участвовать своими сбереженіями въ поддержкѣ предпріятій съ постороннимъ трудомъ, какъ то дѣлается теперь. Этой поддержкой при современныхъ условіяхъ рабочіе становятся въ неустранимое противорѣчіе съ своей классовой точкой зрѣнія. Получается уже въ дѣйствительности то, что въ I гл. мною высказано какъ нѣчто возможное, а именно, что сдѣланное рабочимъ оружіе направляется противъ него же; сбереженія рабочихъ, положенныя въ основу опредѣленнаго предпріятія, могутъ служить къ эксплоатаціи труда какъ разъ именно тѣхъ рабочихъ, которые и внесли эти сбереженія.

Основа создавшихся отношеній, унаслѣдованныхъ изъ временъ первобытнаго существованія дикарей, лежитъ въ томъ, что самыя-то отношенія вытекли изъ стремленія каждаго племени, а затѣмъ и отдѣльныхъ предпріятій удовлетворить с в о и нужды, тогда какъ возможно это было сдѣлать только изготовляя что либо для нуждъ другихъ. Но такъ какъ въ основѣ-то лежала забота о себѣ, то нужда другого не была чѣмъ либо опредѣляющимъ, и въ концѣ-концовъ вышло такъ, что при мѣновомъ и денежномъ хозяйствѣ не тотъ кому нужны предметы, не потребитель являлся опредѣляющимъ свои нужды, а производитель. Вотъ измѣненіе организаціи и всей постановки производства въ направленіи объединенія интересовъ тѣхъ и другихъ только и можетъ измѣнить ту точку зрѣнія, при которой интересы производителя разсматриваются какъ противоположные интересамъ потребителя и вообще противопоставляются интересы покупателя и продавца, которыми являются и продавцы и покупатели и такого товара, которымъ, какъ увидимъ, является трудъ, рабочая сила человѣка. Въ этомъ направленіи объединенія, какъ увидимъ дальше, и движется развитіе экономическихъ отношеній.

6. О производительности капитала.

Остановлюсь здѣсь еще на одномъ недоразумѣніи относительно капитала, недоразумѣніи, которое тоже имѣетъ свои корни въ той первобытной борьбѣ дикихъ племенъ между собою, которая положила начало рабству и угнетенію одного человѣка другимъ.

Я говорю о понятіи производительности капитала. Когда говорятъ о ней, то нерѣдко употребляютъ это выраженіе не просто въ переносномъ смыслѣ, а приписываютъ именно капиталу производительность. Хотя ранѣе было уже достаточно выяснено, что все производитъ трудъ, а капиталъ есть орудіе труда, тѣмъ не менѣе можетъ возникнуть вопросъ: а какъ же съ увеличеніемъ капитала или съ введеніемъ улучшенныхъ машинъ повысилась производительность предпріятія, а трудъ остался въ томъ же количествѣ или даже и уменьшился? Но это-то и свидѣтельствуетъ, что трудъ сталъ производительнѣе, увеличилась его производительность, вслѣдствіе примѣненія трудомъ усовершенствованнаго орудія. Когда человѣкъ копалъ землю лопатой—дѣло шло медленно. Но вотъ онъ придумалъ соху или плугъ — дѣло пошло быстрѣе. Что же это производительность плуга или это возросла производительность человѣческаго труда, вслѣдствіе того, что человѣкъ придумалъ и произвелъ, создалъ лучшее орудіе? Человѣкъ черпалъ воду горсточкой, а потомъ сталъ черпать ковшомъ или ведромъ, бросалъ въ птицу камнемъ, рѣдко попадалъ въ нее и результаты охоты были малы, но придумалъ лукъ и стрѣлы и охота стала удачнѣе. Скажетъ ли кто, что это результатъ производительности лука и стрѣлъ? Конечно нѣтъ. Но то же и по отношенію къ другимъ орудіямъ труда, какъ машины и т. п. „Такія вещи, говоритъ Платтеръ, какъ инструменты и машины (а это составныя части капитала Н. К.) являются, однако, такими же продуктами труда, какъ и то, что при ихъ помощи производится; они означаютъ лишь лучшій методъ труда, болѣе производительный трудъ. То обстоятельство, что создаваясь однимъ рабочимъ, они примѣняются другимъ, является лишь вполнѣ необходимымъ проявленіемъ широко распространеннаго раздѣленія труда, ничего не мѣняя въ сущности разбираемаго положенія вещей. Слѣдуетъ лишь и въ этомъ случаѣ, какъ это необходимо при объясненіи происхожденія продуктовъ, разсматривать рабочій классъ, какъ одно цѣлое. Если мы представимъ себѣ, что тотъ же человѣкъ, который примѣняетъ машину и создалъ ее, то мы не сможемъ, вѣдь, никоимъ образомъ сказать, что машина создаетъ что либо. Рабочій создаетъ все: трудъ, который онъ затрачиваетъ на производ-

ство машины, составляетъ лишь начало труда, затраченнаго на продуктъ, создаваемый при помощи машины".

Откуда же въ такомъ случаѣ могло явиться представленіе о производительности капитала? Во-первыхъ, изъ той видимости, которая, какъ и въ представленіи о движеніи солнца вокругъ земли, обманываетъ насъ. Видимость эта заключается въ томъ, что первый предприниматель, примѣняющій усовершенствованную машину, напр., получаетъ болѣе высокую прибыль, что потомъ и заставляетъ и остальныхъ примѣнять машину, откуда и получается мысль, что такъ какъ прибыль повысилась при улучшенномъ составѣ капитала, то въ немъ, въ его производительности и причина повышенія прибыли. Но это повышеніе является вслѣдствіе того, что трудъ рабочихъ этого предпріятія, примѣняющихъ при машинѣ „лучшіе методы труда", становится болѣе производительнымъ, т.-е. продуктъ создается меньшимъ количествомъ труда, примѣняемаго въ настоящее время, а продается по той же цѣнѣ, какъ и продуктъ большинства остальныхъ предпріятій, еще не пользующихся лучшими методами труда. Поэтому прибыль перваго, примѣнившаго эти лучшіе методы труда, и возрасла сравнительно съ прибылью остальныхъ, гдѣ трудъ примѣняется менѣе производительно.

Итакъ, меньшее количество труда сравнительно съ прежнимъ примѣняется въ настоящее время для производства того же количества товара. Почему же это оказывается возможнымъ? Потому что начало этому труду положено ранѣе, это только продолженіе, прибавка къ труду рабочихъ, дѣлавшихъ машину и къ труду изобрѣтателя ея. Тутъ, какъ и вообще въ болѣе высокой производительности труда въ настоящее время, сравнительно съ прежнимъ, мы пользуемся, такъ сказать, сотрудничествомъ прошедшихъ поколѣній, такъ какъ тѣ орудія, которыми мы работаемъ теперь, ихъ изготовленіе и изобрѣтеніе являлось началомъ изготовленія того предмета, работа надъ которымъ заканчивается теперь. При этомъ надо имѣть въ виду, что это начало тянется черезъ длинный рядъ предковъ. Я уже не буду говорить, что тѣ чудеса человѣческой изобрѣтательности, которыя мы видимъ въ современныхъ машинахъ, имѣютъ свое давнее начало въ примитивныхъ орудіяхъ дикаря, являвшихся плодомъ его изобрѣтательности и труда. Но и въ послѣдующее время сколько потребовалось знаній и труда, чтобы довести каждую изобрѣтенную уже машину до той степени усовершенствованія, въ какой мы имѣемъ ее теперь. Какъ вся конструкція любой машины, такъ и отдѣльныя части ея, являлись не сразу въ готовомъ видѣ, а требовали усиленной наблюдательности, опытовъ, напряженной работы мысли, знанія и, наконецъ, физическаго труда многихъ лицъ и притомъ не

одного поколѣнія, чтобы удовлетворять своему назначенію и чтобы получилось то совершенное орудіе, какое мы имѣемъ теперь. Не ясно ли въ такомъ случаѣ, что весь успѣхъ производства при современныхъ усовершенствованіяхъ техники, есть проявленіе производительности человѣческаго труда и только труда! Такимъ образомъ, производительность капитала — это только та внѣшняя видимость, которая закрываетъ собою производительность труда.

Есть и другое основаніе, закрывающее эту производительность. Какъ мы знаемъ уже, первоначальная возможность накопленія избытковъ давалась трудомъ рабовъ. Но рабы въ то время, когда ихъ не считали за такихъ же людей, какъ и рабовладѣльцевъ, представляли собою имущество, приносящее доходъ, капиталъ рабовладѣльца; на нихъ смотрѣли такъ же, какъ и на вьючныхъ или упряжныхъ животныхъ; послѣднія и теперь составляютъ капиталъ, такъ какъ на содержаніе ихъ и уходъ за ними необходимъ человѣческій трудъ, и съ этой точки зрѣнія животныя рабочія и продуктивныя (молочный скотъ) являются тоже продуктомъ предварительнаго труда. Къ нимъ приравнивались и рабы, трудъ которыхъ примѣнялся къ производству. Но вѣдь это былъ трудъ все же людей. А обладатели этихъ людей имѣли въ нихъ, въ этомъ имуществѣ—источникъ дохода, и потому этотъ капиталъ—рабы являлся такимъ, къ которому вполнѣ прилагалось представленіе о производительности капитала. А затѣмъ, когда люди уже вышли изъ состава имущества, понятіе производительности капитала перенесено было на другія составныя части его. Кромѣ того, въ заблужденіе можетъ вводить еще и то обстоятельство, что не рѣдко и земля причисляется къ составу капитала, а она, конечно, имѣетъ самостоятельную производительность, для использованія которой нуженъ, однако, также человѣческій трудъ и знанія. Капиталомъ же она не можетъ быть, такъ какъ и существуетъ независимо отъ труда человѣка и многія произростанія на ней, залежи веществъ въ ней созданы также безъ участія труда, и лишь то, что вложено въ нее трудомъ т.-е. прочныя улучшенія должны причисляться къ составу капитала.

7. О возобновляемости капиталовъ.

Прежде чѣмъ закончить главу о капиталѣ, необходимо коснуться еще одной стороны въ явленіяхъ, связанныхъ съ его существованіемъ.

Д. С. Милль въ главѣ о капиталѣ, между прочимъ, пишетъ: „Капиталъ поддерживается изъ поколѣнія въ поколѣніе не тѣмъ, что сохраняется, а тѣмъ, что постоянно воспроизводится“. Я отмѣтилъ это выше по поводу вопроса о происхожденіи капитала

путемъ сбереженія. Здѣсь же добавлю еще, что, приступая къ производству, имѣютъ обычно капиталъ въ денежной формѣ, но чтобы вести производство, надо превратить его въ производственную форму: строенія, машины, сырье и т. д.; изъ этой формы, путемъ приложенія труда, онъ переходитъ въ товарную форму, затѣмъ, поступая въ продажу, опять превращается въ денежную форму и т. д.—Капиталъ постоянно, такимъ образомъ, воспроизводится. Исходя изъ этого постояннаго уничтоженія въ капиталѣ его первоначальной формы и его постепеннаго воспроизведенія, Д. С. Милль и говоритъ далѣе: „Постоянное потребленіе и воспроизведеніе капитала служитъ объясненіемъ факту, столь часто возбуждавшему удивленіе, факту чрезвычайной быстроты, съ которой страны поправляются отъ опустошеній,—тому, что скоро исчезаютъ всѣ слѣды бѣдствій, нанесенныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и военнымъ разореніемъ.... Тутъ нѣтъ ровно ничего удивительнаго.... Возможность быстраго возвращенія погубленныхъ бѣдствіемъ богатствъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того сохранилось ли населеніе страны. Если ея трудящееся населеніе не истреблено во время бѣдствій и не вымерло потомъ отъ голода, то, сохранивъ прежнее искусство и знаніе, оно имѣетъ оставшуюся безъ поврежденій свою землю съ ея прочными улучшеніями..... Если у жителей осталось столько пищи или столько цѣнностей, чтобы купить пищи на то, чтобы съ какими бы то ни было лишеніями просуществовать и быть въ состояніи работать, они скоро произведутъ такое же количество продуктовъ, въ общей своей сложности пріобрѣтутъ прежнее количество богатства и капитала и достигнутъ этого простымъ продолженіемъ труда, какой прежде употребляли на свои занятія“.

Все сказанное здѣсь Д. С. Миллемъ въ своей основѣ вѣрно и въ особенности для того времени, когда онъ писалъ и постольку, поскольку сказаннымъ имъ здѣсь отмѣчается, что вся сила производства въ человѣкѣ, его трудѣ и знаніяхъ. Но здѣсь надо имѣть въ виду тѣ ограниченія, которыя установляются самимъ Д. С. Миллемъ. Если не имѣть ихъ въ виду, то получается такое впечатлѣніе какъ будто бы надо придавать очень малое значеніе разрушеніямъ, производимымъ, хотя бы войной. Они скоро возстановятся. Но, во первыхъ, вернется по Миллю же только „прежнее количество“, слѣдовательно все время и труды за періодъ войны, причемъ много трудовыхъ силъ отвлекается на войну и производство на оборону, пропадаютъ безслѣдно для улучшенія у себя и съ большимъ вредомъ для врага, съ которымъ другое время находимся въ обмѣнѣ, хозяйство котораго, слѣдовательно, служитъ и для насъ, почему намъ не безразличны и послѣдствія войны для него. Другая оговорка касается оставшейся

безъ поврежденій земли „съ ея прочными улучшеніями". А прочные земельныя улучшенія—это уже капиталъ и притомъ такой, который воспроизводится далеко не легко и быстро. Если имѣть въ виду такія улучшенія, какъ тѣ осушительныя и оросительныя сооруженія въ С.-А. С. Штатахъ, Египтѣ, Австраліи, о которыхъ я говорилъ въ главѣ о природѣ, то они требуютъ десятковъ лѣть только для ихъ возстановленія, а затѣмъ сколько еще надо времени на исправленіе той земли, которая можетъ быть разрушеніями такихъ сооруженій приведена въ состояніе даже худшее, чѣмъ то, изъ котораго ее вывело искусственное орошеніе или осушеніе. А между тѣмъ, чѣмъ далѣе живетъ человѣчество и накопляются его знанія и искусство, тѣмъ болѣе въ его настоящемъ трудѣ—отходитъ на долю сотрудничества прошлаго, тѣмъ болѣе мѣста и значенія въ производствѣ получаетъ основной капиталъ, тѣмъ солиднѣе становятся постройки; на мѣсто прежнихъ, простыхъ орудій становятся сложныя машины и, слѣдовательно возстановленіе этого не можетъ быть такъ быстро даже для простого возвращенія къ прошлому, не говоря уже о томъ, что жизнь выражается только въ движеніи впередъ, которое при отмѣченныхъ Д. С. Миллемъ условіяхъ задержано. Затѣмъ, надо имѣть въ виду, что даже и по отношенію къ оборотному капиталу требуется продолжительное время на его возстановленіе. Такъ напр.: выводъ улучшенныхъ сѣмянъ получается только благодаря многолѣтнему тщательному отбору. Если запасы ихъ уничтожены, напр., пожаромъ, какъ это происходитъ у насъ при погромахъ многихъ имѣній, то вотъ и потеряны плоды многихъ лѣтъ и притомъ такъ, что, можетъ быть, ихъ и возстановить нельзя. Такая же потеря можетъ получиться и отъ уничтоженія племенного скота, выводъ котораго въ качествѣ пригоднаго для данныхъ условій, также можетъ быть результатомъ только многолѣтняго отбора. Далѣе, имѣя въ виду техническія усовершенствованія, примѣняемыя при современной войнѣ, нельзя утѣшаться и тѣмъ, что населеніе „имѣетъ оставшуюся безъ поврежденій свою землю". Колоссальные снаряды, употребляемые въ современной войнѣ, не только вырыли глубокія ямы, но вывернули подпочву, т. е. создали совершенно другую безплодную землю, на приведеніе которой въ прежнее состояніе, пригодное для обработки и урожая, требуется уже значительное время, не говоря уже о лѣсахъ, уничтоженныхъ тоже войной и требующихъ десятковъ лѣтъ для своего возстановленія. Если все это имѣть въ виду, то надо признать, что чѣмъ дальше подвигается впередъ экономическое развитіе и чѣмъ больше человѣческій трудъ вооружается знаніемъ и искусствомъ и чѣмъ болѣе въ современномъ заключены плоды прошлаго труда, тѣмъ болѣе люди заинтересованы въ

томъ, чтобы не только ради сохраненія своей личности, но и ради сохраненія накопленнаго предшествующимъ трудомъ, ставить въ основу своихъ отношеній—единеніе и солидарность, не борьбу другъ съ другомъ, не эксплоатацію одними людьми другихъ, а совмѣстную борьбу людей съ природой и пользованіе ея силами и средствами для взаимнаго благополучія.

IX. Организація и формы хозяйственныхъ предпріятій.

1. Различныя формы промышленности и процессъ первоначальнаго выдѣленія ихъ изъ общей совокупности занятій.

До сихъ поръ рѣчь шла о тѣхъ проявленіяхъ силъ природы и человѣка, соединеніе и взаимодѣйствіе которыхъ даетъ въ результатѣ тѣ предметы, которые необходимы намъ какъ для удовлетворенія потребностей въ пищѣ, питьѣ, одеждѣ и т. д., такъ и предметы служащіе орудіями и средствами труда. Но изъ изложеннаго уже видно было, что люди, обладающіе трудовыми силами, далеко не всегда владѣютъ орудіями и средствами труда, а для производства необходимо нахожденіе послѣднихъ въ рукахъ людей. Безъ этого нельзя использовать и силы природы. Независимо отъ этого, по изготовленіи предметовъ потребленія, ихъ надо доставить на рынокъ, въ мѣсто продажи или къ покупателю, затѣмъ, вырученныя за нихъ деньги, обратить далѣе въ производственный капиталъ и т. д.

Для осуществленія всего этого требуется извѣстная организація, соединеніе опредѣленныхъ силъ для достиженія намѣченной цѣли производства. Въ современныхъ условіяхъ задача осуществленія этого и лежитъ по преимуществу на томъ лицѣ или тѣхъ хозяйственныхъ органахъ, въ распоряженіи которыхъ находится капиталъ, предназначенный для производства.

Но организація этого не всегда имѣла своимъ исходнымъ началомъ капиталъ, да и въ настоящее время наблюдается цѣлый рядъ формъ хозяйственныхъ предпріятій, являющихся чисто трудовыми. Въ современной хозяйственной жизни мы имѣемъ одновременное существованіе или различныхъ исторически смѣнявшихся формъ, или же различающихся въ зависимости отъ рода и производимыхъ предметовъ и условій ихъ производства.

Такъ мы наблюдаемъ въ настоящее время одновременное существованіе крупныхъ фабричныхъ и заводскихъ предпріятій, гдѣ организаторомъ является, скажемъ для краткости, капиталъ. Рядомъ съ этимъ существуютъ даже въ тѣхъ же отрасляхъ производства мелкія предпріятія, такъ называемое, кустарное производство и кромѣ того

производство тѣхъ же предметовъ на дому по заказу той-же крупной фабрики. Имѣемъ въ области промышленности и ремесленное производство. Рядомъ со всѣми этими формами, изготовляющими товары только для продажи, существуетъ спеціально домашнее хозяйство, гдѣ все производится не на продажу, а только для удовлетворенія потребностей даннаго домохозяйства. Къ этому же послѣднему приближается и крестьянское земледѣльческое хозяйство, гдѣ производство ведется для удовлетворенія своихъ домашнихъ потребностей произведенными предметами въ соединеніи, однако, съ изготовленіемъ товаровъ на продажу. Земледѣльческое хозяйство въ свою очередь имѣетъ двѣ формы.

Одна только что поименованная—мелкое, трудовое крестьянское хозяйство, другая, крупное помѣщичье и капиталистическое хозяйство; между двумя послѣдними рѣзкой грани провести нельзя, такъ какъ они нерѣдко переходятъ одно въ другое. Но подъ помѣщичьимъ я разумѣю такое, гдѣ земля принадлежитъ землевладѣльцу, а обрабатывается она трудомъ крестьянъ и ихъ инвентаремъ за деньги или за какія либо угодья. Къ капиталистическому же надо отнести такое, гдѣ и земля и весь рабочій инвентарь живой (скотъ) и мертвый (орудія) принадлежатъ одному предпріятію, нанимающему батраковъ—рабочихъ. Но и здѣсь возможенъ наемъ рабочихъ за деньги изъ окрестныхъ крестьянъ съ ихъ инвентаремъ или какъ отработка за пользованіе какими либо угодіями: покосомъ пастбищемъ и т. д.

Слѣдуетъ наконецъ имѣть въ виду—тоже какъ форму предпріятія, переходъ изъ одной мѣстности въ другую или изъ двора во дворъ со своимъ инструментомъ для шитья платья (портные) или какъ шерстобиты напр. и т. п. Перехожій рабочій за время работы обыкновенно помѣщается и харчится въ томъ дворѣ, на который работаетъ.

Исторически, какъ это должно быть понятно изъ всего предыдущаго, первобытная форма хозяйства—это конечно всецѣло—домашнее. Но когда началось соприкосновеніе различныхъ племенъ, живущихъ при разныхъ природныхъ условіяхъ, то, какъ мы знаемъ уже, начался обмѣнъ тѣмъ, что было въ каждомъ племени или могло быть добыто въ избыткѣ противъ необходимаго для себя и чего нѣтъ у сосѣда и обратно. Это повело къ образованію на ряду съ произведеніемъ для собственнаго потребленія, и производства для обмѣна; выдѣлился особый видъ занятій, хотя бы это было занятіемъ тѣхъ лицъ, которые продолжаютъ дѣлать и все остальное, что необходимо имъ. Соотвѣтственно этому еще у племенъ довольно первобытныхъ, въ особенности если брать совокупность ихъ поселеній, связанныхъ, однако, между собою обмѣномъ, получается какъ бы выдѣленіе того,

что носитъ теперь названіе кустарныхъ промысловъ. Такъ одинъ бельгійскій путешественникъ пишетъ о племенахъ Конго въ Африкѣ: „Села туземцевъ расположены группами, жизнь ихъ основана на взаимопомощи и они до извѣстной степени дополняютъ другъ друга. Одни занимаются рыболовствомъ, другія изготовляютъ пальмовое вино, третьи занимаются торговлей, четвертыя обработкой желѣза и мѣди и производствомъ оружія для войны и охоты и изготовляютъ утварь различнаго рода и т. д. Никто не вправѣ перейти за предѣлы своей спеціальности, т. е. той отрасли производства, которой онъ занимается, подъ страхомъ подвергнутся опозоренію". — Такихъ наблюденій довольно много.

То что дѣлалось прежде цѣлыми общинами, затѣмъ при разростаніи ихъ могло оказаться дѣломъ только части членовъ общины. Запрещеніе же переходитъ за предѣлы своей спеціальности могло обусловливаться двумя причинами: съ одной стороны необходимо было обезпечить надлежащее количество предметовъ, идущихъ для обмѣна, причемъ не могло быть большихъ измѣненій въ количествѣ требуемыхъ предметовъ каждаго рода, такъ какъ обмѣнъ ограничивался сравнительно небольшимъ кругомъ общинъ, участвующихъ въ немъ; съ другой стороны изготовленіе опредѣленныхъ предметовъ для занимающихся ими было источникомъ пріобрѣтенія другихъ взамѣнъ на свои издѣлія; это тоже надо было обезпечить каждому запретомъ вторгаться другимъ въ кругъ его занятій. Но это же закрѣпленіе опредѣленныхъ занятій за опредѣленными группами населенія служило и экономическимъ основаніемъ дѣленія на касты.

Тому же закрѣпленію кастоваго подраздѣленія содѣйствовалъ и другой путь выдѣленія особаго ремесленнаго класса — это закрѣпленіе опредѣленныхъ занятій за покоренными народами, что тоже отчасти способствовало тому презрѣнію древнихъ къ ремесленнымъ занятіямъ, о которомъ было говорено выше. Для перехода отъ одного занятія къ другому и не было особыхъ причинъ и потому сохранялась наслѣдственность занятія опредѣленнымъ производствомъ. Сперва это могло быть просто по обычаю, а затѣмъ и узаконено. Но кромѣ того и сами представители отдѣльныхъ занятій стремятся сохранить свою замкнутость и недопустить другихъ до этихъ занятій.*)

На ряду съ этимъ выработался и другой путь выдѣленія особыхъ видовъ занятій. Это отдѣленіе города отъ деревни. Начало этому положено сосредоточеніемъ торговли въ опредѣленныхъ мѣстахъ, по преимуществу по воднымъ путямъ сообщенія, какъ то было у Фини-

*) Кромѣ чисто экономическихъ причинъ на закрѣпленіе кастъ воиновъ, духовенства, вліяли конечно и политическія.

кіянъ, Грековъ и т. д. Назначались для торговли особыя огороженныя мѣста. Для лицъ, съѣхавшихся сюда, требовались разные предметы и тутъ селились тѣ, кто могъ производить эти предметы, и въ прежнихъ окружающихъ условіяхъ не находилъ для себя занятій. Тутъ сталъ создаваться особый классъ ремесленниковъ, изготовлявшихъ издѣлія для потребностей жителей такихъ огороженныхъ мѣстъ, т.-е. городовъ. Здѣсь тоже образовались союзы занятыхъ опредѣленнымъ дѣломъ — цехи.

Ограничиваясь пока сказаннымъ относительно выдѣленія особыхъ промысловыхъ занятій, остановлюсь теперь на характеристикѣ отдѣльныхъ формъ хозяйственныхъ предпріятій. Сказаннымъ до сихъ поръ уже намѣчаются съ одной стороны занятія цѣлыхъ общинъ по изготовленію отдѣльныхъ предметовъ, съ другой существованіе спеціальныхъ ремесленниковъ въ городахъ. Разсмотримъ отдѣльно организацію различныхъ формъ хозяйственныхъ предпріятій.

2. Кустарные промыслы.

Какъ уже указано, мѣстныя природныя условія дали возможность заняться въ земледѣльческихъ общинахъ и въ хозяйствахъ работающихъ на себя, изготовленіемъ предметовъ для обмѣна. Къ выдѣленію этихъ особыхъ занятій среди земледѣльческаго населенія вела и другая причина, заключающаяся въ томъ, что земледѣліемъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей нельзя заниматься круглый годъ. А между тѣмъ по условіямъ производительности труда, необходимо вести трудовую жизнь въ теченіи всего года. Вотъ и надо, пользуясь тѣмъ, что даетъ природа въ избыткѣ, изготовлять изъ этого на продажу то или другое, что ранѣе дѣлалось только для себя. Такимъ образомъ у насъ въ Россіи въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, стали изготовлять на продажу дуги, сани, телѣги, чашки, ложки, кадки, столы, скамьи, а близъ городовъ и городскую мебель — стулья и т. д.; въ мѣстностяхъ богатыхъ глиною, — глиняную посуду; также развился сапожный промыселъ, игрушечный и многіе другіе.

Организаторомъ промысла является обыкновенно крестьянская семья, приготовляющая издѣлія зимою въ свободное отъ земледѣлія время. Мастерской обычно является та же изба, гдѣ живутъ, ѣдятъ, спятъ. Только въ нѣкоторыхъ видахъ промысловъ устраивается особая мастерская, напр., въ пимокатномъ промыслѣ (валянки), такъ какъ этого требуютъ условія промысла. То же бываетъ въ столярномъ — съ громоздкимъ матеріаломъ и т. д. Работаютъ обыкновенно члены семьи и только при разростаніи промысла или недостаткѣ членовъ семьи, когда нельзя производство вести одному, нанимаютъ рабочихъ. При этомъ,

однако, съ теченіемъ времени и расширеніемъ сбыта, бываетъ и такъ, что такой мелкій промыселъ, съ увеличеніемъ числа наемныхъ рабочихъ, превращается уже въ предпріятіе капиталистическаго типа и переходитъ въ то, что можно назвать уже средней промышленностью, мелко-буржуазнымъ предпріятіемъ.

Признаками собственно кустарнаго предпріятія, имѣя въ виду его происхожденіе и основныя черты, слѣдуетъ считать такое, въ которомъ участники его — по преимуществу семья — работаютъ за свой страхъ и рискъ, безъ наемнаго труда; изъ матеріаловъ, добываемыхъ въ своемъ же хозяйствѣ (кустарное ткачество полотна) или покупаемыхъ на рынкѣ, изготовляютъ предметы своего производства для продажи на неопредѣленнаго и напередъ неизвѣстнаго покупателя, на рынокъ и при томъ часто — не ближайшій. Хотя основная форма кустарнаго промысла — это занятіе имъ крестьянской семьей въ свободное отъ земледѣлія время, но это не есть непремѣнный признакъ. По выгодности многихъ промысловъ или по малоземелью нерѣдко крестьянская семья переходитъ къ занятію кустарнымъ промысломъ въ теченіи всего года, совершенно бросая занятіе земледѣліемъ. Бываетъ и такъ, что и прямо все селеніе круглый годъ занимается какимъ либо промысломъ, какъ напр. въ с. Павлово и Ворсма, гдѣ занимаются издѣліемъ столовыхъ ножей. При опредѣленныхъ условіяхъ кустарничаетъ и не крестьянское населеніе, какъ напр., мѣщане Сергіевскаго Посада Московской губерніи, изготовляющіе игрушки. Все это и не позволяетъ вводить въ признакъ кустарнаго промысла занятіе имъ только въ зимнее время.

Нельзя вводить въ признакъ кустарнаго промысла и ручной трудъ, такъ какъ ему не чуждо и примѣненіе машинъ, для приведенія въ дѣйствіе которыхъ по отдѣльнымъ мастерскимъ можетъ существовать одинъ общій двигатель съ отдѣльными приводами для передачи силы.

Что касается условій и способовъ сбыта издѣлій, то они здѣсь различны. Разносъ и развозъ по селеніямъ, ярмаркамъ, даже улицамъ города (напр. горшечныя издѣлія, игрушки, плетеная мебель, корзины), поставка въ опредѣленные магазины или предложеніе для продажи туда—но безъ всякаго заказа напередъ.

Въ условіяхъ сбыта заключается, однако, и источникъ перехода кустарнаго промысла въ иную форму предпріятія, гдѣ уже выступаетъ почти исключительно наемный трудъ. Дѣло въ томъ, что при необходимости пріобрѣтать для переработки сырой матеріалъ путемъ покупки и при наличности малаго количества покупательныхъ средствъ или совершеннаго отсутствія запаса ихъ, а также при

отсутствіи надлежащаго кредита, кустарь не можетъ ждать со сбытомъ своихъ издѣлій. Поэтому, глядя по промыслу и по запасу сырья, ему необходимо бываетъ нерѣдко сбыть то, что сработалъ за недѣлю, чтобы закупить и средства продовольствія и сырье, безъ котораго нельзя работать далѣе. Но за недѣлю нерѣдко бываетъ такъ мало наработано, что не съ чѣмъ ѣхать на рынокъ. И вотъ, чтобы не останавливаться въ работѣ, надо или прибѣгнуть къ займу деньгами на сырой матеріалъ или получить его взаймы въ натурѣ. — Это открываетъ путь къ тому, что кустарь попадаетъ въ подчиненное положеніе къ ростовщику, а у послѣдняго растетъ ростовщическій капиталъ, дающій потомъ начало промышленному.

Если дѣло не происходитъ такъ, то и инымъ путемъ кустарь можетъ идти къ тому же концу. Наработанный имъ за недѣлю товаръ, съ которымъ не стоитъ ѣхать, но который надо продать, прихватитъ можетъ быть съ собой и сосѣдъ, везущій свой товаръ на продажу; онъ же и сырья купитъ для себя и сосѣда, за что и благодарность получитъ. Но мало по малу начинается и форменная скупка издѣлій у своихъ односельчанъ и сбытъ имъ сырого матеріала заготовленнаго и на ихъ долю. Создается торговый капиталъ, кладущій тоже начало промышленному.

Какъ ростовщическій, такъ и торговый капиталъ отличаются отъ промышленнаго тѣмъ, что они не создаютъ ничего новаго, а только разрушаютъ уже существующія формы. Кустарь, сбывая свой товаръ черезъ скупщика и получая отъ него матеріалъ для издѣлій, теряетъ связь съ рынкомъ, не знаетъ что тамъ спрашиваютъ, какой товаръ и какая ему цѣна, и поэтому начинаетъ руководствоваться указаніями скупщика. Кончается все тѣмъ, что послѣдній даетъ заказы кустарю за опредѣленную цѣну, а затѣмъ платитъ лишь за работу, давая ему свое сырье: кустарь превратился въ наемнаго рабочаго, а торговый капиталистъ въ промышленнаго, уже какъ бы самостоятельно организующаго производство. Получается то, что въ просторѣчіи и въ опредѣленіяхъ нѣкоторыхъ экономистовъ тоже называется кустарнымъ промысломъ. Въ дѣйствительности же мы имѣемъ уже форму предпріятія съ наемнымъ трудомъ, отличающуюся отъ чисто кустарной и являющейся мелко-буржуазной, сохраняя характеръ мелкой или средней. При этомъ работа можетъ производиться или въ особой мастерской, какъ и въ чисто-кустарномъ промыслѣ, можетъ происходить и по домамъ кустарей. Въ послѣднемъ случаѣ, если эти „кустари“ работаютъ издѣлія имъ заказанныя мелкимъ капиталистомъ и за опредѣленную плату за работу, изъ матеріала того же капиталиста, т.-е. по найму, но работаютъ своими орудіями — они превращаются въ домашнихъ работниковъ на капита-

листовъ. Получаемъ новую форму — домашнюю систему крупной промышленности, о которой скажемъ особо, хотя эта форма — не чужда и болѣе раннему періоду, когда еще не было крупнаго производства. Носитъ она характерное названіе — по переводу съ англійскаго — потогонной системы (sweeting system).

Объ ней будетъ сказано особо, а теперь остановлюсь на слѣдующемъ. Цѣлый рядъ измѣненій въ экономическихъ условіяхъ, о которыхъ тоже скажу далѣе, а также введеніе машинъ, создали благопріятную почву для появленія и развитія крупнаго производства. Въ то же время отмѣченныя мною измѣненія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ кустарной промышленности и многія преимущества крупнаго производства, о которыхъ тоже скажу позднѣе, вызвали было предположеніе, что дни мелкой промышленности сочтены и что скоро вся она, въ томъ числѣ и ремесло, замѣнятся крупной. Между тѣмъ, время идетъ, а мелкая промышленность не вымираетъ, какъ бы это ей полагалось по предписаніямъ многихъ ученыхъ. Ближайшій анализъ условій, благопріятствующихъ развитію крупной промышленности и условій удерживающихъ во многихъ отрасляхъ производства существованіе кустарной промышленности, а иногда даже дающихъ новый толчекъ развитію ея, приводятъ теперь къ заключенію, что она вовсе не обречена на вымираніе. Мало того, при многихъ преимуществахъ крупной промышленности, заключающихся главнымъ образомъ въ возможности большей дешевизны предметовъ ея производства, она не всегда можетъ произвести именно тѣ предметы, которые нужны потребителямъ.

Фабрика приготовляетъ предметы массоваго производства и однородные, одинъ какъ другой. Между тѣмъ какъ даже напр. въ изготовленіи плуговъ требуется приспособленіе ихъ къ мѣстнымъ условіямъ и особенностямъ данной почвы и рельефа мѣстности. Это и повело къ тому, что у насъ въ Россіи напр. кустари внесли необходимыя конструктивныя измѣненія въ заграничныя модели плуговъ и нѣкоторыхъ другихъ сельскохозяйственныхъ орудій. Возьмемъ затѣмъ мебельное производство, которое захвачено фабрикой. Тутъ тоже казалось бы не мѣсто сохраненію кустарнаго производства. Но, помимо той однообразной, шаблонной мебели, которая требуется для школъ, больницъ, крупныхъ учрежденій и т. п.—существуетъ обильный спросъ на мебель для квартиръ. Здѣсь, смотря по состоянію и вкусу потребителей, требованія, предъявляемыя къ мебели, ея внѣшнему виду и т. д. чрезвычайно разнообразны, и чѣмъ далѣе развивается жизнь и растетъ благосостояніе отдѣльныхъ семей, тѣмъ спросъ этотъ разнообразнѣе. А это и приводитъ къ тому, что не приходится готовить въ большомъ количествѣ мебель одного образца.

А въ такомъ случаѣ по техническимъ условіямъ выгоднѣе, удобнѣе вести мелкое кустарное—и ручное—производство такой мебели. То же можетъ относиться къ кружевному напр. дѣлу, гдѣ на ряду съ машиннымъ кружевомъ, существуетъ ручное приготовленіе кружевъ, которыя цѣнятся очень высоко. Такимъ образомъ, сохраненію кустарнаго, да и вообще мелкаго и въ значительной мѣрѣ ручного производства благопріятствуютъ тѣ виды издѣлій, гдѣ 1, требуется отвѣчать индивидуальному вкусу потребителя, 2, гдѣ на самомъ издѣліи отражается индивидуальность, вкусъ творца издѣлія (какъ напр. въ ручномъ кружевѣ), 3, вообще тамъ, гдѣ не желателенъ шаблонъ.

Это то, что кроется въ природѣ потребителей и отвѣчающей тому природѣ издѣлій. Но, кромѣ того, наличность свободнаго отъ земледѣлія зимняго времени, всегда оставитъ мѣсто для такихъ ручныхъ издѣлій, въ которыхъ не требуется большого основнаго капитала, который бы оставался долгое время въ бездѣйствіи и требовалъ бы производства большой массы издѣлій. Это приводитъ къ тому, что даже развитіе крупной промышленности и путей сообщенія, приближая къ кустарю новые сырые матеріалы или внося въ его среду новые производственные навыки, вызываетъ, какъ это бывало нерѣдко у насъ, появленіе кустарныхъ промысловъ тамъ, гдѣ ихъ не было или, на мѣсто одного вымирающаго или менѣе выгоднаго, создаетъ новый или болѣе выгодный.

Ограничиваясь этими бѣглыми указаніями на условія сохраняющія и развивающія кустарную промышленность, отмѣчу, однако здѣсь, что все же, оставаясь раздробленной по отдѣльнымъ предпріятіямъ, она лишается многихъ выгодъ по закупкѣ сырья, кредиту и сбыту издѣлій, которыя доступны крупнымъ предпріятіямъ, а это вызываетъ необходимость опредѣленной организаціи среди кустарей для использованія выгодъ крупнаго производства, о чемъ и скажу въ отдѣлѣ о кооперації. Здѣсь же замѣчу лишь еще, что для усовершенствованія кустарныхъ издѣлій и поднятія заработка кустарей, имѣетъ громадное значеніе распространеніе среди нихъ, помимо кооперативныхъ организацій, еще профессіональныхъ знаній, учебныхъ мастерскихъ. Въ этихъ отношеніяхъ въ Россіи много сдѣлано и дѣлается Московскимъ и Вятскимъ губернскими земствами.

3. Ремесло.

Если кустарная промышленность ютится по преимуществу въ сельскихъ мѣстностяхъ, то ремесло, наоборотъ, исключая развѣ кузнечное, является по преимуществу городскимъ. Можно сказать, что

вся промышленность въ теченіе среднихъ вѣковъ въ Западной Европѣ представлялась исключительно ремесломъ *).

Какія же признаки ремесла, отличающіе его отъ другихъ формъ мелкой промышленности? Признаки эти заключаются не столько въ техникѣ и родѣ издѣлій, сколько въ отношеніи ремесла къ задачамъ производства. Кустарное производство не имѣетъ опредѣленныхъ потребителей, готовитъ на широкій рынокъ и потому съ расширеніемъ рынка оно не лишается основъ своего существованія и продолжаетъ не только сохраняться, но въ нѣкоторыхъ родахъ издѣлій даже и развиваться далѣе. Ремесло же съ появленіемъ крупнаго производства значительно сократило кругъ своей дѣятельности. И произошло это оттого, что оно появлялось тамъ или тутъ не потому, что этому способствовали мѣстныя природныя условія, доставлявшія тотъ или другой матеріалъ, какъ это было въ кустарномъ производствѣ. Кустарное производство существовало и развивалось, такъ сказать, въ средѣ домашняго хозяйства, домашняго производства, въ которомъ все дѣлалось для себя, исключая того, что пріобрѣталось отъ постороннихъ кустарей, доставлявшихъ то немногое, чего около себя добыть было не изъ чего. Ремесло же развилось въ городѣ среди такого хозяйства, гдѣ все для удовлетворенія его пріобрѣталось покупкой. Ремесло упрочилось тамъ, гдѣ собирались пріѣзжіе торговцы, дававшіе начало городу, и гдѣ они съ собой не имѣли никакого хозяйственнаго обзаведенія. Рынкомъ для ремесленника были окрестные обыватели даннаго города. Это не было производствомъ непремѣнно на заказъ, какъ опредѣляютъ нѣкоторые ремесло; но сбытъ предметовъ разсчитывался только на мѣстныхъ обывателей. При этомъ, конечно, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, какъ предметахъ одѣяній напр.—это было производствомъ на заказъ, какъ и теперь напр., причемъ исполнялась работа въ приготовленіи платья, напр., обычно и изъ матеріала заказчика. Въ другихъ случаяхъ, какъ въ производствѣ часовъ напр., это врядъ ли было изготовленіемъ ихъ на заказъ; то же надо сказать относительно переплетнаго ремесла и многихъ другихъ.

Такимъ образомъ ремесло рѣдко имѣло обширный рынокъ, выходившій за предѣлы даннаго города. Этимъ ограниченнымъ рын-

---

*) Въ Россіи при слабомъ еще и до сихъ поръ развитіи въ ней городской жизни, губерніями промышленными можно сказать до сихъ поръ, исключая Петроградской, являются по преимуществу губерніи съ распространеніемъ кустарной промышленности: Ярославская, Костромская, Нижегородская и Московская, гдѣ, если не считать Москву, только въ сравнительно недавнее время стала развиваться крупная промышленность, да и то не столько въ городахъ, сколько вблизи ихъ или въ предѣлахъ уѣздовъ.

комъ и кормился ремесленникъ. Отсюда понятны и многія постановленія цеховъ. Цехи — это были союзы ремесленниковъ даннаго рода издѣлій. Они брали на себя руководство производствомъ, узнавая число потребителей, для чего разъ въ мѣсяцъ вызывались всѣ мастера даннаго цеха и давали отчетъ о положеніи рынка. Соотвѣтственно съ этимъ опредѣлялось, сколько каждый мастеръ можетъ производить и продавать не ниже назначенной цѣны.

Этимъ стремились устранить соперничество между ними, все равно какъ и установленіемъ строгаго подраздѣленія производство какихъ именно предметовъ относится къ тому или иному ремеслу. Различалось напр. кожевенное производство и шорное и т. п. Всѣ эти установленія и ограниченія перехода изъ одного ремесла въ другое, носящія на себѣ черты кастоваго устройства, стали проводиться еще дальше и строже, по мѣрѣ того, какъ число ремесленниковъ увеличивалось, а на ряду съ этимъ стали врываться въ область ремесленнаго производства, но уже внѣ городовъ, крупныя мануфактурныя, (т. е. съ ручнымъ трудомъ), предпріятія. Всѣ эти ограниченія имѣли въ виду прямо интересы производителей, которые кормились своимъ дѣломъ, разсматривалось все съ этой точки зрѣнія, какъ это мы видѣли и въ тѣхъ ограниченіяхъ и запретахъ, которые дѣлались городскими управленіями относительно машинъ. Интересы потребителей при этомъ или совершенно не брались во вниманіе или отодвигались на послѣдній планъ. Въ этомъ вполнѣ сказывается, выходящее изъ среды трудового ремесленнаго населенія то же начало, которое опредѣляетъ и все направленіе капиталистическаго производства и за которымъ интересы потребителей, для нуждъ которыхъ существуетъ производство, совершенно забываются. А между тѣмъ, при ремесленномъ цѣховомъ строѣ, гдѣ потребитель былъ тутъ же налицо и въ качествѣ мѣстнаго обывателя, а часто и заказчика, давалъ прямыя указанія на свои требованія и интересы, казалось бы эти интересы менѣе должны были упускаться изъ виду, нежели при капиталистическомъ строѣ въ крупной промышленности, гдѣ, впрочемъ, тоже не изъята практика заказовъ. Во всякомъ случаѣ въ основѣ своей ремесленный строй не установлялъ въ отношеніяхъ потребителей и производителей чего либо иного сравнительно съ крупно-капиталистическимъ. Въ отношеніяхъ къ участникамъ производства тоже не было различія съ нимъ.

Ремесло, по преимуществу ручное производство, требовало подготовки, навыка, предварительнаго обученія. Отсюда съ нимъ связано ученичество; ученики, однако, представляли собою рабочую силу. И, конечно, пока ихъ было немного и ремесло шло хорошо, существовала и извѣстная личная близость между хозяиномъ, масте-

ромъ, подмастерьемъ и учениками. Но съ теченіемъ времени и здѣсь получилась почва для менѣе патріархальныхъ отношеній, для болѣе прочнаго укорененія такого отношенія къ ученикамъ, при которомъ они разсматривались по преимуществу какъ рабочія силы, эксплуатируемыя въ интересахъ хозяина, значитъ и въ этихъ отношеніяхъ положено было начало тому, что расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ въ капиталистической стадіи хозяйственнаго развитія.

Несмотря на измѣнившіяся условія рынка и условія производства, все же ремесло не исчезло во многихъ видахъ производства и, надо думать, не исчезнетъ пока будутъ сохраняться индивидуальныя особенности людей и соотвѣтственно тому желаніе не себя приспособлять къ произведеннымъ предметамъ, а, наоборотъ, послѣдніе къ человѣку, не человѣка примѣривать къ обуви или платью, напр., а послѣднее къ нему и т. д. Кромѣ того, остается потребность въ починкѣ, хотя бы тѣхъ же предметовъ одѣянія или, напр., часовъ, такъ что въ настоящее время все часовое ремесло и свелось почти къ починкѣ. Сохранится напр. вѣроятно ремесло и въ переплетномъ дѣлѣ, гдѣ оно должно отвѣчать вкусу и потребности отдѣльныхъ любителей книгъ. Такимъ образомъ, есть почва для существованія ремесла и потому оно продолжаетъ существовать, хотя далеко и не въ прежнихъ размѣрахъ.

Наряду съ этимъ во многихъ случаяхъ произошелъ переходъ отъ ремесла къ той формѣ промышленнаго капитализма, которая представляетъ домашнюю систему крупнаго производства. Остановимся на ней нѣсколько особо.

4. Домашняя система крупнаго производства.

Въ отдѣлѣ о кустарной промышленности были уже намѣчены тѣ обстоятельства, при которыхъ кустарь переходитъ изъ положенія самостоятельнаго предпринимателя въ положеніе работника по найму, работающаго у себя дома и собственными орудіями производства, но за счетъ и по заказу особаго предпринимателя, раздающаго матеріалъ для приготовленія изъ него опредѣленнаго товара за задѣльную плату. Такъ напр., во многихъ подмосковныхъ мѣстностяхъ можно теперь наблюдать по деревнямъ работу по изготовленію чулокъ на чулочныхъ машинахъ по заказу раздатчиковъ матеріала и заказовъ со стороны лицъ, которыя сами являются часто лишь посредниками со стороны болѣе крупныхъ предпринимателей. Это установилось большею частію въ районахъ, гдѣ ранѣе процвѣтало подлинное кустарное вязаніе чулокъ и варежекъ. И вотъ тѣ же лица, которымъ они сбывали свои издѣлія иногда и безъ посредства мѣстныхъ скуп-

щиковъ, какъ знакомые съ требованіями рынка, съ одной стороны, и съ требованіями кустарей на сырой матеріалъ — съ другой, по немногу сосредоточили въ своихъ рукахъ и скупку издѣлій и снабженіе кустарей сырьемъ, потомъ заказами, а затѣмъ и совсѣмъ избавили ихъ и отъ другихъ хлопотъ, кромѣ работы по вязанію и полученія за то опредѣленнаго вознагражденія безъ опасенія, что они не найдутъ сбыта для изготовленныхъ продуктовъ. И вотъ, кустарь сталъ рабочимъ такого предпринимателя.

То же произошло и въ ремеслѣ и получило особенно сильное распространеніе среди портныхъ. Здѣсь такой переходъ тѣмъ легче могъ произойти, что и раньше портные часто готовили, какъ и теперь готовятъ, предметы своего производства по заказу и изъ матеріала заказчика. Но это происходило въ каждомъ опредѣленномъ мелкомъ предпріятіи, какъ и теперь у тѣхъ фирмъ, которыя сохранили ремесленную организацію и шьютъ на опредѣленный кругъ „давальцевъ“. Но съ тѣхъ поръ, какъ измѣнились условія рынка— эти измѣненія должны были всего сильнѣе отразиться именно на ремеслѣ, какъ считавшемся съ совсѣмъ другимъ характеромъ рынка. Изготовленіе готоваго платья на обширный рынокъ покупателя невѣдомого по числу и по характеру запроса, дало иную постановку портновскому дѣлу. Ученичество, какое было въ ремеслѣ, отступило на самый послѣдній планъ и въ чистомъ видѣ выступили отношенія предпринимателя и рабочихъ. Но такъ какъ здѣсь не примѣняются машины, требующія общаго двигателя и передаточныхъ механизмовъ, то и нѣтъ надобности соединять рабочихъ въ одной мастерской. Правда, беря во вниманіе примѣры того раздѣленія труда при приготовленіи платья, которые были приведены въ соотвѣтствующей главѣ, можно усмотрѣть, съ точки зрѣнія производительности, значеніе и здѣсь соединенія рабочихъ въ одну мастерскую и передачи изготовляемаго платья отъ одного рабочаго къ другому, смотря по тому, что тутъ надо дѣлать: пришивать ли пуговицы, или вшивать карманы, или дѣлать петли и т. д. Но до сихъ поръ, это далеко еще не распространено, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, гдѣ—въ особенности Англію — для этого дѣла Россія снабжала въ свое время дешевыми рабочими въ лицѣ евреевъ, бѣжавшихъ отъ погромовъ.

Матеріалъ въ этихъ случаяхъ раздается рабочимъ по домамъ съ опредѣленной платой со штуки.

Создается — и иной разъ получаетъ весьма большой толчокъ для своего развитія и распространенія эта домашняя система — и успѣшнымъ развитіемъ фабричнаго производства.

Съ перваго взгляда это можетъ показаться страннымъ и непонятнымъ—и однако это такъ. Дѣло въ томъ, что появляется напр.

усиленный спросъ на какой-либо новый товаръ или новый фасонъ или рисунокъ стараго. Насколько проченъ этотъ спросъ еще неизвѣстно, такъ что расширять для этого фабричныя строенія, увеличивать число машинъ и т. п.—рискованно, а въ то же время ограничиться производствомъ въ прежнемъ размѣрѣ, не то, чтобы убыточно, но значитъ не получить всего того барыша, который при данномъ спросѣ на товаръ можно извлечь. И вотъ начинается раздача работы по домамъ, благо свободнаго рабочаго народу, ищущаго работы, всегда почти бываетъ довольно. Происходитъ затрата лишь оборотнаго капитала на матеріалъ и на задѣльную плату, оставляя основной въ прежнемъ размѣрѣ. Если спросъ рыночный измѣнился и надо войти въ прежнюю норму изготовленія товара по количеству, стоитъ только прекратить раздачу работы по домамъ. То, что можно было извлечь въ видѣ увеличеннаго дохода, было извлечено безъ увеличенія новыхъ расходовъ, а затѣмъ производство сокращено безъ всякаго убытка для предпринимателя и лишь привлеченные имъ рабочіе остались безъ заработка, но предприниматель вѣдь не о нихъ и заботится.

Что же представляетъ собою эта система съ обще хозяйственной точки зрѣнія? Никакихъ плюсовъ и одни только минусы. Ни при какихъ другихъ условіяхъ не мыслима та степень эксплоатаціи труда, которая существуетъ здѣсь. Рабочіе тутъ распылены, разрознены и даже конкурируютъ другъ съ другомъ, чтобы не остаться безъ работы и не лишить себя и семью куска хлѣба. Ихъ ничто не объединяетъ и нѣтъ благопріятныхъ условій, чтобы выработалось сознаніе однородности, солидарности своихъ интересовъ. Такимъ образомъ, ихъ сила сопротивленія той степени эксплоатаціи, какой они подвергаются—ничтожна. Охрана ихъ путемъ фабричнаго законодательства тоже затруднительна, ибо не всегда можно доказать, что работая на дому, я работаю не на себя лично, а по найму предпринимателя. Отсюда получается наиболѣе сильная и наименѣе устранимая эксплоатація ихъ, что и дало этой системѣ характерное названіе «потогонной системы» (Sweeting System). Слѣдовательно, для рабочихъ эта система не даетъ ничего положительнаго, а лишь медленное вымираніе отъ голода и истощенія, причиняемаго низкой оплатой труда и чрезмѣрной работой. Надо имѣть въ виду, что при этой системѣ, ничѣмъ не ограждается широкое примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда и растягиваніе рабочаго дня, не устраняя и ночного труда, до крайнихъ предѣловъ.

Въ смыслѣ производительности труда,—тоже положительныхъ качествъ за этой системой не имѣется. Было бы скорѣе сдѣлано, а какъ и прочно ли,—до этого никому изъ участвующихъ въ изготовленіи вещи,—дѣла нѣтъ. Понятно, поэтому, почему, одно лицо,

на вопросъ, отчего оно не покупаетъ готоваго платья? отвѣчало: „Я не такъ богатъ, чтобы тратить на него деньги". Ни о какомъ усовершенствованіи и сокращеніи труда, тутъ не можетъ быть рѣчи, напротивъ, этой системой задерживается примѣненіе какихъ либо усовершенствованій. Въ концѣ-концовъ, отъ нея ни рабочіе, ни потребители, ни общество въ цѣломъ, ничего не выигрываютъ. Существованіе ея косвенно задерживаетъ и примѣненіе усовершенствованій въ другихъ сферахъ производства, вліяя на пониженіе платы рабочимъ и тамъ. Кромѣ того, она поддерживаетъ вообще неустойчивость въ уровнѣ жизни рабочаго населенія, такъ какъ при прекращеніи раздачи работы по домамъ, оставляя массу рабочихъ безъ дѣла, образуетъ наплывъ ихъ въ другія отрасли производства, и въ результатѣ, тамъ происходитъ рѣзкое паденіе заработной платы.

Все это заставляетъ думать, что развитіе планомѣрной организаціи среди рабочихъ вообще, а затѣмъ и въ постановкѣ всего производства, соотвѣтственно интересамъ всего цѣлаго, поведетъ къ совершенному уничтоженію этой формы промышленности. Въ условіяхъ потребности людей и въ условіяхъ повышенія производительности труда, а равно и накопленія капитала вообще—нѣтъ ничего, чтобы создавало почву для ея дальнѣйшаго развитія или сохраненія. Это лишь форма эксплоатаціи труда въ интересахъ отдѣльныхъ предпринимателей при наименѣе развитыхъ условіяхъ капиталистическаго производства или при чрезмѣрномъ наплывѣ слишкомъ дешевыхъ рабочихъ рукъ. На нее надо смотрѣть какъ на невымершіе еще пережитки торговаго и растовщическаго капитализма.

5. Крупное производство, его преимущества и нѣкоторыя послѣдствія.

Въ главѣ о капиталѣ, въ особенности въ отдѣлѣ о машинахъ, думается мнѣ, достаточно ясно и опредѣленно выявились характерныя черты крупной промышленности, а также и тѣ преимущества, которыя она имѣетъ сравнительно съ мелкимъ производствомъ, въ области, обрабатывающей промышленности. Одно время даже господствовало мнѣніе, согласно которому, въ виду техническихъ преимуществъ крупнаго производства, оно должно взять верхъ во всѣхъ отрасляхъ хозяйственной дѣятельности. Но явленія жизни и ближайшій анализъ условій, опредѣлившихъ успѣхъ крупнаго производства въ области промышленности, установили не только условія, опредѣляющія устойчивость мелкихъ формъ, въ особенности въ области сельскаго хозяйства, но и указали, что причины успѣха крупной промышленности коренятся не только въ ея техническомъ совершенствѣ, но и въ условіяхъ сбыта, рынка.

Переходя теперь къ описанію преимуществъ крупнаго производства, надо установить, что основная причина этого заключается въ возможности широкаго приложенія при немъ сложнаго сотрудничества съ самымъ детальнымъ раздѣленіемъ труда. А мы уже видѣли, какъ это сильно повышаетъ производительность труда, сохраняя время, требующееся при иной постановкѣ, на переходъ отъ одной операціи къ другой, на перемѣну инструментовъ труда, на приспособленіе къ новой операціи и т. д. Въ силу этого, еще при ручномъ производствѣ (мануфактурный періодъ), т.-е. до примѣненія машинъ, крупное производство имѣло преимущество передъ мелкимъ въ самой постановкѣ дѣла въ мастерской. Съ примѣненіемъ же машинъ появилось и второе преимущество, лежащее въ орудіяхъ производства.

Самое же примѣненіе машинъ, т.-е. использованіе ихъ удобства и выгоды въ техническомъ отношеніи, помимо того, что также, какъ и примѣненіе сложнаго сотрудничества, сокращаетъ количество труда для полученія даннаго результата, возможно лишь при производствѣ въ большомъ размѣрѣ: только тогда окупается расходъ на нихъ. Сберегается при этомъ трудъ по руководству и надзору, такъ какъ то и другое распредѣляется на большее число лицъ, соединеныхъ въ одномъ помѣщеніи. Получается экономія и въ помѣщеніи, пространство котораго, скажемъ, на 1000 человѣкъ не въ десять разъ больше по площади противъ того, что требуется для десяти помѣщеній каждое на 100 человѣкъ, а въ значительно меньшей степени. Получается, затѣмъ экономія во времени и расходахъ и стоимости матеріаловъ, пріобрѣтаемыхъ оптомъ въ большомъ количествѣ; то же и при сбытѣ товара большими партіями.

Преимущества крупнаго производства передъ мелкимъ проявляется не только въ совокупности отмѣченныхъ условій, но даже въ самомъ примѣненіи машинъ. Чѣмъ крупнѣе машина, тѣмъ дешевле обходится въ годъ лошадиная сила, числомъ которыхъ измѣряется мощность двигателя. По одному вычисленію лошадиная сила обходится въ годъ при машинахъ:

въ	5	лошад.	силъ	въ	754,5 марокъ
„	10	„	„	„	470,2 „
„	20	„	„	„	315,5 „
„	50	„	„	„	223,5 „
„	100	„	„	„	154,9 „
„	200	„	„	„	123,3 „
„	300	„	„	„	115,5 „
„	500	„	„	„	110,1 „
„	3000	„	„	„	78,1 „

Все сказанное указываетъ на техническія и экономическія преимущества крупнаго производства, которое и должно бы было вытѣснить мелкое. Такъ и думали, какъ я упомянулъ уже. Но было упущено изъ виду, что крупное производство приложимо лишь тамъ, гдѣ кромѣ населенности данной мѣстности и развитія сообщеній, имѣется широкій сбытъ, т.-е. оно примѣнимо по отношенію къ такого рода продуктамъ, которые 1) требуются массой населенія, слѣдовательно, далеко не ко всѣмъ предметамъ роскоши 2) тамъ гдѣ не требуется такого искусства, гдѣ приложимы однообразныя движенія машины. Поэтому, остается много еще отраслей производства мелкихъ — именно тамъ, гдѣ требуется искусство, какъ въ шелковомъ узорчатомъ ткачествѣ напр. или гдѣ, необходимо приспособленіе къ покупателю. А все это, какъ указано и имѣется въ ремеслѣ. Не потому, говоритъ Бюхеръ, ремесло уступило фабрикѣ, что тамъ совершеннѣе производство, а потому что измѣнился спросъ, то что называется характеромъ спроса, т.-е. его направленіе и размѣръ. При измѣненіи этого, ремесло падаетъ и безъ соперничества машины. «Сильное скопленіе людей въ большихъ городахъ, обширное войско, крупные государственныя и общинныя учрежденія (тюрьмы, больницы, учебныя заведенія), обширныя перевозочныя учрежденія, крупныя торговыя заведенія, банки, страховыя общества, фабрики,— все это спрашиваетъ всякій предметъ въ большомъ количествѣ и тутъ нельзя удовлетворить спросъ отдѣльными ремеслами. Затѣмъ для промышленности поставлены крупныя задачи». Ремесленникъ не произведетъ локомотивъ, паровой элеваторъ, скоропечатную машину, мостъ, военный корабль, рельсы, вагоны; постройка машинъ требуетъ крупнаго производства и поставленнаго на научныхъ основаніяхъ,— иначе ничего не выйдетъ. Кромѣ того, спросъ сталъ однороднѣе и стали по многу спрашивать того, чего ранѣе спрашивали мало; затѣмъ, при измѣнившихся занятіяхъ, многимъ некогда позаботиться заняться домашнимъ дѣломъ, и многое теперь спрашиваютъ въ готовомъ видѣ, что ранѣе изготовлялось дома, и на это потребовались фабрики, которыя къ тому же производятъ многое дешевле. Домашнее хлѣбопеченіе и цѣлый рядъ домашнихъ занятій уничтожается и это также даетъ основу наплыву женщинъ въ другія занятія, что ведетъ и къ требованію равноправія: дома стало нечего дѣлать, хозяйство не то и дѣти въ школѣ.

Измѣняется и задача предпріятія. Для него выгодно массовое однообразное производство, но съ болѣе и болѣе увеличивающимся раздѣленіемъ труда, или соединяется вмѣстѣ прежде разнообразное производство. Напр. мебельная фабрика включаетъ въ себя столяра, рѣзчика, токаря изъ дерева, обойщика, красильщика и лакировщика.

Въ ремесленномъ производствѣ въ каждомъ предпріятіи всѣ знаютъ одно. Современная промышленность соединяетъ разно подготовленныя и совершенно неравныя силы рабочихъ въ одномъ предпріятіи, при чемъ задачи предпринимателя вездѣ однѣ, а между рабочими въ каждомъ предпріятіи существуютъ отличія, но происходитъ объединеніе рабочихъ по всѣмъ предпріятіямъ. Слесарь, токарь по металлу, литейщикъ, строгальщикъ необходимы во всѣхъ металлическихъ производствахъ, въ машинномъ, желѣзнодорожномъ и т. д. Истопникъ и машинистъ нужны въ каждомъ крупномъ производствѣ. Все это сорганизовано предпринимателемъ.

Такъ очерчиваетъ Бюхеръ всю совокупностъ условій, давшихъ перевѣсъ крупной промышленности, и въ то же время намѣчаетъ тѣ соціальныя измѣненія, къ которымъ повело внѣдреніе ея. Тутъ бѣгло намѣчаются и измѣненія въ семейномъ строѣ и въ взаимоотношеніи и соприкосновеніи рабочихъ разныхъ — попрежнему ремесленныхъ цеховъ,—но поставленныхъ въ крупномъ предпріятіи, такъ сказать, на одну доску и въ такія условія, гдѣ они видятъ общность своихъ интересовъ въ предѣлахъ, не только данныхъ предпріятій, не только данной отрасли производства, но въ предѣлахъ всей постановки отношеній въ крупномъ производствѣ. Все это, въ связи съ основной цѣлью капиталистическихъ предпріятій, создаетъ прибыль на капиталъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываетъ наглядность того противорѣчія интересовъ всѣхъ рабочихъ, какъ даннаго общественнаго класса и интересовъ предпринимателей, какъ организаторовъ капиталистическаго производства, которое и ложится въ основу классовой борьбы.

6. Организація сельскохозяйственныхъ предпріятій.

Блестящее развитіе крупнаго производства въ промышленности и быстрое сосредоточеніе крупныхъ капиталовъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, создали представленіе о такомъ направленіи въ развитіи хозяйственныхъ отношеній, которое предрѣшаетъ вообще во всѣхъ отрасляхъ производства, въ томъ числѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ, замѣну мелкаго хозяйства крупнымъ. Это мнѣніе подкрѣплялось и тѣмъ, что въ Англіи дѣйствительно не было настоящаго мелкаго крестьянскаго хозяйства, а между тѣмъ, капитализмъ получилъ свое наибольшее развитіе первоначально въ Англіи, поэтому явленія развитія капитализма изучались, главнымъ образомъ, по наблюденіямъ надъ англійской хозяйственной жизнію. Этому способствовало и то, что въ Англіи имѣлся хорошій матеріалъ для изученія ея хозяйственныхъ отношеній, заключавшійся въ такъ называемыхъ „Синихъ книгахъ“.

Такъ называются отчеты и записи парламентскихъ комиссій по цвѣту обложки этихъ отчетовъ.

Дальнѣйшія наблюденія надъ развитіемъ промышленнаго капитализма и въ другихъ странахъ показало, какъ уже выяснено, что и мелкая промышленность разныхъ видовъ и формъ, далеко не сдала и не сдаетъ многихъ изъ своихъ позицій, для чего и нашлись свои причины. По отношенію же къ сельскому хозяйству замѣчено даже обратное. Во многихъ странахъ и мѣстностяхъ прежнее крупное хозяйство уступаетъ мелкому. Послѣднее развивается, первое падаетъ, сокращается въ числѣ, даже имѣнія крупныхъ землевладѣльцевъ постепенно переходятъ по частямъ въ руки мелкихъ и тамъ организуется мелкое крестьянское хозяйство.

Все это имѣетъ свои объясненія, которыя и привели къ тому, что въ настоящее время, врядъ ли кто-либо изъ экономистовъ станетъ настаивать на тожествѣ въ развитіи капитализма въ промышленности и земледѣліи и предрекать гибель мелкаго крестьянскаго хозяйства.

Въ чемъ же причины такого различія? Здѣсь надо имѣть въ виду, прежде всего, что въ области сельскаго хозяйства человѣкъ не такъ свободенъ, не такъ самостоятеленъ и силенъ въ распоряженіи тѣмъ сырымъ матеріаломъ, надъ которымъ работаетъ. Матеріалъ этотъ земля, недвижимость, почва, пріуроченныя къ опредѣленному мѣсту, въ опредѣленныхъ климатическихъ условіяхъ. Послѣднія: 1) не позволяютъ заниматься земледѣліемъ круглый годъ; 2) позволяютъ примѣнить здѣсь только въ очень узкихъ предѣлахъ сложное сотрудничество и связанное съ тѣмъ техническое раздѣленіе труда, примѣненіе котораго составляетъ основное условіе болѣе высокой производительности крупнаго производства; 3) требуютъ довольно широкаго примѣненія простого сотрудничества, но въ разныхъ предѣлахъ, въ различныя времена сельско-хозяйственнаго сезона или рабочаго періода. Эти условія ведутъ къ тому, что въ теченіе рабочаго періода требуется одно количество рабочихъ силъ, а зимою очень ничтожное, сравнительно съ тѣмъ; но и въ рабочій періодъ требуется такъ же по различію работъ, разное количество рабочихъ силъ: во время пашни одно, уборки другое. Кромѣ того, увеличеніе этихъ рабочихъ силъ и притомъ, довольно значительное, иногда требуется довольно внезапно, смотря по состоянію погоды. При такихъ условіяхъ, не всегда можно разсчитывать найти эти силы, держать же ихъ и тогда, когда онѣ излишни, крайне непроизводительно. Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть той точности разсчетовъ, какая возможна въ обрабатывающей промышленности. 4) Не можетъ быть такъ же широко и приложеніе машинъ, ибо для каждаго рода работъ,

требуется особая машина, а работать ею можно только нѣсколько дней въ году. Слѣдовательно, капиталъ, заключенный въ машинахъ, остается большую часть года, что называется, мертвымъ капиталомъ. Какой же тутъ капитализмъ? 5) Нѣтъ и не можетъ быть спеціализаціи въ производствѣ, какъ по отдѣльнымъ предпріятіямъ, хозяйствамъ, такъ и для отдѣльныхъ рабочихъ, что составляетъ одно изъ техническихъ преимуществъ крупнаго производства. Почти каждый рабочій въ сельскомъ хозяйствѣ долженъ переходить отъ одного дѣла къ другому, а не спеціализироваться на чемъ-нибудь одномъ. Да и каждое хозяйство должно имѣть въ посѣвѣ различныя растенія, такъ какъ каждое изъ нихъ вытягиваетъ изъ земли опредѣленные соки. Сѣять, по этому, каждый годъ одно и то же растеніе, на той же площади — возможно только при особыхъ условіяхъ удобренія и сбыта. А чтобы земля не пустовала, необходимо чередовать растенія, вести опредѣленный сѣвооборотъ, что и недопускаетъ, за опредѣленными исключеніями, возможности ограничиться посѣвомъ только наиболѣе выгоднаго растенія. 6) Въ зависимости отъ климатическихъ условій приходится вообще сѣять не то, что выгоднѣе вообще, а что обѣщаетъ лучшій урожай въ данномъ климатѣ. Но и тутъ въ зависимости отъ атмосферическихъ условій даннаго года, никогда не можетъ быть увѣренности въ хорошемъ урожаѣ и никогда не можетъ быть предусмотрѣно, каковъ именно будетъ урожай. Въ обработывающей же промышленности можно точка въ точку опредѣлить, сколько получится товара при затратѣ опредѣленнаго количества сырого матеріала и труда. Слѣдовательно, въ сельскомъ хозяйствѣ нельзя точно опредѣлить и разсчитать прибыль на капиталъ, ради которой и ведется капиталистическое производство. Можетъ быть и совсѣмъ убытокъ въ зависимости отъ погоды, которая обусловитъ плохой урожай, а можетъ погубить или умалить и хорошій сборъ, если не успѣютъ во время до дождя сжать или убрать, такъ какъ не хватило рабочихъ. 7) Въ крупномъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, производящемъ въ значительной части предметы продовольствія, только небольшая часть ихъ можетъ потребляться въ собственномъ хозяйствѣ, а все остальное идетъ на продажу, на рынокъ, гдѣ приходится считаться съ цѣнами, устанавливаемыми на рынкѣ, соотвѣтственно съ тѣмъ, что дали всѣ хозяйства, и потому то хозяйство, которое потерпѣло въ достоинствѣ или количествѣ урожая просто потому, что надъ его полями шелъ дождь, а сравнительно недалеко отъ него — нѣтъ — или наоборотъ, не можетъ возмѣстить въ цѣнѣ своего товара, своего убытка. Въ послѣднія же десятилѣтія прошлаго столѣтія съ удешевленіемъ морской перевозки, сюда присоединилась еще необходимость

считаться съ стоимостью заатлантическаго хлѣба, производимаго уже при совершенно другихъ условілхъ, что внесло еще новыя препятствія для устойчивости капиталистическаго земледѣлія. 8) Въ капиталистическомъ хозяйствѣ необходимо такъ поставить наемный трудъ, чтобы его побуждали къ усердной и надлежащей работѣ внѣшнія условія. Поэтому, тамъ примѣняется при извѣстныхъ условіяхъ сдѣльная плата, съ количества выработаннаго товара. Въ сельскомъ хозяйствѣ примѣненіе сдѣльной работы можетъ касаться только отдѣльныхъ частей ея, какъ вспашка десятины, или молотьба съ опредѣленной единицы, но не всего выхода продукта въ цѣломъ и, вообще, она тамъ менѣе дѣйствительна, какъ побудитель. Сверхъ того какъ въ промышленности, такъ и здѣсь при наемномъ трудѣ необходимъ надзоръ какъ внѣшній побудитель, но въ сельскомъ хозяйствѣ, не какъ на фабрикѣ въ сравнительно ограниченномъ помѣщеніи, а на большомъ пространствѣ поля приходится устанавливать его, поэтому онъ менѣе достигаетъ цѣли.

Все это, конечно, остается такимъ же и для мелкаго сельскаго хозяина, кромѣ надзора, который здѣсь не нуженъ, но послѣдствія всего этого для мелкаго хозяина иныя. Прежде всего, задача его производства въ сельскомъ хозяйствѣ—не извлеченіе прибыли на капиталъ, а приложеніе своего труда для удовлетворенія своей потребности въ продовольствіи. Поэтому, крестьянинъ (мелкій земледѣлецъ) имѣя въ земледѣліи возможность прилагать свой трудъ, въ тоже время добываетъ для себя и предметы продовольствія, которые при мелкомъ хозяйствѣ, въ лучшемъ случаѣ за небольшимъ остаткомъ, идутъ на удовлетвореніе его потребностей непосредственно. Поэтому, если неурожай и составляетъ для него, нерѣдко, крушеніе всего его хозяйства, то колебанія урожая по годамъ, отзываясь на болѣе или менѣе полномъ удовлетвореній его потребности въ продовольствіи, все же имѣютъ для него не то значеніе, какъ недовыручка въ прибыли или убытокъ для капиталиста. Онъ все же имѣетъ отъ своего хозяйства продовольствіе, что и составляетъ цѣль его хозяйствованія. Онъ менѣе крупнаго хозяина терпитъ тутъ отъ неблагопріятныхъ рыночныхъ условій, которыя стоятъ для него на второмъ мѣстѣ. Колебанія въ количествѣ потребныхъ рабочихъ силъ — тоже для него имѣютъ иное значеніе. Крестьянское хозяйство требуетъ, конечно, не менѣе трудовыхъ силъ, какъ то, что даетъ семейная пара, но обыкновенно ихъ бываетъ болѣе, если считать и подростковъ. Въ зимнее время, свободное отъ земледѣлія, крестьянинъ занимается или, такъ называемымъ, отхожимъ промысломъ или извозомъ или кустарничаетъ, слѣдовательно это, не только неотзывается на его сельскомъ хозяйствѣ неблагопіятно, но даже, при

благопріятныхъ условіяхъ, можетъ давать и нѣкоторыя денежныя средства для сельскаго же хозяйства. Неравномѣрное требованіе рабочихъ силъ въ теченіи сельскохозяйственнаго періода тоже отзывается здѣсь не такъ неблагопріятно, какъ въ крупномъ хозяйствѣ, такъ какъ по величинѣ хозяйства здѣсь требуется такая небольшая прибавка ихъ въ критическіе моменты, которую можно возмѣстить или трудомъ подростковъ или временной (обоюдной) сосѣдской помощью. Необходимость примѣнять опредѣленный сѣвооборотъ тоже не смущаетъ, такъ какъ тутъ все то, что высѣвается, можетъ быть использовано въ своемъ хозяйствѣ, для личнаго потребленія. Короче, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ хозяйствомъ, которое въ значительной своей части является не мѣновымъ, а замкнутымъ, натуральнымъ.

Во всемъ изложенномъ мелкое хозяйство въ земледѣліи не только не уступаетъ крупному, но даже имѣетъ и нѣкоторое преимущество. Но гдѣ особенно должно сказываться преимущество его, такъ это въ пользованіи машинами: 1) Тотъ убытокъ, который получается отъ нахожденія машинъ въ бездѣйствіи, не разсматривается здѣсь, какъ таковой, потому что примѣненіе машины дало облегченіе и сбереженіе своихъ же рабочихъ силъ, т. е. достиженіе той именно цѣли, съ которой машина примѣняется не въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Тутъ нѣтъ потери на прибыли на капиталъ, напротивъ, тутъ получилась и болѣе своевременная напр. уборка урожая, что сберегло въ значительной мѣрѣ и количество и качество собраннаго продукта, получилась и возможность сбереженное время и рабочія силы употребить на что либо другое въ своемъ же хозяйствѣ или на собственный отдыхъ, для самого себя. 2) Если бы, даже и смотрѣть на время бездѣйствія машинъ, какъ на какую то потерю, то надо имѣть въ виду, что въ мелкомъ хозяйствѣ, не смотря на только что перечисленныя выгоды примѣненія машинъ, все таки крупная затрата на нихъ не только не посильна, но и неразсчетлива. Поэтому здѣсь машины пріобрѣтаются только путемъ соединенія въ товарищество, примѣненіемъ кооперативнаго начала. Это возможно здѣсь, такъ какъ при маломъ хозяйствѣ каждаго, работа ея въ одномъ хозяйствѣ не помѣшаетъ своевременности примѣненія ея въ другомъ. Соединеніе же въ товарищество для покупки ведетъ къ тому, что у каждаго затрачены на машины не крупныя суммы, не капиталъ, а сравнительно небольшія денежныя средства, которыя даже, если разсматривать на время бездѣйствія машинъ, какъ мертвый капиталъ, то онъ такъ не великъ, что потеря на него процентовъ за это время, можетъ совсѣмъ не приниматься въ разсчетъ. Все это и создаетъ для мелкихъ хозяйствъ такое преимущество въ примѣненіи машинъ, какого не имѣютъ крупныя. И если мы возьмемъ такія страны, какъ

Данія напр. и нѣкоторыя другія, гдѣ существуетъ просвѣщенное крестьянство, то мы увидимъ тамъ и широкое примѣненіе машинъ и различныя другія улучшенія и высокіе урожаи и т. д.

При всемъ этомъ нельзя, однако, отрицать того, что и для сельскаго хозяйства имѣютъ большое значеніе тѣ преимущества крупнаго, которые связаны съ рыночными отношеніями: покупкой удобреній, сѣмянъ и т. п. оптомъ, а также и продажей не по мелочамъ и въ розницу, а большими партіями. Но эти преимущества достигаются здѣсь соединеніемъ въ союзы, образованіемъ закупочныхъ союзовъ, товариществъ для сбыта, молочныхъ товариществъ и т. д., о чемъ будетъ сказано особо.

Говоря объ организаціи сельско хозяйственныхъ предпріятій, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при всей необходимости сѣвооборота, и здѣсь соотвѣтственно условіямъ климата и почвы по ея природнымъ свойствамъ или путемъ измѣненія ея состава при посредствѣ удобренія, все же возможна въ извѣстныхъ предѣлахъ спеціализація по производству отдѣльныхъ продуктовъ, наиболѣе отвѣчающихъ даннымъ условіямъ. Необходимость же спеціализаціи создается вовлеченіемъ сельскаго хозяйства въ обмѣнъ. Вовлеченіе же это происходитъ все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ и въ сельское хозяйство начинаютъ проникать пріобрѣтаемыя покупкой машины и различнаго рода улучшенія, что опять таки проходитъ въ жизнь тѣмъ быстрѣе и глубже, чѣмъ просвѣщеннѣе и культурнѣе крестьянство и чѣмъ болѣе оно научно знакомо съ явленіями природы, ихъ свойствами и значеніемъ Вообще, соотвѣтственно тѣмъ или инымъ условіямъ, въ постановкѣ сельскаго хозяйства, какъ и въ промышленности происходятъ въ каждой данной мѣстности съ теченіемъ времени значительныя измѣненія, которыя и выражаются въ различныхъ системахъ земледѣлія, также ведущихъ, въ концѣ концовъ къ преобладанію мелкаго хозяйства и даже ручного труда въ немъ. Къ ознакомленію съ системами земледѣлія я и перехожу теперь.

7. Системы земледѣлія.

Въ описанныхъ формахъ промышленности отличіе одной изъ нихъ отъ другой заключается, между прочимъ, въ различномъ сочетаніи труда и капитала въ каждой изъ нихъ. Въ земледѣліи это различное сочетаніе труда и средствъ производства, поскольку они заключаются въ землѣ, проявляется въ различныхъ системахъ земледѣлія.

Когда населеніе еще рѣдко, и свободной, незанятой и нераспаханной земли еще много и запасъ веществъ, питающихъ растенія,

въ ней еще великъ, одинъ и тотъ же участокъ земли подвергается обработкѣ нѣсколько лѣтъ подрядъ, послѣ чего переходятъ къ другому участку, оставляя первый въ теченіе 20 и болѣе лѣтъ необработаннымъ, пока въ немъ снова накопится достаточное количество элементовъ, способныхъ питать посѣвы. По мѣрѣ сокращенія свободной земли, періоды возвращенія къ прежнимъ участкамъ сокращаются, но зато и урожаи становятся хуже, да и снимать хлѣбъ приходится уже не столько лѣтъ подрядъ, такъ какъ вслѣдствіе частаго распахиванія въ землѣ меньше возобновляются извлеченные изъ нея элементы.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ этой системѣ соотвѣтствуетъ лѣсопольная или подсѣчная система, называемая также огневой. Система эта заключается въ томъ, что лѣсъ въ такихъ мѣстахъ выжигается, а выжженная такимъ образомъ площадь распахивается, при чемъ пепелъ представляетъ удобреніе. Но вслѣдствіе легкости и рыхлости почвы урожаи здѣсь ниже, нежели въ степныхъ мѣстахъ, да и снимать приходится ихъ меньшее число лѣтъ подъ рядъ; затѣмъ такой участокъ забрасывается лѣтъ на 25 и обращаются къ другому.

Обѣ отмѣченныя системы — залежная и подсѣчная или огневая носятъ общее названіе переложной. Примѣненіе ихъ возможно до тѣхъ поръ, пока это позволяютъ незначительная плотность населенія и большіе земельные участки. Но съ теченіемъ времени первая растетъ, а вторые относительно сокращаются. На извѣстной ступени этого процесса является необходимость въ сокращеніи періода возстановленія плодородія почвы на томъ же участкѣ, а это можетъ быть достигнуто только искусственнымъ путемъ: удобреніемъ и чередованіемъ посѣвовъ разныхъ растеній, предъявляющихъ, такъ сказать, спросъ не на одинаковыя составныя части почвы. Далѣе становится необходимымъ введеніе такихъ растеній, которыя даже обогащаютъ почву на счетъ подпочвенныхъ слоевъ. Однако, ростъ населенія и сокращеніе участковъ совершаются не сразу, а потому и переходъ отъ залежной системы къ той интенсивной, о которой я только что упомянулъ, совершается довольно медленно, и между ними существуетъ рядъ переходовъ.

Переложная система смѣняется двухпольной и трехпольной, при которыхъ возобновленіе плодородія почвы все еще предоставляется естественнымъ условіямъ, хотя съ теченіемъ времени, начинаетъ примѣняться здѣсь и удобреніе. При двухпольной системѣ въ одномъ полѣ напр. рожь, другое подъ паромъ; при трехпольной въ одномъ — озимое, въ другомъ — яровое, а третье подъ паромъ.

Отъ трехпольной системы совершается переходъ къ улучшенной травопольной, которая характеризуется травосѣяніемъ. Здѣсь

участокъ дѣлится на 4—6 и часто на 8 полей, при чемъ наблюдается болѣе правильное чередованіе посѣвовъ: изъ семи, напр., лѣтъ только два года поле находится подъ зерновыми хлѣбами, остальные подъ травами, большей частью — подъ клеверомъ.

Слѣдующій шагъ представляетъ плодосмѣнная система. Стараются чередовать растенія такъ, чтобы каждое извлекало изъ почвы то, что ему необходимо, не извлекая того, что необходимо другому растенію. Такъ, по мнѣнію извѣстнаго нѣмецкаго агронома Теэра, торгово-промышленныя растенія извлекаютъ изъ почвы необходимые для нихъ элементы, оставляя въ ней тѣ, которые необходимы для зерновыхъ хлѣбовъ. При такой системѣ нѣтъ надобности оставлять землю подъ паромъ. Плодосмѣнная система на томъ и основана, что вся земля находится подъ посѣвами: одна часть площади предназначена для производства пищевыхъ продуктовъ, другая — для торгово-промышленныхъ растеній, третья—для кормовыхъ. Но при отсутствіи пара при этой системѣ естественнаго возобновленія плодородія почвы не можетъ быть. Поэтому при ней необходимость въ правильномъ удобреніи является болѣе настоятельной, чѣмъ при прежнихъ. Кромѣ естественнаго удобренія прибѣгаютъ и къ искусственному.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить промышленную систему, при которой производится нерѣдко одинъ какой-либо видъ растеній, и спекулятивную или вольную, гдѣ прямо уже условіями рынка опредѣляются и въ зависимости отъ нихъ мѣняются роды культуръ. Рядомъ съ послѣдней стоитъ и огородная культура, распространяющаяся обыкновенно близъ городовъ; существованіе ея обусловливается, съ одной стороны, предъявляемымъ горожанами спросомъ на овощи, съ другой — обиліемъ доставляемаго городомъ удобренія. Всѣ эти, только что названныя культуры имѣютъ то общее, что здѣсь въ основѣ всего хозяйства лежитъ наиболѣе интенсивное приложеніе капитала и труда, пересиливающее, такъ сказать, вліяніе природныхъ условій.

Изъ изложеннаго здѣсь краткаго очерка системъ земледѣлія, думается мнѣ, не трудно видѣть, что съ теченіемъ времени обработка земли требуетъ приложенія все большаго и большаго количества труда къ тому же пространству, т.-е. все большее и большее сосредоточенія его на опредѣленномъ участкѣ земли. А это, согласно указанному ранѣе, должно усиливать тѣ затрудненія, какія испытываетъ капиталистическое земледѣліе по отношенію къ обезпеченію его трудовыми силами. Уже поэтому съ перемѣной системъ земледѣлія, опредѣляемой своими законами развитія въ зависимости отъ опредѣленныхъ законовъ природы, происходитъ все большее и большее сокращеніе земельной площади, подлежащей обработкѣ тѣми же рабочими

силами. А отсюда постепенный переходъ отъ громадныхъ пространствъ полевой земли къ участкамъ огороднаго размѣра, допускающимъ почти исключительно ручную обработку и, требующимъ какъ это въ особенности проявляется въ садовой культурѣ, спеціальнаго ухода за каждымъ отдѣльнымъ растеніемъ. Здѣсь, такимъ образомъ обратно съ тѣмъ, что наблюдается въ промышленности, измѣненія идутъ въ направленіи отъ крупнаго хозяйства (хотя и не всегда капиталистическаго) къ мелкому, что, независимо отъ того, что мелкое хозяйство здѣсь можетъ быть и капиталистическимъ, все же даетъ большой просторъ и прочность существованія мелкому, трудовому, крестьянскому хозяйству.

Въ заключеніе этого отдѣла замѣчу еще, что то направленіе въ смѣнѣ системъ земледѣлія, которое только что обрисовано и можетъ быть прослѣжено въ исторіи, установлено и теоретически нѣмецкимъ экономистомъ Тюненомъ въ его сочиненіи «Уединеное Государство», гдѣ онъ выясняетъ это въ связи съ ученіемъ о земельной рентѣ. Въ его уединеномъ государствѣ, имѣющемъ на всемъ пространствѣ одинаковую почву и климатъ, системы земледѣлія располагаются концентрическими кругами другъ за другомъ, въ зависимости отъ разстоянія круга отъ центра, въ которомъ помѣщается городъ и рынокъ сбыта. Подъ городомъ культура огородная и вольная; въ самомъ отдаленномъ кругѣ — внѣшнемъ — переложныя системы. Здѣсь смѣна системъ ставится въ связь не съ плотностью населенія, а съ другимъ соціальнымъ явленіемъ — рынкомъ, мѣстомъ сбыта и близостью или удаленностью отъ него, въ связи съ чѣмъ находится и стоимость доставки въ городъ продуктовъ земледѣлія, т.-е. перевозка ихъ. Эти два ряда условій, т.-е. плотность населенія и разстояніе отъ города вліяютъ въ одномъ направленіи на размѣщеніе системъ земледѣлія, такъ какъ исторически плотность населенія увеличивается по мѣрѣ приближенія къ городу, къ мѣсту сбыта, къ рынку.

8. Предпринимательскія объединенія на капиталистической основѣ.

I. Акціонерныя компаніи.

Преимущества и выгоды крупнаго производства, о которыхъ было говорено выше, ведутъ къ тому, что предприниматели стараются расширить размѣры своихъ предпріятій. Къ этому же побуждаютъ и такія объективныя условія, какъ увеличеніе размѣровъ и стоимости основного капитала, въ видѣ машинъ и т. д., возмѣщеніе расходовъ на который происходитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ большее количество товаровъ изготовлено въ данное время въ предпріятіи оборудованномъ этимъ основнымъ капиталомъ.

Но увеличенію размѣровъ предпріятія ставится предѣлъ размѣромъ капитала. Послѣдній, правда, какъ увидимъ далѣе, можетъ быть увеличенъ и увеличивается путемъ кредита. Но это имѣетъ и должно имѣть свои предѣлы. Кредитъ тѣмъ доступнѣе и тѣмъ надежнѣе, чѣмъ большую долю составляетъ въ предпріятіи свой основной капиталъ. Это и вызвало къ жизни образованіе необходимыхъ для предпріятій крупныхъ капиталовъ путемъ учрежденія различнаго рода товариществъ капиталистовъ, соединяющихъ свои капиталы для созданія одного крупнаго предпріятія. Необходимость соединенія капиталовъ разныхъ лицъ для созданія одного предпріятія обусловливается и другимъ. Развитіе капиталистическаго производства вызываетъ рядъ очень крупныхъ предпріятій, учрежденіе которыхъ нерѣдко можетъ быть и рискованно, такъ какъ трудно напередъ сказать, насколько оно выгодно или можетъ потерпѣть большую неудачу. Кромѣ того, необходимы и такого рода предпріятія, какъ напр. желѣзныя дороги, затрата капитала на которыя можетъ вернуться черезъ болѣе или менѣе продолжительное время. Все это и приводитъ къ тому, что отдѣльныя лица не рискуютъ затрачивать свои крупные капиталы цѣликомъ на такія предпріятія. Это и вызываетъ соединеніе капиталовъ многихъ лицъ для опредѣленнаго предпріятія — учреждаются акціонерныя компаніи. Весь необходимый для предпріятія капиталъ распредѣляется на опредѣленное число долей, акцій, которымъ и устанавливается опредѣленная цѣна. Покупатели акцій получаютъ на нихъ дивиденды т. е. тотъ доходъ, который опредѣляется въ концѣ операціоннаго года въ зависимости отъ доходности предпріятія. Если этотъ доходъ много выше обычнаго, то цѣна акціи поднимается, растетъ, въ противномъ случаѣ падаетъ. Цѣны акціямъ, какъ опредѣленнымъ долямъ всего капитала, устанавливаются по первоначальному разсчету весьма различныя, начиная даже отъ десятковъ рублей за акцію и кончая тысячами. Акціи, какъ это ясно, могутъ переходить изъ рукъ въ руки, и большею частію бываютъ не именныя, но возможны и именныя. Если необходимо усилить средства акціонернаго предпріятія, то затѣмъ уже прибѣгаютъ не къ увеличенію числа акцій, которое уже ранѣе было расчитано и опредѣлено, а къ выпуску облигацій, т. е. заемныхъ обязательствъ, по которымъ уплачивается не дивидендъ, а опредѣленный процентъ, какъ и вообще по заемнымъ обязательствамъ.

Управленіе акціонерными предпріятіями принадлежитъ: 1) Общему собранію акціонеровъ, причемъ каждый акціонеръ располагаетъ числомъ голосовъ, соотвѣтствующимъ числу его акцій. Общему собранію юридически принадлежитъ главная роль, такъ какъ постановленія его имѣютъ, такъ сказать, законодательный характеръ; 2) Пра-

вленію или Совѣту, ведущему текущія дѣла; отъ него, конечно практически и зависитъ весь ходъ дѣла; 3) Наблюдательному Совѣту, контролирующему дѣйствія Правленія.

Благодаря акціонернымъ компаніямъ является возможность осуществить многія предпріятія, которыя иначе можетъ быть не могли бы быть осуществлены. И неосуществленіе это происходило бы во-первыхъ, потому, что на нѣкоторыя предпріятія не хватило бы средствъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ отдѣльнаго лица. Кромѣ того, при современной неорганизованности производства и торговли и зависимости хода ихъ, какъ это было выяснено нами въ самомъ началѣ курса, отъ событій, имѣющихъ какъ бы случайный характеръ и по первому взгляду не имѣющихъ никакого отношенія къ тому или другому предпріятію, каждое предпріятіе болѣе или менѣе рискованно. Поэтому затрата однимъ лицомъ большого капитала тоже для него рискованна. Акціонерныя же компаніи даютъ возможность каждому принять участіе небольшой долей своего капитала въ предпріятіи, обѣщающемъ выгоду, распредѣлить его по нѣсколькимъ предпріятіямъ, изъ коихъ не всѣ же будутъ рискованны; даютъ возможность и сравнительно небольшимъ капиталамъ содѣйствовать осуществленію крупныхъ предпріятій. Все это имѣетъ большое общественное значеніе. Благодаря этому, какъ уже отмѣчено, осуществляется то, что иначе, можетъ быть, и совсѣмъ бы не осуществилось и во всякомъ случаѣ многое осуществляется быстрѣе, чѣмъ это было бы иначе. Вслѣдствіе этого развитіе капитализма и вообще экономическое развитіе движется гораздо быстрѣе. Самое значеніе предпріятій становится инымъ. Они становятся общественными не только въ силу того, что было выяснено мною въ первой же главѣ моего курса, но и потому, что основа ихъ, капиталы положенные на предпріятія, хотя въ своихъ составныхъ частяхъ и являются капиталами частныхъ лицъ, но въ своей совокупности являются общественными. Участники этого предпріятія даже неизвѣстны, сегодня одни, а завтра могутъ быть другіе; сегодня ихъ одно число, а завтра тоже можетъ быть другое. Составъ ихъ по положенію и профессіи тоже можетъ измѣняться и при неособенно высокой цѣнѣ акцій, какъ уже и было отмѣчено выше, членами такой акціонерной компаніи могутъ быть и рабочіе. Какъ тогда сказать, кто движетъ капиталистическое развитіе въ опредѣленномъ направленіи? А направленіе это по отношенію къ отдѣльнымъ акціонернымъ предпріятіямъ выражается нерѣдко въ томъ, что образуются дутыя предпріятія и вообще получается возможность разныхъ злоупотребленій.

Возможно путемъ рекламъ и т. п. раздуть значеніе предпріятія, поднять тѣмъ цѣну акцій и затѣмъ спустить ихъ по этой повышен-

ной цѣнѣ, и оставаться спокойнымъ, когда несвѣдующіе люди останутся на рукахъ съ бумагами, цѣна на которыя упала много ниже того, что за нихъ было первоначально заплочено. Этимъ путемъ выпускъ акцій способствуетъ не только образованію капитала необходимаго для какого либо предпріятія, но и сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, стягиванію ихъ въ одни руки отъ тѣхъ владѣльцевъ сравнительно небольшими суммами, которые желаютъ имѣть на нихъ хорошій доходъ, но по неумѣнью устроить это теряютъ и то, что имѣли.

II. Синдикаты и трэсты.

Ростъ размѣровъ предпріятій, увеличеніе торговыхъ оборотовъ и распространеніе ихъ на болѣе и болѣе далекія страны — съ одной стороны создаетъ все большую и большую рискованность для разныхъ предпріятій, а съ другой стороны—усиливаетъ конкурренцію между отдѣльными предпріятіями. Что бы побѣдить въ этомъ соперничествѣ необходимо поставлять товаръ по болѣе и болѣе дешевой цѣнѣ. Это достигается, какъ ясно должно быть изъ всего предыдущаго, укрупненіемъ производства, выпускомъ на рынокъ товара въ большомъ количествѣ. Такой образъ дѣйствій со стороны всѣхъ предпринимателей ведетъ къ тому, что рынокъ заваливается товаромъ, цѣна на него падаетъ ниже себѣстоимости. Такъ вести дѣло дальше нельзя. Тогда предприниматели по производству такого товара входятъ между собою въ соглашеніе, которымъ устанавливаютъ или рынокъ, на который выпускаетъ свой товаръ каждый изъ нихъ, т.-е. опредѣленный районъ для продажи товара каждой фирмы, или назначаютъ количество товара, выпускаемое на рынокъ каждымъ предпріятіемъ. Но такого рода соглашенія прочны только до тѣхъ поръ, пока не явится интересъ нарушить ихъ. Стоитъ только предложить болѣе высокую цѣну и продано товара будетъ больше, чѣмъ установлено по соглашенію, или его отпустятъ и въ чужой районъ и т. п. Такимъ образомъ, это не установливаетъ сколько нибудь прочнаго огражденія отъ конкурренціи и невыгоднаго упадка цѣнъ или остановки въ сбытѣ товара. Является потребность оградить себя отъ этого болѣе прочнымъ образомъ. Это и ведетъ къ образованію, вмѣсто синдикатовъ, т. е. только что указанныхъ соглашеній, къ образованію трэстовъ, т. е. такихъ тѣсныхъ союзовъ, гдѣ отдѣльныя предпріятія входятъ какъ часть въ одно общее, образуемое трэстомъ. Тутъ уже совершенно нѣтъ конкурренціи, такъ какъ всѣ, или почти всѣ предпріятія, производящія данный товаръ въ странѣ, составляютъ теперь одно. Отдѣльныя предпріятія, владѣльцы которыхъ не желаютъ

войти въ такое соглашеніе, покупаются, и или входятъ въ составъ трэста или закрываются; не желающихъ идти на это подрываютъ тѣмъ, что начинаютъ продавать свои произведенія ниже того, во что они обходятся себѣ и, трэстъ могущій выдержать это долѣе, чѣмъ сравнительно мелкій предприниматель, конечно, уничтожаетъ послѣдняго. Далѣе, чтобы повысить производительность предпріятія и такимъ образомъ, понизить стоимость расходовъ на производство, закрываютъ тѣ фабрики и предпріятія, которыя находятся въ наименѣе выгодныхъ условіяхъ. Получается общее удешевленіе производства и возможность доведенія его до той степени производительности, которая только мыслима при данныхъ условіяхъ техническихъ и иныхъ. Въ то же время трэстъ является монополистомъ по производству данныхъ товаровъ и слѣдовательно: 1) можетъ регулировать производство, т. е. поставить его и выпускъ производимыхъ товаровъ вполнѣ соотвѣтственно существующей въ нихъ потребности; 2) установить на него ту цѣну, какую онъ находитъ выгодной для себя.

Получается такое положеніе, что соотвѣтственно общему характеру современной организаціи производства, оно принимаетъ дѣйствительно общественный характеръ. Но въ то же время получается противорѣчіе, сопровождающее всѣ явленія современнаго экономическаго строя, заключающееся въ томъ, что распоряженіе всѣмъ этимъ и организація всего находится въ рукахъ частнаго предпринимательства, творящаго все ради собственной прибыли, даже и во вредъ обществу. Вслѣдствіе этого общественнымъ организаціямъ, какъ напр., у насъ земствамъ, приходилось бороться съ синдикатомъ производителей кровельнаго желѣза, такъ какъ въ предупрежденіе пожаровъ земство стало снабжать населеніе кровельнымъ желѣзомъ по умѣреннымъ цѣнамъ, не имѣя въ виду коммерческой прибыли, а синдикатъ „Кровля“ стремился поднять цѣну на желѣзо. Владычество синдикатовъ и трэстовъ можетъ прямо губительнымъ образомъ угрожать интересамъ общества, въ особенности потому, что они легче могутъ организоваться и захватить въ свои руки такія отрасли промышленности, которыя уже по природнымъ условіямъ сосредоточены только въ опредѣленныхъ мѣстахъ, какъ нефтеносныя и рудоносныя земли. Тогда въ возможности пользованія этими матеріалами общество попадаетъ всецѣло въ зависимость отъ трэста, въ рукахъ котораго они сосредоточены. Открывается для трэста полная возможность установить монопольныя цѣны.

Конечно, это можетъ сократить сбытъ, а, между тѣмъ, опредѣленное оборудованіе производства заставляетъ производить товаръ въ большомъ количествѣ, и вотъ тогда синдикаты прибѣгаютъ

къ тому, что сбываютъ товаръ по дешевой цѣнѣ за предѣлы страны или тамъ, гдѣ на него есть конкурренція, а у себя все же держатъ высокую цѣну. Предѣлъ въ поднятіи этой цѣны полагается только тѣмъ, что одинъ продуктъ можетъ быть замѣненъ другимъ. Такъ, высокая цѣна нефти, какъ топлива, можетъ вызвать переходъ на каменноугольное или торфяное отопленіе или даже и дровяное, если при данной цѣнѣ нефти—это окажется выгоднѣе. Цѣна и держится на такомъ уровнѣ, чтобы не вынуждать къ этому переходу, но не ниже. Все это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что такія соглашенія становятся международными.

А какое значеніе имѣютъ и могутъ имѣть такія международныя соглашенія для интересовъ потребителей, можно видѣть изъ того, что сообщалось въ 1909 г. относительно международной организаціи предпринимателей хлопчато-бумажнаго производства. Огромное увеличеніе числа веретенъ передъ тѣмъ и чрезмѣрное производство повысили цѣны на хлопокъ. Товаръ, вслѣдствіе этого, вздорожалъ. Чтобы обезпечить сбытъ ему и повліять на пониженіе стоимости американскаго хлопка, промышленники прибѣгли къ планомѣрной международной тактикѣ. Въ октябрѣ 1908 г. въ Великобританіи 95% всѣхъ предпріятій, обрабатывающихъ американскій хлопокъ, прекратили работу по субботамъ и понедѣльникамъ и сократили производство на $^1/_3$. Въ Германіи сократили рабочій день съ 11 до 10 часовъ, каковая норма уже стала обязательной по закону. Въ Австріи въ то же время 95% прядиленъ изъяли изъ производства 20% веретенъ, а въ декабрѣ—даже 25%. Въ Италіи не работали два милліона веретенъ. Въ Испаніи и Португаліи производство было сокращено на 20—30%. Въ Японіи—$17^3/_4$%. Въ Соединенныхъ Штатахъ совсѣмъ не работали нѣсколько крупныхъ прядиленъ, а другимъ рекомендовалось прервать производство на двѣ недѣли. Эти мѣры въ теченіе зимы не только не были ослаблены, но скорѣе усилены. Такъ, Англія продолжила сокращеніе производства до 13-го (26-го) апрѣля 1909 г. Франція и Бельгія заявили о готовности еще до конца марта не работать одинъ день въ недѣлю. Въ Австріи владѣльцы $3^1/_2$ милл. веретенъ постановили съ марта по сентябрь сократить производство на $^1/_3$. Швейцарія уменьшила свое производство на три мѣсяца на 15%. Въ Америкѣ работаютъ на 10% меньше, чѣмъ въ нормальное время. (Sociale Praxis).

Такія международныя соглашенія являются, конечно, очень могущественными и могутъ быть весьма вліятельными и въ политическомъ отношеніи. При этомъ, надо имѣть въ виду, что при современной экономической связи всѣхъ народовъ и странъ свѣта, дѣятельность синдикатовъ можетъ отражаться на всемъ строѣ всемірнаго хозяйства.

Зависимость послѣдняго отъ ихъ дѣятельности, можетъ быть тѣмъ сильнѣе, что они могутъ—и обыкновенно стремятся къ тому—соединить въ рукахъ одного соглашенія, цѣлый рядъ отраслей производства и поставить себя совершенно независимо. Кровельный синдикатъ можетъ объединить не только заводы по обработкѣ желѣза, но и втянуть въ себя и рудники и каменноугольныя копи. На практикѣ такъ и есть, что одинъ трестъ соединяетъ въ себѣ цѣлый рядъ производствъ, тѣсно связанныхъ между собою и зависимыхъ одно отъ другого.

Для примѣра приведу, что въ Чикаго мясной трэстъ, который совмѣщаетъ въ себѣ все необходимое по обработкѣ мяса, имѣетъ литейный и электрическій заводы, обрабатываетъ сало въ мыло, изготовляетъ щетки, дубитъ кожи, изготовляетъ роговые гребни и пуговицы, кости перерабатываетъ въ „слоновую кость“ и разныя подѣлки, изъ копытъ варитъ клей, разныя части мясной туши перерабатываетъ въ желатинъ, рыбій клей, фосфоръ, ваксу и костное масло. Изъ свиныхъ желудковъ приготовляетъ пепсинъ, изъ крови—альбуминъ, изъ кишекъ—струны, удобрительные туки. Ничто, какъ видимъ, не пропадаетъ ни для снабженія потребителя,—даже „слоновой костью“,—ни для кармановъ милліардеровъ, вошедшихъ въ составъ синдиката.

Помимо отмѣченныхъ уже отрицательныхъ сторонъ въ дѣятельности синдикатовъ, надо еще указать и на то, что они ограничиваютъ удовлетвореніе потребностей не только подъемомъ цѣнъ. Они, пользуясь монопольнымъ положеніемъ, предпочитаютъ и товаръ готовить только такой, который для нихъ выгоднѣе. Такъ синдикатъ „Продамета“ у насъ, помимо того, что поднялъ цѣну за пудъ желѣза сразу съ 1 р. 40 к. до 1 р. 70 к., т. е. на 20% выше, но кромѣ того, вмѣсто прежнихъ сортовъ кровельнаго желѣза, установилъ только 2, причемъ прежній 3-й сортъ сталъ теперь 2-мъ. При этомъ еще пускаются въ ходъ всѣ мѣры, чтобы сбыть то желѣзо, которое выгоднѣе синдикату. Достигнуть этого тѣмъ легче, что при монополизаціи опредѣленнаго производства, торговцы этимъ товаромъ превращаются въ сущности лишь въ агентовъ опредѣленной промышленной компаніи—трэста и должны исполнять ея велѣнія. Впрочемъ, трэсты устраиваютъ и прямо сами торговыя операціи, имѣя прямо своихъ прикащиковъ по торговлѣ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что такого рода соглашенія, какъ синдикаты, представляютъ собою продуктъ только позднѣйшаго капиталистическаго развитія. Еще А. Смитъ отмѣчалъ, что производителямъ и торговцамъ, которыхъ немного, легче столковаться между собою для достиженія своихъ интересовъ въ ущербъ рабочимъ или потребителямъ. А затѣмъ можемъ привести примѣры, что у насъ

въ Россіи еще въ 1843—45 гг. состоялось между торговцами желѣза на Нижегородской ярмаркѣ соглашеніе относительно условій продажи его. Приведу и еще примѣръ, что въ Осташковскомъ у. Тверской губ., гдѣ развитъ кустарный промыселъ по изготовленію рыболовныхъ сѣтей, скупщики распредѣлили между собою уѣздъ на районы и каждый изъ нихъ покупалъ сѣти только у кустарей даннаго района и тѣмъ ставилъ кустаря въ необходимость продавать сѣти только данному скупщику, который и назначаетъ, конечно, крайне низкую цѣну, такъ какъ кромѣ него кустарю некому продать свои издѣлія.

Но все это, конечно, соглашенія, вытекающія въ своей основѣ изъ тѣхъ же стремленій, что и у современныхъ синдикатовъ и имѣющія въ основѣ и пріемы одинаковые. Разница, однако, въ томъ, что въ прежнее время всѣ эти соглашенія ограничивались очень узкими предѣлами. При современныхъ же условіяхъ крупнаго производства, изготовляющаго на широкій рынокъ большія массы однороднаго товара, соглашенія между предпринимателями и облегчаются и получаютъ, какъ уже отмѣчено, большое значеніе. При этомъ необходимо, однако, отмѣтить, что значеніе ихъ не только отрицательное. Въ этихъ соглашеніяхъ лежатъ зачатки организаціи производства, могущей вести къ опредѣленной планомѣрности его и принаровленія къ размѣру потребностей, а это должно вести къ тому, что на производство опредѣленныхъ товаровъ будетъ затрачиваться рабочихъ силъ и капиталовъ, которыми располагаетъ общество, не болѣе, но и не менѣе того, что нужно. Само собою разумѣется — это крупный общественный выигрышъ, но такъ какъ задача синдикатовъ при частнокапиталистической основѣ хозяйства, не общественные интересы, а интересы капитала и стремленіе получить прибыль, то въ дѣйствительности регулированія не происходитъ. Напротивъ, можно сказать, намѣренно устраивается перепроизводство, но такъ, чтобы была недостача товара на томъ рынкѣ, гдѣ можно поболѣе нажить, отъ чего потребители, вынужденные пріобрѣтать на этомъ рынкѣ, только теряютъ.

Къ обремененію потребителей ведетъ здѣсь и та сторона въ развитіи картелей (трэстовъ тожъ), которая можетъ имѣть и свои положительныя стороны для рабочихъ. Конечно, картель, имѣющій возможность поставить свое производство въ техническомъ отношеніи на самую высокую ступень и тѣмъ содѣйствовать и хозяйственному прогрессу, можетъ въ связи съ этимъ удовлетворить и наиболѣе высокія требованія рабочихъ, безъ ущерба для выгодъ предпріятія. Но, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, онъ перекладываетъ всякій лишній расходъ на плечи потребителей. Съ другой стороны, несмотря на болѣе высокую заработную плату, получаемую рабочими картелированныхъ предпріятій, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ

нѣкоторыя данныя, врядъ ли это поднимаетъ все-таки прежній экономическій уровень жизни рабочихъ. Повышенная денежная плата сопровождается при практикѣ картелей повышенной цѣной многихъ предметовъ потребностей рабочихъ (уголь, керосинъ) и тогда въ результатѣ улучшенія условій жизни нѣтъ. Кромѣ того, нѣкоторыя изслѣдованія заставляютъ думать, что повышенная заработная плата является не вслѣдствіе практики картелей, а вслѣдствіе общаго благопріятнаго положенія промышленности, которое иногда совпадаетъ съ моментами образованія трэстовъ. При этомъ, надо думать, что и коллективные договоры рабочихъ, т.-е. такія соглашенія рабочихъ съ предпринимателями, которыми устанавливаются для ряда предпріятій общія правила о часахъ работы, о фабричныхъ распорядкахъ, о minimum'ѣ заработной платы и т. п., при организаціи трэстовъ мало имѣютъ значенія. Такіе договоры постольку служатъ на пользу рабочимъ, поскольку ими отдѣльные предприниматели, среди ряда ихъ, конкурирующихъ между собою, вынуждаются къ соблюденію опредѣленныхъ правилъ. Для трэста же, какъ единственнаго представителя, такой договоръ внѣшней принудительной силы, лежащей въ экономическихъ условіяхъ, имѣть не можетъ, ибо предпріятіе трэста является единичнымъ и конкуррентовъ не имѣетъ: трэстъ для того и организованъ, чтобы не имѣть конкуррентовъ и быть полнымъ хозяиномъ рынка. Точно также и стачку рабочихъ трэстъ можетъ выдержать дольше и спокойнѣе, чѣмъ отдѣльныя не синдицированныя предпріятія. Онъ сильнѣе, могущественнѣе ихъ и при своемъ монопольномъ положеніи лучше можетъ вознаградить себя и потомъ за убытки нанесенные стачкой рабочихъ.

Изъ всего этого какъ бы вытекаетъ, что рабочіе ничего не выигрываютъ отъ образованія трэстовъ. Но необходимо сознаться, что вопросъ о вліяніи трэстовъ на положеніе рабочихъ до сихъ поръ еще мало изслѣдованъ и можетъ считаться почти еще не выясненнымъ.

Въ заключеніе по этому вопросу замѣчу еще одно. По теоріи К. Маркса капиталистическое развитіе движется въ такомъ направленіи, что совершается все большая и большая концентрація капиталовъ, а съ другой стороны—все большее и большее ухудшеніе положенія рабочихъ. Такія противоположности по его теоріи должны повести къ общественному перевороту, выражающемуся въ томъ, что „экспропріирующихъ экпропріируютъ". Въ его время синдикатовъ предпринимателей не существовало и онъ ихъ не предусматривалъ. Подъ экспропріирующими онъ имѣлъ въ виду отдѣльныхъ немногихъ капиталистовъ, въ рукахъ которыхъ произойдетъ концентрація капиталовъ. Но мы видимъ, что несмотря на сильнѣйшее, чѣмъ когда либо, сосредоточеніе капиталовъ въ рукахъ отдѣльныхъ капитали-

стовъ, происходитъ на ряду съ этимъ такъ сказать разсасываніе капитализма, соединеніе въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ небольшихъ суммъ, принадлежащихъ и не капиталистамъ — и это ведетъ къ концентраціи капиталовъ въ крупныхъ предпріятіяхъ, которыя принадлежатъ не отдѣльному капиталисту-предпринимателю. При такихъ условіяхъ теорія концентраціи капиталовъ справедлива постольку, поскольку она можетъ быть приложима къ отдѣльнымъ предпріятіямъ, а не предпринимателямъ. Путемъ картелированія такая концентрація и совершается въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Что касается второй половины этой теоріи относительно обѣдненія рабочихъ, то она не подтверждается. Въ то же время врядъ ли процессъ общественнаго преобразованія производства можетъ произойти такимъ простымъ путемъ безъ предварительнаго, такъ сказать, привхожденія рабочихъ и потребителей въ составъ производственной организаціи. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ развитіе идетъ въ этомъ направленіи путемъ образованія кооперативныхъ организацій, какъ это будетъ указано нѣсколько ниже. Во всякомъ случаѣ въ параллель той организаціи производства, которая въ частныхъ интересахъ отдѣльныхъ группъ населенія совершается путемъ картелированія предпріятій, должна происходить организація рабочихъ, формы и пріемы дѣятельности которой могутъ быть различны. Но безъ активной дѣятельности организованныхъ рабочихъ отдѣльно или въ общемъ составѣ потребителей не можетъ произойти измѣненія производственныхъ отношеній сообразно интересамъ всего населенія и соотвѣтственно тому общественному характеру производства, которое оно имѣетъ по своему назначенію.

Прежде чѣмъ закончить этотъ отдѣлъ, отмѣчу еще, что въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ благопріятныхъ условій для образованія трэстовъ. Неблагопріятствуетъ этому тамъ и большое количество предпріятій и притомъ самыхъ различныхъ размѣровъ, затѣмъ разбросанность предпріятій и производство разнообразныхъ продуктовъ. Кромѣ того, надо указать, что въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ основнымъ средствомъ производства является земля, въ капиталѣ очень большую долю составляетъ оборотный капиталъ. А это также, какъ и въ торговлѣ, гдѣ по преимуществу имѣетъ значеніе оборотный капиталъ, неблагопріятствуетъ образованію прочныхъ постоянныхъ связей. Тутъ скорѣе, чѣмъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, можетъ явиться конкуренція. И только тамъ какъ, напр. въ торговлѣ каменнымъ углемъ, гдѣ крупныя торговыя фирмы стоятъ въ постоянныхъ отношеніяхъ къ производителямъ — это упрочиваетъ положеніе тѣхъ и другихъ.

9. Общественныя организаціи предпріятій.

I. Государственныя, земскія, городскія предпріятія.

До сихъ поръ шла рѣчь о формахъ промышленныхъ предпріятій, какъ они складываются по частной иниціативѣ. Но уже ранѣе было отмѣчено, что по отношенію къ ряду предпріятій установилось уже представленіе о нихъ, какъ имѣющихъ прямо общественное значеніе, вслѣдствіе чего существованіе ихъ нельзя оставлять на произволъ и усмотрѣніе частныхъ лицъ. Таковъ взглядъ по отношенію ко многимъ желѣзнымъ дорогамъ, къ водопроводамъ, трамваямъ и т. п. Вслѣдствіе этого государство или общественныя управленія берутъ на себя иногда починъ въ устройствѣ такихъ предпріятій, или же установляютъ особыя правила относительно учрежденія и функціонированія ихъ. Опредѣленное единство и сосредоточеніе многихъ такихъ предпріятій въ рукахъ государства вытекаетъ изъ того, что тутъ обычно—конкуренція не имѣетъ смысла. Нельзя, напр., параллельно вести двѣ дороги для соединенія однихъ и тѣхъ же пунктовъ. Изъ другихъ соображеній надо указать еще на желаніе иногда поощрить или ввести то или другое производство, которое почему либо, а можетъ быть просто потому, что не обѣщаетъ большихъ выгодъ, не останавливаетъ на себѣ вниманія частныхъ предпринимателей. Есть и еще одно основаніе для этого — чисто экономическое — это фискальныя цѣли, т.-е. какъ разъ обратно предыдущему: прибыльность нѣкоторыхъ предпріятій или скорѣе возможность сдѣлать ихъ прибыльными. Въ самомъ дѣлѣ, разъ желѣзная дорога или трамвай напр. — удовлетворяетъ потребности широкихъ круговъ населенія и для него пользованіе ими необходимо, т. е. очевидно общественное значеніе ихъ, то несомнѣнно населеніе не обойдется безъ пользованія ими, а въ такомъ случаѣ, при отсутствіи конкурренціи, возможно поднять цѣну за пользованіе этими предпріятіями, выше того расхода, который необходимъ на веденіе ихъ. Это даетъ государству или городу доходъ, который идетъ на удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, взамѣнъ повышенія налоговъ. Получается въ этомъ случаѣ въ основѣ такихъ общественныхъ предпріятій то же, что лежитъ въ основѣ капиталистическихъ: полученіе дохода и при томъ пользуясь принудительной монополіей: конкуренція юридически не допускается здѣсь. Разница конечно въ томъ, что доходъ этотъ идетъ не въ карманъ частнаго предпринимателя или акціонеровъ, т. е. вообще лицъ, вложившихъ въ дѣло свои капиталы, а на общественныя нужды. Но это не есть, такъ сказать, оправданіе—это не измѣняетъ существа дѣла. Вѣдь и американскій мил-

ліардеръ Карнеджи напр., изъ своего ежегоднаго чйстаго дохода, который составляетъ свыше 30 милліоновъ рублей въ годъ, тратитъ многое на общественныя, образовательныя и т. п. цѣли. Правда, и тутъ разница въ томъ, что это опять также произвольное усмотрѣніе отдѣльнаго лица, а не расходъ сообразно тѣмъ общественнымъ нуждамъ, которыя считаются настоятельными по усмотрѣнію представителей общества, законно на то уполномоченныхъ. И все же при данныхъ экономическихъ условіяхъ доходъ отъ общественныхъ предпріятій, взамѣнъ налоговъ, не можетъ считаться правильнымъ. Платятъ лишнее за пользованіе трамваемъ напр. тѣ, которыя имъ пользуются, слѣдовательно, помимо прочихъ налоговъ, они несутъ его и здѣсь. Доходъ же этотъ можетъ идти напр. на улучшеніе мостовыхъ для удобства лицъ, имѣющихъ собственные экипажи, налогъ съ которыхъ уменьшается въ той мѣрѣ какъ увеличивается доходъ отъ трамвая. При современныхъ условіяхъ при любой формѣ правленія на хозяйственной дѣятельности государства сказывается вліяніе классоваго строенія общества. И это быть иначе не можетъ, такъ какъ въ основу государственнаго управленія кладутся опредѣленныя политическія теченія, что и отзывается на хозяйственной дѣятельности государства. Довольно яркимъ примѣромъ этого могутъ служить предпріятія Столыпинскаго министерства земледѣлія у насъ. Были устроены сельскохозяйственные склады и прокатные пункты для сельскаго населенія, но все это было сдѣлано, имѣя въ виду облегченіе перехода на хуторскія и отрубныя хозяйства въ цѣляхъ укрѣпленія въ населеніи чувства собственности для предупрежденія захвата земель, т.-е. въ огражденіе интересовъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ.

Надо имѣть въ виду также и то, что политическое міросозерцаніе правительственныхъ лицъ, еще не опредѣляетъ ихъ знакомства съ хозяйственной дѣятельностью и пригодностью для нея. А между тѣмъ, они должны являться иниціаторами и верховными руководителями хозяйственныхъ предпріятій. Въ этомъ отношеніи, гораздо большее поприще для организаціи хозяйственныхъ предпріятій открывается для мѣстныхъ органовъ самоуправленія. Съ этой стороны, особенно поучительна дѣятельность нашихъ „цензовыхъ“ земствъ. Мѣстные органы, прежде всего, ближе знакомы съ мѣстными нуждами и условіями, опредѣляющими возможность ихъ удовлетворенія. Затѣмъ, тамъ менѣе сказывается политическая точка зрѣнія, такъ какъ, наглядне, яснѣе представленіе о томъ, какое значеніе можетъ имѣть хозяйственная дѣятельность и какъ для правильной постановки ея, важна не политическая окраска лица, а его организаторскія способности, дѣловитость и знакомство съ мѣстными условіями. Что же

касается вліянія классовыхъ интересовъ, то въ нашемъ „цензовомъ“ земствѣ сказалось вліяніе того обстоятельства, что въ немъ въ силу закона, почти половину состава собранія представляло крестьянство. А оно, во-первыхъ, довольно исправно являлось на собранія, такъ что нерѣдко представляло большинство, что имѣло значеніе при рѣшеніи вопросовъ баллотировкой шарами, а такъ рѣшались смѣтныя назначенія. Но и независимо отъ этого, присутствіе въ собраніи въ половинномъ или почти въ половинномъ числѣ, а то и въ большинствѣ крестьянъ, конечно, заставляетъ воздерживаться отъ проявленія одностороней классовой точки зрѣнія и не позволяетъ не считаться съ ихъ интересами. Въ силу этого и народнически настроенная интеллигенція, такъ назыв. третій элементъ, находила тамъ большій просторъ для своей дѣятельности, нежели это было бы при иныхъ условіяхъ. Все это и объясняетъ, почему многія наши земства, какъ напр.: Полтавской, Московской, Костромской, Нижегородской, Вятской, Пермской губ. и другія, не мало предпринимали для поддержанія кустарной промышленности напр. Въ особенности въ этомъ отношеніи много дѣлало Вятское земство — почти чисто крестьянское. Немало сдѣлано Московскимъ. Устраивались склады кустарныхъ издѣлій, организовывались мѣры для снабженія кустарей сырьемъ, вообще мѣры, помогавшія кустарю обходиться безъ скупщика, такъ сказать, замѣняющія его предпріятія, но вносящія въ нихъ цѣль не обиранія и разоренія кустаря, а наоборотъ поддержки его. Устраивали земства и склады сѣмянъ и сельскохозяйственныхъ орудій. Какъ уже было отмѣчено, земство завело и торговлю желѣзомъ, для распространенія по селеніямъ въ предупрежденіе пожаровъ кровли желѣзомъ, вмѣсто соломы. Предпріятіе это было даже настолько успѣшно, что какъ только Пермское земство закупило желѣзо съ Сысетрскаго завода, пущеннаго въ ходъ при ссудѣ отъ земства, такъ въ районѣ этого завода синдикатъ пустилъ свое желѣзо по цѣнѣ на 10—11 коп. на пудъ ниже цѣны, по которой закупило желѣзо земство, чтобы подорвать земское начинаніе, чего, однако, не воспослѣдовало. Отсюда можно видѣть, что, при извѣстныхъ условіяхъ, и въ современной экономической обстановкѣ, общественныя предпріятія могутъ быть весьма различны по предметамъ и по формѣ ихъ и быть не безполезны — и все же, думается намъ, они большого значенія и большаго развитія пока получить не могутъ. Общественныя предпріятія являются для современнаго политическаго строя — имѣющими далеко не первостепенное значеніе; соотвѣтственно этому и вся организація государственнаго — и даже общественнаго управленія — складывается не такъ, чтобы это давало по существу благопріятную постановку веденію хозяйственныхъ предпріятій и имѣло

подходящихъ для того лицъ не случайно, а какъ правило. А затѣмъ, не мало, конечно, значитъ, что это предпріятія, носящія принудительный характеръ, что даетъ имъ бюрократическую постановку, при томъ еще условіи, что здѣсь нѣтъ въ постановкѣ предпріятій ничего такого, что бы вызывало, будило духъ предпріимчивости, давало свободу его проявленію. Напротивъ, здѣсь скованъ онъ строгими рамками опредѣленныхъ постановленій, сдерживающихъ проявленіе духа предпріимчивости и не дающихъ ему надлежащаго хода, если бы онъ и существовалъ у кого либо изъ участниковъ и руководителей общественныхъ предпріятій.

Почти всѣ эти черты отсутствуютъ у другого вида общественныхъ предпріятій, представляемыхъ кооперативными организаціями, къ ознакомленію съ которыми и перехожу теперь.

II. Кооперативныя организаціи.

До сихъ поръ при изученіи хозяйственныхъ явленій намъ приходилось останавливать вниманіе, главнымъ образомъ, на такихъ отношеніяхъ, которыя, вытекая изъ первобытныхъ враждебныхъ столкновеній, продолжаютъ носить на себѣ ярко выраженныя черты той первобытной дикости и противоположности интересовъ. Но на ряду съ этимъ съ самаго начала нельзя было не отмѣтить и той общности потребностей и интересовъ, которая связываетъ людей и которая, помимо того, что выражается во внѣшнихъ условіяхъ и создаетъ необходимость общности дѣйствій, должна же вызвать и въ сознаніи самихъ людей ясное представленіе объ этой общности, солидарности и вызвать соотвѣтствующій тому образъ дѣйствій. Это и выразилось въ кооперація, въ соединеніи въ товарищества для опредѣленныхъ цѣлей. „Кооперативъ по справедливому опредѣленію проф. М. И. Туганъ-Барановскаго („Соціальныя основы кооперація“), есть такое хозяйственное предпріятіе нѣсколькихъ, добровольно соединившихся лицъ, которое имѣетъ своею цѣлью не полученіе наибольшаго барыша на затраченный капиталъ, но увеличеніе, благодаря общему веденію хозяйства, трудовыхъ доходовъ своихъ членовъ или уменьшеніе ихъ расходовъ на потребительныя нужды“ *).

Достигаются указанныя въ этомъ опредѣленіи задачи путемъ организаціи различныхъ формъ предпріятій на товарищескихъ началахъ. Первоначально возлагались очень большія надежды на производительные кооперативы, въ которыхъ соединяются для общаго производства лица, занимающіяся однимъ и тѣмъ же промысломъ. Это

*) Курсивъ въ этомъ опредѣленіи принадлежитъ мнѣ. *Н. К.*

соотвѣтствуетъ нашимъ артелямъ, возникавшимъ обыкновенно тамъ, гдѣ требовались соединенныя силы работающихъ, но особаго предпринимателя не было, какъ, напр., плотничьи артели, рыболовныя артели и т. п. Въ предпріятіяхъ же, гдѣ требуются довольно прочныя соединенія довольно постояннаго характера и притомъ въ современныхъ условіяхъ капиталистическаго строя съ его весьма широко развитымъ обмѣномъ, производительныя артели проявили довольно малую жизнеспособность. Причины этого заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что производство должно быть соединено съ обмѣномъ, требуетъ знакомства съ рынкомъ и его условіями. Работники же, занимавшіеся ранѣе того производствомъ въ капиталистическомъ предпріятіи, какъ наемные рабочіе—условій рынка не знаютъ и это мѣшаетъ правильному ходу ихъ предпріятія. Во-вторыхъ, при современныхъ условіяхъ каждое предпріятіе должно обладать эластичностью, быть способнымъ къ расширенію и сокращенію своего производства, а это значитъ, что число участниковъ товарищества должно измѣняться и, въ случаѣ надобности, сократиться. Но куда же они дѣнутся? Вотъ и остаются при дѣлѣ лишніе работники; и общій заработокъ всѣхъ вмѣстѣ можетъ быть ниже того, что получаютъ наемные рабочіе въ капиталистическомъ предпріятіи. Кромѣ того производительныя кооперації затрудняются вводить машины по той же причинѣ необходимости сокращенія числа участниковъ производства при введеніи машинъ. Указываютъ еще на недостатокъ дисциплины среди участниковъ товарищества, привыкшихъ ранѣе подчиняться одному общему принудительному руководству, а здѣсь каждый смотритъ на себя какъ на хозяина и не очень-то считается съ мнѣніями другихъ. Нужно отмѣтить еще, что здѣсь, послѣ образованія артели, затруднителенъ и даже невозможенъ подборъ болѣе искусныхъ рабочихъ, а это тоже можетъ отзываться на производительности артели, несмотря на тотъ подъемъ производительности труда каждаго отдѣльнаго работника, который вызывается сознаніемъ, что работаетъ самъ для себя. Не мѣшаетъ еще имѣть въ виду, что производительныя товарищества организуются нерѣдко во время безработицы, которая служитъ свидѣтельствомъ плохого сбыта въ той отрасли производства, гдѣ сказывается безработица, и это уже предрѣкаетъ неуспѣхъ въ ходѣ дѣла.

Основная же причина, думается мнѣ, заключается въ томъ, что въ нѣдрахъ капиталистическаго производства, опирающагося на частный починъ и общественно неорганизованнаго, всякое предпріятіе должно считаться съ тѣми требованіями, которыя порождаетъ рынокъ и которыя не могутъ быть заранѣе предусмотрѣны при неорганизованности всей постановки дѣла, въ составъ которой входитъ и сбытъ. Поэтому производительныя артели могутъ получить болѣе прочное,

обезпеченное существованіе и надлежащее развитіе только въ союзѣ съ другими кооперативными организаціями, такъ сказать, дополняющими ихъ въ тѣхъ сторонахъ общаго хода дѣла, которыя они сами по себѣ не охватываютъ. Но объ этомъ скажу ниже.

Изъ дальнѣйшихъ видовъ кооперації укажу на закупочныя, имѣющія особое значеніе, напр., для кустарей, пріобрѣтающихъ сырой матеріалъ. Здѣсь происходитъ не только сбереженіе средствъ, устраненіе излишнихъ посредниковъ, что даетъ, какъ показываютъ примѣры, весьма значительное сбереженіе: до 40—60 процентовъ; но, кромѣ того, сберегается и время, затрачиваемое на пріобрѣтеніе сырья, при отсутствіи товарищества, каждымъ отдѣльно, въ розницу. Такое же сбереженіе въ связи съ возможностью вообще лучше поставить все дѣло по сбыту получается при организаціи товариществъ по сбыту издѣлій. Тѣ и другіе виды товариществъ получаютъ одинаково благопріятную почву для распространенія какъ среди кустарей—промысловыхъ работниковъ, такъ и среди крестьянъ—сельскихъ хозяевъ. Такія организаціи вполнѣ избавляютъ отъ власти скупщиковъ, которые, вдобавокъ, расплачиваясь товаромъ, ставятъ его также въ болѣе высокую цѣну, чѣмъ при вольной покупкѣ.

Совершенно особый видъ и особое значеніе имѣютъ кредитныя товарищества въ условіяхъ современнаго производства, гдѣ какъ это будетъ выяснено въ своемъ мѣстѣ, безъ кредита обойтись нельзя. Тамъ же нѣсколько подробнѣе скажу и о кредитныхъ товариществахъ. Здѣсь же отмѣчу лишь, что помимо своихъ непосредственныхъ задачъ, кредитныя товарищества, въ особенности въ селеніяхъ у насъ, берутъ на себя еще посредническія операціи, т.-е. закупаютъ оптомъ различные предметы потребленія, фуража и т. п., необходимое ихъ членамъ. Это опять даетъ большое сбереженіе расходовъ. Судить о величинѣ этого сбереженія можно по тому, напр., что по даннымъ, касающимся Московскаго у. и относящимся ко времени до войны, осьмушка чая, напр., обходилась кредитному товариществу при закупкѣ чая для посредническихъ операцій въ $13^1/_2$ к., отпускалась членамъ товарищества по 15 к., т.-е. съ приплатой 10—11%, у торговцевъ осьмушка такого чая стоила 19 к., т.-е. на 40% выше, а скупщикъ ставилъ ея цѣну въ 25 к., т.-е. почти вдвое,; мука обходилась членамъ товарищества при посредническихъ операціяхъ въ 4 р. 20 к., а у торговцевъ она продавалась по 6 р. 20—30 к.

Особое значеніе имѣютъ товарищества сельскихъ хозяевъ для совмѣстнаго пріобрѣтенія сельскохозяйственныхъ машинъ. Я уже указывалъ на предпочтительность использованія въ этомъ случаѣ машинъ мелкими хозяйствами, сравнительно съ крупными. Отмѣчалъ также, что это—и единственно это, т. е. болѣе широкое использо-

ваніе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, дастъ возможность и сельскому хозяину въ лѣтнее страдное время, не изнурять себя чрезмѣрнымъ трудомъ, не дрожать за успѣхъ дѣла и сократить рабочій день такъ, чтобы не превращать себя на цѣлые мѣсяцы исключительно въ какой-то рабочій механизмъ, не знающій отдыха и не помышляющій ни о чемъ другомъ, что свойственно и дорого человѣку. Ограничиваюсь, поэтому, здѣсь только напоминаніемъ объ этомъ.

Говоря о посредническихъ операціяхъ кредитныхъ товариществъ, мы подошли къ задачамъ потребительныхъ обществъ. Послѣднія въ существѣ своемъ, являются торговыми предпріятіями. Задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы члены потребительнаго общества, соединивъ вмѣстѣ тѣ небольшія суммы, которыя каждый изъ нихъ въ отдѣльности затрачиваетъ на предметы потребленія, закупали оптомъ то, что имъ необходимо и распредѣляли это между собой. Эта, повидимому, очень простая задача пріобрѣтаетъ очень большое значеніе и имѣетъ въ себѣ зародыши преобразованія всего экономическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, я уже отмѣчалъ не разъ ту ненормальность, которая заключается въ томъ, что все производство существуетъ для потребителей, для удовлетворенія ихъ потребностей, между тѣмъ, потребители-то и не имѣютъ никакого прямого голоса въ рѣшеніи того, что производить, гдѣ, когда, куда, по какимъ цѣнамъ сбывать и т. д. Все это рѣшаютъ исключительно производители и торговцы, т. е., какія-то вторыя и третьи лица, вовсе не интересующіяся тѣмъ, чтобы удовлетворить потребителя, а, наоборотъ, имѣющія въ виду только удовлетвореніе своего аппетита въ наживѣ, прибыли. Отсюда понятно, что разъ возникаетъ организація потребителей для достиженія своихъ цѣлей, вначалѣ, хотя бы лишь для удешевленія, для сбереженія расходовъ, то она должна мало-по-малу охватить и многое другое, если не все, связанное съ производствомъ товаровъ для удовлетворенія потребностей. Такъ оно и происходитъ. Общество потребителей растетъ, число его участниковъ увеличивается, растетъ и число обществъ, образуется союзъ ихъ, который является уже очень крупнымъ покупателемъ, и уже поэтому съ его спросомъ и требованіями приходится считаться и частнымъ торговцамъ. Сообразно съ этимъ и фабрики, изготовляющія предметы спроса такого союза, должны считаться съ его спросомъ, смотрѣть на него, какъ на заказчика опредѣленнаго товара и сообразоваться, слѣдовательно, съ его требованіями. Начинается, слѣдовательно, уже прямое приспособленіе производства къ опредѣленнымъ прямымъ требованіямъ потребителя. Но, разъ общество потребителей имѣетъ задачей сбереженіе расходовъ на потребленіе, почему ему не пойти въ этомъ отношеніи и далѣе, т. е. почему не завести собственное производство? Оно для

него можетъ быть поставлено въ болѣе благопріятныя условія, такъ какъ ему не приходится считаться съ неизвѣстнымъ рынкомъ и случайностями спроса на немъ: совокупность членовъ общества представляетъ опредѣленный рынокъ. Слѣдовательно, все производство можетъ быть поставлено такъ, чтобы не было ни излишка, ни недостатка произведенныхъ товаровъ. А это означаетъ отсутствіе того риска, который всегда долженъ имѣть въ виду каждый предприниматель-промышленникъ или торговецъ, что даетъ такимъ посредникамъ поводъ и еще къ надбавкѣ цѣны, какъ бы для образованія страховой суммы на случай потери или убытка, для застрахованія отъ риска. Неизбѣжность же такого риска и послѣдствія его будутъ выяснены, когда пойдетъ рѣчь о промышленныхъ кризисахъ.

Обзаведеніе для потребительнаго общества или союза собственнымъ производствомъ, имѣетъ еще и то обще-экономическое значеніе, что ведетъ къ болѣе правильному распредѣленію рабочихъ силъ, которыми располагаетъ общество вообще. Я уже указывалъ выше, какъ важно правильное распредѣленіе этихъ силъ для надлежащаго удовлетворенія потребностей населенія. Оно важно не только потому, что страна не обладаетъ вообще безграничнымъ количествомъ рабочихъ силъ, но и съ той точки зрѣнія, что только соотвѣтственное распредѣленіе ихъ позволяетъ не затрачивать безрезультатно силы на что-либо такое, что можетъ оказаться въ излишкѣ, а также не ведетъ къ чрезмѣрному и чрезвычайному расходованію ихъ на то, чего, при правильномъ распредѣленіи рабочихъ силъ, было бы достаточно и безъ обремененія работниковъ чрезмѣрнымъ трудомъ. Мало того, тогда бы не могло быть и безработицы, такъ какъ, все дѣлалось бы въ свое время и тѣмъ количествомъ работниковъ, какое для этого нужно. Но когда все производство находится не въ рукахъ потребителей, располагающихъ его соотвѣтственно своимъ нуждамъ, а въ рукахъ производителей, ведущихъ дѣло изъ-за прибыли—правильнаго распредѣленія рабочихъ силъ не можетъ быть. Для такого производителя важны не потребности населенія, а его покупательныя силы; у кого ихъ больше, тотъ больше купитъ товару болѣе дорогого, а слѣдовательно и дастъ возможность довести дѣло до конца и реализировать прибыль, т. е. получить при продажѣ товара, въ цѣнѣ его тотъ излишекъ ея, который не доплаченъ рабочимъ, получившимъ лишь то, что необходимо на ихъ содержаніе. Поэтому для того, чтобы производительныя, рабочія силы общества распредѣлялись соотвѣтственно его потребностямъ,—необходимо, чтобы онѣ распредѣлялись самими потребителями и производство велось по ихъ плану соотвѣтственно ихъ нуждамъ, а не ради полученія прибыли. Но это и возможно только путемъ организаціи самихъ потребителей для этой цѣли и устройства ими

соотвѣтствующихъ предпріятій, которыя и будутъ учреждаться для производства наиболѣе необходимыхъ предметовъ, поскольку это допускается другими условіями.

Послѣдствія же организаціи потребительскихъ предпріятій предусматриваются такія: „Если бы каждая коммуна Бельгіи, говоритъ Бертранъ, обладала кооперативнымъ товариществомъ, а послѣдніе составляли союзы, то произошла бы важная торговая революція, и ея выгоды были бы велики, такъ какъ она доставила бы каждой семьѣ экономію по меньшей мѣрѣ 20—30% ежегодныхъ расходовъ, т. е. четверть годового заработка". На международномъ съѣздѣ въ Копенгагенѣ въ 1910 г. представителями пролетаріата дана такая оцѣнка потребительской кооперації: „Потребительныя общества не только могутъ приносить непосредственныя матеріальныя выгоды своимъ членамъ, но и призваны усилить экономическую позицію и улучшить экономическое положеніе рабочаго класса посредствомъ устраненія торговыхъ посредниковъ и организаціи собственнаго производства для организованныхъ потребителей, воспитать рабочихъ для самостоятельнаго веденія своихъ дѣлъ и этимъ помочь подготовить демократизацію и общественнаго производства и обмѣна".

Но предпріятій, необходимыхъ для изготовленія всего, что нужно потребителямъ, должно быть много и очень разнообразныхъ. Какъ бы ни было велико общество потребителей или союзъ ихъ, оно не можетъ имѣть предпріятія по всѣмъ отраслямъ производства, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ должны быть устроены далеко отъ мѣстонахожденія членовъ общества или союза. Поэтому этимъ только путемъ не можетъ быть достигнуто такое положеніе, чтобы исходнымъ пунктомъ и задачей каждаго предпріятія были нужды потребителей и руководительство послѣднихъ. Но мы знаемъ уже, что на ряду съ потребительными обществами образуются и товарищества производителей. Соглашеніе съ послѣдними такъ, чтобы они были поставщиками общества потребителей и имѣли въ составѣ его членовъ постоянный и опредѣленный рынокъ, избавляетъ съ одной стороны, производительныя товарищества отъ многихъ изъ тѣхъ неудобствъ, о которыхъ сказано было въ своемъ мѣстѣ, и упрочиваетъ ихъ положеніе, а съ другой— избавляетъ общества потребителей отъ перегруженности ихъ управленія завѣдываніемъ многими и разнообразными предпріятіями. И при этомъ соглашеніи потребительныя общества продолжаютъ вліять на направленіе производства соотвѣтственно нуждамъ членовъ общества и вліять на отвѣчающее тому распредѣленіе производительныхъ силъ.

Изъ сказаннаго, весьма краткаго выясненія строенія и задачъ кооперативныхъ организацій, думается, не трудно видѣть, что онѣ

на мѣсто стихійнаго процесса въ развитіи хозяйственныхъ отношеній выдвигаютъ планомѣрную организацію, безъ которой не мыслима сколько нибудь правильная постановка любого хозяйства. Этимъ путемъ кооперативныя организаціи ведутъ мирными средствами къ преобразованію существующаго строя. И это единственный путь. Выше я говорилъ о нецѣлесообразности постановки классовой борьбы въ основу дѣятельности для защиты своихъ интересовъ. И мы видимъ, что то, что представляетъ собою классовая борьба, ведетъ лишь къ тому, что на мѣсто засилья одного класса наступаетъ засилье другого. Такъ это принимается и принципіально, когда говорятъ о диктатурѣ пролетаріата. При ней все равно, какъ и при всякой диктатурѣ не можетъ быть свободнаго волеизъявленія со стороны всѣхъ; будутъ, слѣдовательно, угнетатели и угнетаемые съ перевѣсомъ силы то въ ту, то въ другую сторону и безъ перемѣны тѣхъ принципіальныхъ основъ, на которыхъ зиждется современный капиталистическій экономическій строй. И попрежнему, слѣдовательно, будутъ создаваться новые классы и продолжаться борьба ихъ интересовъ. Между тѣмъ то развитіе мѣновыхъ отношеній, которое существуетъ теперь, все болѣе и болѣе сближаетъ и обобщаетъ интересы всѣхъ. Даже войны и тѣ ведутъ людей къ ознакомленію другъ съ другомъ и къ сближенію, объединенію между ними того, что ранѣе было раздѣлено. Съ теченіемъ времени это сближеніе, вытекшее, какъ я показалъ въ гл. II, изъ военныхъ столкновеній, становится все болѣе и болѣе широкимъ и общимъ. Интересы потребителей разныхъ странъ также сближаются и въ этихъ интересахъ нѣтъ мѣста классовымъ подраздѣленіямъ и классовой борьбѣ. Организаціи потребителей совершенно далекія отъ классовой точки зрѣнія и наоборотъ объединяющія и могущія объединять представителей разныхъ классовъ, не проявляя классовой борьбы и недопуская ее, въ то же время преобразуютъ существующія экономическія отношенія въ такомъ направленіи, которое не даетъ мѣста дѣленію на классы. Тѣ же члены потребительнаго общества могутъ являться и членами производительныхъ товариществъ или рабочими въ предпріятіяхъ потребительныхъ обществъ—и обратно тѣ же рабочіе предпріятій потребительнаго общества или работающихъ на него производительныхъ товариществъ, могутъ состоять членами того же потребительнаго общества. Доходы же и прибыли потребительныхъ обществъ идутъ или на общія нужды или распредѣляются на заборный рубль, т. е. основой подраздѣленія служитъ не паевой капиталъ, на который выдается лишь опредѣленный процентъ, вообще не капиталъ, какъ въ акціонерныхъ компаніяхъ, а возвратъ излишне переплаченнаго за предметы потребленія. Распредѣленіе доходовъ на заборный рубль представляетъ

именно такой возвратъ. Здѣсь въ потребительныхъ обществахъ нѣтъ, такимъ образомъ, за капиталомъ того значенія, какое придается ему въ капиталистическихъ организаціяхъ и въ то же время работники предпріятій общества, въ качествѣ потребителей являются, такъ сказать, сами себѣ хозяевами.

„Капиталъ, говоритъ Ш. Жидъ, не упраздненъ, безъ него обойтись нельзя, но сведенъ къ своей истинной роли, т. е. къ назначенію служить инструментомъ, находящимся въ распоряженіи труда. При современномъ порядкѣ вещей собственникомъ является капиталъ и беретъ въ свою пользу прибыли, трудъ же состоитъ у него на жалованьѣ.—При кооперативномъ режимѣ положеніе измѣняется кореннымъ образомъ: работникъ и потребитель становятся собственниками и будутъ получать прибыли, а капиталъ низводится на положеніе рабочаго“. Нашъ русскій ученый Н. П. Макаровъ по тому же поводу высказывается такъ: „Собственный, недѣлимый кооперативный капиталъ не оплачивается никакимъ процентомъ..... Поднять хозяйствующаго человѣка до положенія господствующей личности и низвести капиталъ изъ положенія владыки человѣческихъ отношеній на положеніе техническаго средства хозяйственной жизни — вотъ то, что.... приноситъ съ собою развитіе кооперації въ рамкахъ современнаго, народнаго хозяйства“. („Крестьянское хозяйство и его интересы“. Лига аграрныхъ реформъ М. 1917). По мѣрѣ развитія кооперації уменьшается въ ней роль чужого капитала, за который надо платить проценты и увеличивается роль своего, что и ведетъ, точнѣе говоря, не къ полученію прибыли, какъ говоритъ Ш. Жидъ, а къ сбереженію расходовъ.

Конечно, преобразованіе хозяйственныхъ отношеній путемъ кооперацій, совершается пока еще очень медленно и потому сколько нибудь ощутительныхъ послѣдствій его незамѣтно, но важно уже то, что то положительное, обобщающее, что есть въ обмѣнѣ, нашло наконецъ, свое практическое проявленіе въ тѣхъ условіяхъ жизни, гдѣ до послѣдняго времени господствуетъ то отрицательное, что вошло въ экономическія отношенія людей одновременно съ обмѣномъ, хотя и сблизило между собою то, что было отдаленно и чуждо. Въ кооперативныхъ организаціяхъ и начинаетъ проявляться съ большею силою, и притомъ организованно, то начало, которое лежитъ въ этомъ сближеніи и создано и развивается самою жизнію. А потому, кооперативныя организаціи и составляютъ существенную черту современныхъ экономическихъ отношеній, что и необходимо было здѣсь выяснить.

Насколько у насъ въ Россіи кооперативное развитіе совершается въ этомъ направленіи, можно видѣть изъ того, что за время войны значительно развилось кооперативное производство, которое только

частью порождено потребностями войны, главнымъ же образомъ, возникаетъ въ процессѣ естественнаго развитія кооперативнаго дѣла. Оскуденіе рынка товарами къ тому же толкаетъ кооперацію по пути организаціи производства. Кооперативныя крупныя предпріятія фабрично-заводскаго типа у насъ почти всѣ организованы въ 1917 году. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣло пріобрѣло сразу же обширные размѣры. Нѣкоторые союзы предпринимаютъ экономическое обслѣдованіе своихъ районовъ, а союзъ западно-сибирскихъ кооперативовъ рѣшилъ произвести изслѣдованіе ископаемыхъ въ бассейнѣ рѣки Иртыша, отъ Омска до Семипалатинска. Наибольшіе размѣры собственное производство у насъ пріобрѣло въ Всероссійскомъ центральномъ союзѣ потребительныхъ обществъ. (Московскій союзъ). Онъ имѣетъ: 4 паровыхъ мукомольныхъ мельницы, стоимостью около 15 милліоновъ рублей, кондитерскую фабрику около 2 милліоновъ рублей, крупный мыловаренный заводъ, химическо-развѣсную фабрику, паточный и картофеле-терочный заводъ, спичечную фабрику, овощносушильный заводъ, обувную фабрику, засолъ рыбы въ Астрахани, кирпичный заводъ.

Харьковскіе союзы пріобрѣли паровую мельницу, маслобойный заводъ, пріобрѣтаютъ металлургическій заводъ для приспособленія къ выдѣлкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ, устраиваютъ холодильникъ при ст. Шиповатая, конфетную фабрику, бричечный заводъ, ящичную мастерскую, суконную фабрику, мыловаренный заводъ, предположена своя солеварня, кожевенный заводъ.

Сумскій союзъ недавно пріобрѣлъ паровую мельницу, устраиваетъ маслобойный заводъ, законтрактовалъ макаронную, табачную, шерстоткацкую фабрики, солевой рудникъ, с.-х. мастерскую.

Оренбургскій союзъ кредитныхъ кооперативовъ „Народное дѣло“, пріобрѣлъ сапожную фабрику, строитъ зернохранилище, пріобрѣлъ крупную типографію, пріобрѣтаетъ еще нѣсколько фабрикъ и заводовъ и разрабатываетъ планъ добычи каменнаго угля и другихъ минераловъ.

Боровическо-валуйскій союзъ имѣетъ слесарно-механическій заводъ, чугунно-литейный, паровую мельницу, кожевенный заводъ, лѣсопилку и др.

У ряда другихъ союзовъ, а также отдѣльныхъ кооперативовъ, также имѣются по два, иногда три производительныхъ предпріятія.

Крупный размахъ получаетъ организація кооперативнаго производства въ Сибири, въ союзахъ западно-сибирскихъ кооперативовъ въ Омскѣ и Бійскомъ кредитномъ Алтайской губ. Съѣздъ союза западно-сибирскихъ кооперативовъ поставилъ себѣ цѣлью „забрать въ руки промышленность и использовать ея капиталы въ интересахъ

трудового народа"... „для чего немедленно приступить къ развитію производительныхъ силъ Сибири и создать мощную народно-кооперативную промышленность". Затѣмъ съѣздъ выработалъ обширную программу предпріятій на ближайшее время, которая уже частью осуществлена (мельница, мыловаренный заводъ, обувная фабрика, типографія и др.).

Въ заключеніе сказаннаго о кооперації, сообщу, что по даннымъ, касающимся 461 кооперативнаго производства Россіи (далеко не всѣ) они такъ распредѣляются по роду производимыхъ продуктовъ: мельницъ—78, пекаренъ—41, кузницъ—40, мыловаренныхъ заводовъ—26, производствъ обуви—27, кожевенныхъ заводовъ—25, маслобойныхъ заводовъ—25, заводовъ сельско-хозяйственныхъ машинъ—19, кондитерскихъ фабрикъ—17, лѣсопильныхъ заводовъ—16, типографій—16, колбасныхъ производствъ—14, чугунно-литейныхъ заводовъ—7, табачныхъ фабрикъ—4, сахарныхъ заводовъ—2 и пр.

Всѣхъ кооперативныхъ обществъ въ Россіи числилось по даннымъ на 10 октября 1917 г. до 50.000. Союзныхъ же объединеній, обнимающихъ каждое нѣсколько кооперативовъ, было 612. Ростъ союзнаго строительства въ Россіи опредѣляется тѣмъ, что первый русскій кооперативный союзъ—Московскій союзъ потребительныхъ обществъ (теперь Всероссійскій Центральный Союзъ Потребительныхъ Обществъ) возникъ въ 1898 г. Первый кредитный союзъ — Мелитопольскій союзъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ— возникъ въ 1901 г. Затѣмъ, постепенно, число союзовъ за каждый годъ возрастало и въ 1916 г. возникло уже 194 новыхъ союза. Въ 1917 г. число возникшихъ союзовъ опредѣляется въ 113, но это замедленіе въ ихъ возрастаніи для 1917 года относится на счетъ неполноты свѣдѣній за этотъ годъ. Думается, что эти данныя все же говорятъ за полное соотвѣтствіе кооперативныхъ организацій многимъ требованіямъ современной хозяйственной жизни, что и предопредѣляетъ дальнѣйшее успѣшное развитіе ихъ и возрастаніе ихъ числа и значенія.

X. Обмѣнъ.

1.

Я началъ свой курсъ съ изображенія того, какъ при удовлетвореніи своихъ потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, въ обмѣнѣ проявляются хозяйственныя отношенія людей. А затѣмъ, по объясненіи происхожденія обмѣна, все остальное время до сихъ поръ, т.-е. весьма значительную часть курса выяснялъ условія производства. Это необходимо по той связи, которая существуетъ между производствомъ и обмѣномъ. Я уже замѣтилъ тамъ, еще въ I главѣ, что обмѣнъ побуждаетъ къ усиленію производства. Одно уже это имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ только съ усиленіемъ производительности возможно обезпеченіе въ удовлетвореніи потребностей, расширеніе круга ихъ и улучшеніе въ удовлетвореніи ихъ. Но помимо этого прямого вліянія на увеличеніе производства, обмѣнъ вліяетъ въ этомъ отношеніи и тѣмъ, что распредѣляетъ производство сообразно спеціальнымъ условіямъ благопріятствующимъ тому. Такъ, въ области сельскаго хозяйства, напр., при отсутствіи обмѣна приходится производить все, что только дозволяютъ мѣстныя природныя условія и что необходимо, хотя бы многое изъ этого вело бы къ менѣе производительному использованію труда, сравнительно съ тѣмъ, если бы онъ былъ потраченъ на то, чему въ данной мѣстности особо благопріятствуютъ природныя условія. Мѣстныя условія могутъ особо благопріятствовать производству винограда или свекловицы или хлопчатника напр. Но при отсутствіи обмѣна ограничиться производствомъ этого нельзя: нуженъ зерновой хлѣбъ. Правда по условіямъ сельскохозяйственнаго производства требуется смѣна культуръ и потому нельзя сосредоточиться на какой нибудь одной культурѣ исключительно. Но одно дѣло — чередовать посѣвы лишь настолько, насколько это требуется лишь для поддержанія и развитія надлежащей производительности почвы — и другое дѣло занимать подъ посѣвъ зерновыхъ злаковъ (вмѣсто хлопчатника напр.) столько земли, сколько надо для прокормленія себя хлѣбомъ. Въ первомъ случаѣ—это усиливаетъ производительность труда, во-второмъ—сокращаетъ ее. Такъ вотъ обмѣнъ

и даетъ возможность сосредоточить на производствѣ продукта наиболѣе подходящаго для данной мѣстности столько рабочихъ силъ и занять имъ такую площадь, какъ это допускается по условіямъ даннаго сельскохозяйственнаго производства и сѣвооборота. Въ силу этого при современномъ международномъ обмѣнѣ рядъ мѣстностей можетъ вовсе не заботиться о производствѣ, напр., зерновыхъ продуктовъ, необходимыхъ для питанія, такъ какъ нѣтъ такого мѣсяца въ году, когда бы не происходила жатва пшеницы въ какой либо изъ странъ, входящихъ въ международный обмѣнъ. При немъ, въ средѣ его жатва происходитъ каждый мѣсяцъ и потому нѣтъ риска остаться безъ хлѣба, поскольку это зависитъ отъ условій обмѣна. Мало того, тотъ же обмѣнъ повелъ къ развитію путей сообщенія и тѣмъ удешевилъ перевозку и на сушѣ и на морѣ, такъ что зерно, привезенное изъ отдаленной страны, считая и расходы на перевозку и доставку, обходится при привозѣ его изъ Америки въ Европу, напр., дешевле, чѣмъ зерно мѣстнаго производства. При такихъ условіяхъ, казалось бы, стоитъ только выяснить для каждой мѣстности, чему именно благопріятствуютъ климатическія и почвенныя условія въ ней, и сообразно съ этимъ и распредѣлить производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ по всему міру.

Но это относится не только къ сельскохозяйственнымъ продуктамъ. Спеціализація устанавливается и въ другихъ отрасляхъ производства, что, конечно, также ведетъ къ распредѣленію ихъ соотвѣтственно благопріятствующимъ для того условіямъ. Геологическое строеніе опредѣляетъ тѣ или иныя залежи (нефть, желѣзо, каменный уголь и т. п.). Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что исторически выработались въ населеніи тѣ или иные навыки по отношенію къ опредѣленнымъ видамъ работъ, какъ, напр., швейцарское часовое производство, голландское или у насъ ярославское полотно и т. п. Здѣсь тоже имѣется уже искусство, унаслѣдованное вѣками, что и создаетъ ту же опредѣленную спеціализацію, соотвѣтственно которой тоже можетъ происходить распредѣленіе отдѣльныхъ отраслей производства по отдѣльнымъ мѣстностямъ или отдѣльнымъ странамъ. Къ выгодамъ спеціализаціи по роду производствъ въ зависимости отъ мѣстныхъ природныхъ условій, развитіе обмѣна присоединяетъ еще и ту выгоду, что онъ ведетъ и къ спеціализаціи занятій для отдѣльныхъ лицъ, т.-е. опять-таки и здѣсь къ распредѣленію ихъ соотвѣтственно индивидуальнымъ особенностямъ, склонностямъ, способностямъ отдѣльныхъ лицъ, что тоже способствуетъ повышенію производительности. Это-то и позволяетъ сокращать рабочій день настолько, чтобы предоставить каждому возможность развивать и совершенствовать въ себѣ все, что заложено въ немъ его природой.

Этимъ путемъ различіе индивидуальностей и способностей, какъ и различіе мѣстныхъ природныхъ условій ведетъ къ установленію въ интересахъ экономическихъ тѣсной неразрывной связи между отдѣльными лицами, мѣстностями, странами. Такова объединительная тенденція, таково направленіе въ развитіи обмѣна. Но этой объединительной тенденціи обмѣна противодѣйствуетъ противоположная, вытекающая, какъ было отмѣчено не разъ и ранѣе, изъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ возникъ обмѣнъ: опасеніе остаться безъ хлѣба или чего либо необходимаго на случай войны. А война является теперь даже какъ послѣдствіе обмѣна, какъ результатъ стремленія захватить новые рынки для сбыта товаровъ своей развивающейся промышленности. Но здѣсь мы и вертимся въ кругѣ противорѣчій. Именно стремленіе развить у себя по возможности всѣ отрасли производства, чтобы не остаться безъ необходимаго на случай войны, ведетъ къ тому, что путемъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ насаждается такая промышленность, которой болѣе благопріятствуютъ условія другой страны. Но разъ она развилась здѣсь, хотя бы и искусственно, то въ особенности при развитіи крупнаго производства, требующаго безпрерывнаго сбыта, нужны рынки, а чтобы получить ихъ, когда они ограждаются тоже пошлинами или экономическими преимуществами, нужно завоевать ихъ. И вотъ на историческую сцену и выступилъ теперь, такъ сказать, экономическій имперіализмъ, который и будетъ царить и проливать кровь и тормозить развитіе производительныхъ силъ, пока люди, сознавъ общность порождаемую обмѣномъ, не дойдутъ до сознанія необходимости смотрѣть на совокупность обмѣнивающихся странъ, какъ на одно цѣлое, въ составъ котораго входятъ отдѣльныя страны, сохраняющія свои индивидуальности и тѣмъ усиливающія выгоды обмѣна для пользы каждой изъ нихъ въ отдѣльности и всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Помимо соображенія объ опасности на случай войны остаться безъ необходимыхъ предметовъ, не производимыхъ въ своей странѣ, въ пользу необходимости имѣть въ странѣ всѣ виды производства, указываютъ и на другое, а именно, на важность развитія всѣхъ производительныхъ силъ каждой страны. Эту точку зрѣнія, особенно убѣдительно развивалъ нѣмецкій экономистъ Фр. Листъ. И это совершенно правильно. Каждая страна имѣетъ разныя условія — въ особенности большая и, слѣдовательно, не можетъ и не должна специализироваться на одномъ какомъ-либо производствѣ, а разъ такъ, то специализація можетъ и должна происходить не по отдѣльнымъ странамъ, а по отдѣльнымъ мѣстностямъ разныхъ странъ. Такъ, нефть добывается—въ Америкѣ, Россіи и др. странахъ, каменный уголь тоже—въ Англіи, Россіи и др. странахъ, тоже желѣзо, золото и

т. д. А затѣмъ уже, обмѣнъ будетъ происходить между отдѣльными мѣстностями разныхъ странъ, или внутри страны, между отдѣльными мѣстностями въ зависимости отъ удобства сообщенія и т. п. и тогда— и только тогда, скажутся вполнѣ результаты развитого обмѣна и выгоды спеціализированія, а до тѣхъ поръ—это только тенденція, направленіе, въ какомъ развиваются экономическія отношенія, но это еще не сама дѣйствительность.

Чтобы привести страну къ развитію всѣхъ ея производительныхъ силъ, и устанавливаютъ покровительственный тарифъ, т. е. налагаютъ пошлину на ввозимый иностранный товаръ въ такомъ размѣрѣ, чтобы онъ могъ продаваться не дешевле туземнаго. Но при этомъ, въ виду значенія классовыхъ интересовъ и разныхъ частныхъ вліяній, оказывается наибольшее покровительство не всегда тому, что по спеціальнымъ условіямъ уже имѣетъ данныя въ пользу своего развитія, и получается нерѣдко искусственное развитіе не того, чему благопріятствуютъ мѣстныя условія. А это даже задерживаетъ развитіе, ибо направляетъ капиталъ и трудъ не туда, гдѣ приложеніе ихъ болѣе производительно, и отвлекаетъ ихъ отъ того, что болѣе отвѣчаетъ мѣстнымъ условіямъ. Кромѣ того, покровительственный тарифъ, поддерживая цѣну выше того, что она была бы иначе, задерживаетъ развитіе потребностей и мѣшаетъ безпрепятственному развитію обмѣна. Затѣмъ, надо имѣть въ виду, что такое покровительство, въ концѣ-концовъ, не столько является покровительствомъ, сколько налоговымъ отягощеніемъ, такъ какъ покровительство одному вызываетъ необходимость покровительства и тому, что пользуется этимъ продуктомъ и вслѣдствіе этого должно тоже цѣниться выше, напр., покровительственная пошлина на ввозимый каменный уголь должна вести и къ установленію ея, напр. на желѣзо, которое перерабатывается при помощи каменно-угольнаго топлива и т. п., а затѣмъ и другимъ издѣліямъ, на которое идетъ желѣзо; такъ и переходитъ съ одного на другое и, такимъ образомъ, все является обложеннымъ.

Во всякомъ случаѣ, однако, это стремленіе въ каждой странѣ производить по возможности все, что только въ какомъ-либо отношеніи доступно для производства въ ней—ведетъ къ тому, что на ряду съ задержкой спеціализаціи по наиболѣе выгоднымъ условіямъ, происходитъ стремленіе все больше и больше расширять рынки, больше и больше вывозить и это стремленіе, неудержимое. Разъ крупное производство въ обрабатывающей промышленности имѣетъ преимущество, то понятно, что внутри страны побѣждаетъ крупное и стало-быть, все большее и большее преобладаніе получаютъ крупныя предпріятія, которыя производятъ все болѣе и болѣе и требуютъ все болѣе и болѣе широкаго рынка, т. е. стремятся къ вывозу.

Но, по мѣрѣ того, какъ происходитъ такое развитіе, находить новые рынки—труднѣе, быть на нихъ побѣдителемъ—тоже. Доля Англіи, напр., ранѣе другихъ развившей широкую внѣшнюю торговлю, на міровомъ рынкѣ уменьшается, какъ это выясняется сравненіями за рядъ лѣтъ, приходится меньше сбывать, а рынокъ нуженъ. Отсюда, логически неизбѣжно надо придти къ тому, чтобы развивать потребительныя способности и средства мѣстнаго населенія.—Для обрабатывающей промышленности такое населеніе земледѣльческое, для котораго, въ свою очередь, развитіе промышленности выгодно, поскольку удешевляются предметы его потребленія. Въ свою очередь, спросъ на предметы земледѣльческаго производства растетъ по мѣрѣ роста благосостоянія фабричнаго рабочаго. Этимъ, въ значительной степени опредѣляется связь интересовъ крестьянскаго — земледѣльческаго и рабочаго фабричнаго населенія. Отсюда понятно, какъ и съ точки зрѣнія производительныхъ силъ вообще, важно рѣшеніе аграрнаго вопроса въ интересахъ массы населенія вообще. На эту точку зрѣнія—увеличенія емкости внутренняго рынка, тѣмъ болѣе приходится становиться, что продовольственная и промышленная разруха въ войну 1914—1918 г. показала, насколько существующія до сихъ поръ мѣры поощренія развитію промышленности и производительныхъ силъ страны, не гарантируютъ, сколько-нибудь, правильнаго удовлетворенія потребностей въ военное время.

2.

Прежде чѣмъ кончить съ указаніемъ, какъ развитіе обмѣна отзывается на производствѣ—еще замѣчу мимоходомъ слѣдующее.

Я указалъ, что оно ведетъ къ спеціализаціи, распредѣленію производства каждаго предмета по болѣе выгоднымъ для даннаго производства мѣстностямъ; но если мы прослѣдимъ исторію развитія экономическихъ отношеній въ ея основныхъ чертахъ, то увидимъ, что тутъ совершается процессъ все большаго и большаго сглаживанія различій между отдѣльными странами и классами населенія. Совершается это путемъ измѣненія 1, въ общественной организаціи труда и 2, путемъ все большаго и большаго овладѣнія силами и условіями природы.

1. Ранѣе, до обмѣна каждое племя жило тѣмъ, что имѣло около себя и слѣдовательно пользовалось тѣмъ, что давала м ѣ с т н а я п р и р о д а и что отличало его отъ другого племени, жившаго при другихъ природныхъ и общественныхъ условіяхъ, т. е. имѣло спеціально свою пищу, свои орудія и т. д. Столкновеніе племенъ впервые пробило въ этомъ брешь и объединило два или нѣсколько племенъ въ

одно хозяйственное цѣлое, т. е. уничтожило ихъ раздробленіе, разъединеніе. Дальнѣйшее развитіе обмѣна связало разныя страны, разныя части свѣта, а стремленіе захватить новые рынки втягивало все новыя и новыя племена въ сферу международнаго общенія и вносило въ ихъ жизнь много новаго, что вызывало и дальнѣйшія перемѣны. Въ то же время это создало все болѣе и болѣе общаго между различными народами, уничтожало многія ихъ спеціальныя отличія: уничтожило спеціальныя отличія въ одеждѣ, какъ внутри страны (нѣтъ такого рѣзкаго разграниченія классовъ по внѣшности, какъ напр. во время ношенія у насъ боярскихъ костюмовъ), такъ и по отдѣльнымъ мѣстностямъ, и это уничтоженіе различія, чему способствовала и мода, происходило въ такомъ размѣрѣ, что дало основаніе Джону Стюарту Миллю въ своемъ сочиненіи „О свободѣ" опасаться уничтоженія индивидуальности, впаденія въ китаизмъ.

2. Но при отмѣченной выше спеціализаціи, какъ уже указано, существуетъ и стремленіе каждой страны производить самой все, что для обширной страны съ разнообразными условіями даже вполнѣ возможно. Но въ то же время такое развитіе производства въ этомъ направленіи ведетъ къ тому, что производство каждаго предмета до извѣстной степени отрывается, освобождается отъ опредѣляющихъ его условій природы. Зимой появляются многія овощи, выращиваемыя при искусственныхъ условіяхъ, путемъ орошенія дѣлаются плодоносными песчаныя степи, и въ предѣлахъ Россіи напр. начинаетъ выращиваться хлопчатникъ, чай. Развитіе путей сообщенія, прорытіе тунелей, проведеніе каналовъ также освобождаютъ отъ оковъ, налагаемыхъ природой и, слѣдовательно, тоже уничтожаютъ ограниченія, налагаемыя спеціальными природными особенностями каждой мѣстности. И мы видимъ, что исторически фабричное производство и вообще развитіе обрабатывающей промышленности возникаетъ сперва въ мѣстностяхъ, пригодныхъ для сообщенія, по берегамъ морей (Финикія, Венеція), потомъ въ крупныхъ городахъ, а въ настоящее время фабричныя производства уже начинаютъ распространяться въ сельскихъ мѣстностяхъ, а съ другой стороны возникаютъ города-сады. Опять-таки получается движеніе въ направленіи сглаживанія различія между городомъ и деревней. Слѣдовательно, опять-таки уничтожается спеціализація путемъ преодолѣнія препятствій къ объединенію, созданныхъ пространствомъ. Далѣе, пользованіе силами природы, какъ вѣтеръ, вода, связывали,—привязывали къ одному мѣсту; паръ освободилъ отъ этой связи и позволилъ вездѣ замѣнить физическую силу человѣка силою механическихъ двигателей другого порядка, слѣдовательно и тутъ—этимъ путемъ уничтожился спеціальный характеръ опредѣленныхъ мѣстностей, снабженныхъ водой. Все это опредѣляетъ

то направленіе, въ которомъ совершается развитіе экономическихъ силъ и отношеній: не раздробленіе, не отчужденіе, а объединеніе, устраненіе спеціальныхъ особенностей мѣстностей.

Но то же намѣчается и въ дальнѣйшемъ, до извѣстнаго, конечно, предѣла. Въ земледѣліи, гдѣ природа налагаетъ сильнѣе свой отпечатокъ и гдѣ труднѣе освободиться отъ ея вліянія, хотя и медленно совершается постепенное развитіе съ самыхъ давнихъ временъ, измѣняется составъ почвы путемъ удобренія. Примѣненіе искусственныхъ удобреній— и въ этомъ отношеніи открываетъ путь къ большему освобожденію отъ мѣстныхъ вліяній и къ упрощенію сложнаго аппарата теперешняго сельскаго хозяйства—говорю открываетъ путь, такъ какъ это еще начало—и тутъ еще многое находится въ положеніи опытовъ. Но тутъ открываются пути и далѣе, намѣчаются уже пути добычи азота прямо изъ воздуха и измѣненія свойствъ почвы болѣе непосредственнымъ путемъ,—а это открываетъ виды на меньшую зависимость и здѣсь отъ связующихъ условій природы и сокращаетъ необходимость той спеціализаціи, которая существуетъ теперь. Все это ведетъ къ тому, что при сохраненіи связей, намѣченныхъ предшествующимъ развитіемъ и обусловленныхъ тѣми отличіями, которыя не могутъ быть уничтожены, какъ не устраняются и индивидуальныя отличія отдѣльныхъ личностей,—все же между всѣми странами и людьми создается болѣе общаго, ведущаго къ большему взаимному пониманію и общенію, какъ вслѣдствіе указанныхъ условій, такъ и вслѣдствіе этого взаимнаго пониманія.

XI. Деньги.

1.

Какъ произошелъ обмѣнъ и какъ онъ производился раньше, объ этомъ я уже говорилъ. Дальнѣйшее его развитіе болѣе широкое вело къ внесенію въ него все болѣе и болѣе разнообразныхъ предметовъ, а это могло усложнять и затруднять его, создавая въ то же время большую потребность въ немъ, такъ какъ порождало привычку удовлетворять извѣстныя потребности уже опредѣленными предметами, вошедшими въ обиходъ. При этомъ многіе предметы чаще и чаще входили въ обмѣнъ между опредѣленными племенами. Какіе же предметы чаще другихъ входили въ обмѣнъ? Конечно, прежде всего, тѣ, которые давала окружающая природа, затѣмъ то, что легко было переносимо, то, что было привлекательно, то, что служило предметомъ украшенія, то, что давало возможность за это получать больше другихъ предметовъ, то, что было желательно всѣмъ. Такіе предметы чаще другихъ входили въ обмѣнъ. Съ ними чаще приходилось сравнивать остальныя вещи, предлагаемыя къ обмѣну. Вслѣдствіе этого наиболѣе часто вносимыя въ обмѣнъ вещи становятся какъ бы посредниками при мѣнѣ другихъ предметовъ, получаютъ значеніе денегъ не только при мѣнѣ между отдѣльными племенами, но и внутри племени. И такое значеніе они получаютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ рѣже встрѣчаются и чѣмъ желательнѣе имѣть ихъ. Конкретно такими предметами являются дары природы, встрѣчающіяся лишь въ немногихъ мѣстностяхъ. Такъ, австралійскіе дикари пользуются, напр., для украшенія, для татуировки землею разныхъ сортовъ. Къ дарамъ же природы, не всюду встрѣчающимся, относятся нѣкоторыя раковины, тоже служащія для украшенія. Далѣе роль денегъ играютъ другія рѣдкія произведенія, какъ проволока, желѣзныя вещи, глиняныя чашки, предметы изъ коры у племенъ, не имѣющихъ этого и получающихъ ихъ изъ другихъ мѣстъ. Точно также предметы, привезенные изъ Европы, какъ бумажныя ткани, ружья, порохъ, ножи — становятся у дикарей всеобщимъ орудіемъ обмѣна. Такіе товары, какъ кожи, морскія рыбы, одѣяла, бобровыя шкуры, камни, черепки стекла, кусочки фарфора,

кусочки металла, съ отверстіями, чтобы носить на шеѣ, и предохранить отъ утраты, а отсюда получается и украшеніе въ видѣ ожерелья, служащее въ то же время показнымъ богатствомъ. Такимъ образомъ украшеніе становится деньгами, а деньги—украшеніемъ. Въ Гренландіи посредникомъ при обмѣнѣ служитъ табакъ нюхательный, желѣзо, водка, ружья, порохъ, бусы, крючки, соль, тонкія покрывала. Все предметы, которые являются или важнѣйшими предметами ввоза, или важнѣйшими предметами потребленія. У индійцевъ для этого служатъ нитки съ нанизанными раковинами, носимыя въ качествѣ украшенія.

Такого же рода предметы, служа посредникомъ при обмѣнѣ, служатъ и мѣриломъ того, сколько чего отдать за обмѣниваемыя вещи. Такъ, въ Иліадѣ говорится, что большой жертвенный треножникъ оцѣнивается у грековъ въ 12 быковъ, рабыня въ 4 быка. Но соотвѣтственно разнообразію желательныхъ и не всюду встрѣчающихся предметовъ, служащихъ посредниками при обмѣнѣ, приходится и сравненіе пропорціи обмѣниваемыхъ предметовъ дѣлать не по отношенію только къ одному предмету, какъ въ приведенномъ примѣрѣ съ быками, а и по отношенію къ различнымъ. Такъ, напримѣръ, въ Суданѣ за одного раба давали или одну двухстволку и 2 бутылки пороха, или 5 быковъ, или 100 козъ. Одна нитка бусъ тамъ же приравнивалась къ 1-й флягѣ воды, или къ 1 мѣркѣ молока, или къ 1 охапкѣ сѣна; двѣ нитки бусъ цѣнились, какъ 1 мѣра пшена. Иногда мѣновая оцѣнка была сложнѣе: такъ въ Миссури у индійцевъ: 2 ножа=1 парѣ штановъ, 2 ножа+1 пара штановъ=1 одѣялу, 2 ножа+1 пара штановъ+1 одѣяло=1 ружью. Всѣ перечисленные предметы+1 ружье=1 лошади. Укажу еще, что въ древней Мексикѣ также служили деньгами для разныхъ предметовъ 4 сорта: 1) зерна какао, 2) куски хлопчато бумажныхъ матерій, 3) золото въ порошкѣ и 4) куски мѣди. Но такое признаніе особого мѣнового значенія за цѣлымъ рядомъ товаровъ все еще создаетъ неудобство при обмѣнѣ. Такъ, въ Парагваѣ, при господствѣ тамъ іезуитовъ было такъ, что, если хозяйкѣ нужно было купить свѣчей, она брала съ собой хлопчатой бумаги, табаку, парагвайскаго чаю, сахару и соли; приходилось отдавать за свѣчи то изъ этихъ товаровъ, что въ данный моментъ продавцу желательно было получить. Но бывало и хуже.

Въ Африкѣ, напр., одному путешественнику понадобилась лодка; въ обмѣнъ за нее требовали слоновую кость; у него ея не было; „я узналъ, говоритъ этотъ путешественникъ, что Магометъ Ибнъ Салебъ имѣетъ слоновую кость и желаетъ получить за нее сукно; но отъ этого мнѣ было мало пользы, пока я не узналъ, что другое опредѣленное лицо имѣетъ сукно и желаетъ имѣть проволоку. Эта послѣдняя, по счастью, была у меня, и я далъ тому лицу мѣдную про-

волоку, получивъ сукно, передалъ Салебу, получилъ отъ него слоновую кость и, передавъ ее, получилъ, наконецъ, лодку". Во избѣжаніе такихъ неудобствъ и пускаютъ въ обращеніе привычные товары уже сознательно, чтобы въ нихъ имѣть посредниковъ при обмѣнѣ. Эти товары становятся такимъ образомъ деньгами еще до того, какъ получилось понятіе о деньгахъ, какъ о такомъ товарѣ, который всѣми охотно берется и на который все и всегда можно получить.

Это, однако, получилось не сразу. Необходимо было, чтобы создался такой товаръ, который являлся бы просто деньгами, т.-е. былъ бы нуженъ мнѣ не какъ предметъ потребленія, а могъ бы служить только для обмѣна черезъ посредство его дѣйствительно необходимыми предметами одинъ на другой. Многіе изъ перечисленныхъ предметовъ для этого не всегда удобны. Скотъ, напр. Его нельзя съ собою имѣть постоянно, нельзя и дробить, если потребуется что либо, что приравнивается не къ цѣлой штукѣ скота, почему и требовались разные предметы. Наконецъ, не всегда, какъ мы видѣли, требуется то, что предлагается. Необходимо, стало быть, чтобы создался такой товаръ, который всегда возьмутъ. Это вотъ и будутъ деньги.

Золото и серебро, служившія для украшенія, принимались сперва по вѣсу. И вѣроятно самыми ранними монетами были китайскія. Маленькіе золотые кубики съ мѣтками и куски мѣди въ видѣ рубашекъ и ножей, представлявшіе равноцѣнность этихъ предметовъ. При Филиппѣ Македонскомъ денежные знаки дѣлались съ выпуклымъ изображеніемъ головы въ лавровомъ вѣнкѣ на одной сторонѣ и колесницею съ парою коней, на другой; впослѣдствіи выпуклые знаки перестали дѣлать, такъ какъ при обращеніи они очень стирались и много драгоцѣннаго металла пропадало напрасно.

Деньгами, т.-е. всеобщимъ посредникомъ обмѣна стали, такимъ образомъ золото и серебро и замѣнили собою всѣ другіе перечисленные ранѣе товары. Почему такъ? Да потому, что они въ небольшомъ объемѣ заключаютъ довольно большую цѣнность, ихъ легко переносить съ собою, чего нельзя сказать про другой металлъ, напр. желѣзо, хотя и оно бывало деньгами. Затѣмъ ихъ легко дробить на малыя части по мѣрѣ того, какъ требуется выдать немного ихъ за тотъ или другой товаръ.

Но прежде чѣмъ пріобрѣсти такое исключительное значеніе при обмѣнѣ, золото, серебро и вообще драгоцѣнные металлы были просто товаромъ, какъ и другіе товары, служащимъ удовлетворенію опредѣленной потребности, т.-е. въ данномъ случаѣ потребности въ украшеніи. И это надо имѣть въ виду, чтобы ясно представить себѣ цѣлый рядъ явленій въ области денежнаго обращенія.

Когда за такимъ товаромъ, какъ драгоцѣнные металлы, помимо ихъ потребительнаго значенія, люди признали и особое, исключительное, какъ посредника при обмѣнѣ, то началось уже сознательное упроченіе за ними этой роли и принятія мѣръ къ тому. Такъ, чтобы избѣжать неудобства взвѣшивать металлъ и дробить на куски опредѣленнаго вѣса, стали уже готовить его кусками опредѣленнаго вѣса и отмѣчать на немъ величину его и отчеканивать знаки, удостовѣряющіе вѣрность проставленнаго вѣса, т.-е. стали чеканить монету. Что же такое деньги? Чему онѣ служатъ? Въ чемъ функціи ихъ?

Онѣ, какъ уже сказано, служатъ: 1) Посредникомъ при обмѣнѣ, орудіемъ обмѣна; на нихъ обмѣниваютъ каждый товаръ, который желаютъ отдать и ихъ отдаютъ за каждый товаръ, который желаютъ получить. Обмѣнъ прямо предмета на предметъ становится не нужнымъ. 2) Онѣ служатъ мѣриломъ цѣнности. При посредствѣ ихъ сравниваютъ значеніе, цѣнность каждаго предмета, какъ отдаваемаго, такъ и пріобрѣтаемаго, опредѣляютъ то отношеніе, въ какомъ по вѣсу, или количеству или опредѣленной мѣрѣ стоитъ одинъ товаръ по отношенію къ другому или сколько какого товара дать или получить за опредѣленное количество такого товара, какъ деньги. 3) Третья функція денегъ—это то, что онѣ служатъ платежнымъ средствомъ. Это значитъ во-первыхъ, что за продаваемый и покупаемый товаръ уплата производится деньгами; я имѣю право получить за товаръ именно деньги и, въ свою очередь, я обязанъ платить именно деньгами за товаръ, если продавецъ не желаетъ ничего другого. Деньгами же производится уплата по долгамъ, взносъ податей, налоговъ. 4) Наконецъ, деньги же являются орудіемъ сбереженія. Онѣ не портятся, не ржавѣютъ, не такъ уже много мѣста требуютъ и всегда могутъ пригодиться. Это ведетъ къ тому, что съ появленіемъ денегъ явилась возможность накопленія, сосредоточенія большихъ количествъ ихъ въ однѣхъ рукахъ, вслѣдствіе чего могла развиться и страсть къ тому.

Изъ даннаго обозначенія роли и функціи денегъ и того, какъ онѣ появились, такъ сказать, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, можно видѣть, какъ должно было появленіе денегъ повліять на увеличеніе производства и на полноту удовлетворенія потребностей. Какъ видимъ, обмѣнъ облегчился, устранились затрудненія связанныя съ необходимостью отыскивать лицо, владѣющее тѣмъ, что мнѣ нужно и имѣющее надобность въ томъ, что есть у меня; въ то же время измѣнился характеръ обмѣна въ томъ отношеніи, что онъ пересталъ быть обмѣномъ предмета потребленія на предметъ потребленія. Обмѣнъ раздѣлился на два дѣйствія; одна сдѣлка обмѣнъ превратилась въ двѣ: продажу и покупку. Каждая сдѣлка стала

самостоятельной. Прежде предметъ отчуждался, обмѣнивался, чтобы получить за него другой, но тоже предметъ потребленія. Производство, хотя и возрастало сравнительно съ тѣмъ, что было до обмѣна, но все же продукты производились только въ такомъ количествѣ, въ какомъ были необходимы для непосредственнаго удовлетворенія въ этомъ предметѣ тѣхъ потребностей, которыя можно было предвидѣть въ данный моментъ.

При наступленіи обмѣна, какъ я указывалъ, явилось побужденіе производить ихъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ мнѣ нужно, для того, чтобы обмѣнять на то другое, что мнѣ понадобится и что можно получить въ обмѣнъ за это. Но тутъ именно надо всегда было имѣть въ виду, что̀ я могу получить, и производить не болѣе того, что нужно для обмѣна, такъ какъ хранить долго продукты и неудобно и громоздко и испортится могутъ. Съ деньгами же я продаю товаръ, не имѣя сейчасъ надобности ни въ чемъ, а только потому, что можетъ быть, что либо мнѣ понадобится потомъ, что я могу за деньги всегда получить. Поэтому есть разсчетъ заготовлять предметы въ большемъ количествѣ и затѣмъ, получивъ за нихъ деньги, сберегать послѣднія и хранить до надобности. А такъ какъ для сбереженія и храненія металлическихъ денегъ не требуется много мѣста и онѣ не портятся, то накоплять ихъ можно сколько угодно, а стало быть безостановочно производить и производить.

Но это отдѣленіе покупки и продажи, раздѣляя обмѣнъ по времени, въ то же время раздѣляетъ его и по мѣсту, а это ведетъ къ тому, что опять таки нѣтъ надобности продавать вещь именно тамъ, гдѣ въ обмѣнъ за нее можно получить то, что мнѣ нужно, а позволяетъ продавать ее вездѣ, гдѣ я получу за нее деньги, а затѣмъ купить на нихъ все, за что возьмутъ деньги, и тамъ, гдѣ удобнѣе, дешевле, лучше и новѣе предметы. Получается такимъ образомъ возможность покупать болѣе разнообразные предметы и слѣдовательно полнѣе, лучше удовлетворять потребности. Создается свобода въ выборѣ предметовъ, свобода пріобрѣсти въ любомъ мѣстѣ въ любое время, любой предметъ, у любого лица, не справляясь кто, гдѣ, когда производитъ, не завязывая, несоздавая никакихъ тѣсныхъ связей съ тѣмъ или другимъ лицомъ, но въ то же время установляя общеніе между бо̀льшимъ числомъ лицъ.

На ряду съ этимъ раздѣленіемъ покупки и продажи и возможностью сберегать, накапливать деньги, получаетъ свое начало и другое: производить не для того, чтобы получать за произведенное другіе предметы, необходимые для удовлетворенія потребностей, а производить для того, чтобы продавать, т. е. получать за это деньги

и деньги эти накапливать, т. е. вполнѣ наступаетъ широкая возможность производить ради прибыли. Вмѣсто обмѣна и обращенія товаровъ по формулѣ Т—Д—Т, гдѣ деньги являются посредникомъ обмѣна, получается формула воспроизведенія капитала Д—Т—Д+д, при которой на деньги покупается товаръ, чтобы при посредствѣ его получить деньги съ прибавкой, т. е. товаръ является какъ бы посредникомъ.

Постепенно политическое значеніе и могущество переходитъ къ собирателямъ денегъ. Деньги становятся всеобщимъ товаромъ, всѣми желаннымъ. Почему? Потому, что на нихъ, и за нихъ можно все получить вездѣ, когда и гдѣ хочу. Отсюда понятно, точему такъ цѣнятся золотые предметы, украшенія, какъ признаки богатства. Деньги—богатство, а все остальное ничто. Отсюда понятно то могущество, то значеніе, которое получаютъ деньги и то стремленіе къ накопленію ихъ, которое въ поэмѣ „Скупой Рыцарь“ такъ ярко выразилъ нашъ великій поэтъ А. С. Пушкинъ:

„Что не подвластно мнѣ?... Какъ нѣкій демонъ
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою.
И Музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится.
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
. . . . . .
Мнѣ все послушно, я же—ничему“.

Но тутъ же рисуется и обратная сторона того, что приходитъ съ деньгами. Смотря на свое золото, Скупой Рыцарь продолжаетъ:

„Кажется, не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!“

Всѣ эти явленія, связанныя съ обладаніемъ деньгами, съ стремленіемъ пріобрѣсти ихъ больше и больше, заставило даже нѣкоторыхъ писателей, и среди ихъ Прудона, придать имъ такое значеніе, что именно въ нихъ видѣть основу всѣхъ отрицательныхъ явленій современнаго хозяйственнаго строя. Отсюда вытекало ученіе о замѣнѣ денегъ простыми знаками, свидѣтельствующими о количествѣ часовъ труда, произведеннаго владѣльцемъ такого знака. Довольно очевидно, что врядъ-ли это что-либо измѣнило. Развѣ эти знаки не получили бы значенія денегъ, если за нихъ тоже можно было бы получать все? И если за деньгами усматривали такое значеніе, то только потому, что

и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, отмѣчавшихся мною ранѣе, люди изъ-за вещей, изъ за своихъ созданій, не усматривали тѣхъ отношеній, которыя, такъ сказать, символизируются этими вещами. Если деревянные чурбаны могутъ быть идолами, вліяющими на судьбу ихъ поклонниковъ, то развѣ сила и значеніе въ этихъ чурбанахъ, а не въ томъ духѣ подчиненія и самоотрицанія, которымъ проникнуты ихъ поклонники? То же и въ преклоненіи передъ деньгами: не имъ вѣдь подчиняются, а лицу, у котораго ихъ много; личность сама по себѣ, безъ прибавки къ ней денегъ, ставится, значитъ, слишкомъ низко. Вотъ это-то отношеніе людей однихъ къ другимъ, неуваженіе къ человѣческой личности какъ таковой и лежитъ въ основѣ такого преувеличенія значенія денегъ, которыя въ дѣйствительности являются только орудіемъ въ рукахъ человѣка. А откуда вытекло и проходитъ черезъ всю исторію такое отношеніе однихъ къ другимъ — это было выяснено еще во второй главѣ моего курса.

Выше было уже отмѣчено, что еще въ очень давнія времена деньги чеканились, т.-е. изготовлялись опредѣленные знаки, опредѣленнаго вѣса и изъ опредѣленнаго металла. Было отмѣчено и то, почему золото и серебро получили значеніе какъ денежный металлъ, т.-е. какъ металлы, изъ которыхъ изготовляются денежные знаки, монеты, имѣющія опредѣленный вѣсъ, соотвѣтственно которому и устанавливается, какъ и для другихъ товаровъ, цѣна данной монеты.

Сообразно тому, какое отношеніе устанавливается между различными монетами, устанавливается та или иная *монетная система*. Монеты бываютъ различныя по разнымъ странамъ: рубль, франкъ, марка. *Денежная* же система опредѣляетъ, какой металлъ или металлы и въ какомъ отношеніи другъ къ другу являются установленнымъ закономъ измѣрителемъ цѣнности. Денежныя системы различаются: монометаллическія, когда въ основу обращенія кладется одинъ металлъ (золото или серебро), *биметаллическія* (два металла: (золото и серебро), причемъ между ними устанавливается опредѣленное отношеніе. Соотвѣтственно этому и чеканятся монеты и изъ того и другого металла опредѣленнаго вѣса. Чеканить, однако, монеты исключительно золотыя или серебряныя для мелкихъ уплатъ было бы слишкомъ дорого. При частости обращенія и перехода ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, онѣ быстро стирались бы и теряли безплодно свой вѣсъ. Кромѣ того, и чеканка ихъ обходилась бы слишкомъ дорого. Поэтому, на ряду съ полноцѣнной монетой чеканится еще мелкая размѣнная монета (биллонъ) изъ серебра болѣе низкой пробы, мѣди, никкеля.

2.

Все сказанное до сихъ поръ касается металлическихъ денегъ при установленіи той точки зрѣнія, что деньгами являются товары, т.-е. предметы имѣющіе сами по себѣ цѣну, какъ могущіе служить для удовлетворенія другихъ потребностей, помимо ихъ денежнаго, мѣнового значенія. А отсюда естественно возникаетъ вопросъ: какимъ же образомъ деньгами являются куски бумаги, не имѣющія никакого потребительнаго значенія?

Для отвѣта на этотъ вопросъ отмѣчу прежде всего на только что указанное мною обращеніе не полноцѣнной монеты. Почему возможно оно? Да потому, что даже и полноцѣнная монета послѣ нѣсколькихъ переходовъ изъ однихъ кармановъ въ другіе уже нѣсколько стирается и теряетъ часть своей цѣнности, тѣмъ не менѣе ее продолжаютъ брать въ обмѣнъ за товары. Она продолжаетъ при этомъ условіи служить только знакомъ той цѣнности, которая отчеканена на ней. Это не мѣшаетъ, однако, принимать ее по той цѣнѣ, которая значится на ней при увѣренности, конечно, что ее каждый такъ приметъ, а равно приметъ такъ и государство, пустившее ее въ обращеніе и своимъ штемпелемъ (чеканкой) удостовѣрившее опредѣленную цѣнность монеты. На этомъ основаніи возможно и безпрепятственное обращеніе размѣнной монеты, которая, если-бы и была отчеканена въ полной цѣнѣ, все же очень скоро утратила-бы значительную часть ея, такъ какъ переходъ ея изъ однихъ кошельковъ въ другіе совершается очень часто. Здѣсь опять все основывается на молчаливомъ признаніи всѣми опредѣленной отвѣтственности власти, выпускающей монету. Такъ мало по малу улетучивается представленіе о деньгахъ, какъ о товарѣ, имѣющемъ свое потребительное значеніе, и остается только признаніе за ними значенія какъ орудія обращенія, платежнаго средства, условнаго мѣрила того отношенія, въ какомъ одни товары обмѣниваются на другіе. Въ обыденной жизни мы имѣемъ примѣры признанія подобнаго значенія за совершенно безцѣнными предметами. Такъ, за карточной игрой, чтобы не передавать, при каждомъ проигрышѣ и выигрышѣ мелкія деньги отъ однихъ къ другимъ, что было-бы очень затруднительно и требовало-бы большого количества „мелочи", во время продолженія игры расплачиваются, нерѣдко, просто костяными марками, имѣющими каждая, смотря по цвѣту или величинѣ и формѣ, значеніе опредѣленной денежной единицы. По окончаніи же игры, при разсчетѣ, деньги и получаются или уплачиваются каждымъ по разсчету, опредѣляемому наличностью у него опредѣленныхъ марокъ. Но то же бываетъ и въ торговомъ оборотѣ. Такъ, ресторанная прислуга расплачивается въ теченіе торговаго дня съ хозяиномъ ресторана опредѣленными значками, марками, а затѣмъ въ концѣ дня и

отдаетъ денежную выручку, соотвѣтственно тому количеству марокъ извѣстнаго обозначенія, которыя она выдала за полученные товары, т.-е. кушанья и напитки.

Въ этихъ примѣрахъ съ марками, значками, мы видимъ, что они замѣняютъ деньги, играютъ роль ихъ, будучи только знаками опредѣленной цѣнности и принимаются по довѣрію къ тому, что за нихъ выдадутъ цѣнность, которую они обозначаютъ.

Эти значки, какъ не трудно видѣть, по своей дѣйствительной стоимости не имѣютъ ровно никакого значенія и не могутъ служить для какого либо иного потребленія и однако въ опредѣленной средѣ обращаются какъ и настоящія деньги. Почему? Да потому, что такъ условились тѣ, между которыми обращаются они, и имѣютъ довѣріе къ тому, что условіе будетъ соблюдено.

Но если такое обращеніе и значеніе въ опредѣленной средѣ получаютъ простыя костяшки, то тѣмъ болѣе такое значеніе могутъ и должны получить знаки, выпускаемые и удостовѣряемые государствомъ. Отсюда понятно и то значеніе, какъ орудія обмѣна, которое признается за мелкой размѣнной монетой. Но то же самое должно быть понятно и по отношенію къ бумажнымъ знакамъ, выпускаемымъ государствомъ съ обозначеніемъ за ними опредѣленной цѣны. Къ этому ведетъ и то обращеніе, которое существуетъ въ частныхъ сдѣлкахъ, когда онѣ производятся не за уплату тотчасъ, а когда производится заемъ деньгами или расплата за товары по истеченіи опредѣленнаго срока, т. е. покупка ихъ въ кредитъ. Извѣстно, что въ этомъ случаѣ въ обезпеченіе уплаты выдаются заемныя письма, векселя и т. п. росписки.

Если имѣется довѣріе къ кредитоспособности лица, выдавшаго вексель, то послѣдній принимается въ уплату и третьими лицами, и, слѣдовательно, между ними получаетъ такое же значеніе какъ деньги. Является бумажный знакъ, замѣняющій деньги. Когда же государство выпускаетъ такіе знаки съ своимъ штемпелемъ, своимъ удостовѣреніемъ, то, конечно, они имѣютъ силу денежнаго обращенія между всѣми лицами, имѣющими довѣріе къ данному государству, которое отвѣчаетъ за выпускаемые имъ знаки. Знаки же эти являются или прямо кредитными документами, какъ банковые билеты, на которыхъ и значится обязательство уплатить значащуюся на нихъ сумму или же представляютъ собою прямо бумажныя деньги съ принудительнымъ курсомъ.

Такого рода бумажныя деньги становятся возможными уже потому, что и кредитные государственные билеты обращаются обыкновенно безъ обмѣна на золото; да и кому охота обременять свой карманъ металломъ вмѣсто легкой, почти не требующей мѣста бумаги, разъ она исполняетъ то же дѣло, что и монета, и нѣтъ осно-

ваній опасаться, что ее не примутъ; беретъ ее и государство въ уплату налоговъ, обязателенъ пріемъ ея и по другимъ платежамъ. Такъ и продолжается, пока не падаетъ довѣріе къ государству выпустившему бумагу. Отсюда создалась и, такъ называемая, карціальная теорія, которая и усматриваетъ за бумажными деньгами силу основанную единственно на довѣріи къ государству. Но подобно тому, какъ къ частному векселю въ торговомъ мірѣ довѣріе основано на томъ, что въ основѣ выдачи его лежитъ матеріальная имущественная сдѣлка, (такъ и пишется, что получилъ такую то сумму товаромъ или деньгами), такъ и тутъ довѣріе обусловливается представленіемъ о томъ же. Въ основѣ все же остается справедливымъ, что деньги есть товаръ, получившій спеціальное значеніе и назначеніе.

3.

Деньги являются мѣриломъ цѣнности, т. е. въ обмѣнъ за опредѣленное количество денежныхъ знаковъ, обозначающихъ опредѣленную цѣнность, дается соотвѣтствующее этой цѣнности количество товара. Какое же надо имѣть количество денегъ, чтобы безпрепятственно производить черезъ посредство денегъ обмѣнъ однихъ товаровъ на другіе?

Исходя изъ сказаннаго, какъ будто бы выходитъ, что количество денегъ, обращающихся въ странѣ, должно отвѣчать количеству и цѣнности товаровъ, цѣнность которыхъ измѣряется деньгами. Но тутъ же мы видимъ и условія, ведущія къ ограниченію количества денегъ противъ только что сказаннаго. Если, въ самомъ дѣлѣ, деньги служатъ посредникомъ при обмѣнѣ товаровъ между собою, то, очевидно, ихъ требуется по меньшей мѣрѣ вдвое менѣе количества и цѣнности всѣхъ имѣющихся товаровъ. Если я обмѣниваю свой товаръ на 100 р., а затѣмъ на эти 100 рублей пріобрѣтаю необходимый мнѣ товаръ, то тотъ и другой товаръ вмѣстѣ стоятъ 200 рублей, а понадобилось для обмѣна одного на другой лишь 100 рублей. Но вѣдь обмѣнъ не ограничивается однимъ разомъ. Тотъ, кто купилъ мой товаръ и получилъ за него деньги, въ свою очередь, пріобрѣтаетъ на нихъ что либо, пускаетъ ихъ въ оборотъ и слѣдовательно, въ теченіи того или другого періода времени, мои сто рублей явятся посредниками нѣсколькихъ обмѣновъ и каждый разъ однимъ и тѣмъ же денежнымъ знакомъ и однимъ и тѣмъ же количествомъ денегъ будетъ измѣряться и опредѣляться цѣнность многихъ количествъ и притомъ разнообразныхъ товаровъ.

Но происходитъ это измѣреніе тѣмъ же количествомъ денегъ въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени въ зависимости отъ быстроты обращенія товаровъ, въ зависимости отъ того какъ

скоро за одной покупкой или продажей слѣдуетъ другая и т. д. А это бываетъ различно прежде всего въ различные моменты хозяйственнаго развитія. При первоначальномъ переходѣ къ денежному хозяйству денегъ въ обращеніи бываетъ еще мало, а потребность въ нихъ должна ощущаться сильнѣе, такъ какъ это соотвѣтствуетъ болѣе медленному переходу товара изъ однѣхъ рукъ въ другія, т. е. болѣе длиннымъ промежуткамъ между покупкой и продажей и потому, продавшій товаръ, но еще собирающійся купить его, держитъ деньги у себя: онѣ изъяты на это время изъ обращенія и не служатъ измѣрителемъ цѣнности при другихъ покупкахъ и продажахъ. Поэтому, въ то время, когда еще значительная часть предметовъ потребленія не является товаромъ, не входитъ въ обращеніе, и цѣнность ихъ не подвергается измѣренію путемъ денежной оцѣнки, т. е. когда денегъ требуется въ силу этого еще мало, количество ихъ, сравнительно съ количествомъ обращающихся товаровъ, должно быть больше противъ послѣдующаго времени, когда обращеніе товаровъ происходитъ быстрѣе. Это составляетъ одно изъ условій, въ силу котораго и оплата денежныхъ услугъ, процентъ на нихъ является болѣе высокимъ въ болѣе ранніе періоды хозяйственнаго развитія.

Къ сказанному вліянію на это медленности и сравнительной исключительности обращенія продуктовъ присоединяется еще и то, что въ тѣ времена накопленіе денегъ какъ денегъ, какъ запасовъ драгоцѣннаго металла, сбереженіе денежныхъ сокровищъ становится даже особаго рода страстью, какъ это иллюстрировано уже въ „Скупомъ Рыцарѣ“. И вотъ эта страсть или сбереженіе ради того, чтобы не остаться въ необходимый моментъ безъ денегъ, которыя еще рѣдки, еще болѣе ведетъ къ рѣдкости ихъ, и въ то же время усиливаетъ необходимость имѣть ихъ въ странѣ сравнительно съ количествомъ и цѣнностью обращающихся товаровъ больше, чѣмъ въ послѣдующее время. И этимъ, а не однимъ лишь стремленіемъ любоваться блескомъ золота и серебра и украшать себя издѣліями изъ нихъ, объясняется та жадность до золота, то расхищеніе и похищеніе его, которому предавались именно передовые народы, т. е. ушедшіе впередъ въ хозяйственномъ развитіи сравнительно съ тѣми дикарями, для которыхъ драгоцѣнные металлы были лишь предметами украшенія.

Но хозяйственное развитіе идетъ далѣе и, какъ уже отмѣчено, обмѣнъ товара на товаръ при посредствѣ денегъ (Т — Д — Т) мало-по малу переходитъ въ обмѣнъ одной суммы денегъ при посредствѣ товара на бо̀льшую сумму денегъ (Д—Т—Д+д). Это требуетъ какъ будто бы и большого количества денегъ, но это совмѣщается обыкновенно съ такимъ хозяйственнымъ укладомъ, когда быстрота обра-

щенія является уже очень значительной: деньги не залеживаются. Слѣдовательно, одна и та же ихъ сумма служитъ для множества сдѣлокъ. А въ такомъ случаѣ, конечно, для удовлетворенія всѣхъ тѣхъ требованій хозяйственной жизни, которыми вызваны они, требуется денегъ, сравнительно съ цѣною и количествомъ произведенныхъ товаровъ, тѣмъ меньше, чѣмъ быстрѣе обращеніе товаровъ. Вслѣдствіе этого и получается, что съ развитіемъ товарнаго обращенія, когда большее количество произведенныхъ предметовъ подвергается измѣренію ихъ цѣнности деньгами и когда, какъ будто бы, больше требуется денегъ—въ дѣйствительности для потребностей народнаго хозяйства ихъ требуется много меньше, сравнительно съ цѣною и количествомъ обращающихся товаровъ: необходимо количество ихъ, равняющееся суммѣ цѣнностей обращающихся товаровъ, раздѣленное на быстроту ихъ оборота.

Но при развитомъ товарномъ оборотѣ и опредѣленное такъ количество денегъ является болѣе значительнымъ, чѣмъ необходимо. Какъ будетъ выяснено въ слѣдующей главѣ, современное товарно-денежное хозяйство не можетъ существовать безъ кредита, производство не можетъ идти правильно безъ закупки въ долгъ сырья, нельзя обойтись безъ продажи въ долгъ товара. При этомъ, тотъ, кто долженъ напр., за сырые матеріалы, въ свою очередь, можетъ быть, долженъ получить за проданный товаръ съ того лица, которое за какіе либо товары или за что либо другое долженъ тому, у кого получено въ долгъ сырье и притомъ на такую же сумму. А въ такомъ случаѣ, должникъ за сырье, вмѣсто полученія денегъ за товаръ, покрываетъ свой долгъ долгомъ лица, кредиторомъ котораго онъ состоитъ. Уплата одного долга происходитъ безъ денегъ. Такіе разсчеты, т. е. покрытіе однихъ долговыхъ обязательствъ другими на полную ихъ сумму или по разсчету, въ силу котораго можетъ оказаться необходимымъ для окончанія разсчета ограничиться небольшой суммой денегъ, можетъ происходить между нѣсколькими лицами. Это опять значительно уменьшаетъ необходимое количество денегъ.

Но развитіе кредита, какъ увидимъ, требуетъ опредѣленныхъ кредитныхъ учрежденій, денежныя средства которыхъ создаются, между прочимъ, вкладами на сроки или безсрочные со стороны тѣхъ лицъ, у которыхъ въ данный моментъ имѣются денежныя средства, не требующіяся для ихъ дѣлъ. Лица, имѣющія такіе вклады на текущій счетъ, могутъ брать деньги съ текущаго счета по мѣрѣ своей надобности въ нихъ. Для полученія ихъ выдаются чеки. Эти чеки могутъ тоже служить для уплаты, т. е. замѣнять деньги. Кредитные знаки, векселя и т. п. тоже замѣняютъ денежные знаки. А въ такомъ

случаѣ, слѣдовательно, количество обращающихся денегъ уменьшается еще на всю сумму ихъ, замѣняемую кредитнымъ обращеніемъ.

Необходимо, однако, къ тому количеству денегъ, которое потребно для обращенія, прибавить еще и то количество денегъ, которое служитъ сбереженіемъ.

Уясненіе себѣ того, чѣмъ опредѣляется потребное въ народномъ хозяйствѣ количество денегъ, необходимо во-первыхъ потому, что въ зависимости отъ этого находится то количество производительныхъ силъ страны, которое затрачивается на изготовленіе денегъ, а во-вторыхъ въ зависимости отъ того или иного количества денегъ находится избытокъ или недостатокъ ихъ. А послѣдствія этого очень важны. Недостатокъ денегъ затрудняетъ обращеніе товаровъ, иначе говоря, правильное удовлетвореніе потребностей. Избытокъ денегъ обезцѣниваетъ ихъ, иначе говоря, создаетъ дороговизну товаровъ, такъ какъ то же количество и та же цѣна послѣднихъ измѣряется большимъ количествомъ денегъ. А это, въ свою очередь, во внутреннихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ создаетъ значительныя затрудненія для тѣхъ, кто получаетъ опредѣленное жалованье или опредѣленную заработную плату. Ростъ послѣдней обыкновенно отстаетъ отъ роста цѣнъ товаровъ, запаздываетъ сравнительно съ ними. И это хорошо еще если только отстаетъ, такъ какъ обезцѣненіе денегъ можетъ вести и къ пониженію заработной платы. Дѣло въ томъ, что ростъ цѣны товаровъ отзывается на сокращеніи сбыта ихъ, что можетъ вести къ сокращенію производства ихъ. А это, обыкновенно, соединяется съ сокращеніемъ спроса на рабочія руки, что, какъ увидимъ, ведетъ къ пониженію заработной платы или къ пониженію заработка рабочаго путемъ уменьшенія спроса на его издѣлія.

Но кромѣ того, обезцѣненіе денегъ ведетъ къ тому, что понижаетъ курсъ ихъ, т. е. при международныхъ сдѣлкахъ рубль напр., отвѣчающій, по своей номинальной цѣнности, цѣнности четырехъ франковъ, принимается уже за меньшее число ихъ. А это значитъ, что приходится уплачивать по займамъ уже иныя суммы соотвѣтственно уменьшенію цѣнности рубля и расплачиваться за иностранные товары тоже по этой уменьшенной покупной способности обезцѣненныхъ денегъ. Все это и при сильномъ обезцѣненіи денегъ, которое обыкновенно является, какъ послѣдствіе чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ, вызываемаго какими либо чрезвычайными затруднительными обстоятельствами страны, въ особенности войнами, вызываетъ необходимость возстановленія цѣнности ихъ. Достигается это путемъ девальваціи, т. е. приравниванія прежней цѣнности ихъ къ той новой пониженной, до какой они упали вслѣдствіе обезцѣненія.

XII. Кредитъ.

1. Основы и виды кредита.

Говоря о деньгахъ, мы должны были коснуться и кредита. Но кредитъ имѣетъ самостоятельное значеніе и свои спеціальныя основанія.

Если хозяйственныя отношенія построены на обмѣнѣ одного товара на другой, то для совершенія обмѣна, оба товара должны быть налицо. Но одинъ товаръ требуетъ больше времени на свое изготовленіе, другой меньше и потому, отправляясь отъ извѣстнаго опредѣленнаго момента, мы не можемъ имѣть передъ собой одновременно оба товара. Это одно уже можетъ вести къ тому, что готовый товаръ перейдетъ въ руки того, кому онъ нуженъ ранѣе, чѣмъ за него полученъ соотвѣтствующій эквивалентъ, подъ условіемъ, передать товаръ идущій въ обмѣнъ, когда онъ будетъ готовъ. Если мы отъ этихъ первобытныхъ условій обмѣна, перейдемъ къ его современной формѣ черезъ посредство денегъ, то основанія остаются тѣ же и сила ихъ увеличивается и осложняется и другими моментами.

Товаръ производится для продажи. Прозводство его выражается въ переработкѣ сырого матеріала. Матеріалъ этотъ расходуется по мѣрѣ хода работъ и изготовленія товара. Но изготовленный товаръ, поступаетъ въ продажу только по изготовленіи его въ достаточномъ количествѣ, и только по продажѣ его получатся деньги, на которыя можно купить израсходованный сырой матеріалъ. Отсюда можетъ получиться остановка въ производствѣ между моментомъ продажи товара и покупки сырого матеріала. Это не выгодно и для рабочихъ, остающихся безъ дѣла, невыгодно для капиталиста, у котораго явится мертвый капиталъ въ видѣ орудій производства и строеній, невыгодно и съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства. Во избѣжаніе этого пришлось бы имѣть большой запасъ сырья, которое лежало бы праздно, иначе говоря, имѣть въ мертвомъ видѣ двойное количество оборотнаго капитала, что тоже невыгодно и для предпріятія и для народнаго хозяйства. Для правильнаго хода дѣлъ необходимо постоянное воспроизведеніе капитала, такъ сказать, безостановочный

переходъ его изъ денежной формы, въ производственную, изъ этой послѣдней въ товарную и затѣмъ, опять въ денежную. А это и обусловливаетъ необходимость полученія сырого матеріала для производства по мѣрѣ того, какъ онъ превращается въ товаръ, но ранѣе, чѣмъ послѣдній проданъ, т.-е. необходимость полученія сырья, безъ соотвѣтствующаго эквивалента въ теченіе опредѣленнаго времени, т.-е. въ долгъ, въ кредитъ.

Но и помимо того, условія современнаго производства создаютъ потребность въ кредитѣ. Были уже указаны преимущества крупнаго производства. Но крупное производство требуетъ крупнаго капитала. Если бы не было кредита, т.-е. возможности получить взаймы деньги, и прибавить ихъ къ тому собственному капиталу, который уже вложенъ въ производство, то развитіе крупнаго производства, расширеніе предпріятій шло бы медленнѣе и отъ этого все народное хозяйство теряло бы выгоды, доставляемыя крупнымъ производствомъ И вотъ мы видимъ, что и крупныя предпріятія, акціонерныя компаніи расширяютъ поле своей дѣятельности путемъ займа, кредита, выпуска облигацій.

Но не отъ бездѣйственнаго положенія матеріальныхъ только предметовъ теряло бы народное хозяйство, если бы въ нѣдрахъ его не выработались кредитныя отношенія. Оно теряло бы и отъ отсутствія надлежащаго приложенія къ хозяйственной дѣятельности личныхъ силъ. Не всѣ лица, обладающія большими капиталами, имѣютъ склонность, способность, охоту, умѣнье примѣнить ихъ въ производствѣ или торговлѣ. Съ другой стороны, не всѣ лица, обладающія всѣми данными для успѣшнаго веденія предпріятій и проникнутыя духомъ предпріимчивости—обладаютъ необходимыми для того матеріальными средствами. Кредитъ даетъ возможность первымъ, использовать свои капиталы, не оставлять ихъ праздными, а вторымъ, использовать свои силы, проявить и примѣнить къ дѣлу свою хозяйственную предпріимчивость. Такимъ путемъ, при помощи кредита, создается обращеніе въ чужомъ хозяйствѣ капитала, который иначе лежалъ бы праздно.

Вотъ тѣ экономическія основанія, которыя вызываютъ существованіе кредита, т.-е. такихъ взаимоотношеній, при которыхъ кредиторъ ссужаетъ деньгами или товаромъ должника на опредѣленный срокъ, получая за это опредѣленный процентъ, помимо возврата суммы, выданной въ долгъ.

Сроки, на которые выдаются ссуды, бываютъ различны, въ зависимости отъ условій оборота. Соотвѣтственно этому, различается кредитъ краткосрочный и долгосрочный. Послѣдній, обычно, растягивается не только на годы, но и на десятки лѣтъ, какъ въ

поземельномъ кредитѣ, т.-е. на покупку земли, а такъ же въ мелiоративныхъ ссудахъ, т.-е. ссудахъ на земельныя улучшенія, на осушенія, орошенія и т. п. Производимыя здѣсь затраты, окупаютъ себя и начинаютъ приносить доходъ, только по истеченіи ряда лѣтъ.

Различается еще кредитъ: а) вещный: подъ залогъ земель, домовъ, которые являются обезпеченіемъ возврата ссуды, а также подъ залогъ или закладъ разныхъ цѣнныхъ предметовъ, движимыхъ и б) личный кредитъ—безъ обезпеченія матеріальными предметами. Можно далѣе различать кредитъ производительный, т.-е. на производство и кредитъ потребительный, на потребленіе.

Послѣдній видъ кредита, очевидно, имѣетъ иныя основанія, нежели указанныя выше, и страдаетъ отрицательными чертами: онъ свидѣтельствуетъ не объ избыткѣ предпріимчивости и стремленіи развить экономическую дѣятельность, расширить производство. Наоборотъ. Это кредитъ нужды, кредитъ, свидѣтельствующій, что прибѣгающій къ нему, не имѣетъ достаточно средствъ на потребленіе по тѣмъ или инымъ причинамъ, не дополучаетъ въ своей хозяйственной дѣятельности того, что необходимо на потребленіе или и вовсе не имѣетъ такой дѣятельности.

Это, однако, не исключаетъ возможности существованія потребительнаго кредита, какъ результата не нужды, а расточительности или же нерасчетливости. Таковы, нерѣдко, основы задолженности землевладѣнія, которыя, помимо еще другихъ причинъ, ведутъ, какъ это въ свое время было отмѣчено еще А. Смитомъ, къ упадку экономическаго и политическаго значенія землевладѣльцевъ, взамѣнъ которыхъ на историческую сцену, какъ сильный въ экономическомъ отношеніи классъ, выступаютъ капиталовладѣльцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ и земли все болѣе и болѣе уходятъ изъ рукъ бывшихъ землевладѣльцевъ и владѣльцевъ крѣпостного труда и поступаютъ въ руки мелкихъ землевладѣльцевъ, въ силу тѣхъ преимуществъ мелкаго сельскаго хозяйства, о которыхъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Какъ видимъ, отношенія, создаваемыя кредитомъ, влекутъ за собою довольно значительныя измѣненія въ экономическихъ условіяхъ и въ положеніи отдѣльныхъ слоевъ населенія. Они же, если не вызываютъ, то ускоряютъ тотъ ходъ экономическаго развитія, который ведетъ къ измѣненію формъ промышленности.

2. Кредитныя учрежденія.

I.

Существованіе и развитіе кредита и то общественное значеніе его, которое онъ получаетъ все болѣе и болѣе съ развитіемъ и ус-

ложненіемъ хозяйственныхъ отношеній, вызываетъ необходимость и соотвѣтственныхъ учрежденій, которыя бы, такъ сказать, вѣдали кредитными отношеніями и регулировали ихъ. Такими учрежденіями и являются банки.

Они представляютъ собою учрежденія, являющіяся посредниками между тѣми, кому нуженъ кредитъ и тѣми, кто желаетъ пустить въ ходъ свои деньги безъ проявленія личной хозяйственной дѣятельности. Соотвѣтственно этому, кредитныя операціи банковъ раздѣляются на пассивныя и активныя. Первыя это тѣ, посредствомъ которыхъ банкъ получаетъ деньги другихъ лицъ, которыми онъ кредитуетъ своихъ заемщиковъ. Это будутъ вклады срочные, безсрочные и текущіе счета. Кромѣ того, банки выпускаютъ банковые билеты на предъявителя. Активныя операціи, т.-е. снабженіе кредитомъ, выражается въ учетѣ коммерческихъ векселей и выдачѣ ссудъ, въ томъ числѣ и подъ залогъ разнаго рода цѣнностей.

Соотвѣтственно развитію и организаціи этой послѣдней операціи слѣдуетъ различать выдачу ссудъ подъ залогъ движимыхъ цѣнностей коммерческими банками и затѣмъ особый видъ банковой организаціи— банковъ долгосрочнаго кредита: поземельныхъ банковъ, основная задача которыхъ заключается въ выдачѣ ссудъ подъ залогъ земель. Это облегчаетъ, между прочимъ, переходъ земель изъ однихъ рукъ въ другія, дозволяя лицамъ и не имѣющимъ достаточныхъ средствъ на покупку земли, пріобрѣтать землю съ переводомъ на нее долга и такимъ образомъ это соотвѣтствуетъ стремленію лицъ съ небольшими средствами обзавестись землей и въ то же время способствуетъ тому — иначе сказать способствуетъ демократизаціи землевладѣнія, но въ то же время увеличиваетъ и задолженность его.

Но и въ дѣлѣ краткосрочнаго кредита подъ залогъ движимыхъ цѣнностей, что входитъ въ операціи коммерческихъ банковъ — этотъ видъ ихъ активныхъ операцій знаменуетъ очень многое въ измѣненіи хозяйственныхъ отношеній и ихъ эволюціи.

Эти операціи ведутъ къ развитію товаро-комиссіонныхъ операцій, что первоначально возникло изъ необходимости сбыть товаръ, подъ который выдана ссуда. Въ Россіи, напримѣръ, это возникло изъ кредитованія хлѣбныхъ грузовъ, отправляемыхъ за границу. А затѣмъ банки по своимъ сношеніямъ съ иностранными банками и торгово-промышленными предпріятіями перешли и къ комиссіонной продажѣ хлѣба, откуда уже недалекъ былъ переходъ и къ продажѣ хлѣба за свой счетъ. То же происходило и на сахарномъ рынкѣ, а затѣмъ сюда же подошли уголь, хлопокъ, скотъ и другіе товары. За границей такъ же товарно-комиссіонныя операціи стали усиленно возникать лишь послѣднія 3—4 десятилѣтія. Возникло это тоже изъ

кредитныхъ операцій. Такъ, въ Австріи сахаро-заводчикамъ на оборудованіе заводовъ былъ открытъ кредитъ, въ обезпеченіе чего было взято обязательство о продажѣ товара черезъ кредитующій банкъ. Банкъ такимъ образомъ помѣщаетъ капиталъ безъ риска — и зарабатываетъ еще и комиссіонныя суммы, а заводчику нѣтъ надобности заботиться о сбытѣ, перевозкѣ и т. д.

Въ Германіи это участіе банковъ въ торговыхъ операціяхъ относится, главнымъ образомъ, къ вывозной торговлѣ и при томъ съ экономически отсталыми странами, гдѣ существуетъ лишь мелкій плохой посредникъ. Вообще же, какъ это показываетъ развитіе различныхъ кооперативныхъ организацій, — комиссіонная дѣятельность банковъ и у насъ связана съ недостаточно удовлетворительной торговой организаціей и бѣдностью капиталами при малой кредитоспособности.

Банки же, продавая комиссіонный товаръ, пріобрѣтаютъ спеціальныя познанія въ различной области торговли, приглашаютъ въ руководителей операцій прежнихъ самостоятельныхъ торговцевъ и переходятъ затѣмъ къ торговлѣ за свой счетъ, какъ это уже отмѣчено. Бываетъ и такъ, что банкъ купитъ товаръ, какъ комиссіонеръ, а товаръ окажется не отвѣчающимъ всѣмъ необходимымъ требованіямъ, его не берутъ, а бываетъ и такъ, что заложенный товаръ не выкупаютъ. Приходится банку переходить на продажу его уже за свой счетъ. Да и при комиссіонной продажѣ банки начинаютъ выполнять торговыя функціи, заботиться о рынкѣ. Все это ведетъ къ тому, что не только промышленность, но и торговля становится въ зависимость отъ банковъ, отъ денежнаго капитала. Банки, сосредоточивая общественный капиталъ ранѣе, могли вліять на производство, поощряя, ссужая тѣ или другія предпріятія, пріобрѣтая тѣ или другія акціи; теперь же они берутъ въ свои руки и торговлю и, слѣдовательно, становятся уже еще болѣе представителями экономическихъ нуждъ страны, и тѣмъ способствуя еще болѣе концентраціи производства. Но въ то же время этимъ они берутъ на себя рискъ, связанный съ современнымъ неорганизованнымъ производствомъ. Тѣмъ болѣе при этомъ создается необходимость въ планомѣрной организаціи производства, къ преобразованію его дѣйствительно въ общественное производство. И мы имѣемъ, слѣдовательно, въ этомъ развитіи дѣятельности банковъ зачатки зародыши того, изъ чего должна развиться организація, вліяющая планомѣрнымъ образомъ на постановку производства и удовлетвореніе потребностей, т.-е. дѣйствуя въ томъ же направленіи, какъ и тресты.

Банки, какъ крупныя учрежденія, ведутъ дѣло такъ, что тутъ, какъ и въ каждомъ крупномъ дѣлѣ, получается менѣе накладныхъ

расходовъ, падаетъ комиссіонный %, и получается разница въ цѣнѣ. По разсчетамъ, произведеннымъ однимъ писателемъ, у насъ въ продажѣ нашего средне азіатскаго хлопка—при годовомъ производствѣ его въ 11 мил. пудовъ это сокращеніе въ расходахъ составляетъ для производителей около 8 мил. рублей. Такимъ образомъ, какъ въ дѣлѣ промышленности, такъ и торговли, крупный капиталъ побиваетъ мелкій. И вотъ, напримѣръ, комитетъ Московской хлѣбной биржи заявляетъ, что торговля банковъ открываетъ широкое поле конкуренціи съ торговцами и промышленниками. На совѣщаніи, посвященномъ обсужденію вопроса о торгово-комиссіонныхъ операціяхъ банковъ, прямо было высказано, что стремленіе устранить конкуренцію банковъ изъ области торговли объясняется личными интересами отдѣльныхъ торговцевъ или группы торговцевъ. Пермскій биржевой комитетъ также высказался, что переходъ торговли въ руки банковъ грозитъ разореніемъ торговому классу. Кіевскій, Петроградскій и Рижскій комитеты отмѣтили, что развитіе торгово-коммерческихъ операцій банковъ „должно повлечь за собою постепенное исключеніе изъ торговли отдѣльныхъ лицъ и парализованіе или даже упраздненіе единоличной дѣятельности". И по заявленію Николаевскаго комитета, напр., 60% всего хлѣбнаго экспорта въ г. Николаевѣ перешло въ руки банковъ.

Помимо преимуществъ, указанныхъ ранѣе, торговля банковъ доставляетъ и ту выгоду, что для продавца устраняется мелкое посредничество, для покупателя гарантируется большая аккуратность въ доставкѣ товара, лучшее качество его; кромѣ того, банкъ всегда можетъ лучше отвѣтствовать за всякое нарушеніе. Въ Россіи извѣстны случаи, когда покупатели обращались къ банку за товаромъ, который могли бы получить и непосредственно отъ продавца, но именно въ тѣхъ видахъ, чтобы обезпечить себя аккуратнымъ исполненіемъ контракта. Но кромѣ того, это ведетъ вообще къ сокращенію нормы торговой прибыли, такъ какъ банки привыкли брать небольшой комиссіонный %, разсчитывая на большой оборотъ и переносятъ эту привычку и на свой торговый оборотъ. Такъ, у насъ въ хлопковой операціи банки взимали $^3/_4$—$1^1/_2$% комиссіи, тогда какъ раньше частныя фирмы брали 3%.

Такимъ образомъ, мы видимъ цѣлый рядъ условій, ведущихъ къ все болѣе и болѣе планомѣрной организаціи хозяйственной дѣятельности и къ приданію ей какъ въ промышленности, такъ и торговлѣ характера общественнаго. Но въ дѣятельности банковъ, какъ и трэстовъ—это вытекаетъ изъ стремленія повысить частно-предпринимательскую прибыль. Иной, болѣе широкій характеръ и значеніе имѣютъ организаціи мелкаго кредита, хотя и тамъ, конечно, стиму-

ломъ дѣятельности служатъ интересы и выгоды отдѣльныхъ лицъ, достиженіе которыхъ, однако, намѣчается иной постановкой хозяйственной дѣятельности и иной организаціей кредита.

II.

Банки, о которыхъ только что шла рѣчь, удовлетворяютъ потребностямъ по преимуществу крупнаго капиталистическаго производства. Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, на ряду съ крупными предпріятіями существуютъ мелкія ремесленныя, кустарныя и сельскохозяйственныя крестьянскія. Польза кредита для развитія крупной промышленности и для успѣшнаго хода дѣлъ, сопряженнаго съ меньшими издержками и болѣе безпрепятственнымъ воспроизведеніемъ капитала, не могла оставаться незамѣтной и для мелкихъ ремесленниковъ особенно въ виду встрѣчаемой ими во многихъ случаяхъ конкуренціи со стороны крупныхъ предпріятій. И вотъ въ Германіи въ половинѣ прошлаго столѣтія Шульце-Деличъ явился иниціаторомъ учрежденія ссудо-сберегательныхъ товариществъ, являющихся кредитными учрежденіями для мелкихъ предпринимателей, по преимуществу ремесленниковъ. Основа такихъ товариществъ состоитъ въ томъ, что первоначальныя средства ихъ образуются изъ мелкихъ сбереженій ихъ членовъ, паевыхъ взносовъ. Совокупность этихъ взносовъ образуетъ капиталъ, изъ котораго и могутъ выдаваться ссуды членамъ товариществъ, исходя изъ того, что не всѣмъ понадобятся ссуды въ одно и то же время.

Но такого рода кредитныя учрежденія предполагаютъ, что члены товарищества имѣютъ сбереженія, т.-е. являются людьми не только имѣющими постоянное денежное обращеніе, но и избытки средствъ за покрытіемъ производительныхъ и потребительныхъ нуждъ. Между тѣмъ, въ той же Германіи въ половинѣ прошлаго столѣтія среди крестьянъ не настолько еще было развито денежное обращеніе, чтобы у многихъ было что сберегать въ денежной формѣ. Но въ то же время начинала уже проникать потребность въ пріобрѣтеніи изъ внѣ многихъ предметовъ, которые прежде производились въ своемъ хозяйствѣ хотя бы, напр., сѣмянъ кормовыхъ травъ или покупки искусственнаго удобренія и т. п. Предметовъ же собственнаго хозяйства, поступающихъ въ продажу, было еще не такъ много и, кромѣ того, моментъ полученія за нихъ денегъ не совпадалъ съ моментомъ необходимости въ деньгахъ на покупку того, что не получалось въ собственномъ хозяйствѣ.

Отсюда возникаетъ, съ одной стороны, необходимость въ кредитѣ,— съ другой невозможность образовать необходимый для того фондъ

путемъ внесенія паевъ, соединеніемъ денежныхъ сбереженій, которыхъ нѣтъ. Это и дѣлаетъ неподходящимъ ссудо-сберегательныя товарищества для крестьянскаго земледѣльческаго населенія. И вотъ одновременно съ иниціативой Шульце Делича появилось въ Германіи же начинаніе другого лица Райффэйзена, который явился основоположникомъ товариществъ, дающихъ начало и нашимъ современнымъ кредитнымъ товариществамъ. Никакихъ паевыхъ взносовъ отъ членовъ товарищества не требуется, но они должны быть сравнительно близкими сосѣдями, знающими другъ друга и имущественное положеніе каждаго; это является необходимымъ для сужденія о кредитоспособности лица и о его потребности въ кредитѣ. Кромѣ того, по Райффэйзену существуетъ неограниченная отвѣтственность членовъ по обязательствамъ товариществъ.

Въ нашихъ кредитныхъ товариществахъ, организуемыхъ по типу райффэйзеновскихъ—эта отвѣтственность ограничивается опредѣленными предѣлами. Членами товариществъ предполагаются обыкновенно жители окрестныхъ селеній, исходя изъ того, что они могутъ знать другъ друга, имѣть довольно близкое знакомство не только съ кредитоспособностью лица, но и употребленіемъ полученной ссуды. Послѣднее важно потому, что назначеніе ссудъ предполагается здѣсь именно не на потребительныя нужды, а на производство, на развитіе хозяйства, на увеличеніе его доходности при помощи занятой ссуды.

Въ связи съ этой послѣдней задачей стоитъ, между прочимъ, и развитіе посредническихъ операцій кредитныхъ товариществъ. Коль скоро довольно большое число членовъ товарищества имѣетъ въ виду получить ссуду для покупки, скажемъ, сѣмянъ или удобренія, то естественной является мысль пріобрѣсти это большой партіей со стороны товарищества, а затѣмъ уже раздать это въ ссуду; но это не мѣшаетъ и продать его тѣмъ, кто не желаетъ брать его въ ссуду. Успѣхъ такого посредничества съ однимъ товаромъ вызываетъ примѣненіе его и къ другимъ при увѣренности или точномъ знаніи, что товаръ не останется на рукахъ, а разойдется между членами — или при условіяхъ нашей сельской жизни, и среди постороннихъ даже.

Первоначальнымъ фондомъ для операцій кредитныхъ товариществъ у насъ, помимо отдѣльныхъ случаевъ, когда для этого служитъ чей либо спеціальный взносъ на то, являются суммы назначенныя на то изъ сберегательныхъ государственныхъ кассъ. Средства послѣднихъ, образующіяся изъ сбереженій мелкихъ вкладчиковъ (начиная съ вкладовъ въ 25 к.) и составляющія милліарды рублей, долгое время служили, да и теперь въ значительной степени служатъ для поддержки разныхъ крупныхъ предпріятій. Но, конечно, правильнѣе этимъ народнымъ сбереженіямъ служить для поддержки народнаго

же кредита. А затѣмъ кредитныя товарищества могутъ также принимать вклады срочные и безсрочные и слѣдовательно давать возможность дѣлать сбереженія и накопленія такъ же, какъ и ссудо-сберегательныя товарищества и вообще кредитныя учрежденія, банки и т. д.

III.

На этомъ я заканчиваю то, что необходимо было сказать о кредитѣ. Но, такъ какъ, говоря о немъ, нельзя было не сказать и о мелкомъ кредитѣ, который организуется на кооперативномъ началѣ, въ связи съ чѣмъ заканчивается все, что я имѣлъ въ виду выяснить здѣсь относительно кооперацiи, то считаю не лишнимъ закончить эту главу еще нѣсколькими замѣчаніями по поводу кооперативныхъ организацій и ихъ значенія.

Прежде всего, укажу на то, что сказаннымъ до сихъ поръ, не ограничивается дѣятельность кооперативныхъ соединеній. Она гораздо шире указаннаго до сихъ поръ. Помимо заботы о чисто-матеріальныхъ нуждахъ своихъ членовъ, кооперація обратила вниманіе и на культурно-просвѣтительныя нужды. И это совершенно естественно и послѣдовательно вытекало изъ всѣхъ задачъ и всего построенія ея дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, она служитъ проявленіемъ самодѣятельности самого населенія, вызываетъ необходимость существованія не только тѣхъ или иныхъ узко техническихъ знаній и навыковъ у ея дѣятелей, но и болѣе широкихъ точекъ зрѣній. Надо умѣть уловить и опредѣлить связь извѣстныхъ явленій и отношеній, необходимо напрягать и развивать въ этомъ направленіи свое вниманіе. И если для этого имѣетъ значеніе одаренность тѣми или другими свойствами, то и по отношенію къ такимъ одареннымъ лицамъ успѣшность дѣятельности тѣмъ значительнѣе, чѣмъ просвѣщеннѣе лицо, чѣмъ оно болѣе знаетъ, чѣмъ болѣе ему приходилось узнавать и размышлять о такихъ предметахъ и явленіяхъ, которые выходятъ изъ круга ограниченныхъ интересовъ своего домашняго хозяйства. Вотъ, такъ сказать, реальныя, видимыя основы, ведущія прямымъ путемъ, при нашемъ обездоленіи народнаго просвѣщенія, къ развитію культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперативныхъ соединеній. Но, и помимо этого, съ развитіемъ экономическихъ отношеній и болѣе широкой постановкой всей общественной жизни создается тяга къ просвѣщенію, сознаніе необходимости и важности его вообще. И поэтому разъ населеніе само принимается сознательно организованными общественными силами устраивать свои дѣла, то культурно-просвѣтительныя задачи выдвигаются, такъ сказать, сами собою. Средства же для удовлетворенія этихъ стремленій даются тѣми сбереженіями

въ расходахъ, которыя приноситъ кооперація и, которыя раздѣленныя по рукамъ составятъ очень немного, а въ своей совокупности представляются достаточными, чтобы дать начало чему либо, отвѣчающему общимъ нуждамъ и стремленіямъ.

Значеніе кооперативныхъ соединеній въ экономическомъ и общественномъ отношеніи идетъ и далѣе. Поэтому, прежде чѣмъ закончить сказанное о кооперації, считаю необходимымъ коснуться еще одного обстоятельства весьма существеннаго въ дѣлѣ хозяйственнаго развитія вообще.

Врядъ-ли можно сомнѣваться, что прогрессъ какъ въ области экономической, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, въ своемъ первоначальномъ возникновеніи обязанъ особой одаренности и предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ. Они выдвигали, вводили первоначально что-либо новое. А въ такомъ случаѣ, все, что способствуетъ проявленію предпріимчивости, какъ и всякое положительное проявленіе личности, ея внутреннихъ силъ, имѣетъ крупное значеніе въ дѣлѣ развитія хозяйственной жизни. И если это дало толчекъ къ движенію впередъ въ свое время, то нельзя отрицать, что и теперь духъ предпріимчивости, возможность проявлять ее и вообще просторъ для проявленія во внѣ своего я составляютъ одно изъ существенныхъ условій для движенія впередъ въ хозяйственномъ отношеніи, для развитія производительныхъ силъ, для введенія новыхъ усовершенствованій и пріемовъ и т. д. Но существуетъ мнѣніе, что для проявленія этой предпріимчивости необходима свобода частнаго почина: что хочу, то и дѣлаю. Таково положеніе, занимаемое крупными предпринимателями. При этомъ предполагается, что толчкомъ и стимуломъ къ проявленію предпріимчивости служитъ именно матеріальная выгода, желаніе побольше нажить, получить болѣе высокую прибыль. Дѣйствительность, однако, какъ будто опровергаетъ многое изъ того, что вложено въ это мнѣніе. Она сама приводитъ къ учрежденію акціонерныхъ компаній, которыя представляютъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи предпріятій, шагъ, устраняющій ту свободу частнаго почина, которая выражается словами: что хочу, то и дѣлаю. Но и дальнѣйшее развитіе въ формѣ синдикатскихъ соглашеній и трэстовъ тоже приводитъ къ рѣшенію дѣлъ сообща, что, однако, не мѣшаетъ выдвигаться болѣе предпріимчивымъ лицамъ и двигать своими силами общее дѣло. При этомъ, думается, можно сказать, что для королей трэстовъ, для милліардеровъ врядъ-ли стимуломъ ихъ предпріимчивости служитъ нажива. Получая 30 мил. рублей чистаго дохода, который при опредѣленной постановкѣ дѣла и соотвѣтствующей организаціи приходитъ какъ-бы автоматически, безъ всякихъ усилій, врядъ-ли можно вызывать въ себѣ проявленіе предпріимчивости стре-

мленіемъ къ наживѣ. Тутъ, надо думать, дѣйствуетъ просто желаніе успѣха дѣлу, въ которомъ лицо играетъ крупную роль въ силу своихъ личныхъ качествъ. Проявленіе ихъ и есть основа предпріимчивости. И для этого кооперація даетъ полный просторъ и поощреніе. Она открываетъ путь для проявленія духа предпріимчивости лицамъ, которыя безъ нея можетъ быть и не имѣли для того благопріятныхъ условій и соотвѣтствующей обстановки. И въ этомъ отношеніи кооперація, конечно, оставляетъ далеко позади себя общественныя предпріятія принудительнаго характера, принимающія и не могущія не принимать болѣе или менѣе бюрократическій характеръ. Вотъ и еще основаніе, въ силу котораго, при томъ значеніи, которое имѣетъ въ хозяйственной жизни личный починъ, и при той почвѣ, которую для проявленія его даетъ кооперація, она имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы развиваться въ жизни дальше и вести впередъ развитіе и преобразованіе существующаго экономическаго строя въ интересахъ массы населенія.

Въ заключеніе же всего сказаннаго о кооперації отмѣчу еще одно. Какъ экономическое, такъ и политическое преобразованіе страны и условій существованія соотвѣтственно стремленіямъ и задачамъ всего населенія требуютъ, конечно, такихъ дѣятелей, которые имѣютъ не отвлеченное только и полученное лишь изъ книгъ представленіе объ условіяхъ существованія населенія, о силахъ и средствахъ, которыми движется и направляется жизнь и которыя ведутъ къ развитію хозяйственныхъ отношеній въ извѣстномъ направленіи. Для этого нужны люди, которые, помимо опредѣленнаго идейнаго содержанія, обладаютъ еще и практическимъ опытомъ и знаніемъ условій жизни, вынесеннымъ изъ знакомства съ ней на основѣ практической работы въ хозяйственномъ общественномъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность въ кооперативныхъ соединеніяхъ даетъ то, чего не можетъ дать никакая другая сфера общественной дѣятельности. И это настолько подмѣчено уже, что въ Германіи, напр., въ практикѣ мѣстныхъ выборовъ установилось почти какъ правило: надѣлять общественнымъ довѣріемъ тѣхъ лицъ, которыя зарекомендовали себя въ области кооперативной дѣятельности.

Такимъ образомъ, у насъ, гдѣ имѣется большой недостатокъ въ лицахъ практически подготовленныхъ къ широкой, планомѣрной и устойчивой общественной дѣятельности, кооперативныя соединенія должны цѣниться особенно еще и съ той стороны, что они являются школой, вырабатывающей общественныхъ дѣятелей, съ той практической подготовкой, безъ которой немыслимо цѣлесообразное и плодотворное участіе въ дѣлѣ любого общественнаго строительства.

XIII. Пути и средства сообщенія.

Обмѣнъ предметовъ потребленія, начавшійся между сосѣдними племенами, постепенно шелъ далѣе, и по мѣрѣ того, какъ онъ развивался въ пространствѣ среди отдѣльныхъ племенъ или внутри одного племени, получали значеніе пути и средства сообщенія. Какъ и все въ исторіи человѣчества и въ частности экономической—они тоже были естественны. Шли или и ѣхали такъ, какъ это и до сихъ поръ происходитъ у насъ, по проселочнымъ дорогамъ: тамъ, гдѣ удобнѣе; испортилось, наѣздили глубокія колеи, ямы—ѣдутъ въ объѣздъ. Но очевидны всѣ неудобства такого пути, такой перевозки товаровъ, неизвѣстно даже какую тяжесть положить на возъ, ибо и малая сравнительно тяжесть можетъ заставить возъ застрять въ ямѣ. И вотъ надо выбирать время года для перевозки товаровъ. Если взять труды русскихъ историковъ Забѣлина или Ключевскаго, то многое въ русской исторіи объясняется именно тѣмъ, когда и гдѣ какіе пути были возможны и куда вели они; этимъ же объясняется и то значеніе, которое получила Москва или Нижній напр. какъ торговые пункты. Многое и въ исторіи другихъ странъ и народовъ: Финикіянъ, Италіи, въ промышленномъ развитіи Англіи, въ тѣхъ экономическихъ перемѣнахъ, которыя несетъ съ собой новое время въ частности въ земледѣліи, объясняется состояніемъ и и развитіемъ путей сообщенія и средствъ перевозки. Но пока существовали естественные пути, пользоваться ими можно было только въ опредѣленное время года и это опредѣляло и время торга (ярмарки) и перевозки товаровъ.

Но очевидно, что необходимость обмѣна была весьма настоятельна, если онъ велся при тѣхъ путяхъ сообщенія и опасностяхъ, съ которыми былъ сопряжена въ то время перевозка товаровъ. Но разъ дороги были однимъ изъ основныхъ условій для перемѣщенія товаровъ, то, конечно, являлась потребность въ улучшеніи ихъ. Извѣстно, что еще Римляне строили дороги—правда для военныхъ цѣлей, но безъ этого нельзя было связать, объединить отдаленныя провинціи. На это же, но уже для торговли во Франціи, обращалъ большое вниманіе Кольберъ. Устраивались мостовыя, гати, и, наконецъ, стали проводиться шоссе. Но

всего этого было недостаточно для безпрепятственнаго развитія обмѣна,— пока не появились усовершенствованныя пути сообщенія въ видѣ желѣзныхъ дорогъ. Казалось бы объ этомъ нечего много распространяться, но важно уяснить себѣ значеніе путей сообщенія, чтобы ясно представить условія развитія экономическихъ отношеній и все значеніе различныхъ условій обмѣна. Въ особенности это важно теперь, когда въ силу событій, связанныхъ съ войной международной и гражданской, и вслѣдствіе перерыва и нарушеній въ правильномъ функціонированіи путей сообщенія у насъ, мы переживаемъ не просто продовольственныя затрудненія, а прямо таки голодъ и голодные бунты, несмотря на то, что хлѣбъ въ странѣ есть въ количествѣ достаточномъ для правильнаго питанія населенія. А кромѣ того и во всякое другое время значеніе сохопутныхъ путей сообщенія у насъ громадно, въ силу рѣдкости населенія, обширности пространства, непроѣздности обычныхъ дорогъ въ осеннее и весеннее время и замерзанія на 5—6 мѣсяцевъ нашихъ водныхъ путей.

Насколько большое значеніе могутъ имѣть даже такія небольшія усовершенствованія путей сообщенія, какъ проведеніе шоссе, можно видѣть изъ того, что помимо возможности везти по нимъ товары круглый годъ, что не всегда возможно по проселочнымъ дорогамъ, при пользованіи шоссейнымъ путемъ, обыкновенная крестьянская лошадь можетъ везти до 50 пуд., тогда какъ проселкомъ нельзя накладывать болѣе 30 пуд. Такъ это выяснилось при спеціальномъ изслѣдованіи земскими статистиками провозо-способности тѣхъ и другихъ дорогъ. А отсюда слѣдуетъ, что даже съ проведеніемъ шоссе должно происходить убавленіе накладныхъ расходовъ—удешевленіе перевозки и ускореніе обращенія товаровъ.

Но все это выражается много рельефнѣе при проведеніи желѣзныхъ дорогъ, что создаетъ рѣзкій переворотъ во многихъ отношеніяхъ.

Хозяйственное вліяніе развитія средствъ сообщенія выражается въ томъ, что они составляютъ основу и двигатель крупнаго производства и международныхъ сношеній.

Какъ въ войнѣ приходимъ къ технически-хозяйственной организаціи, гдѣ личная храбрость отступаетъ на 2-й планъ, точно также на такой организаціи основана теперь способность страны къ конкуренціи въ хозяйственной области. Тутъ уже многое зависитъ не столько и не только отъ личной предпріимчивости отдѣльныхъ предпринимателей. Когда обмѣнъ сталъ основнымъ условіемъ существованія и удовлетворенія потребностей въ матеріальныхъ предметахъ, то должны были выработаться уже объективныя условія для развитія и правильнаго хода обмѣна и среди этихъ объективныхъ условій важную роль играютъ пути сообщенія.

Дѣло въ томъ, что условія перевозки ставятъ предѣлы развитію обмѣна. Предѣлъ этотъ полагается разстояніемъ, а оно находится болѣе или менѣе въ зависимости отъ стоимости и быстроты перевоза. Районъ сбыта находится въ прямомъ соотношеніи съ разстояніемъ, на которое можетъ быть перемѣщенъ товаръ въ теченіи того времени, пока сохранитъ свою пригодность. Разстояніе же это можетъ быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ быстрѣе перевозка. Это же относится и къ стоимости.

Хлѣбъ, отправляемый Венгріею въ настоящее время въ южную Германію, Францію, Голландію и Бельгію, до проведенія желѣзныхъ дорогъ не могъ итти далѣе австрійскихъ границъ, ибо на этомъ разстояніи провозная плата, поглощала разницу въ цѣнахъ между мѣстомъ сбыта и потребленіемъ („за моремъ телушка полушка, да рубль перевозъ"). При прежнихъ условіяхъ перевозки каменнаго угля во Франціи издержки перевозки поглотили бы всю цѣну угля на разстояніи 125 км., а теперь во Франціи подвозъ угля возможенъ на 1367 клм., т.-е. на разстояніи въ 11 разъ большемъ.

Это расширеніе сбыта сдѣлало возможнымъ перевозку того, что раньше не могло перевозиться на сколько нибудь значительное разстояніе. Во Франціи изъ Парижа въ одномъ году только тремя компаніями было перевезено 646.000 тоннъ (38.760.000 пуд.) земледѣльческихъ удобреній, превратившихъ въ цвѣтущія поля песчаныя долины около Орлеана и болота Шампани. Даже камень сдѣлался предметомъ перевозки на далекое разстояніе. Изъ Аргентины привозится консервированное мясо—въ западную Европу.

Но говоря о средствахъ сообщенія, надо имѣть въ виду, что они составляютъ одинъ изъ видовъ общаго обращенія и обмѣна въ связи съ другими видами обращенія, какъ денежное обращеніе, кредитъ, и въ связи съ уплотненіемъ населенія. Во всемъ этомъ существуетъ взаимная обусловленность. Пути сообщенія развиваютъ плотность населенія, а плотность даетъ возможность и вызываетъ необходимость путей сообщенія. Каждый успѣхъ въ средствахъ перевозки въ свою очередь создаетъ новыя мѣста сбыта за предѣлы прежнихъ его границъ и увеличивая провозоспособность товаровъ, способствуетъ развитію промышленности. Послѣдняя, въ свою очередь, работая для перевозки, поощряетъ развитіе путей сообщенія. Въ силу новаго техническаго успѣха въ сообщеніяхъ—развивается потребленіе, появляются новыя потребности и новыя цѣли.

Слѣдствіемъ всего этого является уравниваніе (нивеллированіе) различій прежде всего въ запасахъ и потребностяхъ, потомъ въ цѣнѣ, далѣе въ условіяхъ производства, въ сильномъ подъемѣ успѣха его, при томъ какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Порождается

массовый спросъ и тѣмъ дается основное условіе для развитія крупной промышленности, крупнаго производства. Но дается и вообще толчокъ развитію производства, когда, какъ въ С. А. С. Ш., проводится дорога по пустынной мѣстности, а затѣмъ по обѣимъ сторонамъ пути создаются поселенія и появляется обработка земли и вообще не существовавшая до того разработка природныхъ даровъ.

Всего болѣе отразились желѣзныя дороги на производствѣ въ горнозаводской промышленности. Получилось увеличеніе и сильный ростъ крупныхъ городовъ. Извѣстно, какъ сравнительно недавно у насъ бывшая степная полоса съ переложной системой земледѣлія и овцеводствомъ — Екатеринославская губернія — сильно развилась въ промышленномъ отношеніи. А между тѣмъ, еще при Потемкинѣ были произведены развѣдки, открывшія донецкій каменный уголь и криворожскую желѣзную дорогу. Но всѣ попытки использовать эти богатства привели къ полнымъ неудачамъ, вслѣдствіе бездорожья этого края. Съ 1870 г. желѣзныя дороги прикоснулись къ этому краю; это открыло сбытъ и вызвало къ жизни горное дѣло въ Донецкомъ бассейнѣ, которое здѣсь стало развиваться съ американской быстротой: быстро возникла Юзовка, Никитское ртутное мѣсторожденіе, возобновилась въ Бахмутскомъ районѣ добыча соли и т. д. Менѣе развилась западная часть полосы, пока не прошла въ 80-хъ годахъ Екатерининская желѣзная дорога, въ результатѣ чего явилось развитіе Криворожской металлургической промышленности и Екатеринославъ сталъ торгово-промышленнымъ центромъ. Это, въ свою очередь, вызвало постройку вспомогательныхъ вѣтвей и за послѣднюю треть XIX в. край изъ чисто-земледѣльческаго превратился въ оживленный горно-промышленный, при чемъ и земледѣліе продолжаетъ играть видную роль.

Могучее воздѣйствіе на развитіе промышленности въ Московской полосѣ имѣло развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходства по Волгѣ и Окѣ. Москва имѣетъ 10 магистралей, что вызвало необычайный ростъ промышленности, какъ въ Москвѣ, такъ и во всей полосѣ.

„Можно сказать, каждая линія и каждая вѣтвь создавали новые и новые промышленные центры и поднимали дѣятельность прежнихъ; во многихъ районахъ послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ производство возрастало въ 10 и 20 разъ. Къ тому же вело въ прибрежныхъ мѣстностяхъ развитіе пароходства по Волгѣ и Окѣ".

Проведеніе Сибирской желѣзной дороги точно также имѣло очень разнообразныя и существенныя послѣдствія. Вывозъ сырья и ввозъ фабрично-заводскихъ произведеній возрасли чрезвычайно значительно. Такъ съ 1897 г. вывозъ мяса возросъ къ 1910 г. съ 514 п.

до 3047 т. пудовъ, вывозъ не выдѣланныхъ кожъ и шкуръ съ 94 т. п. въ 1897 г. возросъ до 299 т. пуд. къ 1905 г. и т. д. Ввозъ сахара возросъ съ 257 т. п. въ 1897 г. до 1.002 т. пуд. въ 1903 г., мануфактуры съ 210 т. пуд. къ тому же 1903 г. до 651 т. пуд., земледѣльч. орудій съ 51 т. пуд. до 1.061 т. пуд. и т. д. Усиленіе вывоза повліяло на увеличеніе покупательныхъ силъ населенія и повысило ввозъ. Въ мѣновой оборотъ были вовлечены товары, раньше не попадавшіе на рынокъ и имѣвшіе лишь мѣстное потребленіе. Характеръ торговли измѣнился, произошло почти полное исчезновеніе монопольнаго посредничества, сокращеніе оборотовъ крупныхъ ярмарокъ и увеличеніе числа мелкихъ, такъ какъ не исчезла главная причина ярмарокъ—громадность разстоянія между сибирскими населенными пунктами. По линіи дороги развился рядъ городовъ, „около многихъ желѣзно-дорожныхъ станцій, появились и разрослись цѣлыя обширныя поселенія, служащіе центромъ товарныхъ операцій для сосѣднихъ районовъ“, появился болѣе сильный приливъ переселенцевъ. Особенно великъ приростъ населенія городовъ, лежащихъ по желѣзнымъ дорогамъ Сибири. Въ Курганѣ напр., за періодъ времени въ 37 л. до проведенія желѣзной дороги, т.-е. съ 1860 до 1897 г. населеніе возросло на 200%, а съ проведеніемъ желѣзной дороги съ 1897 г. по 1910 г., т.-е. за 13 лѣтъ оно возросло на 235% слишкомъ; аналогичныя данныя имѣются относительно Томска напр., тогда какъ за тѣ же 13 л. съ 1897 г. по 1910 г. въ городахъ, не лежащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, какъ напр., Тобольскъ, оно возросло лишь на 6.3%, въ Енисейскѣ на 35,4% и т. д. (П. М. Головачевъ. Экономическая географія Сибири. М. 1914 г.).

Какъ развитіе путей сообщенія уравниваетъ цѣны можно видѣть изъ слѣдующаго.

Цѣны на пшеницу въ гульденахъ за гектолитръ:

Годы.	Англія.	Франція.	Австрія.
1821—30	10, 2	7,35	4,81
31—40	9,60	7,61	7,81
41—50	9,16	7,89	6,71
51—60	9,40	8,55	8,94
61—70	8,80	8,59	8,33

Какъ видимъ, для послѣдняго двадцатилѣтія цѣны на хлѣбъ въ приведенныхъ 3-хъ странахъ, бывшія ранѣе столь различными, почти уравнялись между собою.

До развитія же путей сообщенія, въ одной и той же мѣстности

въ урожайный и не урожайный годъ существовали такія цѣны на хлѣбъ:

Симбирская губ.	1 р. 28 к.	6 р. 14 к.
Воронежская „	1 „ 46 „	7 „ 31 „
Екатеринославская губ. . .	1 „ 74½ к.	8 „ 74½ к.
Саратовская губ.	91½ „	6 „ 13 к.
Тульская „	1 „ 43 к.	14 „ 28 „
Ставропольская губ. . . .	1 „ 57 „	17 „ 28 „

Стоимость перевозки теперь для 4500 клм. такова, какъ 60 лѣтъ назадъ для 100 клм., а поэтому продукты можно перевозить на разстояніе въ 45 разъ большее, т. е. какъ будто бы страна—пространство между людьми—во столько же разъ сократилось. Удешевленіе перевозки, такимъ образомъ, имѣетъ для всего народнаго хозяйства слѣдствіемъ какъ-бы сдвиганіе земли, сокращеніе земной поверхности, сокращеніе пространства и времени и уничтоженіе привязанности производства къ опредѣленному мѣсту.

На сколько велико при желѣзныхъ дорогахъ сбереженіе расходовъ по перевозкѣ, можно судить, между прочимъ, по слѣдующему. Еще до 1864 г., разчитывалъ одинъ ученый Франціи, что наименьшее сбереженіе на перевозкѣ пассажировъ и грузовъ составляетъ для Франціи 500 мил. франковъ ежегодно, т. е. проценты съ капитала въ 11½ милліардовъ франковъ, тогда какъ капиталъ въ тогдашнихъ желѣзныхъ дорогахъ составлялъ всего около 4 милліардовъ франковъ.

Говорятъ, что желѣзныя дороги увеличили число несчастныхъ случаевъ—и это невѣрно. На французскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ 1835—75 г. на 5 милліоновъ пассажировъ приходится 1 убитый, на 580000 пассажировъ 1 раненый, тогда какъ въ 1846—55 г. г. при дилижансахъ на 355000 пассажировъ приходился 1 убитый и на 29570 пассаж.—1 раненый.

Все сказанное о значеніи усовершенствованныхъ путей сообщенія можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ. Желѣзныя дороги способствуютъ:

1. Увеличенію распространенія обмѣна на болѣе дальнія мѣста и тѣмъ вызываютъ перевозку такихъ товаровъ, которые ранѣе того не выдерживали ея, слѣдовательно расширяется районъ сбыта, устраняются предѣлы, налагаемые на то разстояніемъ.

2. Увеличиваютъ быстроту и удешевляютъ стоимость перевозки товаровъ и сохраняютъ расходъ на передвиженіе товаровъ и ихъ доставку.

3. Способствуютъ массовой перевозкѣ и развитію крупной промышленности и регулярности въ сбытѣ. Но, кромѣ того—желѣзная

дорога сама по себѣ представляетъ крупнѣйшее, если не самое крупное, промышленное предпріятіе. На сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ къ 1900 г. работало свыше 400 тыс. служащихъ, т. е. болѣе чѣмъ въ какой либо другой отрасли промышленности, передвигалось 270 тыс. вагоновъ и 11500 паровозовъ. Отсюда видно, какъ это должно способствовать развитію заводской дѣятельности и именно крупной.

4. Желѣзныя дороги уравниваютъ различіе въ цѣнахъ въ способахъ и предметахъ удовлетворенія потребностей.

5. Устанавливаютъ регулярность въ доставкѣ товаровъ и удовлетвореніи потребностей.

6. Способствуютъ распредѣленію сельско-хозяйственнаго производства, сообразно природнымъ и другимъ условіямъ, опредѣляющимъ наибольшую выгодность его, а это также увеличиваетъ производительность труда и полноту удовлетворенія потребностей.

7. При нихъ меньше несчастій при передвиженіи.

8. Больше объединенія и сближенія народовъ, что имѣетъ и экономическое и общекультурное значеніе.

XIV. Торговля.

1.

Промышленность при современныхъ условіяхъ производства товара, т.-е. производства предметовъ потребленія для продажи требуетъ надлежащей организаціи сбыта, иначе говоря, правильной и широкой постановки торговли. Но правильная постановка послѣдней—требуетъ широкаго развитія ея, такъ какъ, только при этомъ условіи, торговля наилучше исполнитъ свое назначеніе. Многіе экономисты, однако, какъ я упоминалъ выше, не признавали за ней значенія, такъ какъ, она представляетъ собою лишь выдѣленіе того, что прежде не выдѣлялось и потому, какъ будто, въ ней нѣтъ надобности, какъ въ особомъ видѣ дѣятельности.—Но съ раздѣленіемъ занятій, конечно, и торговля должна была выдѣлиться. Указывалъ я и на общества потребителей, исполняющія—особыя торговыя функціи. Отрицательное же отношеніе къ торговлѣ, какъ особому виду занятій, обусловливается тѣмъ, какъ она первоначально возникала, о чемъ уже было сказано, тѣмъ, какъ она велась и ведется съ инородцами, тѣмъ, какъ проникновеніе ея заставляло мѣнять прежнія привычи, и—развитіе ея продолжаетъ и до настоящаго времени измѣнять положеніе, напр. класса ремесленниковъ и вообще, тѣхъ слоевъ населенія, которыя причисляются къ среднему классу.

Въ то же время, торговля вноситъ много новаго, между прочимъ, и новую культуру, что отмѣчалъ еще нѣмецкій поэтъ Шиллеръ. Затѣмъ, если сама торговля развивается съ развитіемъ промышленности, то въ зависимости отъ тѣхъ же условій, какъ и послѣдняя (плотность населенія, крупные города, средства сообщенія и т. п.); въ свою очередь и промышленность развивается съ развитіемъ торговли. Происходитъ это, во-первыхъ, потому, что послѣдняя знакомитъ населеніе съ новыми товарами, проводитъ въ среду потребителей то, чего еще не было тамъ—и тѣмъ вызываетъ новый спросъ, расширяетъ его, а слѣдовательно, даетъ основаніе и развитію промышленности даннаго рода; во-вторыхъ, это вызываніе новаго спроса, должно существовать потому, что иначе торговецъ потерпитъ убытокъ; вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, онъ беретъ на себя и рискъ по сбыту, избавляя отъ него предпринимателей организущихъ производство и тѣмъ, еще болѣе способствуетъ развитію послѣдняго. Это, въ свою очередь, ведетъ къ тому, что преобразуетъ отношенія двухъ классовъ. Сперва ремесленникъ—производитель, кустарь и т. д. опредѣляютъ что производить, и для нихъ производство составляетъ основное и главное занятіе, а продажа является второстепеннымъ дѣломъ, такъ какъ самъ потребитель приходитъ и покупаетъ. Но когда продажа переходитъ къ скупщику, то послѣдній (торговецъ)—уже указываетъ чего и сколько доставить, онъ учитываетъ рынокъ, потребности и спросъ, онъ замѣняетъ заказчика - потребителя и уже не торговля получается, какъ слѣдствіе производства, а обратно — производство создается, какъ слѣдствіе торговли.

Такъ происходитъ въ мелкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Въ крупныхъ—торговецъ долженъ брать то, что ему даетъ предприниматель, но и это потомъ мѣняется съ организаціей дальнѣйшаго и съ перемѣной въ условіяхъ торговли. Но объ этомъ, скажу ниже Теперь же остановлюсь еще на значеніи торговли вообще. Она способствуетъ уравненію цѣнъ, т.-е. поднимаетъ ихъ въ мѣстахъ производства и понижаетъ ихъ въ мѣстахъ сбыта, рынка. Въ то же время, это ведетъ къ установленію цѣнъ болѣе постоянныхъ и болѣе правильныхъ, къ устраненію личнаго произвола, субъективной оцѣнки; развивается торговля безъ запроса, т. е. съ опредѣленными цѣнами, въ особенности по отношенію къ товарамъ замѣнимымъ, т.-е. такимъ, гдѣ одна партія товара вполнѣ замѣняется другой партіей того же сорта и тожественна съ ней, напр. овесъ, опредѣленнаго сорта и т. п. Это даетъ возможность расширять рынокъ сбыта. Наконецъ, необходимо отмѣтить, что при обычныхъ условіяхъ развитіе торговли заинтересовываетъ въ мирныхъ сношеніяхъ съ другими странами.

На ряду, однако, съ этимъ, стремленіе къ развитію торговли вызываетъ, какъ это было указано уже не разъ, и войны, ради расширенія рынка. Но это уже зависитъ отъ тѣхъ еще навыковъ, ведущихъ начало отъ первобытныхъ условій, въ силу которыхъ, вопреки развитію культуры и тому объединенію, къ которому ведетъ и торговля по своему существу, отдѣльные люди и народы, все еще придаютъ главный вѣсъ не духовнымъ, а физическимъ силамъ. А между тѣмъ, какъ это не трудно видѣтъ изъ всего сказаннаго въ отдѣлѣ производства, перевѣсъ въ сбытѣ продуктовъ, долженъ даваться преуспѣваніемъ и совершенствованіемъ производства, т.-е., именно тѣмъ, что создается развитіемъ духовныхъ силъ. И, если бы не господство физической силы, не надежда на завоеванія другихъ

странъ для сбыта товаровъ, то, конечно, во-первыхъ, больше бы обращалось вниманія на условія развитія производительныхъ силъ и на увеличеніе емкости внутренняго рынка, т.-е. на повышеніе уровня потребностей массы населенія, а во-вторыхъ, правильнѣе бы распредѣлялось само производство. Теперь, можно сказать, гонятся за производствомъ всего у себя дома, именно для того, чтобы на случай войны, не остаться безъ чего-либо. Если же не будутъ опасаться возможности войны, то будутъ стремиться производить у себя то, чему болѣе отвѣчаютъ мѣстныя условія и благодаря чему, можно за эти предметы получать изъ другой страны то, что она производитъ соотвѣтственно своимъ особенностямъ. Это будетъ выгоднѣе для каждой страны. Въ каждой странѣ производство будетъ спеціализироваться на опредѣленныхъ предметахъ, къ чему постепенно идетъ экономическое развитіе, такъ какъ, это спеціализированіе по отдѣльнымъ мѣстностямъ представляетъ только дальнѣйшую ступень въ томъ развитіи, которое началось съ раздѣленіемъ занятій въ обществѣ и съ появленіемъ мѣновыхъ отношеній среди сосѣднихъ чуждыхъ другъ другу племенъ.

Указываютъ далѣе на то, что торговля, въ особенности мелкая посредническая, заставляетъ потребителей много переплачивать даже при покупкѣ на чистыя деньги, не говоря уже объ отпускѣ при записи на книжку и т. п. Но съ такими послѣдствіями частной торговли борятся въ настоящее время—и совершенно успѣшно—общества потребителей и ихъ союзы, т.-е. опять-таки и здѣсь объединеніе является средствомъ противъ того антиобщественнаго характера торговли, который несетъ на себѣ тоже слѣды условій, при которыхъ возникалъ обмѣнъ среди чуждыхъ другъ другу племенъ, враждебно настроенныхъ одно противъ другого, но вынужденныхъ придти къ соглашенію, объединенію, къ которому, однако, теперь люди идутъ уже сознательно, соединяясь въ союзы, ради своихъ интересовъ, но не съ хищническими цѣлями.

Условія возникновенія торговли, внося въ нее тенденціи, чуждыя общему направленію ея, сближающему народы и классы населенія, создаютъ и другія отрицательныя черты современной торговли. То уравниваніе или сближеніе цѣнъ на однородные товары въ разныхъ мѣстностяхъ, къ которому ведетъ она, встрѣчаетъ противодѣйствіе въ развивающейся въ средѣ ея спекуляціи и ведетъ даже къ уничтоженію товаровъ, чтобы поддержать цѣну на нихъ на болѣе высокомъ уровнѣ. Голландцы, напр., выбрасывали въ море или сжигали цѣлые корабли корицы и т. п. Точно также не всегда она несетъ за собой и культуру. Или, лучше сказать, на ряду съ послѣдней, съ ознакомленіемъ съ новыми предметами, навыками, и знаніями, въ среду племенъ,

не соприкасавшихся ранѣе съ другими и незнакомыми съ обманами при взаимномъ обмѣнѣ, она вноситъ пріемы обмѣриванія и обвѣшиванія. Но, надо сказать, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ ея среди культурныхъ народовъ подобные пріемы уже подрываютъ значеніе торговли, нарушаютъ правильность и выгодность обмѣна и заставляютъ отказываться отъ нихъ. Этотъ отказъ тѣмъ болѣе необходимъ, чѣмъ шире развивается торговля.

Развитіе же торговли очевидно отвѣчаетъ потребностямъ современаго хозяйственнаго уклада. Это видно изъ того, что, напр., по Германскимъ профессіональнымъ переписямъ съ 1882 г. по 1907 г. число лицъ, занимавшихся сельскимъ хозяйствомъ, уменьшилось на 8,03%, промысловое населеніе увеличилось за то же время на 64,32%, а число лицъ, занимающихся торговлей, возросло на 82,7%, т.-е. болѣе значительно, чѣмъ остальныя профессіи. И это произошло при общемъ увеличеніи населенія за тоже двадцатипятилѣтіе на 36.48%. Правда, въ другихъ странахъ число занятыхъ торговлей съ теченіемъ времени увеличивается не настолько, но все же и тутъ въ С.-Ш. С. А. въ общемъ числѣ населенія процентъ занятыхъ торговлей въ 1900 г. увеличился сравнительно съ 1890 г., тогда какъ процентъ занятыхъ въ индустріи остался тотъ же, а въ сельскомъ хозяйствѣ уменьшился. Что касается числа торговыхъ предпріятій (а не лицъ, занятыхъ торговлей), то оно въ Германіи съ 82 г. по 1907 возросло на 76,4%.

При этомъ надо имѣть въ виду, что многое, что ранѣе входило въ составъ торговой дѣятельности, съ теченіемъ времени выдѣлилось изъ нея, какъ страхованіе, перевозка, разныя агентуры и т. п. А это, въ свою очередь, въ связи съ развитіемъ путей сообщенія, средствъ сношеній (телефонъ, телеграфъ, печать, объявленія) и т. п. повело въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ устраненію торговца какъ посредника, т. е. должно было бы повести къ уменьшенію и фактическому и по рубрикамъ переписи, какъ числа лицъ, такъ и предпріятій, относимыхъ къ торговлѣ.

При развитіи страхованія, средствъ сообщенія, кредитныхъ учрежденій, биржи можно непосредственно имѣть представленіе о спросѣ, рынкѣ, мѣстахъ производства и непосредственно выписать и получить товаръ, что и повело во многихъ случаяхъ къ устраненію торговыхъ посредничествъ. Фабрики получаютъ сырой матеріалъ прямо изъ мѣста производства, а съ другой стороны, производители входятъ прямо въ сношенія съ покупателями, минуя посредствующихъ лицъ, и доставляютъ свои произведенія мелкимъ торговцамъ непосредственно. Тому же содѣйствуютъ большія торговыя соединенія, какъ потребительныя общества и союзы и крупные магазины. При раздробленіи же розничной торговли комиссіонеры необходимы, ибо

черезъ ихъ посредничество можно получить товаръ даже дешевле, нежели съ фабрики или прямо отъ производителя, такъ какъ комиссіонеръ сразу забираетъ крупную партію товара и потому получаетъ болѣе значительную скидку съ цѣны, нежели мелкій покупатель — розничный торговецъ.

Къ уменьшенію посреднической прибыли ведетъ такъ же устройство крупными фабриками непосредственно отъ себя магазиновъ со своими спеціальными товарами, что возможно только въ крупныхъ городахъ съ большимъ сбытомъ.

На-ряду съ этимъ, съ развитіемъ средствъ сообщенія, развивается и пересылка товаровъ, что тоже ведетъ къ непосредственному сбыту съ фабрикъ въ мелкія поселенія.

Все это ведетъ къ уменьшенію высокой абсолютной прибыли въ торговлѣ, что, въ свою очередь, вызываетъ необходимость болѣе широкаго оборота, для чего необходима широкая реклама, распродажа остатковъ и т. д.

2.

Остановлюсь нѣсколько на выясненіи роли универсальныхъ магазиновъ, учрежденіе которыхъ знаменуетъ собою опредѣленное измѣненіе въ торговыхъ отношеніяхъ. Мѣстонахожденіе универсальныхъ магазиновъ большею частью крупные города, съ большимъ скопленіемъ мѣстнаго и частью проѣзжаго населенія.

И тутъ, какъ бы совершается возвратъ къ прошлому. Изъ многихъ мѣстъ въ произведеніяхъ Н. В. Гоголя, да и по личнымъ впечатлѣніямъ многіе конечно знаютъ, что въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ довольно обычно соединеніе въ одной лавочкѣ — и матерій и керосина и всевозможныхъ товаровъ. Могу указать, что сравнительно недавно еще, въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ въ одномъ магазинѣ торговали и книгами и суконнымъ товаромъ. Чѣмъ же обусловливалось такое соединеніе разнообразныхъ товаровъ? Да тѣмъ, что покупателей на каждый товаръ было такъ мало, что они не окупятъ содержанія торговли.

Но по мѣрѣ того, какъ увеличивается торговля — происходитъ спеціализація ея. На этомъ, однако, измѣненіе не останавливается. Отъ спеціализаціи съ теченіемъ времени совершается снова переходъ къ соединенію въ одномъ магазинѣ разнообразныхъ товаровъ, но уже по другимъ основаніямъ. Покупаютъ сукно, нужна и подкладка, и пуговицы, нитки, иголки; заходятъ за иголками — нужны и разные другіе матеріалы — происходитъ соединеніе, а затѣмъ, разъ торговля представляетъ собою спеціальное дѣло, то ставятъ ее такъ, чтобы всѣ потребности покупателей удовлетворялись въ одномъ мѣстѣ. И

создаются универсальные магазины, въ которыхъ объединяются и расходы по содержанію отдѣльныхъ помѣщеній для отдѣльныхъ родовъ торговли. Но это не оптовая, а розничная торговля. Взамѣнъ гостиннаго двора или пассажа, гдѣ имѣются отдѣльные магазины съ спеціальными товарами, — при увеличеніи капиталистическихъ соединеній эти разнообразныя торговыя предпріятія соединяются въ одно, происходитъ нѣчто въ родѣ соединенія въ тресты въ производствахъ.

Но тутъ уже вмѣсто прежней патріархальности соединенной съ торговлей, требуется опредѣленная правильная организація, опредѣленныя основанія расцѣнокъ и потому опредѣленная цѣна на товары, продажа безъ запроса.

Съ одной стороны не выгодно торговаться, терять на это время. Но кромѣ того, нуженъ правильный опредѣленный разсчетъ, чтобы въ такомъ сложномъ и крупномъ дѣлѣ не ошибиться и покрыть правильно расходы, а это невозможно безъ установленія опредѣленныхъ расцѣнокъ на каждый товаръ. При такихъ условіяхъ обмѣнъ, покупка, продажа могутъ происходить совершенно молча. Возможность этого создается только тогда, когда хозяйственныя отношенія людей настолько стали прочны, настолько опредѣленны и постоянны, настолько окристаллизовались, что не требуютъ никакихъ переговоровъ. Они разумѣются сами собой, стали дѣйствительно закономъ и какъ бы символизируются въ передачѣ денегъ и вещей. Тутъ вполнѣ возможна аналогія съ законами юридическими, а также съ установленіемъ опредѣленнаго процента въ банкахъ, вмѣсто проявленія ростовщичества и т. п. Все это очень важно.

Торговля въ такихъ магазинахъ ведется обыкновенно на наличныя деньги, покупателей заманиваютъ не кредитомъ, а выборомъ и новизною товаровъ; большой же оборотъ даетъ возможность довольствоваться меньшимъ процентомъ прибыли. Къ тому же ведетъ и меньшее количество накладныхъ расходовъ. Въ то же время возможна доставка товара на домъ, что опять-таки представляетъ для покупателей большое удобство. Вмѣстѣ съ тѣмъ продажа товаровъ въ большомъ количествѣ позволяетъ соединиться прямо безъ посредниковъ съ непосредственными производителями товаровъ, что ведетъ къ болѣе дешевому пріобрѣтенію ихъ.

Такъ какъ универсальные магазины имѣютъ дѣло съ массою публики, то малѣйшее измѣненіе ея вкусовъ и требованій, сейчасъ замѣчается ими и этимъ путемъ учрежденіе ихъ вліяетъ и на болѣе правильное направленіе производства. Это составляетъ одно изъ условій, которыя вліяютъ на приспособленіе производства къ потребленію, что достигается этимъ путемъ скорѣе и лучше, чѣмъ то могутъ сдѣлать трэсты предпринимателей.

Вся организація большихъ магазиновъ ведетъ къ измѣненію въ самой внѣшней постановкѣ торговли. Такъ помѣстить товаръ, чтобы онъ бросался въ глаза, привлекалъ публику, реклама, распродажа, опредѣленная упаковка, свободный обмѣнъ негодной вещи. Возможность продавать дешевле заставляетъ то же дѣлать и мелкихъ торговцевъ. А это для универсальныхъ магазиновъ обусловливается въ значительной мѣрѣ малыми накладными расходами. Въ германской торговлѣ разсчитываютъ, что при покупкѣ черезъ посредника, мелкій торговецъ необходимо переплатитъ 20%. Если, такимъ образомъ, товаръ отъ производителя стоилъ 1 руб., то мелкій торговецъ получаетъ его за 1 р. 20 к. и самъ набавляетъ 20% издержекъ и 20% прибыли—итого продаетъ его за 1 р. 68 к., съ округленіемъ 1 р. 70 к. Крупные торговцы покупаютъ за ту же цѣну (т.-е. за 1 р.), или дешевле, у крупныхъ посредниковъ и если приложить тоже 20% и 20%, то это составитъ лишь 1 р. 40 к., а довольствуются и могутъ довольствоваться и меньшимъ процентомъ и выходитъ, что у нихъ товаръ продается на 40% дешевле противъ мелкаго торговца.

Кромѣ того, по разсчету относящемуся къ Парижу, для крупныхъ магазиновъ наемная цѣна помѣщенія составляетъ $^1/_{150}$ стоимости оборота товара, а для мелкихъ $^1/_{25}$, т.-е. въ 6 разъ дороже. Для одного нѣмецкаго магазина, оборотъ котораго 50 милл. марокъ, стоимость земли подъ нимъ на 1,8 милл. марокъ дешевле, чѣмъ для 1000 мелкихъ магазиновъ, уничтоженныхъ этимъ крупнымъ. По другому разсчету—квадр. метръ пространства подъ большимъ магазиномъ на 1000% дешевле, чѣмъ въ среднемъ магазинѣ на той же улицѣ.

Въ Англіи, такого рода крупные магазины устраиваются болѣе на товарищескихъ началахъ, какъ потребительныя общества. Послѣднія имѣютъ тамъ свои фабрики: башмачныя, изготовленія одежды, паровыя мельницы и даже свой банкъ. Такой магазинъ въ Нью-Іоркѣ имѣетъ также рядъ спеціальныхъ фабрикъ, изъ коихъ нѣкоторыя находятся въ Богеміи, Франціи и Англіи.

Сказанное здѣсь о крупныхъ магазинахъ и вообще о развитіи торговли въ направленіи сокращенія посредничества можетъ представиться противорѣчащимъ тому, что сказано выше объ увеличеніи числа торговцевъ и вообще наблюдаемому увеличенію въ числѣ мелкихъ торговыхъ предпріятій. Но дѣло въ томъ, что то и другое явленіе вытекаютъ изъ одного корня. То и другое являются послѣдствіемъ развитія товарообмѣна. По мѣрѣ того, какъ онъ распространяется на большее количество предметовъ и все въ большемъ и большемъ количествѣ хозяйствъ, должно происходить приближеніе торговыхъ мѣстъ къ потребителю. Но въ крупныхъ центрахъ, гдѣ масса потребителей, большой спросъ, тамъ совершается уже преоб-

разованіе торговли, подобно тому, какъ въ свое время отъ ремесла—мелкаго производства на окрестнаго потребителя—при расширеніи рынка совершился переходъ къ крупному производству. А тутъ происходитъ преобразованіе торговли, превращеніе ея такъ же въ крупныя предпріятія. На ряду съ этимъ, однако, въ настоящее время, какъ уже было сказано, совершается и процессъ объединенія потребителей и развитіе посредническихъ операцій кредитныхъ товариществъ, который, надо думать, до нѣкоторой степени еще умаляетъ то увеличеніе числа мелкихъ торговыхъ предпріятій, которое вызывается развитіемъ товарообмѣна. Но, конечно, организаціи потребителей въ формѣ потребительныхъ обществъ не настолько еще развились и расширились, чтобы быть въ силѣ задержать увеличеніе мелкихъ торговцевъ и мелкаго посредничества, такъ удорожающихъ цѣны продуктовъ и усиливающихъ дороговизну.

Но все же и въ дѣлѣ торговли развитіе экономическихъ отношеній приводитъ все болѣе и болѣе къ тому, что на мѣсто стихійнаго процесса, все болѣе и болѣе выдвигается начало организующее дѣло, придающее ему болѣе широкій общественный характеръ, подобно тому, какъ и въ производствѣ путемъ организаціи трэстовъ развитіе движется въ этомъ же направленіи. Но тамъ и тутъ — это общественное значеніе производства и торговли, такъ сказать, закрывается частнымъ починомъ и частными индивидуалистическими цѣлями предпріятій. Общественное начало, существованіе котораго обусловливается характеромъ человѣческихъ отношеній, создающихся при обмѣнѣ, находится здѣсь въ подчиненіи у частнаго интереса. И только кооперативныя организаціи, какъ потребительскія торговыя предпріятія, сознательно выдвигаютъ впередъ организацію на мѣсто стихійнаго развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ основу веденія дѣла здѣсь ставится въ чистомъ видѣ общественное начало, которое, однако, можетъ получить свое полное значеніе лишь съ распространеніемъ кооперативныхъ организацій на все населеніе и на всѣ хозяйственныя нужды населенія.

3.

Съ самаго начала курса я уже указывалъ на то, что современное хозяйство представляетъ собою всемірное хозяйство. Но оно становится такимъ вслѣдствіе такого развитія торговли, которое охватываетъ, можно сказать, всѣ страны и связываетъ ихъ въ одно цѣлое. Но такъ какъ каждая страна представляетъ собою все же самостоятельное цѣлое съ своими природными и общественными особенностями, съ своимъ бытовымъ укладомъ, съ своими обычаями, нравами, привычками, съ своимъ государственнымъ устройствомъ и управленіемъ, то и

въ торговлѣ между отдѣльными странами, въ международной торговлѣ существуютъ свои особыя условія. Эти особыя условія съ одной стороны, еще болѣе ярко, нежели во внутренней торговлѣ, отражаютъ на себѣ черты происхожденія обмѣна изъ междуплеменныхъ враждебныхъ столкновеній; съ другой стороны—болѣе далекимъ и глубокимъ образомъ выработываютъ то единеніе людей и то образованіе изъ разносоставныхъ группъ одного хозяйственнаго цѣлаго, къ которому вело замиреніе междуплеменной вражды, приводившее къ обмѣну тѣми вещами, которые были у одного племени и отсутствовали у другого.

Первая изъ отмѣченныхъ тенденцій, на которой долго останавливаться не буду, ведетъ, какъ это уже и отмѣчалось къ стремленію завоевать рынки, вполнѣ подчинить другой народъ своему экономическому и политическому вліянію, образовать изъ него колонію, т. е. такую, отличающуюся по природнымъ и другимъ условіямъ страну, которая была бы вообще въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ своему владыкѣ—метрополіи. Для укрѣпленія этой тенденціи создается и такое ученіе, согласно которому именно на случай войны необходимо, чтобы страна имѣла внутри себя все необходимое, т. е. на ряду съ стремленіемъ расширить международный обмѣнъ въ полномъ противорѣчіи съ этимъ стремленіемъ выдвигается представленіе о необходимости поставить дѣло такъ, чтобы сдѣлать международную торговлю излишней. Это, въ свою очередь, ведетъ къ удорожанію товаровъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей. Борьба съ иноземнымъ вліяніемъ и стремленіе производить у себя все ведетъ къ запрету или затрудненію ввоза такихъ товаровъ, которые стремятся производить у себя внутри. Установляется пошлина на ввозимые товары по такому разсчету, чтобы товаръ не могъ продаваться дешевле того, во что обходится онъ внутри страны. Но это и служитъ свидѣтельствомъ, что условія внутри страны менѣе благопріятны для производства этого товара, и что установленіемъ на него пошлины затрудняется пользованіе имъ со стороны многихъ, ухудшается экономическое положеніе населенія или задерживается улучшеніе его. Между тѣмъ, каждая страна имѣетъ свои особенности, въ силу которыхъ она не можетъ не имѣть преимущества въ производствѣ тѣхъ товаровъ, производству которыхъ эти особенности наиболѣе благопріятствуютъ, если только она по своему культурному уровню, по распространенію въ ней знаній и промышленныхъ навыковъ, не ниже другой страны.

Вотъ въ этомъ послѣднемъ условіи вся сила и все значеніе. При наличности его является возможность производить у себя съ большимъ успѣхомъ такой товаръ, для производства котораго условія другихъ странъ не такъ благопріятны и вывозить его въ другія страны для полу-

ченія оттуда въ обмѣнъ того, что внутри страны дороже или чего нельзя получить въ ней. Это первая выгода вывоза, толкающая на болѣе производительное расходованіе трудовыхъ силъ, на повышеніе производительности и въ тоже время ведущая къ болѣе полному удовлетворенію потребностей тѣми предметами, которыхъ нѣтъ и нельзя было бы получить, не имѣя у себя избытка другихъ. Получается въ тоже время, вслѣдствіе вывоза, болѣе полное использованіе своихъ природныхъ условій. Если имѣть это въ виду, то ясно становится какъ международная торговля своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ можетъ повести къ такой неразрывной связи отдѣльныхъ народовъ, которая выдвинетъ ярко на первое мѣсто всю убыточность войны и необходимость совершенно отказаться отъ этого пріема урегулированія (?) междусосѣдскихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, если въ каждой странѣ изученіе ея природныхъ условій и пріемовъ использованія ихъ приведетъ къ сосредоточенію трудовыхъ силъ на томъ, что даетъ наибольшій результатъ, наиболѣе производительное примѣненіе ихъ, то тогда производство распредѣлится по всѣмъ странамъ соотвѣтственно ихъ, такъ сказать, органическимъ условіямъ. И тогда во многихъ странахъ, если не уничтожится совсѣмъ, то весьма значительно сократится производство того, что теперь по необходимости надо производить. Что развитіе хозяйственныхъ отношеній ведетъ къ тому, это можно видѣть изъ тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ географическомъ распредѣленіи производствъ внутри страны. Наблюденіе надъ явленіями хозяйственной жизни внутри Россіи за послѣднія, скажемъ 30—40 лѣтъ показываютъ, что въ условіяхъ напр. крестьянскаго хозяйства измѣнилось очень многое соотвѣтственно цѣлому ряду измѣненій во многомъ другомъ и измѣнилось именно такъ, что разныя земледѣльческія культуры стали спеціализироваться. Цѣлыя мѣстности, гдѣ ранѣе по необходимости сѣяли и рожь, и ленъ, и гречиху, несмотря на неудовлетворительный урожай напр. двухъ послѣднихъ произрастаній, перестали ихъ сѣять, какъ только развитіе путей сообщенія съ одной стороны, вызвало привозъ гречневой крупы изъ мѣстъ, гдѣ урожаи ея выше, и какъ въ то же время развитіе хлопчато-бумажной фабрикаціи уничтожило необходимость сѣять ленъ для приготовленія холста для собственнаго потребленія. Но въ то же время это дало толчекъ болѣе широкому развитію льноводства тамъ, гдѣ условія для того благопріятны и вызвало обводненіе безплодныхъ песчаныхъ пустынь нашихъ юговосточныхъ областей для разведенія хлопка. Развитіе торговли вообще, охватывающее и международную торговлю, дающее возможность распредѣляться производству товаровъ по мѣстностямъ, наиболѣе благопріятствующимъ тому или иному виду ихъ соотвѣтственно природнымъ

условіямъ и условіямъ провоза товаровъ, и должно повести къ опредѣленной спеціализаціи производства ихъ по разнымъ частямъ каждой изъ странъ и къ установленію тѣмъ тѣсной, неразрывной связи между ними, опирающейся на обоюдныя хозяйственныя выгоды.

XV. Цѣнность и цѣна.

Въ предшествующемъ выяснено, какъ при помощи денегъ, кредита, организаціи торговли и путей сообщенія происходитъ обращеніе товаровъ, переходъ ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, отъ производителей къ потребителямъ, обмѣнъ однихъ товаровъ на другіе. Но если это обмѣнъ, какъ оно и есть въ дѣйствительности, то должно же быть какое либо мѣрило, которымъ опредѣлялось бы то отношеніе, въ какомъ обмѣнивается одинъ товаръ на другой, сколько за опредѣленное количество опредѣленнаго товара дать другого опредѣленнаго товара. Для этого необходимо знать, какова цѣнность каждаго изъ этихъ товаровъ, имѣть представленіе объ ихъ мѣновой цѣнности и чѣмъ она опредѣляется. Но изъ предыдущаго, изъ того, что сказано о вліяніи на обмѣнъ развитія торговли, путей сообщенія, о функціи денегъ, о значеніи кредита ясно должно быть, что мѣновая цѣнность товаровъ можетъ измѣняться въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ условій и опредѣляется весьма разнообразными обстоятельствами.

Но въ основѣ мѣновой цѣнности, т. е. той пропорціи, въ какой обмѣниваются вещи одна на другую, должно лежать общее представленіе о цѣнности, уясненіе того, что мы цѣнимъ въ вещахъ вообще и почему. А въ такомъ случаѣ ученіе о цѣнности должно являться основнымъ во всей политической экономіи и, безъ опредѣленнаго представленія объ основахъ цѣнности, намъ не можетъ быть вполнѣ ясно многое изъ разсмотрѣннаго уже раньше, а такъ же и то, съ чѣмъ придется имѣть дѣло въ ученіи о распредѣленіи доходовъ. При этомъ, казалось бы, въ курсѣ слѣдовало остановиться на понятіи цѣнности много раньше, можетъ быть, даже въ началѣ его, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые ученые. Но я считалъ необходимымъ подойти къ выясненію этого ученья только послѣ того, какъ будетъ выясненъ цѣлый рядъ условій, опредѣляющихъ взаимоотношенія людей при производствѣ и обмѣнѣ, отражающихся, соотвѣтственно своему складу, и на распредѣленіи дохода.

Дѣло въ томъ, что въ цѣнности выражается вся совокупность

отношеній, существующихъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ, а потому, для лучшаго выясненія ея и надо предварительное ознакомленіе съ тѣмъ, какъ складываются эти отношенія и каковы они. Кромѣ того, ученіе о ней является наиболѣе спорнымъ изъ всѣхъ вопросовъ политической экономіи, что въ то же время, не мѣшаетъ экономистамъ, различно смотрящимъ на основы цѣнности, объяснять многое въ явленіяхъ экономической жизни совершенно одинаково.

Тѣмъ не менѣе, понятіе цѣнности является основнымъ во всемъ ученіи политической экономіи. Основное значеніе его вытекаетъ уже изъ того, что люди обладаютъ разнообразными потребностями, при чемъ количество предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія ихъ, можетъ разнообразиться и увеличиваться почти безпредѣльно. Количество же трудовыхъ силъ, какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества довольно ограниченно. Между тѣмъ, трудовыя силы должны быть распредѣлены такъ, что бы не пришлось оставить безъ удовлетворенія наиболѣе настоятельныя, неотложныя потребности. А это и будетъ зависить отъ того, какіе предметы мы считаемъ болѣе необходимыми для удовлетворенія потребностей и при томъ какихъ именно. Соотвѣтственно съ этимъ, если мы не можемъ по условіямъ производства или полученія предметовъ получить ихъ всѣ, то мы распредѣлимъ трудъ такъ, что бы не оставить безъ удовлетворенія то, безъ чего обойтись не можемъ.

Отсюда вытекаетъ, что въ зависимости отъ того, что мы цѣнимъ, находится распредѣленіе трудовыхъ силъ по разнымъ родамъ производства и правильность удовлетворенія потребностей. Если бы все опредѣлялось только этимъ, то понятіе цѣнности не представляло бы собою ничего сложнаго и трудноуяснимаго. Выходило бы такъ, какъ оно и есть, что мы цѣнимъ предметы по степени ихъ полезности, ихъ способности удовлетворять наши потребности. И первымъ дѣломъ полагаемъ направить наши усилія на изготовленіе того, безъ чего обойтись нельзя. Въ основѣ цѣнности лежала бы полезность предметовъ. Но этого одного недостаточно, такъ какъ каждый предметъ имѣетъ свое значеніе въ свое время, въ своемъ мѣстѣ при опредѣленныхъ условіяхъ. Когда голоденъ человѣкъ, цѣнитъ выше всего пищу, а когда сытъ — другое, когда холодно — одежду, а когда одѣтъ — другое и т. д. Да и какъ сказать; что важнѣе зимой у насъ, одежда или пища? безъ первой — замерзнешь, безъ второй — умрешь съ голоду. Съ другой стороны цѣнимъ ли мы — говоримъ ли мы — это стоитъ того или другого, дешево или дорого о тѣхъ полезностяхъ, которыя даются намъ сами собой — безъ усилій, какъ воздухъ, вода въ рѣкѣ, т. е. должны ли мы и готовы ли мы отдать кому-либо и что-либо за тотъ воздухъ, который окружаетъ

насъ, безъ котораго мы жить не можемъ, но котораго насъ и лишить нельзя? Если и можно говорить, что мы цѣнимъ его, то никакъ не въ экономическомъ смыслѣ, а чисто отвлеченно.

И такъ, если изъ предметовъ, которыми мы можемъ свободно пользоваться, мы не дорожимъ тѣми, которые свободно получаемъ, то значитъ мы цѣнимъ предметы по другому общему, что заключается въ нихъ: цѣнимъ тѣ усилія, тотъ трудъ, который вложенъ въ нихъ, который надо затратить на изготовленіе ихъ.

И такъ, если разсматривать цѣнность чисто отвлеченно, безъ отношенія къ условіямъ пріобрѣтенія предметовъ, то можно сказать, что мы цѣнимъ все то, что удовлетворяетъ нашимъ потребностямъ, что намъ полезно или пріятно, независимо отъ того, стоитъ ли пріобрѣтеніе этого какихъ либо усилій или получается безъ нихъ. Но о такихъ предметахъ въ политической экономіи, мы и не трактуемъ. Мы имѣемъ дѣло съ тѣми предметами, для полученія которыхъ должны затратить трудъ, а затрата труда вводитъ насъ уже въ отношенія съ другими людьми. Поэтому, для насъ важно прежде всего уяснить, чѣмъ опредѣляется цѣнность предметовъ наиболѣе общихъ, наиболѣе распространенныхъ, въ которыхъ, такъ сказать, наиболѣе свободно можетъ проявляться то, чѣмъ опредѣляется цѣнность, а это значитъ такіе предметы, число которыхъ можетъ быть свободно увеличено, соотвѣтственно существующей потребности въ нихъ, слѣдовательно, здѣсь рѣчь не будетъ идти пока ни о землѣ, гдѣ каждый участокъ имѣетъ свою индивидуальную оцѣнку, ибо онъ единственный—ни объ рѣдкихъ вещахъ, представляющихъ собою исключеніе и потому уже не подлежащихъ подведенію ихъ подъ общее основаніе; кромѣ того, рѣдкіе предметы и въ торговомъ оборотѣ, въ обмѣнѣ, какъ и вещи единичныя, которыя не могутъ быть повторены и увеличены въ числѣ, не могутъ подлежать общимъ условіямъ обмѣна. Сюда же не подойдутъ и предметы, цѣна которыхъ является монопольной естественно или искуственно, или обмѣнъ которыми происходитъ при какихъ либо исключительныхъ обстоятельствахъ: въ дорогѣ, при нуждѣ и т. д. Выясненіе понятія цѣнности необходимо ограничить именно такъ, какъ только что сказано, въ силу того, что намъ оно важно для выясненія отношеній при капиталистическомъ строѣ, при мѣновомъ хозяйствѣ, при обмѣнѣ товаровъ, изготовленіе которыхъ и составляетъ задачу производства при немъ; надо знать, чѣмъ опредѣляется цѣнность товаровъ при обмѣнѣ ихъ, чѣмъ опредѣляется то, въ какомъ отношеніи одинъ товаръ обмѣнивается на другой.

И такъ, чѣмъ же опредѣляется цѣнность предметовъ при обмѣнѣ? Говорятъ полезностью, ибо это есть постоянное и общее свойство всѣхъ предметовъ товарнаго оборота. Но тутъ возникаетъ вопросъ,

какъ соразмѣрить полезность одного предмета и другого, чего я уже касался выше. Допустимъ даже, что можно установить градацію потребностей, но и тутъ въ данный моментъ, въ моментъ обмѣна—для покупателей и продающихъ предметы они имѣютъ разное значеніе: для перваго имѣетъ значеніе удовлетвореніе потребности, именно тѣмъ что онъ покупаетъ, что спрашивается имъ;—для продающаго,—продаваемый имъ предметъ не имѣетъ полезности – онъ ему не нуженъ. А если это такъ, то тутъ все зависитъ отъ субъективныхъ условій покупателя и продавца въ моментъ сдѣлки, а эти условія для каждаго мѣняются, и могутъ имѣть значеніе, вліять на представленіе о цѣнности тогда, когда черезъ посредство обмѣна люди входятъ въ взаимоотношенія лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда это не является общимъ правиломъ и условіемъ, какимъ оно существуетъ теперь. При современныхъ же условіяхъ, при обычности и неизбѣжности обмѣна, цѣнность необходимо должна опредѣляться внѣшнимъ объективнымъ мѣриломъ, а такимъ не можетъ быть полезность, ибо она не одинакова для того и для другого и не соизмѣрима. Но кромѣ того, если бы цѣнность опредѣлялась полезностью, то напримѣръ, рожь, пшеница, солома, конечно, цѣнились бы много дороже золота, драгоцѣнныхъ каменьевъ, вообще многихъ предметовъ, годныхъ лишь на украшеніе.

Такимъ образомъ, исходя изъ полезности нельзя еще уяснить, чѣмъ опредѣляется цѣнность предметовъ. Но послѣдніе годы пользуется довольно большимъ распространеніемъ теорія, такъ называемой предѣльной полезности (Австрійская школа). Эта теорія исходитъ изъ того, что каждый человѣкъ имѣетъ свое представленіе о полезности и, соотвѣтственно этому, происходитъ субъективная оцѣнка благъ. При этомъ устанавливается градація ихъ, какія важнѣе, но цѣнность опредѣляется не этимъ, а тѣмъ, насколько настоятельна потребность въ данномъ предметѣ, и насколько она можетъ быть удовлетворена въ зависимости отъ количества этого предмета.

Здѣсь обыкновенно отличаютъ абстрактную, отвлеченную полезность и конкретную, т. е. при данныхъ условіяхъ мѣста, времени и другихъ обстоятельствъ. Вода, напр., полезна вообще, но не каждый стаканъ воды намъ полезенъ, а только опредѣленное количество. Остальные полезны вообще, но нами не цѣнятся. Точно также и то, что есть и нужно—цѣнится различно, смотря по тому, какія потребности мы можемъ удовлетворить ими и при какомъ количествѣ ихъ. Для поясненія берется примѣръ лица, живущаго въ пустынѣ и имѣющаго источникъ воды, которая при обиліи ея, превышающемъ необходимость въ ней для удовлетворенія всѣхъ потребностей лица — не цѣнится; но если въ источникѣ станетъ воды мало, то придется отка-

заться отъ пользованія водою для удовлетворенія потребностей, признаваемыхъ даннымъ лицомъ наименѣе настоятельными, напр., отъ поливки цвѣтовъ и т. п. И тогда вода начинаетъ уже цѣниться, ею будутъ дорожить соотвѣтственно удовлетворенію той потребности, которая при данныхъ условіяхъ является предѣльной. Чѣмъ настоятельнѣе потребность удовлетворенія которой надо лишиться, тѣмъ выше будетъ цѣниться то количество воды, которымъ еще можно пользоваться. Цѣнность предмета опредѣляется, такимъ образомъ, по ученію теоретиковъ австрійской школы, его предѣльной полезностью, подъ которой понимается наименѣе важная потребность изъ всѣхъ удовлетворяемыхъ при помощи запаса предметовъ этого рода въ нашемъ распоряженіи.

Все это, однако, вызываетъ много недоумѣній и возраженій. Во-первыхъ, примѣръ, человѣка въ пустынѣ, который берутъ, конечно, для того, чтобы уяснить явленіе въ его наиболѣе простыхъ условіяхъ,—совершенно не подходитъ къ тому, что происходитъ въ обществѣ и не можетъ быть обобщаемъ и распространяемъ на понятіе цѣнности, съ которымъ мы имѣемъ дѣло въ политической экономіи. Въ послѣдней, я уже не разъ отмѣчалъ, мы изучаемъ отношенія людей между собою, создающіяся на почвѣ ихъ хозяйственныхъ нуждъ, а не отношеніе человѣка къ вещамъ. Въ объясненіяхъ же теоретиковъ австрійской школы и въ примѣрѣ пустынника съ водой рѣчь идетъ только объ отношеніи человѣка къ предмету, удовлетворяющему его потребность. И потому, если все сказанное ими относительно этого и вѣрно, то оно не даетъ объясненія тому, что именно, надо объяснить.

Не объясняетъ оно этого и съ другой стороны. Если, говоритъ Платтеръ, у меня изъ кармана похитятъ билетъ на спектакль, то будетъ ли мой убытокъ равенъ цѣнѣ билета? Не будетъ ли онъ больше, говоритъ онъ, такъ какъ цѣнность билета была, въ моихъ глазахъ, выше того, что я заплатилъ за него, иначе я не сталъ бы покупать его? Такимъ образомъ, и отношеніе къ опредѣленному предмету только, т.-е. если разсматривать понятіе цѣнности въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ его устанавляетъ австрійская школа, тоже является не одинаковымъ и не подходитъ къ объясненію основаній цѣнности въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ намъ надо объяснить ихъ, не говоря уже о томъ, что нельзя соизмѣрять цѣнность предметовъ по ихъ назначенію для удовлетворенія тѣхъ или другихъ потребностей. И по этому поводу, не безъ основанія, иронизируетъ Платтеръ. Что вкуснѣе, устрицы или пѣсня? Что длиннѣе, аршинъ или фунтъ?

Въ связи съ отношеніемъ къ вещамъ надо имѣть въ виду, что

въ современномъ хозяйственномъ строѣ оно неминуемо связывается съ отношеніемъ къ людямъ. Въ субъективномъ смыслѣ цѣнность предмета для меня одна, когда я дорожу имъ, чтобы подаркомъ его доставить другому лицу удовольствіе и она становится уже иною, когда я предназначаю ее для продажи другому лицу, т.-е. измѣняется именно въ зависимости отъ отношенія къ людямъ. Но въ зависимости отъ этого и будетъ находиться только сила моего стремленія пріобрѣсти вещь, т. е. то или иное количество усилій и затратъ труда, которыя я готовъ сдѣлать для того, чтобы пріобрѣсти ее. Для продавца же такой вещи при опредѣленіи цѣны ея совсѣмъ не надо знать, для чего я покупаю ее. А затѣмъ нельзя упускать изъ виду, что въ пустынѣ да, я завишу отъ источника воды, созданнаго силами природы помимо меня, и потому тамъ я долженъ соразмѣрять свои потребности съ количествомъ ея. Но если тамъ же въ пустынѣ я сумѣю извлечь себѣ воду изъ скалы путемъ своего труда, путемъ опредѣленныхъ усилій, то не буду ли я цѣнить ее и дорожить ею для удовлетворенія тѣхъ или иныхъ потребностей, въ зависимости отъ того сколько усилій и труда я долженъ затратить на то, чтобы воды было достаточно для удовлетворенія всѣхъ тѣхъ потребностей, удовлетворить которыя я считаю необходимымъ. Въ общественныхъ же условіяхъ и притомъ по отношенію къ предметамъ, преобладаніе которыхъ въ хозяйственномъ оборотѣ является подавляющимъ, т.-е. по отношенію къ предметамъ не монополіи и не уникамъ, а къ предметамъ свободнаго оборота — дѣло стоитъ совершенно не такъ какъ при жизни въ пустынѣ безъ другихъ людей. Не потребности тамъ, (поскольку онѣ учитываются предпринимателями) приспособляются, (какъ въ примѣрѣ пустынника у воды), къ количеству имѣющихся предметовъ, а совершенно наоборотъ, предметы производятся, количество ихъ увеличивается, соотвѣтственно учитываемымъ потребностямъ въ нихъ, оно приспособляется къ потребностямъ. При существующихъ условіяхъ, говоритъ Платеръ, количество предметовъ зависитъ отъ моего сужденія, а не наоборотъ. Число предметовъ увеличивается съ увеличеніемъ потребности въ нихъ. Цѣна бываетъ высока не потому, что запасъ незначителенъ, а наоборотъ, запасъ незначителенъ, ибо цѣна высока, т.-е. трудно добыть большее количество ихъ, такъ какъ стоитъ больше труда.

Но говоря о цѣнности предметовъ производства и ея опредѣленіи, надо имѣть въ виду, что одни и тѣ же предметы могутъ служить для удовлетворенія различныхъ потребностей, но какихъ именно напередъ неизвѣстно. Та же самая вода, можетъ служить и для собственнаго питья, и для водопоя скота, и для приготовленія пищи, и для омовенія и т. д. По теоріи предѣльной полезности, цѣнность ея не

одинакова, смотря по тому, для удовлетворенія какой потребности она послужитъ. Какъ же будетъ брать за нее, цѣнить ее, доставляющій ее водовозъ? Возьмемъ другой примѣръ: желѣзо можетъ служить также для изготовленія изъ него стали для хлѣбнаго ножа, для пушки, для машины, для пера и т. д. Предѣльная полезность его во всѣхъ этихъ случаяхъ, очень различна, но продавецъ не знаетъ, для какого употребленія пойдетъ продаваемая имъ сталь Да если даже и узнаетъ, то неужели, одно и то же количество пудовъ стали, произведенное при одинаковыхъ условіяхъ и продаваемое въ одно и то же время, будетъ цѣниться различно? Конечно, нѣтъ. По теоріи же австрійской школы—выходитъ да, что уже явно противорѣчитъ наблюдаемой дѣйствительности.

Независимо отъ всего этого, основная ошибка теоріи предѣльной полезности, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что она все время имѣетъ въ виду потребителя, покупателя, а не производителя, не продавца. Между тѣмъ, при современныхъ условіяхъ, при капиталистическомъ строѣ не отъ покупателя зависитъ опредѣленіе цѣнности предметовъ въ ихъ хозяйственномъ оборотѣ, а отъ производителя или же для всего общества въ цѣломъ отъ того, какое количество труда выдѣлено изъ всей массы его на изготовленіе опредѣленныхъ предметовъ и какое количество его требуется, соотвѣтственно даннымъ техническимъ условіямъ.

Полезность вещи, потребности потребителей, покупателей—все время имѣютъ свое значеніе, такъ какъ цѣнятся и могутъ цѣниться только тѣ предметы, которые могутъ служить для удовлетворенія потребностей, но цѣнится каждый изъ нихъ соотвѣтственно тому труду, тѣмъ усиліямъ, которые надо затратить для созданія или пріобрѣтенія предмета.

Мы имѣемъ то или иное количество предметовъ соотвѣтственно тому, какое количество труда мы затрачиваемъ на нихъ и какъ велика производительность труда. Конечно, чѣмъ болѣе мы произведемъ, тѣмъ болѣе, полнѣе удовлетворимъ потребности, слѣдовательно, какъ будто бы, количество имѣетъ соотношеніе съ цѣнностью, а потому, цѣнность предметовъ опредѣляется ихъ рѣдкостью, какъ это устанавливаетъ австрійская школа. Но это еще не ведетъ къ предѣльной полезности, ибо самая мысль объ удовлетвореніи менѣе насущныхъ потребностей—явиться можетъ лишь тогда, когда предметовъ уже много, а до того всѣ потребности могутъ быть одинаково настоятельны и нѣтъ низшей предѣльной. А затѣмъ, какъ уже отмѣчено, количество зависитъ отъ труда, который и является тѣмъ объективнымъ мѣриломъ, которымъ опредѣляется цѣнность предметовъ.

Покупатели какой-либо вещи, (ситца, напримѣръ), находятся въ

самыхъ различныхъ экономическихъ и другихъ условіяхъ и положеніяхъ и, слѣдовательно, ихъ субъективное отношеніе, субъективная оцѣнка даннаго аршина ситца будетъ очень различна, но отъ этого, цѣна его не мѣняется—она для всѣхъ одна. Мѣняется лишь то, что одинъ купитъ, а другой нѣтъ. Да и для одного лица, его субъективная оцѣнка будетъ мѣняться въ разное время, а цѣна за это время можетъ оставаться все та же.

Вопреки тому, что говорятъ теоретики предѣльной полезности, послѣдняя часть нашихъ расходовъ, часто доставляетъ намъ наибольшее удовлетвореніе, и для людей, любящихъ искусство, напр.—предметы послѣдняго и доставляютъ maximum полезности. (Полезность не есть прирожденное свойство вещи, но то, что мы въ нее вкладываемъ).

Теорія предѣльной полезности исходитъ изъ представленія о неизмѣнныхъ человѣческихъ потребностяхъ, но это не вѣрно. Удовлетвореніе новыхъ потребностей, иногда даетъ больше удовлетворенія, чѣмъ прежнія. Потребности людей измѣнчивы.

Правда, въ зависимости отъ данныхъ условій, вліяющихъ на массу населенія, субъективныя представленія, вкусы, потребности и ихъ измѣненія могутъ охватывать большинство и являться уже какъ бы объективнымъ мѣриломъ цѣнности, не лишаясь своего субъективнаго характера. И потому, въ обычныхъ условіяхъ люди соотвѣтственно своей потребности въ водѣ, напр. и стремятся поставить дѣло такъ, чтобы при наименьшей затратѣ труда получить такое количество ея, какое необходимо. Вмѣсто подвоза ея бочками, устраиваютъ водопроводъ, что даетъ возможность получать каждое ведро воды при наименьшей затратѣ усилій и пользоваться ею не стѣсняясь. Не потребность приспособляется къ количеству воды, а наоборотъ, соотвѣтственно потребности въ водѣ трудъ затрачивается такъ, какъ это необходимо для полнаго удовлетворенія потребности въ ней и при томъ такъ, что цѣнность воды уменьшилась благодаря меньшей, болѣе раціональной затратѣ его, (водопроводъ) сравнительно съ той затратой труда, которую нужно было удѣлить на то, таская воду ведрами или подвозя ее бочками. Потребность же въ водѣ, а равно и полезность ея остаются тѣже, что и раньше. Впрочемъ, потребность въ ней можетъ и возрасти, вслѣдствіе болѣе легкаго удовлетворенія ея, благодаря труду, затраченному на снабженіе водой.

Предѣльная полезность опредѣляетъ, по ученію австрійской школы, относительный спросъ на тѣ или иные предметы, т. е. какое относительное количество ихъ будетъ спрашиваться, что и стоитъ въ зависимости отъ потребности въ нихъ, отъ ихъ предѣльной полезности. Если бы при этомъ условія, издержки, трудъ на изготовленіе всѣхъ предметовъ были одинаковы, то цѣнность пред-

метовъ и могла бы, можетъ быть, опредѣляться по ихъ предѣльной полезности, по этому относительному спросу на нихъ. Но трудъ на изготовленіе различныхъ предметовъ не совпадаетъ съ этимъ, — онъ можетъ распредѣляться даже въ обратномъ отношеніи съ предѣльной полезностью предметовъ, въ зависимости отъ техническихъ и природныхъ условій и затратъ капитала по изготовленію того и другого предмета. А потому эти то затраты труда и соотношеніе его и капитала въ производствѣ и должны вліять на цѣнность и обусловливать ее, а не предѣльная полезность. И если бы предметы, требующіе затраты бо́льшаго количества труда, не цѣнились выше, то кто же при господствѣ раздѣленія занятій въ обществѣ, сталъ бы затрачивать на нихъ трудъ?

Ученіе о томъ, что полезность является основой и мѣриломъ мѣновой цѣнности, думается намъ, имѣетъ свои корни въ наблюденіи надъ тѣми явленіями и условіями, когда обмѣнъ еще не былъ общимъ правиломъ. Въ самомъ дѣлѣ, если я большинство предметовъ для удовлетворенія моихъ потребностей произвожу самъ, то за отдѣльные предметы, которые рѣдко мнѣ попадаютъ, которые я произвести не умѣю и не знаю какъ, а мнѣ они нужны или нравятся, я готовъ отдать все, что я могу добыть самъ вокругъ себя и что для меня — излишне. Такъ происходитъ, напр., обмѣнъ цѣнныхъ для культурнаго европейца вещей, какъ напр., соболиныхъ шкурокъ за имѣющій ничтожную цѣнность чугунный котелокъ. Тутъ, дѣйствительно, наименьшая потребность опредѣляетъ цѣнность, но для даннаго момента. За настоятельную же въ данную минуту потребность, при голодѣ напр., люди продавали и самихъ себя въ рабство. Тутъ отношеніе, въ которомъ происходитъ обмѣнъ одного на другое, является совершенно случайнымъ, какъ и не можетъ быть иначе, при началѣ мѣновыхъ отношеній. „Если отношеніе, говоритъ Карлъ Марксъ, въ которомъ обмѣниваніе продуктовъ является въ началѣ совершенно случайнымъ, то продолжающійся обмѣнъ и регулярное производство для обмѣна постепенно устраняютъ этотъ элементъ случайности". Это все равно, какъ при первоначальномъ возникновеніи потребности въ кредитѣ, ведущей къ появленію ростовщичества, высота процента для различныхъ заемщиковъ не одинакова и случайна, опредѣляется субъективными отношеніями и условіями кредитора и кредитующагося, но затѣмъ уже устанавливается однообразной при правильной организаціи кредита. Также и современное производство, уже независимо отъ субъективныхъ отношеній и условій, вырабатываетъ и опредѣляетъ цѣнность предмета по объективнымъ основаніямъ.

Этимъ объективнымъ основаніемъ, по теоріи классиковъ политической экономіи, и является трудъ, а мѣриломъ—время проведенное

въ трудѣ, затраченное на производство даннаго предмета. Никто, конечно, не станетъ оспаривать этого, если имѣть въ виду производство не на продажу, а для самого себя. Каждый, конечно, дорожитъ тѣмъ, на что приходится затрачивать больше труда. „Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, говоритъ А. Смитъ, дорого бываетъ то, что не легко добывается или что стоитъ большаго труда, а дешево бываетъ то, что легко достается или что стоитъ небольшого труда", Немного выше этого мѣста онъ говоритъ: „Одинаковыя количества труда во всѣ времена и во всѣхъ странахъ представляли одинаковую цѣнность для работника; ибо, при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и дѣятельности, при обыкновенной степени ловкости и расторопности, ему необходимо пожертвовать тою же частью досуга, свободы и благополучія"... „Трудъ, говоритъ онъ далѣе, есть единственно всеобщее, какъ и единственно точное мѣрило цѣнностей, единственное средство для сравненія стоимости различныхъ товаровъ во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ". (Книга I гл. V. Курсивъ въ первой цитатѣ—А. Смита, а въ остальныхъ—мой Н. К.).

При этомъ, однако, возникаетъ вопросъ относительно различной затраты усилій въ одно и то же время при трудѣ различнаго рода. А. Смитъ останавливаетъ на этомъ вниманіе въ той же главѣ; онъ пишетъ: „Одинъ часъ тяжелой работы можетъ потребовать больше усилій, чѣмъ два часа легкой работы, или въ одномъ часу такого занятія, на изученіе котораго употреблено было десять лѣтъ, можетъ заключаться больше труда, чѣмъ въ занятіи въ продолженіи цѣлаго мѣсяца обыкновенною работою, на которую способенъ всякій человѣкъ безъ приготовленія". Это наблюденіе ведетъ его, однако, только къ замѣчанію, что отношеніе между двумя количествами труда „не всегда можетъ быть измѣрено временемъ, употребленнымъ на двѣ различныя работы". Дальнѣйшаго надлежащаго разъясненія, какъ выйти изъ этого затрудненія, при условіи, что „трудъ есть единственно точное мѣрило цѣнностей", у него не получается. Но К. Марксъ выдвигаетъ положеніе, что часъ квалифицированнаго труда, т. е. труда, требующаго обученія или особаго искусства и т. п., приравнивается къ нѣсколькимъ часамъ простого труда. Что это дѣйствительно такъ, можно видѣть изъ сопоставленія того, какъ вознаграждается тотъ и другой родъ труда или даже въ трудѣ одного рода болѣе ловкій и искусный или даже и болѣе прилежный рабочій, сравнительно съ рабочимъ, обладающимъ въ меньшей мѣрѣ качествами, вліяющими на производительность труда. Это имѣетъ въ виду и А. Смитъ. Но цѣнность предмета опредѣляется, конечно, не по различію вознагражденія за тотъ и другой трудъ, а по количеству вре-

мени, затраченнаго на производство, при условіи, что это трудъ одинаковый во всѣхъ отношеніяхъ. Если этого послѣдняго условія нѣтъ, то при условіи приравниванія къ часу, скажемъ, болѣе совершеннаго труда, нѣсколькихъ часовъ труда болѣе простого. Но, приравниваніе это въ общихъ условіяхъ, опредѣляющихъ цѣнность различныхъ предметовъ, не происходитъ и не можетъ происходить по отдѣльнымъ индивидуальнымъ различіямъ работающихъ.

Прежде чѣмъ остановиться на разъясненіи этого дальше, добавимъ еще указанія относительно того, что цѣнность въ основѣ своей можетъ опредѣляться только трудомъ.

Никто, говоритъ Платеръ, не сомнѣвается въ томъ, что блага, для производства которыхъ требуется значительная часть труда, при выраженіи ихъ цѣнности въ деньгахъ, будутъ дороги и наоборотъ. Никто также не станетъ серьезно сомнѣваться въ томъ, что то, на что затрачивается меньше труда, противъ прежняго, при прочихъ равныхъ условіяхъ, будетъ стоить теперь дешевле, а что доступно въ любомъ количествѣ безъ всякихъ усилій, не имѣетъ никакой цѣнности.

При этомъ, однако, естественно возникаетъ вопросъ, о какомъ трудѣ тутъ идетъ рѣчь? Трудъ можетъ быть по производительности его весьма различенъ въ различныхъ предпріятіяхъ. Какой же трудъ будетъ служить мѣриломъ цѣнности? Но тутъ надо имѣть въ виду, что при данномъ уровнѣ культуры, преобладаютъ опредѣленныя техническія условія, въ зависимости отъ которыхъ складывается производительность предпріятій. Эти то, преобладающія въ данное время, въ данной странѣ техническія условія производства опредѣляютъ то количество времени, которое должно быть затрачено на производство предмета при среднемъ уровнѣ производительности тѣхъ рабочихъ силъ одного рода, которыя примѣняются къ производству. Это то, что К Марксъ называетъ общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ для производства даннаго товара. Это общественно-необходимое трудо-время для различныхъ товаровъ по различію техническихъ условій ихъ производства различно въ одно и то же время для различныхъ странъ и для одной страны въ различное время, въ зависимости отъ различія въ примѣненіи тѣхъ или иныхъ техническихъ способовъ и различія въ работоспособности населенія, которая также неодинакова въ связи съ различіемъ указанныхъ ранѣе условій, вліяющихъ на качество труда, а также и въ связи съ различіями въ природныхъ условіяхъ.

Отсюда и происходитъ, во-первыхъ, различіе въ цѣнности однихъ и тѣхъ же товаровъ въ разныхъ странахъ, что, при стремленіи каждой страны производить все ей необходимое, и обусловливаетъ при между-

народной торговлѣ, необходимость считаться съ этимъ различіемъ и принимать мѣры для уравниванія цѣны на иноземный товаръ съ туземнымъ. Второе послѣдствіе этого состоитъ въ томъ, что первыя предпріятія, вводящія какія-либо усовершенствованія или машины, сокращающія затрату труда на производство товара, выигрываютъ и получаютъ излишекъ прибыли сравнительно съ остальными. Общественно-необходимая затрата трудо-времени опредѣляется существующими и преобладающими техническими условіями. Соотвѣтственно тому и цѣнится товаръ. Но если отдѣльный предприниматель поставилъ въ своемъ предпріятіи техническія условія такъ, что затрачено менѣе труда, то отъ этого еще не измѣнилась цѣнность всего товара поставленнаго на рынокъ на продажу. Слѣдовательно, и для его товара она остается та же, что и для товаровъ другихъ предпріятій того же рода. А разъ такъ, то мѣрка цѣнности, опредѣляемая общественно-необходимымъ трудо-временемъ, будетъ выше индивидуальной цѣнности его товара, почему онъ и выгадываетъ на этомъ. Но выгадываніе этимъ путемъ продолжается до тѣхъ поръ, пока примѣненныя имъ улучшенія не вошли въ общій обиходъ. Когда это послѣднее произойдетъ, то измѣнится и общественно-необходимое трудо-время для производства товаровъ, цѣнность ихъ упадетъ, они дешевѣютъ и отсталыя предпріятія вымираютъ, такъ какъ для нихъ цѣнность товаровъ выше той, какая опредѣляется общественно-необходимымъ трудо-временемъ.

Но въ понятіе общественно-необходимаго трудо-времени входитъ и другой элементъ. Какъ бы и чѣмъ бы не измѣрялись потребности общества въ данныхъ товарахъ, во всякомъ случаѣ на производство каждаго товара, удовлетворяющаго опредѣленной потребности въ немъ, должно удѣляться опредѣленное трудо-время, не свыше того, что при данныхъ техническихъ условіяхъ производства необходимо, чтобы этотъ товаръ появился въ потребномъ количествѣ: не свыше того, но и не ниже. И если выше мы говорили объ общественно-необходимомъ трудо-времени на производство товара, такъ сказать, въ техническомъ смыслѣ, то здѣсь надо имѣть въ виду это понятіе въ общественно-экономическомъ смыслѣ. При данномъ складѣ и уровнѣ потребностей общества и при данныхъ техническихъ условіяхъ на производство даннаго товара надо удѣлить опредѣленное количество рабочихъ силъ и соотвѣтственно тому опредѣленное трудо-время. Этимъ и опредѣляется общественно - необходимое трудо-время въ общественно-экономическомъ смыслѣ. Если оно совпадаетъ съ тѣмъ, что необходимо по даннымъ потребностямъ общества, то цѣнность товара и опредѣляется соотвѣтственно общественно-необходимому трудо-времени по техническимъ условіямъ. Но если товара произведено болѣе того, то это нисколько не измѣняетъ

и не должно измѣнять представленія объ общественно-необходимомъ трудо-времени на производство его. Это даже не можетъ измѣнять этого представленія, ибо откуда же у общества рабочія силы и время на избыточное производство даннаго товара? Поэтому оно въ совокупности своей можетъ противопоставить цѣнности этого товара ту же цѣнность остальныхъ, что и ранѣе. Иначе говоря, оно можетъ уплатить за весь произведенный данный товаръ тоже, что и въ томъ случаѣ, если бы его было произведено не болѣе того, что надо. А такъ какъ его произведено болѣе, а цѣнность его въ глазахъ общества остается прежняя, то каждая отдѣльная единица этого товара падаетъ въ своей цѣнности: онъ дешевѣетъ. Это все равно, какъ при избыткѣ денегъ, не находящихъ сбыта (что можетъ быть только съ бумажными деньгами, такъ какъ металлическія сохраняютъ свою цѣну металла, въ который при выпускѣ ихъ сверхъ необходимаго, и будутъ переплавлены, если не уйдутъ за границу), онѣ дешевѣютъ, т.-е. за каждый товаръ надо ихъ отдавать больше, т.-е. цѣнность опредѣленнаго бумажнаго денежнаго знака измѣряется меньшимъ количествомъ товара. Такъ и тутъ, цѣнность каждой единицы опредѣленнаго товара, заготовленнаго сверхъ необходимаго, измѣряется меньшимъ количествомъ денегъ, или что тоже другихъ товаровъ.

Обратно, если товара заготовлено меньше того, что по потребностямъ общества нужно, то это еще не измѣняетъ представленія общества о потребномъ на производство его трудо-времени и потому данный товаръ дорожаетъ, т. е. происходитъ по тѣмъ же основаніямъ, о которыхъ только что говорилось, измѣненіе цѣнности отдѣльной единицы даннаго товара также какъ и въ предыдущемъ случаѣ, но въ обратномъ направленіи.

Этимъ въ общихъ чертахъ объясняется откуда вытекаетъ то различіе въ цѣнѣ товара, которое стоитъ въ связи съ измѣненіемъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Этимъ въ то же время мы подходимъ къ выясненію тѣхъ отступленій отъ цѣнности товаровъ, которое выражается въ цѣнѣ и причины которыхъ различны и многообразны. Цѣной же мы называемъ цѣнность товара, выраженную въ деньгахъ при данныхъ конкретныхъ условіяхъ ихъ покупки и продажи.

На рынкѣ, куда поступаетъ товаръ для продажи, будетъ ли это опредѣленное мѣсто или опредѣленные покупатели, скрещивается вліяніе самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, соотношеніе которыхъ въ концѣ концовъ и опредѣляетъ цѣну товара.

Прежде всего здѣсь уже должна отражаться та неравномѣрность въ производительности отдѣльныхъ предпріятій, на которую я указалъ, говоря о побужденіяхъ къ примѣненію машинъ. Эта неравно-

мѣрность можетъ находиться въ зависимости отъ разныхъ условій и помимо различія въ примѣненіи техническихъ усовершенствованій. А въ такомъ случаѣ и общественно необходимое трудо-время будетъ представлять собою не дѣйствительную затрату его въ томъ или другомъ предпріятіи, а такъ сказать среднюю величину, какъ бы выведенную изъ того, что дается въ результатѣ затраты труда и времени на изготовленіе всѣхъ товаровъ даннаго рода, поступившихъ на рынокъ. Затѣмъ, рыночная цѣна, какъ уже отмѣчено, будетъ выражать отступленіе отъ этой средней въ силу избытка или недостатка произведеннаго товара противъ дѣйствительной потребности въ немъ.

Но и тутъ приходится брать въ разсчетъ не дѣйствительную потребность, а ту, которая имѣется у лицъ, обладающихъ покупательными средствами. У кого ихъ нѣтъ, купить не на что, тому и незачѣмъ являться на рынокъ, онъ—не покупатель и при товарно-денежномъ хозяйствѣ—не потребитель. Выходитъ такъ, какъ будто его надо сбросить со счетовъ при опредѣленіи того, что можетъ вліять на цѣну товара и вести къ уклоненію ея отъ той, какая опредѣляется тѣмъ, что можно назвать внутренной цѣнностью его. Но это не совсѣмъ такъ. Если товаръ таковъ, что онъ въ дѣйствительности необходимъ всѣмъ, а купить его могутъ далеко не всѣ, то это, такъ сказать, учитывается продавцами. Примѣромъ можетъ служить катастрофическій подъемъ цѣнъ на продукты продовольствія, при недостачѣ ихъ, сокращающій еще болѣе число могущихъ купить ихъ. Отсюда можно видѣть, что соотношеніе числа имѣющихъ покупательныя силы ко всему числу возможныхъ потребителей также оказываетъ вліяніе на рыночную цѣну. Вліяніе это ощутительно сказывается въ томъ случаѣ, когда товара, какъ указано выше, произведено болѣе того, что могутъ купить обладающіе покупательными средствами въ надлежащемъ количествѣ. Товаръ тогда, чтобы не оставаться на рукахъ, долженъ покупаться другими лицами, которыя не въ состояніи платить дѣйствительной цѣны, вслѣдствіе чего цѣнность падаетъ ниже нормальнаго уровня. По инымъ основаніямъ происходитъ уклоненіе цѣны каждой единицы товара отъ той цѣнности, которая можетъ быть названа внутренней, по отношенію къ продуктамъ земледѣлія. Одинаковое количество труда, затраченное на обрабатываніе земель разныхъ качествъ, даетъ въ земледѣліи, какъ и въ добывающей промышленности неодинаковое количество продукта. Но всякая единица продукта одного и того же качества имѣетъ на рынкѣ одну и ту же цѣну. Вслѣдствіе этого, продукты, полученные съ земель разнаго плодородія содержатъ не одинаковое количество труда. Скажемъ, 10 ч. труда на одномъ участкѣ даетъ напр. 100 единицъ продукта, а на другомъ, болѣе плодородномъ 150,

слѣдовательно въ первомъ случаѣ на одну единицу товара пошло $^1/_{10}$ часа труда, а во второмъ меньше—$^1/_{15}$; на рынкѣ же каждая единица этого товара будетъ продаваться такъ, какъ опредѣлится цѣнность ея при менѣе благопріятныхъ условіяхъ производства, т. е. при затратѣ $^1/_{10}$ часа труда на производство одной единицы товара, а отсюда и выходитъ, что въ такихъ товарахъ продукты, на которые затрачено неодинаковое количество труда, имѣютъ одинаковую цѣну. Болѣе подробное разъясненіе этой одинаковости цѣнъ при различіи въ результатахъ труда будетъ дано въ ученіи о рентѣ.

Всѣ такія разнообразныя условія невозможно сколько нибудь приблизительно учесть, да и никто и не пытается учесть это. Все это вліяетъ на цѣну, такъ сказать, стихійно, въ зависимости отъ чуткости продавцевъ и покупателей и отъ обстоятельствъ, опредѣляющихъ устойчивость или измѣнчивость даннаго стеченія обстоятельствъ, независимо и помимо сознательнаго воздѣйствія на то кого либо.

Но кромѣ только что отмѣченныхъ условій, вліяющихъ на колебаніе цѣнъ товаровъ и могущихъ быть или не быть въ отношеніи къ данному товару и неодинаково вліяющихъ въ то или другое время, при капиталистическомъ строѣ имѣется постоянно одно условіе, которое, не устраняя того, что въ основѣ цѣнности лежитъ общественно-необходимое трудо-время на производство товара, ведетъ къ тому, что при вращеніи, такъ сказать, цѣнности товаровъ около этого основного стержня, она никогда не совпадаетъ съ нимъ и постоянно представляетъ уклоненіе отъ него въ опредѣленную сторону.

Дѣло въ томъ, что для капиталиста, который стоитъ во главѣ всей хозяйственной дѣятельности и назначаетъ цѣну, по которой товаръ будетъ продаваться, имѣетъ значеніе въ его глазахъ не затрата труда, а затрата капитала. Самая затрата труда въ данномъ производствѣ, данномъ предпріятіи, на данный товаръ, въ данное время для него выражается въ затратѣ перемѣннаго капитала, опредѣляется имъ. Но затрата капитала производится съ цѣлью полученія прибыли, которая для сколько нибудь удовлетворительнаго и успѣшнаго положенія дѣлъ должна быть не ниже опредѣленнаго процента, а затѣмъ чѣмъ выше, тѣмъ лучше. И для дивидендовъ акціонерныхъ предпріятій, напр., нѣтъ, такъ сказать, максимальной нормы прибыли въ особенности при какихъ либо исключительныхъ общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ война и т. п. и при работѣ при такихъ условіяхъ на оборону или при иныхъ обстоятельствахъ чрезвычайнаго характера, когда можно получить такъ сказать сверхъ-прибыль сравнительно съ обычной прибылью.

Но если такъ, то для капиталистическихъ предпріятій цѣнность опредѣляется не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства. Въ издержкахъ же производства соотношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ не одинаково: 1) въ различныхъ предпріятіхъ одного рода; 2) въ различнаго рода предпріятіяхъ, изготовляющихъ различные товары, обмѣнивающіеся другъ на друга соотвѣтственно ихъ цѣнности; 3) въ различное время, въ зависимости отъ соотношенія постояннаго и перемѣннаго капитала, которое съ теченіемъ времени измѣняется въ томъ направленіи, что доля постояннаго капитала (на оборудованіе машинами и т. п.) увеличивается.

Остановимся на минуту на послѣднемъ пунктѣ. Съ теченіемъ времени съ ходомъ и успѣхами промышленнаго развитія доля постояннаго капитала увеличивается, слѣдовательно, уменьшается доля перемѣннаго капитала. Это, какъ мы знаемъ уже, означаетъ „лучшій методъ труда", примѣняемый въ предпріятіи, большую успѣшность труда, болѣе высокую его производительность, т.-е. полученіе большого количества продукта при меньшей затратѣ труда, т. е. уменьшеніе общественно-необходимаго трудо-времени (въ техническомъ смыслѣ) на производство товара, что должно понижать его внутреннюю цѣнность. При постоянствѣ другихъ условій это должно вести къ пониженію цѣнъ такихъ товаровъ, что обыкновенно и бываетъ. Это одно уже свидѣтельствуетъ, чтъ въ основѣ цѣнности лежитъ трудъ, даже тогда, когда въ глазахъ господина — капитала имѣетъ цѣнность не трудъ, а самъ онъ — капиталъ.

Что касается второго пункта, т. е различія долей перемѣннаго капитала въ изготовленіи различныхъ товаровъ, то здѣсь, какъ будто выступаетъ совершенно рельефно, что обмѣниваются такіе товары, измѣряется и опредѣляется ихъ цѣнность не по затратамъ труда, а по затратамъ капитала и потому, какъ будто и невѣрно, что въ основѣ цѣнности лежитъ общественно-необходимое трудо-время. Но здѣсь надо имѣть въ виду, что на самыя затраты капитала, на издержки производства вліяетъ непосредственнымъ путемъ общественно-необходимое трудо-время: оно опредѣляетъ и то, какое при данныхъ экономическихъ условіяхъ, при данной цѣнѣ рабочей силы, будетъ находиться соотношеніе между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ, будутъ ли примѣняться машины и какія, какова будетъ успѣшность труда, какова будетъ стоимость машинъ и другихъ сооруженій, какова цѣнность вспомогательныхъ частей капитала и сырого матеріала, подлежащаго переработкѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и обусловленной тѣмъ возможности получить надлежащую оплату капитала и

опредѣляется та или иная постановка предпріятій. Направляется она, такимъ образомъ результатами затраты трудовыхъ усилій при данныхъ условіяхъ. Цѣны же, которыя имѣются на рынкѣ при реализаціи результатовъ производства, представляютъ, при опредѣленіи ихъ продавцами соотвѣтственно издержкамъ производства, лишь то уклоненіе отъ внутренней цѣнности, которое опредѣляется и цѣлымъ рядомъ другихъ условій.

Съ перваго взгляда можетъ представляться, что тутъ имѣется непримиримое противорѣчіе въ самой теоріи трудовой цѣнности. Товары, на которые затрачены разныя доли перемѣннаго капитала (т.-е. труда) сравнительно съ постояннымъ, будутъ расцѣниваться одни ниже, другіе выше этой затраты, если затрата всего капитала, если всѣ издержки производства одинаковы въ ихъ общей суммѣ. Точно также и время оборота капитала не одинаково и тамъ, гдѣ онъ медленѣе, цѣна товара для полученія той же прибыли, должна быть выше, что опять не отвѣчаетъ равенству цѣнности по затратамъ труда. Противорѣчіе усматривается въ томъ, что одни товары выше цѣнятся, другіе — ниже, въ зависимости отъ строенія капитала. Но разъ капиталъ стоитъ во главѣ, разъ производство имѣетъ характеръ общественный, къ чему приноровлено и распредѣлено, то нѣтъ ничего противорѣчиваго въ томъ, что прибыль, т.-е. тотъ избытокъ сверхъ затраты на трудъ, который идетъ въ пользу капиталиста и составляетъ прибавочную цѣнность, взимаемую съ рабочихъ, распредѣляется между капиталистами пропорціонально затратамъ капитала. Это не уничтожаетъ того, что цѣнность товаровъ съ общественной точки зрѣнія опредѣляется количествомъ рабочаго времени на производство ихъ, какъ напримѣръ нѣтъ противорѣчія въ томъ, что почтовые расходы покрываютъ соотвѣтственныя издержки производства, а въ тоже время цѣна отправки письма по всей Россіи одинакова, независимо отъ разстоянія, хотя убытокъ отъ отправки въ дальнее мѣсто покрывается излишкомъ — доходомъ отъ отправки письма за такую же цѣну въ очень близкій пунктъ.

Въ современныхъ условіяхъ это представляетъ собою довольно обычный способъ расцѣнки. Такова однообразная плата на городскихъ желѣзныхъ дорогахъ за довольно различныя разстоянія. Тоже происходитъ въ синдицированномъ производствѣ, гдѣ приходится сохранять и тѣ предпріятія, гдѣ производство убыточно или не столь выгодно. Точно также при поденной оплатѣ труда рабочіе получаютъ одинаковую заработную плату, хотя, конечно, не всѣ одинаково работаютъ, одинаково производительно, и т. д. и однако это не уничтожаетъ одного общаго основанія расцѣнки ихъ труда. Все это совершенно анало-

гично тому, что значится выше и отмѣчаетъ различіе въ отношеніи перемѣннаго и постояннаго капитала въ предпріятіяхъ одного рода. Съ точки зрѣнія какой угодно теоріи—это не можетъ вести къ тому, чтобы цѣнность однихъ и тѣхъ же товаровъ была различна въ зависимости отъ этого различія. Но въ то же время эта одинаковость цѣнности ихъ, при различіяхъ въ условіяхъ производства, не уничтожаетъ того, что основы цѣнности при данныхъ условіяхъ заключаются въ чемъ нибудь одномъ. Въ каждый данный моментъ существуютъ разныя по техническому оборудованію и по производительности мастерскія по изготовленію одинаковыхъ предметовъ и соотношеніемъ числа такихъ мастерскихъ опредѣляется общественно-необходимое время на затрату трудовыхъ силъ и количество послѣднихъ для поставки на рынокъ потребнаго количества этихъ товаровъ. Соотвѣтственно этому складывается и цѣнность всей совокупности произведенныхъ товаровъ. Цѣнность отдѣльной единицы товара явится тутъ результатомъ дѣленія цѣнности всей совокупности ихъ на число единицъ товара. И хотя при этомъ товары одной мастерской будутъ цѣниться выше ихъ трудовой цѣнности, другой—ниже, но все же цѣнность ихъ будетъ опредѣляться общественно—необходимымъ трудовременемъ на производство ихъ. Это происходитъ также, какъ общая расцѣнка всего товара, выпущеннаго съ данной фабрики, не смотря на то, что производительность отдѣльныхъ мастерскихъ той же фабрики далеко не одинакова.

Для поясненія сказаннаго, надо еще имѣть въ виду, какъ въ магазинахъ, имѣющихъ различный ассортиментъ товаровъ, изъ которыхъ не всѣ выгодны, все же устанавливаются цѣны, окупающія расходы и прибыль.

Здѣсь надо имѣть въ виду совершенно вѣрное указаніе слишкомъ рано умершаго А. М. Рыкачева (Деньги и Денежная Власть), что „каждый видъ товара имѣетъ общія издержки съ нѣсколькими другими и совершенно невозможно даже теоретически опредѣлить издержки производства одного товара отдѣльно отъ другихъ... Каждое предпріятіе должно возмѣстить свои издержки лишь въ общемъ, конечномъ счетѣ". Всѣ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же труда, понимаютъ, что назначеніе торговцами различнаго процента надбавки на разные товары или расцѣнка мѣстъ въ зрительномъ залѣ театра или установленіе различной платы за проѣздъ въ вагонахъ разныхъ классовъ—что все это носитъ на себѣ печать исскуственности, придуманности, нѣкотораго произвола. Но старые предразсудки мѣшаютъ усвоить простую и важную истину, что вся денежная оцѣнка, всѣ рыночныя цѣны основаны на такой же искусственной фиксаціи, от-

личаясь только по степени искусственности отъ такъ называемыхъ таксъ".

Къ сказанному остается лишь добавить то, что, отмѣчаетъ Вл. Войтинскій въ своемъ трудѣ: „Рынокъ и цѣны", гдѣ онъ совершенно справедливо указываетъ на „типичный и общій для капиталистическаго рынка фактъ, что цѣна товара назначается его владѣльцемъ, купцомъ" и процессъ ея установленія не является двустороннимъ, какъ то изображаетъ политическая экономія. Купецъ же „наивыгоднѣйшей для себя цѣной считаетъ ту цѣну, при которой онъ выручаетъ наибольшую сумму за весь свой запасъ товара"... онъ „всегда и назначаетъ на свои товары ту цѣну, которая даетъ ему возможный при данныхъ условіяхъ максимумъ выручки".

Все это указываетъ на то, что въ дѣйствительности, при покупкѣ-продажѣ, мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ не поддающихся учету условій и вліяній, опредѣляющихъ, въ концѣ концовъ, цѣну товаровъ и приводящихъ къ отклоненію его отъ того, что мы, по примѣру нѣкоторыхъ экономистовъ, назвали внутренней цѣнностью. Но въ то же время, несомнѣнно, что издержки производства для покрытія которыхъ и для выручки прибыли назначается продавцами та или иная цѣна за товаръ, являются опредѣляющими, а они, въ свою очередь складываются такъ или иначе въ зависимости отъ затратъ труда. Иллюстраціей къ тому, на сколько опредѣляющее значеніе имѣютъ именно эти послѣднія, могутъ служить слѣдующіе расчеты, приводимые американскимъ ученымъ Каролемъ Райтомъ. Фунтъ хлопка стоитъ 13 центовъ, переработанный въ кисею онъ стоитъ уже 80 центовъ, а въ ситцѣ 4 доллара. Кусокъ желѣзной руды въ 75 центовъ, въ полосовомъ желѣзѣ стоитъ 5 долларовъ, подковахъ 10 дол., переработанный въ столовые ножи—180 дол.,—въ тонкія иглы—6800 дол.,—въ пуговицы 29480 дол., въ толстыя пружины—200000 дол., въ такія же, но тонкія пружины—400000 дол. и, наконецъ, въ мелкіе валики для карманныхъ часовъ—2500000 долларовъ. Итакъ одно и то же количество желѣза отъ 75 центовъ поднимается въ своей цѣнности до 2500000 долларовъ, причемъ легко видѣть, что это стоитъ не въ связи съ предѣльной полезностью, такъ какъ, надо думать, тонкія иглы или столовые ножи имѣютъ съ этой точки зрѣнія болѣе высокую цѣнность, нежели часовые валики. Затраты же труда на производство послѣднихъ, конечно, во много разъ выше, чѣмъ на изготовленіе ножей или даже и иголъ. Такимъ образомъ, если надо признать, что въ разнообразіи хозяйственныхъ условій и положеній и ихъ вліяніи на конкретное проявленіе цѣнности отдѣльныхъ товаровъ, все же имѣется что либо опредѣляющее и руководящее, безъ чего можно заблудиться въ анализѣ всего этого какъ въ лабиринтѣ,

то этимъ руководящимъ и можетъ быть признанъ только трудъ, тѣ усилія и та доля рабочихъ силъ, которыя должны быть удѣлены на производство каждаго товара, соотвѣтственно техническимъ условіямъ его производства и размѣру потребности въ каждомъ товарѣ. А это и есть общественно-необходимое время для затраты опредѣленнаго труда по его количеству и качеству.

XVI. Распредѣленіе.

I. Общія замѣчанія.

Въ замкнутомъ натуральномъ хозяйствѣ все, что произведено трудами данной семьи, составляетъ ея доходъ и идетъ на поддержаніе ея хозяйства и удовлетвореніе личныхъ потребностей членовъ семьи, независимо отъ того участвовали они въ производствѣ или нѣтъ. Содержаніе ихъ является необходимымъ въ силу того, что они люди, которые должны ѣсть, пить, одѣваться и т. д. При этомъ, опредѣленіе того, кому, чего и сколько приходится, производится не на основаніи того, участвовалъ тотъ или иной членъ семьи въ производствѣ или нѣтъ, а просто, на основаніи того, кому чего сколько нужно и по количеству произведеннаго можно удѣлить на удовлетвореніе его потребностей. Ни о какомъ распредѣленіи произведеннаго, которое бы вытекало изъ того или иного участія въ производствѣ, здѣсь рѣчи быть не можетъ. Такъ это происходитъ и въ каждой семьѣ, объединенной представленіемъ объ одинаковости и правомѣрности интересовъ каждаго члена ея.

Въ современномъ капиталистическомъ строѣ хозяйства, гдѣ мы имѣемъ хозяйственную связь между бо̀льшимъ кругомъ лицъ, чѣмъ въ семьѣ, но гдѣ эта связь проявляется лишь въ процессѣ производства и обмѣна, основой выдѣленія того, что должно идти на удовлетвореніе потребностей отдѣльныхъ лицъ, служатъ не потребности ихъ, какъ людей, а нѣчто другое, что и кладется въ основу распредѣленія между членами общества результатовъ производства за данный годъ.

Изъ цѣнности, представляющей собою, такъ сказать, суммарный доходъ всего годового производства, прежде всего, опредѣленная часть должна отойти на то, что при всякихъ условіяхъ соотвѣтствуетъ капиталу, т. е. на покупку предметовъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго производства, на то, что нужно для ихъ ремонта, на расширеніе производства и т. д. Остальное пойдетъ уже на удовлетвореніе непосредственныхъ людскихъ потребностей, и тутъ мы и становимся передъ вопросомъ объ основаніяхъ распредѣленія этого. Часть про-

изведеннаго идетъ на содержаніе, такъ называемыхъ, непроизводительныхъ классовъ, т. е. не участвующихъ въ производствѣ, но дѣятельность которыхъ необходима для общества: духовенство, педагоги, искусство, охрана порядка и т. д. Часть идетъ на содержаніе совершенно не работоспособныхъ членовъ общества, не оказывающихъ никакихъ услугъ, не проявляющихъ никакого труда, какъ престарѣлые люди, дѣти, — сироты, больные. Эти получаютъ опредѣленное содержаніе — въ силу того, что они люди и для существованія должны ѣсть, пить, а сами добывать этого не могутъ. Это и есть въ капиталистическомъ строѣ единственные случаи, когда люди получаютъ необходимое не за что-либо, а потому, что они люди и имъ нужно то или другое для ихъ существованія. Но и это не есть общее правило, это не установлено обязательнымъ, общественнымъ признаніемъ. Это ясно изъ того уже, что современное общество, обычно, имѣетъ дѣло съ прошеніемъ милостыни или въ неприкрытомъ видѣ или въ какой-либо иной формѣ. Призрѣніе неимущихъ—это дѣло частной благотворительности, а общественной обязанностью еще не признается. Этому, какъ будто, противорѣчитъ установленіе пенсій за службу въ теченіе опредѣленнаго числа лѣтъ. Но это, опять-таки, не есть общее правило, не распространяется на всѣхъ трудящихся и кромѣ того, въ основаніи своемъ имѣетъ то же, что опредѣляетъ и норму вознагражденія за приложеніе труда. Чѣмъ же опредѣляется та доля дохода, которую получаютъ тѣ, которые тѣмъ или инымъ путемъ имѣютъ отношеніе къ производству?

Доля эта будетъ опредѣляться различно и не по одинаковымъ основаніямъ, смотря по тому, выражается ли это участіе трудомъ, капиталомъ или землей. Въ томъ, другомъ и третьемъ случаѣ эта доля опредѣляется не въ силу того, что участники производства нуждаются въ предметахъ потребленія какъ люди. Это явствуетъ изъ того, что участвующіе въ производствѣ только трудомъ ничего не получаютъ въ томъ случаѣ, если невольно лишены возможности работать. Выходитъ, слѣдовательно, что основаніемъ для участія въ результатахъ производства служитъ трудъ. И это не такъ. Тѣ, чьи капиталы обращаются въ производствѣ, получаютъ не малую долю изъ результатовъ его, хотя бы не проявляли совсѣмъ никакой дѣятельности, то же надо сказать о землевладѣльцахъ. Ясно, стало быть, что основанія для полученія опредѣленной доли дохода различны для различныхъ слоевъ общества, имѣющихъ отношеніе къ производству. Одно—для рабочихъ, другое—для участниковъ капиталомъ, собственниковъ послѣдняго и иное—опять для собственниковъ земли. Рабочіе, какъ мы знаемъ, получаютъ заработную плату. Разсмотримъ же, чѣмъ опредѣляется доля ея и уровень ея.

2. Заработная плата.

I.

Мы знаемъ уже, что рабство появилось тогда, когда производительность труда возрасла такъ, что за содержаніемъ раба оставалось болѣе того, что онъ создалъ. Но онъ былъ человѣкъ другого племени, создавалъ то, чего не умѣлъ сдѣлать рабовладѣлецъ, онъ былъ необходимое лицо; онъ создавалъ то, что хозяину его нужно для потребленія, и потому положеніе раба въ первобытныхъ условіяхъ было почти такое же, какъ и его хозяевъ. Извѣстно о мягкомъ обращеніи съ рабами у первобытныхъ народовъ. Настоящее царство рабства во всѣхъ формахъ—Африка, но и тамъ съ рабами домашними или родившимися въ домѣ господъ обращались мягче, чѣмъ съ купленными за деньги. Но самая идея прочнаго рабства у негровъ явилась послѣ сношенія съ просвѣщенными Европейцами. Приманка европейскаго товара создала нужду въ золотѣ, добывавшемся трудомъ раба. Создается торгъ рабами, какъ товаромъ. Представленіе о рабѣ, какъ человѣкѣ отлетаетъ; онъ является имуществомъ, какъ и вьючное или упряжное животное. Чтобы послѣднее могло работать, необходимо давать ему опредѣленный кормъ, помѣщеніе и т. п. Съ этой точки зрѣнія и рабу надо удѣлить то, что необходимо на его содержаніе. Этимъ путемъ начинается выдѣленіе изъ всего дохода производства части тѣмъ лицамъ, трудомъ которыхъ создано все, хотя они и не признаются равноправными; они считаются имуществомъ. Чѣмъ же должна опредѣляться эта часть? Трудъ раба примѣняется тутъ уже не потому, что онъ умѣетъ, какъ человѣкъ другого племени дѣлать то, чего не умѣетъ рабовладѣлецъ. Теперь трудъ его требуется потому, что онъ за время приложенія своего труда, произведетъ болѣе того, что необходимо на его содержаніе. Получится, за вычетомъ его содержанія, нѣкоторый избытокъ, прибыль. Это и есть основаніе, въ силу котораго рабъ покупается и содержится. Онъ содержится только потому, что безъ этого онъ работать не можетъ, какъ не можетъ безъ этого работать никакая живая сила: лошадь, верблюдъ, волъ и т. п., какъ не можетъ безъ ухода, безъ топлива, безъ воды работать паровой котелъ и т. д. А если такъ, то содержаніе раба въ такихъ условіяхъ будетъ не болѣе того наименьшаго, что необходимо, чтобы онъ могъ работать, при чемъ, если онъ дешевъ, цѣна ему не высока, то даже не составляетъ большого убытка быстрое изнашиваніе его, т. е. большое обремененіе его работой, при очень плохомъ питаніи и содержаніи. Но, какъ я уже говорилъ, рабъ при такихъ условіяхъ не заинтересованъ

въ результатахъ труда, и его работа можетъ быть поэтому такова, что не окупится и содержаніе его.

Тѣ же основанія опредѣляютъ долю получаемую трудовой силой и при крѣпостномъ правѣ, только форма этого выдѣленія иная. Рабочей силѣ выдѣляются на ея содержаніе не изъ результатовъ всего ея производства, а ей предоставляются средства производства и время для выработки того, что необходимо на ея содержаніе. Этимъ путемъ создается у работающаго побужденіе напряженнѣе, производительнѣе затратить свой трудъ въ той части его, которая удѣляется для производства собственнаго содержанія. Чрезъ это — изъ всего рабочаго времени крѣпостного, на содержаніе его можетъ быть удѣлена меньшая часть труда, такъ какъ въ этой части его трудъ является наиболѣе производительнымъ. Въ остальной части его труда, какъ бы плохо онъ не работалъ, все же на долю владѣльца крѣпостного идетъ уже все сработанное тутъ. А для того, чтобы и здѣсь работа являлась достаточно производительной, примѣняется надзоръ, какъ и по отношенію къ рабамъ, и различныя карательныя мѣры.

Но трудъ крѣпостного, какъ трудъ подневольный, какъ уже выяснено, является мало пригоднымъ при развитіи промышленности и выдѣленіи ея изъ сельскаго хозяйства. Развитіе же потребностей экономически обезпеченныхъ классовъ населенія требуетъ болѣе высокой производительности труда. Создается потребность и вырабатываются пути такой постановки работающаго человѣка, чтобы у него было болѣе побужденій къ проявленію наибольшей работоспособности. Это и достигается тѣмъ, что рабочій становится въ такое положеніе, при которомъ никто, кромѣ его самого не заинтересованъ въ его существованіи. Онъ самъ, и только самъ, долженъ позаботиться о томъ, такъ какъ онъ никому не принадлежитъ—онъ не рабъ и не крѣпостной, за него ничего не заплочено, онъ свободенъ, но онъ ничего не имѣетъ, кромѣ своей рабочей силы, не имѣетъ и того къ чему бы могъ приложить ее. Тутъ происходитъ полное раздѣленіе между отдѣльными лицами того, что нужно для производства: у рабочаго его рабочія силы, у землевладѣльцевъ земля, у капиталистовъ—другія средства, не созданныя непосредственно природой.

При такихъ условіяхъ, чтобы существовать рабочій долженъ предложить свой трудъ тѣмъ, у кого имѣются средства производства. Но такъ какъ онъ предлагаетъ свой трудъ для того, чтобы существовать, то, конечно, готовъ согласиться на то, чтобы изъ результатовъ его труда ему было выдѣлено лишь то, что необходимо для существованія. Предприниматели же, капиталисты, готовы это выдѣлить, такъ какъ безъ приложенія труда ихъ средства безплодны. Но такъ какъ они заинтересованы въ томъ, чтобы выдѣлить изъ того, что будетъ

создано, какъ можно меньше, а чтобы создано было больше и такъ какъ личность отдѣльнаго рабочаго, не принадлежащаго имъ въ собственность, въ ихъ глазахъ не имѣетъ цѣнности и уцѣлеетъ она или нѣтъ не важно, то, съ одной стороны, надо рабочимъ выдѣлить столько, чтобы они были въ силахъ работать, а съ другой - не болѣе того. Вотъ и принимаются мѣры: 1) къ тому, чтобы получить отъ рабочаго большее количество его рабочей силы и результатовъ приложенія ея, для чего и удлиняется рабочій день; 2) принимаются мѣры, чтобы въ теченіе рабочаго дня расходъ рабочей силы являлся наиболѣе напряженнымъ—тогда изъ большаго количества и продукта труда, меньшая доля его пойдетъ на поддержаніе силъ рабочаго. Это экономія низкой заработной платы. Получается эта экономія и путемъ примѣненія машинъ. Оно, какъ мы видѣли допускаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда, что: 1) увеличиваетъ число рабочихъ силъ, ищущихъ труда и 2) возлагаетъ содержаніе семьи рабочаго не на одного его, а и на членовъ его семьи То и другое ведетъ къ возможности пониженія заработной платы.

II.

Съ развитіемъ промышленности и повышеніемъ спроса на рабочихъ происходило временное повышеніе заработной платы; это вызывало стремленіе къ примѣненію техническихъ усовершенствованій, сокращающихъ спросъ на рабочія силы, что вело къ возможности пониженія заработной платы, возвращенія къ прежнему уровню ея. Это и вызвало къ жизни теорію желѣзнаго закона заработной платы, съ особою силою развивавшуюся Лассалемъ, организаторомъ движенія рабочихъ въ Германіи. Согласно этой теоріи, вслѣдъ за улучшеніемъ положенія рабочихъ, за повышеніемъ заработной платы наступаетъ усиленіе резмноженія рабочихъ, увеличеніе населенія, а это и ведетъ снова къ сокращенію заработной платы. Наступаетъ опять недостатокъ средствъ существованія, голодъ, болѣзни, усиленная смертность. Это приводитъ къ сокращенію числа рабочихъ, что и вызываетъ снова поднятіе уровня заработной платы, а оно ведетъ опять къ увеличенію населенія и т. д. Заработная плата вращается, такимъ образомъ, постоянно около уровня средствъ существованія рабочаго, заключена въ такомъ желѣзномъ кольцѣ и потому при существованіи отношеній найма рабочей силы, рабочіе никогда не только не выйдутъ изъ положенія обдѣленныхъ, но никогда не поднимуться выше того, что даетъ имъ заработная плата, достаточная только для содержанія не свыше того, что необходимо для существованія. Потому-то и надо рабочимъ стремиться выйти изъ положенія наемныхъ

рабочихъ и добиваться учрежденія при помощи государства общественнаго производства.

Эта теорія желѣзнаго закона, устанавливающая связь между размноженіемъ рабочихъ и уровнемъ заработной платы, имѣетъ свои корни въ ученіи англійскаго экономиста Мальтуса о законѣ народонаселенія, почему здѣсь и надо остановиться на ознакомленіи съ этимъ ученіемъ. Останавливаясь на разрѣшеніи вопроса, отчего происходятъ бѣдствія рабочаго класса, англійскій экономистъ Мальтусъ пришелъ къ заключенію о необычайной силѣ размноженія, разлитой во всемъ органическомъ мірѣ. Такъ, въ организаціяхъ, размножающихся дѣленіемъ, получается въ одинъ мѣсяцъ изъ одного экземпляра 1000 милліоновъ Среди инфузорій въ 4 дня получается изъ одного экземпляра 170 билліоновъ. Есть животныя, которыя въ теченіе 24 часовъ послѣ ихъ рожденія становятся прародителями. Кролики, начиная размножаться уже съ 6-ти мѣсячнаго возраста, имѣютъ отъ 5-8 дѣтенышей за одинъ разъ и повторяютъ это нѣсколько разъ въ годъ; въ 4 года пара кроликовъ можетъ дать милліонъ потомковъ.

Исходя изъ этой силы размноженія, свойственной всѣмъ живымъ существамъ, и пользуясь нѣкоторыми статистическими данными, Мальтусъ пришелъ къ заключенію, что человѣчество удваивается въ теченіе 25 лѣтъ, если каждая семейная пара будетъ имѣть по 4 ребенка, и что человѣчество имѣетъ тенденцію увеличиваться въ геометрической прогрессіи, т. е. при періодѣ удвоенія въ 25 лѣтъ будетъ итти такъ 1, 2, 4, 8, 16 и т. д. Средства же продовольствія имѣютъ тенденцію расти въ арифметической прогрессіи, т. е. за то же время ,какъ 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. Отсюда онъ дѣлаетъ такой вывыводъ, что распространеніе средствъ продовольствія отстаетъ отъ распространенія человѣческаго рода. Вслѣдствіе этого происходитъ постоянное стремленіе къ превышенію числа людей надъ средствами продовольствія, а потому и наступаютъ бѣдствія—голодовки, недоѣданія, получаются эпидеміи, моры, которые и приравниваютъ число людей и средства продовольствія; также дѣйствуютъ и войны. Отсюда практическій выводъ, что улучшеніе положенія рабочихъ зависитъ отъ нихъ самихъ, отъ воздержанія отъ размноженія; они не имѣютъ права производить дѣтей, не обезпечивъ имъ средства существованія.

Ученіе это вызвало много возраженій и имѣетъ сторонниковъ и противниковъ при чемъ отмѣчены нѣкоторыя существенныя ошибки. Прежде всего, самые разсчеты относительно удвоенія невѣрны, ибо сдѣланы на основаніи данныхъ, относящихся къ Америкѣ, гдѣ росло населеніе подъ вліяніемъ эмиграціи. Если же имѣть въ виду обычное число женщинъ, способныхъ къ дѣторожденію, то при—4-хъ дѣтяхъ

отъ каждой такой женщины удвоеніе совершится лишь въ 67—84 года и даже при 7 дѣтяхъ въ 26 лѣтъ, при 8-ми въ 22, 35; это составляетъ до 50 рожденій на 1000 жителей въ годъ, что является совершеннымъ исключеніемъ. Между тѣмъ, наиболѣе краткій періодъ удвоенія наблюдаемый въ Европѣ—это въ Болгаріи—38.4 года, что соотвѣтствуетъ 5—6 рожденій на 1 женщину.

Вторая ошибка Мальтуса, это то, что онъ принималъ существованіе потребности къ продолженію рода и полагалъ, что это потребность всегда одинакова. Между тѣмъ, еще есть ли эта потребность къ продолженію рода какъ нѣчто общее? А если есть, то остается ли она неизмѣнной съ измѣненіемъ культуры? Кромѣ того, у высшихъ представителей животнаго царства воспроизводительность иная, какъ это видно изъ приведенныхъ данныхъ. Статистическія данныя указываютъ, что съ развитіемъ культуры и благосостоянія, съ улучшеніемъ положенія женщины, съ большей ея самостоятельностью, съ повышеніемъ у нея требованій, съ развитіемъ болѣе широкихъ и разнообразныхъ интересовъ уменьшается: 1) стремленіе выходить замужъ; 2) замужество у женщинъ и женитьба у мужчинъ совершается въ болѣе позднемъ возрастѣ, а болѣе поздній возрастъ, 1) даетъ и вообще меньшую, т.-е. болѣе рѣдкую рождаемость, а 2) и число лѣтъ на воспроизведеніе потомства остается меньше, чѣмъ тогда, когда, нашихъ прабабушекъ выдавали замужъ въ 15-ти-лѣтнемъ возрастѣ.

По шведскимъ даннымъ у крупныхъ дворянъ и богатой буржуазіи количество вступающихъ въ бракъ, среди мужчинъ способныхъ къ вступленію въ бракъ, на 10,78%, а среди женщинъ на 17,07% менѣе, чѣмъ въ общемъ у шведскаго населенія. Также и средній возрастъ вступленія въ бракъ у нихъ 32,99, а среди остального населенія 30,47 лѣтъ. По даннымъ 1870 г. на 2062 женатыхъ графовъ (Германія, Австрія, Венгрія и балтійскія провинціи) — 704 неженатыхъ, имѣютъ свыше 36-лѣтній возрастъ и на 2239 графинь—897 незамужнихъ въ возрастѣ свыше 28 лѣтъ.

Затѣмъ, замѣчаемъ вообще уменьшеніе числа браковъ, хотя и не во всѣхъ странахъ. Объясняется это также предъявленіемъ большихъ требованій къ жизни, соотвѣтственно чему надо устраивать и жизнь и поддерживаніе извѣстнаго положенія и вотъ на 1000 холостыхъ мужчинъ свыше 20 лѣтъ и незамужнихъ дѣвицъ свыше 15 лѣтъ приходится въ годъ браковъ:

	Парижъ.	Берлинъ.	Вѣна.	
			Мужч.	Женщ.
У очень бѣдныхъ	29,1	44,0	90 1	67
„ бѣдныхъ	27,9	44,4	80,6	57,7

„ достаточныхъ	24,7	36 3	84,0	48,9
„ очень достаточныхъ . .	24,5	26.5	71,6	40,7
„ богатыхъ	21,0	26,0	56,6	28,7
„ очень богатыхъ . . .	21,1	20,5	43,4	19,1

Получается, что улучшенное положеніе (вопреки Лассалю и желѣзному закону) должно вести къ задержкѣ въ увеличеніи населенія, а не наоборотъ.

Все это ведетъ къ заключенію, что для настоящаго времени выкладки и разсчеты Мальтуса относительно періодовъ удвоенія населенія и о тенденціи къ размноженію въ геометрической прогрессіи не подтверждаются.

Не подтверждается и вторая часть его теоріи устанавливающей ариѳметическую прогрессію. Неправильны его разсчеты относительно роста средствъ продовольствія изъ царства растительности. Площадь подъ посѣвомъ пшеницы въ странахъ мірового рынка увеличилась за 30 л. напр., съ 1870 по 1900 г. съ 95,2 мил. акровъ до 146,5 мил. акровъ, т. е. съ 100 возрасла за это время до 154. Конечно, съ теченіемъ времени увеличеніе пространствъ подъ посѣвомъ сократится, но имѣется еще немало земель, которыя еще не подвергнуты обработкѣ, а затѣмъ надо имѣть въ виду и ростъ урожаевъ.

Совершенно справедливо говоритъ Платтеръ, что едва ли можно чѣмъ либо лучше опровергнуть основныя и наиболѣе существенныя положенія ученія Мальтуса, чѣмъ слѣдующей цитатой изъ его собственной книги: „Въ послѣднія сорокъ лѣтъ XVII-го и первые 20 лѣтъ XVIII столѣтія отношеніе между цѣной на хлѣбъ и заработной платой было таково, что за дневную заработную плату можно было купить 2 бушеля пшеницы, между тѣмъ, какъ въ періодъ времени отъ 1720 по 1750 годъ цѣны на пшеницу настолько упали, что за дневную заработную плату можно было купить уже три бушеля пшеницы. Но это не вызвало соотвѣтственнаго увеличенія населенія. Народъ жилъ при прекрасномъ правительствѣ и широко пользовался благами гражданской и политической свободы... Въ результатѣ получилось не увеличеніе населенія, а то, что значительная часть возросшихъ доходовъ пошла на улучшеніе положенія низшихъ классовъ населенія“. (Курсивъ мой Н. К.).

Приведу еще дѣлаемое многими справедливое указаніе на то, что каждый работающій человѣкъ производитъ болѣе, чѣмъ потребляетъ и потому увеличеніе населенія ведетъ не къ сокращенію средствъ продовольствія, а къ ихъ возрастанію.

Не останавливаясь далѣе на анализѣ этой теоріи, какъ теоріи,

касающейся условій увеличенія или сокращенія населенія и ограничиваясь сказаннымъ относительно обѣихъ составныхъ частей теоремы Мальтуса, укажу на то, что, согласно вышеприведенной цитатѣ изъ его труда, заработная плата не остается неподвижной и повышеніе ея не доводитъ населенія до послѣдствій, указываемыхъ его теоріей и принимаемыхъ Лассалемъ, какъ такія, которыя оставляютъ заработную плату на одномъ уровнѣ.

Изъ другихъ теорій, пытающихъ установить чѣмъ опредѣляется уровень заработной платы, укажу еще на теорію производительности труда. согласно которой высота заработной платы находится въ соотвѣтствіи съ производительностью труда. Но она не объясняетъ напр., почему за тотъ же трудъ женщина получаетъ меньше и вообще не объясняетъ того обычнаго явленія, когда соотвѣтствія между измѣненіемъ высоты заработной платы и производительностью труда не замѣчается.

Нельзя обойти молчаніемъ теорію фонда заработной платы, согласно которой существуетъ опредѣленный фондъ средствъ, изъ котораго черпается заработная плата. Высота ея и зависитъ отъ величины фонда и количества рабочихъ. Растетъ первый при неизмѣнности числа рабочихъ—плата повышается и т. д. Исходнымъ пунктомъ для построенія этой теоріи служитъ, конечно, то наблюденіе надъ частными предпріятіями, что они должны имѣть средства для расплаты съ рабочими, что приходится дѣлать ранѣе того, какъ проданъ созданный ими продуктъ ихъ труда. Но дѣло въ томъ, что продуктъ этотъ уже созданъ, цѣнность его уже имѣется въ то время, когда съ рабочими расплачиваются; слѣдовательно плату они получаютъ не изъ заранѣе существующаго фонда, а изъ того, что ими уже создано. Они, такъ сказать, въ процессѣ своего труда кредитуютъ предпринимателя. Это можно видѣть и изъ тѣхъ случаевъ, когда заработная плата получается въ натурѣ и опредѣляется не напередъ, а какъ разъ долей изъ того, что будетъ добыто приложеніемъ труда напр. исполу или изъ опредѣленной доли урожая, изъ доли рыбнаго улова и т. п.

III.

Итакъ, чѣмъ же опредѣляется уровень заработной платы? Въ предыдущемъ я приводилъ соображенія, согласно которымъ заработная плата не можетъ превышать того, что необходимо на удовлетвореніе потребностей рабочаго. Основаніемъ этого служило то историческое происхожденіе уплаты за работу, которое вытекало изъ условій созданія рабочаго труда и по прямой линіи вело къ такъ

называемому, вольнонаемному труду. Но можно найти и въ современныхъ чисто-капиталистическихъ условіяхъ хозяйства основаніе къ тому, что заработная плата колеблется около уровня необходимаго на содержаніе рабочаго.

Въ самомъ дѣлѣ, въ капиталистическомъ строѣ хозяйства все является товаромъ. Капиталистъ, предприниматель что-либо продаетъ или покупаетъ. Покупаетъ машины, матеріалъ для того, чтобы производить и произведенное продавать и за все платить не болѣе того, что надо, чтобы получить этотъ товаръ. У рабочихъ нѣтъ товара, какъ результата ихъ дѣятельности, нѣтъ потому, что они не обладаютъ средствами производства. Но для того, чтобы получить что-либо, т. е. то, что рабочему нужно для содержанія—онъ, согласно условіямъ капиталистическаго строя, долженъ что-либо продать. Что же онъ можетъ продать? Только свою рабочую силу. По какой же цѣнѣ? Онъ продаетъ ее, чтобы получить необходимое ему на содержаніе. Поэтому для него мѣркой цѣны служитъ стоимость того, что надо на его содержаніе—это то наименьшее, что онъ желаетъ получить. Предприниматель же цѣну этого товара — рабочей силы—опредѣляетъ тоже не выше того, что надо рабочему, чтобы быть въ состояніи работать. Рабочій, конечно, какъ и всякій продавецъ, желаетъ получить за свой товаръ больше. Получитъ ли онъ, однако, больше того наименьшаго, безъ чего рабочій обойтись не можетъ — это зависитъ отъ соотношенія силъ покупателя и продавца. Но въ данномъ случаѣ, по отношенію къ этому товару, неразрывно спаянному съ личностью рабочаго, мы имѣемъ обратное тому, что по отношенію ко всякому другому товару. Тамъ обыкновенно продавецъ опредѣляетъ цѣну, и покупатель, потребитель, не знакомый съ условіями производства этого товара, долженъ принять ее, какъ данное; здѣсь же въ продажѣ рабочей силы—цѣну товара опредѣляетъ покупатель: онъ знаетъ по себѣ, что необходимо, какъ достаточное, но наименьшее, для производства этого товара, т. е. для содержанія рабочаго, знаетъ и то, что, рабочій не только не можетъ обойтись безъ продажи этого товара, но даже на сколько нибудь продолжительное время отсрочить продажу товара. И потому здѣсь сила на сторонѣ покупателя.

И чтобы она оставалась на сторонѣ покупателя, своевременно были приняты и мѣры къ тому. Мы уже знаемъ, что производились въ Англіи, напр., такъ-называемыя очистки имѣній, чтобы у населенія не могло быть никакого другого товара, кромѣ его рабочей силы. Отмѣна крѣпостного права у насъ, напр., хотя и производилась, при тогдашнихъ нашихъ хозяйственныхъ условіяхъ, по необходимости съ предоставленіемъ крестьянамъ земли, но все же, въ интересахъ, если

не капитала, то владѣльцевъ земли—съ предоставленіемъ крестьянамъ лишь такого количества земли, которымъ обойтись нельзя, не продавая въ то же время свою рабочую силу бывшимъ собственникамъ крѣпостного человѣка. Необходимость же продажи рабочей силы открывала продажу ея и на фабрики, для развитія промышленности, которая, хотя нѣкоторыя фабрики и имѣли у насъ своихъ крѣпостныхъ, все же и при крѣпостномъ правѣ, пользовалась наемнымъ трудомъ тѣхъ крѣпостныхъ, которые отбывали свои повинности передъ помѣщиками денежными оброками, а не барщиной, т. е. не обработкой земли.

Но и эти мѣры считались недостаточными, чтобы дать перевѣсъ силы въ этой торговлѣ предпринимателямъ. Какъ извѣстно, въ Англіи давно запрещалось выселеніе, эмиграція, которая могла убавить число продавцовъ рабочей силы. А изъ торговой практики, хотя бы торговаго капитализма, извѣстно, что въ той цѣнѣ товара, въ которую конкретно выльется сдѣлка, имѣетъ значеніе спросъ и предложеніе: чѣмъ выше предложеніе товара, тѣмъ онъ дешевле, а потому и важно было принять мѣры, чтобы товару этого не убавлялось. Точно также и у насъ, когда послѣ отмѣны крѣпостного права малоземелье тотчасъ же погнало массы народа на переселеніе, на вольныя земли, переселенія не разрѣшались долгое время.

Но въ условіяхъ установленія цѣны рабочей силы (заработной платы) имѣетъ значеніе и многое другое. Если рабочій человѣкъ не можетъ существовать безъ продажи ея, то, съ другой стороны и предприниматель обойтись безъ покупки рабочей силы не можетъ, не можетъ примѣнить безъ нея къ дѣлу капиталъ предпріятія, безъ этого капиталъ мертвъ, а потому капиталу нужно обезпечить себѣ постоянное существованіе рабочей силы. Возможно же это въ томъ случаѣ, если она будетъ постоянно воспроизводиться. Отсюда вытекаетъ необходимость платить рабочему столько, чтобы на это могъ содержаться не только самъ рабочій, но и семья его, безъ чего воспроизведеніе потомства невозможно.

Само собой разумѣется, — это повышаетъ цѣну рабочей силы, прилагаемой къ производству. Примѣненіе машинъ, какъ мы знаемъ уже, ведетъ къ удешевленію ея. Съ одной стороны уменьшается спросъ на рабочую силу, такъ какъ, благодаря лучшему орудію труда, послѣдній становится производительнѣе. Съ другой стороны увеличивается предложеніе труда, такъ какъ трудъ сводится къ болѣе простому, требующему меньшей физической силы и потому доступному и женщинамъ и дѣтямъ. Примѣненіе труда послѣднихъ даетъ возможность ограничиться полученіемъ меньшей заработной платы, такъ какъ содержаніе семьи рабочаго теперь уже покрывается не заработной

платой только взрослаго мужчины-рабочаго, а заработкомъ всей семьи. То же, что необходимо на содержаніе семьи не возрастаетъ, а можетъ даже понизиться въ силу удешевленія предметовъ, производимыхъ при примѣненіи техническихъ усовершенствованій. Пониженная же цѣна рабочей силы женщинъ и дѣтей опредѣляется тѣмъ, что эти силы слабѣе, не тотъ товаръ, не того качества. Безпощадное использованіе этого товара ведетъ, однако, къ такимъ послѣдствіямъ для общества въ его цѣломъ, что является необходимымъ принять мѣры къ тому, чтобы носители этого товара — живые люди — не лишились способности отправлять другія функціи, свойственныя имъ, какъ людямъ. При превышеніи предложенія этого товара и при возможности для капитала, при примѣненіи машинъ, не опасаться уже недостачи въ немъ, цѣна его падаетъ ниже стоимости содержанія рабочей силы, повышается смертность населенія, его заболѣваемость, вымираніе. Наблюдается и ослабленіе его физическихъ силъ. У насъ, въ Россіи, напр., среди фабричнаго населенія оказывалось очень много лицъ, непригодныхъ къ отбыванію воинской повинности по несоотвѣтствію ихъ физическихъ силъ установленнымъ для того нормамъ. Тогда появляется фабричное законодательство, ограждающее до нѣкоторой степени рабочихъ и тѣмъ ведущее къ необходимости повысить уровень заработной платы, такъ какъ запрещается или ограничивается работа дѣтей, женщинъ, ночная работа. Это, съ одной стороны, ограничиваетъ предложеніе труда, съ другой—увеличиваетъ спросъ на него, ограничивая время приложенія его.

Но такъ какъ это не уменьшаетъ стремленія извлекать прибыль изъ предпріятія, которую и желательно получать не менѣе прежняго, а для этого необходимо, чтобы изъ затраты всего капитала на производство, на долю перемѣннаго капитала, т. е. того, что уплачивается рабочимъ, уходило не болѣе прежней доли того, то предпринимаются и вводятся новыя усовершенствованія, сокращающія требованія на рабочую силу человѣка. Получается для предпринимателей снова болѣе выгодное соотношеніе ихъ силъ къ силамъ рабочихъ, ослабленное нѣсколько фабричнымъ законодательствомъ.

Дальнѣйшее развитіе техники и примѣненіе усовершенствованій ведетъ, однако, къ измѣненію требованій, предъявляемыхъ къ качеству товара, являющагося въ видѣ рабочей силы. Въ оборудованіи фабрикъ въ постановкѣ всего дѣла, все большее и большее мѣсто и значеніе получаетъ основной капиталъ въ видѣ машинъ, которыя къ тому же, помимо того, что цѣннѣе, становятся и сложнѣе. Обращеніе съ ними требуетъ больше умѣнья, искусства, требуетъ и болѣе вниманія, болѣе умственнаго напряженія. Для этого требуется иной рабочій, съ повышеннымъ умственнымъ уровнемъ, сравнительно съ преж-

нимъ, гдѣ требовалась, главнымъ образомъ, физическая сила. Но у такого рабочаго и требованія иныя, такъ какъ и уровень его потребностей не тотъ. Уже поэтому ему, для поддержанія его силъ, необходимо иное содержаніе. Иное, улучшенное, сравнительно съ прежнимъ, содержаніе необходимо и для выработки рабочей силы той напряженности, которая требуется при работѣ на усовершенствованныхъ машинахъ.

Одинъ англійскій предприниматель говоритъ, что теперь нерѣдко требуется рабочій, спеціально обученный и „это подняло прислужника машины изъ подчиненнаго положенія на то важное положеніе, которое онъ занимаетъ теперь въ экономіи мастерской". „Опредѣляющимъ факторомъ въ издержкахъ производства являются издержки на трудъ, а не заработная плата". Можно утверждать, что они часто находятся въ обратно-пропорціональномъ отношеніи другъ къ другу. „Самая дешевая работа, — говоритъ Маршаль, — тамъ, гдѣ самая высокая заработная плата". Кромѣ того, съ болѣе и болѣе широкимъ примѣненіемъ основного капитала, расходъ на заработную плату составляетъ все меньшую и меньшую долю всего расхода на производство. Къ освѣщенію этого могутъ служить, между прочимъ, разсчеты американскаго ученаго Кароля Райта, согласно которымъ, если сравнивать годовую заработную плату русскаго рабочаго съ высотой заработной платы въ другихъ странахъ, въ которыхъ она выше, то заработная плата рабочаго въ С.-А. С. Штатахъ окажется почти втрое выше (120 долл. и 347 долл.); годовая же производительность труда американскаго рабочаго почти въ 5 разъ выше, чѣмъ русскаго рабочаго (381 долл. и 1.888 долл.). Все это и ведетъ къ замѣнѣ экономіи низкой заработной платы экономіей высокой заработной платы. Предприниматель имѣетъ экономію, выгадываетъ при этихъ условіяхъ уже не на пониженіи заработной платы, а на томъ, чтобы изв ечь изъ рабочей силы больше. Для этого важно и сокращеніе величины рабочаго дня, позволяющей проявить болѣе напряженія въ трудѣ, важна и форма заработной платы, т. е. такая форма вознагражденія, которая бы вызывала въ рабочемъ стремленіе проявить сильнѣе свою работоспособность, больше сработать за то же время Но все это, вызывая большее напряженіе рабочей силы, возможно лишь тогда, когда имѣются способныя къ тому рабочія силы, т. е. съ повышеннымъ уровнемъ потребностей и когда, и независимо отъ этого, необходимо болѣе удовлетворительное содержаніе рабочаго. Вотъ почему, такъ-сказать, центръ тяжести воздѣйствія на рабочаго для извлеченія прибыли переносится тутъ уже не на пониженіе уровня заработной платы, а на другое, — на повышеніе производительности труда.

Но въ то же время рабочій, съ повышеннымъ умственнымъ уровнемъ, обладаетъ уже бо́льшимъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства. Онъ не только продавецъ рабочей силы, для сохраненія которой нужно опредѣленное содержаніе, онъ сознаетъ себя съ большей степенью интенсивности, нежели прежній рабочій, человѣкомъ, которому ничто человѣческое не чуждо, Соотвѣтственно съ повышеніемъ этого сознанія является и повышенная дѣятельность, для осуществленія въ жизни того, что вытекаетъ изъ этого сознанія, вырабатываются планомѣрно необходимыя для достиженія этого средства. Это и ведетъ къ такому измѣненію отношеній между предпринимателями и рабочими, которое увеличиваетъ силы послѣднихъ, сравнительно съ прежнимъ и уничтожаетъ, такъ-сказать, то монопольное положеніе въ назначеніи цѣны рабочей силы, которое ранѣе имѣли покупатели ея. Вліяетъ въ томъ же направленіи и то обстоятельство, что предприниматели, какъ это видно изъ словъ одного американца, приведенныхъ мною выше, начинаютъ признавать необходимымъ, „какъ дѣловые люди“, не исключать элементъ труда изъ общихъ правилъ веденія своихъ дѣлъ. А эти правила состоятъ въ необходимости дружелюбнаго соглашенія съ покупателями и продавцами. И такъ какъ тамъ это вызывается тѣмъ, что лицо, съ которымъ завязываетъ предприниматель дѣловыя отношенія, чувствуетъ и сознаетъ себя не ниже предпринимателя, то точно также и здѣсь къ этому ведетъ измѣненіе самой психики рабочихъ, само отношеніе ихъ къ покупателямъ рабочей силы.

Не безъ вліянія на измѣненіе взаимоотношеній и психики продавцевъ и покупателей въ Америкѣ и то обстоятельство, что долгое время рабочіе имѣли тамъ возможность использовать свои силы приложеніемъ къ свободнымъ землямъ и, слѣдовательно, въ качествѣ продавцевъ рабочей силы не были въ безвыходномъ положеніи. А затѣмъ, конечно, большое значеніе и вліяніе выпадаетъ здѣсь на долю политическихъ учрежденій С.-А. С. Штатовъ. Вообще долженъ замѣтить, что, выясняя здѣсь, какъ логически неизбѣжно должно было сказываться на уровнѣ заработной платы соотношеніе силъ предпринимателей и рабочихъ и какъ оно исторически проявлялось, я беру весь процессъ, такъ-сказать, схематически, разсматривая его только какъ онъ долженъ былъ складываться и выражаться подъ вліяніемъ двигателей лишь экономическаго характера, разсматривая обѣ стороны исключительно какъ продавцевъ и покупателей. Но, конечно, все это въ дѣйствительности осложнялось, видоизмѣнялось, колебалось въ ту и другую сторону подъ вліяніемъ цѣлой совокупности условій, какъ другія свойства и стремленія человѣческой личности, такъ и политическія учрежденія.

IV.

Все сказанное и ведетъ къ заключенію, что уровень заработной платы опредѣляется соотношеніемъ силъ предпринимателей и рабочихъ. Такова теорія. Но для опредѣленнаго соотношенія этихъ силъ въ настоящее время необходима опредѣленная и послѣдовательно проявляемая самодѣятельность рабочихъ, на важнѣйшихъ проявленіяхъ которой я и остановлюсь теперь. Но предварительно отмѣчу еще, что говоря объ уровнѣ заработной платы, мы должны имѣть въ виду не номинальную денежную заработную плату, а реальную, выражаемую въ количествѣ и качествѣ продуктовъ, идущихъ на содержаніе рабочаго, такъ какъ при одной и той же денежной суммѣ, удовлетвореніе потребностей рабочаго можетъ быть весьма различно при различіи въ стоимости предметовъ продовольствія и др. Это мы и видѣли въ томъ примѣрѣ, на который указываетъ Мальтусъ въ приведенной выше цитатѣ.

Необходимо еще добавить, что если заработная плата, вообще, не можетъ быть ниже того, что безусловно необходимо для содержанія рабочаго и сохраненія его рабочей силы, то, съ другой стороны имѣется предѣлъ и для повышенія ея при всякихъ условіяхъ. Выше было уже указано, что изъ цѣнности всего годового результата производства, прежде всего выдѣляется то, что необходимо на поддержаніе и пріобрѣтеніе постояннаго капитала, т. е. на поддержаніе и ремонтъ строеній, машинъ, сооруженій необходимыхъ для производства, на возобновленіе сырого матеріала, вспомогательныхъ матеріаловъ, на обсѣмененіе полей, вообще всего того, безъ чего существованіе производства не мыслимо. Только то, что остается за отчисленіемъ этой части, можетъ идти въ раздѣлъ, какъ на содержаніе лицъ, не занятыхъ непосредственно въ производствѣ, но дѣятельность которыхъ необходима обществу, такъ и на распредѣленіе между тѣми, кто имѣетъ то или иное отношеніе къ производству. Отсюда вытекаетъ, что доля, падающая на заработную плату, никакъ не можетъ быть выше того, что остается для этого раздѣла. Но предѣлъ для установленія ея получается раньше. Во-первыхъ, необходимо изъ всей доли произведеннаго, за вычетомъ идущаго на упомянутыя составныя части капитала, выдѣлить то, что должно идти на содержаніе престарѣлыхъ, убогихъ, вообще неработоспособныхъ, безъ чего не можетъ быть и для работоспособныхъ въ настоящее время гарантіи ихъ дальнѣйшаго существованія. Во-вторыхъ, надо выдѣлить то, что необходимо на содержаніе различныхъ общественныхъ учрежденій, распространеніе просвѣщенія, удовлетвореніе правосудія, поддержаніе порядка и т. д. Въ третьихъ, при современныхъ

условіяхъ нельзя еще пока обходиться и безъ того, что необходимо на содержаніе войска, безъ котораго государство и народъ, какъ опредѣленное цѣлое, пока, еще не обезпечены въ своемъ существованіи. Все это идетъ на содержаніе, главнымъ образомъ, человѣческихъ силъ, не участвующихъ въ производствѣ, но дѣятельность которыхъ необходима для того, чтобы производство могло идти правильно и безостановочно. Поэтому, если даже предположить, что производство организовано такъ, что все управленіе предпріятіями и вся постановка ихъ находится въ рукахъ трудового народа, заработная плата или то, что будетъ идти на содержаніе и улучшеніе существованія занятыхъ физическимъ трудомъ, не можетъ поглощать всего произведеннаго.

Эта доля должна имѣть свои предѣлы, которые могутъ измѣняться въ зависимости отъ того, какъ велика та часть расходовъ, которая должна идти при данныхъ техническихъ и экономическихъ условіяхъ на поддержаніе и дальнѣйшее развитіе производства въ интересахъ всего населенія, и въ зависимости отъ того какъ велико число неработоспособныхъ и каковы условія ихъ содержанія, наконецъ въ зависимости отъ того каковы нужды общественнаго управленія во всей его широтѣ и объемѣ и затѣмъ—въ зависимости отъ широты и глубины постановки народнаго просвѣщенія во всемъ его объемѣ, что, какъ было въ своемъ мѣстѣ подробно выяснено, имѣетъ доминирующее значеніе въ дѣлѣ постановки и развитія производительныхъ силъ населенія. И только развитіе послѣднихъ можетъ повысить заработокъ рабочихъ выше уровня, устанавливаемаго въ данное время указаннымъ предѣломъ. Основа же развитія производительныхъ силъ и лежитъ въ самихъ людяхъ.

Въ русской экономической литературѣ появилось одно время какъ бы положеніе, что мы страдаемъ не отъ капитализма, а отъ недостаточнаго развитія капитализма. Въ сущности, это служитъ выраженіемъ представленія, что въ дѣлѣ развитія производительныхъ силъ главное значеніе имѣетъ капиталъ, мертвый предметъ. Но вѣдь самъ капиталъ есть не причина, а слѣдствіе развитія производительныхъ силъ, производственныхъ способностей человѣка. И если даже признать, что мы страдаемъ отъ недостаточнаго развитія капитализма, то это значитъ признать, что производственныя силы людей у насъ мало развиты. А малое развитіе ихъ обусловливается отсутствіемъ распространенія знаній среди населенія, отсутствіемъ просвѣщенія. Лучшимъ свидѣтельствомъ такой связи между развитіемъ производительныхъ силъ, наличностью и распространенностью знаній и основнымъ значеніемъ въ развитіи производительныхъ силъ—человѣческой личности—можетъ служить то, что наблюдаемъ въ современной войнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Германія привлекла на Западный фронтъ всѣ силы своей техники, примѣнила всѣ пріобрѣтенія науки, пользуется орудіемъ, выпускающимъ снаряды на разстояніе въ 120 клм., и все же должна была двинуть на этотъ фронтъ громадное число людей — милліонъ человѣкъ. Разсчетъ все же основанъ на людскихъ силахъ и на свойствахъ людей. Послѣднее подтверждается еще и тѣмъ, что для войны, для дѣла разрушенія, которое легче и проще дѣла созиданія, строенія — для того, чтобы люди успѣшно могли производить то массовое убійство, которое освящается войной — для этого нужна подготовка людей, обученіе ихъ и опредѣленная организація, основанная также на научныхъ данныхъ. Итакъ, и тутъ техника техникой, а центръ тяжести все-таки въ человѣческой личности, въ ея знаніяхъ. И если это справедливо тутъ, то во сколько же разъ просвѣщеніе и знанія, разлитыя среди массы населенія, необходимѣе для развитія творчества, производственной дѣятельности людей. Но распространеніе знаній и просвѣщенія измѣняетъ соотношеніе силъ капитала и труда, увеличиваетъ вѣсъ послѣдняго и потому капитализмъ вовсе не склоненъ къ широкому распространенію просвѣщенія. Правда, въ интересахъ капитализма устраиваются высшія техническія училища, но вся постановка просвѣщенія идетъ не далѣе того, чтобы приготовлять надлежащихъ слугъ капиталу. Широкое же распространеніе знаній грозитъ подорвать его силу и склонить чашку вѣсовъ въ пользу труда. Это все равно, какъ самодержавіе у насъ устраивало университеты, но, какъ находилъ Попечитель Московскаго Учебнаго Округа гр. Строгановъ, университетъ долженъ „готовить молодыхъ людей на службу Государя самодержавнаго“ и умственное воспитаніе ихъ „должно сдѣлать ихъ смиренными тружениками въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ“. И вотъ самодержавіе, устроя университеты, всячески тормозило развитіе просвѣщенія у насъ. То же долженъ дѣлать и капитализмъ для сохраненія своего господства, для того, чтобы вещи, капиталъ, имѣли преимущество, перевѣсъ передъ людьми. Чтобы сломить силу его, единственное средство и заключается въ поднятіи значенія человѣческой личности, и этого никто другой сдѣлать не можетъ, кромѣ самихъ людей. Но для этого и необходимо развитіе въ массѣ населенія не просто знаній и извѣстной, опредѣленной подготовки, какъ въ военномъ дѣлѣ, а именно широкое просвѣщеніе. Въ интересахъ творческой, производительной дѣятельности, направленной именно для удовлетворенія потребностей людей, необходимо не просто умѣнье сдѣлать то или другое, а надо имѣть и ясное представленіе о строеніи человѣческаго организма, объ условіяхъ здраваго и обезпеченнаго удовлетворенія потребностей, объ организаціи общественныхъ и производительныхъ силъ для того, короче надо

уяснить себѣ связь и зависимость явленій между собою, а все это можетъ быть усвоено и правильно понято, лишь при широкой постановкѣ народнаго просвѣщенія въ точномъ смыслѣ этого понятія, выражаемаго и нашей народной пословицей: „ученье свѣтъ, а неученье тьма".

Сказаннымъ опредѣляется значеніе соотношенія силъ предпринимателей и рабочихъ въ установленіи уровня заработной платы. Изъ изложеннаго также можно было видѣть, что съ теченіемъ времени какъ будто бы перевѣсъ силы на сторонѣ предпринимателей не такъ великъ, какъ прежде, и съ развитіемъ потребностей рабочихъ поднимается и уровень ихъ заработной платы. Чѣмъ же обусловливается это? Какъ отмѣчено было, на это вліяло, между прочимъ, развитіе техники и притомъ двоякимъ образомъ: съ одной стороны, предъявляя иныя требованія къ качеству рабочихъ, а съ другой такъ разрушая силы рабочихъ, что это вызвало необходимость законодательной охраны труда и повело къ появленію фабричнаго законодательства. Первый фабричный законъ въ Англіи появился въ 1802 г., ограничивъ для учениковъ рабочій день 12-ю часами. Отмѣчу затѣмъ законъ 1833 г., ограничившій ночную работу и запретившій на фабрикѣ работу дѣтей до 9-ти лѣтняго возраста, исключая, впрочемъ, шелковыхъ фабрикъ. Для наблюденія за исполненіемъ закона были назначены для Англіи 4 фабричныхъ инспектора. До установленія же института фабричныхъ инспекторовъ, фабричное законодательство мало имѣло практическаго значенія. Укажу еще, что законъ 1842 г., запретившій работу подъ землей мальчикамъ до 10 л. и женщинамъ вообще — первый разъ касается взрослаго населенія, запретивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, производить расплату съ взрослыми мужчинами въ трактирахъ. У насъ въ Россіи фабричное законодательство впервые появилось въ 1882 г. Фабричные законы, вообще, заключаютъ въ себѣ: 1) санитарныя предписанія; 2) предписаніе объ огражденіи машинъ для предупрежденія несчастныхъ случаевъ; 3) о вознагражденіи за несчастные случаи; 4) о штрафахъ; 5) запрещаютъ расплату товарами (truck system); 6) устанавляютъ величину рабочаго дня и времени работы; 7) условія расплаты; 8) minimum заработной платы. Какъ видимъ, сфера ихъ попеченія весьма широка. Отмѣчу еще, что съ 1891 г. начинаютъ появляться въ Англіи и законодательныя мѣропріятія по отношенію къ потогонной системѣ.

V.

Несмотря, однако, на крупное значеніе законодательной дѣятельности въ дѣлѣ урегулированія отношеній предпріятій и рабочихъ, едва ли не большую роль играли въ этомъ профессіональные союзы рабочихъ, т.-е. соединенія рабочихъ одной профессіи въ одинъ общій союзъ.

О задачахъ и дѣятельности профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и значеніи коллективныхъ или тарифныхъ договоровъ мною сказано уже многое выше, на стр. 171—175 настоящаго курса, гдѣ отмѣчается ихъ вліяніе на повышеніе производительности труда и на введеніе машинъ. Здѣсь же отмѣчу вліяніе ихъ на улаженіе отношеній между предпринимателями и рабочими.

„Съ тѣхъ поръ, говоритъ одинъ американскій предприниматель, какъ мы установили коллективное соглашеніе съ союзомъ горнорабочихъ Америки,—вотъ уже болѣе шести лѣтъ у насъ не было ни одного общаго, ни мѣстнаго конфликта".

Союзы работодателей въ Англіи также усматриваютъ необходимость промышленнаго посредничества и тѣмъ признаютъ неизбѣжность рабочихъ организацій. Многіе предприниматели цѣнятъ рабочіе союзы, какъ необходимое представительство, безъ котораго немыслимы никакія сношенія со сколько нибудь значительнымъ числомъ рабочихъ, и многіе изъ нихъ даютъ благопріятные и даже дружескіе отзывы о рабочихъ союзахъ. Нѣмецкіе предприниматели также все болѣе склоняются къ признанію факта необходимости рабочихъ союзовъ. Печатный органъ нѣмецкихъ предпринимателей (Arbeitgeber-Zeitung) высказываетъ мнѣніе, что непризнаніе рабочихъ организацій теперь невыгодно. Существованіе ихъ для самихъ предпринимателей покойнѣе. По признанію другого органа (Zeitschrift des Mitteldeutschen Arbeitgeberverbandes)—къ признанію рабочихъ союзовъ, открывающихъ путь къ мирнымъ соглашеніямъ, приводятъ „чрезмѣрные убытки отъ забастовокъ, огромныя потери національнаго достоянія и тяжелый ущербъ для всей хозяйственной жизни".

Это послѣдее указаніе, какъ и то, что высказано американскимъ предпринимателемъ объ устраненіи конфликтовъ, само по себѣ можетъ уже свидѣтельствовать о значеніи такихъ соглашеній, возможныхъ только съ союзами рабочихъ, для хода промышленныхъ дѣлъ, для развитія промышленности, которое конечно, не можетъ быть успѣшнымъ, если грозитъ опасность конфликта или если онъ наступаетъ. Въ этомъ отношеніи и наша русская дѣйствительность, при всей скудости существующаго для освѣщенія этого матеріала, даетъ опредѣленныя положительныя указанія на значеніе союзовъ рабочихъ для правильнаго хода промышленныхъ дѣлъ. Въ «Торгово-Промышленной газетѣ» — офиціальномъ органѣ — сообщалось, что въ Варшавѣ сокращеніе числа стачекъ произошло, благодаря профессіональнымъ союзамъ, которые стараются развить планомѣрную дѣятельность и избѣгаютъ стихійныхъ частыхъ выступленій. Затѣмъ не далѣе, какъ 3 ноября 1915 г. въ засѣданіи Московской Городской Думы товарищъ городского головы В. Д. Брянскій сооб-

щилъ, что при трамвайныхъ забастовкахъ въ Москвѣ въ 1907, 1908, 1909 и 1911 годахъ Управа вела переговоры съ представителями рабочихъ, и забастовки эти прекращались быстро. Но, затѣмъ, представительство рабочихъ было уничтожено, и отсутствіе этого представительства въ трамвайную забастовку 1913 и 1915 годовъ сыграло весьма тяжелую роль. Забастовки эти были длительныя, вслѣдствіе именно отсутствія организаціи рабочихъ. Союзы рабочихъ по металлу въ Россіи въ 1906 г. совѣтуютъ товарищамъ „осмотрительно относиться къ объявленію забастовокъ, примѣняя ихъ преимущественно въ крайнихъ случаяхъ сопротивленія насилію со стороны хозяевъ съ цѣлью удержать завоеванія". То же и въ текстильномъ дѣлѣ — „долгъ сознательныхъ рабочихъ удерживать отъ неподготовленныхъ забастовокъ", то же заявляютъ союзы печатниковъ. Въ офиціальной торгово-промышленной газетѣ сообщалось, что въ Варшавѣ, «сокращеніе числа стачекъ произошло, благодаря профессіональнымъ союзамъ, которые стараются развить планомѣрную дѣятельность и избѣгаютъ стихійныхъ частыхъ выступленій". Министерство промышленности и торговли по поводу пожеланія Государственной Думы объ «устраненіи препятствій для легальной дѣятельности профессіональныхъ рабочихъ организацій, преслѣдующихъ экономическія цѣли» (засѣданіе 7 марта 1916 г.), также находило, что при организованности рабочаго населенія «гораздо легче будетъ фабричной инспекціи улаживать всякія тренія, возникающія между промышленниками и рабочими. Рабочіе союзы и общества всегда смогутъ добиться подчиненія своихъ сочленовъ тѣмъ рѣшеніямъ, которыя будуть приняты при совмѣстномъ разбирательствѣ представителей этихъ союзовъ, представителей промышленности и фабричной инспекціи».

Но скорѣйшее улаживаніе или устраненіе конфликтовъ не представляетъ собою по отношенію къ производству, его устойчивости и нормальному ходу единственнаго послѣдствія существованія профессіональныхъ организацій рабочихъ. Устанавливаемыя коллективными соглашеніями правила становятся «обычаями промысла» вообще, отъ которыхъ отступать отдѣльнымъ предпринимателямъ неудобно. Одинаковость условій по отношенію къ найму рабочихъ не позволяетъ уже предпринимателю выиграть въ соперничествѣ съ другими на пониженіи заработной платы. Надо искать другого выхода, а онъ можетъ быть при этомъ условіи только въ томъ, чтобы повысить производительность и улучшить качество издѣлій. Съ другой стороны, и рабочій, зная, что не можетъ создать себѣ преимущества согласіемъ взять за свой трудъ дешевле, можетъ выдвинуться лишь большей технической ловкостью и вообще проявленіемъ тѣхъ или иныхъ по-

ложительныхъ качествъ. Вмѣстѣ съ этимъ поднимается чувство сознанія собственнаго достоинства и вырабатывается опредѣленный болѣе повышенный уровень жизненныхъ требованій, а это все не можетъ не отражаться благопріятно на большей производительности труда.

Совершенно справедливо отмѣчаютъ по этому поводу англійскіе изслѣдователи Веббы, что, гдѣ устанавливаются однообразныя нормы заработной платы, тамъ «автоматически улучшается качество оказываемыхъ работниками услугъ».

Если, однако, путемъ уравненія условій заработной платы, вызывается необходимость въ улучшеніи техническихъ пріемовъ, то,— возражаютъ нерѣдко,— препятствіемъ къ этому служитъ или нерѣдко проявляемое отрицательное отношеніе рабочихъ къ введенію многихъ машинъ, причемъ оно выражается иногда въ практикованіи такихъ пріемовъ работы при усовершенствованныхъ машинахъ, при которыхъ повышенія производительности не получается (саботажъ).

По этому поводу надо сказать, что до 1869 г. въ Англіи нѣкоторые союзы пытались установить не только минимальную денежную заработную плату, но и максимумъ работы за эту плату и даже налагали штрафъ на превышавшихъ послѣднюю норму. Но, во-первыхъ, необходимо замѣтить по этому поводу, что это вызывается политикой самихъ предпринимателей, которые, за подкупъ пивомъ или за прибавку къ платѣ одному, двумъ, повышавшимъ чрезмѣрно напряженіе своихъ силъ (такъ называемымъ англичанами «поддужнымъ»), пользовались затѣмъ уже даромъ повышеніемъ напряженія со стороны всей массы рабочихъ; во вторыхъ, надо имѣть въ виду, что практика замедленія работъ (go canny или ca canny) примѣнялась и примѣняется рабочими помимо союзовъ и до существованія ихъ.

По отношенію же къ профессіональнымъ союзамъ нужно сказать, что они быстро обратили вниманіе на то, что „систематическое бездѣльничанье разрушаетъ характеръ наиболѣе энергичныхъ рабочихъ и разрушаетъ производительность труда". Пониманіе этого и побудило отвѣтственныхъ руководителей трэдъ-юніоновъ высказаться противъ такой тактики ливерпульскихъ доковыхъ рабочихъ. При этомъ оказалось, что тѣ лица, которыя ввели тактику gocanny, не принадлежали къ рабочему классу и вскорѣ были формально, „какъ люди средняго класса", исключены изъ конгресса трэдъ-юніоновъ. Международная же федерація доковыхъ рабочихъ единодушно отвергла тактику замедленной работы.

Что касается прямого противодѣйствія введенію машинъ, то извѣстно, что когда-то оно практиковалось рабочими въ довольно

широкихъ предѣлахъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ писатель, „противодѣйствіе машинамъ старше профессіональныхъ союзовъ“ (A. Schadwell: Industrial efficiency). И, если это измѣнилось, то именно благодаря профессіональнымъ союзамъ рабочихъ, которые, помимо воздѣйствія на примѣненіе машинъ указаннымъ уже путемъ, и непосредственно ведутъ къ тому.

VI.

Изъ этого заявленія, какъ и нѣкоторыхъ другихъ, ясно видно, что многіе англійскіе, а въ особенности американскіе предприниматели относятся къ профессіональнымъ союзамъ рабочихъ далеко не враждебно. Но это не такъ по отношенію ко всѣмъ предпринимателямъ. Прежде всего, здѣсь наблюдается различіе въ отношеніи къ союзамъ крупныхъ и болѣе мелкихъ предпринимателей.

Я уже приводилъ отзывы нѣкоторыхъ крупныхъ предпринимателей о профессіональныхъ организаціяхъ рабочихъ въ Англіи и С.-А. С. Штатахъ. Но эти отзывы встрѣчаются именно тамъ и именно со стороны крупныхъ предпринимателей, хотя и не всѣ они относятся къ союзамъ рабочихъ такъ невраждебно. Мелкіе же предприниматели высказываются противъ „тираніи рабочихъ правилъ“, на которыя охотно идутъ крупные. То же замѣчается и въ Россіи. Въ Петроградѣ, напримѣръ, въ 1906 г. согласіе крупныхъ „Московскихъ“ булочныхъ на требованія рабочихъ заставило мелкія „Нѣмецкія“ выйти изъ союза хозяевъ. (К. Дмитріевъ: „Профессіональное движеніе и союзы въ Россіи“). Общество же заводчиковъ и фабрикантовъ Московскаго промышленнаго района высказывается, что „чисто профессіональное движеніе, внося извѣстную планомѣрность и сознательность въ стихійную сейчасъ экономическую борьбу въ конечномъ счетѣ будетъ способствовать развитію производительныхъ силъ страны, содѣйствуя развитію крупныхъ промышленныхъ предпріятій, сильныхъ своими оборотными средствами и техническимъ процессомъ“ („Отчетъ за 1911 г.“ М. 1912).

Но если все это такъ, и дѣятельность рабочихъ союзовъ вліяетъ на повышеніе прибыли предпринимателей, если, при всемъ этомъ, какъ только что упомянуто, многіе крупные предприниматели относятся даже „дружественно“ къ профессіональнымъ организаціямъ рабочихъ, то какъ объяснить въ общемъ все же не только отрицательное, но прямо враждебное отношеніе предпринимательскихъ союзовъ къ профессіональнымъ союзамъ рабочихъ?

Извѣстно, что многіе англійскіе, германскіе, шведскіе предприниматели и ихъ союзы объявляли громадные локауты, послѣдствіемъ

которыхъ было сразу лишеніе десятковъ тысячъ (въ Ланкаширѣ даже 160 т.) рабочихъ занятій, и что эти локауты учинялись, какъ объ этомъ прямо заявлялось, съ цѣлью сломить силу профессіональныхъ союзовъ, которые должны были сразу затрачивать большія средства для поддержки существованія оставшихся безъ работы. Къ тому же стремились работодатели и у насъ и, какъ свидѣтельствовала нѣмецкая газета Sociale Praxis, русскіе предприниматели чаще другихъ обращались къ германскимъ за совѣтомъ и указаніемъ относительно пріемовъ борьбы съ рабочими. Вотъ что значится въ секретной докладной запискѣ союза Московскихъ типо-литографовъ (хозяевъ): „Въ настоящее время главной причиной, побуждающей владѣльцевъ Московскихъ типо-литографій и другихъ примыкающихъ къ нимъ заведеній къ болѣе тѣсному общенію и взаимной поддержкѣ— является рабочій вопросъ въ широкомъ смыслѣ слова... Удачный исходъ борьбы съ рабочими—вотъ что можетъ сплотить союзниковъ... Для этого нужны не пассивныя, а активныя системы борьбы... Единственнымъ оружіемъ, имѣющимся въ рукахъ владѣльцевъ, является локаутъ... Нужно, чтобы впередъ была установлена обязательность локаута въ извѣстныхъ случаяхъ и внесена въ уставъ... Такого рода организованный обязательный локаутъ представитъ собою оружіе во много разъ болѣе дѣйствительное, нежели вспомогательный капиталъ". Локаутъ со стороны владѣльцевъ щетинныхъ фабрикъ польскаго района прямо требовалъ непризнанія профессіональныхъ союзовъ рабочихъ; то же у кожевенныхъ фабрикантовъ, а затѣмъ та же практика перешла на югъ: въ Кіевъ, Екатеринославъ, Саратовъ, а затѣмъ Москву, Петроградъ. И многое, завоеванное у насъ профессіональными организаціями рабочихъ, было путемъ локаутовъ подорвано.

Предприниматели, конечно, понимаютъ, что усиленіе рабочихъ организацій, ихъ сплоченность и развитіе ведутъ къ уничтоженію или ослабленію «хозяйскихъ привилегій», ослабляютъ и даже совсѣмъ отмѣняютъ единоличное господство въ предпріятіи и руководительство ими по соображенію только со своими личными интересами и съ совершеннымъ игнорированіемъ интересовъ рабочихъ и страны во всемъ ея цѣломъ, на которые такъ часто дѣлаются ссылки. Но уменьшенія своей власти и своего значенія предприниматели, конечно, не допускаютъ. И пока профессіональные союзы толкали крупныхъ предпринимателей къ введенію улучшеній, непосильныхъ мелкимъ, и тѣмъ устраняли послѣднихъ съ поля конкурренціи, профессіональные союзы были не только терпимы, но и желательны. Опасности въ ихъ существованіи тоже не усматривалось, такъ какъ «хозяева» привыкли къ тому, что въ послѣднемъ счетѣ всегда терпитъ

рабочій. Но какъ только крупныя предпріятія достигли монопольнаго положенія, такъ сейчасъ же и измѣнилась тактика по отношенію къ профессіональнымъ организаціямъ. «Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan, der Mohr kann gehen». Профессіональные союзы рабочихъ предпринимателямъ болѣе ни на что не нужны. Теперь и безъ заботъ объ усовершенствованіи можно не опасаться умаленія своихъ доходовъ. Но необходимо сохранить свою власть и свою силу въ обществѣ, а для этого надо «сломить силу профессіональныхъ союзовъ рабочихъ».

Этому не противорѣчитъ и то обстоятельство, что въ С.-А. Соед. Штатахъ пока такого стремленія «сломить силу союзовъ» не замѣчается. Объясненіе этому надо видѣть въ томъ, что тамъ грандіозные тресты предпринимателей настолько вліяютъ на всѣ хозяйственныя отправленія страны, что не опасаются за свое господство. Существующее переплетеніе экономическихъ интересовъ, складывающееся по своему въ каждой странѣ, опредѣляетъ въ каждой изъ нихъ и различное для даннаго момента отношеніе къ профессіональнымъ союзамъ со стороны правящихъ классовъ. Къ этому присоединяется еще и вліяніе опредѣленныхъ историческихъ пережитковъ соціальнаго характера. Въ Америкѣ условія, при которыхъ создалось развитіе промышленности, и составъ населенія, притекавшаго въ нее изъ Европы, не допускали того отношенія къ рабочимъ, которое въ Европѣ составляетъ пережитокъ крѣпостного права. И слѣдовательно, тамъ уже поэтому должно проявляться иное отношеніе къ рабочимъ, далекое отъ «командованія». Это не уничтожаетъ, однако, и тамъ стремленія при первой же возможности измѣнить соотношеніе силъ рабочихъ и предпринимателей въ пользу послѣднихъ. Такъ, согласно сообщенію военнаго министра Н. Б. Бэкера во многихъ областяхъ С. Ш. С. Америки предъявлялись во время войны 1917—1918 гг. требованія ослабленія законовъ охраны труда. «Предприниматели, говоритъ онъ, все болѣе настойчиво обращаются къ инспекторамъ, контролирующимъ дѣйствія законовъ объ охранѣ труда, съ просьбою ослабить свою дѣятельность въ интересахъ увеличенія національнаго производства. Предприниматели постоянно повторяютъ самимъ себѣ и правительственнымъ контролерамъ: «Не время теперь заботиться о подобныхъ ограниченіяхъ, не время проводить законы, касающіеся дѣтей и женщинъ, размѣровъ ихъ рабочаго дня и условій ихъ труда; наступили слишкомъ важныя событія, чтобы останавливаться на подобныхъ мелочахъ». Съ этой просьбой обращались отовсюду». Бэкеръ призываетъ упорно бороться противъ нарушенія законовъ, охраняющихъ трудъ. (Американскіе Бюллетени № 9. 1918 г.). Это свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о крупномъ жизненномъ значеніи фабричнаго законодательства.

Насколько высоко цѣнятъ сами рабочіе значеніе профессіональныхъ союзовъ можно видѣть изъ того, что какъ только оказалось возможнымъ у насъ открытое образованіе такихъ союзовъ, такъ ихъ возникло очень много. Къ 1907 году во всей Россіи, кромѣ Сибири и Прибалтійскихъ губерній, насчитывалось 652 профессіональныхъ союза съ 246.272 членами. По даннымъ фабричнаго инспектора къ 1 іюля того же года въ 59 губерніяхъ и областяхъ Россіи числилось 861 профессіональныхъ обществъ, изъ коихъ дѣйствующихъ считалось 643 (74,4%), отказано въ регистраціи 187 обществамъ и закрыто 31. И это съ начала дѣйствія закона 4 марта 1906 г., т. е. всего въ теченіе года съ небольшимъ.

Всего возникли союзы въ 102 отрасляхъ промышленнаго производства.

Упомяну здѣсь еще, что въ числѣ мѣръ, которыми рабочіе стремятся получить благопріятное для себя соотношеніе силъ, являются стачки, представляющія крайнее боевое средство и, конечно, весьма разорительное и тягостное для рабочихъ. Но мы видимъ, что такимъ же средствомъ (локауты) не пренебрегаютъ и предприниматели, на положеніи которыхъ всякая остановка въ производствѣ отзывается не такъ губительно, какъ на положеніи рабочихъ.

VII.

Чтобы закончить сказанное о заработной платѣ, необходимо еще указать, что на установленіе уровня ея вліяетъ и форма заработной платы. Плата можетъ быть повременная: поденная, недѣльная, мѣсячная; или же сдѣльная, урочная, за опредѣленное количество издѣлій. Выгодность или невыгодность той или иной формы для предпринимателей и рабочихъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ техническихъ условій производства. Такъ, одно время рабочіе были очень противъ установленія сдѣльной платы. Предприниматели устанавляли ее, именно потому, что этимъ создавалось у рабочихъ побужденіе работать прилежнѣе, напряженнѣе, чтобы больше выработать и, стало быть, въ теченіе меньшей части дня выработать свое содержаніе. Остальное уже представляло бы собою прибавочный трудъ, идущій весь на выработку того, изъ чего черпается прибыль предпринимателя или то, что называютъ прибавочной цѣнностью. Для предпринимателя же выгодна такая форма заработной платы, однако, при томъ условіи, когда стремленіемъ ускорить свою работу, рабочій не можетъ испортить издѣліе, приготовить его худшаго качества. Слѣдовательно, она примѣнима, съ точки зрѣнія предпринимателя, съ выгодой лишь при возможности надзора, предохраняющаго отъ несоотвѣтственнаго

качества издѣлія или же въ такихъ работахъ, гдѣ и нельзя испортить. Такъ, напр., она очень примѣнима въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ плата изъ доли урожая напр. Тутъ испортить ничего нельзя, а отъ тщательности обработки, чистоты обмолота и т. д. зависитъ абсолютная величина той доли, которая придется на пользу рабочаго.

Съ теченіемъ времени, однако, съ измѣненіемъ техническихъ условій производства, рабочіе стали во многихъ случаяхъ, гдѣ ранѣе относились отрицательно къ сдѣльной платѣ, предпочитать ее. Дѣло въ томъ, что при повременной платѣ и при возможности поставить машину съ болѣе ускореннымъ ходомъ напр., предприниматель имѣетъ возможность, не увеличивая платы, повысить выработку рабочаго и усилить напряженность его труда, такъ какъ машина съ ускореннымъ движеніемъ требуетъ болѣе усиленнаго и сосредоточеннаго вниманія. Когда рабочіе подмѣтили это, то они и стали требовать введенія при такихъ условіяхъ сдѣльной платы, чтобы повышенное напряженіе рабочихъ силъ не оставалось безъ оплаты.

Вотъ это вліяніе формы заработной платы на величину ея, заставляетъ, между прочимъ, рабочихъ быть и противъ системы Тэйлора. Послѣдняя, какъ это должно быть ясно изъ того, что въ своемъ мѣстѣ было сказано о ней, ставитъ приложеніе труда рабочаго такъ, чтобы тутъ ни одно движеніе, необходимое для производственнаго результата, не пропадало безплодно. Слѣдовательно, тутъ въ процессѣ работы, весь трудовой механизмъ рабочаго использованъ вполнѣ. Отсюда и является опасеніе, что это создаетъ необходимость еще большаго напряженія силъ, чѣмъ при обычныхъ пріемахъ, гдѣ нѣтъ нормъ и предписаній какъ пользоваться рабочему своимъ трудовымъ механизмомъ и гдѣ онъ, поэтому, можетъ и ограничить напряженіе силъ, въ зависимости отъ ощущенія утомленія. Но въ своемъ мѣстѣ, было уже приведено, что при этой системѣ вводится въ расчетъ и то отдохновеніе, которое необходимо для нормальнаго функціонированія рабочихъ силъ. Главное же, что упускается здѣсь изъ виду рабочими— это то, что въ основу этой системы кладется соотвѣтствіе данной трудовой операціи силамъ, свойствамъ, способностямъ рабочаго. А при этомъ не можетъ быть перенапряженіе, которое является тогда, когда приходится исполнять работу непосильную, по несоотвѣтствію ее строенію и силамъ даннаго организма. Непосильной она, можетъ быть, однако, и при наличности этого соотвѣтствія, если продолжается слишкомъ долго. Но противъ этой послѣдней непосильности, какъ извѣстно, и выдвинута уже и введена въ практику опредѣленная величина рабочаго дня. Что же касается напряженія, вытекающаго изъ несоотвѣтствія работы свойствамъ и силамъ даннаго лица, то при системѣ Тэйлора его не можетъ быть, именно по тому, что это

отметаетъ сама система, почему при ней и не можетъ быть „поддужныхъ“ рабочихъ.

Но, кромѣ того, для выясненія этого и въ связи со всей постановкой системы, какъ указано самимъ Тэйлоромъ, необходимо отказаться отъ постановки дѣла по „военному образцу“, т.-е. необходимо участіе самихъ рабочихъ въ распредѣленіи работъ между ними, что при существованіи профессіональныхъ союзовъ и ихъ ячеекъ въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи вполнѣ осуществимо. Но для предпринимателей это, конечно, не представляется желательнымъ, чѣмъ и надо объяснить, что при всей выгодѣ этой системы и для нихъ, такъ какъ тогда быстрѣе окупается постоянный капиталъ, примѣненіе ея все же распространяется очень медленно. А это неохотное примѣненіе ея предпринимателями уже говоритъ за то, что она выгодна для рабочихъ. И дѣйствительно, примѣненіе ея должно вырвать контроль надъ работой изъ рукъ предпринимателей, что они, конечно, очень хорошо видятъ и чего, конечно, не желаютъ, такъ какъ за этимъ можетъ идти и дальнѣйшее вмѣшательство рабочихъ въ постановку и ходъ предпріятія: „упустишь огонь, не потушишь“.

Правда, можетъ быть еще одна причина, заставляющая рабочихъ быть противъ примѣненія системы Тэйлора—та же, которая въ свое время вызывала противодѣйствіе введенію машинъ. Но какъ тамъ рабочіе пришли, наконецъ, къ совершенно правильному заключенію о непригодности этого противодѣйствія въ ихъ же интересахъ, такъ и тутъ, они должны придти къ тому же. Противодѣйствіе примѣненію машинъ вытекало, главнымъ образомъ, изъ того, что машина вырывала у рабочаго работу, а стало быть и заработокъ и грозила ему голодной смертью. Система Тэйлора, сокращающая потребное количество рабочихъ силъ на производство данной работы, тоже сокращаетъ спросъ на живыя человѣческія рабочія силы, и это составляетъ одну изъ причинъ противодѣйствія ей со стороны рабочихъ. Но выше было уже указано, что общее повышеніе производительности труда, при сохраненіи даже прежней относительной доли заработной платы во всемъ произведенномъ продуктѣ, увеличиваетъ абсолютную величину этой доли и, слѣдовательно, ведетъ къ улучшенію положенія рабочаго. Это же улучшеніе положенія, дающее возможность болѣе человѣческаго существованія, при опредѣленной организаціи увеличиваетъ устойчивость и силу сопротивленія рабочихъ тому, что можетъ угнетать ихъ. Поэтому, повышеніе производительности ихъ труда можетъ быть только выгодно для нихъ. И именно въ этомъ и вообще въ активномъ образѣ дѣйствій съ ихъ стороны заключается залогъ того положенія рабочей массы, которое ведетъ ее къ достойному людей существованію. Всякія же пассивныя мѣры борьбы за свое благопо-

лучіе, какъ саботажъ напр., замедленіе въ работѣ, отлыниваніе отъ нея, понижая производительность труда, понижаетъ въ то же время весь моральный уровень человѣка и дѣлаетъ его менѣе изобрѣтательнымъ, способнымъ и устойчивымъ въ примѣненіи мѣръ улучшенія своего существованія. А это ослабляетъ и всю активную дѣятельность рабочаго класса. Вотъ почему многіе рабочіе союзы, какъ противъ саботажа съ одной стороны, такъ и за введеніе усовершенствованныхъ машинъ съ другой, какъ это было указано въ своемъ мѣстѣ.

Добавлю еще, что постановка и организація капиталистическаго производства съ его перемѣнами въ спросѣ на тотъ или другой товаръ и съ измѣненіями въ техническихъ условіяхъ производства, постоянно воспроизводитъ массу безработныхъ. Наличность послѣднихъ составляетъ одно изъ условій существованія капиталистическаго производства, гдѣ къ услугамъ капитала надо всегда имѣть свободныя рабочія силы. Отсюда, противъ этого, съ точки зрѣнія интересовъ рабочаго класса, не могутъ и не должны приниматься такія частичныя мѣры, которыя ослабляютъ производительныя силы общества и уменьшаютъ запасъ средствъ, необходимыхъ для тѣхъ же безработныхъ. Тутъ возможна и необходима только соотвѣтствующая организація всѣхъ производительныхъ силъ, о чемъ уже и выше было сказано довольно много и необходимость чего подтверждается и анализомъ только что разсмотрѣнныхъ явленій.

Относительно заработной платы надо еще сказать, что при общихъ основаніяхъ, опредѣляющихъ уровень заработной платы, высота ея по разнымъ отраслямъ занятій, какъ это было выяснено еще А. Смитомъ, бываетъ различна въ зависимости отъ спеціальныхъ условій этихъ занятій. Такъ, она будетъ выше тамъ, гдѣ для даннаго труда требуется подготовка. За опредѣленное время приложенія труда, она будетъ выше тамъ, гдѣ для предложенія труда, нужно еще потратить опредѣленное время на ожиданіе, какъ напр. въ трудѣ извозчика. Съ чисто экономической точки зрѣнія это можетъ быть объяснено тѣмъ, что, если бы время ожиданія или время подготовки къ труду не оплачивалось выше, то никто бы и не сталъ заниматься этимъ. А между тѣмъ эти виды труда являются необходимыми для общества.

3. Прибыль.

I.

При производствѣ трудъ приводитъ въ движеніе капиталъ, т. е. пользуется орудіями производства, помѣщеніемъ производства и переработываетъ сырой матеріалъ, претворяетъ его въ тотъ видъ, придаетъ ему такую форму, которая дѣлаетъ его пригоднымъ служить удовлетворенію потребностей человѣка. Такимъ образомъ,

трудъ безъ капитала не можетъ исполнить своего назначенія. Но въ капиталистическомъ строѣ, по преимуществу въ области обрабатывающей промышленности, капиталъ, обыкновенно принадлежитъ не тѣмъ, кто прилагаетъ свой трудъ. Трудятся рабочіе пролетаріи, въ лучшемъ случаѣ имѣющіе въ собственности, помимо того, что на себѣ, еще домашнюю утварь. Капиталъ же каждаго предпріятія, какъ мы знаемъ, принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ или ихъ совокупности, собирательному цѣлому. Но въ капиталистическомъ строѣ, какъ намъ то же извѣстно, можно что либо получать, продавая что либо, и на вырученныя за то деньги, получая то, что необходимо для существованія. Рабочій продаетъ свою рабочую силу, какъ это развито въ предыдущемъ отдѣлѣ. Владѣльцы капиталовъ торгуютъ капиталомъ. Одни изъ нихъ находятся въ такомъ положеніи, что имъ и нечего больше продать. Это не только самое цѣнное, что они имѣютъ, но нерѣдко и единственное, что они могутъ внести въ общій жизненный укладъ. Въ этихъ случаяхъ передъ нами выступаютъ крупные капиталисты съ большими капиталами. Но какъ въ производствѣ и въ торговлѣ на ряду съ крупными предпріятіями, имѣются и мелкія, такъ и тутъ на ряду съ владѣльцами крупныхъ капиталовъ, существуютъ и мелкіе, въ томъ числѣ, какъ я указывалъ въ главѣ о капиталѣ (стр. 179—182), имѣются и рабочіе, тоже торгующіе своимъ капиталомъ, вкладывающіе его въ дѣло, въ предпріятія непосредственно, или черезъ посредство банковъ, путемъ пріобрѣтенія акцій, паевъ и т. д., чтобы имѣть добавочный доходъ къ другимъ источникамъ своего существованія. Доходъ этотъ и является въ видѣ прибыли получаемой на капиталъ: она составляетъ ту цѣну, за которую капиталъ предоставляется труду для пользованія имъ, но не въ собственность.

Безъ разрѣшенія собственниковъ капитала нельзя воспользоваться ихъ капиталами для веденія производства, а они отдаютъ его, торгуютъ имъ только по опредѣленной цѣнѣ. Въ ученіи о прибыли и надо выяснить: 1, чѣмъ опредѣляется цѣна, которая удѣляется владѣльцамъ капитала за пользованіе имъ и 2, изъ чего черпается то, что идетъ капиталу, гдѣ источникъ прибыли, т. е. откуда и какъ получается тотъ избытокъ въ производствѣ, который, за вычетомъ заработной платы, т. е. того, что получаютъ участвующіе въ производствѣ трудомъ, идетъ на долю тѣхъ, кому принадлежитъ капиталъ. Что источникъ прибыли, т. е. избытка заключается въ повышенной производительности труда, отчего бы послѣдняя не происходила — это, надо думать, ясно уже изъ всего предшествующаго. Было уже выяснено, что отъ того, кто занимается производствомъ, отъ рабочаго, работаетъ ли онъ по найму или отъ себя можно

получить, т. е. можно лишить его части того, что онъ сдѣлалъ, только тогда, если это больше того, что ему нужно на его содержаніе. Это признаетъ и австрійская теорія Бемъ Баверка, теорія предѣльной полезности, которая устанавливаетъ свое опредѣленіе прибыли согласно своей основной исходной точки зрѣнія. Она исходитъ не изъ хозяйственныхъ условій, а изъ психологическихъ и говоритъ такимъ образомъ. Люди цѣнятъ настоящее — болѣе будущаго. Это, какъ будто подтверждается — нашей русской пословицей: „Не сули журавля въ небѣ, дай синицу да въ руки". — Согласно этому положенію трудъ рабочаго, примѣняемый въ настоящее время оплачивается по полной цѣнѣ и, слѣдовательно, изъ него не можетъ быть прибыли. Но, оплачивая трудъ въ настоящемъ, предпріятіе оплачиваетъ въ настоящемъ и сырой матеріалъ и расходъ на работу орудій производства. Все это идетъ для приготовленія товара, который является будущимъ, т. е. до изготовленія котораго проходитъ время, по прошествіи котораго товаръ становится настоящимъ. Тогда, ставъ настоящимъ, онъ и получаетъ большую цѣну, чѣмъ стоило въ свое время то, изъ чего онъ создавался въ прошедшемъ: слѣдовательно, покупатель этого товара даетъ за него больше того, что платилось въ свое время за все то, изъ чего сдѣланъ товаръ.

Итакъ, здѣсь объясняется почему покупатель платитъ больше, чѣмъ платилъ предприниматель, но откуда берется это большее, что покупатель можетъ уплатить — этого не видно, а, между тѣмъ, мы должны принять, какъ это и бываетъ обычно въ дѣйствительности, что покупатель товара тоже производитель, предприниматель. Откуда же наросло у него это большее, что онъ платитъ, сверхъ того, что онъ въ свое время уплатилъ за работу и прочее. Выходитъ, что съ каждаго изъ нихъ продавцы произведеннаго матеріальнаго товара получили больше, чѣмъ сами истратили, а откуда и какъ получалось это большее—все же не видать.

Такимъ образомъ теорія эта не уясняетъ того, что именно она и должна уяснить, тутъ нѣтъ анализа экономическихъ условій. Кромѣ того, нельзя не признать, что и основныя посылки, изъ которыхъ дѣлается выводъ, по меньшей мѣрѣ не доказаны. Въ самомъ дѣлѣ, всегда ли и во всемъ ли настоящее цѣнимъ больше будущаго?— Приведенной мною пословицѣ, можно противопоставить другую, взятую тоже изъ жизни: „Береги денежку про черный день". И мы встрѣчаемъ много примѣровъ, какъ берегутъ деньги, откладываютъ для обезпеченія себя подъ старость, тратятъ ихъ въ настоящемъ на воспитаніе дѣтей, между прочимъ, въ разсчетѣ на будущую ихъ помощь, слѣдовательно ограничиваютъ себя въ настоящемъ ради будущаго, т. е. цѣнятъ настоящее менѣе ожидаемаго будущаго.

Даже въ разсужденіи Бемъ-Баверка, если дѣлаютъ затраты въ настоящемъ ради полученія большаго въ будущемъ, то, очевидно, это будущее цѣнится выше настоящаго, ибо въ настоящемъ-то расходъ во всякомъ случаѣ произведенъ, деньги истрачены, а что получится изъ этого въ будущемъ и получится ли—это навѣрное неизвѣстно, такъ что тутъ всегда происходитъ рискъ въ настоящемъ, ради неизвѣстнаго и невѣрнаго будущаго. Наконецъ, всякое страхованіе представляетъ собою отказъ отъ настоящаго ради будущаго. Указываетъ ли все это на то, что настоящее цѣнится выше будущаго?

Въ подтвержденіе своего соображенія объ оцѣнкѣ настоящаго и будущаго Бемъ-Баверкъ приводитъ, между прочимъ примѣръ рабочаго, спускающаго въ праздничный день все, послѣ чего голодаетъ недѣлю. Но нельзя для примѣра и объясненія хозяйственныхъ явленій настоящаго времени, а въ особенности того, что происходитъ въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, гдѣ все основано на опредѣленномъ разсчетѣ, брать или дикаря, который готовъ за настоящее отдать все, что имѣетъ, не разсчитывающаго и не способнаго разсчитать что либо, или если и современнаго человѣка, то тоже не разсчитывающаго и, надо думать, не представляющаго собою обычнаго типичнаго рабочаго.

Невѣрно и то, что рабочіе получаютъ отъ предпринимателя въ настоящемъ, за то, что еще будетъ. Я уже указалъ въ своемъ мѣстѣ, что плата рабочимъ идетъ изъ продукта ихъ труда, а не изъ какого либо предшествующаго фонда, что не предприниматель кредитуетъ ихъ, а они его. Не повторяя приведенныхъ тамъ примѣровъ, приведу указаніе американскаго экономиста Зелигмана, что въ перевозочныхъ предпріятіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ работаютъ сотни тысячъ рабочихъ—они получаютъ уплату помѣсячно или недѣльно, а плата за перевозку поступаетъ желѣзной дорогѣ сейчасъ, т. е. до уплаты рабочимъ за эту перевозку. Рабочіе получаютъ здѣсь, слѣдовательно, настоящее за прошлое, но прибыль получается не ими, а желѣзно-дорожной компаніей, т. е. согласно Бемъ-Баверку рабочіе получаютъ меньшую цѣнность, чѣмъ отдали предпринимателю. Они отдали настоящій трудъ за будущую плату, отдали свой трудъ, въ настоящемъ, т. е. то, что цѣнятъ выше будущаго, а получаютъ за это заработную плату въ будущемъ въ такомъ размѣрѣ, который ниже того, что они отдали, такъ какъ прибыль получилъ тотъ, кто получилъ ихъ трудъ, а не они. Точно то же получается при исполненіи разныхъ заказовъ. Далѣе, дубленіе кожи, напр., при примѣненіи электричества продолжается 4 дня, производство желѣза и стали по способу Бессемера—20 мин., а заработная плата получается черезъ двѣ недѣли, мѣсяцъ.

Но, кромѣ того, это не объясняетъ источника—откуда черпается

то, что получается въ видѣ прибыли, источника, изъ котораго уплачиваютъ предприниматели, берущіе, какъ я уже отмѣтилъ, другъ съ друга больше того, что истратили сами. Австрійскому ученому и и самому ясно, что установленное имъ психологическое основаніе, если и вѣрно, то во всякомъ случаѣ недостаточно для указанія источника прибыли.

„Конечно, говоритъ онъ, одного движенія времени недостаточно, чтобы сдѣлать изъ будущаго товара настоящій. Блага должны перейти пропасть, отдѣляющую ихъ отъ настоящаго, а переходъ этотъ совершится посредствомъ производства, которое превращаетъ ихъ изъ благъ отдаленнаго порядка въ созрѣвшіе для потребленія окончательные продукты". А если такъ, то источникъ прибыли, согласно этой теоріи, въ производствѣ. Но производство—это дѣятельность труда, дѣятельность человѣка, рабочаго, безъ приложенія труда котораго капиталъ мертвъ, безжизненъ. А въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, источникъ прибыли въ производительности труда.

А если такъ, то, слѣдовательно на долю прибыли изъ общей цѣнности того, что идетъ въ раздѣлъ между представителями труда и капитала, приходится то, что остается за вычетомъ заработной платы. Высота прибыли опредѣляется, слѣдовательно, отношеніемъ той части труда, которою покрывается содержаніе рабочаго и той части труда, которая идетъ сверхъ этого для созданія прибыли. А это зависитъ, во, первыхъ, отъ производительности труда и во вторыхъ отъ длины рабочаго дня или напряженности труда. Отсюда понятны и тѣ мѣры, которыя принимаются предпріятіями для повышенія производительности труда, а также и то стремленіе предринимателей къ удлиненію рабочаго дня, предѣлы которому положены были первоначально фабричнымъ законодательствомъ.

Такимъ образомъ, прибыль получается изъ прибавочной затраты труда сверхъ того, что идетъ на скудное содержаніе труда. Эта прибавочная затрата труда и создаетъ то, что называется прибавочной цѣнностью, изъ которой и черпается прибыль. При этомъ различается абсолютная прибавочная цѣнность, получающаяся изъ удлиненія рабочаго дня, увеличивающаго общее количество затраченнаго рабочими труда, и относительная прибавочная цѣнность, получающаяся изъ сокращенія той части цѣнности, которая идетъ на содержаніе рабочаго, что достигается повышеніемъ напряженности труда, его производительности.

Величина прибыли зависитъ отъ нормы прибавочной цѣнности, т.-е. отъ отношенія величины прибавочной цѣнности къ той части цѣнности, которая идетъ на заработную плату. Отсюда вся задача предпріятій, ведущихся изъ-за прибыли, и заключается въ увеличеніи

этой нормы, т.-е. въ увеличеніи части, идущей на долю прибыли, что и достигается примѣненіемъ той или иной формы заработной платы, а въ особенности тѣми пріемами, которые, какъ мы видѣли, примѣняются при пользованіи машинами въ капиталистическомъ производствѣ. Отсюда, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, явилась также мысль о производительности капитала, дающая основаніе теоріи, согласно которой прибыль является результатомъ производительности капитала. Такъ какъ мысль о производительности капитала была уже проанализирована мною въ ученіи о капиталѣ, то останавливаться здѣсь на этой теоріи я далѣе не буду.

II.

Все сказанное до сихъ поръ о прибыли относится къ валовой прибыли. Но въ ней надо различать двѣ части: 1) процентъ на капиталъ, 2) предпринимательскій барышъ. Первая часть представляетъ собою оплату капитала, цѣну, по которой онъ продается для производства или торговли, примѣняется въ нихъ. Вторая заключаетъ въ себѣ и элементъ трудового вознагражденія: за организацію, за веденіе предпріятія. Но она отличается отъ заработной платы тѣмъ, что величина ея опредѣляется въ концѣ производства, какъ результатъ болѣе или менѣе искуснаго веденія дѣла и умѣнья ориентироваться среди хозяйственныхъ условій, успѣшно использовать то, что называется конъюнктурой, т.-е. то, что является результатомъ стеченія экономическихъ, производственныхъ и торговыхъ обстоятельствъ. Но и здѣсь въ предпринимательскомъ барышѣ надо различать двѣ части. Одна можетъ представлять собою опредѣленное вознагражденіе за трудъ по организаціи и веденію предпріятія и можетъ быть даже выдѣлена изъ прибыли, коль скоро она составляетъ вознагражденіе отдѣльнаго лица — директора фабрики напр., приглашеннаго на опредѣленныхъ условіяхъ для организаціи и веденія предпріятія. Другая является все же прибылью на капиталъ, сверхъ того опредѣленнаго процента, который можетъ быть приравненъ къ проценту на капиталъ, ссуженный въ займы. Эта часть предпринимательскаго барыша есть все-таки прибыль на капиталъ, опредѣляемая въ концѣ отчетнаго года, а не наперед; величина ея зависитъ отъ успѣшнаго хода предпріятія и въ двухъ предпріятіяхъ одного и того же рода можетъ быть различна. Она идетъ предпринимателю или предпринимателямъ (въ акціонерныхъ компаніяхъ напр.) просто въ силу того, что безъ ихъ капиталовъ, помимо ссуднаго капитала, предпріятіе не могло бы вестись.

Относительно предпринимательской прибыли слѣдуетъ еще за-

мѣтить, что съ теченіемъ времени она имѣетъ тенденцію понижаться, какъ вслѣдствіе увеличенія капиталовъ, затрачиваемыхъ на производство, такъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе увеличенія числа лицъ подготовленныхъ къ веденію предпріятій и, такъ сказать, выравненія условій капиталистическаго производства, которому, хотя и приходится считаться съ болѣе сложными обстоятельствами, но путь среди которыхъ является уже болѣе натореннымъ.

Что касается процента на капиталъ, то здѣсь однимъ изъ вопросовъ является вопросъ о причинахъ его равенства во всѣхъ предпріятіяхъ. Вопросъ этотъ можетъ вызываться тѣмъ, что та часть капитала, примѣненіе которой и создаетъ прибыль, а именно перемѣнная въ различныхъ предпріятіяхъ не одинакова по отношенію ко всему капиталу. Слѣдовательно, при равенствѣ нормы прибыли, т.-е. отношенія прибавочной цѣнности къ той части цѣнности, которою оплачивается заработная плата, одинаковая сумма прибавочной цѣнности исчисляется по отношенію къ различной суммѣ всего капитала, завязаннаго въ производствѣ. Такъ при капиталѣ въ 100 р., въ одномъ предпріятіи на заработную плату можетъ идти 25 р. и прибавочная цѣнность составитъ тоже 25 р., — итого перемѣнный капиталъ далъ 25 р., излишка, что на весь капиталъ составитъ 25%. Въ другомъ предпріятіи при той же общей затратѣ всего капитала въ 100 р., перемѣнный капиталъ можетъ составить лишь 20 р., а остальное идетъ на орудія производства и сырые матеріалы. При той же нормѣ прибавочной цѣнности получится 20 р. прибавочной цѣнности, что составляетъ лишь 20% прибыли, т. е. на равныя затраты всего капитала получается неодинаковый процентъ прибыли. Но тутъ надо имѣть въ виду, что это различіе въ общемъ процентѣ прибыли можетъ отразиться на различіи барыша предпринимателя. Что же касается процента на капиталъ, какъ цѣны, по которой послѣдній продается, то онъ уравнивается въ силу конкуренціи, толкающей его туда, гдѣ онъ лучше оплачивается, а этимъ путемъ онъ (т.-е. %) и устанавливается всюду одинаково, чтобы въ каждое предпріятіе, требуемое рынкомъ, можно было вложить необходимое количество капитала.

Другой вопросъ, связанный съ процентомъ на капиталъ — это постепенное пониженіе его. Разъясненіе этого вопроса находимъ въ томъ же различіи строенія капитала, т.-е. отношеніи постоянной и перемѣнной части его.

Дѣло въ томъ, что, какъ легко видѣть изъ всего предыдущаго, по мѣрѣ того, какъ люди прилагаютъ болѣе и болѣе результаты знанія къ постановкѣ производства, а также по мѣрѣ того, какъ растетъ стремленіе увеличивать прибыль предпріятій, въ послѣднихъ постоянный капиталъ, т.-е. состоящій въ значительной своей части

изъ орудій производства, машинъ, увеличивается все болѣе и болѣе и абсолютно и по отношенію къ перемѣнному капиталу, такъ какъ число рабочихъ, трудъ которыхъ оплачиваетея въ каждомъ данномъ предпріятіи, съ примѣненіемъ болѣе и болѣе усовершенствованныхъ орудій производства уменьшается противъ прежняго сравнительно съ величиною всего капитала, приводимаго ими въ дѣйствіе. Измѣняется, такимъ образомъ, строеніе капитала и отношеніе его перемѣнной и постоянной части насчетъ увеличенія, возрастанія послѣдней. А такъ какъ прибавочная цѣнность создается перемѣнной частью капитала, прибыль же исчисляется на весь капиталъ (постоянный + перемѣнный), то прибавочная цѣнность въ отношеніи ко всему капиталу или же процентъ на капиталъ и становится ниже.

Такое объясненіе можетъ представляться неправильнымъ, такъ какъ противорѣчитъ какъ будто основной задачѣ капиталистическаго производства — извлеченію прибыли. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ предприниматели будутъ вводить техническія улучшенія? Но въ отдѣлѣ о машинахъ и цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ уже достаточно выяснено какъ это способствуетъ повышенію общей суммы прибыли, повышаетъ производительность труда, увеличиваетъ прибыль абсолютно, безъ отношенія ко всему затраченному капиталу, съ другой стороны это же побуждаетъ все болѣе и болѣе укрупнять производство, черезъ что сокращаются многіе расходы и удешевляется производство товаровъ, открывающее имъ болѣе широкій сбытъ. Это же создаетъ и стремленіе расширять сбытъ все болѣе, т. е. вести производство все въ болѣе и болѣе крупныхъ размѣрахъ, что, заваливая рынокъ товарами, приводитъ къ такой конкурренціи, которая, какъ было указано, ведетъ къ образованію синдикатовъ и трэстовъ, еще болѣе увеличивающихъ общую сумму прибыли путемъ установленія монопольныхъ цѣнъ. Это же ведетъ и къ стремленію расширить рынокъ сбыта путемъ завоеванія колоній и подчиненія своему господству другихъ странъ, что составляетъ главное основаніе всѣхъ войнъ XIX столѣтія и что вызвало съ успѣхомъ капиталистическаго развитія Германіи при наличности развитого капитализма въ сосѣднихъ странахъ, ту жестокую бойню 1914 г. и послѣдующихъ лѣтъ, которая такимъ роковымъ образомъ переживается Россіей. Это же вызываетъ и промышленные кризисы, о которыхъ будетъ идти рѣчь особо. Нельзя не указать далѣе и на то, что развитіе капитализма въ обрабатывающей промышленности и его стремленіе удешевить расходъ на содержаніе создателей богатства — рабочихъ, ведетъ къ стремленію удешевить стоимость содержанія послѣднихъ (реальную заработную плату), а это въ связи съ стремленіемъ охватить господствомъ капитала все, что только возможно ведетъ: 1) къ развитію

средствъ сообщенія, доставляющихъ хлѣбъ изъ странъ, гдѣ производство его обходится дешевле и 2) къ стремленію улучшить, повысить производительность земледѣльческаго труда, что достигается не только примѣненіемъ и тамъ техническихъ усовершенствованій, но и развитіемъ спеціальныхъ земледѣльческихъ культуръ, соотвѣтственно благопріятствующимъ тому природнымъ условіямъ, а эта спеціализація дѣлаетъ еще болѣе необходимой непрерывность связи и взаимныхъ отношеній различныхъ странъ и мѣстностей. Развитіе же средствъ сообщеній, давшее возможность доставлять продукты земледѣлія изъ отдаленныхъ мѣстностей, между прочимъ изъ С. Ш. С. Америки и Аргентины въ Европу, въ свою очередь вызвано тѣмъ развитіемъ земледѣлія въ Американскихъ странахъ, которое создалось потокомъ эмигрантовъ туда изъ Европы. Этотъ же потокъ эмигрантовъ вызванъ былъ въ значительной степени, поскольку онъ зависѣлъ отъ экономическихъ причинъ, тѣмъ выкидываніемъ съ фабрикъ массъ рабочихъ, который создавался примѣненіемъ машинъ и создается постояннымъ ростомъ постояннаго капитала на счетъ перемѣннаго. Такимъ образомъ, даже отрицательныя послѣдствія развитія капитализма, какъ безработица или угроза ея, или ухудшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, выгоняя послѣднихъ изъ родной страны, въ въ концѣ-концовъ вели и ведутъ къ установленію тѣсной неразрывной связи между всѣми странами міра и ихъ взаимной зависимости, создающей и общность ихъ хозяйственныхъ интересовъ.

4. Поземельная рента.

Въ процессѣ труда въ производствѣ создаются цѣнности, идущія не только на содержаніе труда, не только на удовлетвореніе капиталистовъ прибылью, но и идущія на содержаніе землевладѣльцевъ. Каждое производство занимаетъ то или иное пространство земли, которая представляетъ собою, такъ сказать, даръ природы и не создана трудомъ, почему и не можетъ быть причисляема къ капиталу въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ сельско-хозяйственномъ производствѣ, въ земледѣліи, въ добывающей промышленности какъ горно-заводское дѣло—этотъ даръ природы—земля, и нѣдра ея являются и средствомъ производства, сырымъ матеріаломъ. Въ такихъ дарахъ природы, какъ водопады, напр. или вообще сила паденія воды — этотъ тоже даръ природы — является и орудіемъ производства. Такимъ образомъ, указанныя силы природы, связанныя съ землею, играютъ съ технической стороны ту же роль въ производствѣ, какъ постоянный капиталъ въ различныхъ его проявленіяхъ, въ формѣ основного или оборотнаго. Но такъ какъ онѣ не созданы трудомъ, то съ строго научной точки

зрѣнія ихъ нельзя причислять къ капиталу, поэтому, такъ сказать, съ экономической, народно-хозяйственной точки зрѣнія они какъ будто не могутъ разсматриваться какъ капиталъ и давать доходъ аналогичный съ доходомъ отъ послѣдняго. Не даетъ же его такая часть природы какъ воздухъ напр., безъ составныхъ частей котораго нельзя обойтись въ производствѣ и въ частности въ земледѣліи. Но это не потому, чтобы человѣкъ не хотѣлъ использовать его въ своихъ частныхъ выгодахъ, а потому что, по общему правилу, его нельзя освоить, сдѣлать своей собственностью и тѣмъ помѣшать другимъ свободно пользоваться имъ. По отношенію же къ землѣ и тому, что связано съ ней, къ свободно растущему на ней лѣсу и т. п. — это не такъ.

Участокъ земли можно захватить, освоить, присвоить его въ исключительное свое обладаніе и не допускать до пользованія его другихъ, безъ соизволенія собственника. А въ такомъ случаѣ значитъ можно его отдать въ наймы, отдать въ аренду, продать и за это получить опредѣленную денежную сумму, могущую, смотря по употребленію ея, представлять собою такой же капиталъ, какъ и всякая другая такой же величины денежная сумма, полученная за какой-либо товаръ, на созданіе котораго требовалась затрата труда. А если такъ, то почему же доходъ отъ этого и тѣ основанія, по которымъ онъ получается, будетъ разсматриваться иначе, чѣмъ доходъ отъ всякой другой денежной суммы или той или иной цѣнности, представляющей собою капиталъ. Если я имѣю 1000 р. и получаю на нихъ, скажемъ, пять процентовъ прибыли, то не все ли равно для меня отчего и за что выручены эти 1000 рублей и въ чемъ заключается цѣнность того, что приноситъ мнѣ эти пять процентовъ, въ томъ ли, что создано трудомъ, и за что надо было заплатить туже сумму денегъ, что и за данный участокъ земли, или же въ этой самой землѣ, которая не создана трудомъ, но за которую я-то, купившій ее, заплатилъ деньги, пріобрѣтенныя, можетъ-быть, тоже трудомъ. И такъ какъ въ условіяхъ капиталистическаго строя нѣтъ земель, не присвоенныхъ кѣмъ-либо, то за каждый клочекъ земли, за пользованіе имъ, надо платить ту или иную сумму денегъ, на которую можно и инымъ путемъ получать доходъ опредѣленной величины.

Арендуя опредѣленный участокъ земли для приложенія къ нему своего труда, напр., я склоненъ заплатить въ видѣ арендной платы такую сумму, какую я долженъ былъ бы истратить на другія средства производства, чтобы при затратѣ того же количества труда получить такой же величины доходъ, такую же прибыль. А такъ какъ въ условіяхъ капиталистическаго строя нѣтъ земли, представляющей свободный даръ природы, она вся освоена, вся принадлежитъ кому-либо и

на пріобрѣтеніе ея затрачены деньги, которыя для принесенія дохода могли бы быть вложены и во что либо другое, то она и разсматривается тутъ какъ капиталъ и доходъ съ нея является при этихъ условіяхъ тѣмъ же, что и прибыль на капиталъ. Если она не куплена, а получена въ наслѣдство отъ первоначальныхъ захватчиковъ ея, то при условіяхъ капиталистическаго строя, она опять таки можетъ быть продана и должна цѣниться такъ же, какъ и всякое другое унаслѣдованное имущество, представляющее капиталъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, и могущее давать при опредѣленной затратѣ труда такой же доходъ.

Отсюда мы еще разъ видимъ, что въ условіяхъ хозяйственной жизни тѣ или иныя вещи, предметы, товары получаютъ то или иное значеніе не сами по себѣ,-не по свойствамъ ихъ только, но прежде всего, по тому, какое значеніе и назначеніе даютъ имъ люди и въ какое отношеніе другъ къ другу входятъ люди при посредствѣ этихъ предметовъ.

Но если бы по отношенію къ доходу отъ пользованія землею, все ограничивалось сказаннымъ, то и не было бы основаній разсматривать, при условіяхъ капиталистическаго строя, поземельный доходъ какъ имѣющій иныя основанія сравнительно съ доходомъ, приносимымъ капиталомъ. Но обычно мы имѣемъ дѣло съ землей разнаго качества, дающей при одинаковомъ приложеніи труда не одинаковый доходъ. То, что мною сказано о земельномъ доходѣ до сихъ поръ относится только до той доли его, которая вытекаетъ изъ обладанія ея и права пользованія ею, выражаемаго въ опредѣленной денежной суммѣ. Но для пользующихся землей доходъ будетъ при одинаковомъ способѣ пользованія землею, различенъ въ зависимости отъ положенія или природныхъ свойствъ даннаго участка. Практически это ведетъ къ различной цѣнности одинаковыхъ по пространству участковъ земли, а теоретически устанавляетъ необходимость выясненія особой природы этого дохода, иныхъ основаній его, отличающихъ его отъ дохода на капиталъ, отъ прибыли и создаетъ ученіе о поземельной рентѣ—дифференціальной, т.-е. объ отличномъ отъ прибыли доходѣ, различномъ въ зависимости не отъ различія въ приложеніи труда и капитала, а отъ различія того, что имѣется въ землѣ или на землѣ безъ участія труда и капитала, что не человѣкомъ создано и не ему обязано своимъ существованіемъ, но что имъ присвоено въ присвоеніи земли, чѣмъ и создается возможность особыхъ отношеній между тѣми, кто присвоилъ землю и тѣми, кто не успѣлъ или не сумѣлъ этого сдѣлать.

Надо имѣть въ виду прежде всего, что дифференціальная поземельная рента, какъ особый видъ дохода, не есть порожденіе спе-

ціально капиталистическаго строя. Если имѣются рядомъ два трудовыхъ участка земли, но одинъ изъ нихъ отличается отъ другого даже не по свойству почвы, а просто, напр., по особому рельефу или по большему наклону къ солнечной сторонѣ—и вотъ уже при затратѣ на обработку ихъ одинаковаго количества труда и при одинаковой культурѣ обоихъ, въ результатѣ за опредѣленный рядъ лѣтъ и по отдѣльнымъ годамъ на одномъ изъ нихъ урожаи будутъ выше, на другомъ ниже, одинъ дастъ больше продукта, другой меньше; владѣлецъ перваго, слѣдовательно, получитъ при одинаковыхъ затратахъ съ владѣльцемъ второго болѣе продукта. Это превышеніе продукта, какъ результатъ различій въ природныхъ свойствахъ даннаго земельнаго участка, и составляетъ поземельную ренту, получаемую владѣльцемъ перваго какъ собственникомъ того участка.

Въ условіяхъ русской дѣйствительности тамъ, гдѣ существовало или существуетъ еще общинное владѣніе землею, присвоеніе результатовъ различія въ природныхъ свойствахъ разныхъ земельныхъ участковъ устраняется тѣмъ, что каждый членъ общины получаетъ по опредѣленной полосѣ земли въ каждомъ изъ участковъ ея, отличающимся по своему плодородію, поскольку оно зависитъ отъ природныхъ свойствъ участка или отъ его положенія, напр., вблизи дороги, гдѣ часть обработанной земли пропадаетъ безплодно отъ прохода и проѣзда по ней.

Въ условіяхъ общиннаго землевладѣнія каждый трудящійся ставится въ такое положеніе, при которомъ результаты его труда, поскольку они зависятъ не отъ него, будутъ одинаковы; онъ получаетъ право собственности только на продуктъ своего труда, а не на орудія и средства производства не имъ созданныя (земля); они находятся только въ пользованіи его на то время, когда онъ прилагаетъ свой трудъ и только для этого назначенія—не болѣе. Но это не есть отрицаніе права собственности вообще, представленіе о которомъ выработалось задолго до наступленія капиталистическаго строя, съ того времени, какъ первый разъ захваченъ былъ и подчиненъ своей власти человѣкъ, который и работалъ уже по приказанію захватчиковъ и соотвѣтственно тому, что тотъ находилъ нужнымъ.

Что общинная собственность на землю уничтожаетъ только право личной собственности на землю, а не вообще собственности на нее, ясно изъ того, что въ двухъ, рядомъ лежащихъ общинахъ могутъ быть и бываютъ, въ зависимости только отъ природныхъ различій, неодинаковые результаты приложенія труда и дифференціальная рента получается той общиной, которой принадлежитъ болѣе плодородный участокъ земли. Поэтому, чтобы достигнуть отмѣны присвоенія поземельной ренты тѣми или другими частными лицами, и придти къ

передачѣ ея обществу въ ея цѣломъ и рекомендуется установленіе на земельную ренту налога, который бы поглощалъ ее всецѣло. Соціализація или націонализація земли этого еще не достигаетъ, такъ какъ при послѣдней тотъ, кто пользуется землею, не можетъ ее продавать, а рента-то за годы пользованія поступитъ въ его пользу.

Но если полученіе ренты владѣльцемъ земли, какъ въ внѣкапиталистическомъ, такъ и въ капиталистическомъ строѣ, есть результатъ собственности на землю, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она входитъ въ цѣну продукта. Если для снабженія общества хлѣбомъ необходима обработка нѣсколькихъ участковъ, изъ которыхъ каждый отличается отъ другихъ по высотѣ урожая, то, конечно, участокъ наименѣе плодородный будетъ обрабатываться только въ томъ случаѣ, если урожай его будетъ оплачиваться такъ, чтобы выручена была и заработная плата въ ея обычномъ размѣрѣ для даннаго рода труда и въ данное время, а такъ же будетъ получена и прибыль по ея обычному уровню въ данное время. Соотвѣтственно этому и будетъ общая цѣна урожая съ этого участка падать въ опредѣленной суммѣ на каждую четверть хлѣба. Но на рынкѣ, гдѣ по общему правилу устанавливается на опредѣленный товаръ одна опредѣленная цѣна и гдѣ покупателю нѣтъ дѣла до того, съ какого участка снята данная четверть хлѣба, всѣ поступающія въ продажу единицы товара, если онѣ необходимы для спрашивающихъ ихъ и обладаютъ одинаковыми качествами, будутъ имѣть одну и ту же цѣну. А потому, каждый владѣлецъ участка, съ котораго снято больше четвертей противъ другихъ—и это превышеніе есть результатъ природныхъ различій, получитъ ренту не на счетъ увеличенія цѣны хлѣба, а при той же цѣнѣ за него, которую получилъ и тотъ, которому оплачены лишь издержки труда и капитала. Но, конечно, если бы весь произведенный товаръ считался результатомъ общественнаго производства, то цѣна произведеннаго урожая опредѣлялась бы не по стоимости его на худшемъ участкѣ, а по средней стоимости на всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ участкахъ, съ которыхъ снятъ урожай. Она, конечно, могла бы устанавливаться менѣе высокой. Скажемъ такъ, если то, что составляетъ десятки владѣній, различающихся по плодородію, соединится въ рукахъ одного общества или союза, то конечно, расцѣнка стоимости урожая будетъ производиться не по каждому участку отдѣльно, а по всѣмъ имъ вмѣстѣ. И тогда средняя цѣна урожая со всѣхъ участковъ будетъ ниже той, какова она для наименѣе плодороднаго.

Необходимо еще имѣть въ виду, что, конечно, теоретически въ отвлеченіи цѣна опредѣляется по стоимости производства на худшемъ участкѣ, чѣмъ и опредѣляется высота ренты съ отдѣльныхъ участковъ. Но въ дѣйствительности она, конечно, можетъ быть выше или ниже

или даже и совсѣмъ не получиться въ денежномъ выраженіи ея, если рынокъ переполненъ будетъ товаромъ, полученнымъ съ участковъ болѣе плодородныхъ,

Для поясненія этого надо указать еще на одно условіе, опредѣляющее наличность поземельной ренты — разстояніе отъ рынка. Естественно, что чѣмъ оно дальше, тѣмъ выше расходъ на подвозъ хлѣба и тѣмъ, стало быть, цѣна его произведенная равнымъ трудомъ и при равной почвѣ будетъ выше и, стало быть, владѣльцы ближнихъ участковъ въ цѣнѣ своего хлѣба получатъ противъ дальнихъ избытокъ, зависящій не отъ ихъ труда, а лишь отъ положенія участка. Но вотъ во второй половинѣ прошлаго вѣка, подъ вліяніемъ удешевленія морской перевозки, англійскій рынокъ переполненъ былъ привозомъ американской пшеницы, произведенной при условіяхъ болѣе экстензивнаго хозяйства, дающаго въ силу богатаго запаса производительныхъ природныхъ силъ, неистощенныхъ предыдущей разработкой, при малой затратѣ труда относительно болѣе высокіе урожаи. Въ результатѣ англійскія пшеничныя хозяйства оказались не рентабельны. Пришлось перейти на луговое хозяйство. Количество пшеницы съ каждаго отдѣльнаго участка въ Англіи было выше, чѣмъ съ американскихъ полей, даже, можетъ быть, и по отношенію къ затраченному труду и капиталу, слѣдовательно въ натурѣ, въ формѣ пшеницы непосредственно, рента могла бы быть, но въ денежномъ ея выраженіи, въ цѣнѣ пшеницы, ея не получалось, не оплачивался и трудъ, такъ какъ онъ являлся тутъ уже выше общественно-необходимаго при данныхъ условіяхъ производства и міровой конъюнктуры. Это ведетъ насъ, во-первыхъ, къ указанію на то, что все то, что устраняетъ различія въ плодородіи отдѣльныхъ участковъ, уменьшаетъ и различіе ихъ дохода, а стало быть и величину ренты. Въ этомъ отношеніи имѣютъ большое значеніе всякія улучшенія въ земледѣліи.

Другое, на что здѣсь можно дать только указанія, но что еще далеко нельзя считать разработаннымъ и выясненнымъ—это при какихъ условіяхъ использованія земли, различіе въ природныхъ свойствахъ разныхъ участковъ ея можетъ не давать дифференціальной ренты. Все ученіе о рентѣ построенно на основаніи наблюденій по преимуществу надъ европейскими земледѣліемъ. Послѣднее должно было обезпечить населенію не только продовольствіе, но и многое другое. Отсюда вытекала необходимость въ каждомъ хозяйствѣ производить все, что только земля по климатическимъ условіямъ можетъ произвести. Но въ главѣ о торговлѣ я замѣтилъ уже, что развитіе послѣдней въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ условій, въ томъ числѣ и развитіемъ путей сообщенія, повело къ спеціализированію и въ обла-

сти земледѣлія. Развитіе обмѣна, распространеніе его на всѣ части міра—повело къ тому, что многое что надо было производить въ Европѣ, стало возможнымъ получать изъ другихъ странъ міра или замѣнить продуктами растительности, получаемыми оттуда. Земледѣліе стало приспособляться къ производству того, чему наиболѣе благопріятствуютъ природныя свойства даннаго участка. А въ такомъ случаѣ, скажемъ, два участка, изъ коихъ одинъ менѣе пригоденъ для производства пшеницы напр., а другой болѣе, ранѣе оба засѣвались ею и съ одного изъ нихъ получался меньшій урожай, а другой давалъ ренту. Но теперь, когда нѣтъ надобности оба ихъ засѣвать пшеницей, а одинъ болѣе урожайный можно оставить попрежнему подъ пшеницей, а другой болѣе пригодный по своимъ природнымъ свойствамъ (что можетъ быть установленно тщательнымъ—научно поставленнымъ анализомъ почвы, ея составныхъ частей), скажемъ, для производства какого либо кормового растенія, отвести подъ послѣднее. Въ результатѣ можетъ получиться доходность обѣихъ участковъ, при разсчетѣ на одинаковое число единицъ труда и капитала, одинаковая. И тогда дифференціальной поземельной ренты не дастъ ни тотъ ни другой, несмотря на различіе связанныхъ съ каждымъ изъ этихъ участковъ ихъ естественныхъ, неуничтожимыхъ свойствъ, обусловливающихъ различіе съ нихъ высоты урожая для однихъ и тѣхъ же произрастаній. А если это такъ, то съ теченіемъ времени, съ развитіемъ все болѣе, и болѣе хозяйственныхъ связей между всѣми странами и съ дальнѣйшей спеціализаціей земледѣлія и различныхъ отраслей его—не только долженъ понизиться уровень земельной ренты, какъ результатъ сокращенія различій въ доходности различныхъ участковъ, но это можетъ и вообще вести къ уравненію условій пользованія землей, какъ то получается и по отношенію къ пользованію капиталомъ.

Въ заключеніе ученія о рентѣ укажу еще на возможность существованія монопольной ренты, когда въ рукахъ собственника находится участокъ съ наименьшей доходностью, не дающей дифференціальной ренты, необходимость обращенія къ использованію котораго, однако, даетъ собственнику его монопольное положеніе, въ виду недостачи безъ того продуктовъ, которые могутъ быть получены съ него. При опредѣленныхъ условіяхъ собственникъ такого участка, можетъ потребовать за него или въ цѣнѣ продуктовъ съ него не только что оплачиваетъ трудъ и капиталъ, но и сверхъ того.

Въ связи съ этимъ необходимо указать и на то, что русскій ученый П. П. Масловъ („Аграрный вопросъ“) называетъ продовольственной рентой. Эта та вынужденная уплата за пользованіе землей, за арендованіе ея, которую по малоземелью уплачиваютъ русскіе крестьяне, не оставляющіе себѣ за трудъ ничего, кромѣ того, что

необходимо для содержанія себя, и не получающіе никакого дохода на орудія и средства обработки, на сѣмена и т. п., вообще на то, что причисляется къ капиталу, т. е. отдающіе землевладѣльцу въ арендной платѣ за землю весь избытокъ результатовъ труда сверхъ того, что имъ остается на скудное содержаніе. Тутъ, говоря языкомъ, характеризующимъ капиталистическій укладъ, такимъ арендаторамъ не остается прибыли на ихъ капиталъ—она уплачивается ими землевладѣльцу, уже сверхъ той прибыли на его капиталъ, которая по обычному рыночному проценту уже входитъ въ арендную плату. Тутъ получается землевладѣльцемъ избытокъ въ силу его монопольнаго положенія и создано оно сознательно тѣми урѣзками и отступленіями, которыя выработаны были при отмѣнѣ крѣпостного права по положенію 19 февраля 1861 года, и которыя создали малоземелье крестьянъ, не способствовавшее развитію производительныхъ силъ Россіи и въ концѣ-концовъ приведшее къ тѣмъ погромамъ имѣній, которые тоже гибельно отозвались на развитіи производительныхъ силъ Россіи.

XVII. Промышленные кризисы.

1.

Не считаю возможнымъ закончить свой курсъ, не коснувшись, хотя въ немногихъ словахъ одного явленія, тѣсно связаннаго съ основными условіями капиталистическаго строя и одно время имѣвшаго даже періодически правильное повтореніе черезъ опредѣленные промежутки времени. Я говорю о промышленныхъ кризисахъ.

Производимые предметы, при современныхъ условіяхъ, какъ мы знаемъ распредѣляются между населеніемъ путемъ обмѣна, т.-е. покупки—продажи. Но чтобы это вело къ распредѣленію ихъ соотвѣтственно потребностямъ, необходима наличность многихъ условій. Во-первыхъ, необходимо, чтобы населеніе располагало покупательными средствами и въ надлежащемъ количествѣ, во 2-хъ, чтобы эти средства правильно и постоянно къ нему притекали, а для этого надо, чтобы производство шло тоже правильно, постоянно, безъ перерыва, т.-е. безъ остановки, такъ какъ покупательныя средства вытекаютъ изъ производства. А чтобы производство шло правильно, безпрерывно, необходимо чтобы произведенное имѣло постоянный сбытъ по той цѣнѣ, которая оплачиваетъ все необходимое и даетъ прибыль, ради которой и ведется производство въ капиталистическомъ строѣ. Чтобы былъ постоянный сбытъ, надо, чтобы покупательныя средства соотвѣтствовали тому, что произведено, т.-е. чтобы было равновѣсіе между производствомъ опредѣленныхъ предметовъ—и спросомъ на нихъ. Какими же средствами достигается это равновѣсіе и что для этого нужно?

Для этого нужно, во-первыхъ, знать кругъ и размѣръ потребностей населенія и, во-вторыхъ, количество рабочихъ силъ, которыми располагаетъ общество и которое можетъ быть соотвѣтственно имѣющимся потребностямъ, направлено на производство того или другого. Въ единичномъ, замкнутомъ хозяйствѣ—это довольно очевидно и безъ всякихъ предварительныхъ сложныхъ разсчетовъ. Въ средневѣковомъ хозяйствѣ городского типа, когда кругъ покупателей, притомъ по преимуществу заказчиковъ состоитъ изъ окрестныхъ

обывателей, потребность въ тѣхъ или другихъ предметахъ тоже довольно близко къ дѣйствительности можетъ быть опредѣлена тѣмъ небольшимъ числомъ ремесленниковъ, которое имѣется въ городѣ. Но уже и тамъ къ концу средневѣковаго періода, когда начинаются болѣе оживленныя торговыя сношенія между разными государствами и странами и когда увеличивается число ремесленниковъ, приходится уже принимать мѣры для урегулированія производства, для опредѣленія того, въ какомъ ремеслѣ изготовленіемъ чего именно заниматься. Но тамъ это регулированіе дѣлается въ интересахъ производителей; интересы же потребителей при неорганизованности послѣднихъ никакимъ учрежденіемъ не регулируются.

Но теперь, когда все производство стало производствомъ для сбыта, когда всѣ страны вошли въ международный обмѣнъ, когда каждая страна стремится все производить и всюду продавать, когда международный рынокъ сталъ до крайности сложнымъ, когда — на немъ является все и отовсюду, когда и на внутреннемъ рынкѣ каждый стремится увеличить свое производство и расширить его, такъ какъ болѣе крупное технически выгоднѣе; когда и помимо этого, производитель не знаетъ рынка, не знаетъ кто и откуда явится его покупателемъ, чего и сколько онъ спроситъ и купитъ — теперь-то именно, когда, какъ будто бы организація производства, приспособленіе его къ кругу и характеру потребностей и спросу потребителей являются наиболѣе необходимыми — теперь-то и не существуетъ никакой сознательно устанавляемой организаціи ни производства, ни потребленія, ни производителей, ни потребителей. Если и появилась послѣднее время организація производителей въ видѣ трэстовъ, то задачи ея такъ односторонни, такъ далеки отъ удовлетворенія интересовъ потребителей, что не только не создаютъ приспособленія производства къ потребленію, а наоборотъ, еще болѣе нарушаютъ равновѣсіе между тѣмъ и другимъ. Организаціи же потребителей (кооперативныя) и учрежденіе ими фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ для своихъ надобностей не настолько еще распространены, чтобы охватывали достаточно большое число населенія.

И вотъ при сложности современныхъ хозяйственныхъ отношеній, при постоянной смѣнѣ въ условіяхъ производства и предложенія товара и въ условіяхъ спроса его и происходитъ постоянное нарушеніе равновѣсія между спросомъ товаровъ на рынкѣ и ихъ предложеніемъ. Конечно, такое нарушеніе равновѣсія можетъ быть въ малой мѣрѣ и тогда оно ничего не измѣняетъ, хотя и можетъ вести къ упадку нѣкоторыхъ предпріятій. Но когда такое несоотвѣтствіе велико и отзывается на многихъ предпріятіяхъ одного рода, оно уже ведетъ

къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. При всеобщемъ производствѣ на продажу — недостатокъ или отсутствіе сбыта въ однихъ товарахъ, сейчасъ отзывается на другихъ, такъ какъ предметы одного производства нужны въ другомъ и т. д. Кромѣ того, это отзывается на спросѣ и на рабочія силы и уже этимъ однимъ сразу касается большой массы потребителей. Затѣмъ, при современномъ развитіи кредита, свободныхъ капиталовъ можетъ не быть, всѣ они связаны въ томъ или другомъ производствѣ, изъ котораго, поскольку это касается основныхъ капиталовъ, скоро выдѣлены быть не могутъ. Поэтому можетъ не быть запасныхъ капиталовъ. Да и банки сокращаютъ ссуду тѣмъ предпріятіямъ, товаръ которыхъ не находитъ сбыта, иначе они сами могутъ испытать крахъ; происходитъ неуплата вовремя и банкамъ, ибо товаръ не проданъ; слѣдовательно нельзя получить и сырой матеріалъ для дальнѣйшаго производства и такимъ образомъ остановка въ однихъ предпріятіяхъ въ сбытѣ, въ другихъ въ производствѣ охватываетъ все большую и большую массу предпріятій и населенія. Всѣ предпріятія въ современныхъ условіяхъ представляютъ собою отдѣльныя звенья одной общей цѣпи. Потянули за одно звено, — сотрясается вся цѣпь.

Съ XIX вѣка стали правильно повторяться кризисы промышленности, т.-е. промышленное оживленіе, потомъ застой и разореніе. Появляются кризисы 1825, 1836, 1857, 1873, 1901 — 2 г.г. Получалось впечатлѣніе періодически правильнаго повторенія ихъ черезъ десятилѣтія. Это представлялось настолько правильнымъ, что англійскій ученый Джевонсъ связывалъ появленіе ихъ съ опредѣленнымъ появленіемъ пятенъ на солнцѣ, — что по нѣкоторымъ наблюденіямъ вліяетъ на высоту урожая на землѣ, а это и отзывается такъ или иначе на спросѣ на различные товары обрабатывающей промышленности, усиливая спросъ или сокращая его. Указывали и на частныя причины, какъ развитіе акціонерныхъ компаній, на связь съ требованіями рабочаго класса, на появленіе и примѣненіе техническихъ изобрѣтеній. Такъ, напр., бессемеровской способъ приготовленія стали увеличилъ прочность издѣлій и уменьшилъ спросъ на нихъ. Правда, бываетъ и такъ, что, напр., усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, предъявляетъ большой спросъ на рельсы, а потомъ его нѣтъ или онъ уменьшонъ, заводы же, производившіе рельсы и построенные для того въ виду бывшаго усиленнаго спроса на этотъ товаръ, переорудовать на что либо другое нельзя, а потребность въ рельсахъ уже насыщена.

Но все это не составляетъ еще основной причины постоянства въ повтореніи кризисовъ. Кромѣ того, указываютъ и на другія причины, какъ война, эпидеміи, вообще все, что вызываетъ и притомъ внезапно—нарушеніе правильнаго удовлетворенія потребностей; все это

конечно, создаетъ тоже кризисъ. Но послѣднія указанныя причины не объясняютъ того, когда при отсутствіи этихъ причинъ, все же появляется кризисъ. Указываютъ и на перемѣнчивость моды. Конечно, и это отзывается, но не на всеобщемъ кризисѣ и опять не создаетъ періодичности кризисовъ, ибо мода каждый годъ мѣняется и такъ уже и знаютъ это заранѣе, и столичныя моды даннаго года на слѣдующій переходятъ напр. въ провинцію или въ другіе слои населенія. Но кромѣ того, оказывается, что сравнительно небольшая часть труда $\left(\frac{1}{100}-\frac{1}{300}\right)$ затрачивается на производство предметовъ съ быстро измѣняющейся потребностью.

Все это и заставляетъ, для объясненія всеобщихъ промышленныхъ кризисовъ, перейти къ описанію болѣе общихъ и постоянныхъ причинъ, коренящихся въ нарушеніи равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Какія же экономическія условія производятъ такое рѣзкое нарушеніе равновѣсія? Тутъ приходится имѣть въ виду два основныя условія.

Надо исходить опять-таки изъ того, что производство ведется ради полученія прибыли. Направляется оно поэтому на такіе предметы, которые обѣщаютъ больше сбыта и большую прибыль. Кромѣ того, изъ этого же вытекаетъ стремленіе производить какъ можно дешевле, съ этою цѣлью примѣняются техническія усовершенствованія, увеличиваются размѣры предпріятія, а что бы обезпечить сбытъ, отыскиваются новые рынки. Такъ шло дѣло въ теченіе приблизительно первыхъ трехъ четвертей XIX-го столѣтія и получалось періодическое повтореніе кризисовъ.

Что же служитъ показателемъ того, что выгодно производить, на что существуетъ большій спросъ? Показателемъ этого служитъ рынокъ, впечатлѣніе торговца, не что либо правильно учитываемое, а опредѣляемое, такъ сказать, на глазомѣръ. И вотъ, соотвѣтственно этому впечатлѣнію, которое предвѣщаетъ усиленіе спроса на товаръ, каждый производитель и увеличиваетъ, расширяетъ свое производство; въ результатѣ оно получается расширеннымъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ опредѣляется это спросомъ — наступаетъ перепроизводство. Къ этому предполагаемому, наиболѣе выгодному производству направляются капиталы; если на первое время оказался нѣкоторый избытокъ произведеннаго, то для сбыта его отыскиваютъ новые рынки; открытіе послѣднихъ вызываетъ еще большее оживленіе промышленности, дѣла идутъ блестяще, производство растетъ. Но разъ открылся новый рынокъ, то онъ открылся и для другихъ государствъ, а съ теченіемъ времени, съ развитіемъ путей сообщенія и сношеній, увеличилось и число предпринимателей про-

изводителей каждаго товара, поставляющихъ свой товаръ и на этотъ новый рынокъ и поэтому даже малѣйшее предположеніе о ростѣ рынка, малѣйшее увеличеніе производства со стороны каждаго уже даетъ очень большое перепроизводство. Международный же приливъ капиталовъ къ производству и притокъ товаровъ на новый рынокъ—уже умаляетъ значеніе этого рынка и наступаетъ застой въ сбытѣ одного товара, что и переходитъ на другіе товары, а затѣмъ почти на всѣ—получается всеобщій кризисъ. Менѣе сильныя, болѣе мелкія предпріятія падаютъ, разрушаются, болѣе крупныя остаются, но сокращаютъ свое производство, или же даже и этого не дѣлаютъ, а продолжаютъ производить, пользуясь болѣе дешевой рабочей силой и не выпуская пока на рынокъ товара. Такимъ образомъ предложеніе товара сокращается, а въ то же время отсрочка въ удовлетвореніи потребности, которой служитъ этотъ товаръ не можетъ итти далѣе — одежда напр, изнашивается—спросъ понемногу начинаетъ расти. Заготовленный и имѣющійся на рынкахъ товаръ начинаетъ подбираться, цѣна на него понемногу растетъ и опять происходитъ возстановленіе въ спросѣ на одинъ товаръ. Но увеличеніе спроса на одинъ товаръ вызываетъ приливъ капиталовъ къ производству его; возстановляется довѣріе—со стороны банковъ. Вызывается спросъ на другіе товары, связанные съ производствомъ перваго, нужно для него сырье, вспомогательный матеріалъ; является болѣе усиленный спросъ и предметовъ непосредственнаго потребленія, такъ какъ рабочіе тоже сокращали и отсрочивали свое потребленіе. Снова начинается оживленіе промышленности, пока опять не завершится этотъ кругъ такъ, что приведетъ снова къ кризису.

Вотъ одна сторона капиталистическаго строя, которою вызывается нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Тутъ основное условіе заключается въ чемъ? Въ томъ, что производство имѣетъ общественный характеръ, ибо ведется для удовлетворенія общественныхъ потребностей; оно имѣетъ общественный характеръ и по другимъ основаніямъ, ибо каждый предметъ является результатомъ раздѣленнаго общественнаго труда, есть продуктъ объединенія общественныхъ силъ, капиталъ примѣняется въ немъ тоже общественный, — для чего существуетъ и организація общественная—банки. Но что производить, когда, сколько и на что направить капиталъ, даже при общественныхъ и государственныхъ займахъ, рѣшаютъ частныя лица, частные банки, т. е. неуполномоченныя общества, не представители общества и его интересовъ, а уполномоченные капитала, его представители, дѣйствующіе въ его частныхъ интересахъ и вовсе не имѣющіе въ виду общественныхъ интересовъ и служенія имъ, если это не отзывается на интересахъ ихъ какъ капиталистовъ.

Если бы это было не такъ, то перепроизводствъ, избытка произведенныхъ предметовъ не могло бы существовать. Вѣдь мы знаемъ, что цѣлой массы предметовъ, даже необходимыхъ не хватаетъ цѣлой массѣ населенія. Поэтому о какомъ же перепроизводствѣ можно говорить? Ясно, что о немъ можетъ быть рѣчь въ томъ только смыслѣ, что произведенныхъ предметовъ нельзя сбыть такъ, чтобы капиталистъ получилъ прибыль. Но почему нельзя? Потому ли, что они никому не нужны. Нѣтъ, только потому, что у тѣхъ, кому они нужны, нѣтъ покупательныхъ средствъ для пріобрѣтенія ихъ по той цѣнѣ, при которой они могутъ дать прибыль.

На что же это указываетъ? Это указываетъ на недостатокъ покупательныхъ средствъ у населенія, на то, что масса рабочихъ, трудами которыхъ приготовленъ товаръ получаетъ изъ общей цѣнности его много менѣе того, что нужно, чтобы получить его или равные ему по цѣнности другіе товары, т. е. что ростъ средствъ рабочихъ для удовлетворенія ихъ потребностей отстаетъ отъ роста производительности ихъ труда. Это одинъ рядъ теорій—для объясненія промышленныхъкризисовъ.

Но есть и другой, видящій причину кризисовъ въ недопроизводствѣ капиталовъ. По этой теоріи невозможность пріобрѣсти всѣ произведенные предметы обозначаетъ, что не хватило капиталовъ на производство другихъ предметовъ въ такомъ количествѣ, чтобы они могли итти въ обмѣнъ на эти; общественное производство распредѣляется непропорціонально капиталамъ; больше всего при оживленіи промышленности производится средствъ производства (желѣзо);— въ нихъ и является избытокъ, но потомъ избытокъ этотъ размѣщается и снова получается подъемъ спроса на средства производства. Это можетъ быть и было бы справедливо, если бы задержка въ сбытѣ всегда начиналась именно съ задержки въ сбытѣ средствъ производства, но на самомъ дѣлѣ этого не замѣтно. Наоборотъ, при кризисахъ мы наблюдаемъ застой именно потому, что является перепроизводство капиталовъ, понимая подъ ними средства производства, а у массы недостаетъ покупательныхъ средствъ. Когда же они имѣются только у владѣльцевъ капиталовъ, то послѣднихъ не такъ много, чтобы они могли поглотить все произведенное.

Итакъ, въ современныхъ условіяхъ, съ одной стороны, какъ выяснено выше, отсутствуетъ всякій сколько-нибудь организовано и цѣлесообразно поставленный аппаратъ для приспособленія производства къ потребленію или даже къ тому спросу, который характеризуетъ не потребности въ томъ или другомъ, а то или иное распредѣленіе покупательныхъ силъ. Отсюда, слѣдовательно, ясно, что нѣтъ и не можетъ быть того распредѣленія рабочихъ силъ, какое соотвѣт-

ственно даннымъ техническимъ условіямъ, должно бы было существовать соотвѣтственно наличности потребности въ томъ или другомъ. А если такъ, то тѣмъ болѣе еще невозможно то приспособленіе производства къ потребленію, которое должно бы было идти вслѣдъ за неизбѣжными измѣненіями и въ потребностяхъ и въ техническихъ условіяхъ производства. Все это и представляетъ собою одну основную причину уже достаточно могучую, чтобы создавать отъ времени до времени промышленные кризисы.

Но есть и другая, тоже, сама по себѣ, достаточная, создающая уже, такъ сказать, правильное, постоянное, неизбѣжное отсутствіе приспособленія производства къ потребленію, если бы оно и возможно было при капиталистическомъ строѣ по другимъ условіямъ его. Эта вторая причина лежитъ не въ условіяхъ производства, какъ первая, а въ условіяхъ распредѣленія. Она лежитъ въ недостаткѣ покупательныхъ средствъ у рабочихъ, сравнительно съ стоимостью того, что произведено. Производство увеличиваетъ, расширяетъ общее количество произведенныхъ предметовъ и цѣнность ихъ растетъ. Растетъ и заработная плата, но въ меньшей степени. Если производительность труда возрасла на $^1/_3$, и изъ 300 милл. стало цѣнностей на 400 милл., то получилось лишнихъ 100 милл.; если изъ нихъ 75 милл. идетъ капиталистамъ, а 25 — рабочимъ, то и выходитъ, что рабочіе сократятъ свой спросъ сравнительно съ увеличеніемъ производства, хотя абсолютно спросъ съ ихъ стороны и увеличится. Въ Англіи, въ 1260 г., молотильщикъ получалъ $^1/_{18}$ вымолоченной пшеницы, въ 1760 г.—$^1/_{24}$; въ овсѣ $^1/_{14}$, а потомъ $^1/_{21}$. Каменьщикъ лондонскій въ 15-мъ вѣкѣ вырабатывалъ 4 шиллинга въ недѣлю, а въ 19-мъ — 42, но цѣны на продукты за этотъ періодъ увеличились въ 12 разъ и, соотвѣтственно тому, плата должна быть 48 шиллинговъ, а не 42 шиллинга. Съ 1770 по 1880 гг. плата рабочихъ увеличилась вдвое, а по покупательной силѣ только на 44%, т.-е, менѣе чѣмъ въ половину. Вообще, за 100 лѣтъ производительность труда возрасла по крайней мѣрѣ въ 3 раза, а покупательныя средства рабочихъ лишь на 40 и 50%. Разсчеты Кароль Райта, которыя я приводилъ уже, при сравненіи по странамъ, такъ же указываютъ, что при возрастаніи производительности въ 5 разъ (Россія и Америка), заработная плата возрастаетъ лишь въ 3 раза. На ряду съ этимъ, происходитъ еще и увеличеніе числа безработныхъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе капиталистическаго производства и примѣненія въ условіяхъ его техническихъ усовершенствованій. Слѣдовательно, опять получается недоспросъ по недостатку покупательскихъ силъ. Въ поясненіе этого напомню, что примѣненіе машинъ превращаетъ часть перемѣннаго капитала, идущаго на заработную плату, въ постоянный, что и дѣлаетъ часть рабочаго насе-

ленія излишнимъ, уменьшаетъ его покупательную способность. А производство расширяется именно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе паденіе цѣнъ на продукты, произведенные при болѣе совершенныхъ техническихъ условіяхъ. Расширеніе его сверхъ прежняго является, съ точки зрѣнія капиталистовъ, тѣмъ болѣе необходимымъ, что это составляетъ средство для повышенія абсолютной и относительной прибыли. Это ведетъ къ еще большему паденію цѣны и къ созданію необузданной конкуренціи, что, какъ мы знаемъ, въ концѣ концовъ ведетъ къ образованію синдикатовъ и трэстовъ, которые, хотя и представляютъ собою уже планомѣрную организацію опредѣленныхъ отраслей производства, но создаютъ еще болѣе относительное перенаселеніе, вызывая излишекъ рабочаго населенія, вслѣдствіе болѣе широкаго примѣненія усовершенствованныхъ пріемовъ обработки, что ведетъ снова къ расширенію производства и создаетъ опять перепроизводство, т.-е. наступленіе кризиса.

2.

Все сказанное до сихъ поръ о промышленныхъ кризисахъ относится къ тому періоду промышленнаго развитія, когда кризисы носили острый и періодическій характеръ. Но съ теченіемъ времени характеръ промышленныхъ разстройствъ, сопровождающихъ жизнь капиталистическаго строя, измѣняется. Изъ острыхъ и періодическихъ они переходятъ въ длящіеся и болѣе покойные, наступаетъ, можно сказать, почти постоянное, угнетенное состояніе рынка, депрессія, и я бы сказалъ, что это угнетенное состояніе представляетъ теперь какъ бы нѣчто обычное, лишь изрѣдка и сравнительно ненадолго прерываемое промышленнымъ оживленіемъ. Получается какъ будто такая картина, что кризисы, превратившіеся изъ острой въ хроническую болѣзнь, по временамъ не даютъ себя чувствовать подъ вліяніемъ оживленія, т.-е. обратное тому, что происходило въ предшествующій періодъ капиталистическаго развитія.

Объясненіе этому находятъ въ цѣломъ рядѣ измѣнившихся условій разнаго характера. Во-первыхъ, теперь многое производится на заказъ, хотя бы тѣ же самые рельсы, многіе машины и т. д. Слѣдовательно, сбытъ въ этомъ случаѣ уже заранѣе обезпеченъ и перепроизводства быть не можетъ. Затѣмъ трэсты, какъ опредѣленныя организаціи, сосредоточившія въ своихъ рукахъ даже міровое производство нѣкоторыхъ товаровъ, лучше учитываютъ требованія рынка и это опять-таки умѣряетъ разницу въ предложеніи товара въ одно время и другое и регулируетъ предложеніе его на разныхъ рынкахъ, перенесеніе его съ одного рынка, гдѣ товаръ въ избыткѣ, на другой,

гдѣ въ немъ ощущается недостача. Затѣмъ, надо имѣть въ виду, что хотя международный рынокъ теперь сталъ сложнѣе, но уже не появляется новыхъ непредвидѣнныхъ, такъ сказать, внезапныхъ рынковъ, вызывающихъ экстренное усиленіе производства.

Все это, однако, указываетъ только на причины, которыя устраняютъ колебанія рыночнаго спроса и предложенія и помогаютъ регулировать производство, ведутъ къ принаровленію его къ потребностямъ, поскольку они опредѣляются распредѣленіемъ покупательныхъ средствъ среди населенія и наличностью ихъ. Но это еще нисколько не уясняетъ почему создается длящееся угнетенное состояніе промышленности. Причины этого опять таки лежатъ въ условіяхъ, сопровождающихъ развитіе и ростъ капитализма.

Новыхъ внезапныхъ рынковъ не появляется, да, но весь рынокъ сталъ очень обширнымъ, и широта его не позволяетъ остановить, сократить размѣры производства; нельзя ихъ сократить и потому, что, какъ я уже упоминалъ въ другомъ мѣстѣ, капиталъ теперь получаетъ въ значительной своей части такую форму, изъ которой его нельзя перевести въ другую, для другого производства. Это ведетъ къ тому, что запасы произведеннаго не истощаются, наоборотъ, по мѣрѣ того, какъ предпріятія становятся все крупнѣе, ихъ становится все больше. А между тѣмъ, рынокъ хотя и сталъ болѣе широкимъ, но въ то же время не расширяется для каждой отдѣльной страны, а сокращается, становится меньше, такъ какъ капитализмъ развивается во всѣхъ странахъ и въ каждой идетъ по тому же пути развитія; производство все укрупняется и укрупняется и товарное хозяйство повсюду все болѣе и болѣе становится на мѣсто натуральнаго, замкнутаго. И получается это вслѣдствіе того направленія въ развитіи капиталистическаго производства, которое, вытекаетъ изъ стремленія получить прибыль на капиталъ, вліяетъ на переходъ послѣдняго изъ одной страны въ другую.

Движимый, оборотный, денежный капиталъ, при угнетенномъ состояніи промышленности не встрѣчаетъ достаточно широкаго приложенія въ своей странѣ. Кромѣ того, какъ мы видѣли, процентъ на капиталъ съ теченіемъ времени движется въ направленіи къ пониженію его. Отсюда, естественно, для капитала искать мѣсто, гдѣ онъ можетъ быть проданъ дороже, гдѣ его меньше, гдѣ потребность въ немъ еще не насыщена. А это будутъ такія страны, гдѣ капитализмъ развитъ менѣе, чѣмъ въ странѣ, ищущей помѣщенія капитала. Получается переходъ его въ такія страны, распространеніе капитализма въ ширину и, такъ сказать, созданіе данной страной, при помощи выращеннаго въ ней капитала, соперника себѣ въ странѣ куда переливается избытокъ (?) ея капитала. Но мало того, что передвигаемый

въ другую страну капиталъ готовитъ въ ней соперника себѣ, это передвиженіе капитала задерживаетъ и развитіе производительныхъ силъ въ своей странѣ. Распространеніе капитализма въ ширь, въ другія страны, совершается на счетъ углубленія его. Оставаясь въ своей странѣ и ища выгоднаго помѣщенія, капиталъ стремился бы примѣнять болѣе усовершенствованные пріемы производства, размѣщаться въ болѣе отсталыхъ видахъ промышленности, захватывать земледѣліе и поднимать уровень культуры среди сельскаго населенія, создавая тѣмъ себѣ въ средѣ его новой и расширенный спросъ на различные предметы потребленія, создавая болѣе широкій рынокъ внутри своей страны. Теперь же это стремленіе и товаровъ и денежнаго капитала переливаться изъ страны, захватывать новые рынки, какъ мы видѣли, ведетъ только къ захватной политикѣ, вызывающей войны и могущей, по мѣрѣ расширенія сферы дѣйствія капитализма и насажденія и развитія его повсюду, втянуть въ войну всѣ страны міра и привести къ всеобщей міровой катастрофѣ.

Но если имѣть въ виду, что такое положеніе дѣлъ вызывается не перепроизводствомъ только, но недопотребленіемъ, то возможенъ, конечно, и другой выходъ, къ которому человѣчество должно придти, на горькомъ опытѣ убѣдившись въ безплодности войнъ въ этомъ отношеніи и въ невозможности при помощи ихъ создать рай ни для побѣдителей, ни для побѣжденныхъ. А это и ведетъ опять къ необходимости углубленія внутренняго рынка, для чего необходимъ подъемъ уровня потребностей и увеличеніе покупательныхъ средствъ въ средѣ населенія. Въ частности для Россіи одно изъ первыхъ средствъ къ тому заключается въ большемъ вовлеченіи въ товарообмѣнъ крестьянскаго земледѣльческаго населенія, что сопряжено должно быть съ подъемомъ и усовершенствованіемъ его земледѣльческой культуры.

Все сказанное до сихъ поръ о кризисахъ имѣетъ въ виду лишь промышленные кризизы и не относится къ земледѣльческимъ. Послѣдніе вызываются иными условіями и сопровождаются другими послѣдствіями. Они не періодичны, а затѣмъ вызываются въ значительной мѣрѣ атмосферическими вліяніями, неурожаями. Эти послѣдніе обусловливаютъ недопотребленіе, безработицу и потому вліяютъ и на промышленные кризисы. Причины земледѣльческихъ кризисовъ можно свести къ слѣдующимъ: 1) неурожаи, падежи скота, 2) паденіе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не вслѣдствіе перепроизводства, а вслѣдствіе привоза хлѣба извнѣ (С. Америк. конкурренція) по недостачѣ его въ собственномъ производствѣ, т. е. обратно съ тѣмъ, что происходитъ при промышленныхъ кризисахъ. Хорошій урожай, такъ сказать, перепроизводство хлѣба отражается здѣсь также, какъ и въ промышленности на капиталистическихъ хозяйствахъ въ земле-

дѣліи, но обратно съ послѣдствіями промышленныхъ кризисовъ, вызываетъ не безработицу, а сокращаетъ ее. Происходитъ это вслѣдствіе того, что хорошій урожай улучшаетъ положеніе мелкихъ земледѣльческихъ хозяйствъ, т. е. опять вліяетъ обратно съ тѣмъ, что наблюдается въ обрабатывающей промышленности, гдѣ кризисы прежде всего гибельно отзываются на болѣе мелкихъ предпріятіяхъ. И если урожай, сокращая потребность въ отливѣ крестьянскихъ рукъ на сторону для отысканія заработковъ, сокращаетъ безработицу и не давитъ на пониженіе заработной платы, то отъ неурожая страдаютъ и промышленные рабочіе, стоимость содержанія которыхъ повышается ранѣе повышенія денежной заработной платы, страдаетъ всего болѣе и мелкое крестьянство и масса населенія. Отсюда: во 1-хъ, оно болѣе заинтересовано въ улучшеніи хозяйства въ поднятіи сельскохозяйственной культуры, предохраняющемъ отъ неурожаевъ, во 2 хъ, отзывается это на обрабатывающей промышленности сокращеніемъ спроса со стороны массы населенія. Слѣдовательно, въ улучшеніи земледѣльческой культуры и съ этой стороны заинтересованы и рабочіе и предприниматели.

Все это опредѣляетъ и связь аграрнаго вопроса и его разрѣшенія въ пользу крестьянства съ интересами всего рабочаго населенія. Но это еще не рѣшаетъ вопроса объ устраненіи кризисовъ вообще или депресіи.

3.

Если имѣть въ виду все сказанное о промышленныхъ кризисахъ и поставить въ связь со всѣмъ предыдущимъ, то мы видимъ, что капитализмъ при условіи существованія, соединеннаго съ постояннымъ ростомъ его, въ то же время ведетъ къ постоянному сокращенію рынка, спроса, какъ всесторонностью своего роста, такъ и тѣмъ увеличеніемъ разстоянія между производимымъ и спрашиваемымъ, которое происходитъ, какъ было указано, въ силу того, что въ условіяхъ капиталистическаго склада и задачахъ его развитія лежитъ основаніе къ тому, что ростъ покупательныхъ средствъ у населенія отстаетъ отъ роста его производительности: не населеніе перерастаетъ производство, какъ полагалъ Мальтусъ, а производство перерастаетъ спросъ при данномъ распредѣленіи, а потому и неизбѣжны кризисы. Но если капитализмъ развивается вширь такъ, что появленіе новыхъ рынковъ невозможно, и наоборотъ параллельно съ его ростомъ, умаляется емкость рынка, то это должно вызвать смерть его. Смерть его, однако, можетъ быть только началомъ новой жизни, къ которой и ведетъ экономическое развитіе.

Въ современномъ обществѣ въ экономическомъ отношеніи все

ведетъ къ организаціи: синдикаты предпринимателей въ производствѣ, кооперація въ сельскомъ хозяйствѣ тоже, кредитныя кооперація въ средствахъ обращенія, торговыя организаціи и потребительныя общества въ сферѣ потребленія. Союзное производство при потребительныхъ обществахъ и организація правильнаго соотношенія производства и потребленія—все это зачатки новаго отношенія въ производствѣ и потребленіи. Для урегулированія отношеній въ сферѣ распредѣленія, полученія доходовъ—образуются профессіональныя организаціи и союзы рабочихъ, конечная цѣль которыхъ—уничтоженіе классоваго распредѣленія и замѣна его инымъ.

Профессіональныя организаціи имѣютъ въ этомъ отношеніи то значеніе, что, способствуя подъему уровня заработанной платы, сокращенію рабочихъ часовъ, иному положенію рабочихъ въ производствѣ—даютъ имъ возможность и лично быть участниками производства, вліяя на постановку его и матеріально давая возможность черезъ посредство сбереженій, взносовъ, вкладовъ быть членами потребительныхъ обществъ и организуемыхъ тѣми кооперативныхъ предпріятій.

Всѣмъ этимъ подготовляется иной строй отношеній. Люди остаются тѣми же, т. е. съ тѣми же стремленіями, съ той же заботой о личномъ матеріальномъ благополучіи, но измѣняется ихъ представленіе о б ъ у с л о в і я х ъ д о с т и ж е н і я его. Не война всѣхъ противъ всѣхъ, а наоборотъ выступаетъ представленіе, къ нему ведетъ экономическая нужда, что необходима такая организанія, которая вызывается тѣмъ раздѣленіемъ занятій, которое первоначально обусловливается, какъ выяснено въ первой главѣ моего курса, различіемъ природной обстановки, а затѣмъ развиваясь все болѣе и болѣе ведетъ къ спеціализаціи и по мѣстностямъ и по роду производства, что и требуетъ взаимнаго, тѣснаго общенія людей. Здѣсь раздѣленіе создаетъ единеніе. Это и ведетъ къ тому, что, какъ сказано въ одной старинной рукописи, на которую я ссылаюсь въ той же первой главѣ моего курса, „Люди другъ другу услужить и въ с о ю з н о м ъ о б щ е с т в ѣ остаться принуждены“. Это принужденіе, въ основѣ своей создано законами природы, а потому уйти отъ него некуда, да и незачѣмъ: подчиненіе этому принужденію дѣлаетъ насъ свободными: только слѣдуя законамъ природы, мы можемъ достигать осуществленія тѣхъ цѣлей, которыя сами себѣ ставимъ.

XVIII. Методъ политической экономіи.

1.

Ученіе о методѣ политической экономіи излагается обыкновенно въ одной изъ первыхъ главъ курса, Я его отнесъ въ самую послѣднюю главу, считая это болѣе цѣлесообразнымъ. Читатель или слушатель для уясненія себѣ пріемовъ изученія тѣхъ или иныхъ явленій, долженъ несомнѣнно предварительно имѣть ясное и довольно полное представленіе о тѣхъ явленіяхъ, которыя подлежатъ изученію. Между тѣмъ, беря лицо изъ любого круга населенія, мы должны признать, что каждое изъ нихъ, хотя и знакомо съ экономическими явленіями, внѣ которыхъ мы жить не можетъ, но обычно знаетъ ихъ только съ одной стороны, мало или вовсе не будучи знакомо съ другими сторонами тѣхъ же явленій и можно сказать обычно даже совсѣмъ не обращая вниманія на нихъ и не интересуясь ими. Землевладѣлецъ не уясняетъ себѣ обычно условій фабричнаго производства и условій существованія сельскохозяйственыхъ рабочихъ или крестьянъ, работающихъ въ его имѣніи или арендующихъ у него землю. Фабричные предприниматели мало интересуются условіями сельскохозяйственнаго производства и нерѣдко не имѣютъ о немъ и условіяхъ его сколько нибудь близкаго къ дѣйствительности представленія; не уясняютъ, да и при добромъ желаніи врядъ ли могутъ достаточно близко къ дѣйствительности уяснить себѣ положеніе работающихъ въ ихъ предпріятіи рабочихъ; не могутъ, вѣроятно, при условіяхъ и размѣрахъ своего потребительнаго бюджета представить даже себѣ, какъ изворачивается семья рабочаго на тотъ заработокъ, который онъ получаетъ. Торговцы разнаго рода товаровъ, если и имѣютъ довольно отчетливое представленіе объ условіяхъ производства того рода товара, которымъ каждый изъ нихъ торгуетъ, то врядъ ли это представленіе отличается достаточной полнотой, а кромѣ того оно и ограничивается знакомствомъ съ тѣмъ, что относится только къ этому товару. Кромѣ того, какъ по отношенію къ нему, такъ и другимъ товарамъ знакомство съ условіями ихъ производства является также одностороннимъ, такъ какъ практически это интересуетъ тор-

товца только въ одномъ опредѣленномъ отношеніи. Что касается рабочихъ въ любой отрасли производства, то имъ знакомы тоже только опредѣленныя стороны постановки всего производства. Условія же сбыта напр. или пріобрѣтенія сырья, даже орудій производства и многое другое, равно, какъ и представленіе о сложности того, что лежитъ на плечахъ предпринимателя-организатора, остаются для нихъ закрытыми. Остаются закрытыми и условія денежнаго обращенія и кредита. Беря, наконецъ, кругъ лицъ не занятыхъ непосредственно производительной дѣятельностью, а служащихъ въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ или государственныхъ учрежденіяхъ или даже и въ хозяйственныхъ организаціяхъ, какъ банки, страховыя общества и т. п., то и они, если и знакомы съ экономическими условіями, то въ очень узкомъ кругѣ ихъ или же, какъ и множество другихъ лицъ, имѣютъ соприкосновеніе съ ними лишь въ области потребленія.

Въ силу всего этого, хотя мы всѣ тѣсно окружены и иногда даже подавленны матеріальными заботами, мы все же не охватываемъ и не можемъ безъ спеціальнаго съ тѣмъ ознакомленія, охватить насколько возможно кругъ тѣхъ отношеній, которыя скадываются между людьми на почвѣ ихъ хозяйственныхъ потребностей и соединенныхъ съ тѣмъ дѣйствій. Вотъ почему, я нахожу, что ранѣе, чѣмъ говорить о методѣ политической экономіи, необходимо познакомиться съ ея содержаніемъ. Знакомство это должо быть дано не общимъ описаніемъ ея содержанія, а такъ сказать, подведеніемъ слушателя къ конкретному, наглядному изученію явленій хозяйственной жизни, насколько оно можетъ быть дано книжнымъ или лекціоннымъ путемъ, и указаніемъ на тѣ явленія изъ окружающей жизни, которыя каждый можетъ усмотрѣть, если на нихъ обратить его вниманіе.

И вотъ послѣ того, послѣ, слѣдовательно, прохожденія, хотя бы и краткаго, но по возможности полнаго курса политической экономіи, и возможно уже говорить о методѣ политической экономіи съ увѣренностью, что понятіе его и представленіе о немъ будетъ усвоено правильно.

Въ связи съ этимъ, и только въ связи съ этимъ, думается мнѣ, возможно и правильное отношеніе къ теоретическимъ объясненіямъ въ области политической экономіи.

Въ самомъ дѣлѣ, задача теоріи заключается въ томъ, чтобы дать объясненіе опредѣленнымъ явленіямъ, указать основанія, причины, условія и характеръ взаимной связи ихъ. Но, чтобы подойти къ этому объясненію и сдѣлать его понятнымъ и надо, предварительно, дать сколько нибудь отчетливое представленіе о явленіяхъ, которыя теорія

должна объяснить. Исходя изъ этого, мы и подвигаемся къ объясненію метода политической экономіи.

Въ политической экономіи мы отправляемся, прежде всего, отъ того, ощущаемаго каждымъ, факта, что люди имѣютъ различные потребности, для удовлетворенія которыхъ имъ и нужны различные матеріальные предметы. Слѣдовательно, въ каждомъ человѣкѣ имѣется стремленіе достать, добыть, изготовить, такъ или иначе получить эти предметы. Для полученія этихъ предметовъ надо употребить опредѣленныя усилія, трудъ. Но такъ какъ человѣкъ располагаетъ только опредѣленнымъ запасомъ рабочей силы, то отсюда вытекаетъ необходимость употребить ихъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы при меньшей затратѣ ихъ, получить больше. Иначе, есть рискъ, опасеніе не получить многихъ предметовъ, безъ которыхъ не могутъ быть удовлетворены очень существенныя потребности или получить ихъ въ недостаточномъ количествѣ. А это ведетъ и къ дальнѣйшему, къ стремленію получить ихъ какъ можно больше, къ накопленію ихъ, чтобы быть въ полной увѣренности, въ полномъ обезпеченіи, что не останешься безъ того, что нужно теперь или можетъ потребоваться въ будущемъ.

При этомъ, однако, надо имѣть въ виду, что всѣ эти побужденія, при различныхъ внѣшнихъ условіяхъ проявляются не одинаково, выражаются не въ одномъ и томъ же образѣ дѣйствій.

Такъ, прежде всего, мы исходимъ изъ предположенія о разсчетѣ силъ, вообще о примѣненіи опредѣленнаго разсчета въ хозяйственной дѣятельности. Между тѣмъ, насколько здѣсь имѣется въ виду, именно сознательное примѣненіе разсчета, то это можетъ быть безъ оговорокъ приложимо развѣ только къ строго капиталистическимъ предпріятіямъ съ сложными условіями производства и съ необходимостью точнаго бухгалтерскаго счетоводства. Что же касается другихъ стадій экономическаго существованія, то, не говоря уже о первобытныхъ племенахъ, гдѣ, наоборотъ, царитъ полная неразсчетливость, но и въ позднѣйшее время, да и въ настоящее, среди массы населенія и во множествѣ предпріятій всѣмъ ходомъ дѣлъ руководитъ не сознательное установленіе разсчета, а привычка, подражаніе, перениманіе или продолженіе того, что было установлено ранѣе. Правда, это было установлено не безъ разсчета, но онъ и руководитъ только отдѣльными лицами, болѣе предпріимчивыми, съ особыми индивидуальными свойствами, которые, не довольствуясь дѣятельностью по рутинѣ, начинаютъ искать и соображать, какъ бы употребить на то или иное меньшій расходъ рабочихъ силъ или матеріальныхъ средствъ. Это измѣняетъ прежнее, вноситъ новую постановку дѣла, а затѣмъ, оно идетъ уже по этому новому установленію, принимаемому уже опять-таки, по подражанію.

Итакъ, хотя въ основѣ данной постановки и лежитъ разсчетъ, установленный кѣмъ то, но это не одно и то же съ тѣмъ разсчетомъ, который предполагается руководящимъ каждымъ въ его хозяйственной дѣятельности, поэтому и выводы, получаемые отсюда не одни и тѣ же. Точно такъ же и стремленіе къ накопленію, какъ мы видѣли, дѣйствуетъ только при извѣстной ступени развитія.

Не касаясь далѣе соотвѣтствія дѣйствительныхъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности человѣка предполагаемымъ нами, укажу еще на то, что мы имѣемъ въ политической экономіи дѣло не съ индивидуальнымъ хозяйствомъ и не съ отдѣльнымъ лицомъ, а съ совокупностью хозяйствъ и съ обществомъ людей, связанныхъ между собою. Поэтому, для уясненія психологическихъ основаній экономической дѣятельности намъ надо знать прежде всего, какъ тѣ мотивы, которые мы усматриваемъ за отдѣльными лицами, проявляются при столкновеніи ихъ другъ съ другомъ, при томъ взаимоотношеніи людей, которое неизбѣжно въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Это взаимоотношеніе и опредѣляетъ собою степень легкости или трудности полученія предметовъ для удовлетворенія потребностей. Отсюда мы и приходимъ въ политической экономіи къ необходимости выяснить себѣ это взаимоотношеніе. Въ этомъ содержаніе этой науки. Но взаимоотношеніе это различно въ зависимости во-первыхъ, отъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ самихъ людяхъ, въ зависимости отъ степени знакомства ихъ со свойствами и силами окружающихъ ихъ силъ природы, а во-вторыхъ, въ зависимости отъ всѣхъ внѣшнихъ условій окружающихъ ихъ: свойствъ и силъ природы, плотности населенія, тѣсноты связи между живущими въ опредѣленныхъ мѣстахъ или и въ большемъ или меньшемъ отдаленіи, и наконецъ въ зависимости отъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ во всемъ этомъ. А это все для уясненія какъ складываются хозяйственныя отношенія людей, для созданія теоріи политической экономіи вызываетъ необходимость знакомства съ этими окружающими условіями и ихъ измѣненіями. Такимъ образомъ, методъ изученія и объясненія явленій хозяйственной жизни, методъ политической экономіи и состоитъ въ томъ, что мы во-первыхъ, исходимъ изъ опредѣленныхъ представленій о психологіи людей и затѣмъ изучаемъ тѣ внѣшнія условія, ту окружающую людей обстановку, среди которой проявляются тѣ мотивы, которые, по нашему предположенію руководятъ людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности, т.-е. въ дѣятельности, направленной на добываніе матеріальныхъ предметовъ для удовлетворенія потребностей.

Но если по отношенію къ мотивамъ человѣческой дѣятельности мы выходимъ изъ предположеній, а не чего либо строго-научно

установленнаго, то по отношенію къ ознакомленію съ внѣшней обстановкой дѣло обстоитъ тоже не много лучше. Если въ первомъ случаѣ мы руководствуемся по преимуществу самонаблюденіемъ, и не научно установленными результатами систематически произведенныхъ наблюденій, а тѣми случайными, которыя приходилось встрѣчать въ своей жизни тому или другому лицу, то дѣло изученія внѣшнихъ условій пока поставлено тоже немногимъ лучше. Не говоря уже о болѣе отдаленномъ прошломъ, для котораго мы имѣемъ случайныя, отрывочныя наблюденія, по которымъ мы должны заключать то или другое, строить то или иное представленіе объ укладѣ экономическихъ отношеній, но даже и въ отношеніи къ болѣе близкому прошлому или и настоящему мы не имѣемъ не только необходимаго, но сколько нибудь достаточнаго числа систематическихъ строго-научно поставленныхъ статистическихъ наблюденій надъ явленіями хозяйственной жизни. А между тѣмъ, именно они то и необходимы. Только при помощи ихъ мы можемъ съ достовѣрностью заключить о томъ, что то или иное явленіе связано именно съ такой то совокупностью ихъ или съ преобладаніемъ и наличностью такихъ то явленій. Тутъ все дѣло въ томъ, что каждое изъ явленій хозяйственной, какъ и вообще общественной жизни, стоитъ въ тѣсной связи съ цѣлой массой другихъ явленій и представляетъ собою результатъ совокупности многихъ условій. Учесть, уследить, подмѣтить всѣ эти условіи, мы врядъ ли въ состояніи. Но мы можемъ опредѣлить, такъ сказать, удѣльный вѣсъ тѣхъ, которыя преобладаютъ, которыя поэтому, надо думать, имѣютъ наибольшее вліяніе и значеніе. Но опредѣлить это мы можемъ только путемъ систематическаго, планомѣрно поставленнаго наблюденія, охватывающаго все то количество фактовъ, которое только мы можемъ подвергнуть такому нашему наблюденію, называемому исчерпывающимъ. Это и есть наблюденіе статистическое, для правильныхъ выводовъ изъ котораго мы должны подвергнуть матеріалъ добытый такимъ путемъ опредѣленнымъ пріемамъ обработки.*) Но именно въ области наблюденій надъ хозяйственными явленіями, въ области хозяйственной статистики такихъ наблюденій немного и не ими, по преимуществу, приходится пользоваться.

2.

Все это отзывается и на состояніи теоріи политической экономіи, на чемъ считаю необходимымъ остановиться здѣсь, хотя кратко. Мы уже видѣли, что почти по каждому вопросу политической экономіи

*) Все это подробно выясняется въ курсахъ статистики, въ томъ числѣ и моемъ.

существуетъ рядъ теорій, иногда появляющихся одновременно и одна другой противорѣчащихъ, иногда смѣняющихъ одна другую. Если имѣть въ виду все, только-что выясненное относительно пріемовъ изученія явленій хозяйственой жизни, то все это станетъ совершенно понятно.

Теорія является объясненіемъ опредѣленныхъ явленій, установленіемъ той связи, которая существуетъ между ними и характера этой связи, будетъ ли то причинно-зависимость или сосуществованіе или послѣдовательность. Но при отмѣченныхъ условіяхъ наблюденія и изученія прошлаго и настоящаго каждый экономистъ обладаетъ опредѣленнымъ кругомъ наблюденій, который у отдѣльныхъ ученыхъ является не однороднымъ, въ зависимости отъ различныхъ условій; самый кругъ явленій, охваченный наблюденіемъ и изученіемъ того или иного лица, обыкновенно бываетъ не одинъ и тотъ же: шире или уже, обнимаетъ по преимуществу явленія сельско-хозяйственной или промышленной жизни; въ послѣдней опять явленія того или иного порядка, явленія промышленности или торговли, ремесла или фабричнаго производства, того или другого вида послѣднихъ, въ большемъ или меньшемъ объемѣ и т. д. Во всемъ этомъ и надо подмѣтить то общее, что направляетъ экономическую дѣятельность. И вотъ представленіе объ этомъ общемъ можетъ быть не одинаково, съ тѣмъ или инымъ уклономъ, въ зависимости отъ различій въ предметахъ и условіяхъ наблюденія. А отсюда неизбѣжно должно происходить и большее или меньшее различіе въ объясненіяхъ явленій, въ томъ, что составляетъ основной стержень каждой теоріи. Отсюда происходитъ и то, что почти каждый экономистъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нѣкоторымъ явленіямъ, измѣняетъ, съ теченіемъ время, свои теоретическія положенія, объясненія и выводъ. Даже умъ съ такой несокрушимой логикой, которую проявляетъ въ своихъ трудахъ Д. Рикардо, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, измѣнилъ отъ одного изданія своихъ трудовъ къ другому, свои выводы о вліяніи, напримѣръ, машинъ на положеніе рабочихъ.

Это одно основаніе для разнорѣчія теоретическихъ объясненій. Но существуетъ и другое. Экономическія явленія, которыя мы изучаемъ, не представляютъ собою чего-либо постояннаго, неизмѣннаго, застывшаго, окостенѣвшаго въ извѣстной формѣ. Они измѣняются на протяженіи исторіи и въ каждый данный историческій моментъ складываются не такъ, какъ въ предыдущій. Поэтому, экономисты прошлаго, скажемъ, поколѣнія, если бы даже наблюденіе и изученіе явленій поставлено было на ту систематическую почву, о которой сказано выше, имѣютъ передъ собою не тотъ складъ отношеній, не ту совокупность ихъ, которую будутъ имѣть экономисты послѣдую-

щаго поколѣнія. Они изучаютъ не тожественныя явленія и отношенія, объясненію для тѣхъ и другихъ подлежитъ не одно и тоже, теоретическія объясненія относятся къ явленіямъ, не представляющимъ собою что-либо повторяющееся. А потому и не можетъ одна теорія не смѣняться другою. Каждая изъ нихъ касается явленій, имѣющихъ много сходныхъ чертъ, вытекающихъ изъ одного корня, но складывающихся различнымъ образомъ. Достаточно сослаться на условія опредѣляющія уровень вознагражденія рабочей силы раба, крѣпостного и „вольнонаемнаго" рабочаго въ различные моменты до капиталистическаго и капиталистическаго развитія, или же на условія рыночнаго обмѣна въ различныя эпохи существованія его и обстоятельства, опредѣляющія мѣновую цѣнность предметовъ въ стародавнія времена и теперь, при обмѣнѣ между дикарями и цивилизованными торговцами и между лишь цивилизованными и т. д. и т. д.

Но если такъ, то мы постоянно обречены на смѣну одной теоріи другою? Да, конечно, поскольку это касается различныхъ хозяйственныхъ эпохъ, обусловливающихъ и различіе взаимоотношеній людей на почвѣ ихъ хозяйственной дѣятельности. Возможно ли въ такомъ случаѣ признать политическую экономію наукой? Не есть ли это просто изложеніе соображеній и размышленій того или иного ученаго по поводу тѣхъ явленій и фактовъ хозяйственной жизни, которые доступны его наблюденію и изученію и которые сегодня были одни, а черезъ нѣкоторое время, скажемъ, болѣе или менѣе продолжительное, могутъ быть и другими?

Такой взглядъ, можетъ быть, и былъ бы правиленъ, если бы на-ряду и, можно сказать, даже параллельно съ развитіемъ и измѣненіемъ хозяйственныхъ отношеній и условій, не измѣнялись и условія изученія явленій и ознакомленія съ ними, не измѣнялась сама наука. Съ теченіемъ времени пытливость человѣческаго ума — все болѣе и болѣе приближаетъ его къ уясненію себѣ психологической природы человѣка и основаній и условій того или иного проявленія ея во внѣ, а, во-вторыхъ, болѣе полно и совершенно вырабатывается аппаратъ систематическаго наблюденія хозяйственныхъ явленій. Та болѣе тѣсная хозяйственная связь, которая съ каждымъ днемъ проявляется между все болѣе и болѣе широкимъ кругомъ людей, странъ, народовъ, вызываетъ и создаетъ необходимость и возможность болѣе и болѣе полнаго, широкаго и систематическаго наблюденія хозяйственныхъ явленій. Это и обѣщаетъ съ теченіемъ времени выработать и установить болѣе прочный и незыблемый фундаментъ зданія экономической науки. Что это не есть только самообманъ, только надежда на то со стороны лицъ, посвятившихъ добрую часть своей жизни выясненію себѣ, а затѣмъ и другимъ взаимоотношеній людей на почвѣ

ихъ хозяйственной дѣятельности, это доказывается тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ экономическая наука въ настоящее время, несмотря на все сказанное выше о построеніи ея. Запасъ накопленныхъ фактовъ и наблюденій въ этой области уже довольно давно настолько великъ, что далъ возможность составить рядъ обобщеній и объясненій нисколько не поколебленныхъ. И происходитъ это потому, что все основаніе хозяйственной дѣятельности заключается въ самомъ человѣкѣ и уяснили или не уяснили мы себѣ правильно движущіе его мотивы—они все же существуютъ и по сходству и общности природы человѣка, остаются въ основѣ своей тѣми же на протяженіи вѣковъ и при разныхъ условіяхъ. А въ такомъ случаѣ и результаты проявленія этихъ мотивовъ близки между собою и если не повторяются съ полнымъ тожествомъ, то все же несутъ въ себѣ то, что заложено въ нихъ однимъ общимъ основаніемъ. Насколько это замѣтно проявляется можно судить уже потому, что считается возможнымъ созданіе абстрактной чистой теоріи политической экономіи, дающей въ отвлеченіи самыя общіе законы экономическихъ явленій.

И такъ, въ окончательномъ результатѣ мы приходимъ къ тому, что дальнѣйшее углубленіе въ изученіе экономическихъ явленій и систематизированное наблюденіе ихъ, положенное въ основу построенія теоріи политической экономіи при опредѣленныхъ психологическихъ предпосылкахъ, должно создать твердый фундаментъ нашей науки. Наука въ самой себѣ вырабатываетъ силы, упрочивающія ея значеніе.

ФИЛОСОФІЯ, МИСТИКА и ИСКУССТВО.

«МЫСЛЬ и СЛОВО» Философскій Ежегодникъ подъ ред. Г. Г. Шпета Цѣна 11 р.

Миллъ, Дж. Ст. Систе логики. Пер. и вступит. статья проф. В. Н. Ивановскаго. 2-е изд. Цѣна 6 р.

Лосскій, Н. О. Міръ какъ органическое цѣлое. Ц. 3 р.

Лосскій, Н. О. Матерія въ системѣ ограническаго міровоззрѣнія. Цѣна 50 коп.

Франкъ, С. Л. Душа человѣка. Цѣна 6 р. 50 коп.

Ильинъ, И. А. Философія Гегеля. Т. I. Цѣна 10 руб.

Ильинъ, И. А. Философія Гегеля. Т. II. Цѣна 8 руб.

Бозанкетъ. Основанія логики. Цѣна 1 р. 65 к.

Шпетъ, Г. Г. Явленіе и смыслъ. Цѣна 2 р. 40 к.

Булгаковъ, С. Н. Тихія думы. Цѣна 4 руб. 80 коп.

Бердяевъ, Н. А. Кризисъ искусства. Цѣна 2 р. 50 коп.

Складъ изданій: Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
МОСКВА, Маросейка, 11.
Телеф. 4-12-05.

Цѣна 10 руб.

Имѣющіеся въ продажѣ труды того же автора:

Статистика. Изд. 3-е. 1918 г. Цѣна 6 руб.

Пособіе при земско-статистическихъ изслѣдованіяхъ. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

О повышеніи производительности труда въ русской промышленности. 1915 г. Цѣна 40 коп.

Новый строй и кооперація. 1917 г. Цѣна 20 коп.

Мелкое хозяйство и кооперація. (Пособіе для мѣстныхъ кооперативныхъ курсовъ). 1917 г. Цѣна 1 руб.

Кустарная промышленность и ея связь съ кооперативами. 1915 г.

Складъ изданій Г. А. ЛЕМАНА и С. И. САХАРОВА.
Москва, Маросейка, 11.
Телеф. 4-12-05.